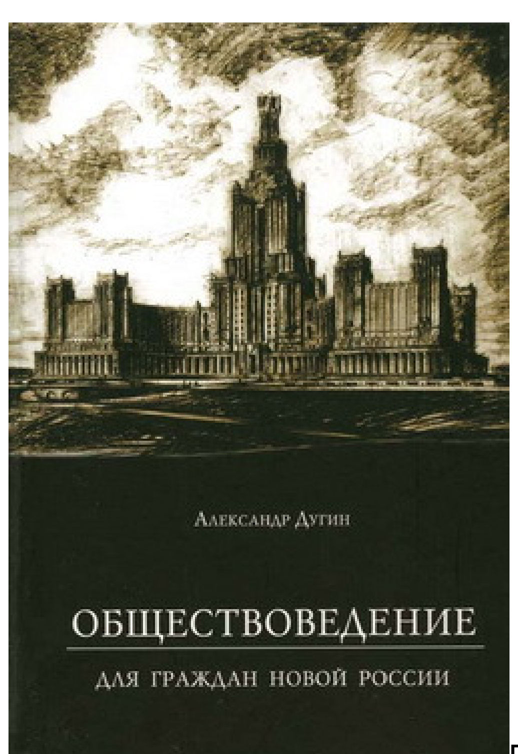
Дугин А.Г. Обществоведение. Для граждан новой России

04.09.2010



Вышел в свет новый учебник Александра Дугина: Обществоведение. Для граждан новой России, где главным действующим лицом истории является народ. На этом принципе и основана данная книга, предлагающая — быть может, впервые — систематический и беспристрастный взгляд на российское общество в его прошлом, настоящем и, возможно, будущем. Российское общество создали россияне, им и предстоит развивать, усовершенствовать его, делать счастливее, гармоничнее, духовнее, чище. А это невозможно без понимания его сути, этапов его развития, сложных и подчас диалектических связей с культурой, политикой, экономикой, религией, искусством, обороной и безопасностью.

Этот труд может быть полезным подспорьем как для школьников и студентов, так и для взрослых людей, поскольку сегодня как никогда важен свежий, трезвый и уравновешенный взгляд на историческую судьбу нашего народа, нашего государства, нашего общества — без каких-либо упрощенных идеологических клише, устаревших или некритически заимствованных из других культур.

Учебник включает основные разделы дисциплины «Обществоведение»: история, политика, религия, экономика, геополитика, культура, вооруженные силы, безопасность, философия, человек; разъясняет понятия «общества», «народа», «нации», «государства», «цивилизации», «этноса», «суверенитета», «империи», «сакральности», «глобализации»; дает развернутую картину эволюции российского общества в последние десятилетия — от перестройки до «суверенной демократии». Особое внимание уделяется процессам глобализации, постиндустриального общества, а также культуре и экономике

постмодерна.

Заказать книгу в интернет-магазине.

Скачать книгу в формате MS Word.

УДК 373:3
ББК 62я721
Д 80

Автор учебника приносит искреннюю благодарность
Михаилу Георгиевичу Гаглоеву
за неоценимую помощь в написании и
издании этой книги.

Автор также благодарит всех, кто участвовал в редактировании пособия:
д. ф. н. Верещагина. В. Ю., к. ю. н„ Гавриша Г. Б., к. ю. н. Зарифуллина П. В., к. ю. н. Карпца В. И, к. э. н. Кобякова А. В., к. ф. н. Мелентьеву Н. В.

Рекомендовано для учащихся 10-11 классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и студентов начальных курсов ВУЗов, а также для преподавателей.

Дугин А. Г.
Д 80 Обществоведение для граждан Новой России, М., Евразийское Движение, 2007 — 784 с. ISBN 978-5-90359-03-2

УДК 373:3
ББК 62я721

Учебник «Обществоведение» можно приобрести в интернет-магазине "Книги Евразии". Там же вы можете приобрести другие книги профессора Александра Дугина и материалы по социологии, философии, геополитике, консерватизму, евразийству.

Оглавление:

1.1. Народ и его становление
Народ во времени и в пространстве. Основы метода — Главенство народа. Народ как высшая ценность — Народ и общество — Понятие «этнос» — Народ как этнос, осознавший себя исторически — Обратимость становления народа — Народ как ценность — Народ как начало материальное и духовное одновременно — Мышление фундаментально зависит от культуры и языка народа

1.2. Единый российский народ и этносы России
Мы - народ - Призвание Рюрика - рождение народа - Русский народ как сложное понятие - «Русские» и «россы» - Бытие народа -Российский народ - Россияне как юридическая категория - Сложности применения термина «русский» - «Многонациональный народ» (границы определения) - «Соотечественники» - Правильное употребление термина «русский» - Многоэтнический состав России - Славянские этносы. Великороссы - Малороссы и белорусы. Братская семья восточных славян - Тюркские этносы - Финно-угорская группа - Иранская группа - Палео-кавказские этносы - Этносы и государства Закавказья - Малые этносы - Большая Россия - Русский язык - Человек немыслим вне целого

1.3. Народ как высшая ценность в современной России
Высшие политические ценности в русской истории — Народ признается сувереном в ходе демократических реформ — «Суверенная демократия»: от подразумевания к законодательному статусу — Народ с большой буквы — Что такое «политическая нация»? — В России «политической нации» не существовало — Российский народ и Большая Россия

Раздел 2. ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ (ось «времени»)

2.1. История как общественное явление
История как осознание народом фактора времени — Универсальной модели развития не существует — История как творческий акт — Три взгляда на исторический процесс — Консерватизм: история как упадок — Циклизм: история как неизменность — Прогресс: история как поступательное развитие — Единой картины истории не существует Контрольные вопросы

2.2. Общество и его содержание
Определение «общества» — «Неотения» — Язык — основа социальности — Пол как социальное явление — Общество содержит в себе смысл, разум и волю — Семья как модель общества — Патриархальная семья — Властные отношения — неотъемлемая черта общества — Собственность как материализация власти

2.3. Три основных типа общества: традиционное общество, модерн, постмодерн
Три типа общества — «Традиционное общество» как понятие — Характеристики «традиционного общества» — «Традиционное общество» монотеистических и немонотеистических религий — «Традиционное общество» у этносов и у народа: роль монотеизма — Концепция и основные характеристики «общества модерна» — Этапы становления «общества модерна» в Европе — «Расколдованный мир» и появление наций — Развитие

науки и техники — Вынужденный характер модернизации некоторых традиционных обществ — Появление концепции «общества постмодерна» — «Разоблачение модерна» в постмодернизме — Основные черты «общества постмодерна» — «Постмодерн»: от тенденции к тотальности — Цепочка «традиционное общество» — «модерн» — «постмодерн» отражает исключительный исторический опыт Запада — Конец истории — Для Запада и глобалистов история заканчивается, для остальных цивилизаций — нет — Три типа общества и формы социальной организации

Традиционное общество, модерн, постмодерн (сводная таблица признаков)

2.4. Этносы России и различные типы общества
Современное российское общество как закономерный этап исторического бытия народа — «Традиционное общество» у малых этносов Севера — Социальная структура этносов Поволжья, Урала, Сибири и Северного Кавказа — Татары и башкиры — Чеченский народ и попытка создания государства «Ичкерии» — Особенности модернизации славянских этносов России — Особенности перехода от этноса к народу — Славяне как объект приоритетной модернизации со стороны западнических элит — Модернизация в советский период — Сложная структура российского общества — элементы «традиционного общества» и «общества модерна» — Социальная специфика великороссов — Элементы общества «постмодерна»

2.5. Структура современного российского общества
Что объединяет российское общество в единое целое? — Что объединяет между собой общества стран СНГ (Большой России)? — Современное российское общество: переход к чему? — Парадоксы народного самосознания в советское время — Западный выбор либерал-реформаторов 90-х. Провал реформ — Взгляд на Россию глазами Запада (инерция либерализма) — К обществу «суверенной демократии» — Определение . «суверенной демократии» — Суверенная демократия как основа новой политической системы — «Суверенная демократия» и три типа общества

2.6. Место Новой России в национальной истории
Циклы взлетов и падений — Биение сердца России — Диалектика границ — Россия на пороге нового исторического витка — Проект «Большая Россия» как историческое задание народа — Выпадение России из истории в 90-е — Возвращение России в историю — В современной России существует не одно общество, а одновременно несколько — Создать единое общество — задача всех современных граждан России Контрольные вопросы

Раздел 3. КУЛЬТУРЫ, ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГЕОПОЛИТИКА
(ось «пространства»)

3.1. Основные понятия цивилизационного анализа
Понятие «культуры» — Понятие «цивилизации» — Методология цивилизационного анализа — Культурный код — Культуры не могут сравниваться между собой: каждая уникальна и автономна — Взаимодействие культур. Культурный обмен — Понятие «ценности» как основа культуры. Аксиология — Архаические культуры. Структурный анализ — Культурно-

исторические типы (Н. Данилевский) — Закат европейской цивилизации — Теория «больших длительностей» и «больших пространств» — «Раскрепощенная техника» — Запад и Восток как типы цивилизации — Цивилизация Запада — Цивилизация Востока — Колониализм цивилизации Запада — Перетолковывание «колониальных» ценностей в архаических обществах — Религиозные цивилизации (христианская, исламская, буддистская, индуистская) — Западнохристианская и восточнохристианская цивилизации — Различие путей и циклов развития цивилизаций — Время осознается разными цивилизациями по-разному

3.2. Основы геополитического метода
Определение «геополитики». Цивилизация как пространство — Большое пространство — Классики геополитики — Дуализм «суша» — «море» — «Береговая зона» — Континент Евразия и «сердечная земля» — Атлантизм и евразийство как геополитические явления — Геополитика глобализации и «мировое правительство» — Многополярность и однополярность — Геополитическая двойственность современной Европы. Евро-атлантизм и евроконтинентализм — Интеграционные процессы в мире: два сценария интеграции

3.3. Русская цивилизация
Какие цивилизации существовали на территории современной России? — Русский Лес —-Степь — Диалектика Леса и Степи — Поволжье, Урал, Сибирь: воссоздание Турана — Россия как евразийская цивилизация — Особенности русской цивилизации — Свойства западно-европейской цивилизации — Советская цивилизация — Испытание «русской цивилизации» на рубеже тысячелетий — Будущее «русской цивилизации» — Новое объединение Леса и Степи — Миссия России — Новая целостность — Государство будущего как ценность — Новый русский консерватизм — Императив духовности

3.4. Геополитика Новой России
Россия как Евразия. Выход к теплым морям — Главное геополитическое уравнение и геополитический суверенитет — «Санитарный кордон» и Большая Игра — Место Новой России в глобальном мире — Проект «Евразийского Союза» (интеграция постсоветского пространства)

Часть 2 ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕ

Раздел 4. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

4.1. Смысл государства, типы и особенности
Государство как явление — Государство порождается народом — Государство как решимость народа самому творить свою историю — Государство фиксировано во времени и в пространстве — Диалектика народ-государство — Государство в пространстве — Города-государства — Государства-территории — Государства-континенты — Значение ландшафта для пространственных типов государств. Потамическая теория — Государства в историческом развитии — Единой схемы развития государства не существует — Сравнение государств между собой неправомочно из-за отсутствия универсального критерия — Типы и формы государств — Теократия — Монархия и военно-

аристократические государства — Демократия в древних обществах — Аристократические системы. Феодализм — Элементы различных типов государственности могут сосуществовать в одном и том же обществе — Касты и кастовые государства — Тирания — Восстание как исторический долг народа в условиях тирании — Диктатура: суверенная и комиссарская — Комиссарская диктатура — Империя — Государство в Новое время — Понятие «нация» — Вестфальская система — Государственный интерес — Классовая теория государства — Либеральная теория государства — Социал-демократическое представление о государстве — Государство в марксизме — Государство в фашизме и национал-социализме — Государство в эпоху постмодерна: постгосударство — Унитарные государства — Федеративное государство — Конфедерация — Субсидиарность — Суверенитет — Суверенитет в федеративной модели — Многообразие типов государственности

4.2. Основные категории права: история и современность

Что такое «право»? — Источники права — Законы и подзаконные акты — Законность — Система права. Отрасли права. Международное право — Правосознание: правовая идеология и правовая психология. Правовая культура — Разрешенное/запрещенное как главные категории права — «Общество прав» и «общество обязанностей» — Правонарушение — Наказание — Легальность и легитимность — Притча о грешнице — Многообразие правовых систем. Правовая семья — Право и общественная философия — Право в традиционном обществе не отделено от религии — Грех и преступление в религиозном сознании одно и то же — Римское право как попытка создать «всеобщее право» — Особенность римского права имперского периода — Частная собственность как правовой институт была введена Римом — Евангельский рассказ как пример имперского права — Право в христианстве — Западное христианство: имперское право без империи — Римское право как основа западного права — Особенности византийского права — Континентальное право и англосаксонское право — Правовая система западных обществ: от гражданина к «правам человека» — Формы частной собственности: относительная и абсолютная — «Номократия» — Конституция — Разделение властей как основа правового государства — Космополитическое право — Правовые системы стран Востока — Исламское право — Китайское право. Конфуцианство — Правовые модели и типы общества — Невозможность создать единую теорию права

4.3. Политика как явление. Основные понятия политологии

Что такое политика? Различные определения — Сакральная политика в традиционном обществе — Священная политика иудаизма — Христианские формы Политического — Византизм: симфония властей — «Два града» и папская власть — Протестантская политика. Кальвинизм, лютеранство, анабаптизм — Исламская политика — Религиозная политика в случае меньшинств или светской государственности — Политика немонотеистических религий — Политика в современном мире — Консерватизм не политическая идеология, но мировоззренческая позиция — Фундаментальный консерватизм — Либерал-консерватизм — Консервативная революция — Либерализм — Либеральная демократия — Органическая демократия. Теории Руссо — Социализм — Коммунизм — Анархизм. Антиглобализм — Национализм — Правые и левые (четырех-частная схема) — Нонконформизм и революция.

Экстремизм. Терроризм — Отношение идеологии к политике — Реальная политика — Популизм и оппортунизм — Элиты и массы — Элиты и этносы — Многообразие политических систем и их зависимость от национального, культурного, исторического и географического контекстов

4.4 Российское государство и его политико-правовые формы

Политико-правовые формы родо-племенного строя славян — Институт дани и обратимость господства — Политический централизм державы Рюрика (1Х-Хвв) — «Русь» и «Славяне» как политические формы — Принятие православия как государственной религии — «Русская Правда» и изменения в положении крестьян — Княжеские усобицы и политическая раздробленность Киевской Руси (Х1-Х1П вв.) — Политический цикл Киевской Руси — Империя Чингисхана — Ордынское право. «Яса» — Различие в политической судьбе русских на Востоке и Западе в эпоху монгольских завоеваний (ХШ-ХУвв.) — Распад империи Чингисхана и подъем Москвы — Русские на Западе — Русские между Востоком и Западом — Московское царство — Третий Рим — Самодержавная монархия — Право в Московской Руси — Вселенская православная империя в замыслах патриарха Никона — «Книжная справа» и реакция партии Аввакума — Церковный раскол и конец патриарха Никона — Политическое содержание Петровских реформ (ХVП-ХVШ вв.) — Реформы Петра не смогли до конца осуществить модернизацию российского общества — «Табель о рангах» — Правовые аспекты абсолютной монархии в XVIII-Х1Х веках — Сенат — Русская политика в XIX веке — Центр — Правый фланг — Левый фланг — Крайне левые — Победа большевиков в 1917 г. и рождение «революционного права» — Советское государство — Противоречия между взглядами Маркса и реалиями российской государственности при большевиках — Национальная политика И. Сталина — Советское право — Государственное устройство СССР — Интерпретация советского периода национал-большевиками и либералами — Экономические успехи большевистской политики — Большевизм: взгляд справа — Появление Российской Федерации. Конституция 1993 года — Субъекты Российской Федерации — Новая российская государственность: вызовы и ответы

4.5. Политическая система современной России

Крах социализма — Распад СССР — Борьба президента Ельцина с парламентом (1991-1993) — Мартовский референдум и расстрел парламента (1993) — Парламентские выборы 1993 г. — Постепенный отход от ультралиберальных реформ во второй половине 90-х годов — Парламентские выборы 1995 года — Политика второй половины 1990-х годов — Передача власти В. Путину — Выборы 1999 г. — Политическое наследство, доставшееся Президенту Путину — Смысл реформ Президента Путина — Укрепление властной вертикали — Разрешение чеченского кризиса — Укрепление позиций России в мире — Сглаживание социальных противоречий — Рост значения РПЦ — Равноудаление олигархов — Прагматический характер политики В. Путина — Политическая характеристика В. Путина — Результаты выборов 2003 года перед концом первого срока президентства — Экономическая политика В. Путина — Три типа демократии в новой России: романтическая, либеральная и суверенная — Романтическая демократия — Либеральная демократия — Суверенная демократия в сравнении с другими типами демократии

Раздел 5. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

5.1. Смысл экономики

Определение «экономики» — Классическая буржуазная политическая экономия — Идеи Адама Смита — Невидимая рука — Естественный порядок — Экономический человек — Естественная и рыночная цены — Теория заработной платы — Теории прибыли и ренты — Рынок и равновесие — Значение А. Смита для буржуазной идеологии — Критическая традиция в политэкономии — Марксизм — Социал-демократия — Джон Кейнс и его школа — Макроэкономика — Эффективный спрос — Полная занятость и общественные работы — Процентная ставка и психологический закон потребления — Наследие кейнсианства — «Еретические» экономические теории — Ф. Лист: экономический национализм и «автаркия больших пространств» — Йозеф Шумпетер: фигура «новатора» — Конец капитализма — Сильвио Гезелль: теория «свободных денег — Неолиберализм — Три типа экономики: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная — Доиндустриальная экономика —Индустриальная экономика — Постиндустриальная экономика — Виртуальность «новой экономики» — Экономическая глобализация — Ядро и периферия глобальной экономики — Экономическая модернизация как понятие — Постмодернизация и ее особенности — Влияние национального и культурного контекста на экономическую систему — М. Вебер и В. Зомбарт об историческом и культурном происхождении капитализма — Философия хозяйства как национальное явление

5.2. Этапы становления российской экономики

Экономика России связана с самобытной логикой русской истории — Аграрная экономика и «проклятая часть» — Развитие земледелия: от родовой общины к соседской — Появление ремесленничества — Византийское наследие: государственная поддержка свободного землевладения — Крестьяне и земское боярство — Холопы — Экономический аспект отношения народа к государству: прообраз суверенной демократии — Вотчина — Устойчивость аграрной модели экономики — Начало процесса закрепощения крестьян — Отсутствие на Руси эпохи феодализма — Стратегические причины введения крепостничества — Тягловое государство — Развитие торговли и ремесел в ХУ1-ХУП веках — «Аграрная вечность» и отсутствие предпосылок для развития капитализма снизу в русской экономической истории — Экономическая «модернизация сверху» в эпоху Петра — «Второе крепостное право». Окончательное закрепощение крестьян — Капиталистические отношения в XIX веке — Реформы Л1Й Столыпина — Радикальная модернизация и мобилизационная индустриализация большевиков — «Модернизация на крови» — Экономическая конкуренция с Западом СССР в целом удавалась — Достижения советской экономики в послевоенный период — Социализм в России имел самобытные черты — Неспособность СССР перейти качественный рубеж информационного общества — Либеральные рыночные реформы 90-х — Строительство капитализма с нуля — Деиндустриализация — «Успехи» либеральных реформ — Село в России 1990-х — Промышленный пролетариат и предприниматели — «Новые русские» и постиндустриальное общество — Экономические уклады российского общества 1990-х годов —Энергоресурсы спасают Россию — Великая энергетическая держава — Ядерный потенциал был сохранен —

Экономическая стратегия Президента Путина — Олигархи как угроза безопасности — «Вся нефть народу»

5.3 Пути экономического возрождения России
Выбор экономического пути — Особенности современного экономического развития стран, окружающих Россию — Экономика США: постиндустриальное общество — Экономика Евросоюза: от индустриального к постиндустриальному обществу — Японская экономика: проблемы роста — Экономика Китая: бурная модернизация — Индустриализация стран «Третьего мира» — «Полюса развития» — Необходимость для России выработки собственного пути экономического развития — Народная экономика: земледелие как идеал — Крестьянство XXI века и постмодерн — Индустриальный сектор: императив обороноспособности — Оборонная промышленность: авангард индустриализации — Угроза потерять суверенитет в ходе интеграции в глобальную постиндустриальную систему — Постмодернизация без глобализации — Суверенная экономика — Автаркия больших пространств и теория интеграции — Евразийский союз — Баланс экономических укладов в странах СНГ — Экономическая интеграция должна начинаться с энергетической интеграции

Раздел 6. СУВЕРЕНИТЕТ: ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, СПЕЦСЛУЖБЫ,БЕЗОПАСНОСТЬ

6.1. Война как общественное и историческое явление
Что такое «война»? — Объяснения природы войны в разных мировоззрениях. Боги войны в язычестве — Моральный характер войны в монотеизме. Восстание ангелов и наказание Божие — Война в Новое время. В либеральном мировоззрении нет философии войны — Мальтузианство, классовые и расовые войны — Наука о войне — Сунь-Цзы — Война и различные типы общества (премодерн, модерн и постмодерн) — Война в традиционном обществе: множественность субъектов — Войны людей против людей — Сакрализация войны — Модерн: тринитарные войны — Индустриальный фактор в войне. Тотальные войны — Фигура партизана — Ядерное оружие. Доктрина сдерживания. Режим нераспространения — Особенность методологии советской военной науки — Войны первого поколения. Холодное оружие — Войны второго поколения. Порох — Войны третьего поколения. Нарезное оружие — Войны четвертого поколения. Автоматическое оружие. Тактика общевойскового боя — Войны пятого поколения. Ядерное оружие — Войны шестого поколения: гипотеза В. И. Слипченко — Постмодерн: сетевые войны — Операции базовых эффектов — «Всеобщая осведомленность» — «Намерение командира» — Скорость командования — Самосинхронизация — Распределенные силы — Демассификация — Глубокое информационное проникновение — Изменение стартовых условий ведения военных действий — Применение принципов сетевых войн — Соотношение между оружием «модерна» и «постмодерна» — Конфликты низкой интенсивности — Феномен терроризма — Война и пространство. Геополитика войны. — Геостратегия — Геостратегия Суши — Геостратегия Моря — Теория «анаконды» — Сухопутные силы и военно-морской флот — Геополитика воздуха и космическое оружие — Принципы комплектования вооруженных сил — Воины создатели государства. Суверенитет. Чрезвычайное положение — Безопасность граждан как основа

гражданского общества

6.2. Военная история России

Русское государство создали воины — Славянское миролюбие — Бояре и дворяне — Войны Древней Руси. Империя Святослава — Военное искусство на Руси в домонгольский период — От империи к усобицам — Монгольские завоевания — Войны Александра Невского. Различия в судьбах двух России — Литовско-русское государство: военная стратегия и ее исторические последствия — Куликовская битва. Военное возрождение Московской Руси — Военное устройство Орды Чингисхана и принципы комплектования русской армии — Развитие военного искусства на Руси в монгольский период — Имперский суверенитет — Импеностроительные походы и завоевания Ивана Грозного — Войны Смутного времени — Войны Тишайшего царя — Воссоединений двух России — Поместная система — Феномен казачества — Техническая модернизация и развитие русского военного искусства в XV-XVП вв. Переход к войнам второго поколения — Геостратегическая преемственность эпохи Петра — Реформа армии при Петре — Российская Империя в борьбе за пространство — Русская армия и военное искусство эпохи абсолютизма — Крымская война. Мировые державы против России — Военные уроки Крымской войны: вызовы войн третьего поколения — Геостратегическое положение России до начала Первой мировой войны — Геополитические предпосылки и итоги Первой мировой войны — Выход России из Первой мировой войны — Первая мировой война: переход к войнам четвертого поколения — Гражданская война и интервенция «Антанты» в Россию — Создание РККА — Комиссары — Геополитическое значение победы «красных» — Реформирование и техническая модернизация советской армии в предвоенный период — Советская Армия как народная армия — Нападение Гитлера на СССР — Ход Великой Отечественной — Геополитические итоги войны. Ялтинский мир — Роль новых вооружений в победе — Геостратегия «холодной войны» — Парадоксы военного искусства ядерной эпохи — Конец «холодной войны». Начало однополярного мира — Россия в пространстве войн нового поколения — Начало первой чеченской кампании (1994-1996 года). Штурм Грозного — Теракты в Буденновске и Кизляре. Хасавюртовский мир (1996) — Вторая чеченская кампания (1999 - 2000). Теракты в Москве и Волгодонске - Чеченский конфликт через призму военного искусства постмодерна - "Цветные революции"

6.3 Спецслужбы Государства Российского

Внутренние и внешние силовые функции. Место и роль спецслужб в обеспечении государственной безопасности - Дружинники и опричники - Регулярная полиция в XVIII веке - "Третье отделение" Бенкендорфа и жандармский корпус - "Охранка" и ее методы - рождение и метаморфозы советских спецслужб: от ВЧК до КГБ — Три этапа в истории советских спецслужб — Революционный трибунал и рождение «нового человека» — Чистки сталинской эпохи — Деятельность КГБ и деидеологизация советских спецслужб — Операции советских спецслужб — Судьбы страны — судьбы чекистов

6.4. Армия, спецслужбы и суверенитет в современной России

Новейшие вызовы и новое содержание стратегического суверенитета —

Однополярный мир как главная угроза России — Ценности глобальной «неоимперии» — Неудовлетворительность изоляционизма — Случай Китая — Ассиметричный ответ России — Военно-политический аспект многополярности — Сетевые войны и новые вызовы для российских спецслужб — Судьба России в руках ее воинства

Часть 3 КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО
Раздел 7. РЕЛИГИЯ, САКРАЛЬНОСТЬ, МИФ

7.1 Содержание религий. Типы религиозных конфессий
Определение «религии». Связь с Первопричиной — Теоретическая часть религиозного учения — Первоначало. Вечность и бесконечность Божества — Первоначало познается только в контексте самой религии — Структура отношений Бога к миру и человеку — Три мира и структура духовного опыта — Религия — явление цельное и тотальное — Сакральность — Невозможность сравнения религий по критерию: хуже/ лучше — Влияние религии фундаментально даже на светские общества — Религиозные практики — Традиционное общество и религия — Религии Откровения — Космогония религий Откровения. Креационизм — Линейное время — Свобода, священная история и формы Господства — Ожидание спасителя и конец света — Иудаизм — Христианство — Христианская империя — Раскол церквей — Православный и католический мир — Реформация и протестантизм — Ислам — Суннизм — Ваххабизм — Шиизм — Суфизм — Буддизм — Структура «естественных , религий» — Отношения между религиями — Мистические движения — Неоспиритуализм — Феномен масонства — Религии существенно повлияли на все общества без исключения — Новое Средневековье

7.2. Православие в судьбе России
Монотеизм на территории древней Евразии — Выбор Православия предопределил судьбу России — Православная идентичность — Роль церковнославянского языка — Учение о Церкви — Учение о богоносности русского народа — Раскол и десакрализация русского народа — Принцип светскости — Идеи Просвещения в России — Религиозный ренессанс — Религия в СССР — Возрождение Православия в новой России

7.3. Конфессии России
Христианские конфессии помимо РПЦ — Старообрядцы — Русская Православная Церковь за границей и Истинно-Православная Церковь — Псевдохристианские секты — Ислам в России — Иудаизм в России — Особенность монотеистических религий в Евразии — Буддизм и политеистические культы — Межконфессиональный диалог

Раздел 8. Мировоззрение и образование

8.1. Мировоззрение и идеология
Определение мировоззрения — Обязательно ли иметь мировоззрение? — Идеология — Марксистская идеология — Буржуазная идеология. Неадекватность марксисткcих определений — Исчерпанность интереса к идеологиям в нашу эпоху — Soft ideology («мягкая идеология»)

8.2. Образование: трансляция «мировоззренческого кода»
Образование — Образование в традиционном обществе. Жрецы, воины и народные массы — Проект всеобщего образования. «Образовательный канон» модерна — Правовой характер современного образования — Зависимость образовательного процесса от идеологических установок правящих элит — Образование учреждает нормативный образ гражданина

8.3. Образование в России
Образование в русской истории — Создание государственной образовательной системы при Петре — Двоякий смысл народного просвещения — «Культурный код» разночинцев — Советское образование. «Мировоззренческий код» советского человека — Образовательный кризис 1990-х годов. Ликвидация советской идеологии — Неудача внедрения либеральных идей в образовательный процесс — Утрата «образа» в образовании — Потребность в новом «образе» — Модернизация и преемственность

8.4. Мировоззрение Новой России
Мировоззрение для общества необходимо — Религиозный фактор будет играть в нем значительную роль — Представление о русском народе как народе, наделенном исторической вселенской миссией — Выработка особой экономической модели, соответствующей специфике русской истории, культуры, психологии — Разработка ценностной системы — Приведение правовых норм и законов в соответствие с исторической волей народа — Пути обеспечения безопасности и обороны державы от внешних и внутренних угроз — Поиск формы наиболее эффективного контроля народа и общества над государством

Раздел 9. ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, ИСКУССТВО

9.1. Основные формы и этапы философии (мысль, наука, эстетика)
Что такое «философия»? — Способность к рефлексии — Мыслительный процесс зависит от языка и культуры — Мышление как установление порядка — Появление понятия «философия» — Первые философы. Досократики, пифагорейцы и орфики — Философская революция Сократа — Платон и Аристотель: встреча мифа и разума — Платон/Аристотель как два полюса мировой философии — Философы-атомисты — Судьба философии на Западе. Сомневающийся рассудок — Главный 1 'л вопрос философии — Основные разделы философии: онтология, гносеология, антропология, этика, эстетика — Философия и наука — Философия и искусство — Философия и мораль — Философия в традиционном обществе — Различие в философии естественных религий и религий Откровения — Натурфилософия — Мифологическое познание — Единство онтологии, этики и эстетики — Преобладание эстетического — Сакральное искусство — Философия религий Откровения (монотеизма) — Догматическое познание свойственно религиям Откровения — Моральный аспект познания — Спор об универсалиях: идеализм, реализм и номинализм — Философия православной традиции — Мистическая философия — Мистические течения в религиозной философии — «Ареопагитики» — Философия исихазма — Диакрисис — Искусство в традиционном обществе — Конец Средневековой философии — Теизм, деизм, атеизм — Разновидности атеизма — Научно-позитивистское познание — Наука как ценность — Роль

науки в обществе — Наука и религия — Трансформации европейского искусства — Реакция сакрального — Немецкая классическая философия и ее парадоксы — Феномен Канта — Кантианство и гегельянство — Авангардное искусство — Философский кризис позитивизма — Критика оснований классической науки — Ницше. Смерть Бога — Сверхчеловек — Экзистенциализм. Бытие и ничто — Эрнст Юнгер. Эра титанов — Нео-реализм в кинематографе. Пустыня Тартари — Конец философии модерна — Постмодерн и постмодернизм — Структурализм: предпосылки философии постмодернизма — Означаемое, означающее, знак — Деконструкция. Гипотеза «лингвистической относительности» — Речь и язык — Постмодернистская философия — Искусство постмодернизма — «Ризома» (познание в постмодерне) — Шизофрения и паранойя как философские категории — «Тело без органов» и «машина желаний» — Общество спектакля. Хвост виляет собакой — Виртуальность — Постнаука — Теория коммуникаций — Информация как суррогат знания — Утрата смысла в среде информационного общества. «Послание» — Экономика «знака» — Метаморфозы мышления. Симулякры. К чему философы?

9.2. Русская мысль: философия, наука, искусство

Мысль в архаическую эпоху — Истоки русской культуры — Вклад различных этносов в русскую культуру — Древнерусская картина мира — Остатки дохристианских элементов в культуре после принятия Православия — Архаическая культура и «коллективное бессознательное — Основы православной культуры. Вера, спасение, любовь — Первые церковные мыслители: митрополит Илларион — Чудеса преподобного Антония и распространение монашества на Руси — Философская мысль в летописях, хронографах, толковых Палеях, житийной литературе — Философия «Голубиной книги» — Святой Сергий Радонежский: философствовать чудесами — Русская иконопись. Умозрения в красках — Спор иосифлян и нестяжателей (св. Иосиф Волоцкий, св. Нил Сорский) — Божественный царь — Философ Грозный — Десакрализация в русском церковном искусстве XVII века — Философия старообрядчества: в поисках Беловодья — Культура старообрядчества — Секуляризация российской культуры при Петре — Западная наука в Петровской России — Начало российской философии: Григорий Сковорода — Русское масонство и его парадоксы — Возрождение старчества в XVIII веке. Оптина пустынь — Серафим Саровский — Синодальное православие. Филарет Московский — Влияние народных традиций на светскую культуру во второй половине XVIII века — «Золотой век» русской культуры. Пушкин и его миссия — Первые славянофилы — Поздние славянофилы — Появление философии западников — Деление западников на либералов и революционных демократов — Своеобразный «патриотизм» русских западников — Философия народников — Русская наука в XVIII-XIX в.в. — Философия Серебряного века. Софилогия и софиологи — Философия «Общего дела» — Мистицизм и русская наука — Русский экзистенциализм: Розанов, Шестов, Бердяев — Во власти предчувствия — Переворот. «Магический большевизм» — Советская философия. Ленин — властвующий философ — Советская наука — Советская культура 1930-1950-х годов — Лосев и Бахтин: маяки философского достоинства — Ревизионизм в позднесоветской философии — Упадок культуры в 60-е — 80-е годы XX века. Нонконформисты — Конец советской философии — Философия русских евразийцев —

Философы-монархисты XX века — Российский постмодернизм в 1990-е годы. Искусство, политика, СМИ — Конец культуры. «Дети Розенталя» и «Поп-механика»

9.3. Философская мысль в Новой России

Философский процесс в России в 1990-е годы. Предпосылки для осмысления философского наследия — Предпосылки новой философии —Уникальность современных условий для философской мысли. Внешняя и внутренняя свобода — Основные задачи, стоящие перед русской философией в XXI веке. Построение истории философии России — Народ как субъект философии — Современная Россия во времени и в пространстве — Кризис науки в России 1990-х годов — Осознание значения науки в Новой России — Русская культура в XXI столетии. «Бронзовый век»?

Раздел 10 ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

10.1. Человек и его смысл

Понятие о «человеке». Человек как общественное явление — Родовое определение. «Мыслящее животное» (Аристотель) — Человек как «политическое животное — Связь в человеке мышления и деятельности — Человек в религиозном обществе. Душа и дух — Бессмертие души в монотеизме. Тело как преграда — Христианская антропология. Обожение — Человек как существо моральное. Свобода воли — Гуманизм Возрождения — Жан Кальвин: «зло у человека внутри» — Человек в светской культуре Нового времени — Биологический человек — «Это-логия», человек как животное — Новое время: от личности к индивидууму — Максимальный гуманизм — Минимальный гуманизм — Основные направления психологии. Физиологи и бихевиористы — Психоанализ и гештальтпсихология — Свобода, риск и ответственность как основные параметры человеческого бытия — Утилитаризм. Экономический человек. Гедонизм — Социал-дарвинизм. «Человек человеку волк» — «Свобода для» и «свобода от» — Человек в марксизме. Классовая антропология и коммунизм — Расовая антропология — Сверхчеловек — Человек и бытие — Тендерные исследования — Проблема неравенства людей — Идея всеобщего равенства — Постчеловек. Мутанты и киборги постмодерна — Человек и смерть

10.2. Проблема человека в России

Человек в древнерусском мировоззрении. «Даждьбожии внуци» — Русский православный человек. Святость как архетип — Петровские реформы: модернизация без «гуманизации» — Человек восставший. Протопоп Аввакум — Маленький человек. «Минимальный гуманизм» у Пушкина — Человек и постчеловек у Гоголя — Человек Достоевского — Революционные демократы о «маленьком человеке» — Человек в русском марксизме — Советский человек. Магический человек города-солнца (Чевенгур) — Павел Корчагин: архетип сталинской эпохи — Человек с лошадиным бегом. К героям Мамлеева — 1990-е годы: конец гуманизма — Человек новой России. Вопрос открыт

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Основные социальные проблемы современного общества России и пути их решения

Демография: сокращение народонаселения — Материальное неравенство населения. Что такое «социальная справедливость»? — Обострение межэтнических конфликтов — Типы межэтнических конфликтов — Обрыв связи между регионами — Экологические вызовы — Интеграция молодежи и образование — Трудоустройство молодежи — Молодая семья и жилье — Преступность, коррупция, кризис законности и этики, утрата нравственных ориентиров — Кризис коллективной идентичности: кто мы?

Константин Андреев: Учебник для граждан Империи, или кто генерирует идеи для Путина

"Русский курьер": Дмитрий Тараторин. Обществоневедение

"Русская линия": Состоялась презентация нового учебника Александра Дугина "Обществоведение"

"Независимая газета". Эмиль Паин: "Вслед за управляемой демократией нам предлагают управляемый национализм".

"Грани.ru". Андрей Колесников: "Куда ведут общество".

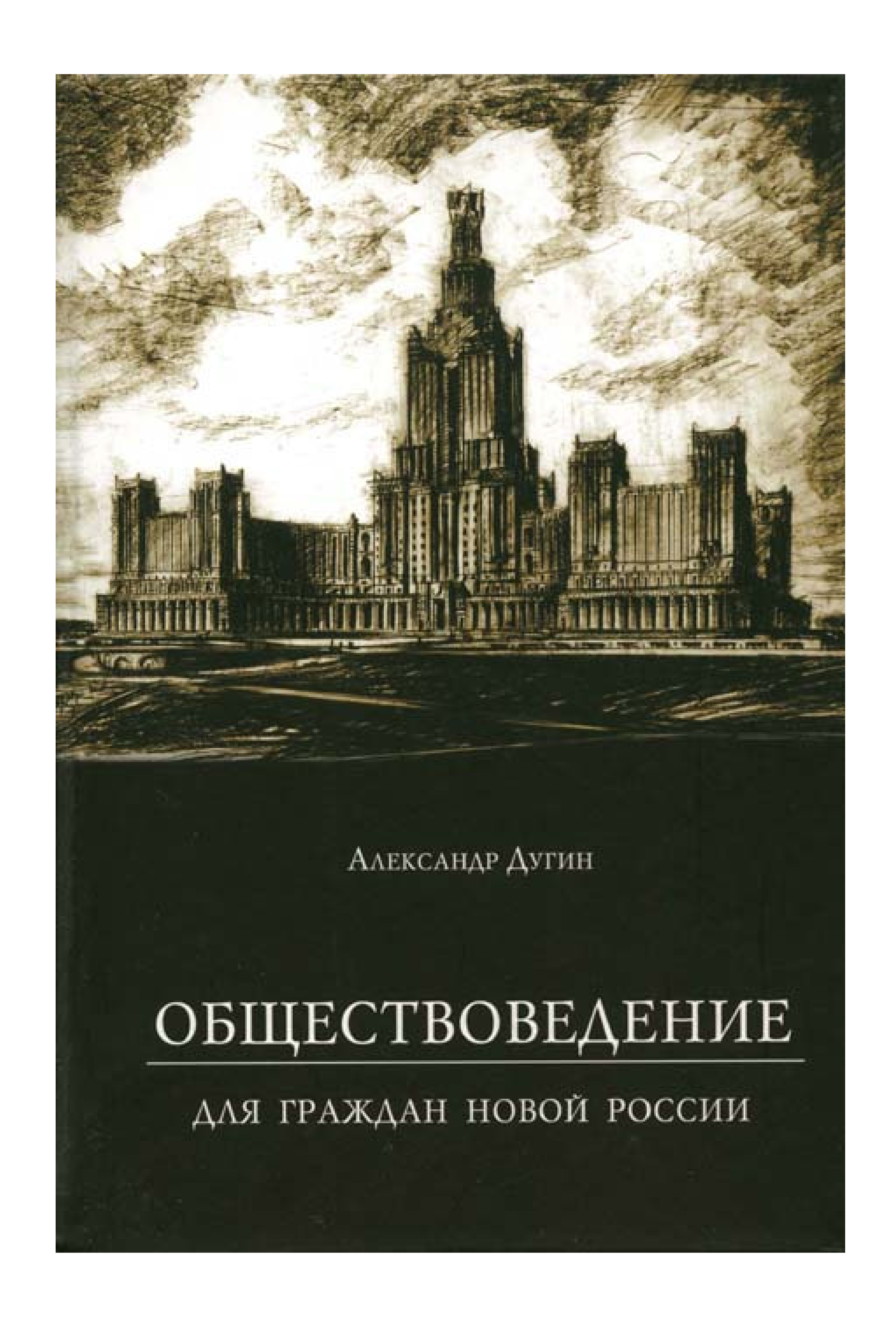
Газета «Речь»: "Учебник без полькибабочки ".

Время новостей: "Учебное пособничество"

НГ-Exlibris: Владимир Дмитренко. Философская авантюра для школьного возраста

"Время новостей": Василий Шевцов. Национальная идея из первых уст

Владимир Холод Аналитико-энциклопедическая хрестоматия базового цикла социальных наук



Оглавление

ВВЕДЕНИЕ:

Введение. Науки об обществе и основные подходы к его изучению

«Мысля об обществе, мы мыслим о структуре самой мысли.»

Общество (как и человека) можно изучать с разных позиций, и поэтому в категорию «социальных наук», «наук об обществе» выделен целый ряд научных дисциплин. Общество является объектом исследования для философии, истории, антропологии, этнологии, социологии, политологии, культурологии, правоведения и экономики, которые с позиций характерных для них общенаучных и специальных методов занимаются изучением тех или иных его аспектов, образующих предмет исследования данных научных дисциплин.
Философия. Философия изучает общество с точки зрения его сущности: структуры, идейных оснований, соотношения в нем духовных и материальных факторов. Так как именно общество порождает, развивает и передает смыслы, то философия, исследующая смыслы, уделяет обществу и его проблематике центральное внимание. Любое философское исследование обязательно затрагивает тему общества, так как мысль человеческая всегда развертывается в общественном контексте, предопределяющим ее строй. Философский подход к обществу зависит от того, на каких позициях стоит тот или иной философ: в соответствии с этими позициями меняются и определение общества, и его типологизация, и методы его изучения.
Философия дает об обществе самые глубокие знания, связанные с постижением его природы, закономерностей, основ. Эти содержательные стороны общества как явления называются «философскими аспектами обществоведения».
История. История рассматривает поступательное развитие обществ, давая описание фаз их развития, структуры, устройства, особенностей и характеристик. Различные школы исторического знания ставят акценты на разных аспектах истории. В центре внимания классической исторической школы стоят религия, культура, мировоззрение, социальное и политическое устройство общества, описание периодов его развития и наиболее важных событий и действующих лиц общественной истории.
Популярная в XX веке марксистская историческая школа, оказавшая влияние и на либеральную методологию исторического анализа, изучала общество в его соотношении с экономикой и циклами развития производительных сил и производственных отношений.В центре внимания при этом находилась структура хозяйства.
Социологическая школа (Р.Михельс (1876-1936), В.Парето (1848-1923), Г.Моска (1858-1941)) ставит в центре внимания циклы смены властных элит различных обществ.
«Школа анналов» стремится к наиболее полной описательной реконструкции картины общественной жизни на основе тщательно собранных свидетельств и документов.
Историки-структуралисты предлагают исследовать общество как самостоятельную систему, создающую собственные критерии для рас-шифровки социальных явлений, знаков и отношений.
Представители «философии жизни» (В.Дильтей (1833-1911)) и экзистенциалисты предлагали постигать историю через эмоциональное вживание в общество рассматриваемого исторического периода.
Школа геополитики (Ф. Ратцель (1844-1904), Р. Челлен (1864-1922), Х. Макиндер (1861-1947)), привязывают изучение истории конкретного общества к географическому ландшафту.

Антропология. Антропология – дословно, «наука о человеке» – как правило, исследует архаические общества, в которых стремится найти ключ к пониманию более развитых культур. Согласно эволюционистской теории, история есть единый линейный и однонаправленный поток развития общества, и т.н. «примитивные народы» или «дикари» живут по сей день в тех же социальных условиях, что и все человечество в глубокой древно-сти. Поэтому, исследуя «примитивные общества», можно получить «достоверные» сведения о первоначальных этапах становления обществ, прошедших в своем развитии и другие, более поздние и «развитые», ступени.
Ряд ученых (традиционалисты, структуралисты и т.д.) оспаривают эволюционистскую предпосылку, полагая, что «примитивные общества» являются не преддвериями современных обществ, а представляют собой либо продукт деградации некогда более развитых обществ, либо совершенно самостоятельные ответвления общественного процесса.
Антропологический метод исследования общества состоит в тщательном изучении мифов, легенд, обрядов, бытового поведения, привычек, жестов и даже предрассудков его членов, а также наиболее древних социальных институтов.
В широком смысле, «антропологией» может быть названа любая область исследований, которая в качестве основного объекта исследования берет человека как такового. Так, можно говорить о «философской ан-тропологии» (А.Гелен (1904-1976), М.Шелер (1874-1928)), а также о религиозной антропологии (о понимании человека в той или иной религии) и т.д.
Этнология. Вплотную к антропологии примыкает этнология, которая рассматривает структуру, историю и развитие этносов. Здесь главным объектом изучения являются не только «примитивные общества», но и другие общественные формы, создаваемые этносами на разных этапах развития. Этнология описывает ценностные системы, происхождение, фазы исторического становления, языковое своеобразие, хозяйственный уклад и системы религиозных и мифологических воззрений этносов.
Для исследования обществ, находящихся на этнической стадии, этнология является необходимым инструментом. Более того, этнологические данные много говорят об обществе, перешедшем и на иные исторические стадии, так как этнические архетипы чрезвычайно устойчивы и способны влиять на психологию и социальное поведение на протяжении долгих веков существования людей во всех общественных системах.
Социология. Социология является дисциплиной, главным объектом которой является само общество, изучаемое как целостное явление.
Это научное направление появилось в середине XIX века (О.Конт (1798 - 1857), Ф.Теннис (1855-1936), Э.Дюркгейм (1858-1917)) и получило широкое признание, так как предлагало исследовать не общество с позиции рациональности, но саму рациональность с позиции общества. Общество в социологии считается той инстанцией, где формируется тип рациональности, представление о человеке, мировоззрение.
Один из основателей социологии немецкий ученый Ф.Теннис разграничивал понятия «общество» и «община», относя последний термин к системе «традиционного общества» (особенно на этническом и родо-племенном уровнях), а собственно «общество» предлагал рассматривать как явление «Нового времени», состоящее из совокупности отдельных атомарных личностей, искусственно и волевым образом формирующих коллектив. Это

более узкое понимание «общества» (в отличие от «общины») имеет приверженцев в социологии, которые склонны ограничивать эту дисциплину только рамками Нового времени.
В последние десятилетия социология стала активно пользоваться статистическими методами исследования, задействовав социальные опросы, анкетирование, анализ данных, собранных в фокус-группах, резуль-таты голосования и другие формы изучения общественного мнения. И хотя в рамках социологии изучение общественного мнения является лишь подсобным и второстепенным элементом, есть тенденция подменять при-кладными методиками саму дисциплину.
В широком смысле социология стремится изучать общество как самостоятельный объект и смыкается во многом с философией.
Политология. Политология изучает общество в его политическом измерении, исследуя развитие и изменение властных систем и институтов общества, трансформацию политической системы государств, смену политических идеологий.
Культурология. Культурология рассматривает общество как культурное явление. В этой перспективе социальное содержание проявляет себя через культуру, порожденную и развиваемую обществом. Общество в культурологии выступает субъектом культуры и одновременно тем полем, на котором развертывается культурное творчество и в котором интерпретируются культурные явления.
Культура, понятая в широком смысле, охватывает всю совокупность общественных ценностей, создающих коллективный портрет идентичности каждого конкретного общества.
Правоведение. Правоведение преимущественно рассматривает общественные отношения в юридическом аспекте, который они приобретают, будучи зафиксированными в законодательных актах. Правовые системы и институты отражают преобладающие тенденции общественного развития, совмещают в себе мировоззренческие, политические, исторические, культурные и ценностные установки общества.
Изучение правовых норм и законов, как правило, закрепленных в документальных постановлениях, помогает полнее понять структуры обществ. От древних обществ часто сохраняются именно правовые документы, что привело к созданию распространенной практики исторической реконструкции общественных систем и институтов на основании сохранившихся правовых и законодательных актов.
Экономика. Экономика изучает хозяйственный уклад различных обществ, исследует влияние экономической деятельности на социальные институты, структуры и отношения.
Марксистский метод политэкономии делает экономический анализ главным инструментом в исследовании общества, сводя социальные исследования к выяснению их экономической подоплеки.
Столь же большое влияние экономическому фактору в истории придают и обществоведы либеральной школы (Ф. фон Хайек (1899-1992), К.Поппер (1902-1994)), интерпретирующие историю общественного развития как диалектический процесс освобождения автономного индиви-дуума как экономического субъекта от инстанций, ограничивающих экономические свободы (государство, религия, мораль и т.д.).
Обществоведение обобщает подходы всех социальных дисциплин. В

дисциплине «Обществоведение» присутствуют элементы всех вышеописанных научных дисциплин, помогающих понять и правильно интерпретировать основные социальные смыслы, процессы и институты. В «Обществове-дении» как дисциплине соучаствуют и философия, и история, и политология, и культурология, и правоведение, и экономика, и этнология. Все они рассматривают общество с разных точек зрения, а совокупность этих подходов позволяет понять, что такое общество, каково его основное содержание, как оно развивается в каждом конкретном случае.

Контрольные вопросы

1.Какие науки изучают общество? Перечислите их.
2.Равноценны ли науки об обществе между собой или между ними есть иерархия?
3.Какую из наук, изучающих общество, вы предпочли бы для более углубленного изучения? Поясните свой выбор.
4.Почему на Западе изучение общества тяготеет в первую очередь к экономическому анализу?
5.Чем отличается обществоведение от остальных наук, изучающих общество?

Оглавление

Часть 1
НАРОД В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
(Теоретико-методологические основы обществоведения)

Раздел 1. НАРОД (объект изучения)

1.1. Народ и его становление

«Народы – это мысли Бога.»
И. Г. Гердер

Народ во времени и в пространстве. Основы метода. Обществоведение как дисциплина изучает общество. Но общество создается народом. Поэтому народ есть главный объект исследования, именно он стоит в центре внимания и является центральной категорией обществоведения.
Бытие народа развертывается во времени и в пространстве. Это предопределяет метод его изучения. Народ проявляет свои качества, заявляет о себе, действует и творит в двух главных плоскостях – во временной и пространственной.
Временное измерение описывает историю народа, порождаемых им и сменяющих друг друга общественных укладов, типов и форм.
Пространственное измерение описывает связь народа, его расселения, его государственности с территорией, средой, ландшафтом.
Народ и порождаемые им общества постоянно движутся во времени и в

пространстве, изменяясь и открывая различные стороны своей идентичности (лат «identitas» - «самость», от «idem», «тоже самое», «тождество»).
Проследить это движение в истории и географии составляет главную задачу обществоведения.
Для этого следует описать сам объект изучения – народ, а также основные оси координат, в которых будет развертываться исследование – ось времени (общество в истории) и ось пространства (общество в географической среде).
Изучение изменений общества по оси времени дает нам его историю.
Изучение его положения в пространстве показывает динамику развития цивилизации, вписанной в территориальный, географический и геополитический контекст.

Главенство народа. Народ как высшая ценность. Основой общества, государства, национальной истории является народ. Народ -- главное действующее лицо мирового процесса, которое на протяжении истории, сквозь века претерпевая многочисленные трансформации, меняя экономические, политические, идеологические и религиозные уклады, создавая разнообразные ценностные системы, сохраняет свою целостность и непрерывность.
Народ всключает в себя все поколения - прошлые и будущие – одновременно. Предки пребывают в бытии народа наравне с ныне живущими. Потомки, будущие поколения, также соучаствуют в свободно развивающейся энергии исторического бытия и влияют на настоящее – ведь многие свои действия человек осуществляет ради своих потомков, с мыслью о них.
Один и тот же народ в разные периоды своей истории способен создавать разные типы общественных систем, политических режимов, ценностных структур и идеологий. Определенные ценности народ создает сам, иные заимствует у других народов, но во всех случаях именно народ является действующей инстанцией как в порождении новых, так и в выборе уже существующих социально-политических и экономических форм.

Народ и общество. Общественные формы меняются. Народ, принимающий их, создающий то или иное общество, остается в своей глубине неизменным.
Народ – есть содержание. Общество – форма. Народ – величина постоянная. Общество -- переменная. Народ – это сущность. Общество – разнообразные проявления этой сущности.
Предмет «Обществоведение» изучает общество и в первую очередь современное российское общество. Но начинать это изучение необходимо с выяснения того, что является основой всякого общества, что это общество порождает, изменяет и направляет к исторической цели, замыкая в единую цепь прошлое, настоящее и будущее. Такой инстанцией является народ.
Понятие «этнос». Чтобы точнее понять смысл категории «народ», следует определить понятие «этнос».
Этнос – это группа людей, объединенных общим происхождением, языком,внешним видом, единством биологического типа (цвет глаз, волос, характерные физические черты и т.д.) Этнос – это биокультурная общность.
Этносы в истории возникали по-разному – чаще всего через разделение прежних этносов на отдельные составляющие или через смешение различных этносов между собой. Большое влияние на формирование этносов оказывали природные условия, ландшафт, особенности быта и хозяйственной деятельности.

Кочевые этносы зависели от состояния пастбищ, засух, изменения климатических условий. Оседлые этносы развивали, как правило, такие формы ведения хозяйства, где большую роль играло выращивание сельхозкультур и связанные с этим технологические циклы – ирригация, земледелие и т.д. Огромное значение для оседлых народов имело наличие водных и сухопутных путей сообщения.
Многие этносы сохранили отпечаток ранних фаз становления и в более поздние эпохи, так как коллективная психология -- чрезвычайно устойчивое явление, и память о древних этапах развития того или иного этноса передается через культурные коды, ценностные системы и определенные психо-биологические особенности.
Народ как этнос, осознавший себя исторически. Народ складывается на основе этноса, но становится самим собой тогда, когда этнос начинает осознавать свое историческое предназначение и воплощает свое бытие в политические формы.
Народ -это этнос, пробудившийся для осознания своей роли в мировой истории и сознательно выстраивающий систему отношений с другими народами. Народ отличается от этноса тем, что имеет рациональную или интуитивную историческую цель, выходящую за пределы инерциального биологического существования, т.е. определенную универсальную миссию.
Народ - это этнос, вступивший в область духа, перешанувший уровень традиционных мифов и представлений, родственных связей и естественных коллективов и приступивший к созданию обобщенного проекта – в истории, политике, экономике, идеологии, культуре, религии.
Бытие народа сознательно обращено в будущее.
В отличие от этноса народ не исчерпывается био-культурным родством и инерцией исторического существования в том или ином хозяйственном цикле. Народ способен оформить свое бытие в проекте, открытом для разных этносов, которым предоставляется право и возможность возвыситься над инерцией и обрести высшее социально-политическое измерение.
Чаще всего народ заявляет о себе через осознанное и волевое создание новой политической общности в форме государства, подчас особой политической или религиозной системы.
Обратимость становления народа. В истории бывает и обратный процесс: народ как политическое, государственное или религиозное единство распадается на части, которые утрачивают исторический смысл и политическую идею и продолжают существовать в силу культурно-биологической инерции, обособляясь от других этносов и погружаясь в замкнутый хозяйственный и культурный цикл, т.е. снова возвращается в этнос.
Долгое время историки были убеждены, что цепочка «род-племя-этнос-народ» соответствует логике поступательного исторического развития любого народа. Но в последние десятилетия были собраны обширные социологические материалы, свидетельствующие об обратимости этого процесса. Процесс движения от рода к племени и далее к этносу и народу может протекать и в обратном направлении. Все больше сторонников в научной среде завоевывает гипотеза, согласно которой известные нам «примитивные» общества, где до сих пор сохранился родо-племенной строй (некоторые племена австралийских аборигенов, индейцев Южной Америки, центрально-африканских пигмеев, малых этносов циркумполярной зоны и т.д.), являются не остатками «детства человечества», но продуктами распада более организованных общественных

форм – т.е. полноценных этносов, народов и, возможно, государств и цивилизаций, давно исчезнувших с лица земли. Об этом свидетельствуют, в частности, адекватно расшифрованные и проанализированные мифы и символы этих племен.
Обратимость процесса становления этноса народом показывает, что не все этносы движутся по пути обретения исторического и политического самовыражения, и следовательно, не все они непременно становятся когда-то народом. А те, кто являются народом сегодня, не обязательно останутся им в будущем. Любой народ может однажды прекратить свое существование, не подвергаясь даже физическому уничтожению, а оставшаяся от него масса индивидуумов, родов и этносов будет продолжать жить в ином качестве – вне общего исторического бытия.
Так прекратили свое существования многие народы древности, хотя их биологические потомки живут до сих пор, но уже не в качестве народов.
Народ как ценность. Народ есть особое состояние человеческой общности, которое сопряжено с наличием целостной духовной формы, собирающей воедино все составляющие этой общности, сохраняющей и передающей из прошлого в будущее ее основное содержание. В таком понимании народ есть не просто данность, но ценность, которую необходимо утверждать, защищать, оберегать и приумножать.

Народ как начало материальное и духовное одновременно. В народе сочетаются материальное и духовное, биологическое и разумное, существующее по инерции и требующее усилий, естественное и искусственное начала.
Человек и человечество всегда осмысляют себя и свое место в истории исходя из конкретного народа, который наделяет человека языком, формой мысли, историческим и пространственным бытием, всем тем духовным арсеналом, который необходим для полноценного мышления.
Мышление фундаментально зависит от культуры и языка народа. Мысль существует в пространстве народа, который предоставляет как материальную, так и духовную базу для ее существования: телесное бытие человека обеспечено его причастностью к конкретному народу, а его мышление формируется через усвоение структур рациональности и культуры этого народа.
Со всех точек зрения народ является главной фигурой исторического, общественного и политического бытия человечества.

Контрольные вопросы:

1.Чем отличаются между собой понятия «этноса» и «народа»?
2.Дайте определение понятия «народ».
3.Что такое «историческое самосознание» народа? Попытайтесь описать это.
4. Ощущаете ли лично вы себя частью народа? В чем это проявляется?
5. Принадлежат ли к народу только те, кто живут в настоящее время, или к нему относятся предки и потомки ныне живущих? Выскажите ваше личное мнение.

1.2. Единый российский народ и этносы России

"Россия приняла в свое великое лоно много различных племен: финнов прибалтийских, приволжских татар,
сибирских тунгузов, бурят и др.;
но имя, бытие и значение получила она от русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси).
Остальные должны с ним слиться вполне: разумные,
если поймут эту необходимость; великие, если соединятся с этою великою личностью; ничтожные,
если вздумают удерживать свою мелкую самобытность".
А.С.Хомяков

Мы – народ. Народ России (российский народ, русский народ в собирательном значении) отвечает всем признакам народа как высшей политической и исторической категории.
Наш народ на заре своего исторического существования сложился из нескольких восточно-славянских племен, пришедших в середине первого тысячелетия на Среднерусскую возвышенность, населенную до этого финно-угорскими племенами на северо-востоке в тесном соседстве с тюркскими и иранскими кочевыми племенами на юге и юго-востоке. Совместно с уграми (меря, весь) древне-русские племена осознали потребность в политической организации и историческом самоопределении, и в результате на свет появилось первое (исторически известное нам) русское государство – Киевская Русь, от которой начинается тысячелетний путь становления русского народа как исторического общественного единства.

Призвание Рюрика – рождение народа. В «Повести временных лет» (XII век) летописец Нестор описывает первый акт становления русских как народа: «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»».
Здесь мы видим картину превращения этносов в народ – в политическое единство. Нестор описывает ступени осознания племенами себя единым народом.
Во-первых, восточные славяне (словене и кривичи вместе с финно-угорскими племенами чудью и весью) осмысляют свою страну как принадлежащую им, вверенную им судьбой, как «великую и обильную». Ранее Нестор описывает, как «изгнали (славяне – А.Д.) варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом». Здесь существенно понимание древними славянами того, что они «владеют сами собой», и что это «владение» требует «правды».
Во-вторых, они осознают отсутствие порядка как нехватку, лишение, недостачу. Отметим, что заботы о «высшем порядке» нет в структуре самосознания этноса – этнос живет традициями и не задумывается о том, чего ему не хватает.
И наконец, славяне обращаются с просьбой о правлении над ними к варяжскому князю Рюрику (?-879) как к высшей инстанции, полагая, что источник порядка должен иметь происхождение отличное от привычного для

них этнического контекста. Это обращение к чему-то «далекому», «запредельному», так как в политическом сознании народа источник порядка должен иметь «священное» происхождение.
С этого символического описания призвания Рюрика на царство начинается история русских не просто как совокупности славянских и угорских племен, а именно как народа.
Русский народ как сложное понятие. Выражение «русский народ» обозначает историческую, политическую, духовную и религиозную реальность. «Русский народ» включает в себя иные этносы, которые либо полностью растворяются в нем (как некоторые древне-славянские этносы), либо сохраняют свою этническую самобытность, язык и культурные особенности, признавая русскую государственность как высшую ценность и храня ей безусловную верность.
Понятие «русский» изначально имело культурно-политический смысл, и принадлежность к русскому народу определялось совокупностью факторов, включающих в себя язык, религию, служение государству, культуру. Первые русские князья (согласно «норманнской теории») являлись этническими скандинавами. Русскими святыми были первый русский юродивый Прокопий Устюжский (?-1303), пришедший на Русь из Европы, иконописец Феофан Грек (1340-1405), преподобный Максим Грек (1475-1556) (оба этнические греки), посковский князь Довмонт (?-1299), виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий (кончина 1347) (все четверо литовцы) и многие другие иностранцы, украсившие своим святым бытием сокровищницу Русской Церкви. Русский патриарх Никон (1605-1681) был мордвином. Один из величайших русских полководцев – грузинский князь Багратион (1765-1812). Величайший русский поэт Пушкин (1799 – 1837) был потомком африканца.
Определение «русский» относится к народу, и чем больше расширялся и увеличивался наш народ, включая в себя другие этносы и культуры, перерабатывая их в историческом диалектическом единстве, тем более широкое значение приобретал этот термин. Показательно, что «русский» - это единственное прилагательное в нашем языке, используемое для обозначения национальности, тогда как в других случаях эту функцию выполняет существительное. Грамматическая способность прилагательного переносить свои признаки и свойства на предмет, позволяет легко образовывать такие парадоксальные, на первый взгляд, но вполне правомочные и общеупотребительные обороты, как «русский грузин» или «русский немец», «русский чеченец» или «русский еврей», «русских чукча» или «русских кореец» и т.д. Иногда часть какого-то этноса примыкала к русскому народу и становилась «русскими», а другая часть оставалась в прежнем культурном контексте или присоединялась к другому, нерусскому. Все это делает словоупотребление «русский» применимым к представителям различных этносов, которые целиком, частично или даже на индивидуальной основе входили в состав единого русского народа.

«Русские» и «россы». Для того, чтобы подчеркнуть принадлежность к изначальной этнической основе русского народа, употребляется более узкое понятие – «великоросс» (этнос, возникший как основа государственности Московской Руси из населения восточно-русских и средне-русских земель). В эпоху Киевской Руси основу русского народа составляли славянские племена, западные потомки которых получили собирательное название «малороссы» и «белорусы».

Совокупность «великороссов», «малороссов» и «белорусов» -- это этническое объединение трех этносов, развившихся из единого этноса Кивеской Руси – этноса «россов».
«Русскими» же следует называть не только великороссов, и даже не совокупность великороссов, малороссов и белорусов (как это иногда делается), но все племена, этносы и отдельные личности, которые совокупно жили и живут в рамках исторической, культурной, государственной, религиозной и языковой целостности с центром в России, признавая себя частью народа и его культуры.
Бытие народа. Границы понятия «русский», «Русь», «Россия» исторически менялись, но на всех этапах и во всех интерпретациях прослеживается постоянная величина – бытие народа, идущего собственным уникальным путем сквозь перипетии истории, принимающего разнообразные идеологические и политические формы, создающего разнообразные типы хозяйствования, различные правовые и административные модели управления, но всегда остающегося в сущности самим собой.
Российский народ. В современной России есть только один народ – российский народ, «русский народ» (в широком историческом смысле), но вместе с тем здесь проживает множество этносов, находящихся на различных стадиях своего становления. Некоторые этносы никогда не имели ясного исторического самосознания, не выдвигали волевого самостоятельного проекта будущего, а следовательно не являлись «народами» в историческом смысле. Другие утратили это самосособзнание. Третьи входили поочередно в различные социо-культурные системы и политические империи древности. Четвертые сложились уже в рамках русской государственности из смешения или распада иных этнических групп.
Жизнь каждого из этих этносов развивается по особой логике, выражается в самобытных языковых, культурных и религиозных формах. Но совокупность этих форм составляет сокровищницу исторического и цивилизационного богатства единого народа – народа России.
Россияне как юридическая категория. В Российской Федерации широкая трактовка русского народа, народа России, воплощена в юридической категории гражданства. Гражданин России, россиянин и является полноправной частью единого исторического целого – русского народа. При этом, будучи россиянином, каждый гражданин может сохранять всю полноту этнической принадлежности – родной язык, вероисповедание, культуру, верность хозяйственным традициям предков и остальные атрибуты этнической принадлежности.
Но между понятием «русский» и наличием российского гражданства все же нет полного равенства. «Русскими» признают себя миллионы людей, по тем или иным обстоятельствам оказавшихся вне территории Российской Федерации, не имеющих возможности получить российское гражданство, но принадлежащих исторически к русскому народу и связывающих с ним свою личную судьбу. Причем и эта категория людей причисляется к русским не на основании этнической принадлежности к великороссам, а исходя из личной добровольной и осознанной культурной самоидентификации.
Многие русские, живущие за пределом России и даже не имеющие гражданства Российской Федерации, тем не менее являются неотъемлемой частью единого народа.
Сложности применения термина «русский». В разных контекстах понятие «русский» может использоваться и иначе. В некоторых случаях под «русскими»

понимают только этнических великороссов, иногда совокупность великороссов, малороссов и белорусов («россов»). Здесь мы имеем дело с этно-биологическим наполнением этого термина, которое может вызвать множество недоразумений и противоречий, и по этой причине от такого словоупотребления следует воздерживаться.
С административно-правовой точки зрения, вместо понятия «русский» принято употреблять выражение «россиянин», что подчеркивает много-этнический характер населения России.
«Многонациональный народ» (границы определения). В Конституции Российской Федерации используется термин «многонациональный» народ. Это определение, точное по сути, имеет тот недостаток, что в современном политическом языке понятие «нация» и производное от нее «национальность» трактуются чаще всего как принадлежность к самостоятельному политическому единству, подразумевающему государственность.
В советское время, из-за специфических взглядов марксистов на исторический процесс, вместо термина «этнос» было принято употреблять термин «национальность» или «национальное меньшинство». Это было связано с тем, что советская идеология рассматривала социальное развитие как однонаправленное поступательное движение, и социалистическое общество по этой схеме должно было следовать за периодом создания буржуазных наций. В Российской Империи никаких «наций» в полном смысле слова не возникло (ни большой и единой, ни малых), и следовательно, существовал единый народ и многочисленные этносы. Марксисты объявили «этносы» «национальностями», «экстерном» преодолевшими буржуазный период развития (которого в большинстве случаев не было и в помине). Отсюда и в пост-советскую Конституцию России по инерции попал термин «многонациональный» (в отношении народа), верный по смыслу, но чреватый недоразумением, если рассматривать его буквально. С политологической точки зрения, самым правильным определением было бы «многоэтнический» или «полиэтнический народ».

«Соотечественники». Для определения русских, проживающих за пределами России, в политической практике существует обычай употреблять термин «соотечественник», что не совсем точно, так как Отечество в юридическом смысле у россиян и граждан других государств, считающих себя русскими, различно, а осознание принадлежности к единой исторической общности и культуре, напротив, их объединяет и делает частью единого народа. «Соотечественниками» всех русских, пребывающих временно или постоянно за рубежом, можно назвать только в том случае, если толковать «Отечество» в духовно-культурном и историческом смысле, а не в смысле формального гражданства. Такое духовное «Отечество» действительно одно для всех русских людей, где бы они ни проживали.
Правильное употребление термина «русский». В разные периоды истории России под «русским» понимались разные вещи. В разных языках этот термин также получает различное толкование. Самый общий и точный смысл, вкладываемый в понятие «русский», относится ко всему нашему народу, на протяжении истории создавшему великую культуру и огромное мощное государство, современным изданием которого является Российская Федерации. Население Российской Федерации вместе с теми гражданами стран СНГ и других стран, которые продолжают считать себя русскими, и есть современное

воплощение русского народа, уходящего корнями в славную историю наших предков и передающего историческую эстафету грядущим поколениям русских, коим только еще суждено появиться на свет.

Многоэтнический состав России. В России издревле жили множество различных этносов. Некоторые из них входили в состав русского государства с самого начала. Другие постепенно вливались в него на разных исторических этапах. Все они объединены общей историей, общей культурой, принадлежностью к общей цивилизации. Все этносы имеют равные права и обязанности перед лицом государства и являются неотъемлемой частью единого народа. Их объединяет русский язык, единая система образования, общие юридические нормы. Будучи органичной частью единого народа, этносы России обязаны знать историю России, русский язык, основы правовой системы, начала нашей культуры.
Вместе с тем все россияне должны иметь представление о многообразии этносов России, знакомиться с их культурой. Российское общество состоит из этнической мозаики, и все граждане России должны иметь базовые знания об основных этнических группах населения своей страны. Как малые этносы обязаны знать основы культуры большинства, так и этническому большинству россиян следует иметь представление об остальных этносах России. Без этого невозможно гармоничное сосуществование различных этносов в составе единого народа и единого государства.

Славянские этносы. Великороссы. Основными этносами России являются славяне. Больше всех в России великороссов (согласно последней переписи 2002 года их 79,8% от общего числа населения, что составляет 115 889 000 из 145 167 000 человек всего населения России). Великороссы как этнос образовались из восточно-русских племен (вятичей, словен, кривичей, северян и т.д.), куда на разных этапах влился значительный процент финно-угорского населения, литовских племен и тюркских этносов Поволжья, преимущественно татар. Язык великороссов (славянская группа, часть индо-европейской языковой семьи) стал основной современного русского языка.
Этнос великороссов заложил основу всей русской культуры и стал ядром единого народа России.

Малороссы и белорусы. Братская семья восточных славян. Вплотную к великороссам стоят другие восточно-славянские этносы России – малороссы и белорусы, язык которых близок к великоросскому, хотя и имеет отличительные особенности. Малороссы и белорусы принадлежат к общему с великороссами культурному типу, преимущественно исповедуют православие и связаны с Россией историческим происхождением и долгими веками проживания в составе единого государства.
В настоящее время у малороссов и белорусов есть свои национальные государства, в которых эти этносы являются преобладающими, а их язык – государственным. Это Украина и Беларусь. Вместе с тем миллионы украинцев и белорусов проживают на территории Российской Федерации, и еще большее число великороссов находится на территории Украины и Беларуси. Это обстоятельство позволяет говорить о неразрывном единстве братских этносов, которые составляют историческую общность, независимо от того, к какой государственности они в данный момент принадлежат. Названные три

восточно-славянских этноса, сложившиеся на основе слияния различных восточно-славянских племен (преимущественно полян и древлян – малороссы; преимущественно кривичей и дреговичей – белорусы, преимущественно вятичей -- великороссы), объединены общностью судьбы и составляют костяк российской цивилизации.
Малороссы, часто называемые «украинцами» по территории их исторического проживания (Украина), представляют собой третий по величине этнос России. Их процент в Российской Федерации составляет 2% , а общая численность – 2 943 000 человек. (При этом следует учитывать, что из-за путаницы в этническом определении «русский» большое число малороссов, которым надо было записываться «украинцами», предпочло поставить галочку в графе «русский». Это совершенно правильно, так как и «великороссы», и «малороссы», и «белорусы» является, безусловно, «русскими» в самом прямом смысле, не говоря уже о том, что «русскими», как принадлежащими к единому народу России могли бы записаться и все остальные граждане, а также многие миллионы из числа жителей стран СНГ.)
Число белорусов в РФ – 808 000, что составляет 0,6 %.

Тюркские этносы. Второй наиболее значительной группой этносов России являются тюрки. К этой языковой группе относятся татары (3,8 % населения России и численность 5 555 000 человек), башкиры (1 673000 человек – 1,1%), чуваши (1 637 000 человек или 1,1%), якуты (444 000 – 0,3 %), кумыки (422 000 человек – 0,3%) и другие.
Преимущественно тюркскими являются такие страны СНГ как Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан и Туркменистан.
В России тюркское население существовало с незапамятных времен, и переплетение славянских и тюркских элементов составляет характерную особенность русской культуры. Уже в состав Киевской Руси входили многочисленные тюркские племена, а диалектика отношений с «половецкой степью» оседлых древних славян составляло нерв истории первых веков русской государственности. Помимо многочисленных войн (которые, кстати, были нередки и между славянскими племенами, и даже внутри одного и того же народа – в частности, княжеские усобицы) между древними славянами («Лес») и древними тюрками («Степь») шел интенсивный культурный обмен, и подчас были периоды долгого и крепкого мира. Между славянской и тюркской знатью заключались многочисленные династические браки.
Еще более интенсивными были славяно-тюркские контакты в эпоху монгольских завоеваний: и административная и политическая культура Московской Руси наследовала многие элементы золото-ордынской государственности, где преобладал тюркский элемент.
Близость славян и тюрок в российской истории чрезвычайно важна для межэтнического взаимопонимания в самой Российской Федерации, а также для сохранения и развития межэтнических связей с тюркскими странами СНГ. В России проживают многочисленные диаспоры из этих стран, составляющие большой процент российского населения. Успешное развитие межэтнического диалога зависит от осознания всеми россиянами исторической близости славянской и тюркской культуры, а также от готовности тюркских диаспор из стран СНГ осваивать начала русской культуры, изучать русский язык, соблюдать культурные и цивилизационные нормы российского общества. Такое же отношение к этническим особенностям этих республик требуется и от

великороссов, проживающих на территории этих стран СНГ.
Большинство тюркских народов традиционно исповедует ислам (кроме якутов – преимущественно православных, тувинцев – преимущественно буддистов, и хакасов – преимущественно шаманистов). Подъем в современном мире исламской религии делает отношения славянских (православных) и тюркских (мусульманских) этносов чрезвычайно важными, так как от взаимопонимания и взаимоуважения представителей этих конфессий зависит устойчивость общественно-политической системы России.

Финно-угорская группа. В России проживают многочисленные этносы финно-угорской языковой группы. Совокупно финно-угры составляют около 2% населения России. К этой группе относятся венгры, вепсы, водь, ижорцы, карелы, коми, манси, марийцы, мордвины, ненцы, саамы, удмурты, финны, ханты, эстонцы и другие малые этносы.
Финно-угорские племена проживали на северо-русских землях до прихода славян и являются самыми древними обитателями этой территории. Культурный обмен восточных славян и финно-угорских этносов имеет тысячелетнюю историю, и несмотря на языковые и культурные различия эти отношения развивались довольно гармонично. Вместе с тем, знакомству с культурным своеобразием древнейших жителей России со стороны остальных россиян уделялось недостаточно внимания по сравнению с тем огромным вкладом, который эти этносы внесли в становление русской культуры и русской государственности.
Славяне, финно-угры и тюрки составляют наиболее древние этнические группы российского народа, которые сотрудничали в деле создания Русского Государства с первого момента появления его в истории.

Иранская группа. Следует подчеркнуть роль кочевых северо-иранских племен (скифов, сарматов, и их прямых потомков аланов – нынешних осетин), которые существенно повлияли на древне-славянскую культуру в догосударственный период (вспомним знаменитые строки Александра Блока (1880-1921): «Да, скифы мы, да, азиаты мы») и в ранний киевский период. В то время аланы населяли обширные земли от южных границ Киевской Руси (по Бугу) до Северного Кавказа (где и сегодня проживает осетинский народ). К северо-иранским народам, принадлежащим к индо-европейской группе языков относятся и таджики, имеющие сегодня свое государство Таджикистан и растущую диаспору в Российской Федерации.
Палео-кавказские этносы. В состав многоэтнической России вошли древние этносы кавказской группы (даргинцы, кабардинцы, аварцы, черкесы, адыги, чеченцы, ингуши, лезгины, шапсуги и т.д. на северном Кавказе и грузины на южном Кавказе). Часть этих народов имели свою государственность до вхождения в Россию (в частности, православная Грузия), другие сохраняли родо-племенной и этнический строй.

Этносы и государства Закавказья. Сегодня на Южном Кавказе существует три независимых государства – Азербайджан (преимущественно тюрки), Грузия (преимущественно грузины), Армения (армяне). Все три страны многие века были частью России и связаны с нашим народом общей историей и общей судьбой.
Армяне – древний индо-европейский этнос – многие века жили как на

территории нынешней Армении, так и на других землях (современная Турция, Ливан и т.д.). Будучи народом, исповедующим григорианскую ветвь христианства, армяне всегда тяготели к России, и поселения армян на юге современной России насчитывают многие века.
Проживание армян, азербайджанцев и грузин на территории Российской Федерации, равно как и проживание русских в недавно образованных республиках СНГ - Грузии, Азербайджане и Армении -исторически оправдано, так как эти этносы, лишь недавно получившие национальную государственность, исторически являются частью единого народа, внутри которого чрезвычайно трудно провести границу.
Знакомство с культурой северо-кавказский народов, входящих в состав Российской Федерации или живущих в независимых государствах Южного Кавказа, является важным элементом гражданской ответственности каждого россиянина. Только осознавая общность судеб наших этносов, мы можем выработать взвешенное отношение к представителям диаспор, выстроить гармоничное отношение с кавказцами, которые являются либо полноценными гражданами России, за века существования в едином государстве многократно доказывавшим свою верность единому российскому народу, либо нашими друзьями и союзниками, принадлежащими к другим государствам, но связанными с нами веками общей славной истории.

Малые этносы. В России проживают и другие малые этносы – калмыки, буряты (относящиеся к монгольской языковой группе), камчадалы, чукчи, ненцы, долганы, юкагиры, каряки (палеоазиатская семья), эвены и эвенки (тунгусская группа языков), нивхи (родственники японских айну) и т.д.
Испокон веков в России живут представители еврейского этноса, исповедующего преимущественно иудейскую религию, чьи предки обитали еще в древней Хазарии и среди славян Киевской Руси. В XVIII веке многие восточно-европейские евреи оказались в составе России после раздела Польши. Столетия преследования евреев за их религиозные убеждения наложили на них неизгладимый отпечаток, что требует от россиян внимательного и бережного отношения к представителям этого этноса и иудейского религиозного меньшинства.
В последние годы в России увеличивается число молдаван (по переписи 2004 года 172 000 человек), смешанного этноса, потомков древних даков, говорящих на языке латинской группы. Молдова является сегодня независимым государством, чье население в большинстве исповедует православие.

Большая Россия. Краткий обзор этносов, проживающих в России и в соседних странах СНГ, показывает, что политическая карта Российской Федерации и стран СНГ не совпадает с этнической и этно-культурной картой постсоветского пространства. В нынешней России живут не только разные этносы, подчас родственные нациям других стран СНГ, но и значительные представители диаспор этих стран. Одновременно, многие коренные российские этносы массово проживают за пределами России, составляя там значительный процент населения. Это неудивительно, так как все постсоветское пространство представляет собой единое историческое поле, где в течение многих столетий существовала общая политическая и государственная система, единая цивилизация. В различные моменты истории этносы этого пространства сходились между собой, потом расходились, оказывались в

границах разных государств и объединялись снова. На всех этапах сохранялись межэтнические культурные и хозяйственные связи, не прерывавшиеся никогда.
Это позволяет говорить о существовании Большой России (или «России-Евразии»), где живет по существу один народ с общей судьбой, состоящий из множества этнических групп.
Большая Россия не является юридической категорией или административной территорией. Этот термин позволяет обобщенно определить пределы общей цивилизации, к которой принадлежат русские и другие этносы, связавшие на разных этапах свою судьбу с судьбой русского народа.
Большая Россия как культурное и цивилизационное явление должна рассматриваться в качестве единого целого. Это единое общество, которое объединяется и разделяется в зависимости от того или иного поворота истории, но всегда неизменно сохраняет общие черты.
Обществоведение новой России имеет предметом рассмотрения не только общество в рамках Российской Федерации, но и общество Большой России.

Русский язык. Русский язык в современной России, и в границах СНГ, на протяжении всей российской истории был важнейшим социальным, культурным и политическим фактором, обеспечивающим единство российского общества. В языке отражается весь исторический опыт народа, и именно через язык он передается грядущим поколениям.
Русский язык является не просто средством общения, но источником смысла и содержания нашей культуры, так как большинство философских, культурных, общественных, правовых и политических понятий русского языка отражают самобытный исторический опыт именно нашего народа, нашей социальной и экономической истории, нашей коллективной психологии. Знание русского языка и обучение ему является процессом духовного становления, инструментом усвоения культурного и общественного кода, который в полном систематизированном виде не присутствует ни в одной образовательной или научной дисциплине.
Для понимания российского общества, его становления, его актуального состояния и его грядущих перспектив необходимо детальное знание русского языка.
Для примера можно взять понятие «народ». В европейских языках и в западном обществоведении ему нет даже приблизительного эквивалента. Английское «people»? как и французское «le peuple»? более соответствует русскому слову «люди», а немецкое «das Volk» описывает скорее «этнос». «Народ» -- категориz, присущая исключительно русскому языку(1).
Русский язык имеет важнейшее политическое значение, так как он объединяет по наиболее очевидному критерию не только жителей Российской Федерации, но всех тех за ее пределами, кто считает себя органичной частью Большой России. Зона распространения русского языка очерчивает политическое пространство, которое при определенных обстоятельствах может снова войти в границы единого государственного образования наднационального характера.
Задача изучения, преподавания и поддержания в чистоте русского языка является обязанностью каждого россиянина, независимо от его этнической принадлежности и важнейшим элементом сохранения народной идентичности для людей, оказавшихся за границами Российской Федерации, но считающих себя частью единого народа.

Человек немыслим вне целого. В русской культуре утвердилось представление о том, что человек немыслим вне общества, народа, целого. Отсюда характерные особенности общественного сознания России на разных этапах – от православной идеи соборности до трудовой общинной этики и даже до крайних форм советского коммунистического коллективизма.
В понимании человека как производного от народа и общества состоит особенность российский политической культуры и общественной философии.

Контрольные вопросы

1.Как следует толковать слово «русский»? В чем разница между «русским этносом» и «русским народом»?
2.Какие этносы России являются славянскими, а какие нет?
3.Кто такие «великороссы»?
4.В чем противоречие понятия «национальный» и «многонациональный» применительно к народу?
5. Как понимает человека русская политическая и обществченная культура?

Примечания

(1) Происхождение этого термина отражает укорененность русской мысли в церковной православной идеологии с ее пониманием «народа» как библейского «избранного народа». Ближе всего по смыслу к русскому слову «народ» стоит древне-еврейское выражение «ам кадош», т.е. «святой народ».

1.3 Народ как высшая ценность в современной России

«Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаянно железом лишь и кровью…»
Но мы попробуем спаять его любовью, -
А там увидим, что прочней…
Ф.И.Тютчев

Высшие политические ценности в русской истории. На разных периодах политической истории России в центре общественной жизни стояли разные ценности. В дохристианский период преобладал институт княжеской власти. После крещения Руси Православная Церковь утвердилась как основа общественного бытия, придав великокняжеской власти и политической независимости государства высший священный смысл.

После большевистской революции 1917 года во главе угла был поставлен рабочий класс и коммунистическая партия, опирающаяся на идеологию марксизма-ленинизма.
Народ признается сувереном в ходе демократических реформ. С конца XX века после распада СССР в стране установилась демократическая политическая система. Предшествующие политические ценности были смещены, и главной политической ценностью стал народ.
Главенство народа в политической системе, его центральное и суверенное место в ней, было провозглашено в Конституции 1993 года (3 статья Конституции Российской Федерации).

Статья 3. Конституции РФ
1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.
2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.
3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.
4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.

Историческое значение провозглашения народовластия стало постепенно осознаваться лишь в 2000-е годы, когда политическое руководство России, в первую очередь, в лице президента В.Путина, столкнулась с задачей формулировки целей и ориентаций развития российского общества в новых условиях.
«Суверенная демократия»: от подразумевания к законодательному статусу. В 2006 году политическое верховенство народа в новой государственной политической системе XXI века получило определение «суверенная демократия», что означает провозглашение народа высшим субъектом власти при том, что остальные государственные институты призваны воплощать на практике его волеизъявление.
Предыдущие политические системы подразумевали важное значение народа, но оформляли свои установки в иных терминах. В Киевской Руси вечевая демократия была распространена только в крупных городах (Новгород, Псков, Тверь); в целом же, высшей политической инстанцией была княжеская власть.
В период Московской Руси (XV-XVII века) элементы народовластия проявлялись в политической системе земства, которая много раз реформировалась.
В санкт-петербургский период (XVIII-XIX века) понятие «народности» упоминалась в формуле графа Уварова (1786-1855) («православие, самодержавие, народность»), но было скорее лозунгом, не имеющим правовых или законодательных основ.
В советское время политическое верховенство признавалось за рабочим классом и его авангардом – Коммунистической партией. И хотя в Конституции СССР говорилось о «советском народе», его статус был политически не определен.
Лишь в 90-е годы XX века категория «народ» вышла на первый план, и всевластие народа в российской политической системе приобрело

конституционный статус.
В 2006 году введенное в политический оборот выражение «суверенная демократия» и высказывания президента РФ В.Путина о «специфике российской демократии» стали отправной точкой для общественного осмысления новизны современной российской политической системы, проявляющейся в том, что впервые в русской политической истории именно народ наделялся конституционным статусом высшей политической власти.

Народ с большой буквы. Осмысление центральной роли народа в истории России является традиционным для большинства исторических и политических школ. Народ как субъект истории в религиозной перспективе смутно осознавался еще с эпохи киевского митрополита Иллариона (XI век).
В соответствии с библейской культурой сам термин «народ» в православном контексте понимался как «избранный народ», как единый народ», Народ (с большой буквы). В языке церковно-славянского извода Библии «народ» упоминается только в единственном ключе, как «народ Божий», а в множественном числе обычно стоит не «народы», а «языки». В «Ветхом Завете» термин «народ» относился только к евреям, народу, с которым Бог заключил завет. В «Новом Завете» «избранным народом» становятся все христиане, чада Церкви Христовой.
Русский народ, приняв Крещение, стал частью православного избранного народа. А когда Византийская империя, ядро православия, пала от ударов турок, русские осознали свою свободу и свою верность Православию как несомненный признак избранности. В эпоху Московского царства русский народ окончательно стал «Народом», в единственном числе и с большой буквы.
В той или иной степени это осознавалось и в санкт-петербургский период. В советское время мессианские чаяния были перенесены на рабочий класс и Коммунистическую партию. И лишь в новой постсоветской России понятие «народа» обрело все свое историческое значение, подводя черту под осмыслением логики русской истории, где главенствующая роль народа не только распознана и признана, но и конституционно закреплена.
Принцип «суверенной демократии» закрепляет за русским народом его политический и исторический статус, который он «де факто» имел на протяжении всей русской истории, но который отныне признается за ним «де юре».

Что такое «политическая нация»? Иногда в качестве синонима понятия народ выступает термин «нация». В других случаях термин «нация» или «национальность» смешивается с понятием этноса.
«Нация» (от лат. «natio», дословно, «рожденный») в политическом языке обозначает совокупность граждан, объединившихся в рамках общего государства. «Нация» это явление политическое и юридическое, почти полностью совпадающее с понятием «гражданства». Принадлежность к нации подтверждается наличием обязательного документа, свидетельствующего о факте гражданства. Марксисты добавляют к этому определению нации еще и единообразный (капиталистический) уровень экономического развития страны.
Исторически «нации» стали складываться в западной Европе с эпохи Возрождения по мере распада предшествующих политических форм – в первую очередь, империй. На месте имперских образований, куда входили различные этносы, культуры, объединенных высшим религиозным и политическим

авторитетом (Папой Римским и императором), стали возникать «национальные государства» на основе какой-либо одной этнической культуры, без священного смысла или духовного оправдания. «Национальные государства» строились на принципах «здравого рассудка» и в интересах «третьего сословия» - торговцев и городской буржуазии.

Культурное своеобразие основного этноса здесь приобретало раз и навсегда фиксированную форму, а другим этносам, оказавшимся в черте национального государства, предлагалось проститься со своими особенностями и слиться с преобладающей нацией, став ее неотъемлемой частью.

Нация как оформленное юридическое и политическое понятие отличается и от этноса как био-культурного явления, и от народа, который представляет собой категорию духовную, связанную с осознанием исторической миссии и волевой формулировкой проекта будущего.

В России «политической нации» не существовало. В русской истории «нации» в строгом смысле никогда не существовало, поэтому не было и явления «национализма». Этносы России, в том числе и великороссы, имели возможность культурно развиваться в рамках своих традиций и в ритме собственного понимания истории. А принадлежность к единому народу накладывало на всех не столько формально-политические, сколько исторические и духовные обязательства. Гражданство же отражало формальный признак отношения к данной политико-административной системе.

История различных стран показывает, что становление народа как политического и исторического единства совсем не обязательно должно приводить к появлению национального государства и полноценной политической нации. Период бурного создания «наций» начался с эпохи Просвещения, но пошел на спад к концу XX века, когда страны, когда-то бывшие пионерами процесса образования наций (Англия, Франция, Италия и т.д.) стали объединяться в наднациональное образование – Европейский Союз, более напоминающий современное демократическое издание Западной Римской империи, чем национальное государство. В Евросоюзе ни французов, ни немцев, ни англичан как наций более не останется. Их место либо займут индивидуальные граждане Евросоюза, либо вновь появятся этносы, задавленные на заре Нового времени.

Тот факт, что в России «политической нации» так и не сложилось, означает не отставание от других стран, но своеобразие нашего исторического пути и особый выбор нашего народа, который в определенный момент истории «решил» остаться «народом» в полном смысле этого слова. Не верно утверждать, что «в России еще не сложилось политической нации, а в Европе политические нации уже уходят в прошлое». Здесь нет прямой логической и исторической последовательности. Если Западная Европа шла от Западной Римской Империи к Евросоюзу окольным путем через создание государств-наций, то Россия вполне может избежать этой исторической петли. Кроме того, в нашей истории тоже было отступление в форме советского периода, когда от Российской империи мы перешли к «советскому народу» (как «многонациональной общности» - точнее было сказать к «многоэтнической общности», так как никаких наций в Советском Союзе не было). Если в русской истории и существовало нечто отдаленно похожее на «политическую нацию», то это был «советский народ».

Российский народ и Большая Россия. Понятие «Россия», «российский» может

обозначать сразу две реальности: в узком смысле это относится к государству Российской Федерации, к ее населению и к ее территории, а в широком, ко всему пространству СНГ («Большая Россия»).
Проект построения в Российской Федерации российской «политической нации» губителен: с одной стороны, он уничтожит этническое и культурное своеобразие этносов России, породит противоречия с иноконфессиональными и языковыми группами, а с другой - искусственно ограничит масштаб исторической миссии единого народа территорией и административными границами, резко сужающими объем нашего влияния.
В ответ на создание российской «политической нации» (если такое будет происходить) другие страны СНГ ускорят аналогичный процесс, уже и так в них протекающий. Это, в свою очередь, не только окончательно сделает нынешние, пока еще довольно условные границы, необратимым явлением, но и будет происходить за счет прямого политического насилия над теми гражданами стран СНГ, которые по-прежнему считают себя частью единого цельного и неделимого народа, большая часть которого оказалась волей случая в узких границах Российской Федерации, а меньшая -- в составе других государств.

Контрольные вопросы

1.Когда политическое верховенство народа закрепляется в русской истории законодательно? .Стремились ли либерал-реформаторы 90-х осознанно вручить прямую политическую власть русскому народу?
2.Что такое «политическая нация» и почему в России ее не сложилось?
3.Как происходило осознание политического статуса народа в последние десятилетия? Какова роль Президента Путина в этом процессе?
4.Что такое «Большая Россия»? Как она соотносится с бывшим СССР и нынешним СНГ?

Оглавление

Часть 1
НАРОД В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
(Теоретико-методологические основы обществоведения)

Раздел 2. ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ (ось «времени»)

2.1 История как общественное явление

«Всемирная история есть разумное необходимое обнаружение абсолютного духа».
Г.Ф.В. Гегель

История как осознание народом фактора времени. История есть общественное явление, напрямую связанное с самосознанием народа. Более конкретно, история -- осознание народом фактора времени.

Единой истории человечества не существует, поскольку каждый народ осознает время по-своему, в соответствии с теми культурными ценностями и воззрениями, которые он вырабатывает в ходе своего развития. Когда один народ начинает описывать историю другого народа, он волей-неволей переносит на него собственное понимание прошлого, свой исторический опыт, и такое описание оказывается заведомо пристрастным и неточным.
Универсальной модели развития не существует. Универсальной модели развития общества не существует, каждый народ идет своим собственным путем, и формы и этапы развития при внешнем сходстве у разных народов остаются различными по сути. История народов протекает не только с разной скоростью и в разном ритме, но и подчас в разных направлениях, не говоря уже о существенных отклонениях, тупиках или многовековом топтании на месте.
В истории есть и поступательное движение, и циклы, и периоды регресса и упадка. И каждый народ осознает это по-своему, давая собственную версию истории, с заложенными в ней оценками того, что считать прогрессом, а что регрессом.
История как творческий акт. История является творческим актом, в котором творцом выступает коллективная сущность, состоящая из многих поколений – прошлых, настоящих и будущих. Действия отдельных личностей – великих и заурядных – отражаются в истории через народ и в контексте народа, который придает действиям смысл, дает им оценку, соотносит с общей логикой. Вне исторического самосознания народа любое действие – даже чрезвычайно масштабное – немедленно утрачивает смысл, становится проявлением хаоса, а не порядка.
Поэтому осознание логики истории народа является необходимым элементом обществоведения. Без этого знание об обществе повисает в воздухе и становится пустой абстракцией.
Общество -- явление историческое, оно неразрывно связано с осознанием народом логики своего развития. И любая типология обществ, их сравнение между собой, метод их изучения не могут не учитывать того, что члены данного общества сами думают о нем, о его истоках, его содержании и цели его существования.
Три взгляда на исторический процесс. Осмысление истории народа может проходить с различных философских позиций. Можно выделить три основных взгляда на историю:
- история как регресс – «настоящее хуже прошлого, а будущее хуже настоящего» (традиционализм, консерватизм),
- история как циклы – «вечное возвращение» (исторический перманентизм),
- история как прогресс – «настоящее лучше прошлого, будущее лучше настоящего» (прогрессизм, эволюционизм).

Каждая из этих позиций содержит в себе особую логику осмысления истории.

Консерватизм: история как упадок. Консервативное видение исторического процесса берет за образец древние общества и их структуру. Здесь действует принцип нисхождения истории от «золотого века» к «веку железному». Исторический процесс представляется постепенным отходом от изначальной нормы, упадком и деградацией. Это сказывается и на трактовке исторических событий: эпизоды древнейшей истории народа превозносятся, воспеваются в культуре и принимаются некритично. Все последующее оценивается в сравнении с миром древних: чем больше сходства, тем лучше

рассматриваемый исторический период, чем меньше -- тем хуже.
Такие взгляды свойственны большинству традиционных религий, осмысляющих логику истории как движение от рая к аду, к светопреставлению и финальной катастрофе, которая разразится из-за того, что люди отошли от образцов «великого прошлого». В конце истории наступит избавление и восстановление изначального «золотого века».
Чем консервативнее общество, чем фундаментальнее в нем религиозные начала и установки, тем шире преобладание скептического отношения к нововведениям и процессам модернизации.
Циклизм: история как неизменность. Циклическое понимание истории свойственно не только древним религиям (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство), но и некоторым современным историческим школам (Н.Я.Данилевский (1822–1885), О.Шпенглер (1880-1936), А.Тойнби (1889-1975), Л.Н.Гумилев (1912-1992) – показательно название книги Л.Н.Гумилева «Конец и вновь начало», М., 2004). Согласно этому взгляду на историю однолинейного прогресса не существует: любое общество, народ или цивилизация развиваются по циклическому принципу, причем ритм этого развития и длина циклов не совпадают. У каждого общества есть расцвет, зрелость и упадок. Но мера этих явлений понятна только изнутри данного общества и не может быть оценена извне.
Историки данного направления считают, что ничто в жизни человечества принципиально не меняется, все научные достижения и новые теории скрывают под собой некое постоянное содержание. Технический прогресс не несет в себе автоматически прогресса морального: человечество и в новейшие эпохи остается жестоким, иррациональным, эгоистичным и наивным, -- точно таким же, как всегда. Об этом свидетельствуют, в частности, мировые войны и тоталитарные режимы, появившиеся в XX веке -- как раз тогда, когда более всего велось разговоров о «гуманизме», «прогрессе», «мире», «развитии» и «правах человека».
Задача историка, стоящего на позициях циклизма, состоит в том, чтобы точно определить, в какой точке цикла находится рассматриваемое общество, и какова структура этого цикла в целом.
Прогресс: история как поступательное развитие. Третий взгляд на историю, появившийся в Западной Европе в Новое время вместе с эпохой Просвещения (XVIII век), рассматривает историю как однонаправленный и необратимый прогресс, как поступательное движение, где каждый последующий этап качественно совершенней предыдущего.
Впервые термин «прогресс» применительно к течению времени употребил англичанин Френсис Бэкон (1561-1626). В 1750 году французский философ Тюрго (1727-1781) сформулировал аксиому прогресса в следующих словах: «Тотальная масса человеческого рода идет постоянно ко все большему совершенству».
Теории «исторического прогресса» берут за образец опыт западно-европейской цивилизации, рассматриваемый как путь непрерывного прогресса и развития. При этом по умолчанию считается, что по этому пути суждено пройти всем остальным народам, странам, культурам и цивилизациям. Общества, которые развиваются по иной траектории, прогрессистский подход автоматически записывает в «недоразвитые», «примитивные» и «нецивилизованные».
В последние двести лет прогрессистский взгляд на историю завоевал много сторонников, став официальной догмой не только западной исторической

школы, но и большинства ученых-гуманитариев во всем мире. Распространение идеи «прогресса» связано с притягательностью западной культуры и техники, а также материального благосостояния для остальных народов. И если, с теоретической точки зрения, все взгляды на логику истории могут быть аргументированы с одинаковой убедительностью, пример материального благополучия стран Запада добавляет веса западной гипотезе «прогресса», особенно в глазах тех слоев населения, для которых материальные ценности убедительнее и весомее, нежели духовные и нравственные.
Противники этой теории возражают, отказывая техническому развитию в том, чтобы быть высшим критерием, коль скоро оно не сопровождается соответствующим развитием духовной сферы.
Единой картины истории не существует. Наличие трех основных позиций в выборе взгляда на логику истории показывает, что в сфере обществоведения никакой единой исторической картины просто не может быть. И консерваторы и прогрессисты будут настолько по-разному толковать то или иное событие, ту или иную реформу, ту или иную историческую личность, что может сложиться впечатление, что речь идет не об истории одного и того же народа, а о чем-то совершенно различном.

Контрольные вопросы

1. Назовите три основных взгляда на сущность исторического процесса.
2. Как видят историю консерваторы?
3. На чем основывается вера в прогресс?
4. Может ли быть техническое развитие основным аргументом в пользу в пользу теории всеобщего прогресса? Обоснуйте свой ответ.
5. В чем, на ваш взгляд, циклисты видят подтверждение своим теориям о том, что все в истории повторяется?

2.2. Общество и его содержание

«Общество – это природа, но только целиком
созданная человеком.»
М.Вебер

Определение «общества». «Общество» (по лат. «societas», отсюда -- «социальный», т.е. относящийся к «обществу», «общественный») в широком значении этого термина есть способ и, одновременно, среда существования человека. В отличие от животного, поведение человека, помимо биологических механизмов, определяется влиянием общества, которое формирует личность, делает человека человеком. Все представители животного мира появляются на свет готовыми к самостоятельному существованию в окружающей среде, снабженными аппаратом инстинктов и генетических программ. Ребенок же с момента рождения попадает не в природную, а в социальную среду, которая готовит его к дальнейшей самостоятельной жизни, начиная с самых элементарных функций – питания, передвижения и т.д.
«Неотения». Для того, чтобы подчеркнуть общественный характер человека, психологи (в частности, А.Портман) выдвинули термин «неотения»,

предлагающий рассматривать первый год существования новорожденного человека как «пребывание в социальной утробе». В сравнении со сходными биологическими видами человек появляется на свет слишком рано для самостоятельного существования в окружающем мире, и это заставляет рассматривать начальный период развития ребенка как продолжение цикла «беременности» («пренатальное» состояние), проходящее не в физическом, а в социальном организме. Лишь после 10-12 месяцев пребывания в общественных условиях (семьи или иных социальных институтов) ребенок получает навыки адаптации к окружающему миру, которыми животные наделены в момент своего появления на свет.

Теория «неотении» подчеркивает фундаментальное влияние общества на человека не только в периоды воспитания, развития рассудочной деятельности и активного участия в общественных процессах, но и на самом первом этапе жизни, когда закладываются многие механизмы, в дальнейшем предопределяющие структуру личности и ее идентичность.

Язык основа социальности. Огромную роль на раннем этапе жизни человека играет язык, на котором говорят окружающие. Его звуки, интонации, а позже и схватываемые ребенком простейшие смыслы формируют структуру мышления, предопределяя заложенные в нем ассоциации, логические связи, структурированные процессы. Язык настолько важен для человеческого существа, что некоторые ученые приравнивают его к самой сущности «общества», а социальную среду отождествляют с языковой средой. «Общество» как среда бытия человека основано на коммуникации, общении, обмене знаниями, а следовательно, язык лежит в центре общественного бытия. Структура общества и структура языка, преобладающего в обществе, представляют нераздельное целое до такой степени, что невозможно строго провести между ними водораздел или решить вопрос о том, что первично -- «язык» или «общество».

Пол как социальное явление. Другим важнейшим элементом, закладываемым в период самого раннего детства, является половая идентификация. Эта область формирования личности подробно исследуется психологами, сексологами и психо-аналитиками, строящими на тщательном анализе отношений в семье в первые годы жизни ребенка личностный портрет и, в первую очередь, структуризацию его половой идентичности.

Общество содержит в себе смысл, разум и волю. В обществе концентрируется сущность человеческого бытия: все что отличает человека от чисто природного существа и обнаруживает его разумную и духовную природу. Общество выполняет в отношении людей ту же роль, какую выполняет природа для остальных живых существ. Более всего человек отличается от животных наличием разума и воли. Следовательно, силовыми линиями структуры человеческого общества становятся именно эти качества. В обществе запечатляется, развивается, передается и видоизменяется «коллективный разум», и на основании маршрутов и структур этого «коллективного разума» определяется спектр и ориентации действий, проекты и решения индивидуума. Можно сказать, что «общество» представляет собой «большого человека», коллективную личность, живую и развивающуюся.

Общество содержит в себе, производит и подчас видоизменяет смыслы, выстраивает их иерархии, распределяет и группирует их. Вне общества нет смысла, и каждый член общества получает возможность взаимодействовать со смыслами только в социальном пространстве. Чисто индивидуальный смысл,

оторванный от общественных установок, не может существовать, и будет полной бессмыслицей.
Точно так же и с понятием воли. Индивидуальная человеческая воля (если не брать во внимание проявление чисто биологических потребностей и влечений) становится реальностью только в общественном контексте, где она приходит во взаимодействие с волей других людей. Из совокупности волевых импульсов складывается жизнь конкретного общества.
Даже высшие истины религии тесно связаны с наличием общества. В «Евангелии» Христос говорит: «...Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (От Матфея 18: 20). Это означает, что для полноценной религиозной организации необходимо минимальное общественное измерение, которое и является изначальным условием существования священного института Церкви.
Семья как модель общества. Первичной ячейкой общества является семья. Институт семьи известен в той или иной форме на протяжении всей истории человечества. Зафиксированы исторически различные типы семей: полигамные (в том числе «полиандрии» – т.е. «многомужество»), моногамные, патриархальные, матриархальные, с различными моделями наследования (по отцу, по матери, к старшему брату, к младшему брату и т.д.)
В семье структурируются основные общественные отношения – иерархия, культура, распределение функций полов, преемственность, отношение к собственности, обрядовая сторона жизни, модели соучастия в больших коллективах и т.д. Семья есть малая модель общества, а само общество может быть уподоблено большой семье.
Наиболее древние правовые кодексы, как правило, относятся к урегулированию отношений в семье – в вопросах брака, наследства и т.д. Древнейшие системы запретов (табу), составляющие архаический пласт религиозных культов, также связаны с систематизацией семейных отношений – в частности, с запретом на кровосмешение (инцест).
В православной традиции христианская семья называется «домашней церковью», так как в ней, по словам Христа, «во имя Божие собраны двое или трое». Брак в христианстве считается таинством, и брачный символизм широко используется для описания отношений Бога с людьми: Христос часто предстает в образе Жениха, а Церковь, иногда душа христианина, -- в образе невесты Христовой.
В семье отражаются в миниатюре основные модели общественных отношений.
Патриархальная семья. В последние тысячелетия большинство народов живут в условиях патриархальной семьи (моногамной или полигамной), осмысленной как важнейшая правовая, нравственная, социальная, культурная и политическая категория. В Римском праве патриархальные отношения были жестко регламентированы, основные публичные функции делегировались главе семьи, а жена и дети до определенного возраста рассматривались как своеобразная «частная собственность» домохозяина (наряду с рабами). В патриархальной семье высшим является старший мужчина, глава семьи. Женщины и дети находятся от него в психологической, юридической и экономической зависимости.
Патриархальные принципы настолько укоренились в человеческой психологии, в самом устройстве общества, в языке, культуре, религии, экономике, что продолжают оказывать решающее влияние на человека и в последние века, когда западно-европейское общество выдвинуло программу отказа от

патриархата, юридически уравняв в правах мужчин и женщин и провозгласив «равенство полов». Тем не менее в обычной жизни и в семейной практике социальная программа эмансипации женщин, подкрепленная изменением юридической базы, до конца так и не воплотилась. За это ответственны тысячелетия патриархальной истории, повлиявшей на мужскую и женскую психологию, на культуру, мышление, бытовое поведение и даже структуру языковых форм

Властные отношения -- неотъемлемая черта общества. Общество всегда несет в себе представление о характере и статусе власти, смысле и форме распределения властных функций. Фактор власти настолько принципиален для понимания структуры общества и объяснения человека и человеческой истории, что некоторые современные философы (в частности, Фридрих Ницше (1844-1900)) рассматривали «волю к власти» как основополагающую характеристику человека как вида – по меньшей мере, в его общественном проявлении.

Любое общество обязательно предлагает свое видение распределения властных функций и отношений, вытекающее из религиозных и философских начал, на которых оно основано.

Властные отношения пропитывают общественную среду, и базовое представление об иерархии запечатлено уже в структуре языка (где грамматические правила отражают модели властных функций, выделяя в каждом предложении главное, второстепенное, активные и пассивные формы, иерархизируя всю структуру речи) и в семье. Попадая в общество, человеческое существо с первых дней появления на свет оказывается в сфере игры властного начала, постепенно осваивая диалектику приказания и подчинения, зависимости и свободы.

Структура власти составляет ось общественного бытия. Это касается даже тех особых обществ, которые сознательно задаются целью организовать общежитие на началах полного равенства. Как показывает опыт коммунистических режимов, и даже анархических или сектантских общин, отвержение традиционных иерархий приводит к появлению новых (подчас еще более жестких) иерархических структур, даже в случаях, когда ставится цель достичь полного равенства. По словам английского писателя Дж. Оруэлла (1903- 1950) кто-то всегда оказывается «равнее других» (Дж. Оруэлл «Ферма животных», М., 1996).

Собственность как материализация власти. Властные отношения получают материальное воплощение в понятии «собственность». Русские слова «власть» и «владение» показывают родство этих понятий. В религиозных обществах материальный мир считался проявлением мира духовного, а система вещей и предметов материального мира -- совокупностью символов, указывающих на более высокие уровни бытия.

Если властные отношения представляли собой социальное явление, то выражение этих отношений в материальной среде осуществлялось через отношение к собственности.

Постепенно, однако, собственность приобрела самостоятельное значение, и то, что в собственности находилось, окончательно утвердилось в самостоятельном статусе «объекта» («предмета»).

Требование обособления общественных отношений, выстраиваемых вокруг властных функций, от общественных отношений, выстраиваемых вокруг собственности, стало основой буржуазно-демократического движения и

постепенно привело к появлению капиталистического общества, где экономическая сторона общественной жизни (по меньшей мере, в теории) отделена от политической. Этот принцип разоблачили как «уловку капитала» представители социальной критики (марксизм), настаивавшие на том, что отношение собственности и есть основа властных отношений, в связи с чем невозможно отделить экономику от политики. В логике марксистов модель религиозных обществ была перевернута: там имущественное состояние высших каст и сословий считалось проявлением их духовного превосходства и высокой внутренней природы; марксисты же утверждали, что властные функции определяются контролем над материальной собственностью и не имеют никакой высшей цели, кроме той, чтобы эту собственность сохранять и приумножать (за счет эксплуатации труда и превращения его в товар).

Контрольные вопросы

1. Влияет ли общество на человека в первые годы жизни?
2. Как вы понимаете значение семьи для человека? Чем является семья для вас лично?
3. Как язык влияет на мышление?
4.Возможно ли общество без властных отношений? Как вы сами думаете?
5.Чем являются властные отношения для общественной жизни?

2.3 Три основных типа общества: традиционное общество, модерн, постмодерн

«Человечество одновременно пошло различными путями и, следовательно, доктрина,
принципиально утверждающая, что оно всегда и всюду преследует одну и ту же цель,
базируется на заведомо ошибочном постулате».
Э.Дюркгейм

Три типа обществ. В обществоведении принято различать три основных типа общества: «традиционное общество», «обществао модерна» и «общество постмодерна».

«Традиционное общество» как понятие. «Традиционными обществами» называют те общества, которые существовали в Древности и Средние века вплоть до начала эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения в Европе. «Традиционные общества» существуют и по сей день в тех странах и у тех народов, которые либо отвергают модернизацию, либо принимают ее частично и фрагментарно.

«Традиционное общество» является исторически самым распространенным типом общества. В нем человечество пребывало на протяжении практически всей своей истории и во всех уголках планеты.

«Традиционное общество» основано на преобладании духовных ценностей, воплощенных в религии, культе, мифе, ритуале, системе запретов и предписаний. «Традиционное общество» называют также «обществом сакральным» (от лат. «sacrum», «священнодействие», «священство», «святыня»).

Традиционное общество является не столько историческим этапом, сколько

сознательным выбором, так как люди могут продуманно и с опорой на собственную волю выбрать жизнь в традиционном обществе как свою судьбу, проект и историческое решение. В настоящее время это происходит в большинстве исламских стран.
Характеристики «традиционного общества». Главными чертами «традиционного общества» являются:
• представление о Вселенной как разумном и упорядоченном явлении, наделенном духовным смыслом и управляемом Высшим Началом (Существом),
• вера в то, что человеческое общество (его история, культура и т.д.) есть следствие упорядочивающего воздействия этого Высшего Начала, которому люди должны поклоняться и служить и к которому восходят, в конечном счете, все общественные институты, правила, законы, обряды и устои,
• убежденность в том, что общественная и политическая система покоится на духовной гармонии мироздания и отражает близость определенного типа людей к Высшему Началу (священная природа иерархии),
• признание превосходства целого над частным, целостное восприятие мира, постоянная интуиция взаимосвязи всех вещей между собой (что вытекает из наличия у них единого Начала),
• почитание божественной Традиции (священного предания) как безусловной истины, высшего авторитета, источника знаний и основы для принятия правильных решений во всех возможных ситуациях,
• центральное место священного символа, чей смысл превышает компетенцию рассудка,
• недоверие человеческому рассудку как последней инстанции в определении критериев истины, стремление соотнести его заключения с установками Традиции,
• наделение ценностью древних (подчас мифологических) времен и событий (принцип «золотого века»),
• признание вечности как реально существующего измерения бытия,
• представление о том, что душа человека не исчезает вместе с физической смертью, но продолжает существовать в особых измерениях, что учитывается в структуре общественной организации («прошлые поколения являются составной частью общества»).
«Традиционное общество» имеет множество разнообразных вариантов, но все перечисленные характеристики обязательно присутствуют в нем в той или иной форме.
«Традиционное общество» монотеистических и немонотеистических религий. Среди широкого многообразия «традиционных обществ» следует выделить два основных типа: общества, основанные на монотеистических религиях, и на немонотеистических религиях.
«Монотеистическими» (греч. «монос» -- «одно» и «теос» -- «бог») называют религии, утверждающие единство и единственность Бога-Творца, единовременное сотворение Им мира «из ничто», принципиальное различие бытия Бога и бытия мира. В монотеистических религиях появляется идея «линейного времени», так как творение мира Творцом происходит однократно и устанавливает временную ось (стрелу времени), направленную от момента творения (начало) к концу мира.
Монотеистическими религиями являются – иудаизм, христианство и ислам. Все остальные религии (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство, зороастризм, шаманизм и т.д.) являются «немонотеистическими».

«Немонотеистическими» религиями называют те, в которых утверждается принципиальное тождество бытии мира и бытия Бога, либо отсутствует ясно выраженное представление о едином Боге и единовременности акта Творения. Иногда «немонотеистические» религии называют «политеизмом» (от греч. «поли» -- «много» и «теос» -- «бог»), неверно усматривая в них отсутствие представления о едином Первоначале. На самом деле, многие немонотеистические религии (в частности, индуизм или греческий «орфизм») признают единое высшее Начало, но считают его соприродным миру. «Немонетеистические» религии иначе называют «языческими», но и это является «полемическим» и «уничижительным» наименованием, данным монотеистами всем остальным религиозным формам.
Немонотеистические религии, как правило, видят время циклически. Божественное присутствие в мире то проясняется («светлый период», «день мира»), то затемняется («темный период», «ночь мира»), и этот ритм откровений и сокрытий не имеет ни начала, ни конца, конец одного цикла автоматически влечет за собой начало другого.
Общество, основанное на монотеистической религии, видит в своем устройстве зеркало божественного мира, повторяющее в сотворенном и тленном веществе структуру божественных иерархий. Бог находится за пределом, вне общества, хотя общество является Его тенью. Между людьми и Богом существуют отношения абсолютного Господина (Бог) и абсолютного раба (человек), Творца и творения. Такое общество в центре всегда имеет моральный выбор, так как творение постоянно решает проблему: подчиняться Творцу (благо), либо восстать на Него (зло). Отсюда вытекает центральное значение воли и проекта, выбора обществом исторического пути. Теоретически такое общество мыслится свободным в принятии основополагающего решения: отражать и укреплять божественный порядок, либо отвернуться от него и пойти собственным путем с опорой на собственные силы.
Общество, основанное на немонотеистических религиях, считает, что Божество соучаствует в общественной жизни напрямую, это не отражение божественное порядка, но его прямое выражение, присутствие. Высшие касты в таком обществе, как правило, не просто призваны служить Богу, но сами являются «богами» и «родственниками богов». В таком обществе важен не столько моральный выбор, сколько обряд, символ и ритуал, которые сами по себе гарантируют непрерывный цикл обращения божественных энергий. Моральная проблематика здесь не имеет центрального значения, так как общество есть лишь выражение высших сил, и процессы, в нем происходящие, зависят, прежде всего, от самого Божества, и лишь во вторую очередь, от человеческой воли, решения и выбора.
И монотеистические и немонотеистические общества относятся к категории «традиционных», ставят в центре Божественное Начало, соответствуют всем остальным критериям «традиционного общества». Но между ними существуют различия в моральном смысле, что позволяет выделить их в два самостоятельных множества.
«Традиционное общество» у этносов и у народа: роль монотеизма.
«Традиционное общество» немонотеистичсекого типа характерно для жизни и хозяйства этносов, пребывающих в относительном равновесии, развивающихся по инерции. Когда этнос или группа этносов осознают себя народом, они выходят из циклического рановесия, прерывают инерцию. Историческое бытие приобретает для них моральный смысл. Так рождается линейное время и

историческое самосознание.
История есть продукт свободной воли народа, направленной в будущее -- на исполнение особой миссии. Вступая в историю, народ сам же и начинает творить ее.
Большинство народов, начиная осознавать свое бытие в линейном времени, сохраняет устои «традиционного общества». Однако, эти устои, как правило, меняются на уровне религиозного содержания. Становление народа народом связано чаще всего с принятием монотеистической религии, в которой присутствует идея линейного времени, направленного на достижение финальной цели – спасения, искупления, преображения мира.
Монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам) дают наилучшие идейные основания для полноценного становления народа. Это происходит в рамках «традиционного общества», но уже особого типа, где пассивное освоение мифа, доставшегося в наследство (этническая фаза), сочетается с активным творением мифа – через исторические деяния народа.
Христианизация европейских этносов стала стартовой чертой для их перехода от этнического состояния к осмыслению себя полноценными народами.
И хотя между циклическим миросозерцанием (этнос) и линейным представлением об истории (народ) существует множество отличий, общества с такими мировоззрениями относятся к единому типу «традиционных обществ», так как остаются в рамках религиозного контекста и сохраняют иерархическую структуру.
Концепция и основные характеристики «общества модерна». «Общество модерна» («современное общество»(1)) стало складываться в Западной Европе, начиная с XVI века под влиянием идей эпохи Возрождения и движения Реформации. Кризис западно-христианской католической культуры, политические катаклизмы, природные бедствия (распространение эпидемий, поразивших европейские страны), исчерпанность и вырождение феодальной системы привели к тому, что в ряде разрозненных интеллектуальных групп стала складываться радикальная критика католической цивилизации, которая, начиная с IX века, была основной формой «традиционного общества» в Западной Европе. (Отметим, что в те же века православие было преимущественной формой «традиционного общества» для народов Византии и Восточной Европы, включая Древнюю Русь). История знает много примеров того, как вырождение одного типа «традиционного общества» приводило к появлению другой его формы¸ при том, что основополагающие устои этого типа общества сохранялись. Новизна ситуации в Западной Европе XVI и последующих столетий состояла в том, что критика католической версии «традиционного общества» переросла в критику «традиционного общества» как такового и привела к созданию принципиально нового проекта, отвергающего устои «традиционного общества» в целом, включая религию, традицию, обряд, ритул, символ, представления о загробной жизни, душе и т.д. Этот проект позднее получил название «общества модерна».
Протестантизм, оставаясь номинально христианством, отбросил основные черты церковного учения в его католическом обличии, и на месте традиции основал свободу индивидуального, произвольного и чисто рационального толкования текстов Священного Писания. Протестанты отвергли авторитет священства, церковное предание, таинства, обряды, литургическую практику, многие догматы католичества.
Вслед за протестантами пришла следующая плеяда европейских мыслителей,

которые принялись за критику других сторон католической догматики, религиозной философии, естественно-научных представлений европейского «традиционного общества» (аристотелизма схоластов). Пересмотр всех начал коснулся и основ социальной организации общества, когда под сомнение были поставлены основные институты – монархия, сословные привилегии, экономический уклад.

В результате стала складываться «научная картина мира», основанная на индивидуальном рассудке и предлагающая приницпиально новое понимание общественного устройства.

«Общество модерна» характеризуется следующими основными чертами:

- представление о Вселенной как о механизме, функционирование которого требуется вычислить и усовершенствовать (от идеи, что у этого механизма есть автор, – «Бог-Часовщик» Ньютона, -- постепенно переходят к идее, что такого автора нет, и что материя упорядочена сама по себе и что окружающий мир есть результат случайного развития),
- уверенность в том, что в основе общества лежит договор между отдельными индивидуумами («общественный договор»), заключаемый для пользы каждого из них и могущий быть пересмотренным или отмененным в любой момент, так как в его законах и правилах нет ничего «священного» (принцип «светскости»),
- вера в то, что общественная и политическая иерархия должны быть упразднены, а общество должно строиться на меняющемся балансе частных интересов отдельных групп (политических партий),
- признание превосходства частного над целым, фрагментарное восприятие мира (отсюда жесткое разделение научных дисциплин, видов искусства, строгая классификация животных видов, природных и общественных явлений и т.д.),
- презрение к Традиции как совокупности «рационально необоснованных» ограничений и запретов, как пережитков «дикости» и «варварства», требующих скорейшего преодоления,
- отказ символу в самостоятельном духовном бытии, приравнивание его к искусственно придуманному людьми «имени» («номинализм»),
- объявление высшим критерием истины результатов деятельности свободного человеческого рассудка, полное доверие рациональным выводам, наделение рациональности статусом высшей ценности,
- презрение к прошлому как к «царству тьмы», ожидание от будущего улучшения социальных и материальных условий существования, просвещения, повышения разумности общественного устройства, роста комфорта, надежда на развитие науки и техники,
- признание «вечности» выдумкой и убежденность в том, что все существует лишь во времени и развитии и что «ничего постоянного нет»,
- теория того, что человек смертен, его жизнь н возможна без тела, и после его кончины не остается ничего.

Структура основных моментов «общества модерна» противоположна устройству «традиционного общества», и сам проект модернизации был задуман именно как опрокидывание устоев «традиционного общества», «ниспровержение старого мира и старой жизни». Первая строчка гимна Французской революции «Марсельезы» декларирует: «Мы покидаем старую жизнь!» («Nous quittons la vie ancienne!»)

Проект социальной модернизации и означает переход от «традиционного общества» к «обществу модерна».

При переходе от «традиционного общества» к «обществу модерна» происходит смена всех основных параметров общественной среды: в отличие от предшествующих исторических трансформаций не просто одна религия сменяется другой, одна форма богословия и восприятия священного космоса уступает место иной форме, но отбрасывается основополагающая структура, присущая всем разновидностям «традиционных обществ» -- как монотеистических, так и немонотеистических.
Этапы становления «общества модерна» в Европе. История окончательного возникновения «общества модерна» в самой Европе имело три этапа. Вначале – эпоха Возрождения – были ниспровергнуты принципы католического традиционного общества в пользу смутного мистического мироощущения, в котором большую роль играли «дохристианские» и немонотеистические представления (в частности, неоплатонический мистицизм, магия и алхимия). На следующем этапе – эпоха Реформации – был нанесен удар по католическому вероучению, традиции, иерархии. Лютер, Кальвин и другие вожди протестантизма проделали то, что до них никогда не предлагали религиозные реформаторы: они перенесли центр внимания исключительно на человеческий уровень, сделав вопросы веры целиком и полностью зависимыми от рассудка и рациональных выводов.
Просвещение довело эти тенденции по разрушению основ европейского традиционного общества до логического предела, опрокинув основы религии как таковой, чего не делали не деятели Возрождения, ни протестанты. Просветители не просто подвергли традиционное общество критике, они отвергли все его основные принципы, причем не только в отношении западно-христианской католической разновидности «традиционного общества», но в отношении «традиционного общества» в целом. Как у деятелей Возрождения и у протестантов в центре внимания просветителей был человек, но теперь оторванный от всех магических и морально-религиозных оснований, человек сам по себе.
Так, в при этапа произошло не бывалое в истории явление: системное переворачивание всех основ «традиционного общества» и утверждение на их месте принципиально новых критериев, опирающихся на собственную логику, систему доказательств и авторитетов, на собственные аксиомы и теоремы, доказываемые исходя из новых условий, предварительно сформулированных и принятых за истину в последней инстанции. Этот историчсекий период принято называть «Новым временем», так как здесь складывается, действительно, соврешенно новый и неизвестный доселе тип общества – «общества модерна».
«Расколдованный мир» и появлений наций. Народы, вступившие в «Новое время» и признавшие правомочность норм «современного общества», полностью расстаются с сакральностью, мифом, с какой бы то ни было священной целью существования и превращаются в «нации» -- искусственные государственные, политико-экономические образования, основывающие свою деятельность на рациональном расчете и четко просчитанном интересе. Здесь история освобождается от священного содержания, становится продуктом рассудочных действий и экономической выгоды.
Социолог Макс Вебер назвал это явление «расколдовыванием мира». «Общество модерна» отметает священное измерение в мире и обществе как «предрассудки» и «выдумки»; в природе и человеческой жизни все отныне рассматривается как функционирование бездушного механизма – абстрактных законов или частных интересов. Божество и духовный мир изгоняются на

периферию – верить в них или не верить становится делом отдельного человека, на общество в целом они более никак не влияют.

Параллельно этому у многих европейских народов осуществляется переход от самосознания себя «народами» -- т.е. общностью судьбы, объединенной общим священным прошлым и священной исторической целью – к становлению «нациями», т.е. искусственными коллективами, связанными рациональными социальными интересами, в первую очередь, экономическии.
Превращение народа в «нацию» сопровождается подъемом третьего сословия, буржуазии, установлением норм либеральной демократии и распространением рыночной экономики, превращением коллектива из организма в механизм.
Развитие науки и техники. Появление проекта «общества модерна» сопровождалось бурным развитием капиталистической экономики и впечатляющим научно-техническим прогрессом. Поместив все ценности в земной отрезок существования, «общество модерна» стало развивать те виды деятельности, которые либо откровенно подавлялись в «традиционном обществе», либо считались чем-то периферийным и второстепенным. В результате от замысла разрушения католической цивилизации феодального типа новое «общество модерна» перешло к позитивной программе и стало приобретать зримые черты. Это воплощалось в:
• эпохе буржуазных революций с их новой социальной и предпринимательской динамикой,
• рывке инженерной мысли и появлении новых технических средств, в особенности -- развитии машинного производства,
• великих географических открытиях и колонизации европейцами большинства территорий планеты.
Вынужденный характер модернизации некоторых традиционных обществ. Оснащенные эффективными техническими средствами, сознательно поставленными на достижение практических целей, не отягощенные сложной системой запретов и ритуалов, европейцы Нового времени в короткие сроки создали такую общественную модель, которая доказывала свою эффективность через покорение остального человечества и использование технических средств и экономических механизмов в борьбе с конкурентами (в частности, Российской Империей, Османской Турцией и т.д.). Поэтому даже те страны, которые по внутренней логике не пришли к отрицанию «традиционного общества» и не разочаровались в его устоях, были вынуждены – в чисто прагматических целях – перенимать западно-европейский опыт в науке и технике, чтобы защититься от весьма вероятной агрессии европейских держав, использовавших свои достижения в корыстных целях. Перенимая научно-технические стороны западного общества, другие цивилизации волей-неволей впитывали в себя и философские начала «общества модерна», предполагающие прямое и фронтальное отрицание «традиционного общества». Это порождало смешанные общественные модели, где элементы двух (взаимоисключающих) типов общества, тем не менее, сочетались.
По этому пути шли многие страны Востока, вступившие на определенном этапе в конкуренцию с Европой. Остальные же оказались в сходной ситуации, став европейскими колониями. Модернизация внедрялась колонизаторами и затрагивала узкую прослойку местной элиты, сотрудничавшей с колониальной администрацией. Уже в XX веке в ходе деколонизации и освободительной борьбы многих народов Третьего мира они снова оказались в той же ситуации – определенные черты «общества модерна» было необходимо перенимать для

прагматического укрепления своей независимости, а черты «традиционного общества», в свою очередь, были необходимы для подъема идентичности и поддержания чувства национальной самобытности.
Диалектика элементов «традиционного общества» и «общества модерна» составляет наиболее сложную и в то же время занимательную сторону обществоведения.
Появление концепции «общества постмодерна». Во второй половине XX века общественное развитие стран Западной Европы и Северной Америки достигло такого качественного уровня, что стало возможно говорить об окончании построения «общества модерна» и о полном «освобождении» его от инерции «традиционного общества». Основные принципы «современного общества» были внедрены в жизнь. В середине столетия буржуазные демократии совместно с СССР справились с угрозой фашизма, бросившего вызов «западной демократии» и «духу Просвещения». В 90-е рухнула советская система, представлявшая собой попытку альтернативной модернизации с учетом специфики истории русского народа и ее диалектики. Таким образом, к концу XX века буржуазно-демократическая либерально-капиталистическая модель оказалась в роли единственной и безусловной наследницы эпохи Просвещения и была признана эталоном «общества модерна».
В этот период триумфа «общества модерна», сопровождавшегося убедительной политической победой над прямыми противниками (фашистские режимы 30-х) и конкурентами (социалистические страны) и новым витком технического развития (распространение информационных и сетевых технологий, прорыв в исследовании генома и т.д.), западные философы стали говорить об исчерпанности «модерна» и начале новой эпохи – «эпохи постмодерна», предполагающей появление нового типа общества – «общества постмодерна»(2).
Общество постмодерна – сложное явление, недостаточно описанное и исследованное в научной литературе, так как основные характеристики этого общества только начинают проявляться. Сегодня до конца осмыслить процессы, которые могут привести к различным и подчас непредсказуемым результатам, не возможно. С одной стороны, «общество постмодерна» продолжает в основных чертах реализовывать программу Нового времени и эпохи Просвещения, стремясь предельно освободить человека от давления Традиции и ее пережитков, предоставив ему полную свободу от запретов и табу, властных иерархий и систем подавления. С другой стороны, это общество обрушивается на «общество модерна» с сокрушительной критикой, разоблачая его не как шаг вперед по отношению к «традиционному обществу», а как завуалированное издание все того же «традиционного общества».
«Разоблачение модерна» в постмодернизме. Основная идея философии постмодерна состоит в том, что Новое время не смогло до конца сокрушить «идолов Традиции» и лишь назвало их по-другому. На место абстракции «Бога» поставили аналогичную абстракцию, названную «человеком». На место иррациональной диктатуры «Откровения» - рациональную диктатуру «рассудка». На место религии и жрецов – науку и «заговор академиков». На место властной иерархии – материальное неравенство (капитализм).
Философы «постмодерна» обнаружили в «обществе модерна» множество элементов «традиционного общества», которые лишь поменяли обличие. Это привело к выработке принципиально новой социальной и философской стратегии, нового стиля, где в центре внимания стали новые критерии и

методологии.
Как «общество модерна» разоблачало идею Бога и творения как религиозный миф и «выдумку», так философы «постмодерна» обратили свою критику на понятие «реальности», «разумности», «времени», поставив под сомнение универсальность научных законов, увидев в них лишь абстракции рассудка, «тоталитарно» навязываемые людьми внешней среде.
Отрицая науку как ценность и достоверный метод познания, постмодернисты признавали только технику и технологии. Вместо реальности они ставили в центре внимания понятие «виртуальности» (от лат. «virtus» -- «качество», «видимость», «свойство»); под «виртуальным» принято понимать то, чего не существует в действительности, но что дано нам в представлении, ощущении, образе, изображении. «Виртуальное» может означать также «возможное», своего рода «план реального». В постмодернизме «виртуальность» понимают как основную форму существования – не как отвлеченную и вторичную схему реальности, но как матрицу самой реальности. Виртуальность здесь выступает как нечто первичное по отношению к реальности. Мир в постмодерне виртуален по своей сути.
Вместо истории как однонаправленного процесса, общество постмодерна признает «пост-историю» или «конец истории», когда развертывание событий перестает быть логически последовательным, но становится произвольным и случайным, причинно-следственные цепи нарушаются, культура замыкается в постоянном повторении уже пройденного («рециклирование») – это, в первую очередь, видно в тенденциях моды.
В экономической терминологии общество постмодерна принято называть «постиндустриальным» обществом (так как «общество модерна» было «индустриальным», а «традиционное общество» – преимущественно аграрным, «доиндустриальным»).
Основные черты «общества постмодерна». Развитие коммуникационных технологий, информатики, сетей, а также процессы глобализации придают «обществу постмодерна» характер вполне объективного состояния современной социальной среды. И хотя это общество остается пока тенденцией, реализованной лишь в отдельных деталях, его признаки по аналогии с характеристиками других типов общества вполне поддаются систематическому рассмотрению.
Главными чертами «общества постмодерна» являются:
- признание иллюзорности всего («Матрица»), приравнивание виртуальной реальности к реальности как таковой, стирание грани между состоянием «on line» и «off line»,
- убежденность в том, что общество -- это глобальная сеть и совокупность пользователей, свободных произвольно выбирать идентичность, место проживания, род занятий, пол и т.д., отказ от признания каких-либо общественных авторитетов,
- убежденность в том, что общественная и политическая иерархия имеют игровой ироничный характер (поющий президент, танцующие канкан депутаты парламента, порно-звезда, заседающая в сенате), и должны быть отменены,
- отказ от любой цельности, признание реальности «конгломератом случайных фрагментов», «мир есть экстравагантный ансамбль (Конш),
- культ иррационального, произвольного, случайного, отказ как от авторитета и Традиции, так и от рассудочности, пристальное внимание к телесности, которую требуется «освободить от диктатуры рассудка»,

- рассмотрение знака как самодостаточной реальности, оторванной и от означаемого (предмета) и от значения (смысла), теория симулякра (копии без оригинала),
- недоверие человеческому рассудку как последней инстанции в определении критериев истины и блага, рассмотрение «шизофрении» как нормы, представление о мире как о шизофренической бессмысленности,
- наделение ценностью мгновения, в котором запечатлен случайный образ, эмоция, желание или ирония, признание обратимости времени и «конца истории»,
- понятие «вечности» становится столь же бессмысленным, как и понятие линейного времени (вместо этого Ж.Делезом вводится пара «хронос» как «вечное настоящие хаоса» и «эон» как «случайная и обратимая цепочка произвольного развертывания временных рядов»),
- представление о том, что в целом ничего нет (не только «жизни после смерти», но и «жизни до смерти»).

«Постмодерн»: от тенденции к тотальности. Сегодня «общество постмодерна» существует по большей части в теории или в философских конструкциях, интересующих пока лишь отдельных представителей научной, экономической, культурной и политической элиты. Молодежь, как правило, оказывается довольно податливой к этим формам и легко впитывает код «постмодерна» через специфику молодежной культуры, глобальную сеть Интернет, новые технологии, моды, процессы глобализации.

Станет ли модель «общества постмодерна» полноценной и всеобщей, однозначно сказать пока трудно. Ведь и «общество модерна» в свое время казалось многим чем-то несбыточным и невозможным, но, тем не менее, давно уже стало для нас само собой разумеющейся нормой.

Теория «общества постмодерна» прекрасно вписывается в логику развития «общества модерна», так как дает системный ответ на противоречия, несоответствия и проблемы, возникшие за время реализации проекта модерна от эпохи Просвещения до наших дней. Новое время накопило огромный теоретический и практический опыт своего исторического становления, многие социальные, культурные, технологические и экономические закономерности стали очевидными и готовыми для обобщения. С одной стороны, общество модерна почти целиком осуществило изначально намеченную программу, а с другой, оно зашло в тупик дальнейшего развития своих базовым принципов, нуждающихся в глубоком переосмыслении. Все это делает темы постмодерна крайне актуальными: элементы постмодерна, не дожидаясь окончательного и всеобщего признания справедливости теории постмодерна как таковой, стремительно вторгаются в нашу жизнь так, что не считаться с ними и не учитывать их в дальнейшем становится просто невозможным.

Не все предположения и предвидения постмодернистов сбываются, но в целом их интуиции и первичные систематизации перехода к постмодерну оказываются верными и реалистичными, так как подтверждаются многочисленными процессами, развертывающимися в окружающем мире – планомерно или спонтанно.

Постмодерн, как модерн и традиционное общество, есть форма общественного бытия, включающая в себя всю совокупность жизнедеятельности человека – от философии и интеллектуальных дисциплин до политической власти, социального устройства, культуры, экономической системы и технологического уклада. Переход от одного типа общества к другому всегда затрагивает

огромный спектр вещей и явлений – как субъективного, так и объективного порядков. В определенном смысле, вступать или не вступать в общество постмодерна (как и в общество модерна) или сохранять или не сохранять устои традиционного общества -- это всегда дело свободного исторического выбора.
Цепочка «традиционное общество» - «модерн» - «постмиодерн» отражает исключительно исторический опыт Запада. Западная цивилизация рассматривает последовательность исторической смены типов общества по цепочке «традиционное общество» («премодерн») - «современное общество»(«модерн») - «пост-современное общество» («постмодерн») в качестве общеобязательного для всех явления, и исходя из такой убежденности оценивает процессы, происходящие в других, незападных, обществах. Отчасти этот анализ продуктивен, так как большинство незападных стран продолжает жить в системе «традиционного общества», а активно распространяющееся в мире западное влияние волей-неволей привносит в них черты «модерна» или даже «постмодерна». Другое дело, что навязанный Западом процесс модернизации сплошь и рядом никак не вытекает из логики исторического развития и коллективного самосознания тех народов, которые живут в «традиционном обществе», а следовательно, необходимость перехода к «Новому времени» ничем не доказывается, а волюнтаристски навязывается Западом всем остальным или принимается как вынужденная оборонительная стратегия. Большинство стран приспосабливаются к модернизации или условиям постмодерна, чтобы окончательно не отстать от Запада или чтобы иметь техническую возможность при необходимости защититься от него («вынужденная модернизация»).
Конец истории. С точки зрения постмодерна, нации, которые прошли путь «модернизации», выполнили задачи по преодолению «традиционного общества» и больше не нуждаются в программе Просвещения, а этносы или народы, не ставшие нациями, не прошедшие этого пути до конца и находящиеся лишь в его начале или середине, считаются «не заслуживающими особого внимания». Предполагается, что они сами собой пройдут маршрут Запада и рано или поздно придут к состоянию «постмодерна». Во всяком случае, их ускоренная и нарочитая, а подчас и насильственная (как в случае с колониальной практикой) модернизация снимается с повестки дня.
Общество «постмодерна» -- это общество, в котором заканчивается история (поэтому сегодня многие говорят о «конце истории» или «пост-истории» -- Ф.Фукуяма, Ж.Бодрийяр). Народ рассыпается на множество атомарных индивидуумов, более не объединенных коллективной целью, общим смыслом, инерциальным или волевым мифом. Нации и государства постепенно сходят на нет, а на их место приходит «глобальное гражданское общество», состоящее из автономных индивидуумов – без какой бы то ни было привязки к традиции или совместному проекту. Это явление иначе называется глобализацией, а идейные установки, которыми руководствуются активные строители такого миропорядка – глобализмом.
Для Запада и глобалистов история заканчивается, для остальных цивилизаций – нет. Смена общественных типов по линии «традиционное общество» -- «модерн» -- «постмодерн» вытекает из логики истории именно западной цивилизации. В случае других народов эта схема оказывается спорной, а многие элементы «модерна» и «постмодерна», обнаруживаемые в обществах Азии или Третьего мира, живущих преимущественно в «традиционном обществе», представляют собой довольно поверхностные и фрагментарные

заимствования, включенные в иной самобытный исторический контекст. Исследование каждого конкретного общества и выявление в нем элементов «традиции», «модерна» и «постмодерна» должны вестись с учетом их уникальности и исторической особости, с тщательным изучением специфики языка, культуры, ценностной системы, совокупности верований.
Если западное общество заканчивает историческое бытие («конец истории») и переходит к глобализму и пост-истории (ироничному рециклированию одного и того же), это еще не значит, что остальные народы и цивилизации примут это как должное и безропотно последуют в том же направлении. Протесты против глобализации и стилистики постмодерна составляют все более отчетливо различимую черту многих культур. И этот процесс в будущем, видимо, будет только нарастать.
Три типа общества и формы социальной организации. Рассмотрим сводную таблицу соответствия трех типов обществ («премодерн» - «модерн» - постмодерн») формам социального и исторического самосознания.
Можно выделить следующие формы коллективного самосознания:
1) родо-племенное общество, в котором общность осознается на уровне рода и в основе лежат ясно осознаваемые родственные связи,
2) этническое общество, где общность простирается на широкий круг людей, не связанных очевидными родственными связями, но объединенных происхождением, языком, культурой, мифом и Традицией,
3)общество как народ, в котором наличествует коллективное осознание общности как исторического субъекта, объединенного не только прошлым, мифом и Традицией, но и исторической миссией, планируемой в будущем,
4)общество как нация, где культурная идентичность этноса получает фиксированное выражение в политическом и государственном устройстве, а общность судьбы подменяется формальным признаком гражданства и общим уровнем экономического развития,
5)гражданское общество глобального и сверхнационального масштаба, где вместо исторических форм коллективной идентичности (род, этнос, народ, нация) утверждается математическая совокупность множества атомарных индивидуумов, лишенных корней, «граждан мира».

Типы общества 1) и 2) всегда относятся к категории «традиционного общества». Тип 3) может выступать в форме «традиционного общества», а может и в форме «общества модерна». Тип 4) принадлежит только к эпохе «модерна». Тип 5) является теоретическим проектом «общества постмодерна».

Контрольные вопросы

1.Какие три типа обществ выделяют в западной истории?
2.Опишите отличительные черты «традиционного общества», «общества модерна» и «общества постмодерна».
3.В чем состояла «новизна» Нового времени?
4.Что такое общество постмодерна?
5.Все ли народы и культуры, на ваш взгляд, вступят рано или поздно в состояние постмодерна?

Примечания:

(1) В русском языке понятие «современный» точно соответствует латинскому термину «contemporaneus» (откуда английское «contemporary»). Слово же «модерн» (от латинского «modo» - «прямо сейчас») не имеет четкого русского эквивалента и в западноевропейском контексте, как правило, относится не к безотносительному «настоящему», а к определенному историческому промежутку, следующему за эпохой «традиционного общества». Иными словами, «современными» на разных этапах были все общества, в то время как период модерна имеет четкие, строго определенные хронологические рамки. Хотя «modern» и «contemporary» означают разные вещи, мы вынуждены переводить их на русский язык одним и тем же словом -- «современный». Только в одном случае слово «современный» (как modern) означает «нетрадиционный» и строится на антитезе к «традиционному обществу», а в другом – оно же (только уже как contemporary) означает процесс или явление, развертывающиеся в данный момент времени, независимо от того, как они соотносятся с установками «традиционного общества». В Европе в Новое время (XVIII) век осуществился переход именно к «современному обществу» (в смысле «modern»), к «обществу модерна». Это общество продолжает называться «современным» («modern») даже сейчас, хотя оно и принадлежит многовековому прошлому. Понятие «современное общество», «общество модерна» в обществоведении имеет вполне определенный смысл: речь идет о западно-европейском обществе и его основных характеристиках, сложившихся начиная с эпохи Просвещения.
(2) Термин «постмодерн», «пост-современность» (что означает «после современности») имеет смысл только в том случае, если мы понимаем под «современностью» вполне определенный тип общества (общество модерна), а не то общество, которое существует вокруг нас в данное время.

2.4 Этносы России и различные типы общества.

«Российское государство есть государство Евразийское,
и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать,
что это их государство.»
Г.В.Вернадский

Современное российское общество как закономерный этап исторического бытия народа. Современное российское общество является закономерным звеном в процессе общественного развития. Оно возникло не на пустом месте, но представляет собой логический этап исторического бытия народа.
Структура российского общества является сложной, так как в нем наличествуют общественные уклады, относящиеся к самым разным типам.
«Традиционное общество» у малых этносов Севера. В современной России существует несколько зон, которых следует отнести к «традиционному обществу».
Во-первых, на территории России проживает ряд этносов, которые в той или иной форме продолжают находиться в системе родо-племенных отношений.

Речь идет о малых этносах Севера – долганах, ительменах, коряках, ненцах, нивхах, телеутах, чукчах, эвенках, эскимосах, юкагирах и других. У некоторых из них (например, у чукчей) сохраняются тенденции общеэтнического самосознания, у других оно не развито. В любом случае структуры «традиционных обществ» -- включая ремесла, способы охоты, мифологические представления, регламентацию семейных отношений, языковые формы и т.д. – в этих этносах присутствуют в полной мере, и включение в общероссийский контекст их представителей не затрагивает сущности их общественных форм. Элементы «модернизации», привносимые в эти этносы с эпохи освоения русскими Сибири, задевали поверхностные стороны жизни, привнося элементы знакомства с русским языком, культурой, правом. На первых этапах включения этих этносов в состав Российской Империи «модернизация» ограничивалась уплатой российскому правительству «ясачной дани». Далее шла миссионерская деятельность православных священников. При этом родовой и племенной верхушке этих этносов создавались все условия для более глубокой интеграции в российское общество – получение образования, возможность участия в административной деятельности и т.д. Задачи системной «модернизации» в отношении этих северных племен царская Россия не ставила. Поэтому в глубине архаическая структура этих обществ смогла сохраниться почти без изменений.
В советское время марксистские идеи «прогресса» подтолкнули к тому, чтобы взяться за эти этносы более системно. Национальная политика большевиков настаивала на ускоренном и искусственном развитии всех этносов России с тем, чтобы как можно быстрее создать единое социалистическое общество с единообразным уровнем развития всех его составляющих. Традиционные обряды и верования, культы и мифы, ремесла и способы охоты и ведения хозяйства малых этносов нещадно искоренялись. Племенная знать и жрецы подвергались политическим преследованиям. С традиционным образом жизни велась беспощадная война.
Только жестокие условия Севера и множество других проблем советской власти спасли эти этносы от полного уничтожения, так как грубые методы «модернизации», применявшиеся большевиками, разрушали саму основу их существования. Катастрофическим последствием модернизации стало распространение среди этих народов вредных привычек, свойственных, увы, другим этносам России, в первую очередь, пьянства. Алкоголь служил для многих представителей этносов Севера упрощенным суррогатом экстатических состояний, характерных для шаманских обрядов, и помимо физиологической зависимости (облегченной некоторыми био-химическими особенностями организма представителей этих этносов, не имеющих иммунитета к алкоголю) возникала психологическая зависимость от крепких напитков.
Начиная с 90-х годов принудительная советская «модернизация» прекратилась, что позволило этим этносам частично вернуться к привычным формам существования, возрождать древние культы и восстанавливать традиционные формы жизнеобеспечения и права, хотя негативные последствия «модернизации» (по меньшей мере, в вопросе алкогольных пристрастий) дают о себе знать, сказываясь на падении рождаемости и частичном вырождении северных культур.
Кроме того, к проблемам северных этносов в 90-е добавилась эксплуатация природных ресурсов без учета экологических и культурных факторов, а также эксцессы выборных технологий, при которых для скупки голосов местного

населения использовались подчас самые грязные методы.
Традиционное общество малых этносов Севера представляет собой огромную культурную историческую ценность и требует опеки и защиты со стороны государства.
Социальная структура этносов Поволжья, Урала, Сибири и Северного Кавказа.
Другой тип «традиционного общества» существует у этносов России, полностью осознающих свою этническую идентичность и обладающих стройной и единой религиозно-мифологической системой. К этой категории относятся крупные этносы Поволжья, Урала и Сибири – алтайцы, буряты, карелы, коми, манси, марийцы, мордвины, удмурты, хакасы, чуваши, тувинцы, якуты и другие. А также коренные этносы Северного Кавказа – абазины, аварцы, адыгейцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, осетины, табасараны, черкесы и другие. На северо-западе к этому типу этнической модели «традиционного общества» можно отнести карелов.
Эти этносы принадлежат к различным языковым группам, исповедуют разные конфессии, имеют совершенно особую этническую историю. При внимательном изучении каждого из них мы сталкиваемся с целой вселенной, наделенной особыми культурными смыслами.
Структура обществ этих этносов гораздо глубже (чем у малых этносов Севера) подверглась модернизации и в советское время, и в эпоху Российской Империи, когда они (каждый по своей логике и в конкретной исторической ситуации) оказались в составе единого государства. Элита этих этносов в значительной степени русифицирована и часто легко интегрируется в общероссийские политические и общественные структуры, но сами они живут в значительной степени в соответствии с древними обычаями и установками, придерживаясь религиозных правил и этнических устоев, включая элементы правовой системы – в отношении разрешения межклановых и межсемейных споров, брачных отношений и т.д.
Структуры «традиционного общества» в этих этносах преобладают, но в некоторых секторах – особенно в крупных городах и столичных центрах – существуют социальные среды, фактически перешедшие к условиям «общества модерна», что связано с профессиональной деятельностью, участием в федеральных структурах, частной историей отдельных семей и родов.
Татары и башкиры. Еще больше элементов «общества модерна» у двух крупнейших тюркских народов России – татар и башкир. Представители этих этносов более всего интегрированы в общероссийские федеральные структуры, легче других адаптируются к параметрам «общества модерна».
У этих крупных этносов наличествуют признаки осознания политического единства, что подчас проявляется в стремлении к большей политической самостоятельности в составе Российского Государства и дает в предельном случае основание для тенденций к «национализму», что является одним из логических результатов «модернизации».
Чеченский народ и попытка создания государства «Ичкерии». Особый случай представляет собой чеченский народ, который сочетает в себе, с одной стороны, архаический родоплеменной уклад, а с другой повышенную социально-политическую активность в оформлении своей этнической и культурной самобытности. Эксцессы такого этнического самосознания в сочетании с трагической памятью о несправедливостях и репрессиях советского времени, пережитых чеченцами, привели в 90-е годы к попытке

построения самостоятельной государственности и выхода из состава России, что принесло неисчислимые страдания всем россиянам, и в первую очередь, самим чеченцам, заплатившим за восстание огромную цену. Не обладая предпосылками для полноценного политического единства и геополитической и экономической базой для независимости, эфемерное государство «Ичкерия» при Дудаеве и Масхадове на практике обернулось вакханалией бандитизма, религиозно-политического экстремизма и бесчеловечного терроризма, жертвой которых стали в том числе и сами чеченцы.
Этот пример показывает, что преждевременные выплески незрелого политического самосознания в рамках многомерной этно-социальной картины российского общества может привести к катастрофе.
Чеченский этнос модернизирован довольно поверхностно и сохраняет уклад традиционного общества (родовые организации - тейпы, религиозные суфийские братства – вирды и т.д.). Но пассионарный этнический всплеск в условиях переходной российской действительности породил соблазн построения национальной государственности в условиях, когда для этого не было ни малейших объективных предпосылок.
Особенности модернизации славянских этносов России. Среди остальных этносов России славяне – великороссы, малороссы и белорусы – имеют более всего черт «общество модерна», так как все усилия по модернизации России на всех этапах были обращены именно к тем этносам, которые составляли костяк государства.
Особенности перехода от этноса к народу. Определенная жертва этническим своеобразием была принесена «россами» уже в момент осознания себя народом – т.е. в переломный момент призвания Рюрика на царство. И хотя народ становится народом еще в условиях «традиционного общества», волевой акт выдвижения исторического проекта, осознания политического единства и особой миссии выводит его в новое измерение бытия. Становясь народом, т.е. вступая в историю, этнос отказывается от некоторых своих традиций – в частности, от сохранения своей биологической и культурной однородности, гармоничного баланса с окружающей средой. Историк Лев Гумилев описывал этот фазовый переход от этноса к народу как «пассионарный толчок», т.е. пробуждение в этносе новых бурных энергий, толкающих его к масштабным и радикальным историческим действиям, невозможным в рамках обычного этнического существования.
Славяне как объект приоритетной модернизации со стороны западнических элит. В истории России именно славянские этносы (великороссы, малороссы и белорусы) были одновременно и объектами модернизации, и носителями импульса модернизации в отношении остальных этносов.
Западнические реформы Петра были направлены на внедрение элементов «общества модерна» в первую очередь именно среди великорусского населения, и именно великорусское «традиционное общество», верное устоям Московского периода, было объектом модернизации (вплоть до жестоких гонений на старообрядцев, наиболее упорных и последовательных сторонников «традиционного общества» и русской старины). Причем в этом процессе государство использовало факт неравномерной модернизации среди самих славян. Присоединившаяся в XVII веке к Великороссии Украина долгие годы находилась под сильным влиянием католической польско-литовской культуры, и западные культурные установки были там весьма распространены. Этот фактор лег в основу приоритетного выдвижения этнических малороссов на

архиерейские кафедры в Русской Православной Церкви в XVIII веке, так как священники-великороссы были в глазах проевропейской санкт-петербургской аристократии носителями «архаического» (московского) духа и «традиционного общества».

Модернизация в советский период. В XX веке советская модернизация, ставшая абсолютной догмой большевистской власти, также в первую очередь обрушилась на славянские этносы, из которых древние обычаи, православие, архаические патриархальные привычки выжигались каленым железом. Поэтому большевики с такой жестокостью нападали на крестьянство и духовенство, где нормы «традиционного общества» были укоренены более остальных сословий. Превращение «традиционного» крестьянина в «модернизированного» пролетария было важнейшей социальной задачей большевиков. Этот процесс теоретически затрагивал все этносы, но более всего ему были подвержены именно славяне и, в первую очередь, великороссы, основной этнос России. Это привело к тому, что великороссы стали восприниматься в СССР как «этнос пролетариев и инженеров», несущих более традиционным этносам России модернизацию, индустриализацию и городскую светскую культуру.

Сложная структура российского общества – элементы «традиционного общества» и «общества модерна». Если для остальных этносов России и СССР великороссы (шире, славяне) были основными носителями модернизации, то для Европы и для подражавшей Европе российской аристократии сам великорусский этнос виделся как нечто «архаичное». Это, действительно, соответствовало истине, так как, несмотря на все волны принудительной и подчас чрезвычайно жестокой модернизации, великороссы сохраняли многие черты консервативной психологии, воспитанной за тысячелетия, и обоснованной религиозными, политическими, мировоззренческими и государственными устоями. Даже марксизм великороссы истолковали как «исполнение народной мечты о волшебном наступлении «общества справедливости» и «рая на земле»».

Такая устойчивость «традиционного общества» у великороссов в сравнении с европейскими этносами объясняется тем, что процесс модернизации шел в России не снизу, а сверху, искусственно внедряемый политическими элитами в определенные моменты истории:

- в XVIII веке Петром Великим и его последователями, особенно во времена Анны Иоанновны (1693-1740), когда страной правили временщики-иностранцы такие как Бирон (1690-1772), глубоко чуждые русскому народу и его истории),
- в XX веке большевиками, представлявшими собой на первом этапе маргинальные, но пассионарные политические и этнические элементы.

Социальная специфика великороссов. Великороссы в России представляли и представляют сегодня основной этнический массив населения, где до сих пор переплетаются многочисленные элементы «традиционного общества» с элементами «общества модерна». Это проявляется, в частности, в плавном и органичном возврате к религиозным ценностям и народным традициям после краха марксизма и распада СССР.

Хотя модернизация великороссов не затронула сути общества, остающегося в целом «традиционным», по сравнению с другими этносами России великороссы вполне могут считаться «носителями модернизационных тенденций».

Элементы общества «постмодерна». В 90-е годы в российском обществе стали появляться элементы и третьего типа общества – постмодерна. Это связано с

тем, что Россия стала открытой страной, и контакты с западным миром – в первую очередь, в бизнесе, в сфере средств массовой информации, через свободу поездок за границу, изобилие западных товаров и повсеместное внедрение западных технологий т.д. – стали доступными для широкого числа россиян. Западное общество сегодня демонстрирует все больше элементов постмодерна, и это оказывает влияние и на современных россиян, все чаще входящих в соприкосновение с западной культурой. Особенно это затрагивает молодежь, активно осваивающую Интернет, новые коммуникационные средства, увлекающуюся западной музыкальной и кинематографической культурой, молодежными модами и т.д.
Постмодерн затрагивает в данное время пока довольно узкую прослойку городской интеллигенции, людей из семей с высоким достатком, представителей крупного частного бизнеса, интегрированных в глобальные финансовые и экономические процессы, молодежь, получающую свое образование на Западе или там проживающую.
Общество постмодерна предполагает отказ не только от этнической принадлежности (считается, что это уже «давно преодолено»), но и от чувства единства с народом. Постмодерн основан на:

- космополитизме (концепция «гражданина мира»),
- глобализме (отрицание самобытности государств, культур и религий),
- индивидуализме («индивидуум есть мера вещей»),
- нарциссизме («поиск наслаждений»),
- сетевом принципе и
- виртуальности («важно быть подключенным к сети, не важно, где ты находишься и чем занимаешься»).

Элементы этого общества различимы в определенной части современных российских элит, хотя на основную массу они не распространяются. К социальной модели постмодерна могут подойти самые разные этнические типы, утратившие связь со своим народом настолько, что принадлежность к нему – к его культуре, его истории, его внутреннему бытию -- для них полностью утрачивает смысл.

Контрольные вопросы

1.Как происходила модернизация общественного уклада у различных этносов, населяющих Россию?
2.В чем отличие модернизации этнических славян от других этносов?
3. Как складывались отношения основной массы славянского населения и государственных элит России на всем протяжении ее истории?
4.Почему, как вы думаете, большевики опасались развития этнического самосознания в СССР ?
5. У каких этносов черты традиционного уклада сохранились больше всего?

2.5 Структура современного российского общества

«Всемирная история есть разумное необходимое обнаружение абсолютного духа».

Г.Ф.В. Гегель

История как осознание народом фактора времени. История есть общественное явление, напрямую связанное с самосознанием народа. Более конкретно, история -- осознание народом фактора времени.
Единой истории человечества не существует, поскольку каждый народ осознает время по-своему, в соответствии с теми культурными ценностями и воззрениями, которые он вырабатывает в ходе своего развития. Когда один народ начинает описывать историю другого народа, он волей-неволей переносит на него собственное понимание прошлого, свой исторический опыт, и такое описание оказывается заведомо пристрастным и неточным.
Универсальной модели развития не существует. Универсальной модели развития общества не существует, каждый народ идет своим собственным путем, и формы и этапы развития при внешнем сходстве у разных народов остаются различными по сути. История народов протекает не только с разной скоростью и в разном ритме, но и подчас в разных направлениях, не говоря уже о существенных отклонениях, тупиках или многовековом топтании на месте.
В истории есть и поступательное движение, и циклы, и периоды регресса и упадка. И каждый народ осознает это по-своему, давая собственную версию истории, с заложенными в ней оценками того, что считать прогрессом, а что регрессом.
История как творческий акт. История является творческим актом, в котором творцом выступает коллективная сущность, состоящая из многих поколений – прошлых, настоящих и будущих. Действия отдельных личностей – великих и заурядных – отражаются в истории через народ и в контексте народа, который придает действиям смысл, дает им оценку, соотносит с общей логикой. Вне исторического самосознания народа любое действие – даже чрезвычайно масштабное – немедленно утрачивает смысл, становится проявлением хаоса, а не порядка.
Поэтому осознание логики истории народа является необходимым элементом обществоведения. Без этого знание об обществе повисает в воздухе и становится пустой абстракцией.
Общество -- явление историческое, оно неразрывно связано с осознанием народом логики своего развития. И любая типология обществ, их сравнение между собой, метод их изучения не могут не учитывать того, что члены данного общества сами думают о нем, о его истоках, его содержании и цели его существования.
Три взгляда на исторический процесс. Осмысление истории народа может проходить с различных философских позиций. Можно выделить три основных взгляда на историю:
• история как регресс – «настоящее хуже прошлого, а будущее хуже настоящего» (традиционализм, консерватизм),
• история как циклы – «вечное возвращение» (исторический перманентизм),
• история как прогресс – «настоящее лучше прошлого, будущее лучше настоящего» (прогрессизм, эволюционизм).
Каждая из этих позиций содержит в себе особую логику осмысления истории.

Консерватизм: история как упадок. Консервативное видение исторического

процесса берет за образец древние общества и их структуру. Здесь действует принцип нисхождения истории от «золотого века» к «веку железному». Исторический процесс представляется постепенным отходом от изначальной нормы, упадком и деградацией. Это сказывается и на трактовке исторических событий: эпизоды древнейшей истории народа превозносятся, воспеваются в культуре и принимаются некритично. Все последующее оценивается в сравнении с миром древних: чем больше сходства, тем лучше рассматриваемый исторический период, чем меньше -- тем хуже.
Такие взгляды свойственны большинству традиционных религий, осмысляющих логику истории как движение от рая к аду, к светопреставлению и финальной катастрофе, которая разразится из-за того, что люди отошли от образцов «великого прошлого». В конце истории наступит избавление и восстановление изначального «золотого века».
Чем консервативнее общество, чем фундаментальнее в нем религиозные начала и установки, тем шире преобладание скептического отношения к нововведениям и процессам модернизации.
Циклизм: история как неизменность. Циклическое понимание истории свойственно не только древним религиям (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство), но и некоторым современным историческим школам (Н.Я.Данилевский (1822–1885), О.Шпенглер (1880-1936), А.Тойнби (1889-1975), Л.Н.Гумилев (1912-1992) – показательно название книги Л.Н.Гумилева «Конец и вновь начало», М., 2004). Согласно этому взгляду на историю однолинейного прогресса не существует: любое общество, народ или цивилизация развиваются по циклическому принципу, причем ритм этого развития и длина циклов не совпадают. У каждого общества есть расцвет, зрелость и упадок. Но мера этих явлений понятна только изнутри данного общества и не может быть оценена извне.
Историки данного направления считают, что ничто в жизни человечества принципиально не меняется, все научные достижения и новые теории скрывают под собой некое постоянное содержание. Технический прогресс не несет в себе автоматически прогресса морального: человечество и в новейшие эпохи остается жестоким, иррациональным, эгоистичным и наивным, -- точно таким же, как всегда. Об этом свидетельствуют, в частности, мировые войны и тоталитарные режимы, появившиеся в XX веке -- как раз тогда, когда более всего велось разговоров о «гуманизме», «прогрессе», «мире», «развитии» и «правах человека».
Задача историка, стоящего на позициях циклизма, состоит в том, чтобы точно определить, в какой точке цикла находится рассматриваемое общество, и какова структура этого цикла в целом.
Прогресс: история как поступательное развитие. Третий взгляд на историю, появившийся в Западной Европе в Новое время вместе с эпохой Просвещения (XVIII век), рассматривает историю как однонаправленный и необратимый прогресс, как поступательное движение, где каждый последующий этап качественно совершенней предыдущего.
Впервые термин «прогресс» применительно к течению времени употребил англичанин Френсис Бэкон (1561-1626). В 1750 году французский философ Тюрго (1727-1781) сформулировал аксиому прогресса в следующих словах: «Тотальная масса человеческого рода идет постоянно ко все большему совершенству».
Теории «исторического прогресса» берут за образец опыт западно-европейской

цивилизации, рассматриваемый как путь непрерывного прогресса и развития. При этом по умолчанию считается, что по этому пути суждено пройти всем остальным народам, странам, культурам и цивилизациям. Общества, которые развиваются по иной траектории, прогрессистский подход автоматически записывает в «недоразвитые», «примитивные» и «нецивилизованные».
В последние двести лет прогрессистский взгляд на историю завоевал много сторонников, став официальной догмой не только западной исторической школы, но и большинства ученых-гуманитариев во всем мире. Распространение идеи «прогресса» связано с притягательностью западной культуры и техники, а также материального благосостояния для остальных народов. И если, с теоретической точки зрения, все взгляды на логику истории могут быть аргументированы с одинаковой убедительностью, пример материального благополучия стран Запада добавляет веса западной гипотезе «прогресса», особенно в глазах тех слоев населения, для которых материальные ценности убедительнее и весомее, нежели духовные и нравственные.
Противники этой теории возражают, отказывая техническому развитию в том, чтобы быть высшим критерием, коль скоро оно не сопровождается соответствующим развитием духовной сферы.
Единой картины истории не существует. Наличие трех основных позиций в выборе взгляда на логику истории показывает, что в сфере обществоведения никакой единой исторической картины просто не может быть. И консерваторы и прогрессисты будут настолько по-разному толковать то или иное событие, ту или иную реформу, ту или иную историческую личность, что может сложиться впечатление, что речь идет не об истории одного и того же народа, а о чем-то совершенно различном.

Контрольные вопросы

1. Назовите три основных взгляда на сущность исторического процесса.
2. Как видят историю консерваторы?
3. На чем основывается вера в прогресс?
4. Может ли быть техническое развитие основным аргументом в пользу в пользу теории всеобщего прогресса? Обоснуйте свой ответ.
5. В чем, на ваш взгляд, циклисты видят подтверждение своим теориям о том, что все в истории повторяется?

2.2. Общество и его содержание

«Общество – это природа, но только целиком созданная человеком.»
М.Вебер

Определение «общества». «Общество» (по лат. «societas», отсюда -- «социальный», т.е. относящийся к «обществу», «общественный») в широком значении этого термина есть способ и, одновременно, среда существования человека. В отличие от животного, поведение человека, помимо биологических механизмов, определяется влиянием общества, которое формирует личность, делает человека человеком. Все представители животного мира появляются на

свет готовыми к самостоятельному существованию в окружающей среде, снабженными аппаратом инстинктов и генетических программ. Ребенок же с момента рождения попадает не в природную, а в социальную среду, которая готовит его к дальнейшей самостоятельной жизни, начиная с самых элементарных функций – питания, передвижения и т.д.

«Неотения». Для того, чтобы подчеркнуть общественный характер человека, психологи (в частности, А.Портман) выдвинули термин «неотения», предлагающий рассматривать первый год существования новорожденного человека как «пребывание в социальной утробе». В сравнении со сходными биологическими видами человек появляется на свет слишком рано для самостоятельного существования в окружающем мире, и это заставляет рассматривать начальный период развития ребенка как продолжение цикла «беременности» («пренатальное» состояние), проходящее не в физическом, а в социальном организме. Лишь после 10-12 месяцев пребывания в общественных условиях (семьи или иных социальных институтов) ребенок получает навыки адаптации к окружающему миру, которыми животные наделены в момент своего появления на свет.

Теория «неотении» подчеркивает фундаментальное влияние общества на человека не только в периоды воспитания, развития рассудочной деятельности и активного участия в общественных процессах, но и на самом первом этапе жизни, когда закладываются многие механизмы, в дальнейшем предопределяющие структуру личности и ее идентичность.

Язык основа социальности. Огромную роль на раннем этапе жизни человека играет язык, на котором говорят окружающие. Его звуки, интонации, а позже и схватываемые ребенком простейшие смыслы формируют структуру мышления, предопределяя заложенные в нем ассоциации, логические связи, структурированные процессы. Язык настолько важен для человеческого существа, что некоторые ученые приравнивают его к самой сущности «общества», а социальную среду отождествляют с языковой средой. «Общество» как среда бытия человека основано на коммуникации, общении, обмене знаниями, а следовательно, язык лежит в центре общественного бытия. Структура общества и структура языка, преобладающего в обществе, представляют нераздельное целое до такой степени, что невозможно строго провести между ними водораздел или решить вопрос о том, что первично -- «язык» или «общество».

Пол как социальное явление. Другим важнейшим элементом, закладываемым в период самого раннего детства, является половая идентификация. Эта область формирования личности подробно исследуется психологами, сексологами и психо-аналитиками, строящими на тщательном анализе отношений в семье в первые годы жизни ребенка личностный портрет и, в первую очередь, структуризацию его половой идентичности.

Общество содержит в себе смысл, разум и волю. В обществе концентрируется сущность человеческого бытия: все что отличает человека от чисто природного существа и обнаруживает его разумную и духовную природу. Общество выполняет в отношении людей ту же роль, какую выполняет природа для остальных живых существ. Более всего человек отличается от животных наличием разума и воли. Следовательно, силовыми линиями структуры человеческого общества становятся именно эти качества. В обществе запечатляется, развивается, передается и видоизменяется «коллективный разум», и на основании маршрутов и структур этого «коллективного разума»

определяется спектр и ориентации действий, проекты и решения индивидуума. Можно сказать, что «общество» представляет собой «большого человека», коллективную личность, живую и развивающуюся.
Общество содержит в себе, производит и подчас видоизменяет смыслы, выстраивает их иерархии, распределяет и группирует их. Вне общества нет смысла, и каждый член общества получает возможность взаимодействовать со смыслами только в социальном пространстве. Чисто индивидуальный смысл, оторванный от общественных установок, не может существовать, и будет полной бессмыслицей.
Точно так же и с понятием воли. Индивидуальная человеческая воля (если не брать во внимание проявление чисто биологических потребностей и влечений) становится реальностью только в общественном контексте, где она приходит во взаимодействие с волей других людей. Из совокупности волевых импульсов складывается жизнь конкретного общества.
Даже высшие истины религии тесно связаны с наличием общества. В «Евангелии» Христос говорит: «...Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (От Матфея 18: 20). Это означает, что для полноценной религиозной организации необходимо минимальное общественное измерение, которое и является изначальным условием существования священного института Церкви.
Семья как модель общества. Первичной ячейкой общества является семья. Институт семьи известен в той или иной форме на протяжении всей истории человечества. Зафиксированы исторически различные типы семей: полигамные (в том числе «полиандрии» – т.е. «многомужество»), моногамные, патриархальные, матриархальные, с различными моделями наследования (по отцу, по матери, к старшему брату, к младшему брату и т.д.)
В семье структурируются основные общественные отношения – иерархия, культура, распределение функций полов, преемственность, отношение к собственности, обрядовая сторона жизни, модели соучастия в больших коллективах и т.д. Семья есть малая модель общества, а само общество может быть уподоблено большой семье.
Наиболее древние правовые кодексы, как правило, относятся к урегулированию отношений в семье – в вопросах брака, наследства и т.д. Древнейшие системы запретов (табу), составляющие архаический пласт религиозных культов, также связаны с систематизацией семейных отношений – в частности, с запретом на кровосмешение (инцест).
В православной традиции христианская семья называется «домашней церковью», так как в ней, по словам Христа, «во имя Божие собраны двое или трое». Брак в христианстве считается таинством, и брачный символизм широко используется для описания отношений Бога с людьми: Христос часто предстает в образе Жениха, а Церковь, иногда душа христианина, -- в образе невесты Христовой.
В семье отражаются в миниатюре основные модели общественных отношений.
Патриархальная семья. В последние тысячелетия большинство народов живут в условиях патриархальной семьи (моногамной или полигамной), осмысленной как важнейшая правовая, нравственная, социальная, культурная и политическая категория. В Римском праве патриархальные отношения были жестко регламентированы, основные публичные функции делегировались главе семьи, а жена и дети до определенного возраста рассматривались как своеобразная «частная собственность» домохозяина (наряду с рабами). В

патриархальной семье высшим является старший мужчина, глава семьи. Женщины и дети находятся от него в психологической, юридической и экономической зависимости.
Патриархальные принципы настолько укоренились в человеческой психологии, в самом устройстве общества, в языке, культуре, религии, экономике, что продолжают оказывать решающее влияние на человека и в последние века, когда западно-европейское общество выдвинуло программу отказа от патриархата, юридически уравняв в правах мужчин и женщин и провозгласив «равенство полов». Тем не менее в обычной жизни и в семейной практике социальная программа эмансипации женщин, подкрепленная изменением юридической базы, до конца так и не воплотилась. За это ответственны тысячелетия патриархальной истории, повлиявшей на мужскую и женскую психологию, на культуру, мышление, бытовое поведение и даже структуру языковых форм
Властные отношения -- неотъемлемая черта общества. Общество всегда несет в себе представление о характере и статусе власти, смысле и форме распределения властных функций. Фактор власти настолько принципиален для понимания структуры общества и объяснения человека и человеческой истории, что некоторые современные философы (в частности, Фридрих Ницше (1844-1900)) рассматривали «волю к власти» как основополагающую характеристику человека как вида – по меньшей мере, в его общественном проявлении.
Любое общество обязательно предлагает свое видение распределения властных функций и отношений, вытекающее из религиозных и философских начал, на которых оно основано.
Властные отношения пропитывают общественную среду, и базовое представление об иерархии запечатлено уже в структуре языка (где грамматические правила отражают модели властных функций, выделяя в каждом предложении главное, второстепенное, активные и пассивные формы, иерархизируя всю структуру речи) и в семье. Попадая в общество, человеческое существо с первых дней появления на свет оказывается в сфере игры властного начала, постепенно осваивая диалектику приказания и подчинения, зависимости и свободы.
Структура власти составляет ось общественного бытия. Это касается даже тех особых обществ, которые сознательно задаются целью организовать общежитие на началах полного равенства. Как показывает опыт коммунистических режимов, и даже анархических или сектантских общин, отвержение традиционных иерархий приводит к появлению новых (подчас еще более жестких) иерархических структур, даже в случаях, когда ставится цель достичь полного равенства. По словам английского писателя Дж. Оруэлла (1903- 1950) кто-то всегда оказывается «равнее других» (Дж. Оруэлл «Ферма животных», М., 1996).
Собственность как материализация власти. Властные отношения получают материальное воплощение в понятии «собственность». Русские слова «власть» и «владение» показывают родство этих понятий. В религиозных обществах материальный мир считался проявлением мира духовного, а система вещей и предметов материального мира -- совокупностью символов, указывающих на более высокие уровни бытия.
Если властные отношения представляли собой социальное явление, то выражение этих отношений в материальной среде осуществлялось через

отношение к собственности.
Постепенно, однако, собственность приобрела самостоятельное значение, и то, что в собственности находилось, окончательно утвердилось в самостоятельном статусе «объекта» («предмета»).
Требование обособления общественных отношений, выстраиваемых вокруг властных функций, от общественных отношений, выстраиваемых вокруг собственности, стало основой буржуазно-демократического движения и постепенно привело к появлению капиталистического общества, где экономическая сторона общественной жизни (по меньшей мере, в теории) отделена от политической. Этот принцип разоблачили как «уловку капитала» представители социальной критики (марксизм), настаивавшие на том, что отношение собственности и есть основа властных отношений, в связи с чем невозможно отделить экономику от политики. В логике марксистов модель религиозных обществ была перевернута: там имущественное состояние высших каст и сословий считалось проявлением их духовного превосходства и высокой внутренней природы; марксисты же утверждали, что властные функции определяются контролем над материальной собственностью и не имеют никакой высшей цели, кроме той, чтобы эту собственность сохранять и приумножать (за счет эксплуатации труда и превращения его в товар).

Контрольные вопросы

1. Влияет ли общество на человека в первые годы жизни?
2. Как вы понимаете значение семьи для человека? Чем является семья для вас лично?
3. Как язык влияет на мышление?
4.Возможно ли общество без властных отношений? Как вы сами думаете?
5.Чем являются властные отношения для общественной жизни?

2.3 Три основных типа общества: традиционное общество, модерн, постмодерн

«Человечество одновременно пошло различными путями и, следовательно, доктрина,
принципиально утверждающая, что оно всегда и всюду преследует одну и ту же цель,
базируется на заведомо ошибочном постулате».
Э.Дюркгейм

Три типа обществ. В обществоведении принято различать три основных типа общества: «традиционное общество», «обществао модерна» и «общество постмодерна».
«Традиционное общество» как понятие. «Традиционными обществами» называют те общества, которые существовали в Древности и Средние века вплоть до начала эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения в Европе. «Традиционные общества» существуют и по сей день в тех странах и у тех народов, которые либо отвергают модернизацию, либо принимают ее частично и фрагментарно.
«Традиционное общество» является исторически самым распространенным типом общества. В нем человечество пребывало на протяжении практически

всей своей истории и во всех уголках планеты.
«Традиционное общество» основано на преобладании духовных ценностей, воплощенных в религии, культе, мифе, ритуале, системе запретов и предписаний. «Традиционное общество» называют также «обществом сакральным» (от лат. «sacrum», «священнодействие», «священство», «святыня»).
Традиционное общество является не столько историческим этапом, сколько сознательным выбором, так как люди могут продуманно и с опорой на собственную волю выбрать жизнь в традиционном обществе как свою судьбу, проект и историческое решение. В настоящее время это происходит в большинстве исламских стран.
Характеристики «традиционного общества». Главными чертами «традиционного общества» являются:
• представление о Вселенной как разумном и упорядоченном явлении, наделенном духовным смыслом и управляемом Высшим Началом (Существом),
• вера в то, что человеческое общество (его история, культура и т.д.) есть следствие упорядочивающего воздействия этого Высшего Начала, которому люди должны поклоняться и служить и к которому восходят, в конечном счете, все общественные институты, правила, законы, обряды и устои,
• убежденность в том, что общественная и политическая система покоится на духовной гармонии мироздания и отражает близость определенного типа людей к Высшему Началу (священная природа иерархии),
• признание превосходства целого над частным, целостное восприятие мира, постоянная интуиция взаимосвязи всех вещей между собой (что вытекает из наличия у них единого Начала),
• почитание божественной Традиции (священного предания) как безусловной истины, высшего авторитета, источника знаний и основы для принятия правильных решений во всех возможных ситуациях,
• центральное место священного символа, чей смысл превышает компетенцию рассудка,
• недоверие человеческому рассудку как последней инстанции в определении критериев истины, стремление соотнести его заключения с установками Традиции,
• наделение ценностью древних (подчас мифологических) времен и событий (принцип «золотого века»),
• признание вечности как реально существующего измерения бытия,
• представление о том, что душа человека не исчезает вместе с физической смертью, но продолжает существовать в особых измерениях, что учитывается в структуре общественной организации («прошлые поколения являются составной частью общества»).
«Традиционное общество» имеет множество разнообразных вариантов, но все перечисленные характеристики обязательно присутствуют в нем в той или иной форме.
«Традиционное общество» монотеистических и немонотеистических религий. Среди широкого многообразия «традиционных обществ» следует выделить два основных типа: общества, основанные на монотеистических религиях, и на немонотеистических религиях.
«Монотеистическими» (греч. «монос» -- «одно» и «теос» -- «бог») называют религии, утверждающие единство и единственность Бога-Творца, единовременное сотворение Им мира «из ничто», принципиальное различие

бытия Бога и бытия мира. В монотеистических религиях появляется идея «линейного времени», так как творение мира Творцом происходит однократно и устанавливает временную ось (стрелу времени), направленную от момента творения (начало) к концу мира.
Монотеистическими религиями являются – иудаизм, христианство и ислам. Все остальные религии (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство, зороастризм, шаманизм и т.д.) являются «немонотеистическими».
«Немонотеистическими» религиями называют те, в которых утверждается принципиальное тождество бытии мира и бытия Бога, либо отсутствует ясно выраженное представление о едином Боге и единовременности акта Творения. Иногда «немонотеистические» религии называют «политеизмом» (от греч. «поли» -- «много» и «теос» -- «бог»), неверно усматривая в них отсутствие представления о едином Первоначале. На самом деле, многие немонотеистические религии (в частности, индуизм или греческий «орфизм») признают единое высшее Начало, но считают его соприродным миру. «Немонетеистические» религии иначе называют «языческими», но и это является «полемическим» и «уничижительным» наименованием, данным монотеистами всем остальным религиозным формам.
Немонотеистические религии, как правило, видят время циклически. Божественное присутствие в мире то проясняется («светлый период», «день мира»), то затемняется («темный период», «ночь мира»), и этот ритм откровений и сокрытий не имеет ни начала, ни конца, конец одного цикла автоматически влечет за собой начало другого.
Общество, основанное на монотеистической религии, видит в своем устройстве зеркало божественного мира, повторяющее в сотворенном и тленном веществе структуру божественных иерархий. Бог находится за пределом, вне общества, хотя общество является Его тенью. Между людьми и Богом существуют отношения абсолютного Господина (Бог) и абсолютного раба (человек), Творца и творения. Такое общество в центре всегда имеет моральный выбор, так как творение постоянно решает проблему: подчиняться Творцу (благо), либо восстать на Него (зло). Отсюда вытекает центральное значение воли и проекта, выбора обществом исторического пути. Теоретически такое общество мыслится свободным в принятии основополагающего решения: отражать и укреплять божественный порядок, либо отвернуться от него и пойти собственным путем с опорой на собственные силы.
Общество, основанное на немонотеистических религиях, считает, что Божество соучаствует в общественной жизни напрямую, это не отражение божественное порядка, но его прямое выражение, присутствие. Высшие касты в таком обществе, как правило, не просто призваны служить Богу, но сами являются «богами» и «родственниками богов». В таком обществе важен не столько моральный выбор, сколько обряд, символ и ритуал, которые сами по себе гарантируют непрерывный цикл обращения божественных энергий. Моральная проблематика здесь не имеет центрального значения, так как общество есть лишь выражение высших сил, и процессы, в нем происходящие, зависят, прежде всего, от самого Божества, и лишь во вторую очередь, от человеческой воли, решения и выбора.
И монотеистические и немонотеистические общества относятся к категории «традиционных», ставят в центре Божественное Начало, соответствуют всем остальным критериям «традиционного общества». Но между ними существуют различия в моральном смысле, что позволяет выделить их в два

самостоятельных множества.
«Традиционное общество» у этносов и у народа: роль монотеизма.
«Традиционное общество» немонотеистичсекого типа характерно для жизни и хозяйства этносов, пребывающих в относительном равновесии, развивающихся по инерции. Когда этнос или группа этносов осознают себя народом, они выходят из циклического рановесия, прерывают инерцию. Историческое бытие приобретает для них моральный смысл. Так рождается линейное время и историческое самосознание.
История есть продукт свободной воли народа, направленной в будущее -- на исполнение особой миссии. Вступая в историю, народ сам же и начинает творить ее.
Большинство народов, начиная осознавать свое бытие в линейном времени, сохраняет устои «традиционного общества». Однако, эти устои, как правило, меняются на уровне религиозного содержания. Становление народа народом связано чаще всего с принятием монотеистической религии, в которой присутствует идея линейного времени, направленного на достижение финальной цели – спасения, искупления, преображения мира.
Монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам) дают наилучшие идейные основания для полноценного становления народа. Это происходит в рамках «традиционного общества», но уже особого типа, где пассивное освоение мифа, доставшегося в наследство (этническая фаза), сочетается с активным творением мифа – через исторические деяния народа.
Христианизация европейских этносов стала стартовой чертой для их перехода от этнического состояния к осмыслению себя полноценными народами.
И хотя между циклическим миросозерцанием (этнос) и линейным представлением об истории (народ) существует множество отличий, общества с такими мировоззрениями относятся к единому типу «традиционных обществ», так как остаются в рамках религиозного контекста и сохраняют иерархическую структуру.
Концепция и основные характеристики «общества модерна». «Общество модерна» («современное общество»(1)) стало складываться в Западной Европе, начиная с XVI века под влиянием идей эпохи Возрождения и движения Реформации. Кризис западно-христианской католической культуры, политические катаклизмы, природные бедствия (распространение эпидемий, поразивших европейские страны), исчерпанность и вырождение феодальной системы привели к тому, что в ряде разрозненных интеллектуальных групп стала складываться радикальная критика католической цивилизации, которая, начиная с IX века, была основной формой «традиционного общества» в Западной Европе. (Отметим, что в те же века православие было преимущественной формой «традиционного общества» для народов Византии и Восточной Европы, включая Древнюю Русь). История знает много примеров того, как вырождение одного типа «традиционного общества» приводило к появлению другой его формы¸ при том, что основополагающие устои этого типа общества сохранялись. Новизна ситуации в Западной Европе XVI и последующих столетий состояла в том, что критика католической версии «традиционного общества» переросла в критику «традиционного общества» как такового и привела к созданию принципиально нового проекта, отвергающего устои «традиционного общества» в целом, включая религию, традицию, обряд, ритул, символ, представления о загроабной жизни, душе и т.д. Этот проект позднее получил название «общества модерна».

Протестантизм, оставаясь номинально христианством, отбросил основные черты церковного учения в его католическом обличии, и на месте традиции основал свободу индивидуального, произвольного и чисто рационального толкования текстов Священного Писания. Протестанты отвергли авторитет священства, церковное предание, таинства, обряды, литургическую практику, многие догматы католичества.
Вслед за протестантами пришла следующая плеяда европейских мыслителей, которые принялись за критику других сторон католической догматики, религиозной философии, естественно-научных представлений европейского «традиционного общества» (аристотелизма схоластов). Пересмотр всех начал коснулся и основ социальной организации общества, когда под сомнение были поставлены основные институты – монархия, сословные привилегии, экономический уклад.
В результате стала складываться «научная картина мира», основанная на индивидуальном рассудке и предлагающая приницпиально новое понимание общественного устройства.
«Общество модерна» характеризуется следующими основными чертами:
• представление о Вселенной как о механизме, функционирование которого требуется вычислить и усовершенствовать (от идеи, что у этого механизма есть автор, – «Бог-Часовщик» Ньютона, -- постепенно переходят к идее, что такого автора нет, и что материя упорядочена сама по себе и что окружающий мир есть результат случайного развития),
• уверенность в том, что в основе общества лежит договор между отдельными индивидуумами («общественный договор»), заключаемый для пользы каждого из них и могущий быть пересмотренным или отмененным в любой момент, так как в его законах и правилах нет ничего «священного» (принцип «светскости»),
• вера в то, что общественная и политическая иерархия должны быть упразднены, а общество должно строиться на меняющемся балансе частных интересов отдельных групп (политических партий),
• признание превосходства частного над целым, фрагментарное восприятие мира (отсюда жесткое разделение научных дисциплин, видов искусства, строгая классификация животных видов, природных и общественных явлений и т.д.),
• презрение к Традиции как совокупности «рационально необоснованных» ограничений и запретов, как пережитков «дикости» и «варварства», требующих скорейшего преодоления,
• отказ символу в самостоятельном духовном бытии, приравнивание его к искусственно придуманному людьми «имени» («номинализм»),
• объявление высшим критерием истины результатов деятельности свободного человеческого рассудка, полное доверие рациональным выводам, наделение рациональности статусом высшей ценности,
• презрение к прошлому как к «царству тьмы», ожидание от будущего улучшения социальных и материальных условий существования, просвещения, повышения разумности общественного устройства, роста комфорта, надежда на развитие науки и техники,
• признание «вечности» выдумкой и убежденность в том, что все существует лишь во времени и развитии и что «ничего постоянного нет»,
• теория того, что человек смертен, его жизнь н возможна без тела, и после его кончины не остается ничего.
Структура основных моментов «общества модерна» противоположна

устройству «традиционного общества», и сам проект модернизации был задуман именно как опрокидывание устоев «традиционного общества», «ниспровержение старого мира и старой жизни». Первая строчка гимна Французской революции «Марсельезы» декларирует: «Мы покидаем старую жизнь!» («Nous quittons la vie ancienne!»)

Проект социальной модернизации и означает переход от «традиционного общества» к «обществу модерна».

При переходе от «традиционного общества» к «обществу модерна» происходит смена всех основных параметров общественной среды: в отличие от предшествующих исторических трансформаций не просто одна религия сменяется другой, одна форма богословия и восприятия священного космоса уступает место иной форме, но отбрасывается основополагающая структура, присущая всем разновидностям «традиционных обществ» -- как монотеистических, так и немонотеистических.

Этапы становления «общества модерна» в Европе. История окончательного возникновения «общества модерна» в самой Европе имело три этапа.

Вначале – эпоха Возрождения – были ниспровергнуты принципы католического традиционного общества в пользу смутного мистического мироощущения, в котором большую роль играли «дохристианские» и немонотеистические представления (в частности, неоплатонический мистицизм, магия и алхимия).

На следующем этапе – эпоха Реформации – был нанесен удар по католическому вероучению, традиции, иерархии. Лютер, Кальвин и другие вожди протестантизма проделали то, что до них никогда не предлагали религиозные реформаторы: они перенесли центр внимания исключительно на человеческий уровень, сделав вопросы веры целиком и полностью зависимыми от рассудка и рациональных выводов.

Просвещение довело эти тенденции по разрушению основ европейского традиционного общества до логического предела, опрокинув основы религии как таковой, чего не делали не деятели Возрождения, ни протестанты. Просветители не просто подвергли традиционное общество критике, они отвергли все его основные принципы, причем не только в отношении западно-христианской католической разновидности «традиционного общества», но в отношении «традиционного общества» в целом. Как у деятелей Возрождения и у протестантов в центре внимания просветителей был человек, но теперь оторванный от всех магических и морально-религиозных оснований, человек сам по себе.

Так, в при этапа произошло не бывалое в истории явление: системное переворачивание всех основ «традиционного общества» и утверждение на их месте принципиально новых критериев, опирающихся на собственную логику, систему доказательств и авторитетов, на собственные аксиомы и теоремы, доказываемые исходя из новых условий, предварительно сформулированных и принятых за истину в последней инстанции. Этот историчсекий период принято называть «Новым временем», так как здесь складывается, действительно, совершенно новый и неизвестный доселе тип общества – «общества модерна».

«Расколдованный мир» и появлений наций. Народы, вступившие в «Новое время» и признавшие правомочность норм «современного общества», полностью расстаются с сакральностью, мифом, с какой бы то ни было священной целью существования и превращаются в «нации» -- искусственные государственные, политико-экономические образования, основывающие свою деятельность на рациональном расчете и четко просчитанном интересе. Здесь

история освобождается от священного содержания, становится продуктом рассудочных действий и экономической выгоды.
Социолог Макс Вебер назвал это явление «расколдовыванием мира».
«Общество модерна» отметает священное измерение в мире и обществе как «предрассудки» и «выдумки»; в природе и человеческой жизни все отныне рассматривается как функционирование бездушного механизма – абстрактных законов или частных интересов. Божество и духовный мир изгоняются на периферию – верить в них или не верить становится делом отдельного человека, на общество в целом они более никак не влияют.

Параллельно этому у многих европейских народов осуществляется переход от самосознания себя «народами» -- т.е. общностью судьбы, объединенной общим священным прошлым и священной исторической целью – к становлению «нациями», т.е. искусственными коллективами, связанными рациональными социальными интересами, в первую очередь, экономическии.
Превращение народа в «нацию» сопровождается подъемом третьего сословия, буржуазии, установлением норм либеральной демократии и распространением рыночной экономики, превращением коллектива из организма в механизм.
Развитие науки и техники. Появление проекта «общества модерна» сопровождалось бурным развитием капиталистической экономики и впечатляющим научно-техническим прогрессом. Поместив все ценности в земной отрезок существования, «общество модерна» стало развивать те виды деятельности, которые либо откровенно подавлялись в «традиционном обществе», либо считались чем-то периферийным и второстепенным. В результате от замысла разрушения католической цивилизации феодального типа новое «общество модерна» перешло к позитивной программе и стало приобретать зримые черты. Это воплощалось в:
• эпохе буржуазных революций с их новой социальной и предпринимательской динамикой,
• рывке инженерной мысли и появлении новых технических средств, в особенности -- развитии машинного производства,
• великих географических открытиях и колонизации европейцами большинства территорий планеты.
Вынужденный характер модернизации некоторых традиционных обществ. Оснащенные эффективными техническими средствами, сознательно поставленными на достижение практических целей, не отягощенные сложной системой запретов и ритуалов, европейцы Нового времени в короткие сроки создали такую общественную модель, которая доказывала свою эффективность через покорение остального человечества и использование технических средств и экономических механизмов в борьбе с конкурентами (в частности, Российской Империей, Османской Турцией и т.д.). Поэтому даже те страны, которые по внутренней логике не пришли к отрицанию «традиционного общества» и не разочаровались в его устоях, были вынуждены – в чисто прагматических целях – перенимать западно-европейский опыт в науке и технике, чтобы защититься от весьма вероятной агрессии европейских держав, использовавших свои достижения в корыстных целях. Перенимая научно-технические стороны западного общества, другие цивилизации волей-неволей впитывали в себя и философские начала «общества модерна», предполагающие прямое и фронтальное отрицание «традиционного общества». Это порождало смешанные общественные модели, где элементы двух (взаимоисключающих) типов общества, тем не менее, сочетались.

По этому пути шли многие страны Востока, вступившие на определенном этапе в конкуренцию с Европой. Остальные же оказались в сходной ситуации, став европейскими колониями. Модернизация внедрялась колонизаторами и затрагивала узкую прослойку местной элиты, сотрудничавшей с колониальной администрацией. Уже в XX веке в ходе деколонизации и освободительной борьбы многих народов Третьего мира они снова оказались в той же ситуации – определенные черты «общества модерна» было необходимо перенимать для прагматического укрепления своей независимости, а черты «традиционного общества», в свою очередь, были необходимы для подъема идентичности и поддержания чувства национальной самобытности.
Диалектика элементов «традиционного общества» и «общества модерна» составляет наиболее сложную и в то же время занимательную сторону обществоведения.
Появление концепции «общества постмодерна». Во второй половине XX века общественное развитие стран Западной Европы и Северной Америки достигло такого качественного уровня, что стало возможно говорить об окончании построения «общества модерна» и о полном «освобождении» его от инерции «традиционного общества». Основные принципы «современного общества» были внедрены в жизнь. В середине столетия буржуазные демократии совместно с СССР справились с угрозой фашизма, бросившего вызов «западной демократии» и «духу Просвещения». В 90-е рухнула советская система, представлявшая собой попытку альтернативной модернизации с учетом специфики истории русского народа и ее диалектики. Таким образом, к концу XX века буржуазно-демократическая либерально-капиталистическая модель оказалась в роли единственной и безусловной наследницы эпохи Просвещения и была признана эталоном «общества модерна».
В этот период триумфа «общества модерна», сопровождавшегося убедительной политической победой над прямыми противниками (фашистские режимы 30-х) и конкурентами (социалистические страны) и новым витком технического развития (распространение информационных и сетевых технологий, прорыв в исследовании генома и т.д.), западные философы стали говорить об исчерпанности «модерна» и начале новой эпохи – «эпохи постмодерна», предполагающей появление нового типа общества – «общества постмодерна»(2).
Общество постмодерна – сложное явление, недостаточно описанное и исследованное в научной литературе, так как основные характеристики этого общества только начинают проявляться. Сегодня до конца осмыслить процессы, которые могут привести к различным и подчас непредсказуемым результатам, не возможно. С одной стороны, «общество постмодерна» продолжает в основных чертах реализовывать программу Нового времени и эпохи Просвещения, стремясь предельно освободить человека от давления Традиции и ее пережитков, предоставив ему полную свободу от запретов и табу, властных иерархий и систем подавления. С другой стороны, это общество обрушивается на «общество модерна» с сокрушительной критикой, разоблачая его не как шаг вперед по отношению к «традиционному обществу», а как завуалированное издание все того же «традиционного общества».
«Разоблачение модерна» в постмодернизме. Основная идея философии постмодерна состоит в том, что Новое время не смогло до конца сокрушить «идолов Традиции» и лишь назвало их по-другому. На место абстракции «Бога» поставили аналогичную абстракцию, названную «человеком». На место

иррациональной диктатуры «Откровения» - рациональную диктатуру «рассудка». На место религии и жрецов – науку и «заговор академиков». На место властной иерархии – материальное неравенство (капитализм).
Философы «постмодерна» обнаружили в «обществе модерна» множество элементов «традиционного общества», которые лишь поменяли обличие. Это привело к выработке принципиально новой социальной и философской стратегии, нового стиля, где в центре внимания стали новые критерии и методологии.
Как «общество модерна» разоблачало идею Бога и творения как религиозный миф и «выдумку», так философы «постмодерна» обратили свою критику на понятие «реальности», «разумности», «времени», поставив под сомнение универсальность научных законов, увидев в них лишь абстракции рассудка, «тоталитарно» навязываемые людьми внешней среде.
Отрицая науку как ценность и достоверный метод познания, постмодернисты признавали только технику и технологии. Вместо реальности они ставили в центре внимания понятие «виртуальности» (от лат. «virtus» -- «качество», «видимость», «свойство»); под «виртуальным» принято понимать то, чего не существует в действительности, но что дано нам в представлении, ощущении, образе, изображении. «Виртуальное» может означать также «возможное», своего рода «план реального». В постмодернизме «виртуальность» понимают как основную форму существования – не как отвлеченную и вторичную схему реальности, но как матрицу самой реальности. Виртуальность здесь выступает как нечто первичное по отношению к реальности. Мир в постмодерне виртуален по своей сути.
Вместо истории как однонаправленного процесса, общество постмодерна признает «пост-историю» или «конец истории», когда развертывание событий перестает быть логически последовательным, но становится произвольным и случайным, причинно-следственные цепи нарушаются, культура замыкается в постоянном повторении уже пройденного («рециклирование») – это, в первую очередь, видно в тенденциях моды.
В экономической терминологии общество постмодерна принято называть «постиндустриальным» обществом (так как «общество модерна» было «индустриальным», а «традиционное общество» – преимущественно аграрным, «доиндустриальным»).
Основные черты «общества постмодерна». Развитие коммуникационных технологий, информатики, сетей, а также процессы глобализации придают «обществу постмодерна» характер вполне объективного состояния современной социальной среды. И хотя это общество остается пока тенденцией, реализованной лишь в отдельных деталях, его признаки по аналогии с характеристиками других типов общества вполне поддаются систематическому рассмотрению.
Главными чертами «общества постмодерна» являются:

- признание иллюзорности всего («Матрица»), приравнивание виртуальной реальности к реальности как таковой, стирание грани между состоянием «on line» и «off line»,
- убежденность в том, что общество -- это глобальная сеть и совокупность пользователей, свободных произвольно выбирать идентичность, место проживания, род занятий, пол и т.д., отказ от признания каких-либо общественных авторитетов,
- убежденность в том, что общественная и политическая иерархия имеют

игровой ироничный характер (поющий президент, танцующие канкан депутаты парламента, порно-звезда, заседающая в сенате), и должны быть отменены,

- отказ от любой цельности, признание реальности «конгломератом случайных фрагментов», «мир есть экстравагантный ансамбль (Конш),
- культ иррационального, произвольного, случайного, отказ как от авторитета и Традиции, так и от рассудочности, пристальное внимание к телесности, которую требуется «освободить от диктатуры рассудка»,
- рассмотрение знака как самодостаточной реальности, оторванной и от означаемого (предмета) и от значения (смысла), теория симулякра (копии без оригинала),
- недоверие человеческому рассудку как последней инстанции в определении критериев истины и блага, рассмотрение «шизофрении» как нормы, представление о мире как о шизофренической бессмысленности,
- наделение ценностью мгновения, в котором запечатлен случайный образ, эмоция, желание или ирония, признание обратимости времени и «конца истории»,
- понятие «вечности» становится столь же бессмысленным, как и понятие линейного времени (вместо этого Ж.Делезом вводится пара «хронос» как «вечное настоящие хаоса» и «эон» как «случайная и обратимая цепочка произвольного развертывания временных рядов»),
- представление о том, что в целом ничего нет (не только «жизни после смерти», но и «жизни до смерти»).

«Постмодерн»: от тенденции к тотальности. Сегодня «общество постмодерна» существует по большей части в теории или в философских конструкциях, интересующих пока лишь отдельных представителей научной, экономической, культурной и политической элиты. Молодежь, как правило, оказывается довольно податливой к этим формам и легко впитывает код «постмодерна» через специфику молодежной культуры, глобальную сеть Интернет, новые технологии, моды, процессы глобализации.

Станет ли модель «общества постмодерна» полноценной и всеобщей, однозначно сказать пока трудно. Ведь и «общество модерна» в свое время казалось многим чем-то несбыточным и невозможным, но, тем не менее, давно уже стало для нас само собой разумеющейся нормой.

Теория «общества постмодерна» прекрасно вписывается в логику развития «общества модерна», так как дает системный ответ на противоречия, несоответствия и проблемы, возникшие за время реализации проекта модерна от эпохи Просвещения до наших дней. Новое время накопило огромный теоретический и практический опыт своего исторического становления, многие социальные, культурные, технологические и экономические закономерности стали очевидными и готовыми для обобщения. С одной стороны, общество модерна почти целиком осуществило изначально намеченную программу, а с другой, оно зашло в тупик дальнейшего развития своих базовым принципов, нуждающихся в глубоком переосмыслении. Все это делает темы постмодерна крайне актуальными: элементы постмодерна, не дожидаясь окончательного и всеобщего признания справедливости теории постмодерна как таковой, стремительно вторгаются в нашу жизнь так, что не считаться с ними и не учитывать их в дальнейшем становится просто невозможным.

Не все предположения и предвидения постмодернистов сбываются, но в целом их интуиции и первичные систематизации перехода к постмодерну оказываются верными и реалистичными, так как подтверждаются многочисленными

процессами, развертывающимися в окружающем мире – планомерно или спонтанно.
Постмодерн, как модерн и традиционное общество, есть форма общественного бытия, включающая в себя всю совокупность жизнедеятельности человека – от философии и интеллектуальных дисциплин до политической власти, социального устройства, культуры, экономической системы и технологического уклада. Переход от одного типа общества к другому всегда затрагивает огромный спектр вещей и явлений – как субъективного, так и объективного порядков. В определенном смысле, вступать или не вступать в общество постмодерна (как и в общество модерна) или сохранять или не сохранять устои традиционного общества -- это всегда дело свободного исторического выбора.
Цепочка «традиционное общество» - «модерн» - «постмиодерн» отражает исключительно исторический опыт Запада. Западная цивилизация рассматривает последовательность исторической смены типов общества по цепочке «традиционное общество» («премодерн») - «современное общество»(«модерн») - «пост-современное общество» («постмодерн») в качестве общеобязательного для всех явления, и исходя из такой убежденности оценивает процессы, происходящие в других, незападных, обществах. Отчасти этот анализ продуктивен, так как большинство незападных стран продолжает жить в системе «традиционного общества», а активно распространяющееся в мире западное влияние волей-неволей привносит в них черты «модерна» или даже «постмодерна». Другое дело, что навязанный Западом процесс модернизации сплошь и рядом никак не вытекает из логики исторического развития и коллективного самосознания тех народов, которые живут в «традиционном обществе», а следовательно, необходимость перехода к «Новому времени» ничем не доказывается, а волюнтаристски навязывается Западом всем остальным или принимается как вынужденная оборонительная стратегия. Большинство стран приспосабливаются к модернизации или условиям постмодерна, чтобы окончательно не отстать от Запада или чтобы иметь техническую возможность при необходимости защититься от него («вынужденная модернизация»).
Конец истории. С точки зрения постмодерна, нации, которые прошли путь «модернизации», выполнили задачи по преодолению «традиционного общества» и больше не нуждаются в программе Просвещения, а этносы или народы, не ставшие нациями, не прошедшие этого пути до конца и находящиеся лишь в его начале или середине, считаются «не заслуживающими особого внимания». Предполагается, что они сами собой пройдут маршрут Запада и рано или поздно придут к состоянию «постмодерна». Во всяком случае, их ускоренная и нарочитая, а подчас и насильственная (как в случае с колониальной практикой) модернизация снимается с повестки дня.
Общество «постмодерна» -- это общество, в котором заканчивается история (поэтому сегодня многие говорят о «конце истории» или «пост-истории» -- Ф.Фукуяма, Ж.Бодрийяр). Народ рассыпается на множество атомарных индивидуумов, более не объединенных коллективной целью, общим смыслом, инерциальным или волевым мифом. Нации и государства постепенно сходят на нет, а на их место приходит «глобальное гражданское общество», состоящее из автономных индивидуумов – без какой бы то ни было привязки к традиции или совместному проекту. Это явление иначе называется глобализацией, а идейные установки, которыми руководствуются активные строители такого миропорядка – глобализмом.

Для Запада и глобалистов история заканчивается, для остальных цивилизаций – нет. Смена общественных типов по линии «традиционное общество» -- «модерн» -- «постмодерн» вытекает из логики истории именно западной цивилизации. В случае других народов эта схема оказывается спорной, а многие элементы «модерна» и «постмодерна», обнаруживаемые в обществах Азии или Третьего мира, живущих преимущественно в «традиционном обществе», представляют собой довольно поверхностные и фрагментарные заимствования, включенные в иной самобытный исторический контекст.
Исследование каждого конкретного общества и выявление в нем элементов «традиции», «модерна» и «постмодерна» должны вестись с учетом их уникальности и исторической особости, с тщательным изучением специфики языка, культуры, ценностной системы, совокупности верований.
Если западное общество заканчивает историческое бытие («конец истории») и переходит к глобализму и пост-истории (ироничному рециклированию одного и того же), это еще не значит, что остальные народы и цивилизации примут это как должное и безропотно последуют в том же направлении. Протесты против глобализации и стилистики постмодерна составляют все более отчетливо различимую черту многих культур. И этот процесс в будущем, видимо, будет только нарастать.
Три типа общества и формы социальной организации. Рассмотрим сводную таблицу соответствия трех типов обществ («премодерн» - «модерн» - постмодерн») формам социального и исторического самосознания.
Можно выделить следующие формы коллективного самосознания:
1) родо-племенное общество, в котором общность осознается на уровне рода и в основе лежат ясно осознаваемые родственные связи,
2) этническое общество, где общность простирается на широкий круг людей, не связанных очевидными родственными связями, но объединенных происхождением, языком, культурой, мифом и Традицией,
3)общество как народ, в котором наличествует коллективное осознание общности как исторического субъекта, объединенного не только прошлым, мифом и Традицией, но и исторической миссией, планируемой в будущем,
4)общество как нация, где культурная идентичность этноса получает фиксированное выражение в политическом и государственном устройстве, а общность судьбы подменяется формальным признаком гражданства и общим уровнем экономического развития,
5)гражданское общество глобального и сверхнационального масштаба, где вместо исторических форм коллективной идентичности (род, этнос, народ, нация) утверждается математическая совокупность множества атомарных индивидуумов, лишенных корней, «граждан мира».

Типы общества 1) и 2) всегда относятся к категории «традиционного общества». Тип 3) может выступать в форме «традиционного общества», а может и в форме «общества модерна». Тип 4) принадлежит только к эпохе «модерна». Тип 5) является теоретическим проектом «общества постмодерна».

Контрольные вопросы

1.Какие три типа обществ выделяют в западной истории?

2.Опишите отличительные черты «традиционного общества», «общества модерна» и «общества постмодерна».
3.В чем состояла «новизна» Нового времени?
4.Что такое общество постмодерна?
5.Все ли народы и культуры, на ваш взгляд, вступят рано или поздно в состояние постмодерна?

Примечания:

(1) В русском языке понятие «современный» точно соответствует латинскому термину «contemporaneus» (откуда английское «contemporary»). Слово же «модерн» (от латинского «modo» - «прямо сейчас») не имеет четкого русского эквивалента и в западноевропейском контексте, как правило, относится не к безотносительному «настоящему», а к определенному историческому промежутку, следующему за эпохой «традиционного общества». Иными словами, «современными» на разных этапах были все общества, в то время как период модерна имеет четкие, строго определенные хронологические рамки. Хотя «modern» и «contemporary» означают разные вещи, мы вынуждены переводить их на русский язык одним и тем же словом -- «современный». Только в одном случае слово «современный» (как modern) означает «нетрадиционный» и строится на антитезе к «традиционному обществу», а в другом – оно же (только уже как contemporary) означает процесс или явление, развертывающиеся в данный момент времени, независимо от того, как они соотносятся с установками «традиционного общества». В Европе в Новое время (XVIII) век осуществился переход именно к «современному обществу» (в смысле «modern»), к «обществу модерна». Это общество продолжает называться «современным» («modern») даже сейчас, хотя оно и принадлежит многовековому прошлому. Понятие «современное общество», «общество модерна» в обществоведении имеет вполне определенный смысл: речь идет о западно-европейском обществе и его основных характеристиках, сложившихся начиная с эпохи Просвещения.
(2) Термин «постмодерн», «пост-современность» (что означает «после современности») имеет смысл только в том случае, если мы понимаем под «современностью» вполне определенный тип общества (общество модерна), а не то общество, которое существует вокруг нас в данное время.

2.4 Этносы России и различные типы общества.

«Российское государство есть государство Евразийское,
и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать,
что это их государство.»
Г.В.Вернадский

Современное российское общество как закономерный этап исторического бытия народа. Современное российское общество является закономерным звеном в процессе общественного развития. Оно возникло не на пустом месте, но представляет собой логический этап исторического бытия народа.

Структура российского общества является сложной, так как в нем наличествуют общественные уклады, относящиеся к самым разным типам.
«Традиционное общество» у малых этносов Севера. В современной России существует несколько зон, которых следует отнести к «традиционному обществу».
Во-первых, на территории России проживает ряд этносов, которые в той или иной форме продолжают находиться в системе родо-племенных отношений. Речь идет о малых этносах Севера – долганах, ительменах, коряках, ненцах, нивхах, телеутах, чукчах, эвенках, эскимосах, юкагирах и других. У некоторых из них (например, у чукчей) сохраняются тенденции общеэтнического самосознания, у других оно не развито. В любом случае структуры «традиционных обществ» -- включая ремесла, способы охоты, мифологические представления, регламентацию семейных отношений, языковые формы и т.д. – в этих этносах присутствуют в полной мере, и включение в общероссийский контекст их представителей не затрагивает сущности их общественных форм. Элементы «модернизации», привносимые в эти этносы с эпохи освоения русскими Сибири, задевали поверхностные стороны жизни, привнося элементы знакомства с русским языком, культурой, правом. На первых этапах включения этих этносов в состав Российской Империи «модернизация» ограничивалась уплатой российскому правительству «ясачной дани». Далее шла миссионерская деятельность православных священников. При этом родовой и племенной верхушке этих этносов создавались все условия для более глубокой интеграции в российское общество – получение образования, возможность участия в административной деятельности и т.д. Задачи системной «модернизации» в отношении этих северных племен царская Россия не ставила. Поэтому в глубине архаическая структура этих обществ смогла сохраниться почти без изменений.
В советское время марксистские идеи «прогресса» подтолкнули к тому, чтобы взяться за эти этносы более системно. Национальная политика большевиков настаивала на ускоренном и искусственном развитии всех этносов России с тем, чтобы как можно быстрее создать единое социалистическое общество с единообразным уровнем развития всех его составляющих. Традиционные обряды и верования, культы и мифы, ремесла и способы охоты и ведения хозяйства малых этносов нещадно искоренялись. Племенная знать и жрецы подвергались политическим преследованиям. С традиционным образом жизни велась беспощадная война.
Только жестокие условия Севера и множество других проблем советской власти спасли эти этносы от полного уничтожения, так как грубые методы «модернизации», применявшиеся большевиками, разрушали саму основу их существования. Катастрофическим последствием модернизации стало распространение среди этих народов вредных привычек, свойственных, увы, другим этносам России, в первую очередь, пьянства. Алкоголь служил для многих представителей этносов Севера упрощенным суррогатом экстатических состояний, характерных для шаманских обрядов, и помимо физиологической зависимости (облегченной некоторыми био-химическими особенностями организма представителей этих этносов, не имеющих иммунитета к алкоголю) возникала психологическая зависимость от крепких напитков.
Начиная с 90-х годов принудительная советская «модернизация» прекратилась, что позволило этим этносам частично вернуться к привычным формам существования, возрождать древние культы и восстанавливать традиционные

формы жизнеобеспечения и права, хотя негативные последствия «модернизации» (по меньшей мере, в вопросе алкогольных пристрастий) дают о себе знать, сказываясь на падении рождаемости и частичном вырождении северных культур.

Кроме того, к проблемам северных этносов в 90-е добавилась эксплуатация природных ресурсов без учета экологических и культурных факторов, а также эксцессы выборных технологий, при которых для скупки голосов местного населения использовались подчас самые грязные методы.

Традиционное общество малых этносов Севера представляет собой огромную культурную историческую ценность и требует опеки и защиты со стороны государства.

Социальная структура этносов Поволжья, Урала, Сибири и Северного Кавказа. Другой тип «традиционного общества» существует у этносов России, полностью осознающих свою этническую идентичность и обладающих стройной и единой религиозно-мифологической системой. К этой категории относятся крупные этносы Поволжья, Урала и Сибири – алтайцы, буряты, карелы, коми, манси, марийцы, мордвины, удмурты, хакасы, чуваши, тувинцы, якуты и другие. А также коренные этносы Северного Кавказа – абазины, аварцы, адыгейцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, осетины, табасараны, черкесы и другие. На северо-западе к этому типу этнической модели «традиционного общества» можно отнести карелов.

Эти этносы принадлежат к различным языковым группам, исповедуют разные конфессии, имеют совершенно особую этническую историю. При внимательном изучении каждого из них мы сталкиваемся с целой вселенной, наделенной особыми культурными смыслами.

Структура обществ этих этносов гораздо глубже (чем у малых этносов Севера) подверглась модернизации и в советское время, и в эпоху Российской Империи, когда они (каждый по своей логике и в конкретной исторической ситуации) оказались в составе единого государства. Элита этих этносов в значительной степени русифицирована и часто легко интегрируется в общероссийские политические и общественные структуры, но сами они живут в значительной степени в соответствии с древними обычаями и установками, придерживаясь религиозных правил и этнических устоев, включая элементы правовой системы – в отношении разрешения межклановых и межсемейных споров, брачных отношений и т.д.

Структуры «традиционного общества» в этих этносах преобладают, но в некоторых секторах – особенно в крупных городах и столичных центрах – существуют социальные среды, фактически перешедшие к условиям «общества модерна», что связано с профессиональной деятельностью, участием в федеральных структурах, частной историей отдельных семей и родов.

Татары и башкиры. Еще больше элементов «общества модерна» у двух крупнейших тюркских народов России – татар и башкир. Представители этих этносов более всего интегрированы в общероссийские федеральные структуры, легче других адаптируются к параметрам «общества модерна». У этих крупных этносов наличествуют признаки осознания политического единства, что подчас проявляется в стремлении к большей политической самостоятельности в составе Российского Государства и дает в предельном случае основание для тенденций к «национализму», что является одним из логических результатов «модернизации».

Чеченский народ и попытка создания государства «Ичкерии». Особый случай представляет собой чеченский народ, который сочетает в себе, с одной стороны, архаический родоплеменной уклад, а с другой повышенную социально-политическую активность в оформлении своей этнической и культурной самобытности. Эксцессы такого этнического самосознания в сочетании с трагической памятью о несправедливостях и репрессиях советского времени, пережитых чеченцами, привели в 90-е годы к попытке построения самостоятельной государственности и выхода из состава России, что принесло неисчислимые страдания всем россиянам, и в первую очередь, самим чеченцам, заплатившим за восстание огромную цену. Не обладая предпосылками для полноценного политического единства и геополитической и экономической базой для независимости, эфемерное государство «Ичкерия» при Дудаеве и Масхадове на практике обернулось вакханалией бандитизма, религиозно-политического экстремизма и бесчеловечного терроризма, жертвой которых стали в том числе и сами чеченцы.
Этот пример показывает, что преждевременные выплески незрелого политического самосознания в рамках многомерной этно-социальной картины российского общества может привести к катастрофе.
Чеченский этнос модернизирован довольно поверхностно и сохраняет уклад традиционного общества (родовые организации - тейпы, религиозные суфийские братства – вирды и т.д.). Но пассионарный этнический всплеск в условиях переходной российской действительности породил соблазн построения национальной государственности в условиях, когда для этого не было ни малейших объективных предпосылок.
Особенности модернизации славянских этносов России. Среди остальных этносов России славяне – великороссы, малороссы и белорусы – имеют более всего черт «общество модерна», так как все усилия по модернизации России на всех этапах были обращены именно к тем этносам, которые составляли костяк государства.
Особенности перехода от этноса к народу. Определенная жертва этническим своеобразием была принесена «россами» уже в момент осознания себя народом – т.е. в переломный момент призвания Рюрика на царство. И хотя народ становится народом еще в условиях «традиционного общества», волевой акт выдвижения исторического проекта, осознания политического единства и особой миссии выводит его в новое измерение бытия. Становясь народом, т.е. вступая в историю, этнос отказывается от некоторых своих традиций – в частности, от сохранения своей биологической и культурной однородности, гармоничного баланса с окружающей средой. Историк Лев Гумилев описывал этот фазовый переход от этноса к народу как «пассионарный толчок», т.е. пробуждение в этносе новых бурных энергий, толкающих его к масштабным и радикальным историческим действиям, невозможным в рамках обычного этнического существования.
Славяне как объект приоритетной модернизации со стороны западнических элит. В истории России именно славянские этносы (великороссы, малороссы и белорусы) были одновременно и объектами модернизации, и носителями импульса модернизации в отношении остальных этносов.
Западнические реформы Петра были направлены на внедрение элементов «общества модерна» в первую очередь именно среди великорусского населения, и именно великорусское «традиционное общество», верное устоям Московского периода, было объектом модернизации (вплоть до жестоких

гонений на старообрядцев, наиболее упорных и последовательных сторонников «традиционного общества» и русской старины). Причем в этом процессе государство использовало факт неравномерной модернизации среди самих славян. Присоединившаяся в XVII веке к Великороссии Украина долгие годы находилась под сильным влиянием католической польско-литовской культуры, и западные культурные установки были там весьма распространены. Этот фактор лег в основу приоритетного выдвижения этнических малороссов на архиерейские кафедры в Русской Православной Церкви в XVIII веке, так как священники-великороссы были в глазах проевропейской санкт-петербургской аристократии носителями «архаического» (московского) духа и «традиционного общества».

Модернизация в советский период. В XX веке советская модернизация, ставшая абсолютной догмой большевистской власти, также в первую очередь обрушилась на славянские этносы, из которых древние обычаи, православие, архаические патриархальные привычки выжигались каленым железом. Поэтому большевики с такой жестокостью нападали на крестьянство и духовенство, где нормы «традиционного общества» были укоренены более остальных сословий. Превращение «традиционного» крестьянина в «модернизированного» пролетария было важнейшей социальной задачей большевиков. Этот процесс теоретически затрагивал все этносы, но более всего ему были подвержены именно славяне и, в первую очередь, великороссы, основной этнос России. Это привело к тому, что великороссы стали восприниматься в СССР как «этнос пролетариев и инженеров», несущих более традиционным этносам России модернизацию, индустриализацию и городскую светскую культуру.

Сложная структура российского общества – элементы «традиционного общества» и «общества модерна». Если для остальных этносов России и СССР великороссы (шире, славяне) были основными носителями модернизации, то для Европы и для подражавшей Европе российской аристократии сам великорусский этнос виделся как нечто «архаичное». Это, действительно, соответствовало истине, так как, несмотря на все волны принудительной и подчас чрезвычайно жестокой модернизации, великороссы сохраняли многие черты консервативной психологии, воспитанной за тысячелетия, и обоснованной религиозными, политическими, мировоззренческими и государственными устоями. Даже марксизм великороссы истолковали как «исполнение народной мечты о волшебном наступлении «общества справедливости» и «рая на земле»».

Такая устойчивость «традиционного общества» у великороссов в сравнении с европейскими этносами объясняется тем, что процесс модернизации шел в России не снизу, а сверху, искусственно внедряемый политическими элитами в определенные моменты истории:

- в XVIII веке Петром Великим и его последователями, особенно во времена Анны Иоанновны (1693-1740), когда страной правили временщики-иностранцы такие как Бирон (1690-1772), глубоко чуждые русскому народу и его истории),
- в XX веке большевиками, представлявшими собой на первом этапе маргинальные, но пассионарные политические и этнические элементы.

Социальная специфика великороссов. Великороссы в России представляли и представляют сегодня основной этнический массив населения, где до сих пор переплетаются многочисленные элементы «традиционного общества» с элементами «общества модерна». Это проявляется, в частности, в плавном и

органичном возврате к религиозным ценностям и народным традициям после краха марксизма и распада СССР.
Хотя модернизация великороссов не затронула сути общества, остающегося в целом «традиционным», по сравнению с другими этносами России великороссы вполне могут считаться «носителями модернизационных тенденций».
Элементы общества «постмодерна». В 90-е годы в российском обществе стали появляться элементы и третьего типа общества – постмодерна. Это связано с тем, что Россия стала открытой страной, и контакты с западным миром – в первую очередь, в бизнесе, в сфере средств массовой информации, через свободу поездок за границу, изобилие западных товаров и повсеместное внедрение западных технологий т.д. – стали доступными для широкого числа россиян. Западное общество сегодня демонстрирует все больше элементов постмодерна, и это оказывает влияние и на современных россиян, все чаще входящих в соприкосновение с западной культурой. Особенно это затрагивает молодежь, активно осваивающую Интернет, новые коммуникационные средства, увлекающуюся западной музыкальной и кинематографической культурой, молодежными модами и т.д.
Постмодерн затрагивает в данное время пока довольно узкую прослойку городской интеллигенции, людей из семей с высоким достатком, представителей крупного частного бизнеса, интегрированных в глобальные финансовые и экономические процессы, молодежь, получающую свое образование на Западе или там проживающую.
Общество постмодерна предполагает отказ не только от этнической принадлежности (считается, что это уже «давно преодолено»), но и от чувства единства с народом. Постмодерн основан на:
- космополитизме (концепция «гражданина мира»),
- глобализме (отрицание самобытности государств, культур и религий),
- индивидуализме («индивидуум есть мера вещей»),
- нарциссизме («поиск наслаждений»),
- сетевом принципе и
- виртуальности («важно быть подключенным к сети, не важно, где ты находишься и чем занимаешься»).

Элементы этого общества различимы в определенной части современных российских элит, хотя на основную массу они не распространяются. К социальной модели постмодерна могут подойти самые разные этнические типы, утратившие связь со своим народом настолько, что принадлежность к нему – к его культуре, его истории, его внутреннему бытию -- для них полностью утрачивает смысл.

Контрольные вопросы

1.Как происходила модернизация общественного уклада у различных этносов, населяющих Россию?
2.В чем отличие модернизации этнических славян от других этносов?
3. Как складывались отношения основной массы славянского населения и государственных элит России на всем протяжении ее истории?
4.Почему, как вы думаете, большевики опасались развития этнического самосознания в СССР ?
5. У каких этносов черты традиционного уклада сохранились больше всего?

2.5 Структура современного российского общества

«Наша российская модель демократии называется
«суверенной демократией»».
В.Сурков

Что объединяет российское общество в единое целое? Современное российское общество неоднородно. Оно различается в зависимости от территории, плотности и этнического состава населения, социальной развитости и удаленности от крупных городов и центров. В разных уголках России люди живут в разнообразных условиях, имеющих между собой мало общего.

Современное российское общество объединено:

- правовыми и административными нормами (Конституция, гражданство, федеральные законы, органы правопорядка и власти, система сбора налогов, обязательная военная служба для лиц призывного возраста и т.д.),
- базовыми социальными гарантиями (выплата пособий и пенсий, нормативы заработной платы бюджетникам, общеобязательные образовательные учреждения, детские сады, больницы и иные социальные учреждения, право на работу и получение бесплатного обязательного среднего образования и т.д.),
- общей системой транспорта и коммуникаций,
- единой информационной системой вещания (федеральные СМИ – телеканалы и радио, принимаемые на всей территории России, федеральная пресса и т.д.),
- государственным языком (русский язык), обязательным для всех граждан России,
- национальной валютой (рубль),
- политической системой, предполагающей выборность Президента, Федерального Парламента, республиканских, областных, городских и местных законодательных собраний,
- общностью истории, культуры и судьбы (единый народ).

Что объединяет между собой общества стран СНГ (Большой России)? Некоторые из этих объединительных черт относятся и к большому числу граждан, проживающих в других странах СНГ, в рамках «Большой России». Значительный процент граждан Казахстана, Украины, Беларуси, Грузии, Молдовы, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана

- имеют российское гражданство со всеми вытекающими из него правами и обязанностями гражданина России,
- получают из России пенсии и пособия,
- имеют право беспрепятственного въезда и выезда на территорию и с территории Российской Федерации,
- получают информацию из российских СМИ,
- владеют или постоянно пользуются русским языком,
- осознают свою принадлежность к общей истории и культуре России.

Единственное, что их отличает от остальных представителей нашего народа, – это принадлежность к иной политико-административной системе и наличие гражданства страны проживания. Эти признаки относятся целиком и полностью

к политико-административной государственной сфере. С точки зрения социальной, российское общество и общество большинства стран СНГ (Большой России) представляют собой единое целое, совпадающее по основным характеристикам.
Социальное пространство стран России и других СНГ в целом однородно, а различия между этническим составом населения или общественным укладом внутри каждой одной отдельно взятой страны бывают более значимыми, чем различие этих стран между собою.
Это обстоятельство облегчает интеграционные процессы на всем постсоветском пространстве.
Современное российское общество: переход к чему? Современное российское общество пребывает сегодня в переходном состоянии. О качестве и смысле этого перехода нам известно – от чего он осуществляется (от поздне-советского общества, основанного на марксистской догматике и построенного по социалистическим и коммунистическим лекалам), но к чему, вопрос остается по-прежнему открытым.
Каждый исторический выбор, который делает народ, имеет свое объяснение. Когда народ принимает решение отказаться от одной общественной системы или идеологии и перейти к другой, это всегда имеет под собой глубинный смысл, даже если он ускользает от современников, включая тех лиц, которые стоят в авангарде социальных изменений. Свою историю народ творит сам, и спустя определенное время каждый поворот, каждое потрясение, реформы и революции получают свое объяснение и толкование.
Парадоксы народного самосознания в советское время. Советское общество развивалось в XX веке довольно успешно, и в советское время наш народ достиг небывалых успехов в научно-техническом развитии, сделал свое мировоззрение (в форме советской версии марксизма) привлекательным для половины человечества, распространил свой контроль над огромными территориями, постарался создать образцовое общество, основанное на справедливости, равенстве и братстве. И, отчасти, это удалось.
Но вместе с тем, эти неоспоримые успехи достигались ценой огромных усилий и жертв, перенапряжения всех народных сил, а также через отсечение той части народной истории, которая предшествовала революции. Большевики принесли в жертву коммунистическому проекту основы русского «традиционного общества» -- православную веру, христианскую нравственность, ценности народного – в первую очередь, крестьянского – быта. В советский период народ был вынужден осмыслять мир, историю, самого себя через узкую призму марксистской догматики, подавляя стихию свободного народного духа, втискивая ее в тесные и часто неадекватные формулы, основанные на совершенно ином (европейском) социальном и экономическом опыте, имеющим к русской истории и русскому обществу весьма далекое отношение.
Это противоречие между народным содержанием и марксистской формой советской системы породило глубинный кризис народного самосознания, который в определенный момент вышел на поверхность, и советское общество в одночасье рухнуло, уступив место новой социальной модели.
Западный выбор либерал-реформаторов 90-х. Провал реформ. Общество, сменившее собой советское общество, было скопировано реформаторами с западного евро-американского образца. В очередной раз в русской истории политические элиты навязывали народу západнические социальные формы, не

вдаваясь в то, как к этому относится сам народ. Отвергая исчерпанную советскую модель общества, в 90-е годы народ не успел до конца осмыслить и осознанно выбрать, на что эту модель следует заменить. Реформаторы же упорно настаивали на либерально-демократической системе, которая и была внедрена ценой развала СССР, колоссальных экономических издержек, глубокого раскола и дезориентации общества.

В 90-е годы на месте поздне-советского общества политические элиты реформаторов принялись возводить либерально-демократическое общество. В СССР при всех затраченных усилиях окончательной версии «общества модерна» так и не получилось, и в 90-е годы для продолжения «модернизации», а также для внедрения элементов пост-индустриального уклада («общество постмодерна») реформаторы снова обратились к Западу. Так как при этом народ рассматривался как «пассивный объект для манипуляций», и главной задачей было «устранить остатки советской системы», реформы проводились жестоко, в ускоренном темпе и без оглядки на издержки.

Такой подход предопределил их провал. И хотя определенные элементы либерально-демократической буржуазной идеологии, а также новые технологии, рыночные механизмы, средства массовой информации нового поколения и сетевые элементы (Интернет, мобильная связь и т.д.) были успешно внедрены в российское общество, эта линия в конце 90-х была отвергнута народом, отозвавшим у младореформаторов изначальный кредит доверия (о чем явно свидетельствуют падение влияния прозападных либеральных партий (СПС, Яблоко) и их окончательное исчезновение из парламента на выборах 2003 года).

Взгляд на Россию глазами Запада (инерция либерализма). В 90-е годы новая волна западничества создала в обществе определенную инерцию рассмотрения отечественной истории глазами западного общества. В этот период появились учебники, описывающие русскую историю в духе европейской и американской ее критики – в первую очередь, серия учебников, спонсируемая международным спекулянтом Дж.Соросом, сторонником радикального либерализма и «открытого общества». Появились совершенно чуждые русским привычки измерять все экономическим успехом, превозносить рыночные ценности, руководствоваться в делах и в быту лишь индивидуальными интересами. Копирование либерально-демократической идеологии современного Запада с многочисленными элементами постмодерна (что особенно ярко проявляется в либеральных СМИ и масс-культуре – с их культом индивидуализма, цинизма, жестокости, моральной распущенности и насилия) отвлекло внимание от народных начал в обществе, культуре и истории. Спор между консерваторами-коммунистами и реформаторами-западниками перешел в совершенно неконструктивное русло, игнорирующее сущность народного духа и его волю.

Так сложилось то общество, которое мы имеем сегодня – ушедшее от советской модели (хотя многие черты советского общества – как хорошие, так и плохие -- сохраняются по инерции до сих пор), но не пришедшее к западной либерально-демократической модели, отброшенной после первого знакомства с ней и ее идеологами (хотя некоторые буржуазно-капиталистические клише привились и соседствуют с инерцией советского общества).

К обществу «суверенной демократии». Период правления президента Путина обнаружил в российском обществе новые тенденции, которые были

неочевидны на предыдущих этапах, где основной спор шел между консервативными сторонниками советской системы и реформаторами-западниками. Сторонники «советского общества» предлагали вернуться в прошлое, не сопровождая ностальгические симпатии никакими перспективными проектами, отвечающими на вызов времени, а либерал-реформаторы (по сути, столь же безответственно) действовали по наивной и не раз высмеянной формуле «Запад нам поможет!»

Владимир Путин, став президентом России в 2000 году, предложил иной путь – путь модернизации российского общества, но с сохранением мощи государства и, самое главное, идентичности народа. 3-я статья Российской Конституции, провозглашающая политическое верховенство народа, стала приобретать теперь новый смысл, о котором, скорее всего, не задумывались сами авторы Конституции 1993 года, озабоченные лишь прагматическим стремлением укрепить политическую власть президента Ельцина и скопировать общие места конституций стран Запада.

При Путине в российском обществе, расставшемся с классовой моделью марксизма и отторгнувшем западное либеральное индивидуалистическое понимание демократии, постепенно главной ценностью, высшим субъектом, носителем высшего суверенитета и основой политической системы осознается именно народ, в его совокупном историческом, культурном и социальном измерении.

Президент Путин в своих решениях, постановлениях, посланиях федеральному собранию и пресс-конференциях делал последовательные шаги, направленные на придание этому конституционному пункту -- о народе как «носителе суверенитета» --реальное содержание. Народ, как высшая историческая реальность, стал постепенно осознаваться как то общее, что объединяет всех граждан России (равно как и Большой России) независимо от их политических убеждений, материального достатка и социального статуса.

В 2006 году высокопоставленный кремлевский чиновник из ближайшего окружения президента Путина (В.Ю.Сурков) предложил для обозначения этой социально-политической системы термин «суверенная демократия».

Это определение, вызвавшее в обществе обсуждение и полемику, было призвано подчеркнуть два фундаментальных начала того общества, которое стало складываться в России в ходе президентства Путина.

Определение «суверенной демократии». «Суверенная демократия» в российских условиях означает одновременно две идеи:

1) Приоритет защиты и укрепления государственного суверенитета в условиях общества переходного периода при наличии серьезных внешних и внутренних угроз, что предполагает при определенных обстоятельствах некоторое ограничение демократических свобод во имя сохранения государства и обеспечения безопасности его граждан. Это -- прагматическая формула, направленная на укрепление суверенитета российского государства после периода 90-х, когда государственные интересы неоднократно приносились в жертву интересам США и других западных держав, политическим амбициям и идеологическим догмам либерал-реформаторов.

2) Наделение народа полномочиями высшей власти и признание за ним высшей исторической, политической и общественной ценности, подчеркивание, что носителем суверенитета является именно народ (а не государственный аппарат, класс, сословия и т.д.), как высшая и абсолютная инстанция, источник верховной общественной и политической легитимности.

Эти два значения «суверенной демократии» не противоречат друг другу, но относятся к разным уровням – первое к прагматике общественных условий в ходе переходного периода, а второе – к вектору развития нового строящегося в России общества, где главной ценностью и фундаментом всей социально-политической системы должен стать народ(1).

Суверенная демократия как основа новой политической системы. Введение Кремлем тезиса о «суверенной демократии» призвано ответить на основной вопрос: к какому обществу мы переходим на данном этапе? Предлагаемый ответ дан в самой формуле «суверенная демократия». Мы переходим к обществу, построенному на фундаментальном и суверенном приоритете народа как верховной инстанции. Народ в таком случае признается не населением, не совокупностью социальных сред, не множеством отдельных индивидуумов, обладающих гражданством Российской Федерации, не массой, но высшей исторической, культурной и политической инстанцией, своего рода, единым коллективным существом, сохраняющим идентичность на протяжении тысячелетий, включающим в свой состав и прошлые и будущие поколения.

Общество «суверенной демократии» строится народом для народа и во имя народа, и верностью народному духу, служением интересам народа отмеряются в нем успехи и заслуги каждого отдельного гражданина – от верховного властителя до простого россиянина.

И государство, и экономика, и политическая система, и само общество в условиях «суверенной демократии» должны служить интересам народа, являясь не более чем инструментом в его руках, зависящим от его высшей суверенной воли.

Проект «суверенной демократии» в настоящее время находится в стадии разработки, но основной вектор социального движения обозначается все более отчетливо: от идеи «реформ ради реформ» (в духе либеральной рыночной догматики 90-х) российское общество переходит к идее «реформ ради народа». А это значит, что нам предстоит построить такое общество, где все существующие сегодня социальные типы – «традиционное общество», «общество модерна» и «общество постмодерна» -- должны пройти глубинную проверку на то, в какой степени и в каких пропорциях они отвечают реальным интересам народа, а не частным, партийным идеологиям тех или иных сил.

«Суверенная демократия» и три типа общества. «Суверенная демократия» вбирает в себя элементы «традиционного общества» -- такие как этнические традиции, традиционные религии (в первую очередь ,православие для большинства россиян), преемственность культуры, этики, нравственных установок, что составляет совокупно идентичность народа. Лишенный своей идентичности, полнее всего проявленной в «традиционном обществе», народ распадается, размывается, превращается в количественную массу атомарных индивидуумов – перестает быть народом. Это означает, что спонтанные процессы возврата народа к традициям предков, неуклонный рост интереса к религии и русской культуре должны быть поддержаны на политическом уровне.

«Суверенная демократия» включает в себя элементы «общества модерна» -- в первую очередь, в технологическом аспекте, так как без технического развития невозможно конкурировать с окружающими государствами и цивилизациями, обеспечить благосостояние граждан и сохранить свободу и независимость народа перед лицом возможных угроз. При этом процессы модернизации в нашем случае должны быть подчинены приоритету сохранения народной идентичности. И если в сфере научных разработок, экономических структур и

производственных технологий, особенно в сфере высоких технологий, модернизация, причем ускоренная – абсолютно необходима, то в вопросе социальной модернизации и при копировании культурных образцов западной (или восточной) цивилизации следует соблюдать чрезвычайную осторожность, чтобы не нарушить естественного и гармоничного развития народа. В социологии такая модель называется «модернизацией без вестернизации» (С.Хантингтон), т.е. без усвоения вместе с научно-техническими знаниями культурных начал чуждой цивилизации.

И наконец, «суверенная демократия» не может остаться вне некоторых аспектов общества «постмодерна» -- в вопросе финансов, сетей, информационных технологий, вызовов глобализации. Но и в этом случае следует заставить пост-индустриальное общество служить интересам народа (а не наоборот). Вхождение в мировые сети и участие в международной финансовой системе должны происходить с постоянным учетом России как самостоятельного субъекта со своими интересами в глобальном мире, что предполагает наличие своего рода «сетевых фильтров» в зоне, воспринимаемой народом как местонахождение русской цивилизации (Большая Россия). В сфере сетей это может проявляться в размещении регистрационных доменных серверов на территории России и в использовании в зоне русской сети особых протоколов и т.д.

Сам процесс глобализации может быть повернут от ориентации на утрату нашей идентичности (как дело обстоит сегодня) к ее укреплению, если ограничить интеграционные процессы рамками конкретной цивилизации, строго определив границы для американского глобализма (в рамках Америки), европейского (в рамках Евросоюза), исламского (в рамках мусульманских стран), азиатского (в рамках тихо-океанского региона) и русско-евразийского (в рамках Большой России, географически называемой «Евразией»).

Основными чертами строя «суверенной демократии» также являются этические ценности свободы (свободы и независимости народа от внешнего контроля, т.е. суверенитет) и справедливости (что заложено в самой основе социальной этики русского народа).

Контрольные вопросы

1. В чем состоит особенность общественного бытия в условиях суверенной демократии?
2. Дайте определение «суверенной демократии». Расскажите своими словами, как вы ее понимаете.
3. Переходный характер современного российского общества – это переход к чему? К капитализму, глобализму, западной модели развития, либерализму, демократии, постиндустриальному обществу, национальному возрождению, новой империи, тоталитаризму, диктатуре или к чему-то еще?
4. Элементы как типов обществ сосуществуют в современной России? Опишите их.

Примечания:

(1) Следует учитывать, что схожий термин в западно-европейском и американском контексте – «sovereign democracy» -- означает нечто иное:

«постановку догматических принципов и институтов либеральной демократии надо всеми остальными категориями» – как над государственными интересами, так и над историческим бытием и волей народа (в либерально-капиталистических режимах вообще не имеющих юридического статуса в пределах строго описанных и законодательно оформленных плебисцитарных процедур).

2.6 Место новой России в национальной истории

«Мы с вами – наследники тысячелетней России.
Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов.
Они оставили нам с вами в наследство огромную, великую державу.
Наше прошлое, безусловно, придает нам силы.
Но даже самая славная история сама по себе не обеспечит нам лучшей жизни
Это величие должно быть подкреплено.
Подкреплено новыми делами сегодняшних поколений граждан нашей страны.
И только тогда наши потомки будут гордиться теми страницами,
которые мы с вами впишем в биографию великой России.»
В.В.Путин

Циклы взлетов и падений. Для современного российского общества чрезвычайно важно найти свое место в русской истории. В ней можно выделить ритмические циклы, в ходе которых чередовались взлеты и падения. Как правило взлеты сопровождались объединительным тенденциями: территория Руси расширялась, а могущество и независимость укреплялись. За фазами взлета следовали периоды упадка, и они, в свою очередь, отражались в распаде, дроблении, сокращении территорий, росте зависимости от внешних сил вплоть до утраты свободы.
Биение сердца России. Если нанести на карту границы, в которых пульсировала русская государственность на протяжении всей истории, мы легко увидим, что за каждым ее падением следовал цикл расширения границ, превышающих прежние максимальные пределы. Эти ритмы напоминают сердцебиение, причем каждое следующее расширение увеличивало общие размеры России. В истории Россия неуклонно росла географически, стремясь максимально расширить свои пределы и параллельно этому объем своей духовной, культурной, политической и социальной миссии.
Диалектика границ. Первый всплеск русской государственности -- Киевская Русь (при Святославе (945-972) границы максимальны). За фазой ее расцвета следует эпоха княжеских усобиц, раздробленности, что кончается полной утратой Русью независимости и монгольскими завоеваниями.
Из этой низшей точки затем вновь начинает расти Московская Русь, формируясь и зрея в составе «Золотой Орды», заявляя о себе на Куликовом поле, разгибаясь во весь рост в XVI веке при Иване Грозном. И вновь она приходит к кризису в Смутное время.
С началом династии Романовых, завоеваниями Алексея Михайловича на Западе и присоединением Украины Россия в середине XVII века опять начинает расширяться.

К XIX веку это уже огромная и постоянно растущая континентальная держава. Кризис начала XX века, большевистская революция и «гражданская война» снова сокращают масштаб и роль России. Но ценой невероятных усилий страна опять поднимается с колен, одерживает героическую победу над гитлеровской Германией и границы СССР и, шире, нашего влияния, достигают небывалых размеров. Под контролем Москвы во второй половине XX века находится около трети всего человечества, и СССР как сверхдержава делит мировое могущество лишь с США, оплотом западной цивилизации.
В конце 80-х СССР вступает в период кризиса, который заканчивается очередной смутой и распадом всей планетарной конструкции социалистического лагеря и его сателлитов в Третьем мире. Советский Союз распадается на 15 независимых государств, и сама территориальная целостность Российской Федерации ставится под сомнение парадом суверенитетов республик в самой России и началом военных действий в Чечне. С приходом к власти Президента Владимира Путина процесс распада заканчивается, территориальная целостность России укрепляется, появляются первые признаки смены фазы – перехода к новому историческому подъему России и началу интеграции «постсоветского пространства» (к чему с 1994 года призывает президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, поборник интеграционного проекта «Евразийский Союз»).
Россия на пороге нового исторического витка. Если продлить логику циклов русской истории в будущее, следует предположить, что современная Российская Федерация стоит на пороге нового витка возрождения, укрепления и расширения своего влияния в мире, причем масштаб этого влияния должен превосходить границы влияния Советского Союза, предшествующей фазы планетарного расширения.
Это делает центральным для современного российского общества проект «Большая Россия».
Проект «Большая Россия» как историческое задание народа. Идея «Большой России» -- это проекция в будущее объективного анализа прошлого русского народа и логики его истории. Если история России есть смена различных общественных форм, технологических укладов, мировоззрений и политических систем, направленных к выявлению главной действующей силы исторического процесса – народа - и его превращению в общепризнанный политический субъект, то следующий этап истории логически должен состоять в подъеме, выходе из очередной смуты и воссоздании могущества страны. Совершенно очевидно, что границы Российской Федерации – в социальном, культурном, территориальном, экономическом и политическом смыслах -недостаточны для поддержания статуса мировой державы, который соответствует историческому масштабу русского народа и российской государственности.
«Большая Россия» не ностальгия по прошлому, это взгляд в будущее. Речь идет не о присоединении стран СНГ к Российской Федерации, но о создании новой социально-политической структуры, где в рамках общего стратегического, культурного, экономического и политического пространства будут существовать свободно и независимо автономные и суверенные этносы, составляющие все вместе единый народ.
Выпадение России из истории в 90-е. Как и во все прошлые периоды смуты, Россия в 90-е годы прошлого века отступила от активного участия в истории, внутренняя связь государства ослабла, роль страны в международной жизни упала, экономические и социальные проблемы не позволили власти и народу

сосредоточиться на глобальных исторических проектах. Крах советской идеологии и неудача внедрения западной буржуазно-демократической либеральной модели породили в российском обществе вакуум. Общество потеряло ориентацию, объединяющую идею, мотивацию социального творчества. Пропал образ будущего, передача опыта новым поколениям стала проблематичной из-за отсутствия связи поколений и объединяющего социального начала. Во весь рост встала демографическая проблема – население России стало стремительно сокращаться. -- Каждый год Россия теряет более миллиона человек, что невозможно компенсировать ни ростом численности миграции (часто грубой рабочей силы, не укрепляющей наше общество качественно), ни искусственной стимуляцией рождаемости (ряд экономических и социальных мер, направленных на поддержку семей, принятых в 2006 году).

Возвращение России в историю. В начале нового тысячелетия эта тенденция, еще не до конца изжитая, постепенно начинает уступать место стабильности, осторожному оптимизму, укреплению вертикали власти, активизации России во внешнем мире.

По многим параметрам Россия возвращается в историю, укрепляет свой экономический потенциал, снова осознает свою миссию.

В современной России существует не одно общество, а одновременно несколько. В России существует не одно общество, но мозаика из нескольких обществ. Общество экономических и политических федеральных элит (включая их подрастающих отпрысков), как правило, вовлеченных в глобальные сети, включенных в «офисную культуру» и разделяющих стиль постмодерна.

Общество бюджетников, как правило, продолжающих линию поздне-советской интеллигенции, высоко ставящих социальные идеалы.

Общество региональной бюрократии, где инерция советских клише соседствует с элементами феодальных методов управления, параллельными нормативами преступных сообществ и имитацией отдельных западных тенденций (постмодерн).

Общество предпринимателей, с оппортунистической психологией и неопределенным идеологическим багажом, при полном отсутствии классового или профессионального самосознания.

Общество рабочих и крестьян, которые полностью вытеснены на периферию социальной жизни и практически никак не представлены в политических элитах, СМИ, социально и экономически значимых процессах.

Общество маргиналов, не нашедших места в новых условиях.

Общество этнических групп, замкнувшихся в себе и возвращающихся к древним ремеслам, культурным и обрядовым циклам, или напротив, стремительно осваивающих элементы городской, глобалистской культуры и информационных технологий.

Эти типы обществ имеют все меньше точек соприкосновения. А в условиях идеологического вакуума их неминуемо будет становиться еще меньше. Единственно, что их всех объединяет, это принадлежность к единому народу и наличие общей истории. Но эта принадлежность станет действенной и эффективной, сможет по-настоящему объединить всех, только в том случае, если она будет осознана и выдвинута как главная социальная идея. Только тогда развитие российского общества в целом, включая все его составляющие, может пойти в созидательном, позитивном и жизнеутверждающем ключе. Создать единое общество – задача современных граждан России.

Современное российское общество станет единой реальностью тогда, когда осознает общность судьбы, принадлежность всех его членов – и успешных и обездоленных, и элит, и простых граждан – к единому народу. Только на основании этого осознания сможет сложиться вполне конкретный проект будущего – проект совместного построения Новой России, «Большой России». Современное российское общество как целое может состояться, только обретя свое место в общем русле русской истории. Вне исторического подхода изучать такое общество, а тем более активно участвовать в его жизни невозможно.

Контрольные вопросы

1.Какое место занимает современная Россия в структуре исторического процесса? Выскажите вашу личную точку зрения.
2.Каково место современной России в циклах русской истории? Это подъем, спад, начало нового этапа или конец прошлого?
3.К чему ближе современная Россия к царской России до 1917 года или к СССР? По стилю, символам, самосознанию. Обоснуйте вашу точку зрения.
4.Сможет ли Россия сохранить свою идентичность, если полностью вольется в процесс глобализации? Надо ли эту идентичность сохранять?
5.Что наиболее важного, с исторической точки рения, предстоит осуществить народу России?

Оглавление

Часть 1
НАРОД В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
(Теоретико-методологические основы обществоведения)

Раздел 3. КУЛЬТУРЫ, ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГЕОПОЛИТИКА

(ось «пространства»)

3.1. Основные понятия цивилизационного анализа

«Цивилизации - это единые организмы, все части которых взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии».
А.Тойнби

Понятие «культуры». Основными категориями цивилизационного анализа являются понятия «культура» и «цивилизация», а также соотношения между ними.
В широком смысле понятие «культура» (лат. «cultura») используется как оппозиция «природе», «натуре» (лат. «natura»). «Культура – это все, что не природа», т.е. вся совокупность материальных и идеальных объектов, общественных достижений, благодаря которым человек выделяется из природы.
В узком смысле, культура – это синоним искусства, т.е. особой сферы

человеческой деятельности, связанной с художественно-образным осмыслением мира в форме литературы, архитектуры, скульптуры, живописи, графики, музыки, танца, театра, кино и т.д.

Все, что производит народ в истории – государство, хозяйственные системы, политические формы, идеологии, общественные ценности – и составляет его самобытную культуру, несет на себе отпечаток его духовной деятельности. Дух народа и называется культурой. Иногда он проявляет себя в эпосе, религии, искусстве, философии, науке, праве, т.е. в развоплощенном состоянии (духовная культура), иногда дает о себе знать в конкретных изобретениях, предметах, строениях, целых городах или архитектурно-географических ансамблях (материальная культура).

Понятая таким образом, культура представляет собой наиболее общие особенности народного бытия, изучаемые в чистом (отвлеченном) состоянии. Во всем, что производит народ в истории, есть некие общие черты, которые легко обнаружить в самых разных областях его исторических деяний. Эти общие черты и составляют культуру народа, но и одновременно отличают его от других народов, делают неповторимым, самобытным.

Понятие «цивилизации». Термин «цивилизация» описывает общество по совокупности признаков, имеющих огромный временной и пространственный масштаб, в пределах которого основные общественные формы остаются неизменными. «Цивилизация» означает постоянство некоторых основополагающих признаков, которые сохраняются независимо от смены общественных формаций, волн этногенеза, появления и исчезновения государств и религий. Категория «цивилизация» представляет собой самый обобщающий инструмент для анализа исторического развития обществ.

В последнее время значение этого понятия для обществоведения неуклонно растет, и цивилизационный анализ становится важнейшим, подчас основным методом обществознания. Изначально термин «цивилизация» употреблялся только в единственном числе и использовался для противопоставления «просвещенных» западных обществ (от Рима и Греции до современной Европы) обществам восточным, «недоразвитым» и «варварским». Впервые термин стали употреблять французские просветители и энциклопедисты (Мирабо (1749-1791), Гольбах (1723-1789) и т.д.) «Цивилизация» для них была понятием близким к «прогрессу». Энгельс ввел это понятие в теорию исторического материализма, которая рассматривала историю как три этапа: дикость-цивилизация-коммунизм.

«Цивилизация» в таком понимании обозначала исключительно «западно-европейскую» как некое универсальное явление, эталон оценки всех типов обществ. То, что было похоже на историю западно-европейскях обществ, попадало в разряд «цивилизации». То, что было непохоже, считалось «варварством». До того, как термин «цивилизация» стал существительным, французские просветители использовали глагол «цивилизовать» (фр. «civilizer»), «выводить из состояния варварства».

Методология цивилизационного анализа. Исследование общества в формате цивилизационного анализа оперирует большими циклами, выделяя в качестве основных критериев то, что сохраняется неизменным и постоянным в истории народа в течение многих столетий и в пределах протяженных территорий. Смысл подхода к изучению общества через модель цивилизаций основывается на очень важном методологическом и философском принципе: на признании определенного равноправия и равнозначности цивилизаций между собой. Если

использование термина «цивилизация» в единственном числе подразумевает автоматическую иерархизацию всех типов обществ и культур, всех народов и государств, через их деление на «цивилизованные» и «нецивилизованные», то признание нескольких цивилизаций предполагает их равноправие и отсутствие единого критерия в оценках. Такое отношение к цивилизациям позволяет глубже и адекватнее понять жизнь соответствующих народов и культур, уяснить своеобразие их ценностных систем, нравов и исторических поступков.

То, что люди совершают в рамках одной цивилизации, приобретает смысл и значение только в рамках самой этой цивилизации. И любые попытки оценить это извне, находясь на позициях иной цивилизации, даст заведомо искаженный, неточный результат. В цивилизационном анализе обществ уже изначально заложена идея «равноправия цивилизаций», рассматривающая человечество как свободное развитие отдельных полюсов, двигающихся по своей логике, в своем ритме и зачастую в своем уникальном направлении.

Различия между культурой и цивилизацией разные авторы определяют по-разному, но чаще всего эти понятия рассматриваются как синонимы. Если рассматривать общество как относящееся к той или иной культуре, мы, прежде всего, говорим о его системе ценностей, специфическом стиле, наборе наиболее типичных духовных черт. Цивилизация добавляет к этому технологические, стратегические и военно-политические аспекты. Но так как все это тесно переплетено одно с другим, то культура и цивилизация рассматривают один и тот же объект, хотя подчас с разных точек зрения.

Культурный код. Те проявления, которые ближе всего стоят к сущности народа, независимо от того духовны они или материальны, и образуют «культурный код», позволяющий судить о народе в целом.   Исследование «культурных кодов» помогает систематизировать культуры, но ничего не говорит об их превосходстве или их недостатках, т.е. не несет в себе оценочной нагрузки. «Культурные коды» получают смысл только в рамках конкретной культуры (цивилизации). Вместе с тем, выявление культурного кода чрезвычайно полезно для схематического описания культуры. При этом сама культура всегда остается явлением намного более многомерным, насыщенным и богатым.

Культуры не могут сравниваться между собой: каждая уникальна и автономна. Каждый народ порождает свою культуру, которая является «кратким содержанием» его истории. Как в геометрии крошечный треугольник, подобный огромному треугольнику, сохраняет все его пропорции, так культура подобна (в геометрическом смысле) народу, отражая в малом все основные пропорции его исторического бытия. Изучая народ, мы изучаем его культуру. В культуре воплощена идентичность народа, то, что делает его самим собой.

Культуры присущи не только народам (в историческом смысле), но и этносам, и племенам, и родовым общинам. Все они являются носителями культурного начала, либо создавая его, либо заимствуя, либо развивая. Так как существует множество народов, этносов, племен и родовых общин, существует множество оригинальных культур. И поскольку сами народы и этносы не могут быть поставлены в иерархию (между ними нет универсального эталона), то не могут напрямую сравниваться между собой и культуры. Среди культур нет «более развитых» и «менее развитых». Все культуры оригинальны, самобытны и неповторимы, как и сами народы, их порождающие. В культурном многообразии проявляется богатство мира, сокровищница человеческого духа, творящего оригинальные формы, наполняя их новым содержанием.

Взаимодействие культур. Культурный обмен. Культуры существуют не в безвоздушном пространстве. Они возникают, распространяются, развиваются и исчезают в культурном поле – в ходе постоянного взаимодействия с иными культурами. Влияние культур друг на друга -- это непрекращающийся процесс постоянного обмена как отдельными элементами, так и целыми системами смыслов, образов и связей.
Существует несколько гипотез о природе взаимодействия культур. Согласно теории «культурных кругов» (Л.Фробениус (1873-1938), Г.Вирт (1885-1981) и др.), в глубокой древности было несколько отдельных очагов культур, которые распространялись между древними народами и этносами, накладываясь друг на друга и порождая множество смешанных форм. Другие считают, что разные народы и этносы двигались в своем культурном развитии параллельно, проходя по-своему общие для всех фазы. Такой точки зрения придерживаются прогрессисты и марксисты, убежденные, что развитие культуры отражает процесс диалектики производительных сил и производственных отношений. Культура в таком понимании превращается в «зеркало экономики». Религиозный подход к культуре рассматривает как внешнюю оболочку религиозного содержания общества, подчеркивая связь самого термина «культура» с «культом».
В любом случае, культуры (цивилизации) взаимодействуют друг с другом, и характер этого взаимодействия составляет ткань истории культуры, полную связей, разрывов, смысловых сдвигов, обмена и переосмысления содержания того или иного элемента – обычая, предмета, произведения искусства, технического средства или текста.
Полностью замкнутых изолированных культур не существует, так как народы и этносы живут в непрерывном общении между собой, и это общение составляет не случайную, но фундаментальную сторону истории человечества. Человек есть «существо общающееся», а значит, постоянно пребывающее в состоянии культурного обмена.
Понятие «ценности» как основа культуры. Аксиология. Культурный код, составляющий основу культуры, можно представить себе как совокупность основополагающих ценностей. Ценность есть набор человеческих качеств, моральных норм, типов поведения, общественных и политических форм, устоев и обычаев, которые единодушно признаются большинством общества в качестве безусловно положительных, достойных уважения и признания. Обладание «ценностями» и соответствие им составляют основу социального престижа, авторитета и признания со стороны общества. В акте признания ценности ценностью общество утверждают присущую только ему ценностную систему. Наука, изучающая ценности и ценностные системы, называется «аксиологией» (от греч. «аксиос», «ценность»).
Архаические культуры. Структурный анализ. Архаические культуры и их ценностные системы долгое время считались лишь этапом в развитии человечества. Современные культуры этот этап когда-то «преодолели», а некоторые народы остались в первобытном состоянии. Их культуры были названы «архаическими» (от греч. «архе» -- «начало», «архаические» -- «те, которые были в начале»). Это мнение оказалось ошибочным.
Изучение архаических культур в XX веке показало, что они не являются начальным и простейшим этапом развития общества, но представляют собой сложные и многомерные системы, с количеством факторов, не уступающим самым изощренным культурным обществам современности. Если изучать эти

культуры с позиции того, как устроены их ценностные структуры в их собственной системе координат, окажется, что они вполне полноценны и закончены, а не развитость отдельных элементов – прагматизма или рассудочного мышления – представляют собой следствие не «отсталости», но свободного выбора иных приоритетов.
В западно-европейской культуре выработалась своя система ценностных приоритетов – рассудочность, технические инновации, изощренные социально-правовые кодексы и т.д. Отсутствие аналогов в архаичных культурах ранее принималось за проявление их «ущербности» и «несовершенства», свидетельства их «дикости» и «варварства». Но ближайшее рассмотрение ценностных структур архаических этносов и их культурных систем показало, что их «дикость» есть не «недостаток культуры», но наличие иной культуры, а их «варварство» не следствие отсутствия цивилизации, но форма существования иной цивилизации.
Ведущую роль в таком переосмыслении архаичных культур сыграли антропологи и философы-структуралисты, и в первую очередь К.Леви-Стросс (р.1908), показавший на примере анализа воззрений архаичных племен индейцев бассейна реки Амазонка совершенство, законченность и детальную развитость типичной архаической культуры.
Внимательный анализ мифов, легенд, символов, обрядов и ценностей имеет большое значение для понимания современных культур, так как во многих случаях архаические пласты проступают сквозь более поздние ценностные системы и придают им особое содержание, ускользающее от поверхностного исследователя. Эти архаические коллективные структуры (архетипы) предопределяют сферу бессознательного, проявляясь через сны, интуиции, пророчества, психические и нервные расстройства, оговорки, комплексы и т.д. В XX века исследованием роли архаических пластов в психической структуре индивида и коллектива занимались психоаналитики -- «аналитическая психология» (Юнг), «структурный психоанализ» (Жак Лакан (1901-1981)), «психология глубин» (Станислав Гроф (1931 г.р.)) и др. направления.
Культурно-исторические типы (Н.Данилевский). Русский философ-славянофил Николай Данилевский впервые предложил рассматривать всемирную историю через анализ нескольких «культурно-исторических типов», под которыми он понимал нечто аналогичное понятию «цивилизацию». В отличие от западно-европейских мыслителей, которые отождествляли свою собственную цивилизацию с единственно возможной, все остальное относя к разряду к «варварства», Данилевский предложил воспринимать ее как одну из цивилизаций, как «романо-германский» культурно-исторический тип. При этом Данилевский выделил ряд других самобытных и вполне законченных культурно-исторических типов, которые основывались на совершенно иных началах, но обладали всеми признаками длительных и устойчивых цивилизаций. Они существовали в течение долгих веков и сохраняли свою идентичность, переживая государства и различные идеологические оформления, эпохи религиозных революций и смену ценностных систем.
Данилевский выделял 10 полноценных культурно-исторических типов (цивилизаций):
1) египетский,
2) китайский,
3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или древнесемитический,
4) индийский,

5) иранский,
6) еврейский,
7) греческий,
8) римский,
9) ново-семитический или аравийский,
10) германо-романский или европейский.

Он считал, что в XIX-XX веках формируется новый, одиннадцатый, культурно-исторический тип – русско-славянский, имеющий все основные признаки цивилизации.

Данилевский полагал, что цивилизации проходят этапы становления – взросления и старения, подобно живым существам. Романо-германская цивилизация, по его мнению, находится в стадии дряхления и упадка. А русско-славянский мир, напротив, только входит в силу.

Закат европейской цивилизации. Идеи, довольно близкие к Данилевскому, самостоятельно высказал спустя десятилетия немецкий философ Освальд Шпенглер в знаменитой книге «Закат Европы». Если Данилевский говорил о культурно-историческом типе, то Шпенглер делал акцент на несовпадении понятий «культура» и «цивилизация». В остальном же его анализ развития цивилизаций, их расцвета и заката, в целом совпадал с картиной, описанной Данилевским. По Шпенглеру «культура» есть духовная и материальная основа человеческого общества, и таких культур существует несколько. «Культура» у Шпенглера -- то же что «культурно-исторический тип» у Данилевского. Шпенглер при этом считает, что когда «культура» исчерпывает свое энергичное созидательное начало, она превращается в «цивилизацию», где преобладает не жизненная энергия, творческий потенциал народов и интенсивная духовная жизнь, но материально-механическое совершенствование прикладных аспектов. Жизнь общества остывает и превращается в механическое функционирование. «Цивилизация», по Шпенглеру, есть продукт остывания «культуры», т.е. «культурно исторический тип» на последней фазе своего развития, на стадии дряхления.

Шпенглер считал, что западно-европейская цивилизация подходит к своему концу, и ее технический, материалистический и прагматический уклон свидетельствует о ее скорой гибели. Будущее Шпенглер видел на Востоке. Особенно его привлекала Сибирь, которую он считал центром рождения «культуры будущего». С большой симпатией он относился к славянскому миру.

Теория «больших длительностей» и «больших пространств». Деление, предложенное Шпенглером, на «культуру» и «цивилизацию» не прижилось в научном обиходе, и термин «цивилизация» продолжали использовать уже во множественном числе для обозначения «великих культур» («культурно-исторических типов») и для их механически-технических стадий развития.

Английский ученый Арнольд Тойнби выстроил наиболее полную модель множественных цивилизаций, разработав систематический метод их изучения, сравнения и описания.

По Тойнби «цивилизации» формируются через цепь «вызовов», идущих со стороны природы, истории, пространства и иных инстанций, и через специфические «ответы», которые народы, образующие цивилизацию, дают на эти «вызовы». Под «цивилизацией» понимается совокупность народов, близких по языковым, культурным и религиозным характеристикам, которые дают одинаковый и общий «ответ» на данный «вызов» или совокупность «вызовов». Таким образом, «цивилизация», по Тойнби, явление общественно-

историческое.
Тойнби в разные годы жизни предлагал различные модели компоновки цивилизаций. Вначале он насчитывал более 100 цивилизаций, позже свел их до 13. Такой разброс в определении количества цивилизаций даже у одного автора показывает, что нет никакой общепринятой системы для определения того, сколько цивилизаций существует. В разных контекстах под цивилизацией понимают разные явления. Общим во всех случаях остается масштаб анализа: цивилизация всегда является обширным историческим и пространственным явлением, обладающим единой формой, типом или культурой.
Историк, экономист и обществовед Фернан Бродель определял цивилизации через длительность. Согласно Броделю, «цивилизации -- это реальности большой, неисчерпаемой длительности, без конца приспосабливающиеся к своей судьбе». А по мысли немецкого юриста Карла Шмитта, в основе цивилизации лежит фактор «большого пространства», т.е. бытие народов рамках единого социального и культурного ландшафта.
«Раскрепощенная техника». Продолжая критику западной цивилизации, возведенную на системный уровень Данилевским и Шпенглером, А.Тойнби выдвинул тезис о том, что, скорее всего, станет причиной грядущего краха западного мира. Он назвал это «раскрепощенной техникой».
Западная культура на определенном этапе своего развития (Шпенглер называл его «Фаустовским») возвела науку и технику в ранг высших ценностей. Дух технического изобретательства, поиск комфорта через механизацию и автоматизацию бытия толкал европейцев все дальше и дальше в этом направлении.
У отцов-основателей Просвещения, таких как Фрэнсис Бэкон (1561-1626), наука и техника служат общей цели – установлению человеком полного господства над окружающей средой. Такое техническое понимание науки свойственно особенно английской школе (И.Ньютон, Р.Бойль (1627-1691) и т.д.), которые призывали строить все научные гипотезы на практическом опыте. Это направление получило название «эмпиризм» (от греч. «эмпирос», «опыт»). Техника это одновременно и способ получения знаний об устройстве окружающей среды, и путь ее изменения и покорения. А так как знание тоже необходимо для покорения этой среды, то круг замыкается, и наука связывается с техникой неразрывными узами. Покорение природы мыслится в европейской культуре как способ освобождения человека от всех внешних ограничений, и поэтому техника, ее развитие, ее совершенствование становятся высшими культурными ценностями. Европейская цивилизация сделала в этом направлении огромные успехи, создав особую техническую среду человеческого обитания, постепенно полностью вытесняющую природную среду.
Научно-техническое развитие, от первых машин через промышленное производство вплоть до современной информационной теле-коммуникационой среды, является наиболее впечатляющей стороной современной западноевропейской культуры.
Движение в этом направлении, по мнению Тойнби, сделало западную цивилизацию заложницей процессов, которые она уже больше не способна контролировать. Рано или поздно машины поднимут восстание против своих создателей (как они, ранее восстали на своего Создателя-Бога). Этой теме порабощения людей машинами посвящены многочисленные сюжеты фантастической литературы и кинематографа. Этот предельный случай

триумфа «раскрепощенной техники» описывает предельную ситуацию, когда цивилизация отрывается от своих духовно-культурных корней, отбрасывает их и становится заложницей автономных механических процессов.
Запад и Восток как типы цивилизации. Многие исследователи разделяют цивилизации на «цивилизацию Запада» и «цивилизацию Востока». Это обобщение помогает выделить два различных отношения к основным ценностным системам и является полезным для понимания взаимодействия этих двух типов обществ.
С таким же успехом можно говорить о «культуре Запада» и «культуре Востока», так как в таком анализе между собой соотносится целый спектр разнообразных критериев, включающих как идейные, духовные параметры, так и технологические аспекты.
Цивилизация Запада. Цивилизация Запада, ведущая свое происхождение от Древней Греции и Рима, направлена на постепенное придание человеческой индивидуальности высшего значения и высшей ценности. Человек в цивилизации Запада есть мера вещей, согласно формуле древне-греческого софиста Протагора (480-410 до н.э.). Элементы этого подхода встречаются уже в Античности, а в современной Западной Европе, начиная с эпохи Просвещения, становятся цивилизационной, культурной, политической и правовой основой общественного строя. В ходе своего развития цивилизация Запада постепенно «освобождается» от Бога, священного, Традиции и создает тот тип «современного общества», который в наше время берется в качестве эталона.
Этапы развития своей цивилизации Запад принимает за норматив и прикладывает ко всем остальным историческим явлениям. Это качество – своего рода «культурный расизм», «европоцентризм» -- также является неотъемлемым свойством западно-европейской цивилизации. Западная цивилизация утверждает в качестве основополагющих (универсальных) ценностей:
- индивидуальную свободу,
- пользу, выгоду, прибыль,
- эффективность, успешность, результативность действий,
- предпринимательский дух,
- техническое развитие,
- способность к рациональному мышлению,
- линейное время, понятое как прогресс (направленное от минуса к плюсу),
- комфорт, удобство,
- исторический путь развития западных обществ, принятый за нормативный и обязательный для всех остлаьных..

Цивилизация Востока. «Восточная цивилизация», куда относится сразу несколько цивилизаций с разным религиозным укладом и этнической спецификой, существенно отличается от западной цивилизации тем, что:
- считает индивидуальность второстепенной ценностью (по сравнению с Божеством, обществом, религией, иерархией и т.д.),
- созерцательность и медитативность ставит выше пользы и выгоды,
- «благие намерения» предпочитает эффективности и результативности (фатализм),
- верность заветам предкам и устоям старины ставит выше свободного предпринимательского начала,
- сконцентрировано на духовной культуре намного больше, чем на

техническом развитии,
- интуицию, мистику, озарение, опыт, основанный на вере, ценит больше, чем выводы трезвого рассудка,
- тяготеет к циклическому пониманию времени или к рассмотрению истории как упадка,
- не считает (как правило) свою ценностную систему универсальной и общеобязательной, допуская помимо нее иные цивилизационные моделей.

Колониализм цивилизации Запада. «Цивилизация Запада» и «цивилизация Востока» представляют собой фундаментально различные явления и культуры. В эпоху своего бурного развития «цивилизация Запада» сумела использовать свои материальные и психологические преимущества для установления контроля над большинством народов, входящих в «цивилизацию Востока». Этот процесс принято называть «колонизацией», так как он предполагает установление над народами Востока внешней колониальной власти, материальную эксплуатацию и извлечение из факта властного контроля иных преимуществ. При этом колонизаторы часто были искренне уверены, что их деяния представляют собой «цивилизаторскую деятельность» в отношении «варварских» народов. Вместо конфликта разных цивилизаций, европейцы понимали колонизацию как «дар» и «благо» «неразвитым» народам со стороны «развитых».

Апологеты европейского колониализма, такие как англичанин Редьярд Киплинг (1865-1936), называли это «бременем белого человека», которое тот, якобы, берет на себя во имя «просвещения неразумных азиатов». То, что индийская культура, индоевропейская (арийская) по своим истокам, была во много раз старше, глубже и фундаментальней со всех точек зрения английской, завоевателями во внимание не принималось.

Многие европейские философы сами осознали несправедливость и противоречия такого отношения цивилизации Запада в отношении Востока. Некоторые из них, в частности, Рене Генон (1887-1951) пошли в этом вопросе до конца -- вплоть до принятия восточных культурных и религиозных традиций, отстаивания их ценностей. В книгах «Кризис современного мира», «Восток и Запад», «Царство количества и знаки времени» Генон подверг безжалостной критике «цивилизацию Запада», заняв позицию последовательного сторонника «цивилизации Востока».

Перетолковыване «колониальных» ценностей в архаических обществах. То, что в одной культуре является ценностью, в другой ей не является даже отдаленно. Исторический анализ показывает, что «ценность» становится таковой в процессе общественного бытия, в каждой конкретной ситуации не просто протекающего по-разному и с разной скоростью, но и имеющего разные цели и разные вектора развития. Так ценности архаических народов – папуасов Австралии и Новой Зеландии, маленьких племен из сельвы Южной Америки или пигмеев, населяющих малодоступные территории Центральной Африки имеют в своих обществах полновесный и законченный смысл, и нет никаких оснований считать, что дальнейшее историческое развитие этих этносов в свободном режиме приведет их к признанию тех ценностей, которые постепенно утвердились в европейских или азиатских обществах. Другие этносы и культуры могут принести с собой свои ценности и внедрить их в местный контекст. Но это еще не значит, что такой процесс есть логичный и естественный путь развития самих этих архаичных культур. Более того, западные ценности могут толковаться в архаических племенах на свой

собственный лад и быстро исчезать после окончания цикла колонизации. Культуры, подвергшиеся внешней колонизации, вынуждены принимать ценности, навязанные колонизаторами, но сплошь и рядом они не становятся для колонизированных этносов подлинными ценностями – их содержание трансформируется до неузнаваемости, и они постепенно превращаются в нечто совершенно особое. Примером такого перетолковывания культурных и религиозных ценностей являются культы гаитянского вуду или бразильской макумба. В этих культах христианские образы смешиваются с древнейшими архаическими языческими божествами, образуя основу экстатических и магических практик, повергающих в шок обычных христиан.
Религиозные цивилизации (христианская, исламская, буддистская, индуистская). Критерий цивилизации может прикладываться к ареалам распространения мировых религий. Чаще всего религии, претендующие на статус мировых, несут в себе систему ценностей, которые выходят за рамки этнических культов, обычаев и традиций, и передают эти ценности разным народам, объединяя их в «религиозную цивилизацию», связанную рядом общих признаков.
В последние тысячелетия можно говорить о христианской цивилизации, исламской, буддистской, индуистской и т.д. Ранее существовали египетская, вавилонская, персидская и иные цивилизации, объединенные древними религиозными воззрениями, но они постепенно исчезли, уступив дорогу новым. Религия, выступая в роли цивилизации, служит общей системой ценностей, опираясь на которую различные общества одинаково или, по меньшей мере, схоже реагируют на исторические «вызовы». Это ложится в основание взаимопонимания между различными этносами, государствами и культурами, которые оказываются объединенными религиозными узами. Между ними возникает ценностное единство, что и становится фундаментом общей цивилизации.
В некоторых случаях общность религии совпадает с общностью государства. Так дело обстоит в Римской империи после принятия христианства и в исламском халифате, образованном исторически в ходе воинственного распространения ислама. В таких случаях цивилизация формируется в пространстве империи, как политического единства с общей религиозной формой. Но свойства цивилизации сохраняются и после утраты политического единства. Так после распада Западной Римской империи народы Европы продолжали оставаться носителями общей христианской цивилизации, а исламский мир вполне осознает свое цивилизационное единство в течение многих столетий после падения халифата.
Например, буддистская цивилизация, после относительно короткого преобладания в Индии при Царе Ашока (III век до н.э) в качестве государственной религии, распространялась оттуда в сопредельные страны как культура, порождая в разных местах разнообразные политические формы (Тибетское ламаистское государство, буддистскую Японию периода правления сегунов, тайскую монархию, тамильское государство Шри-Ланки и т.д.).
Индуизм как религия вообще не отделим от индусской цивилизации, объединившей в общем культурном пространстве многочисленные народа Индостана, как «арийских» пришельцев с севера, так и местные дравидские племена. Индия многие тысячелетия жила именно как цивилизация, скрепленная религиозно-социальным кастовым строем, и государством она стала довольно поздно.

Западно-христианская и восточно-христианская цивилизации. Христианская цивилизация разделилась на две составляющие, следуя политическим процессам отдаления друг от друга Восточной и Западной Римской империй, а позже – разделению церквей. Это разделение христианского мира на две цивилизации по географическим признакам весьма напоминает ареал распространения латинской и греческой цивилизаций в период Античности. Так западно-христианская цивилизация есть продолжение латинского Рима, а восточно-христианская – греческой культуры.

После XI века уже вполне можно говорить о двух самостоятельных христианских цивилизациях – римско-католической и православно-византийской. Хотя и та, и другая носят в целом западный характер, у византийской цивилизации гораздо больше восточных черт – созерцательность, общинность, традиционализм, терпимость к локальному своеобразию и т.д. Не случайно православная церковь называется «Восточной». Это не только географическая констатация относительно региона распространения православия среди народов Восточной Европы и Евразии, но и указание на качественное содержание православной культуры. В культурно-историческом и цивилизационном смыслах православие несет в себе много типично «восточных» признаков.

Католический Запад постепенно формирует философские основы современного западно-европейского общества. Византийская цивилизация трактует христианские начала совершенно иначе, сохраняя их в рамках традиционного общества.

С исторической точки зрения, Россия является преемницей именно византийской восточно-христианской цивилизации, что проявляется и в приверженности православию, и во множестве иных общественных, политических и хозяйственных признаков. Византизм «русской цивилизации» является одной из ее важнейших черт.

Различие путей и циклов развития цивилизаций. Цивилизации развиваются ритмически. Некоторые ученые предпринимали попытку подсчитать среднюю продолжительность жизни цивилизаций. Шпенглер считал, что эта продолжительность равна приблизительно 1000 годам. А Лев Гумилев, говоря об этносе, но понимая под ним скорее именно «культурно-исторический тип», т.е. собственно «цивилизацию», считал что он полностью проходит цикл от появления через развитие к дряхлению и исчезновению в течение 1500 лет. Разные исследователи выдвигали свои гипотезы, но так как само понятие «цивилизации» они толковали неодинаково, общего мнения о длительности цикла цивилизации не сложилось.

Время осознается разными цивилизациями по-разному. Понятие «времени» в разных цивилизациях толкуется по-разному. Физическая длительность неприложима к категориям общественного развития. Можно усомниться и в предопределенности пути цивилизации: если одни цивилизации после прохождения периода упадка исчезают бесследно, то другие превращаются во что-то новое, давая начало новым цивилизационным циклам. Никакого фатализма в этом процессе не заложено. Судьба цивилизации может повернуться самым удивительным образом: некоторые цивилизации переживают свой «конец» и сохраняются в новой форме; другие падают в момент высшего взлета, а третьи вообще не выходят за рамки начального периода (Тойнби называет их «абортивными цивилизациями», которые имели шансы состояться, но не состоялись).

Это означает, что изучение цивилизаций в чем-то напоминает изучение конкретной человеческой судьбы: несмотря на то, что здесь есть предопределенность рождения, взросления, старения и смерти, каждый проживает и заканчивает жизнь по-своему, и никаких общих правил и норм здесь нет.
Если подойти с такой методикой к изучению цивилизаций станет очевидно, что все критерии их развития могут быть понятны только внутри самих этих цивилизаций. Цивилизации несут сами в себе свои ритмы, события, смыслы и цели. Внешнему наблюдателю легко принять одно за другое: успех за провал, взлет за падение, временное отступление за регресс, предсмертную агонию за взлет и т.д. Поэтому корректный анализ цивилизации требует углубленного и внимательного вживания в ее внутреннюю логику, чуткое постижение ее собственных путей и целей, осмысления ее осей координат.
Долгие века в научном подходе преобладал взгляд «западной цивилизации» на все остальные, которые получили статус «цивилизаций» (а не «варварства», как прежде) довольно недавно. В последнее время обществоведы все более стремятся исправить этот перекос, и осмыслить пути развития каждой цивилизации, исходя из заложенных в ней самой критериев.

Контрольные вопросы

1.Дайте определение цивилизации.
2.Какие типы цивилизации вы могли назвать?
3.Все ли цивилизации, на ваш взгляд, развиваются по одному и тому же сценарию?
4.В чем разница между цивилизацией Запада и Востока? Приведите примеры.
5.К какому типу цивилизации относится Россия?

3.2 Основы геополитического метода

«Геополитика – это наука о Государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве.»
Р.Челлен

Определение «геополитики». Цивилизация как пространство. Изучение цивилизаций как самостоятельного явления привело к появлению отдельной дисциплины – геополитики, которая начала развиваться с конца XIX века как самостоятельное направление в обществоведении. Смыл геополитики в том, чтобы выработать обобщающую концепцию, совмещающую «большие длительности» с «большими пространствами». Если изучение цивилизаций оперировало с множеством культурных параметров, с трудом поддающихся строгой и однозначной классификации и систематизации, то геополитика предложила обобщающий метод, использующий ограниченный набор параметров. Геополитика есть дисциплина, стремящаяся придать сравнительному изучению цивилизаций почти математическую точность и системность. Она исследует связь политических и исторических событий с географическим пространством.

Большое пространство. В основе геополитики лежит фактор «большого пространства». Именно «большое пространство» (в пределе – континент) становится главным объектом изучения геополитики. При этом подразумевается, что обобщающие характеристики «большого пространства» остаются неизменными и на протяжении «большой длительности». Понятие «большого пространства» служит выделению в качестве приоритетного критерия географического апсекта цивилизации.
Классики геополитики. Основные принципы геополитики разработали швед Рудольф Челлен, который ввел сам этот термин, англичане Хэлфорд Макиндер и Николас Спикмен (1893-1943), немцы Фридрих Ратцель, Карл Шмитт и Карл Хаусхофер (1869-1946) (серьезно дискредитировавший эту дисциплину сотрудничеством с гитлеровским режимом), француз Видаль де ля Блаш (1845-1918) и другие. В России геополитическими методами пользовались философы-евразийцы (П. Савицкий).
Дуализм «суша» - «море». Геополитика утверждает, что качество пространства определяет структуру цивилизации, которая создается в пределах этого пространства.
В основе геополитического метода лежит базовая идея, что все цивилизации делятся на два основополагающих типа: на цивилизации Суши и цивилизации Моря.
Суша представляет собой устойчивый ландшафт. Когда общество адаптируется к такому сухопутному ландшафту, оно создает особый тип цивилизации, где преобладают фиксированные консервативные начала – строгие границы, иерархия, ценности верности, чести, почтения к старшим и т.д. Сухопутное общество – консервативное, традиционное общество, ориентированное на «вечность», «постоянство» и «неизменность». Когда общество отвечает на «вызов» окружающего сухопутного ландшафта положительно, то перенимая его основные черты, само становится «сухопутным», относит себя к цивилизации Суши.
Классическими образцами цивилизации Суши для геополитиков являются греческая Спарта, Римская империя, империя Чингисхана, царская (и советская) Россия.
Другим полюсом является «цивилизация Моря». Она развивается среди тех народов, которые связывают свою судьбу с мореплаванием, и постепенно становятся на сторону моря как стихии. Не все народы-мореплаватели делают такой выбор. Это зависит от многих причин. Но есть определенные народы, которые воспринимают постоянную переменчивость морского пейзажа, отсутствие четких границ, равнозначность всех маршрутов, жесткое отделение корабля и его экипажа от окружающей стихии, не приспособленной для естественного обитания человека, как основание для совершенно особой цивилизации. Став на сторону Моря, такие народы начинают воспринимать с такой позиции и саму Сушу. Все на Суше становится для народа моряков временным и преходящим. Никаких фиксированных границ, строгих и общеобязательных маршрутов, ценностей и иерархий не существует. Дух индивидуального предпринимательства, авантюризма, динамичного путешествия по дорогам, которых нет и не было никогда ранее, становятся отличительной чертой особого психологического, социального, а затем экономического и политического типа.
Для цивилизации Моря свойственны:
- развитие качеств авантюризма, риска,

- искусность в проведении торговых предприятий, повышенное чутье к конъюнктуре товаров и цен, готовность использовать для извлечения выгоды дефицит в локальных культурах тех или иных продуктов,
- презрение к границам и проторенным тропам (как физическим, так и социальным),
- договорные отношения между участниками какого-то конкретного предприятия, заканчивающиеся после его завершения,
- индивидуальная доблесть, эгоцентризм,
- безразличие к традициям, устоям, правилам и нормам,
- склонность к техническим изобретениям и их утилитарной оптимизации для достижения конкретной материальной цели.

Такая цивилизация поощряет торговлю, обмен, техническое развитие, инновации, т.е. те качества, которые лежат в основе современной западной цивилизации и капиталистической системы.

Геополитики указывают, что еще задолго до Нового времени существовали морские державы, которые шли к той же цели и по той же логике. Это -- древний Карфаген, портовые Афины, голландская торговая империя. А создание морской Британской империи в мировом масштабе стало главным толчком к вовлечению большинства европейских народов в виток капиталистического развития, что с геополитической точки зрения, было признаком их вхождения в зону влияния морской цивилизации.

Пары -- Рим и Карфаген, Афины и Спарта, и позже Британская Империя и царская Россия -- иллюстрируют примеры противостояния этих двух типов цивилизаций.

В XX веке геополитический дуализм ярче всего проявился в противостоянии сухопутного СССР и морских США. Геополитики объясняют это противостояние не идеологическими, а цивилизационными и стратегическими соображениями. История конца XX века показывает, что их анализ гораздо ближе к реальности, чем ожидания позднеесоветских политиков, убежденных, что противоречия между СССР и США снимутся, как только будет устранена идеологическая составляющая советского режима.

«Береговая зона». Важным понятием геополитики является концепция «береговых зон» (развитая Николасом Спикменом). Береговая зона является территорией самого напряженного противостояния между импульсами, идущими из глубины Суши и со стороны Моря.

Цивилизация Суши стремится достичь своих естественных пределов, включив береговую зону в территорию свого контроля. Цивилизация Суши видит эту береговую зону как свою естественную провинцию. Цивилизация Моря смотрит на эту же береговую зону извне, из морских просторов, и воспринимает ее как объект колонизации, эксплуатации и плацдарм для позиционного противостояния с цивилизацией Суши, которая оказывается лишенной доступа к портам.

В этой «береговой зоне», где сталкиваются два противоположных цивилизационных начала, как правило, идет бурное культурное развитие, основанное на необходимости постоянного выбора между сухопутным и морским началами. Этот особый «нейтральный» характер «береговой зоны» делает ее привилегированной территорией развития культуры, которая, в свою очередь, влияет и на цивилизацию Суши, и на цивилизацию Моря.

Схематически можно сказать, что глобальный исторический процесс, как его видят геополитики, представляет собой непрерывную дуэль между Сушей и

Морей за контроль над «береговыми зонами».
Континент Евразия и «сердечная земля». Когда освоение мира достигает планетарных масштабов, цивилизация Суши и цивилизация Моря приобретают континентальный размах, закладывая не только региональные (как в Античности или в Сердневековье), но глобальные силовые линии противостояния цивилизаций.
Уже в начале XX века Макиндер, применяя геополитический подход к реальной политике, утверждал, что оплотом цивилизации Суши является весь евразийский материк, а ядром этой цивилизации выступают северо-восточные земли Евразии, названные Макиндером «сердечной землей» (heartland). Границы «сердечной земли» совпадают приблизительно с территорией Российской Империи, СССР и сегодня Российской Федерации. Россия есть геополитическая платформа всей цивилизации Суши, ее историческое воплощение.
Ее противником выступает Великобритания, позже США, как историческое выражение «морского могущества». Между англосаксонским полюсом цивилизации Моря и русским полюсом цивилизации Суши идет непрерывная позиционная борьба. В центре этой борьбы – контроль за береговыми зонами, тянущимися по всей оконечности евразийского континента – от Западной Европы, через Ближний Восток, Центральную Азию вплоть до Индии и стран Дальнего Востока.
Макиндер писал: «Кто контролирует Евразию, тот контролирует весь мир». Задача цивилизации Суши -- выйти к теплым океанам. Задача цивилизации Моря -- не дать этого сделать, замкнув «сердечную землю» во внутренних пространствах.
Макиндер, впервые предложивший такой анализ, сам служил английским советником в армии Колчака (1873-1920) и воплощал свои идеи на практике, считая «белых» силой Морской (так как союзной Великобритании), а «красных» -- «сухопутной» (так как за большевиками стояли относительно «континентальные» немцы). Позже вся история XX века, и особенно противостояние двух сверхдержав после окончания Второй мировой войны, подтвердила стратегическое значение Евразии и логику противостояния цивилизации Суши и цивилизации Моря за контроль над «береговыми зонами». Политика СССР и США во второй половине XX века в Европе, в Азии и на Дальнем Востоке служит иллюстрацией геополитической идеи «сердечной земли».
Атлантизм и евразийство – как геополитические явления. Морская цивилизация в планетарном масштабе после Второй мировой войны, возвышения США и создания Северо-Атлантического Альянса (НАТО) совпала с таким явлением как «атлантизм». Под «атлантизмом» следует понимать идею «северо-атлантической цивилизации», объединяющей в себе США и страны Западной Европы. Атлантический океан рассматривается в таком случае не как преграда, но как «внутреннее озеро», по обоим берегам которого находится одна и та же цивилизация с общими культурными, ценностными, историческими принципами и стратегическими интересами.
По объему силового потенциала в атлантизме главенствуют США как центр всей системы. Западная Европа, которая в свое время сама была историческим полюсом, сегодня выполняет вспомогательную роль.
Атлантизм обозначает цивилизацию Моря в ее конкретном историческом проявлении по результатам Второй мировой войны и подчеркивает приоритет

американских стратегических интересов в глобальном масштабе.
Симметричным, но обратным по значению геополитическим термином является евразийство, понятое не как философское направлении русской мысли, но как совокупность стратегических интересов цивилизации Суши и «сердечной земли» на протяжении XX века и особенно после Второй мировой войны. Для философов-евразийцев геополитический аспект был прикладным и второстепенным, но в современной стратегии и политологии именно он выдвинулся на первый план. В любом случае следует отличать «евразийство» как геополитическую категорию и критерий стратегического анализа от более сложной и многомерной историко-философской и политической теории, носящей то же название.
Геополитика глобализации и «мировое правительство». Процессы глобализации, рассмотренные с геополитической точки зрения, представляют собой распространение атлантизма в глобальном масштабе, т.е. проекцию цивилизации Моря в ее современном американо-европейском выражении на всю территорию мира.
Глобализация несет в себе очевидный цивилизационный код, и этот код исторически и структурно является выражением атлантистской цивилизации Моря. Это проявляется:
• в системе ценностей (индивидуализм, договорные отношения, «прогрессизм», свобода нравов),
• в обязательном экономическом укладе (свободный рынок либеральная экономика),
• унифицированной политической системе (формальная либеральная демократия),
• распространении технических средств (созданных западным обществом в ходе своего развития),
• приоритете стратегических интересов США и Западной Европы (объявление США всего пространства планеты зоной своих национальных интересов).
Глобализация вступила в свою высшую стадию после распада СССР, когда позиции цивилизации Суши резко ослабли, и «сердечная земля» перестала оказывать ощутимое сопротивление распространению атлантитской системы. В 1990-е годы сама Россия оказалась включенной в процесс атлантизма, заняв позицию послушного следования за международной стратегией США, т.е. отказалась от защиты своей цивилизационной идентичности.
Влияние центра атлантизма (США) на «береговые зоны» в процессе глобализации усилилось. Сама эта «зона» резко подвинулась вглубь континента. В подконтрольный атлантистам пояс попали страны Восточной Европы и многие бывшие республики Советского Союза, вступившие в НАТО или готовящиеся туда вступить.
Глобализация затронула многие страны Третьего мира, что ослабило их и без того шаткий суверенитет, сделав их еще более зависимыми от США и их политических, финансовых, экономических и культурных институтов, постепенно превращающихся в «мировое правительство».
Многополярность и однополярность. Не все страны и народы приняли феномен глобализации как должное. В России как «сердечной земле», в исламских странах, в некоторых азиатских режимах, в Латинской Америке многие отвергли экспансию атлантистской цивилизации и выдвинули альтернативную модель развития. Вместо однополярного глобализма – многополярный мир. Вместо планетарного диктата одной цивилизации (неоколониализма и

неоимпериализма) – диалог различных цивилизаций. Вместо единой логики развития – свободный выбор пути. Так сложилась теория многополярного мира, философия многополярности.
С геополитической точки зрения, речь шла о том, чтобы вместо одного центра атлантистского цивилизации утвердить несколько самостоятельных и независимых полюсов, позволяющих всем странам и народам выбрать свое место в цивилизации и стратегическом раскладе сил.
Геополитическая двойственность современной Европы. Евроатлантизм и евроконтинентализм. Интерес к многополярной философии проявил и Евросоюз. Геополитическая идентичность Европы – как «береговой зоны» -- двойственна. И несмотря на то, что атлантистское, морское начало в ней преобладает, есть и противоположные – сухопутные тенденции, называемые иногда «евро-континентализмом».
Если атлантистский полюс Евросоюза более других отстаивают Англия, Испания и страны Новой Европы (входившие ранее в соцлагерь и сохранившие неприязнь к России – как царской, так и советской), то в основе континенталистского полюса стоит франко-германский альянс.
В целом же Европа стремится играть более самостоятельную роль в мировой политике, что выражается в ее осторожной поддержке многополярного мира.
Евро-атлантисты видят судьбу Евросоюза в тесном альянсе с США и НАТО.
Евро-континенталисты считают, что Европа сама по себе должна стать геополитическим полюсом, превратив Атлантический океан из «внутреннего озера» в реальную границу между двумя цивилизациями, а не между двумя берегами единой цивилизации.
На это откликаются и американские ястребы, которые обвиняют Европу (особенно Францию и Германию) в «предательстве атлантической общности судьбы».
Такая двойственность прекрасно объясняется исходя из логики «береговой зоны».
Интеграционные процессы в мире: два сценария интеграции. Не только сторонники, но и противники глобализации понимают неизбежность интеграционных процессов, протекающих в современном мире. Все меньше стран способны даже теоретически отстоять свой суверенитет и свою независимость в случае военного конфликта. Национальные экономики становятся проницаемыми и зависящими от глобальных тенденций и процессов, контролируемых странами «богатого Севера». Национальное государство больше не способно адекватно реагировать на те исторические вызовы, для ответа на которые оно и было создано.
Существует два сценария интеграции. Первый заключается в однополярной глобализации, т.е. во вступлении страны напрямую в «единый мировой порядок» с универсальной системой ценностей, общим технологическим, экономическим и социальным укладом. Это интеграция в глобализм.
Второй представляет собой проект интеграции с ограниченным количеством участников, объединенных между собой:

- территориальным положением,
- уровнем экономического развития,
- общностью цивилизационных и культурных начал,
- исторической судьбой,
- социальной психологией.

Примером такой интеграции является Евросоюз, а также поиск сближения

стран Тихоокеанского региона, входящих в АСЕАН, объединение ЕврАзЭС, организация стран Исламской Конференции и т.д.
Первый сценарий можно определить как «глобальная глобализация» («однополярная глобализация»). Второй – как «региональная глобализация» («многополярная глобализация»).
Эти две интеграционные модели представляют собой альтернативные пути развития человечества. Какой из них возобладает, покажет время.

Контрольные вопросы

1.Какой метод лежит в основе геополитики? Опишите его.
2.Как надо понимать термины «Суша» и «Море» в геополитике? Что такое «береговая зона»?
3.Что такое «сердечная земля» и каким государствам она соответствует в истории?
4.В чем геополитический смысл процесса глобализации?
5.Какие два сценария глобализации вы знаете? Опишите их.

*3.3 Русская цивилизаци*я

«Россия — не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми азиатскими владениями,
это целый мир особой жизни, особый государственный мир».
К. Н. Леонтьев

Какие цивилизации существовали на территории современной России? На территории современной России исторически существовали разные цивилизации.
Эта территория в ее современном виде делится на несколько отдельных зон:
- Средне-Русская возвышенность (преимущественно Лес),
- степные зоны (включая горы Северного Кавказа),
- Поволжье,
- Урал и Сибирь.

Русский Лес. На территории Средне-Русской возвышенности, покрытой преимущественно лесами, до прихода славян проживали угорские племена. Составляли ли они этническое единство или являлись остатками какой-то древней, давно исчезнувшей цивилизации с общей финно-угорской идентичностью, сегодня сказать невозможно. Ни памятников, ни источников, подтверждающих само существование такой цивилизации, не сохранилось. Сами славяне, пришедшие, видимо, с Балкан и просторов Восточной и Центральной Европы, в частности, современной Германии, в начале первого тысячелетия нашей эры, также существовали в условиях родо-племенного строя, и о наличии у них в прошлом цивилизиционного единства никаких свидетельств нет. В культурном и психологическом смысле славяне были активней и настойчивей местного угорского населения. При этом угры обитали в самих лесах, промышляя охотой и собирательством, славяне же селились вдоль рек, основывая там деревни и города и занимаясь пашенным земледелием. Пространство под поля славяне отвоевывали у леса. Симбиоз

речных земледельцев славян с лесными охотниками и собирателями финно-уграми составил основу того народа, который призвал Рюрика на царствование, дав начало русской государственности.
С приходом в Новгород, а потом в Киев Рюрика, его родни и его дружины добавился варяжский (норманнский) компонент. Варяги были преимущественно воинами и грабителями, а также занимались речной торговлей. Все вместе восточные славяне, угры и варяги составили этническое поле Леса, понимаемого как место становления «русской цивилизации».
Степь. Второй важнейшей зоной, вошедшей в состав России на следующем историческом этапе, было гигантское пространство евразийских степей, тянущихся от Манчжурии и Монголии до Причерноморья и Крыма. Эти степи населялись разными кочевыми народами:
- индо-европейскими (скифы, сарматы, согдийцы, саки, тахары и т.д.),
- тюркскими (тюркюты, огузы, печенеги, половцы, кыпчаки, кыргызы, уйгуры и т.д.),
- монгольскими (сяньби, татары, кераиты, найманы, ойраты и т.д.),
- манчжурскими (чжурчжэни, тунгусы и т.д.),
- кочевыми уграми (мадьяры, утургуры, кутургуры, савиры и т.д.) и
- теми, точную этническую принадлежность однозначно установить не удается (гунны, хазары, булгары и т.д.).

Степные народы несколько раз на протяжении истории объединяли эти гигантские территории под общим контролем, создавая гуннскую, тюркютскую, скифскую кочевые империи, а позже Хазарский каганат. Эти народы вполне могут рассматриваться как носители особой кочевой цивилизации.
Следует учитывать, что большинство авторов, исследовавших цивилизации, сами принадлежали исторически к оседлым культурам, и критерии цивилизации они формировали на основе своего опыта. Так, Николай Данилевский относил кочевые народы к «пассивным» в отношении построения цивилизаций. Новейшие исследования кочевых культур, и в частности труды Л.Гумилева, показали, что кочевые народы, напротив, активно создавали свои особые цивилизации, чья структура становится понятной, если смотреть на кочевников их собственными глазами, а не глазами оседлых культур.
Поэтому Степь может рассматриваться как колыбель особой кочевой цивилизации, имеющей свою собственную идентичность. Эта цивилизация повлияла на самые разные народы, независимо от их этнического происхождения, придала им единый общий стиль, сформировала кочевническое мировоззрение, характерное для большинства племен, государств и империй, возникавших в этой зоне.
Диалектика Леса и Степи. Многие историки, начиная с С.М.Соловьева (1820-1879), описывали русскую историю как диалектические отношения Леса (оседлых славян) и Степи (преимущественно тюркских кочевников).
Г.В.Вернадский (1887-1973) предпринял попытку систематизировать эти взгляды в книге «Начертание русской истории». В этой книге Россия предстает как поле взаимодействия цивилизации Леса с цивилизацией Степи. Эти взаимодействия начинаются еще с древнейших времен, так как заселяющие Средне-русскую возвышенность славяне на всем протяжении южных границ своего расселения постоянно сталкиваются с кочевыми обществами. Древние жители Киева в определенный период оказываются данниками Хазарского каганата.
В Киевской Руси с печенегами, а позже половцами идут непрерывные

столкновения, перемежающиеся периодами мира и династическим браками. Степь играет огромную роль в политической судьбе Леса, постоянно вторгаясь в нее. Сам Лес также периодически организует вторжения в Степь, описанные как в «Слове о полку Игореве», так и во многих преданиях и легендах. Таким вторжением Леса в Степь была империя великого князя Святослава Киевского. По Г.Вернадскому в Киевский период (972-1338) борьба идет с переменным успехом. В период монгольских завоеваний (1238-1452) Степь одерживает решительную победу, подчиняя цивилизацию Леса. Московский период (1452-1696) знаменует собой победу Леса над Степью. А с эпохи Петра (1696) до 1991 года (распада СССР) цивилизация Леса и цивилизация Степи существуют в общем синтезе.
Битва Леса со Степью не является противостоянием двух непримиримых начал, эта борьба есть одновременно форма культурного обмена, взаимосвязи, общения и передачи многих языковых, хозяйственных, психологических и иных элементов. Лес и Степь, с геополитической точки зрения, являются разновидностями сухопутной цивилизации.
Победа Леса над Степью после распада «Золотой Орды» делается возможной только из-за того, что русские (Лес) впитывают в себя многие татарские навыки – жесткий кочевой военный централизм, оперативную ямскую связь, способность стремительно перемещаться на большие расстояния. Освоение Урала и Сибири опиралось также на долгий опыт существования в Степи (не случайно его осуществляли в значительной степени казаки).
Поволжье, Урал, Сибирь: воссоздание Турана. Географически Поволжье и Урал -- это лесные территории, с большинством оседлого населения. В южном направлении они смыкаются со степными просторами.
Славянская цивилизация (Лес) до ордынского нашествия распространилась до Владимирских земель с нижегородскими территориями и Волгой в качестве естественной границы. Степь же такой меридиональной границы не знала. Победа Степи над Лесом стерла эту границу через единство степного пространства и поместило как русских Средне-Русской возвышенности, так и волжских булгар и другие тюркские и угорские народы, жившие от Волги до Урала, в единое государственное образование -- «Улус Джучи» («Золотую Орду»). И хотя после распада Орды русские и «татары» (так стали называть теперь большинство тюркских народов «улуса Джучиева», включая волжских булгар) оказались в разных государствах, Волга перестала быть границей, и в Московский период единство бывших ордынских земель было во многом восстановлено Иваном Грозным (после взятия Казани и Астрахани).
В более поздние эпохи русское влияние распространилось на всю территорию Северной Евразии вплоть до Монголии, фактически воссоздав контуры империи Чингисхана, за вычетом захваченных им Китая, Персии и Индии, т.е. те владения, которые входили в пространство древнего Турана.
Россия как евразийская цивилизация. Когда получили развитие цивилизационные исследования, многие русские мыслители задумались о том к какой цивилизации отнести Россию при всей ее самобытности. Многие черты русской истории напоминали Запад и были прямыми заимствованиями из западной культуры. Другие черты безошибочно говорили о восточном происхождении.
Наблюдение за этой двойственностью привело некоторых мыслителей к выделению русской цивилизации в отдельную категорию. К этому постепенно шли как первые славянофилы (Хомяков, Киреевский, Аксаков, Самарин,

Тютчев), так и народники (Костомаров, Щапов, Лавров, Михайловский), а также поздние славянофилы (К.Леонтьев и Н.Данилевский). Вначале больше говорили о самобытном «славянском мире» и его значении для «мировой цивилизации», а позже в центре внимания встала собственно Россия, так как при ближайшем анализе выяснилось, что цивилизационные характеристики многих восточно-европейских славян сближали их не столько с русскими, сколько с европейцами, и общих цивилизационных свойств в достаточном количестве не обнаруживалось (эта тема была подробно описана К.Леонтьевым в работе «Византизм и сланяство»). Так возникла идея самостоятельной «русской цивилизации», не входящей ни в цивилизацию Запада, ни в цивилизацию Востока. Эту идею подробнее остальных развили в 20-е годы XX века философы-евразийцы (Н.Трубецкой, П.Савицкий, Г.Вернадский, Н.Алексеев, В.Ильин и др.).

Евразийцы считали, что Россия представляет собой самобытное явление, где смешаны «европейские» и «азиатские» черты (отсюда само понятие «евразийство»), но эти черты в России превратились в синтез, т.е. в нечто новое и самобытное, что не сводится к простой комбинации заимствований. Это новое и самобытное начало образует особую систему координат, в которой только и следует рассматривать историю России и русского народа.

Евразийцы развили славянофильские интуиции, и особенно концепцию К.Леонтьева о сущности России как наследнице византизма, и выдвинули теорию «русской цивилизации».

Если рассматривать Россию не как страну, а как цивилизацию, то идея выделения в ней западных и восточных черт отпадает сама собой. Появляется набор оригинальных критериев и оценок, понятных только в пространстве русского общества. А различие и многообразие культурных и этнических форм на протяжении российской истории прекрасно объясняются в этом случае тем, что речь идет именно о цивилизации, допускающей широкий спектр идентичностей, сменяющих друг друга во времени или сосуществующих в рамках «большого пространства». То, что является аномалией, если рассматривать Россию как страну, и тем более как страну, принадлежащую западной цивилизации, становится нормой и закономерностью, если воспринять ее как самостоятельную цивилизацию с присущим только ей набором качеств. Евразийцы поставили перед своим историко-философским и идеологическим движением задачу разработать методологические основы такого цивилизационного подхода, и сделали на этом пути много открытий в области географии (П.Савицкий), лингвистики (Н.Трубецкой), истории (Г.Вернадский, Л.Гумилев), правоведения (Н.Алексеев), культурологи (П.Сувчинский), философии (Л.Карсавин) и т.д.

Особенности русской цивилизации. Можно выделить следующие особенности «русской цивилизации»:

- содержательное мессианство (бытие ради истины),
- ценность целостности (соборной, народной, общественной, государственной),
- принцип справедливости (правды),
- консерватизм (верность устоям, традициям, преданию, почитание «богоносных отцов»)
- жертвенность,
- созерцательность, духовность,
- державность (государство как ценность).

Эти начала можно встретить на самых разных этапах русской истории. Каждое из них, будучи в своей основе положительным, может обнаруживать и отрицательные стороны. Мессианское начало заставляет пренебрегать рациональным бытоустроительством, порождает излишнюю мечтательность и безразличие к материальным аспектам жизни. Целостность, поставленная во главу угла, препятствует развитию индивидуального начала, тормозит творческое развитие личности. Принцип справедливости, особенно в экономике или общинном хозяйстве, сдерживает дух индивидуального предпринимательства, немыслимого без определенной доли авантюризма и эгоизма. Консерватизм подчас заставляет отворачиваться от социальных и технических инноваций, порождает в пределе косность. Излишняя жертвенность приводит к пассивности, к «женскому» восприятию жизни, общества и истории. Созерцательность, вырождаясь, превращается в лень. Ценность державности как высшей ценности воспитывает в пределе раболепие и чрезмерную покорность власти.
Все эти особенности могут проявляться и как достоинства русской цивилизации, и как недостатки, но и в том и в другом случае они вытекают из общего цивилизационного настроя, присущего только данному культурно-историческому типу.
Свойства западно-европейской цивилизации. В другой цивилизации – например, западно-европейской, мы встретим совершенно другой набор отличительных характеристик. Эти характеристики -- индивидуализм, ценность свободы, рационализм, прагматизм, прогресс и т.д. – в свою очередь, могут выступать как в положительном, так и в отрицательном смыслах. Индивидуализм порождает динамику, творческую свободу и ведет к инновациям, но вместе с тем легко вырождается в эгоизм, отчуждение, потребительное отношение к окружающим, и в пределе к превращению живых людей в товар или инструменты личного наслаждения. Свобода ведет к отчуждению людей друг от друга, порождая известное выражение философа Сартра – «ад – это другие». Чрезмерный рационализм делает социальное устройство бездушным механизмом. Прагматизм унижает творческое начало, а безудержный технический прогресс ведет к утрате корней и потере идентичности.
Ценности можно сравнивать внутри цивилизационного контекста. В случае «русской цивилизации» можно соотнести созерцательность (положительное качество) с ленью (отрицательное качество). Это правомочно. Но нельзя сравнивать русский коллективизм с европейским индивидуализмом, так как это -- явления, относящиеся к различным цивилизациям, и их следует осмыслять и оценивать только в их собственной исторической среде.
Советская цивилизация. Цивилизационные пласты русской истории в огромной мере повлияли на советский период, хотя сами большевики хотели построить «новое общество» с чистого листа.
Идеологически это, на самом деле, было именно так, и политико-правовой, общественный, хозяйственный и культурный строй, созданный коммунистами, действительно, не имел аналогов ни в прошлом, ни за пределами СССР – как на Востоке, так и на Западе. Оригинальность советской системы, ее тотальный характер, затронувший огромный спектр жизненных вопросов, приводит к формуле о существовании особой «советской» цивилизации, основанной на самобытных началах. Вместе с тем, нельзя не заметить и в «советской цивилизации» влияния предшествующего культурно-исторического типа. СССР

в целом остался в границах Российской Империи (несколько сократившись в объеме в 20 годы, но полностью наверстав потерянное после 1945 года). В «советской цивилизации» мы в новом виде встречаем знакомые черты:

- мессианство (=вера советских людей в коммунизм и в миссию СССР открыть истину народам мира – через мировую революцию),
- коллективизм (=советское издание русской целостности и соборности),
- справедливость (=всеобщее материальное равенство),
- жертвенность (=готовность принести себя в жертву ради строительства коммунизма),
- державность (=советский патриотизм и почитание коммунистического руководства – вплоть до «культа личности»).

Консерватизм и духовность как ценности были отброшены, и проявлялись более в психологическом портрете советского человека, нежели в формальном наборе его отличительных признаков, социально осмысленных как достоинства. Консерватизм проявил себя в моральной сфере, так как после аморализма первых постреволюционных лет сталинская Россия быстро вернулась к принципам семейной этики и традиционной нравственности. Духовность же воплотилась в науку и искусство, которые именно в советский период достигли в России небывалых вершин.

Как Древняя Русь отстаивала свою самобытность и православную идентичность перед лицом католического (позже протестантского) Запада, так и СССР противостоял все тем же западным странам, только отныне как авангард мирового социализма, борющегося против капиталистических держав. «Советская цивилизация» против «капиталистической цивилизации». Радикально новые идеологические формы, но прежнее цивилизационное содержание.

Испытание «русской цивилизации» на рубеже тысячелетий. После краха СССР советское идеологическое оформление «русской цивилизации» рассеялось, но вместе с тем произошли и более глубокие цивилизационные сдвиги. Российская Федерация как наследница и Российской Империи, и СССР утратила большую часть пространств Степи, которые оказались под контролем бывших Союзных Республик, ставших независимыми государствами Средней Азии. При этом географический синтез Леса и Степи и их культурное объединение в рамках общей цивилизации и единого государства был важнейшей чертой «русской цивилизации» последние 300 лет.

Российская Федерация в 1990-е годы в духе западничества стремилась всячески отмежеваться от любого намека на «мессианство». Заголовки газет пестрили: «Мы не великая страна, мы нормальная страна» (В.Третьяков). Вместо коллективизма в обществе возобладал индивидуализм, а принцип справедливости уступил место этике личного обогащения. Вместо жертвенности стало принято прославлять эгоизм, гедонизм и «расслабленность». Созерцательность приравняли к «дисквалифицирующим качествам», препятствующим социальной активности, а державность была расценена как «исторический предрассудок, мешающий развитию гражданского общества». О консерватизме никто не вспоминал, поскольку в советское время он ценностью не являлся, хотя идея нарушения всех запретов и осмеяние семейных уз как анахронизма стала весьма распространенной.

Мы видим, что в 1990-е годы происходит не просто разрушение советских идеологических устоев, но общество переживает крах своих глубинных цивилизационных основ, которые оставались неизменными и в царский период,

и в советское время. В какой-то момент создавалось впечатление, что сама «русская цивилизация», -- а не только русское общество, русская политика и русская государственность -- вошла в критическую фазу.
Будущее «русской цивилизации». С начала третьего тысячелетия атмосфера российского общества стала постепенно меняться. То драматическое противоречие, которое наличествовало между настроением правящих элит и широких слоев народа в 90-е годы XX века, постепенно сглаживалось. Цивилизационные основы более устойчивы именно в широких слоях населения и на уровне архетипов сохраняются веками, несмотря на идеологические перемены в правящих группировках. Опыт исследования «русской цивилизации» дает основания для того, чтобы опять ожидать проявления ее фундаментальных основ в процессе строительства нового российского общества. «Русская цивилизация» пережила много драматических моментов, но на всех ее этапах мы видим присутствие фундаментальных сил, которые действуют долгими циклами и в границах больших пространств. Чрезвычайно велико значение факторов Леса и Степи, глубинных ценностных установок, культурных особенностей, психологических констант.
Можно наметить теоретические направления, по которым будет формироваться «русская цивилизация» в XXI веке.
Новое объединение Леса и Степи. Необходимо будет решить проблему «больших пространств» (Лес и Степь), что в той или иной форме поставит на повестку дня интеграционные процессы со средне-азиатскими странами. Евразийский вектор в будущем будет иметь для России возрастающее значение.
Миссия России. Перед обществом встанет во всей силе вопрос об определении миссии русских на новом этапе. История показывает, что это поиск «высшего предназначения» является неотъемлемой чертой «русской цивилизации». Едва ли мы вернемся к советской идее «мировой революции», но новая форма народного и государственного мессианства появится неизбежно.
Новая целостность. Целостность как соборность, общинность или коллективизм слишком укоренены в психологии, чтобы легко смениться на индивидуализм, почерпнутый из западной цивилизации. Следует предвидеть появление новых версий социалистических или солидаристских теорий, движений и институтов.
Государство будущего как ценность. Процесс державостроительства должен приобрести программные, этические или эстетические формы, чтобы государство снова стало притягательной ценностью. Только став ценностью, государство сможет пробудить в народе жертвенность, готовность ограничивать свои свободы ради достижения высоких исторических целей.
Новый русский консерватизм. Консерватизм вполне может стать преобладающим общенародным мировоззрением, восстанавливая баланс, нарушенный чрезмерным увлечением идеями прогресса в советское время и нравственным нигилизмом 1990-х годов.
Императив духовности. Без обретения новой формы духовности, без взлета культуры, философии и искусства Новая Россия не состоится. Быть может, не все фундаментальные ценности «русской цивилизации» найдут свое воплощение на новом историческом этапе, но уже сегодня ясно, что общество будет двигаться именно в этом направлении.

Контрольные вопросы

1.Перечислите основные черты русской цивилизации.
2.Как соотносятся между собой Лес и Степь в русской истории? Что им соответствует среди этносов?
3.В чем состоит евразийский характер русской цивилизации?
4.Есть ли у русской цивилизации будущее? В чем оно, по-вашему?
5.Будет ли государство в будущем ценностью? Или оно отомрет за ненадобностью? Или его будут просто терпеть? Как хотелось бы вам лично?

3.4 Геополитика новой России

«Владимир Путин – человек судьбы, строитель новой геополитической континентальной Империи,
Евразийской Империи Конца от Атлантики до Тихого океана, о которой грезил генерал Де Голль»
Ж.Парвулеско

Россия как Евразия. Выход к теплым морям. Местонахождение России в сердцевине евразийского континента определяет ее цивилизационные особенности. С геополитической точки зрения, Россия является Евразией, ядром и центром цивилизации Суши. Это предопределяет ее стратегические интересы.
На протяжении всей своей истории Россия расширяла свое влияние на евразийском материке, постепенно распространяя свой контроль в сторону морских границ. На севере и востоке эта задача была выполнена довольно легко, вероятно, из-за климатических условий: побережье Северного Ледовитого океана и северная часть Тихого были неинтересны для колонизации со стороны Моря. Поэтому большого сопротивления здесь русские не встретили. По-другому обстояло дело на Юге и на Западе, где располагались теплые и давно освоенные моря и океаны с побережьями, занятыми либо древними цивилизациями, либо с зонами, колонизированными цивилизацией Моря. Отношения России с Европой на западе и Турцией на юге в течение долгих столетий представляют собой решение этой геополитической задачи: «выхода к теплым морям». В том же смысле следует понимать и азиатскую политику России.
В разные периоды эту задачу пытались решить разными способами – чаще всего войнами и расширением русского влияния на прилегающие земли. Советская история, с геополитической точки зрения, есть логическое продолжение в решении той же задачи: Москва пыталась продвинуться на Запад – в Восточную Европу через страны соцлагеря, в южном направлении (результатом чего стали напряженные отношения с кемалистской Турцией после Второй мировой войны или вторжение в Афганистан), в Азию через (недолговечный) союз с коммунистическим Китаем, поддержку Вьетнама и Северной Кореи. Англия, а потом США и атлантическое сообщество выступали в этом процессе как противодействующая сила, стремившаяся заблокировать через контроль над береговой зоной евразийские геополитические импульсы.
Главное геополитическое уравнение и геополитический суверенитет. Воля России к выходу к теплым морям на западе и на юге и противодействие этому со стороны цивилизации Моря составляет основу извечного уравнения, от

которого, по мнению геополитиков, зависит судьба миропорядка и распределение в нем ролей на тех, кто принимает решения и тех, кто им подчиняется. Если Россия-Евразия добивается своего, она становится субъектом мировой геополитики. Если не добивается – превращается в объект. Встает вопрос о «геополитическом суверенитете».

Геополитический суверенитет есть сохранение «большим пространством» (континентом) самостоятельности и свободы в условиях столкновения с другим «большим пространством». Причем в отличие от государственного (национального) суверенитета речь идет не о формально-правовом статусе, которым в соответствии с принципами международного права обладают все без исключения страны, но о реальной военно-стратегической, экономической и энергетической способности государства или группы государств (блока, союза, «большого пространства») проводить самостоятельную линию в зоне своего непосредственного влияния, а также участвовать в решении глобальных мировых проблем. Чтобы сохранить в новых условиях «геополитический суверенитет», Россия-Евразия должна решить главное геополитическое уравнение в свою пользу, т.е. сделать то, чего не удавалось до конца осуществить в прошлом.

В русской истории решение этого уравнения проходило с опорой на четыре последовательно сменявшие друг друга идеологии:

- идеологию велико-княжеского централизма (империя Святослава),
- идеологию православного царства (мессианский империализм Московского периода),
- идеологию российской колонизации (светский империализм Петровской и пост-петровской России до 1917 года),
- коммунистическую идеологию (пролетарское мессианство – мировая революция).

Всегда эта идеология опиралась на силу, но никогда сила не была единственным аргументом евразийской геополитики: огромное значение имело идеологическое оформление, предопределявшее альянсы, союзы и методы. Очевидно, что все четыре исторические формы евразийской геополитики сегодня принадлежат прошлому и не могут быть снова взяты на вооружение. Следовательно, России только еще предстоит разработать новую идеологию континентальной интеграции, которая подскажет методы и формы решения главного геополитического уравнения в будущем.

Можно предположить, что это будет не силовая колонизация и не распространение унитарной идеологии. Скорее следует прогнозировать стратегию создания континентальных осей в западном и южном направлении, когда ключевые страны евразийского материка -- Европа, Турция, Иран, Индия, Китай и Япония -- выстроят вместе с Россией-Евразией общую стратегическую систему, позволяющему каждому участнику обеспечить себе необходимый геополитический суверенитет. Причем в одиночку ни одно из этих государств достичь этого, развиваясь сегодняшними темпами, не может. Каждому не хватает какого-то существенного момента (военно-стратегического потенциала, энергетических ресурсов, экономической мощи, высоких технологий и т.д.).

В новой Евразии едва ли будет единоличный лидер, но у России в такой конфигурации будет геополитический ключ ко всей системе осей, проходящих через ее территории – «сердечную землю». Россия станет в таком случае операционным центром многополярной модели миропорядка. Выход к теплым морям будет обеспечен не завоеваниями и экспортом революции, но

созданием союзных отношений – интеграционных объединений и военных блоков, которые позволят России мирно сотрудничать с «большими пространствами» береговых зон.
«Санитарный кордон» и Большая Игра. Постоянным ходом атлантистской геополитики было создание вокруг России-Евразии «санитарного кордона» -- особой территории, отделяющей «сердечную землю» от «больших пространств» береговой зоны и находящейся под контролем цивилизации Моря. В новых условиях начала XXI века этот «кордон» вновь усиленно создается под влиянием американских стратегов в Восточной Европе, странах Балтии, бывших республиках СССР – на западе и на юге от России. «Санитарный кордон» объединяет «проблемные» территории, в которых традиционно сильно влияние России, но которые имеют к России исторические претензии. Вместе с тем, эти страны не слишком тяготеют и к «большим пространствам» береговой зоны. По этой причине они легко становятся яблоком раздора и сгустком противоречий для России и для больших держав на западе и на юге. Пользуясь этими противоречиями атлантистские силы устанавливают в таких зонах свой приоритетный контроль и блокируют сближение геополитических партнеров по обе стороны от «санитарного кордона». Такая политика ломает потенциальные континентальные оси. Классическим примером «санитарного кордона», отделяющего Россию от Германии, исторически выступала Польша. Кроме того, Великобритания большое значение уделяла Кавказу, подстрекая некоторые коренные народы к восстанию против России. Таким образом «санитарный кордон» формировался и на юге.
Успех иди неудача в построении «санитарного кордона» вокруг России для предотвращения ее движения на запад и на юг являлось главной задачей Большой Игры, как ее называли стратеги британского империализма в XIX веке. В начале XXI века роль Великобритании полностью перешла к США, а второй партнер Большой Игры остался прежним. Это Россия. Актуальность «санитарного кордона» снова возросла. Новым изданием этой стратегии стала политика США в отношении стран Восточной Европы, Балтии и СНГ, которые призваны быть препятствием на пути развития континентального стратегического партнерства России с соседними крупными региональными державами.
Разорвать «санитарный кордон», превратить эту зону из территории потенциального конфликта в территорию союза и дружбы – задача России в развертывании нового витка Большой Игры.
Место новой России в глобальном мире. России в XXI веке необходимо дать адекватный геополитический ответ на вызов глобализации. Полностью закрыться, изолироваться от глобализации означает быстро израсходовать внутренние ресурсы и отстать от остальных участников геополитического процесса. Принять глобализацию без каких-либо условий – все равно, что потерять геополитический суверенитет, превратиться в объект глобализации, так как в настоящий момент единственным субъектом глобализации является атлантизм, цивилизация Моря, подчиняющая своему влиянию всех остальных и устанавливающая свои (однополярные) правила игры.
Место России в глобальном мире будет определено в зависимости от того, сможет ли она ответить на этот парадоксальный вопрос, заведомо исключающий простые решения, лежащие на поверхности.
Россия должна одновременно и участвовать в глобальных процессах, и

сохранять свой геополитический суверенитет (субъектность). Это теоретически представимо только в том мире, где монополия атлантизма будет подорвана, и возникнет не один, а несколько глобальных полюсов, заинтересованных в поддержании равновесия и частичной открытости в отношении друг друга. В таком многополярном мире у России есть все шансы и динамично развиваться, и сохранять свою независимость, свободу и самобытность.

Проект «Евразийского Союза» (интеграция постсоветского пространства). С геополитической точки зрения, масштаб Российской Федерации не достаточен для образования полноценного «большого пространства», которое могло бы выступать самостоятельным полюсом в многополярном мире. Если Россия ограничит зону своего влияния только своей собственной территорией, она автоматически увеличит зону «санитарного кордона», и проект континентальных осей будет затруднен. «Большим пространством», минимально необходимым для того, чтобы Россия смогла выступать как цивилизационный геополитический полюс, является территория СНГ. В другом контексте можно говорить о «Евразийском Союзе» или «Большой России».

«Евразийский Союз» или «Большая Россия» представляют собой геополитические проекты, призванные обеспечить всему постсоветскому пространству суверенность, конкурентоспособность и свободу перед лицом вызовов XXI века. Только в ходе интеграции это пространство приобретет тот экономический, стратегический, военный и ресурсный потенциал, который сделает все страны, в него входящие, полноценными субъектами геополитических процессов. Каждая из этих стран привносит в «Евразийский Союз» свой потенциал, в результате чего потенциалы не просто складываются, но умножаются, образуя полноценный полюс, наделенный геополитическим суверенитетом.

Российский ядерный потенциал и оборонно-промышленный комплекс, а также природные ресурсы и исторические традиции и навыки активного участия в мировой политике гарантируют всем членам «Евразийского Союза» безопасность, свободу и влиятельные позиции на мировой арене. Но каждая из стран вносит в общий проект свои собственные достижения и возможности. Этот процесс, скорее всего, будет проходить в демократических рамках, так как осмысление своего геополитического положения в мире и природы глобализации рано или поздно приведет политические элиты и народы стран СНГ к осознанию неизбежности и безальтернативности интеграции.

Контрольные вопросы

1.Какие геополитические задачи стоят перед современной Россией?

2.Что такое «главное геополитическое уравнение»?

3.Чем юридический суверенитет отличается от геополитического?

4.Что такое «санитарный кордон» в современной геополитической карте мира? Чьим интересам он служит?

5.Опишите место России в глобальном мире.

Часть 2 ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕТ

Раздел 4. Государство, право и политическая система

4.1. Смысл государства, типы и особенности государств

«Государсто есть высшая форма человеческой жизни.»
Ф. Ратцель

Государство как явление. Государства как особый тип организации общественно-политической системы появляются в истории человечества начиная с глубокой древности. Древнейшие государства возникли на территориях Дальнего Востока и Передней Азии. Одни государства разрушались, а другие создавались на их месте с иной политической или религиозной системой, правящей элитой, национальной идеей. Государство отличается от других социально-политических форм тем, что имеет

- *административный аппарат,*
- территориальные *границы*,
- свод *законов* и нормативных уложений, фиксированных в официальных документах,
- регулярную *армию*, призванную обеспечивать гражданам безопасность от внешнего вторжения врагов,
- структуры правопорядка, имеющие мандат на осуществление легитимного насилия в отношении государственных подданных, нарушающих законы.

Государство порождается народом. Чаще всего в истории государства возникали на стадии осознания народом своего исторического единства и своего предназначения, *в тот момент, когда этнос превращался в народ.* Осознав свое бытие в истории, народ вырабатывал инструмент защиты от внешних вызовов и оформлял свою собственную национальную идею в фиксированной политической и правовой системе. Этим инструментом и было государство, как *выражение осознанного и рационально оформленного бытия народа.*

Государство как решимость народа самому творить свою историю. Государство - это фиксация народа в пространстве (территориальные границы) и во времени (форма исторической государственности). *Народ как исторический субъект воплощает в государстве свое понимание пространства и времени, оформленное в политико-правовой системе и в соответствующем административном аппарате.*
Этнос, становясь народом, проявляет себя как целостное существо, способное активно действовать в истории и осознанно творить коллективную судьбу. В этом процессе этнос преодолевает инерцию своего бытия, добавляя к консервативному следованию традиции волю, направленную в будущее. Наличие этой *воли, обращенной в будущее*, является характерной отличительной чертой *народа*. А конкретным воплощением этой воли, ее оформлением в реальном бытии, во времени и в пространстве является государство.
Государство есть не что иное, как воплощенная в реальности решимость народа самому творить историю.

В изначальном замысле государство выражает творческую мощь народа, являясь ее зримым проявлением. Вместе с тем государство предполагает некоторое отчуждение создаваемой административной системы от стихии народного бытия, придание иерархии, закону, политико-административной системе и аппарату легитимного насилия определенной самостоятельности. В государстве народная жизнь застывает как в остановленном кадре, фиксируя в рациональной системе энергию исторического момента и географических и ландшафтных особенностей.

Государство фиксировано во времени и в пространстве. Государство имеет строгую привязку к пространству (его территория) и ко времени (условия его возникновения, специфика конкретной политической и административной системы). Народ же, создающий государство, *может выходить далеко за эти границы* - и в пространстве, расширяя ареал своего местопребывания, и во времени, существуя до государства, вне его и после него. И хотя на начальном этапе именно народ творит государство, как свое продолжение, постепенно пути развития государства и народа могут расходиться, как расходится судьба живого существа с его изображением или голограммой. Поэтому между народом и созданным им государством периодически возникают конфликты, которые приводят к изменениям политической или идеологической системы, переворотам, правовым и административным реформам, революциям или даже к распаду государства, а в определенных сулчаях и к гибели народа.

Диалектика народ-государство. Между народом и государством существуют *диалектические отношения*: являясь на первом этапе почти одним и тем же, постепенно они расходятся и часто приходят к противостоянию и оппозиции.
При этом существуют народы, которые долгие периоды живут без государства, и тем не менее остаются именно народами - т.е. полноценными сознательными субъектами истории (например, еврейский народ в изгнании).
Народ как субъект порождает государство как инструментальный объект, но постепенно государство может приобретать видимость самостоятельного бытия и при определенных обстоятельствах **идти против** *воли народа*, становясь источником подавления и насилия над тем, кто его породил. В некоторых случаях государство само претендует на роль *субъекта* политической истории, рассматривая создавший его народ как нечто преодоленное, несовершенное и нуждающееся в опеке и управлении со стороны высшей инстанции. В такой конфликтной ситуации государство отнимает у народа его высший статус исторического субъекта и приписывает самому себе.
Между этими двумя крайностями - *государство как тень и послушный инструмент народа и государство как отчужденный аппарат угнетения и подавления народа* - существует множество промежуточных вариантов, отражающих многообразие исторических и географических форм государственности. Все эти варианты располагаются между двумя пограничными случаями: *государством-народом* (народным государством) с одной стороны, и *государством-машиной*, с другой.
Каждое историческое государство описывается через ряд основных критериев. *Главным и наиболее глубоким критерием является его отношение к народу* (а также

к этносам и общественной системе), строгое определение качества их диалектического соотношения.

Государство в пространстве. Другой важнейшей характеристикой является *пространственное и географическое местонахождение государства*, структура и качество его *территорий* и *границ*. От этого зависит во многом специфика государственной системы. Политология выделяет три типа государств в их отношении к пространству: *города-государства*, *государства-территории* и *государства-континенты*.

Города-государства. Наиболее древними пространственными формами были города-государства, которые включали в свои границы предместья и прилегающие сельские районы.

Города-государства существовали в Междуречье, Древнем Египте, Древней Греции. От названия греческого города-государства – «полис» -ведет свое наименование политика. Для города-государства характерно *однородное социально-политическое и культурное пространство, высокая степень концентрации публичных и властных институтов.* В городе-государстве наглядно проявлен тотальный характер политического начала, которое окружает человека со всех сторон, полностью предопределяя среду обитания, заменяя естественное (природное) искусственным (рукотворным). Города-государства всегда брались за идеальный образец для политических систем, так как именно в городах порядок, право, сосредоточение административных учреждений и иные атрибуты государственности сосредоточены максимально плотно, в то время как в сельских районах (не говоря уже о незаселенных территориях) этих знаков присутствия государства намного меньше.

Города-государства сохранились и в Средневековой Европе. В некотором смысле русский Новгород до его окончательного закрепления за Московскими царями можно считать городом-государством.

Государства-территории. Второй пространственной формой являются государства-территории. Они имеют в своих границах *разнородные* культурные ландшафты, городские центры и протяженные сельские территории, а также зоны необжитых земель. Политико-социальное пространство государства-территории устроено более сложным образом и делает важнейшими элементами коммуникации, мобильные войсковые отряды (для защиты от вторжений), укрепление искусственных границ (в случае города-государства совпадающих с естественной архитектурой города и предместий).

Государство-территория вынуждено присутствует на всем подконтрольном тему пространстве неравномерным образом где-то государственность более наглядна, где-то менее. Государство-территория тяготеет к превращению всей зоны в однородную среду, так как это облегчает и упрощает систему управления. Наиболее рациональной моделью политической организации государства-территории является государство-нация.

Государства-континенты. Третьей пространственной формой является государство-

континент. Здесь достигается максимальная степень сложности организации политического пространства. В государство-континент включены не только города-государства, но и государства-территории в качестве полусамостоятельных единиц, что делает его политическую структуру многомерной. Государство-континент обладает таким пространственным масштабом, что о превращении всей его зоны в однородную не может быть и речи, и политические инстанции центральной власти вынуждены терпеть социо-культурное многообразие его частей.

Значение ландшафта для пространственных типов государств.

Потамическая теория. Во всех трех пространственных типах государств большое значение имеет *ландшафт*, в который они вписаны. В случае городов-государств чрезвычайно важна их локализация: расположенность на горах или равнинах, в лесах или пустынях, удаленность от них речных или морских просторов и т.д. Окружающий ландшафт часто существенно влияет на политико-культурные формы, складывающиеся в городах-государствах. Так, портовые Афины с развитой морской торговлей выстроили демократические институты. А внутриконтинентальная Спарта, далекая от торговых путей, породила воинственно-аристократическую политическую культуру.

В случае государства-территории чрезвычайно важно, какие ландшафты входят в его границы, какова географическая природа этих границ (горы, реки, береговые зоны и т.д.), как расположены речные коммуникации.

В потамической (от греч. «потамос» -- «река»)теории происхождения государств (К.Веттфогель, Р.Хенниг, Л.Керхольц) утверждается, что г*осударства-территории возникают там, где маршруты основных рек расположены радиально и пересекаются друг с другом* (пусть с некоторыми сухопутными вкраплениями), которые при желании можно преодолеть волоком). Если же главные реки текут *параллельно* друг другу, развитие государственности происходит с существенной задержкой. Примеры этого можно увидеть в странах Европы: Франция с ее радиальными реками довольно быстро приобретает черты государства, а Германия, где реки текут параллельно друг другу, отстает в этом процессе на несколько веков. Так же в России – радиальные реки Среднерусской возвышенности, и особенно волжско-окского бассейна, способствуют развитию прочной государственности, а параллельное течение Дона и Днепра на Западе и сибирских рек на Востоке, напротив, становление государственности замедляет. Карл Виттфогель (1896-1988) построил на этом основании теорию «гидравлических обществ», утверждающую, что в истоках государств лежит форма рационального использования людьми водных ресурсов. По Виттфогелю, чем более сложной является система водоснабжения (включая реки, озера, искусственные ирригационные системы, колодцы, источники и т.д.), тем большей централизации политической власти она требует.

Для государств-континентов принципиальными являются уже не просто ландшафтные условия, *но соотношение границ с материковыми зонами* – морским или океанским побережьем, доступам к проливам и т.д. Здесь политика приобретает планетарный мировой масштаб. Поэтому государство-континент называются также «государством-миром» (П.Савицкий). Государство-континент всегда в той или иной степени является «империей». Более детально эту классификацию разрабатывают геополитика и геостратегия.

Государства в историческом развитии. Еще одним критерием в определении типа государственности является политическая специфика его устройства. Одно и то же государство, созданное одним и тем же народом и находящееся приблизительно в тех же пространственных пределах может в ходе исторического процесса *менять свои политико-правовые формы,* превращаясь из республики в монархию, из империи в федерацию или унитарное образование, из деспотии в демократию и т.д. Поэтому изучение конкретных политико-правовых и идеологических форм государства должно осуществляться в исторической перспективе.

Единой схемы развития государства не существует. Разнообразие возможных исторических оценок делает невозможным однозначное описание логики развития государственных систем. В зависимости от того, на какой позиции стоит тот или иной исследователь, разделяет ли он прогрессистские, консервативные или «перманентистские» подходы, история становления и развития любого государства будет рассматриваться совершенно *различно*. Поэтому для научной точности и объективности следует воздерживаться от чрезмерных идеологических обобщений, но описывать те или иные типы государств и стадии их развития на основании достоверного исторического материала, стараясь избегать слишком масштабных обобщений. Если в истории одного государства - например, Древнего Рима - установление монархического правления следует за республиканскими формами, это еще не значит, что это общее правило и все республики обречены стать монархиями. Или наоборот, если в западно-европейских государствах Нового времени феодальные системы уступили место буржуазно-демократическим режимам, это еще не значит, что точно также должно обстоять *дело и со всеми остальными* государствами, имеющими какие-то признаки феодальной системы. Беспристрастное знакомство с судьбой различных государств на протяжении всей мировой истории убеждает, что *любые трансформации почти всегда обратимы*, правила и закономерности, подтверждаемые одним рядом исторических явлений, опровергаются другим. Поэтому несмотря на техническое удобство описания системы эволюции государств по какой-то одной общей схеме (как это делали, например, марксисты - от рабовладельческого государства до коммунистического общества), это явно *не соответствует исторической реальности* и является недопустимой натяжкой.
Четко фиксируя политико-административную и идеологическую специфику того или иного государства, следует стремиться корректно описать его в определенном историческом контексте, стараясь всячески избегать таких выражений как «данное государство *еще* не вступило в эпоху буржуазных отношений» или «данное государство *уже* вышло из рабовладельческой стадии», ведь «если не вступило, то *не факт, что вступит*», а если «вышло, то *не факт, что снова не войдет*». И хотя определенные закономерности отрицать трудно, всякий раз, когда мы с ними сталкиваемся, необходимо тщательно изучать, не является ли сходство с историей других государств и конкретных этапов их истории лишь *формальным*, внешним, и не скрываются ли под ним глубинные различия?

Сравнение государств между собой неправомочно из-за отсутствия универсального критерия. Государство описывается через отношение к народу,

через пространственно-географическое местоположение и историческую специфику политико-идеологических и административно-правовых форм. Каждое государство в этом отношении *уникально*, и никакой общей шкалы оценки не существует. Нельзя сказать, что данное государство в данный момент времени *лучше* другого государства в другой (или в тот же) момент времени. Никакой *общей шкалы не существует*, и любые мнения и оценки отражают лишь *субъективную позицию отдельного человека или группы*, объединенной какой-то вполне конкретной идеологией.

Типы и форма государств. Перечислим наиболее распространенные критерии, по которым могут быть классифицированы государства. В современной теории права и государства базовым понятием, служащим этой цели, является термин *«форма государства», т.е.* система принципов, характеризующих механизм организации власти и территории. Элементами формы государства являются:

• *форма правления*, отражающая принципы формирования, функционирования и преемственности власти (монархия, республика и их разновидности);

• *форма территориального* (иногда – административно-территориального или национально-территориального) устройства, характеризующая распределение полномочий между государственными органами в центре и на местах (империя, федерация, конфедерация, унитарное государство);

• *политический режим*, описывающий доминирующий метод государственного управления (деспотия, тирания, диктатура, демократия и др.)
Из сочетания указанных элементов формы государства в том или ином географическом, религиозном, социо-культурном и экономическом контексте складываются самобытные типы государственности, которых может быть достаточно много и которые варьируются на различных исторических этапах.

Теократия. В древнем мире одной из наиболее часто встречающихся форм государственности является *«теократия»* (от греч. «теос», «бог» и «кратос» «власть»; дословно «богоначалие»). Теократиями были Древний Египет, Ассиро-Вавилонское царство, государства Древней Индии, буддистский Тибет и многие другие государства. В центре теократического общества стоит *каста жрецов*, считающаяся высшим сословием, которое определяет и формирует государственную идеологию, учреждает преобладающую систему ценностей, решает основные государственные вопросы (войны и мира, реформ, налогов, законов и т.д.), непосредственно следит за функционированием всей административной и репрессивной системы.
В теократическом обществе царит атмосфера *символизма* и *сакральности* (священности). Государство осознается как проявление *божественной реальности*, а сами жрецы как «боги во плоти», призванные вести все остальное население к интеграции в божественный порядок.
В таком государстве в основе всего лежит *миф*. Все функции - исполнение обрядов, воинские обязанности, торговля, ремесленничество, земледелие и даже бытовые

домашние дела - наделены глубоким *символическим смыслом*. Человек в теократическом государстве постоянно пребывает в пространстве *непрерывной мистерии*: грань между небесным и земным стерта, равно как и барьеры между жизнью и смертью. Физическое существование мыслится как незначительный эпизод в бесконечных *метаморфозах души*, предшествующих рождению и продолжающихся по ту сторону могилы. Все сферы общественной деятельности, включая ведение хозяйства и грубый труд, пронизаны духовными устремлениями и основаны на символизме.

Человек в теократическом государстве мыслится как временное местопребывание высшего духа. Такое общество мало внимания уделяет завоеваниям соседних государств, материальному процветанию или бытоустроительству. Взоры всех его членов обращены в потустороннее, структуры которого отражаются в священном характере самой государственной системы. *Религия, по сути, сливается здесь с государственностью вплоть до неразличимости.*

Наиболее активно в мистерии государственности выполняют правящие в обществе жрецы. Наиболее пассивно - крестьяне ремесленники. Между ними - каста воинов. А рабы, как правило, являющиеся воинами побежденных отрядов из других государств или племен, вообще не рассматриваются в качестве самостоятельных лиц. Это положение рабов, занимающихся исключительно трудовой и хозяйственной деятельностью, но *лишенных соучастия в мифе и в культах*, показательно. Собственно «экономика» в отрыве от мифа и обряда находится на периферии такого теократического государства, и те, кто занимаются *только ей*, практически не считаются людьми. В индийской кастовой системе такие люди назывались «чандалами». Труд третьей касты – крестьян, ремесленников и торговцев - считался ценным в той степени, в какой производимые (или распространяемые) ими продукты и предметы имели символическое значение, а сама структура трудового процесса воспроизводила логику священного ритуала.

Философ Платон (427-347 до н.э.) в своем изображении идеального государства описал именно теократию, только вместо касты жрецов у него была каста философов (что в его случае было почти тождественно).

Марксистская школа, ставящая во главу угла экономическую сферу, называет теократические государства «рабовладельческими», подчеркивая, что основным экономическим классом в них являлись рабы. Но для самих жителей такого общества наличие или отсутствие рабов было чем-то совершенно второстепенным, более того, институт рабства возник как выражение отвлеченности теократических обществ от земной материальной проблематики и их сосредоточенности на духовных областях. Если в обществе грубым материальным трудом занимаются самые презренные касты, это значит, что сама сфера материального производства не входит в состав высших ценностей. Поэтому такое общество точнее назвать именно теократическим, поскольку самой яркой его чертой является постановка Божества (и служителей культа) во главу всей государственной системы.

В древнем Вавилоне даже брак главы теократического государства считался общегосударственным делом, так как в нем все подданные видели прямо отражение «иерогамии» -совокупления мужского и женского божеств, что должно было давать плодородие, мир и преуспеяние всем подданным государства.

Теократическое устройство государства повлияло на другие *смешанные* формы государственности. Следы теократии мы находим и в институте папства на Западе, где

уже не существовало отождествления жрецов (священников) с Богом, но тем не менее их позиции в государственной системе оставались значительными.

Монархия и военно-аристократические государства. В чистом виде военное сословие считалось высшей властью в государствах иного типа - *в монархиях и феодальных обществах*. Государства, во главе которых стоят не жрецы, а *воины-аристократы*, под предводительством «первого из равных», обычно называют «монархиями» (от греч. «монос» - «один» и «архе», «власть»; «монархия» дословно означает «единоначалие»). В монархиях, как правило, каста жрецов также присутствует и остается чрезвычайно влиятельной, но акценты здесь расставлены несколько иначе. Во главе ценностной системы находится не столько созерцание, обращенность к потусторонним силам, обрядам и ритуалам, сколько *воинственный дух*, экспансия, агрессия и иные черты, свойственные воинскому типу личности. По определению, монархии управляются *единолично* и представляют собой *пирамидальные иерархии*, во главе которых стоит *суверен, князь, «принц»*. Этот иерархический треугольник предполагает личную преданность высших аристократов правителю-монарху. При феодальной системе этот принцип личной преданности распространяется и на вассалов каждого из аристократов и так вплоть до крестьян и ремесленников. Государство монархического типа представляет собой увеличенную в масштабе систему войска и армейской дисциплины, где основной этической нормой является подчинение, верность, храбрость и стойкость к лишениям.
Экономические аспекты деятельности в монархическом обществе также остаются периферийными и второстепенными, и забота о них напоминает заботу командиров о прокорме войск во время военного похода или поиска средств на организацию нового нашествия. Монархическая система во главу угла ставит *верность господину, силу и мужество*. Такие государственные системы в отличие от теократий даже в самом мифе и священных доктринах подчеркивают именно *воинственный* конфликтный аспект, воспевая личную доблесть и часто обещая воинам, павшим на поле боя, вечные наслаждения по ту сторону смерти (валькирии в скандинавских мифах, небесные девы, гурии, в исламе и т.д.).

Демократия в древних обществах. Еще одной разновидностью государственной системы является «демократия» (от греч. «демос», «народ» и «кратос», «власть»; дословно «народовластие»). Демократические системы известны с глубокой древности и имеют различные формы. Среди греческих городов-государств наиболее законченная демократия была построена в Афинах. Эта система предполагала соучастие в решении основных политических вопросов всех граждан города, которые при помощи процедур прямого голосования выбирали вождей и старейшин для принятия жизненно важных постановлений. Соучастие в решении распространялось, однако, только на *свободных и состоятельных мужчин*, являющихся *коренными жителями* Афин, из этого процесса были исключены женщины, рабы и мигранты, т.е. «неграждане», которых афинское право называло «идиотес» (откуда пошло современное слово «идиот»).
Другой формой демократии были древне-германский *тинг* или древнерусское *вече*, но и здесь участниками могли быть только полноценные и полноправные члены общины. В органических демократиях и аристократиях все вопросы решались единогласно, а

спорные темы обсуждались до тех пор, пока все не придут к одному мнению. В юридической науке этот принцип именуется «liberum veto» (лат. «свободное вето»). В России его держались до Петра Первого, который ввел в Сенате и коллегиях голосование по принципу «большинство-меньшинство».
Пример афинской демократии или германского тинга показывает, что демократия вполне может сочетаться с рабовладением, и, также как и теократия или монархия, рассматривать хозяйственные проблемы и материальное производство как нечто второстепенное и не заслуживающее внимания инстанций.

Аристократические системы. Феодализм. В аристократических системах право голоса при обсуждении и решении важнейших вопросов предоставлялось не всем гражданам, а только представителям знати. Таким образом, аристократическая система представляет собой *промежуточную* модель между монархией, где верховным правителем является единственная личность, и демократией, где власть рассредоточена между всеми гражданами.
Последовательно проведенный принцип аристократического устройства общества дает феодальную систему, где крупные феодалы (аристократы) составляют основу правящего класса, разделяя между собой власть – в зависимости от конкретного баланса сил, сложившигося между ними, и на договорной основе.

Элементы различных типов государственности могут сосуществовать в одном и том же обществе. Все четыре типа государственного устройства - теократию, монархию, аристократию и демократию - мы встречаем на всем протяжении мировой истории, причем сплошь и рядом эти типы выступают не в чистом виде, а в сочетании. В некоторых государственных системах наличествуют сразу все эти элементы. К примеру, в эпоху Ивана Грозного (XVI век) на Руси мы видим и теократию в лице православной церкви, определяющей основные ценности государства и саму цель его существования, и самодержавную монархию в лице царя Ивана Васильевича (1530-1584), и могущество вельможных бояр (родовой аристократии), и элементы демократии (земское и губное самоуправление).
Проследить строгую логику смены этих типов государственности *невозможно,* так как иногда они соприсутствуют в одном и том же государственном устройстве, изменяя соотношение в зависимости от конкретики исторических процессов.

Касты и кастовые государства. Традиционно в обществе легко выделить три основных социальных типа, которые в древности, как правило, были возведены в ранг каст («варн» в индуизме) и формировали кастовую систему, а в более современные эпохи выступали в качестве сословий. Эти социальные типы представляют собой *жрецов, воинов и тружеников.*
В истории индо-европейских народов (индусов, иранцев, греков, римлян, германцев, славян, кельтов, балтов и т.д.) трех-кастовая система прослеживается вплоть до глубокой древности и формирует основные мифологические, культурные и языковые формы. Этому соответствует троичное представление о структуре человека, где выделяет *дух, душа и тело*. Жрецы соответствуют духу, воины - душе, труженики - телу. Государство мыслится как единое существо, как *«большой человек»*. Поэтому теократия, монархия и демократия (где преобладают в первом случае жрецы, во

втором - воины, а в третьем соучаствуют все граждане, включая свободных тружеников) вполне могут быть соотнесены с духом, душей и телом. Но как и в человеческом организме эти элементы сосуществуют и взаимодополняют друг друга, так и в государстве, осмысленном в кастовом ключе, все три основные касты являются необходимыми элементами.
В отличии от народа, где также есть естественная - подчас кастовая - иерархия, государство *формализует эти отношения*, придает им законодательный, общеобязательный и фиксированный статус. Касты могут существовать - и существуют - и в этнической и в родо-племенной общности. Но лишь в государстве они приобретают статус *самостоятельных структур*, оторванных от народной стихии. Поэтому кастовое, а позже сословное государство может приводить к искажению воли народного целого, так как высшие касты (сословия) при определенных обстоятельствах могут поставить свои интересы *выше* общенародных и превратить государство из инструмента исторической воли народа в свою *частную собственность*. В таком случае государство как система отчуждается от живоносной народной стихии и входит в противоречие с народным целым и его волей.
Это может происходить и в теократии, где возможна узурпация власти жрецами; и в монархии, где вероятными становятся деспотизм и тирания; и в демократии, где красноречивые демагоги и фанатики способны увлечь за собой массы в губительном направлении.

Тирания. Еще одним случаем отчуждения государства от народа является тирания, т.е. такой государственный строй, где полнота власти законным или незаконным образом переходит к одному лицу, которое начинает использовать государственный механизм в своих личных целях, нисколько не считаясь ни с традицией, ни с аристократией, ни с волей большинства, ни с духом народа. Тиран отличается от монарха (которым он номинально может являться) тем, что не соотносит свое правление ни с какой высшей инстанцией, приписывая суверенность не народу и даже не государству, а только самому себе. Тирания или деспотизм описывают не методы, с помощью которых ведется управление государством, а именно индивидуальный, произвольный и не имеющий никакого отношения к народному волеизъявлению характер высшей власти. Если власть (и даже единоличная монархическая власть) подвергает народ насилию ради каких-то высших начал (религиозных, политических или этических), это еще не означает тирании. В определенных случаях такие действия (в том числе лишения, налоги, наказания, военный призыв и т.д.) оправдываются высшей необходимостью - отстаивать веру, свободу страны от врагов, чистоту нравов, а также укреплять безопасность и мощь государства в военных походах. Но когда властное принуждение теряет высший смысл, тогда и только тогда оно становится проявлением чистой тирании, а верховный властитель становится деспотом.
Случаи тирании, которую мы довольно часто встречаем в истории (римские императоры Калигула (12-41), Нерон (37-68), греческие тираны, бесчисленные жестокие азиатские и африканские царьки, некоторые европейские князья и монархи), отражают возможность государства и административного аппарата оторваться от порождающей его народной стихии настолько далеко, чтобы проникнуться иллюзией полной самодостаточности и безответственности, и вступить в прямой конфликт с инстанцией, которая это государство и создала.
Восстание как исторический долг народа в условиях тирании. При столкновении с

тиранией историческим долгом народа становится *восстание*. Так как тирания представляет собой крайний предел отчуждения государственности от своих народных истоков, это означает, что сам процесс уже зашел чрезвычайно далеко, и иных способов уравновесить ситуацию, кроме восстания, у народа не осталось.
В акте восстания, направленного против деспотии, народ низвергает государственную систему, и учреждает новый политический цикл. Здесь не принципиально, произойдет ли при этом смена монархии на демократию, династический переворот или приход нового правящего класса. Основа государственной системы может остаться прежней. *Главной задачей восстания является приведение государственной власти в соответствие с глубинным мировоззрением народа*, возвращение диалектических отношений народ-государство к стартовой черте, где обе реальности пребывают в единстве и гармонии, а государство эффективно исполняет основную стратегическую линию народного большинства, народа как *органического целого*.
Поэтому восстание против деспотии, в результате которого может иногда пасть и сама государственная система, является столь же важным и неотъемлемым правом народа, как и свобода создавать государство в своих исторических целях.

Диктатура: суверенная и комиссарская. В отличие от тирании или деспотии диктатура является формой политического правления, не связанной с узурпацией высшей политической власти отдельной личностью.

Диктатура означает такую систему государственного устройства, когда власть (правитель, правящая группа, партия или даже целый политический класс - например, «диктатура пролетариата») прибегает к методам управления, *дублирующим официально закрепленные правовым образом государственные структуры*. В Римской истории диктаторами назначали военачальников, которым предстояло совершить судьбоносные завоевания (Гай Юлий Цезарь (63 до н. э. - 14 н. э.), Сулла (138 – 78 до н.э.) и т.д.). Диктатура является лишь формой сосредоточения в руках власти дополнительных рычагов, которые не включаются в правовые нормативы чаще всего потому, что считаются *временными* мерами.
Принцип диктатуры основан на том обстоятельстве, что административный аппарат любого государства имеет некоторую инерцию, исполняет высшую волю руководства с определенным «трением». При этом государственные традиции и законы до определенной защищают чиновников от кары властелина. Такая система придает жизнедеятельности государства *устойчивость* в обычные времена, но становится *препятствием* тогда, когда надо осуществить экстренные шаги, реформы, преобразования или справиться с серьезной военной или политической угрозой. В таких случаях и возникает потребность в экстренном развертывании *«параллельной иерархии»*, подчиненной только высшей власти, игнорирующей административную инерцию и наделенной *чрезвычайными полномочиями*. «Параллельная иерархия» всегда является *временной* мерой, и несмотря на огромные полномочия ее представителей, они, *в отличие от обычных чиновников*, не защищены законодательно. Они нужны *только на период* диктатуры и оцениваются только за то, как исполняют повеление диктатора.
Диктатуры делятся на *суверенные* и *комиссарские*.
Суверенная диктатура практически полностью совпадает с тиранией или деспотией, и означает такую систему государственного управления, когда *отдельная*

личность сосредотачивает всю власть в одних руках, руководствуется лишь индивидуальными соображениями, интересами или прихотями, не считаясь с волей народа, и в добавок ко всему прочему использует для реализации своего произвола инструменты, не предусмотренные законом. Суверенная диктатура основана на тиранической узурпации властных функций как легальным путем, так и нелегальным. Суверенным диктатором может стать законно назначенный или избранный правитель, либо заговорщик или революционер. Смысл суверенной диктатуры не в том, что ее учредитель захватывает высшую власть нелегально, а в том, что он *пользуется ею вопреки воле народа и с опорой на нелегальные методы*.

Комиссарская диктатура. В отличие от суверенной диктатуры комиссарская диктатура учреждается какой-то вполне конкретной политической инстанцией и служит понятной исторической цели, которую ставит перед собой коллектив - народ, каста, класс и т.д. В такой системе диктатор является «первым комиссаром» (от лат. «comissio» - «поручение»), так как он исполняет *«политическое поручение»*, выдвинувшей его группы. В отличие от суверенного диктатора, диктатор-комиссар выполняет не свою волю, но конкретную *политическую и историческую задачу*, как правило, чрезвычайную и требующую нестандартных и непредусмотренных в нормативных кодексах действий.
При такой диктатуре те, кто исполняют волю диктатора, сами становятся комиссарами, т.е. реализуют не прихоть и произвол, но четкую политическую и историческую задачу, смысл которой ясен и им самим, и тем, с кем им приходится взаимодействовать. *Комиссарская диктатура оканчивается в тот момент, когда исчерпывается потребность в неправовых решениях и методах*.

Империя. Совершенно особым типом государства является *империя* (государство-мир, государство-континент, государство-цивилизация). *Империя представляет собой максимальное обобщение объединяющего начала, которое может сформулировать народ, находящийся на пике своего исторического бытия*. Империями были Древний Рим, царство Александра Великого, Византия, исламский халифат, орда Чингисхана, Австро-Венгерская империя, Российская империя и т.д. Империя не предполагает какого-то определенного типа политического устройства, но чаще всего гигантский объем подконтрольных территорий требует единоличной императорской власти. Хотя Римская Империя долго время была Республикой и управлялась сенатом и народом Рима, а от их имени консулами.
Отличие империи от обычных государств состоит в том, что *имперская государственность включает в себя такое многообразие этнических, культурных и политических образований, что навязывание всем единообразной политической формы, на основании традиций и исторической воли одного народа (в данном случае имперостроительного), становится невозможным*. Империя включает в свой состав разнообразные политические организмы, не разрушая их, но заставляя подчиняться определенной системе общих нормативов - правовых (как в Риме), религиозных (как в исламском халифате или в Византийской империи), административно-этических (как в орде Чингисхана). В составе империи могут свободно существовать не только этносы, но и целые культуры, религиозные общности, даже отдельные государства. Эти государства в составе империи

сохраняют часть автономных полномочий и значительную свободу в самоуправлении, но высший суверенитет, т.е. право входить в любые военные союзы и объявлять войны, кому угодно, а также некоторые фискальные функции, передаются в исключительное ведение имперскому центру. При этом государство в составе империи обязано соблюдать некоторые элементы общеимперского права или религиозные требования (в случае религиозных империй).
Империи всегда почитались как нечто *священное*, так как объединение множества различных этносов в едином стратегическом организме воспринималось как «знак Провидения» и «воля небес». Этот «сверхъестественный» характер империй затрагивает не их формальную сторону, но *их содержание*. Империя получает смысл только как план осуществления *высшей миссии*, которая делегируется этносам, обществам и культурам.

Государство в Новое время. Эпоха Нового времени в Европе принесла с собой существенные изменения во все сферы жизни общества. Это коснулось и государства. В XVI - XVII веках возникают теории современного *национального государства* (или «государства-нации», «Etat-Nation» фр.), которое фундаментально отличается от государственных форм, преобладавших в предыдущие эпохи у народов земли. Основы этого нового понимания государства заложили итальянец Никколо Маккиавелли (1469 - 1527), француз Жан Боден (1530-1596) и англичанин Томас Гоббс (1588-1679). Отличительной чертой этих теорий была идея о том, что современное государство - в отличие от его средневекового понимания и в особенности в отличие от концепции империи - *не должно иметь никакой духовной миссии*, никакой кастовой структуры и никакой особой органической связи с народом. Это новое государство представляет собой *искусственный механизм*, создаваемый произвольной группой отдельных личностей в целях максимально эффективно защитить свои *интересы*. Такое государство-нация утверждается как высшая самодостаточная инстанция, не служащая никому и ничему, и определяющая свою стратегию только на основании временных прагматических интересов. Жан Боден разработал теорию «суверенитета», который он определял как «полное и абсолютное право следовать только своей воле», и применил принцип «суверенитета» к государству и его властителю.
Государство-нация, основанное на принципе абсолютного суверенитета, представляет собой совершенно новую реальность по отношению ко всем иным политическим, общественным и государственным образованиям, известным ранее. Государство-нация в самой своей основе отрицает существование народа, как самостоятельной категории, заменяя его совокупностью граждан, относящихся к данному государству, объединенных принадлежностью к единой фискально-экономической системе и говорящих на одном официальном языке. Если во всех других моделях народ рассматривается как самостоятельная инстанция, способная порождать государство и видоизменять его исходя из своей воли, то государство-нация отменяет ее, считая, наоборот, что государство-нация само формирует коллективную общность из своих подданных.
Понятие «нация». Латинский термин «нация» (дословно «рожденные», т.е. собственно «на-род») *до* эпохи Нового времени использовался как синоним понятия «народ». Но в Новое время он получил иную нагрузку, неразрывно объединившись с современным понятием государства. Отсюда обобщающий термин *«национальное государство»*

или *«государство-нация»*. *Нация в таком случае есть совокупность граждан государства, объединенных общей территорией проживания, политической, правовой и экономической системой, одним или несколькими официальными языками*. Теория современного государства неразрывно связана с теорией современной нации, так как обе категории описывают одну и ту же реальность, только с разных сторон. *Государство - это формальная, административно-правовая, политическая сторона, а нация - ее общественно-коллективное содержание*.
В российской (а ранее в советской) политологии закрепилось понятие «национальное государство», в отличие от просто «государства» и особенно от империи. Но французское сочетание «государство-нация», обозначающее то же самое явление, более удачно, так как показывает *неразрывную связь и полное тождество государства и нации* в современном понимании этих терминов. Нация в отличие и от народа, и от этноса, и от общества, существует только внутри современного государства, представляя собой совокупность граждан этого государства. *Вне государства нации нет и не может быть*.

Вестфальская система. Историческое появление современного государства совпадает с формированием современных наций. Процесс формирования наций несет в себе отмену таких явлений как народ, этнос, религиозная общность как самостоятельных *политических* категорий. В законченной и сформировавшейся нации и основной народ, и этносы, и религии, и касты, утрачивают свое *политическое* значение, свою *субъектность*, а в некоторых случаях полностью исчезают. Государство-нация, утверждая только за собой принцип абсолютной суверенности, не может подчиняться ни народной воле, ни религиозной миссии, ни этнической традиции, ни кастовым интересам. Все эти категории, если они не исчезают вовсе, приобретают второстепенное, неполитическое, маргинальное значение. Они могут наличествовать, но *не могут служить политическими ориентирами для государства-нации*. Отсюда вытекает светский, «секулярный» характер современных государств-наций.
Политическая система, признающая современные государства-нации в качестве основных субъектов международной политики и международного права, окончательно утвердилась в 1648 году после окончания 30-летней войны, где в последний раз в Европе во главе угла стояли религиозные (протестантизм и католицизм), народные и этнические принципы. Вестфальский мир, положивший конец этой войне, дал название всей политической системе Нового времени – *«Вестфальская система»*. Смысл Вестфальской системы состоит в том, что в ней главными действующими лицами признаются светские государства-нации, отношения между легальными правительствами которых и является *содержанием международной политики*.

Государственный интерес. Теория современного государства-нации рассматривает такое государство как *эгоистического субъекта*, действующего исключительно в собственных интересах в отношениях с другими государствами-нациями и иными политическими инстанциями. Со свойственной для западно-европейской цивилизации претензией на универсализм собственной истории, европейские державы после создания Вестфальской политической системы признали по умолчанию такую модель поведения на международной арене как нормативную, полагая, что современные

европейские государства-нации представляют собой «пик исторического развития», а конкуренция в борьбе за территории, колонии и ресурсы является вполне оправданным стремлением каждого государства-нации к благополучию и процветанию. Тем народам и государствам, которые развивались по иной логике, «не повезло», так как их отличия были приравнены европейцами к «отсталости», и если они не могли эффективно защищаться от европейской экспансии, то им грозила колонизация. Практика колонизации, дипломатических игр и войн между государствами проистекала из принципа *«государственного интереса»*, и погоня за выгодой и прибылью, определявшая этику и даже правовую систему буржуазных обществ, была перенесена на государственный уровень. Насилие оправдывалось только тогда, когда оно было обосновано «государственными» (= «национальными») интересами.

Классовая теория государства. Современное государство-нация развивалось в контексте буржуазно-демократических реформ, когда западно-европейская цивилизация переходила от *сословного* (феодального) общества, характерного для европейского Средневековья, к обществу *классовому*.
Понятие «класса» появилось в Новое время, как метод интерпретации политических, общественных и государственных процессов на основании *материально-экономического критерия*, поставленного во главу угла. Такой подход рассматривал общество исключительно с позиции обладания материальными благами, их производства и распределения. Общество делилось на класс собственников и класс тружеников. Причем в категорию собственников, имущих входили как буржуа, так и остаточные элементы прежней феодальной системы, сохранившие по инерции привилегии, выраженные отныне только в материальном эквиваленте (например, земельная рента и т.д.). Крестьяне, ремесленники и особенно городской промышленный пролетариат рассматривались в качестве класса тружеников, «неимущих».
Классовый подход обращал первоочередное внимание не на то, какая идеология, ценностная система или религиозная конфессия преобладает в том или ином государстве, но на то, как в этом государстве устроен процесс экономической эксплуатации богатыми бедных. Так появилась классовая теория государства, которая получила свое законченное развитие в марксизме. Эта теория достаточно точно описывала положение дел в современном государстве-нации, где материально-экономический фактор, и понятие «интересов», на самом деле, играли первостепенную роль. Европейское буржуазно-демократическое государство-нация Нового времени, на самом деле, было классовым, а следовательно, классовый подход к его изучению был полностью оправдан. Но в отношении иных форм и типов государственности (в частности, древних) этот подход был натяжкой, поскольку сословное и кастовое устройство общества материально-экономическую сторону жизни считало чем-то второстепенным и периферийным и основывалось на иных мотивациях и на иной логике, не имеющих прямого отношения к классам.

Либеральная теория государства. Классовый подход к государству-нации открывал возможность для его толкования с двух противоположных позиций -- с позиций «имущего класса» и с позиций «класса не имущего» . Так возникло два направления в теории государства -- либеральное и социалистическое (позже коммунистическое).

Либералы рассматривали государство-нацию как выражение буржуазного духа, как искусственную инстанцию, призванную упорядочить на основании «общественного договора» стихию спонтанной конкурентной «борьбы всех против всех» (Т.Гоббс). При таком подходе государство видится как «ночной сторож», полицейский механизм, который учреждается добровольно -- как коммерческое предприятие -- группой граждан для того, чтобы служить высшей арбитражной инстанцией в спорных вопросах. Либеральный принцип laissez-faire (фр. «позвольте делать» -- имеется в виду «позвольте делать все что угодно») изначально минимализировал роль государства, признавая его лишь «меньшим из зол».
Государство в таком понимании не несет в себе никакой самостоятельной ценности, должно как можно меньше вмешиваться в стихию рынка и свободной торговли. Его существование обусловлено наличием внешних угроз (от которых необходимо защищаться) и необходимостью укрощать эгоистические стремления отдельных граждан (согласно Т.Гоббсу «человек человеку волк») на основании заранее обговоренных принципов, наблюдать за выполнением которых надлежит административным и полицейским инстанциям.
В либеральном подходе к государству имеется два полюса. Пессимисты (вслед за Гоббсом) считают, что агрессивная природа человека не поддается перевоспитанию, и следовательно, потребность в государстве сохранится всегда (теория Гоббса «Государства-Левиафана» подчеркивает, что «монстр государственной машины» необходим «эгоистическому человечеству», чтобы оно не уничтожило само себя). Оптимисты, вслед за Джоном Локком (1632-1704) и Иммануилом Кантом (1724-1804), напротив, полагают, что общественное развитие сделает само существование государства излишним, и оно постепенно отомрет само собой, уступив место миролюбивому гражданскому обществу без границ и национальных бюрократий. Но в обоих случаях и те, и другие видят государство-нацию как прагматический инструмент, служащий интересам имущего класса, собственников и предпринимателей.
В оптимистической версии чисто теоретически рынок должен рано или поздно привести к обогащению всех людей без исключения и превращению всех граждан в представителей третьего сословия. В любом случае именно класс собственников в либеральных теориях берется за нормативный образец. Функции государства оцениваются здесь с позиции интересов именно этого класса - или как инструмент их защиты, или как временная мера, необходимая в силу исторических обстоятельств.

Социал-демократическое представление о государстве. Классовый анализ может проводиться и *с точки зрения неимущего класса*, тружеников. Здесь возникает иное представление о сущности государства. Это концепция «социального государства», называемого также «государством судьбы» («Etat-Providence» по-французски) или «государством благоденствия» («Wellfare State» по-английски). Эти теории были сформулированы Жан-Жаком Руссо (1712-1778), Жаном Сисмонди (1773-1842), Алексисом де Токвилем (1805 - 1859) и т.д. Лево-демократическое и социал-демократическое понимание государства исходит из того, что выравнивание имущественного положения между классом имущих и классом неимущих едва ли когда-то произойдет само по себе, так как экономически сильные будут укрепляться, а экономические слабые и дальше слабеть. Следовательно, считают демократы и социал-демократы, необходимо заставить богатых поделиться с бедными, перераспределив в пользу общества часть их богатств. Сделать это может только

государство-нация, которое способно выступить в роли той инстанции, которая должна обязать имущий класс помогать неимущему, подтягивая его до своего уровня. Ж.Сисмонди предлагал делать это с помощью системы прогрессивных налогов (чем больше человек имеет материальных средств, тем больший процент он вынужден отдавать государству), которые государство будет перераспределять между всеми членами общества и, в первую очередь, между слабыми.
Такое понимание государства помимо прагматических функций наделяет его новым социальным смыслом. Теперь у государства появляется высшая цель -- обеспечивать в обществе справедливость (понимаемую как более или менее равномерное распределение материальных средств между всеми его членами). В отличие от сугубо отрицательных функций государства в либеральных теориях, социальное государство наделяется положительным смыслом.
Но и здесь государство рассматривается как временное явление: создав систему относительного материального равенства, оно постепенно упразднится, а на его место - как и у либеральных оптимистов -придет «гражданское общество». В конечном итоге, либеральные и социал-демократические теории государства приводят в неопределенном будущем к одному и тому же результату – возникновению глобального *«гражданского общества»*, где потребность в государстве отпадет сама собой, и все люди будут обладать необходимым материальным достатком, превратятся в *имущий класс*.

Государство в марксизме. Крайней формой социального государства является коммунистическая теория *пролетарской революции*. Марксисты не верят в то, что буржуазия когда бы то ни было будет готова поделиться с пролетариатом своим материальным состоянием, и считают социал-демократические идеи – «соглашательством» и «полумерами». Карл Маркс разработал политическую теорию, согласно которой пролетариат призван *поднять восстание против буржуазии и установить режим диктатуры*. Русский марксист В.И.Ленин (1870–1924) воплотил идеи Маркса в жизнь, обосновав в теории, а затем и построив социалистическое государство, учредившее диктатуру пролетариата. Так появилось первое в истории социалистическое государство, которое рассматривалось его создателями как инструмент неимущих классов в их борьбе против капиталистов и плацдарм для распространения мировой революции во всем мире.
Ожидания мировой коммунистической революции, которая должна была привести к полной отмене государств (а вместе с ними и классов), не оправдались, и большевики вынуждены были разработать собственную концепцию социалистической государственности, которая в отличие от социал-демократии не просто подталкивает богатых к тому, чтобы они делились с бедными, а под корень уничтожает капитализм (вместе с капиталистами) и устанавливает государство всеобщего равенства, которое практически поровну перераспределяющее результаты труда всех его членов.
Социалистическое государство предполагает наличие огромной социальной сферы услуг, являющихся бесплатными -- образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и т.д. Но и в этом случае рано или поздно социалистическое государство должно будет уступить место мировому коммунизму, когда государство отомрет за ненадобностью.

Государство в фашизме и национал-социализме. Еще одна разновидность государственности появилась в 30-е годы XX века в Европе (в Италии и Германии). Ее принято обобщенно называть «фашизмом». В теории итальянского фашизма и немецкого национал-социализма государство приобретает характер *тоталитарной политической диктатуры,* призванной утвердить ценности, не имеющие прямого отношения к духу Нового времени. Не случайно философия, лежащая в основе фашизма и национал-социализма (но гораздо более широкая, чем соответствующие политические режимы), получила название «консервативная революция»: теория государства, утверждаемая здесь, выходит за классическое понимание государства-нации и в либеральном, и в социал-демократическом его понимании.
В итальянском фашизме была принята концепция философа-гегельянца Джованни Джентили (1875-1944), согласно которой *государство само по себе есть высшая духовная ценность и воплощение мирового духа*, действующего сквозь историю. Государство мыслится здесь как империя, возвращая нас к тому понимаю смысла государства, которое преобладало до наступления Нового времени. При этом, важной функцией государства в фашизме является объединение всех итальянцев (как народа) в единый корпоративный организм, где общественная солидарность стирает классовые и сословные противоречия.
В германском национал-социализме государство также мыслилось как империя под управлением диктатора и одновременно как воплощение воли германского этноса (и шире, «арийской расы»). В национал-социалистических теориях термины «народ», «этнос» и «раса» употреблялись довольно беспорядочно, а короткий период существования Третьего Рейха и идеологическая эклектика не позволили сформироваться более отчетливой теории государства. Применение расовых законов в качестве государственных привели к неслыханной трагедии геноцида миллионов ни в чем не повинных людей, а само нацистское государство стало зачинщиком Второй мировой войны с ее чудовищными последствиями
В любом случае фашистские и нацистские теории государства представляют собой пример разрыва с современным пониманием государства-нации и частичного возвращения к тем типам государственности, которые предшествовали наступлению Нового времени. Однако этот возврат в теории и на практике проходил в таких условиях, когда в Европе уже прочно укрепились современные модели государства-нации, что привело к появлению смешанных гибридных форм -отчасти фашистские теории государства были архаическими, отчасти современными (на это и указывает термин «консервативная революция»).

Государство в эпоху постмодерна: **постгосударство.** Фашизм и национал-социализм были побеждены в XX веке совместными усилиями Советского Союза и буржуазных демократий. Но сам факт появления таких экстравагантных теорий и основанных на них политических образований показывает *назревающий кризис в концепции современного государства-нации*. То, что ужасы нацизма вообще стали возможны, - причем в центре образованной и просвещенной Европы XX века, - заставило многих политических мыслителей пересмотреть результаты демократических реформ, развертывающихся начиная с эпохи Просвещения. Так, французский философ Эммануэль Левинас (1905-1995) предлагал отныне «мыслить, отправляясь от Аушвица», что означает необходимость поставить под сомнение

«прогресс» европейского человечества, которое вступило в Новое время лишь на поверхности, оставшись по сути варварским, «средневековым» и архаическим - свидетельство чему масштаб и жестокость нацистских зверств в XX веке.
Так были разработаны теории постмодерна, которые подвергли жесткой критике все основные моменты философии Нового времени, разоблачив присущие им архаические мотивы. В частности, открытый тоталитаризм фашистских режимов, по мнению постмодернистов, обнаруживал тоталитарный характер государства как такового - включая его либеральное и социал-демократическое толкования.
Постмодернисты не создали своего учения о государстве, но выдвинули проект ускоренной ликвидации всех форм государственности в пользу единой мировой сети, не имеющей ни границ, ни гражданства, ни четких правил, ни законов. Так возникли теории глобализма или «единого мира» (One World), которые утверждают, что «государство как таковое исчерпало свои полномочия» и «должно быть ликвидировано».
В пользу этой концепции сыграл распад СССР, как альтернативной версии государственности в отношении капиталистического мира, что укрепило буржуазные режимы в их исторической правоте. А поскольку в самом западном мире социал-демократические и лево-демократические тенденции существенно улучшили материальное положение большинства граждан, то возникла иллюзия «конца истории» (Ф.Фукуяма). В такой ситуации существование государств стало терять свой смысл. Более всего на практике это затронуло европейские страны, которые сделали из постмодернистического анализа практические выводы и приступили к созданию Евросоюза. Британский дипломат Роберт Купер в книге «Государство постмодерна и мировой порядок» (Лондон, 2000) описывает Евросоюз как своего рода «пост-государство» или «государство постмодерна».
Пост-государство не просто новый тип государства или мега-государство, а скорее многополюсное демократическое «гражданское общество», объединенное только небольшим количеством общих административных структур. Ультрасовременные технологии соседствуют в таком пост-государстве с регионализмом и сохранением традиционных обычаев, языков и культур. Единая валюта не отменяет дифференциации финансовых институтов (в частности, «земельных банков» -- по типу германских провинций) и т.д. Евросоюз, по Куперу, образец государства-сети. Купер предсказывает скорый закат государств-наций и в других частях света и переход к системе пост-государств или «сетевых пространств» в остальном мире.

Унитарные государства. Типы современных государств могут быть описаны и по тому критерию, как в них решается вопрос об организации деятельности и соотношении полномочий центральных и региональных органов власти, т.е. по форме *территориального устройства*. Здесь можно выделить:

- *унитарные* государства,
- *федеративные* государства и
- *конфедеративные* государства.

Унитарные государства предполагают, что страна управляется из *единого центра*, где сосредоточены все административные органы, в пределы компетенции которых входит полный контроль надо всей территорией государства. Для всех его частей существует единый налог, единая система права, единая модель административных инстанций, устроенных по иерархическому принципу прямой подчиненности низших высшим.

Руководители территориальных образований внутри унитарного государства назначаются точно также, как чиновники в министерстве – *т.е. сверху*. Классическим примером такого унитарного государства является Франция после революции 1789 года и особенно в период правления якобинцев.

Федеративное государство. Принцип «федерации» впервые в современной юридической практике систематически описан немецким философом и правоведом Альтхойзером (в иной транскрипции Альтусиус (1557-1638). По идее Альтхойзера, традиционное самоуправление в рамках семьи является образцовым и наилучшим, так как учитывает множество факторов, не имеющих формальной правовой систематизации, и наиболее оперативно реагирует на вызовы жизни. Отчасти идея «государства-семьи» заимствована им у Аристотеля. Принцип самоорганизации семьи в расширенном виде проецируется на жизнь территориальной общины и так вплоть до более широких масштабов. Но в каждом конкретном случае существуют географические, культурные, этнические, конфессиональные или социальные барьеры, где принцип «семейной» организации и прямой органической демократии заканчивается. Это и является естественными границами федеративной единицы. Федеративное государство состоит из нескольких таких единиц, объединенных общим договором о добровольном подчинении устраивающему всех их своду правил, которые все обязуются соблюдать. Федерализм допускает наличие в субъектах федерации и различий в законодательной базе, и специфических налоговых и фискальных норм, и своеобразных культурных и социальных устоев.
Федерации бывают как территориальные (американская модель федерализма – Дж.Мэдисон (1751-1836) -- или Федеративная Республика Германии), субъектами которых выступают территориально-административные единицы, так и этнические, где субъектами являются этносы, а также городские (субъект - город), общинные (субъект - община), конфессиональные (субъект - религиозная группа) и иные.
Федеративное государство имеет вместе с тем общефедеральные структуры – главу, федеральный парламент, армию, суд и т.д.

Конфедерация. Предельной формой федеративного устройства является конфедерация, где централистские функции сведены к минимуму и каждый субъект конфедерации представляет собой фактически суверенное государство-нацию, со всеми присущими ему атрибутами, заключающее с другими государствами-нациями союз о тесном взаимодействии с открытой возможностью в любой момент из этого союза выйти. Поэтому в современном правоведении существует тенденция рассматривать конфедерацию как форму межгосударственного объединения, а не как разновидность федеративной формы территориального устройства.
Исторически федерации и конфедерации развивались в различных условиях, и сплошь и рядом имели смешанные формы.

Субсидиарность. Для федеративной системы характерен принцип «субсидиарности», т.е. стремление передать решение локальных проблем максимально нижнему уровню всей административной системы – региональному, местному или общинному. Принцип «субсидиарности» означает, что во всех случаях, когда это возможно, решение должно

приниматься на самом низком уровне и иметь область применения, ограниченную этим уровнем.

Суверенитет. Понятие «суверенитета» (фр. «souverenite» - «высшая власть») может относиться к любому типу государства и к любой его форме. Концепция «высшей власти» была известна философам и до появления самого термина «суверенитет». Аристотель употреблял термин «kuphian aphen» («высшая власть» - греч.), а римляне использовали выражение «summum imperium» («высшая власть» - лат.). Впервые термин «суверенитет» ввел в политическую науку Ж.Боден в 1576, дав его трактовку в своей книге «Республика». Сам Боден использует наряду с понятием «суверенитет» тождественный ему по смыслу латинский термин «majestas» («высочество», «величество»).

Сам Боден считает, что «суверенитет» представляет собой абсолютную власть, не подлежащую никаким ограничениям и не имеющую над собой никаких превосходящих инстанций. «Суверен – это то, кто не подчиняется ничьим командам, кроме самого себя», пишет Боден. В основе суверенитета лежит «закон», но для того, чтобы суверенитет был совершенным этот «закон» должен издаваться носителем высшей власти, «князем» (индивидуальным как в монархических системах или коллективным – как в республиках). Боден писал: «Закон гласит, что князь свободен от закона». Такое понимание суверенитета, в котором утверждается концентрация всей власти в одном лице («князь»), легло в основание современной политической теории.

Сам Боден был сторонником монархического правления, и для него Республика (Государство) отождествлялось с правителем, «князем». В таком случае суверенным государством признается «такое государство, чей «князь» (правитель) не зависит ни от кого (внутри или вовне), кроме самого себя». Суверенитет же определяется как «вечное и абсолютное могущество республики». Процесс учреждения суверенитета, по Бодену, предполагает наделение «обществом» («народом») «князя» («республики») всей полнотой власти.

Параллельно Бодену эту же идею суверенитета развивал англичанин Томас Гоббс. Но если Боден считал, что «Республика», будучи суверенной, сосуществует с обществом (которое остается подчиненным ей, но сохраняет возможность при определенных обстоятельствах проявлять свою волю), то Гоббс полагал, что в акте учреждения Государства, как высшего носителя суверенитета, народ добровольно и необратимо отказывается от своей воли, меняя безопасность, гарантируемую Государством, на свободу.

В эпоху французской Революции якобинцы перенесли понятие «суверенитета» с монарха как олицетворения Республики на Республику саму по себе, сделав высшим органом и носителем суверенитета «Национальную ассамблею». Согласно главному теоретику нового режима Э-Ж. Сийесу (1748-1836), отныне носительницей суверенитета является «нация», чья воля всегда легальна, так как нация и есть закон». Так в политической философии суверенитет закрепляется за «коллективным князем» в лице законодательного органа Республики, сменившей в роли носителя суверенитета монарха. В Конституции 1791 года утверждается, что «суверенитет является неделимым, неотчуждаемым и неотменяемым».

Признание «единства и неделимости» инстанции, наделенной суверенитетом, является отличительным признаком унитарных государств – не важно, являются ли они монархиями или демократиями.

Суверенитет в федеративной модели. Главный теоретик «федерализма» -- Альтхойзер – был противником Бодена, и предлагал альтернативную теорию суверенитета. Если Боден настаивал на том, что суверенитет может и должен быть сосредоточен в одной политической инстанции («князе»), то Альтхойзер был убежден, что носителем суверенитета должен выступать только народ – не как совокупность граждан, формирующих нацию, или подчиненных «князя», но как множество коллективных организмов – начиная семьей через территориальные или профессиональные общины вплоть до этнических, культурных или религиозных объединений. Он понимал народ как множество «целостных симбиотических общин». Эти общины и виделись ему носителями конкретного суверенитета. Более высоким инстанциям (по принципу субсидиарности) суверенитет делегировался только в том случае, если проблему было не возможно решить на локальном уровне.
Здесь принципиальным является то, что в такой модели не высшая власть наделяет местную власть полномочиями, но наоборот, местная власть делегирует центральной власти суверенитет в некоторых исключительных и строго фиксированных вопросах. В отличие от понимания суверенитета у Бодена и Гоббса, федеративная теория Альтхойзера создает политическую модель «демократии соучастия» или «прямой демократии». Сходные идеи разделял Жан-Жак Руссо. Такой федеративный суверенитет является не «единым и неделимым», но распределенным и совместным. Если в унитарных системах инстанция – носительница-суверенитета либо полностью подчиняет себе, либо и вовсе отменяет политическую волю народа, заменяя ее волей «князя» или «Национальной Ассамблеи» (представительская демократия), то федерализм ставит высшую федеральную власть над всеми низшими уровнями власти, но не над волей народа и общества.
Многообразие типов государственности. Сегодня на планете существует широкое многообразие типов государственности. Определенные страны пребывают в состоянии государств-наций. Другие уже перерастают это состояние и стремительно движутся к сетевым государствам в стиле пост-государства или государства-сети (США и Евросюз). Третьи только начинают построение современных государственных систем. Четвертые являются государствами-нациями только по формальным признакам, не имея по сути с ними ничего общего.
Кроме того, в современном мире есть теократии, монархии, почти феодальные государства, колонии и метрополии, демократии, республики, социал-демократические страны, страны коммунистические, а также множество государств со смешанными формами, не поддающиеся четкой классификации.
Каждое государство находится на вполне конкретной стадии развития, но при этом нельзя четко прогнозировать, когда оно перейдет к следующей стадии, перейдет ли вообще и какой будет эта стадия.
Европа в Новое время, безусловно, решительно вступила на путь построения современных государств-наций, закрепила это решение Вестфальской системой и прошла большой путь в этом направлении. Но как показывает XX век даже европейские страны -- такие как Германия, Италия, Испания и Португалия -- довольно легко сбились в 20-е и 30-е годы на совершенно иную -- фашистскую -- стезю, а «прогрессивный» коммунизм привел в России к созданию такой тоталитарной системы, что по сравнению с ней бледнеют самые страшные картины деспотических государств Древности или Средневековья. Вдобавок к этому современное американское государство уже в XXI веке демонстрирует явные признаки стремления к планетарной доминации в имперском стиле, а Европа, со своей стороны, покидает Новое время и

привычные для него модели государственного и национального устройства в пользу сетевого пост-государства, основанного на регионализме, плюразлизме, мультикультурализме и «гражданском обществе».
В такой ситуации совершенно не очевидно, какую именно государственность предпочтут те страны, где государства-нации так толком и не сложилось; что они возьмут за образец, и будут ли они повторять путь стран Запада, который сам стремительно расстается с Вестфальской моделью и на глазах превращается в нечто иное?

Контрольные вопросы.

1.Кто (или что) создает государство?
2.Какие типы государств вы знаете?
3.Что такое империя и чем она отличается от обычного государства?
4.Когда возникло «национальное государство» и в чем его характерные признаки?
5.Какие идеологии предвидят отмирание государства в будущем?

4.2 Основные категории права: история и современность

«Исключение из права гораздо интереснее, чем нормальный случай.

Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все».
К.Шмитт

Что такое «право»? *Право представляет собой систему установленных или признанных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия, включая легитимное насилие*. Именно в неразрывной связи с государством заключается специфика и принципиальное отличие права от иных социальных нормативов, действующих в обществе и основывающих свой авторитет на других источниках (обычаи, традиции, религиозные предписания и т.д.).
Источники права. Виды документов, в которых от имени государства устанавливаются или санкционируются правовые нормы, получили название *источников права*.
В научной и учебной литературе обычно выделяются следующие виды источников права:
• *правовой обычай* - исторически сложившееся путем многократного повторения правило поведения, санкционированное государством в качестве общеобязательного;
• *священные тексты* – правила поведения, ограничения и другие социально значимые предписания, сформулированные в религиозных писаниях и соблюдаемые не только в силу традиций, но и в связи с их признанием со стороны государства (например, Коран в некоторых мусульманских странах и т.п.);
• *юридический прецедент* – индивидуальное решение административного или судебного органа по конкретному вопросу, которое становится обязательным при

решении аналогичных дел в будущем;
- *нормативный акт* – формальный документ, принимаемый специально уполномоченным органом государства, который устанавливает, изменяет или отменяет правовые нормы (законы и подзаконные акты);
- *нормативный договор* - двустороннее или многостороннее соглашение между участниками правоотношений, учреждающее с их взаимного согласия обязательные для них правовые нормы (например, международный договор, договор об учреждении федеративного или конфедеративного государства и т.п.).

Для каждого государства и типа общества характерно преобладание или сочетание определенных видов источников права, что обусловлено спецификой исторического развития, географическими, культурными, религиозными и социально-экономическими особенностями. В большинстве современных государств основной формой существования правовых норм являются нормативные акты.

Законы и подзаконные акты. Внешней формой выражения, закрепления и структуризации права является *законодательство* («писанное» или «позитивное» право), представляющее собой в широком смысле всю совокупность юридических документов, в которых правовые нормы были сформулированы соответствующими инстанциями (главой государства, парламентом, правительством, административными органами, судами и т.д.).
В узком значении, в законодательство включают только нормативные акты, принятые высшим органом государственной власти, имеющие высшую юридическую силу и содержащие базовые нормы для регулирования наиболее важных общественных отношений – Конституция (Основной Закон), конституционные и отраслевые законы. Все иные правовые установления (например, указы главы государства, постановления правительства, ведомственные инструкции и т.п.) в этом контексте рассматриваются как подзаконные акты и должны соответствовать законам.
От нормативных актов следует отличать акты ненормативные, которые принимаются по конкретным ситуациям или в отношении индивидуальных лиц и в строгом юридическом смысле не являются источниками права, т.к. не создают новых общеобязательных норм (например, решение главы государства о награждении конкретного лица государственной наградой и т.п.).

Законность. Закон основан на *принципе общеобязательности* для всех членов общества и *принципе равенства* всех членов общества перед ним без исключения, т.е. вне зависимости от занимаемого должностного положения, социального или этнического происхождения, уровня материального достатка, партийной принадлежности и т.д. Режим функционирования общества и государства, при котором строго соблюдаются все действующие законы, называется *«законностью»*.

Система права. Отрасли права. Международное право. Система права - это строение и внутренняя структуризация норм права с точки зрения регулируемых ими общественных отношений и проблем.
Элементами системы права являются:
- правовая норма – элементарное правило поведения;
- правовой институт -- совокупность обособленных норм, регулирующих близкий круг

общественных отношений (например, институт частной собственности, институт выборов и т.д.);
- отрасль права -- совокупность правовых норм, институтов и принципов, регулирующих однородную область общественных отношений (например, государственное право, гражданское право, административное право, уголовное право и т.д.).

Помимо отраслей внутреннего права конкретного государства, существует международное право, прямо не входящее в национальную систему права, а образующее своеобразную надгосударственную надстройку. Оно подразделяется на международное публичное право, регулирующее отношения между государствами, и международное частное право, регулирующее отношения (прежде всего гражданско-правовые) с участием иностранных физических или юридических лиц, либо по поводу объектов, находящихся за границей. Источниками международного права являются международные конвенции и договоры, уставы и акты международных организаций, международные правовые обычаи.

Правосознание: правовая идеология и правовая психология. Правовая культура. Отражение правовых феноменов в сознании, совокупность взглядов, идей, чувств и эмоций, выражающих отношение людей к праву и закону, называется правосознанием. Правосознание включается в себя научный, рациональный компонент, выражающийся в правовой идеологии как осмысленной системе принципов, на которых должна быть основана правовая система, и бытовой, эмоциональный компонент – правовую психологию, включающую привычки и чувства людей в отношении правовых явлений (например, чувство справедливости, отвращение к беззакониям, преступлениям и т.д.). Правосознание тесно связано с другими формами общественного сознания – политического, религиозного, этического – и является неотъемлемой составной частью мировоззрения любого человека.

Уровень развития правосознания в обществе, выражающийся как в деятельности государства по созданию, реализации и обеспечению правовых норм, так в соблюдении их отдельными гражданами, получил название правовой культуры.

Разрешенное/запрещенное как главные категории права. Право как специфическая область общественного устройства оперирует преимущественно с категориями разрешения – запрещения. Область «разрешенного» включает в себя описание того, что члены общества могут осуществлять, не рискуя навлечь на себя карательные санкции властных инстанций. Область «запрещенного» представляет собой перечень общественных деяний, которые влекут за собой негативные последствия со стороны государства.

В границах «разрешенного» можно выделить особые категории – права, свободы и обязанности.

Права описывают не просто возможность индивидуальных или коллективных действий, которые не влекут за собой наказания, но совокупность тех действия, осуществление которых государство обязуется гарантировать всем членам общества. К сфере прав относятся те обязательства, которые берет на себя государство в отношении членов общества, и за исполнение которых оно несет полную ответственность (под угрозой постановки под сомнение всей правовой системы).

Свободами члена общества называют всю совокупность потенциально «разрешенных» (т.е. «незапрещенных») деяний, которые могут осуществляться, а могут и не

осуществляться. Область свобод шире, чем область прав. Правами члена общества являются те свободы, обеспечение которых государство обязуется выполнять. А остальные свободы относятся к сфере «разрешенного», и государство обязуется им не препятствовать.
Обязанностью является совокупность действий, которые индивиды принуждены исполнять перед государством, обществом, отдельными их представителями или группами. Сфера обязанностей ограничивает сферу свобод. Первой и главной обязанностью члена общества является соблюдение принятой и признанной системы правовых норм.
«Общество прав» и «общество обязанностей». Баланс прав, свобод и обязанностей описывает функционирование механизма правовой системы. Это позволяет сконструировать два крайних типа правовых систем: «общество прав» и «общество обязанностей».
В «обществе прав» обязательства государства перед индивидом максимальны, а обязательства индивида перед государством минимальны. В «обществе обязанностей» все наоборот: обязательства государства перед индивидами минимальны, а обязательства индивида перед государством максимальны. «Общества прав» называются либеральными. «Общества обязанностей» -- тоталитарными. Большинство известных исторически правовых систем являются смешанными, сочетая взаимные обязательства общества и его членов друг перед другом.

Правонарушение. Деяние (действие или бездействие), нарушающее правовые запреты и совершенное человеком, способным отвечать за свои поступки (достижение фиксированного возраста, отсутствие определенных психических расстройств и т.д.), называется правонарушением и влечет за собой ответные меры репрессивного характера со стороны правоохранительных органов. Особую группу правонарушений, в результате которых пострадали или могли пострадать наиболее важные, и поэтому особо охраняемые государством, общественные отношения составляют преступления. Проступками называются правонарушения, несущие в себе менее значительную общественную опасность. Список преступлений содержится в Уголовных Кодексах. Проступки могут иметь административно-правовую, гражданско-правовую, дисциплинарную природу.
К разряду преступлений в разных правовых системах относятся совершенно различные деяния, так как каждая правовая модель по-своему определяет границы и содержание «разрешенного» и «запрещенного». Никаких универсальных определений «преступления» нет, так как эта категория является производной от вполне конкретных нормативных кодексов. Сплошь и рядом то, что квалифицируется в одном обществе как преступление, в другом таковым не является. И хотя большинство обществ так или иначе оговаривает право человека на жизнь, считая убийство преступлением, во многих обществах делаются исключения для отдельных случаев – в частности, для института кровной мести, предоставляющей право убийства для родственников того, кто в свою очередь был убит. В некоторых кастовых обществах убийство представителей низших каст не считается серьезным преступлением и приравнивается к порче имущества.
Преступление, таким образом, есть производная функция от конкретной системы права.
Наказание. Система осуществления наказаний является неотъемлемой частью

правовой сферы, так как в ней реализуется ограничительный характер права, которое, позволяя разрешенное, наказывает за нарушение запретов. В конкретном акте наказания право демонстрирует свой фундаментальный характер как действенного фактора влияния на жизнь всех членов общества, что в определенных случаях включает возможность распоряжаться их судьбой, местонахождением, физическим состоянием, имуществом и, в пределе, жизнью. Зависимость судьбы и жизни человека от правовой системы, принятой в обществе, ярче всего проявляется в реальности правомочного наказания, где открывается значение, могущество и суверенность права. *Система наказаний* санкционируется государством. В качестве таковых могут применяться:

- *ограничение свободы* или других прав (например, заниматься определенными видами деятельности, поступать на государственную службу и т.д.);
- *конфискация* имущества и другие имущественные взыскания (штрафы, изъятие орудий преступления и т.д.);
- *исправительные работы*,
- а в исключительных случаях – *смертная казнь*.

Через наказание право демонстрирует членам общества свой действенный потенциал, делая наглядной ту границу, которая отделяет «позволенное» от «запрещенного». «Запрещенное» становится по-настоящему «запрещенным» только в том случае, если за нарушением запрета неотвратимо следует реальность наказания. Вопросы исполнения наказаний отнесены к сфере уголовно-исполнительного права.

Легальность и легитимность. Для лучшего понимания сущности права, а также тех конфликтов, которые могут возникать из-за нежелания определенных индивидов и социальных коллективов, соблюдать правовые предписания, следует разобрать пару понятий легальность / легитимность. Оба термина образованы от латинского корня «lex», дословно «закон», «право», однако в современном обществоведении получили различное толкование.

«Легальность» означает строгое и буквальное соответствие того или иного явления, поступка или действия системе права, принятой в данный момент в данном обществе. Действие является «легальным», если соответствует формальным критериям действующего законодательства, подпадая под случай, недвусмысленно описанный в законе. То, что не противоречит закону и подзаконным актам, является «легальным».

«Легитимность» категория более сложная. Под ней понимается народное одобрение государственной власти, какого-либо социального института, статуса, полномочия, поступка, опирающееся на принятые в данном обществе ценности, традиции, исторические потребности.

Смысл «легитимности», как и «легальности» в соответствии праву, но речь идет о двух типах права – о праве внешнем, формальном, строго фиксированном («Закон»), и о праве, подразумеваемом, внутреннем, подчас не проявленном, однако интуитивно считающимся справедливым в народном правосознании («Правда»).

Легальность и легитимность могут находиться между собой в различных соотношениях. Подчас они совпадают или гармонируют друг с другом. Но в определенных ситуациях они могут вступать друг с другом в противоречие. Бывают ситуации, когда легитимное, исторически и политически оправданное решение, опирающееся на волю народа, вообще не описано в своде легальных законов или даже противоречит им. В таких случаях возникает ситуация «чрезвычайного

положения», легальность отступает на второй план, и все сводится к способности властной инстанции принять решение, опираясь только на легитимность, традицию, интуитивное понимание смысла и логики истории собственного народа и общества. Легитимность, строго говоря, не принадлежит к области формального права, но вместе с тем, сами правовые системы строятся на легитимности, дающей о себе знать всякий раз, когда общество входит в правовой тупик, разрешить который можно только волевым жестом – иногда реформой, иногда введением «чрезвычайного положения», а иногда и революцией.
Притча о грешнице. В качестве примера зазора между легальностью и легитимностью можно привести Евангельский рассказ про Христа и грешницу. Испытуя Христа, его враги привели к нему женщину, которая согрешила, совершив прелюбодеяние, и заслуживала по иудейским законам того, чтобы быть побитой камнями до смерти. Этого требовала легальность. Христос, не ставя под вопрос легальности и обоснованности закона, предусматривающего наказание за прелюбодеяние, предлагает осуществить эту казнь – бросить камень – того, кто без греха, т.е. кто никогда не совершал подобного деяния. Здесь он обращается к легитимности, внутренней обоснованности закона. Того, кто без греха, среди приведших грешницу ко Христу не находится. Казнь, оставаясь легальной, становится нелегитимной.
В другой ситуации все могло бы сложиться иначе, и в высоконравственном обществе, исключающем прелюбодеяние и формально и на деле, осуществление казни проблем не вызвало бы, и для этого нашлось бы достаточное количество людей, имевших на это кроме легального, еще и внутреннее, легитимное основание. Но поскольку в данном случае легальность на легитимность не опиралась, и никого, кто мог бы легитимно казнить грешницу, не оказалось, Христос отпускает ее со словами: «Иди, и больше не греши», подтверждая, тем самым, что его суд не отменил легальность, не сделал легальным греховный поступок, но напомнил о необходимости соответствия внешнего внутреннему, формального – духовному, легального – легитимному.
Легитимность открыта к истории, внимательна к воле народа, духовности и нравственности, учитывает множество факторов, не имеющих легального оформления. И в ситуации «чрезвычайного положения» легитимность проявляет себя в полной мере, предопределяя дальнейшее развитие общества и процессы новой легализации. Легитимность является источником права и всякой легальности, но сама не относится к области права и сплошь и рядом не является легальной.
Многообразие правовых систем. Правовая семья. Под правовой системой понимается вся «правовая действительность» конкретного государства или типа общества. К ее наиболее значимыми элементам, как правило, относят собственно систему права, правовую идеологию и культуру.
Категория «правовая система» используется для характеристики развития правовых институтов той или иной страны (например, правовая система России, правовая система Германии и т.д.). Государства, имеющие схожие юридические признаки, базовые установки для создания, применения и толкования норм, группируются в «правовые семьи», отличающиеся относительным единообразием.
Одна из наиболее распространенных в современной юриспруденции классификаций правовых семей была предложена французским ученым Рене Давидом (1906-1990) в работе «Основные правовые системы современности. Сравнительное право». Она основана на сочетании таких критериев, как господствующая в том или ином типе общества политическая идеология и юридическая техника, важнейшим элементом которой является доминирующий вид источников права. На этом теоретико-

методологическом базисе Р.Давид выдвинул идею трихотомии – существования трех основных правовых семей: романо-германской (страны Западной Европы), англо-саксонской (в первую очередь, Великобритания, ее бывшие колонии и США), и социалистической (бывшие страны соцлагеря). К ним примыкал остальной юридический мир, который получил название «религиозные и традиционные системы». Для романо-германской правовой семьи характерно доминирование закона как главного источника права; для англо-саксонской – юридического прецедента; социалистическая – по многим параметрам была близка романо-германской, но с известными поправками идеологического характера, позволявшими партийным структурам и государственным органам издавать общеобязательные нормативно-правовые акты в обход законодательных процедур (т.н. «ведомственное право»); религиозные и традиционные системы характеризовались доминированием правовых обычаев и священных текстов.

Право и общественная философия. В мировой истории мы встречаем множество самых различных правовых систем, которые не просто имеют различную структуру, по-своему определяя содержание правовых норм и функции правовых институтов, но и основываются на различных предпосылках. Каждый народ вносит в понимание права свои особые, уникальные черты, кладет в его основание свою общественную философию, которая зависит от исторической, этнической, религиозной, социальной и географической специфики конкретного общества. Право практически нигде *не является автономной областью*, построенной на собственной логике, присущей только ему – во всех случаях право отражает более общие идейные, социальные, политические и экономические установки, предопределяющие конкретное общество и описывающие его закономерности. Право есть социальное, политическое и хозяйственное выражение мысли людей об общественном устройстве, его основах, ценностях и целях. Изменение правовых моделей и систем идет в истории параллельно переосмыслению обществами отношения к фундаментальным проблемам, стоящих перед ними – место и роль человеческой личности, смысловое основание общества, определение принципов добра, гармонии, справедливости, функции общественно-политических институтов, задачи хозяйственной деятельности, правомочность иерархических структур, способы достижения равновесия и т.д.
Область права представляет собой краткий конспект общественного сознания, воплощенного в свод законов, правил, норм и институтов. Описание правовой стороны каждого конкретного общества дает нам важнейшие сведения о его устройстве.
Право в традиционном обществе не отделено от религии. Характерной особенностью правовых систем большинства традиционных обществ является их религиозный характер. В них правовая сфера никогда не отделена строго от религии, с одной стороны, и от морали, с другой. Если придерживаться строго современного определения понятия «права», то можно утверждать, что в традиционном обществе права не существует, а правосознание является неотъемлемой и не дифференцированной частью сознания религиозного (сакрального).
Традиционное общество исходит из предпосылки, что священная традиция, которая лежит в его основе, имеет божественное происхождение, и все элементы этой традиции обосновываются этим «сверхчеловеческим» авторитетом. Правила поведения, этические запреты и разрешения в традиционном обществе в равной мере основываются на «заповедях», которые человечество получает от Божества (либо

через череду поколений, идущих от «золотого века», либо в акте Откровения).
В традиционном обществе существует общий закон для религии, морали, социального устройства, политической системы и структуры гражданского и уголовного права. Область «запрещенного» является таковой на основании религиозно-моральной категории «зла». В отличие от светских правовых систем «запрещенное» запрещается не по прагматическим соображениям (неудобства, вредность, опасность и т.д.), а на основании отнесения конкретных деяний и их групп к области «греха» и «зла». Так наряду с запретами на воровство, убийство, членовредительство и т.д., которые являются общими и для современного права и для большинства традиционных обществ, в традиционных обществах к «преступлениям» причисляются вкушение тех или иных видов пищи, несоблюдение праздничных дней и т.д. Так, к примеру, в исламском праве употребление свинины или алкоголя рассматривается как правонарушение в общем ряду с кражей или мелким хулиганством, а продажа этих продуктов (совершенно безобидных в других обществах) в некоторых случаях влечет за собой суровое наказание, вплоть до арестов и даже казни.
Грех и преступление в религиозном сознании одно и то же. Религиозное сознание не делает различия между «грехом» и правовым запретом, поэтому правовые системы сплошь и рядом являются составной частью религиозных кодексов.
Так в Библии 10 заповедей толкуются не только как моральные предписания, но и как основа правовой системы. «Убивать, красть, желать жену ближнего и т.д.» наравне с «создать себе кумира» (т.е. идолопоклонничеством) рассматриваются одновременно и как грех и как преступление, за которым должно последовать не только моральное осуждение, но и репрессивные меры, т.е. наказание.
В священной книге мусульман «Коране» даются детальные указания относительно правового устройства общества по той же логике. Для мусульман вменяется в обязанности как пятикратная молитва, так и выплата процента от доходов («заккят») в пользу общины («уммы») или наказание за кражу, убийство и богохульство.
Римское право как попытка создать «всеобщее право». Огромное влияние на историю правовых систем и институтов оказала правовая модель, принятая в Римской империи. Ее прямыми наследниками являются романо-германская и, с известными оговорками, бывшая социалистическая правовые семьи. На более поздних этапах сильное влияние римского права испытала на себе также и англо-саксонская правовая семья, изначально развивавшаяся самобытным образом.
Римская империя включала в себя множество этносов, религий, государств и общественных систем, разнообразного происхождения – как европейских, так и восточных. Поэтому правовая система, ранее основывающаяся на кодексах древних обитателей Апеннинского полуострова (Римское право эпохи Республики), была вынуждена трансформироваться в новую форму, которая могла бы быть приемлемой для всего многообразия народов и культур, оказавшихся в пространстве империи. Более древние империи – Вавилонская, Персидская, Греческая, Карфагенская и т.д. - также разрабатывали упрощенные правовые модели, применимые для многообразия входящих в них народов и царств, но лишь в Римской империи была предпринята попытка выстроить такую правовую систему, которая – хотя бы теоретически – была бы применима ко всем обществам. С этого времени можно отсчитывать историю становления того, что позднее уже в Новое время европейцы назовут «всеобщей теорией права». На самом деле, под словом «всеобщий» здесь следует понимать исключительно исторический римский опыт правовых обобщений, а не синтез всего многообразия правовых мировоззрений.

“Jus civile” и “jus gentium”. В классическом Римском праве эпохи Империи (1-250) сосуществовали два типа права “jus civile” («гражданское право») и “jus gentium” («право народов» - имелось в виду тех народов, чьи представители не являлись гражданами Рима, «международное право»).
“Jus civile”, сложившееся в эпоху Республики (753–31 до н.э.), регулировало правовые отношения между коренными жителями Лации, обладающими имущественным минимумом и способными доказать свою историческую принадлежность к латинянам. Согласно этому праву «неграждане» никаких прав не имели, а отношения с ними не носили нормативного характера – закон их не касался, и каждый «негражданин» Рима должен был сам о себе заботиться, не рассчитывая на поддержку власти. Согласно “jus civile”, индивидуальные права владения землями и другим недвижимым имуществом относились только к территориям Лации, а все вновь приобретенные Римом земли рассматривались как коллективная собственность народа Рима, а позже императора. Такое отличие правовой природы «старых» и «новых» территорий показывает границы восприятия римлянами «своего» и «чужого». В рамках «своего» пространства отношения гражданина с недвижимостью описывались индивидуально и досконально. За пределами исконных земель Республики начиналась область приблизительного владения, с обобщенными субъектом и объектом. Эту приблизительность по мере сил исправляли магистраты и правители «новых земель», вынужденные постоянно иметь дело с «негражданами». Так постепенно сложилась иная правовая система Римского права – “jus gentium”.
“Jus gentium”, появившееся в середине III века до н.э., описывало правовые ситуации, возникавшие между гражданами Рима и негражданами. Эта часть Римского права стала развиваться тогда, когда под контролем Рима стали оказываться все больше различных народов и культур – т.е. собственно в имперский период. Ядро “jus gentium” составляли постановления магистратов и губернаторов римских провинций, что придавало этой части право подчиненное значение перед лицом “jus civile”.
Важность именно этой составляющей Римского права заключалась в том, что в нем преодолевается качественная граница правового уложения, действующего только для представителей исторической органической народной общности (в данном случае римских граждан), что было свойственно многим правовым системам, и правовой статус распространяется на тех, кто гражданами в строгом смысле не является. Это было уникальным явлением.
По мере роста Империи “jus gentium” стал сближаться с “jus civile”, так как потребность в правовом упорядочивании структуры имперских владений, населенных негражданами Рима, становилась насущной. Так “jus gentium”, вобравший в себя основные понятия “jus civile”, стал осмысляться римлянами как проявление всеобщего (универсального) закона, применимого и к гражданам Рима и к негражданам.
Эдикт 212 года императора Каракалы (188-217) предоставил право гражданствам всем тем, кто оказался в составе Империи, что привело к практическому слиянию “jus civile” с “jus gentium”.
Особенность римского права имперского периода. Римское право “jus gentium” и все в целом после эдикта Каракаллы было новаторским в том, что придавало правовой статус не только гражданам как членам исторической общности, объединенной общей культурой, языком, религиозным культом, этносом, историей, иерархической системой, выражая принадлежность к органическому целому, но всем тем, кто оказывался в сфере политико-стратегического контроля Рима, как историческим латинянам («latini»), так и «иностранцам», «нелатинянам» («peregrine») . В традиционном праве, включая

Римское “jus civile”, субъектом права выступал не человек как таковой, а единица конкретного общественного целого с обязательным социально-культурным прошлым. В разных обществах таким субъектом могли быть довольно разные индивидуумы: если самих у римлян и в некоторых греческих полисах «гражданином» для частного права считался старший представитель семьи мужского пола («patria potestas» - «могущество отцов»), который считался владельцем собственности всей семьи, включая имущество, приобретенное взрослыми потомками мужского пола, то в других обществах этим субъектом могли быть свободные взрослые мужчины вместе с семьями или отдельные коллективы. Родоплеменные группы связывали право с родом и институтом «коллективной ответственности» (т.н. принцип «объективного вменения»), а не с отдельным человеком (институт индивидуальной ответственности, принцип «субъективного вменения»).
Римская империя, установив контроль над разнообразием таких обществ, живущих в совершенно различных социально-политических условиях и сформировавших свои самобытные правовые системы, вынуждена была предложить всем единообразную модель, где все должно было быть предельно упрощенным и доступным.
Так зародилась правовая идея «гражданина» как человека (взрослого свободного человека мужского пола), которая сегодня кажется нам привычной. «Гражданином Рима» после Каракаллы был каждый свободный человек, проживающий на территории Римской империи. Он и стал главным субъектом Римского права, систематизированного в VI веке византийским императором Юстинианом I (670-711) в знаменитом «Corpus Juris Civilis» («Корпус Гражданского Права».
До Рима этой правовой категории не существовало, и введение категории «гражданин» применительно к совокупности людей, живущих в разных обществах, но в пределах единой стратегической имперской сферы, есть результат исторического опыта Римской империи.
Частная собственность как правовой институт была введена Римом. В различных правовых системах понятие «собственности» было столь же многообразным и многоплановым, как и статус ее владельца, т.е. гражданина. Точное определение того, что является частным, родовым, общим, кастовым и т.д., было расплывчато и всякий раз варьировалось от общества к обществу. Налоги и дань брались то с семьи, то с племени, то с единицы пашни, то с урожая, то из другого имущества с неопределенной формой владения.
В Римском праве еще в эпоху Республики сложилось своеобразное правовое понимание движимого и недвижимого имущества, выраженное в категории «dominium» (лат. «владение», «обладание»), что подразумевает «абсолютную частную собственность». Это составляет особенность Римского права еще доимперского периода. Эта юридическая идея состоит в том, чтобы в категории юридического лица («отца семейства», «paterfamilias») собрать максимально полное право на распоряжение предметом, в отрыве от каких бы то ни было обязательств относительно этого предмета перед другими юридическими лицами и общественными инстанциями. «Paterfamilias», «глава семейства» -- это еще не отдельный человек, а выразитель общественных и материальных интересов коллектива (семьи, включая взрослых детей и внуков мужского пола). Но в Римском праве важна сама тенденция предельно упростить отношение к собственности, приписав ее к владельцу («главе семейства») настолько тесно, чтобы свести к минимуму соучастие в этой собственности какого бы то ни было еще. Эта эксклюзивность распоряжения собственностью, сосредоточенная в одном лице, составляло уникальную особенность именно Римского права – в смысле

“jus civile”.
Но с появлением “jus gentium” и особенно в имперский период это свойство постепенно распространяется на более широкие слои населения – на всех граждан империи, которым вместе с правовым статусом приписывается и «собственность» -- «dominium». Гражданин империи как правовой субъект рассматривается совокупно с его материальным имуществом (dominium), считающимся «абсолютной частной собственностью».
В составе Римской империи находились разные общества, где имущественные отношения строились на совершенно иных основаниях, подчас чрезвычайно запутанных, так как варьировались и субъекты владения, и формы владения, и права и обязательства с ним связанные.
Концепция частной собственности как правовая категория резко упрощала учет имперского имущества, находившегося под контролем Рима. Позднее развитие этого принципа предопределило развитие всего западно-европейского права. В частности, первичность собственности по отношению к власти стала основной чертой западно-европейских правовых систем, в то время как в восточных системах (включая Московскую Русь или Золотую Орду) действовал обратный принцип --первичности власти по отношению к собственности.
Евангельский рассказ как пример имперского права. Имперская правовая структура не отрицала локального права, но дополняло его сверху наличием имперской администрации, как высшей правовой инстанции, и снизу – рассмотрением всех людей, находящихся в зоне контроля Рима, как правовых субъектов (согласно “jus gentium”). В «Евангелии» описывается иерархия различных правовых инстанций Империи.
Исус Христос родился в Римской империи(1), следовательно, являлся ее подданным, но был при этом одновременно членом религиозной иудейской общности и по месту рождения формально подлежал светской власти Ирода Антипы царя Галилеи и Переи (на севере Израиля), сына другого Ирода, царя Идумеи, избившего 14 000 младенцев в Вифлееме, чтобы предотвратить появление мессии. Когда деятельность Христа вошла в противоречие с взглядами религиозных авторитетов иудейской общины (Синедриона), они не только не признали в нем Мессию, но и стали искать любого повода, чтобы ложно обвинить в каком-то нарушении религиозных правил (по устоям традиционного общества нарушение религиозных запретов влекло за собой уголовные последствия, а иногда и карательные санкции). . Например, в «богохульстве» (признание Христом себя «Сыном Бога Благословенного») или «работе в субботу» (Христос в субботу исцелял) Он был схвачен по настоянию Синедриона римскими солдатами.
Расследование «дела» было поручено прокуратору Иудеи и Самарии, представителю Императора Понтию Пилату. Показательно, что сам Христос, когда его спрашивали фарисеи, надо ли платить налог империи, отвечал: «Богу Богову, а Кесарю Кесарево», подтверждая тем самым законность имперского устройства, и отделяя политический фактор от религиозного.
Показательно, что Пилат не понимает, в чем состоит вина Христа, так как с точки зрения Рима и римского права он не виновен. Отсюда знаменитое высказывание Пилата – «Я умываю руки», т.е. имперское право не компетентно в решении данного вопроса. И тогда Пилат передает это «дело» на изволение местных правовых инстанций. Эти судебные инстанции, которым было поручено решить судьбу Исуса Христа, суть

• религиозное руководство иудейской общины, Синедрион, Анна и Каиафа, которые являются в данном случае «истцами», требующими казнить Христа за нарушение (по их мнению) религиозных догм иудаизма;
• Ирод Антипа, царь Галилеи и Переи, к которому Христа отвозят, так как Сам он происходит из галилейского города Назарета, при этом Ирод воздерживается от вынесения какого бы то ни было суждения; и
• народ иудейский, который, в конце концов, и принимает окончательное решение, выбрав помилование разбойника Вараввы и прокричав в адрес Христа страшные слова «Распни его, распни!».

После казни Христа на кресте, палачи, которыми выступают римские солдаты, делят между собой всю оставшуюся от него «частную собственность» – «хитон», собирая тем самым «налог» в пользу Рима. Малость имущества позволяет осуществить этот передел на самом низшем уровне – исполнителей казни.

В этом рассказе перед нами предстает вся правовая система Римской Империи. Высшим судьей является представитель Рима Понтий Пилат, наместник Иудеи и Самарии. От него зависит жизнь и смерть подданных Рима, а также судьба их имущества.

В этой ситуации имперское право ничего не говорит о сути правового казуса, и Пилат передает решение на усмотрение локальных властей. Тут мы видим, что в составе империи есть и местная царская власть (Ирод), и религиозные авторитеты с широкими правовыми полномочиями (Синедрион), и демократия (народ иудейский).

Окончательный приговор принимается на основе судебного решения религиозных инстанций (Анны и Каиафы), при этом в данном случае царская власть в лице Ирода устраняется от суда, а на иск фарисеев отзываются народные массы, делающие выбор в пользу осуждения и казни.

Исполняют это решение снова римские солдаты, вступающие в игру всякий раз, когда необходимо реализовать правовые действия в отношении подданного империи.

Jus gentium распространялось и на иные части империи, которые имели совершенно отличную от Иудеи и Самарии правовую структуру, но принцип функционирования властей был одним и тем же. *Субъект права* - «подданный Рима» (в некоторых привилегированных случаях – гражданин; так апостол Павел был полноценным «гражданином Рима», некоторые церковные авторитеты утверждали это и о самом Исусе Христе, но в любом случае после эдикта Каракаллы гражданство было распространено на всех подданных Рима). Высшая властная инстанция -- полномочные представители римской вертикали власти. А вот между этими инстанциями сохранялась оригинальная структура местных правовых форм, связанная со спецификой каждого конкретного общества. В спорных случаях, когда правовые вопросы не затрагивали сферу компетенции Рима напрямую, они решались исходя из местных обычаев и тех традиционных правовых укладов, которые там сложились. Тогда представители Рима, как и Понтий Пилат, «умывали руки».

Право в христианстве. В христианской традиции область права не описана в главном религиозном тексте, «Евангелии», где речь идет только о духовной и моральной стороне, но не о социальном укладе. Поэтому структура права в христианских обществах формировалась через переосмысление в христианском ключе некоторых элементов ветхозаветного права в сочетании с обширным и преобладающим заимствованием из римского права.

С эпохи императора Константина (начало IV века) Римская империя сделала христианство государственной религией, а так как в христианской традиции собственной правовой системы не было, то в основу христианского общества легло переработанное в христианском ключе римское имперское право. С этого момента распространение христианства среди народов Европы несло с собой распространение римского права, ставшего неотъемлемым элементом христианской политической и социальной культуры. Систематизацию римского права производит в VI веке православный византийский император Юстиниан.
Христианские общества соотнесли правовой статус римского гражданина с религиозным учением о личном спасении, объединив эту теорию в едином учении о «личности», ее свободе и ответственности, получившем развитие как в религиозно-моральной сфере, так и в правовой. Как империя предлагала (навязывала) разнообразным обществам свой правовой универсализм, так и христианство осознавало свой универсальный (вселенский) характер. И империя и церковь обращались в качестве субъекта к личности, независимо от того этнического, культурного, исторического и хозяйственного контекста, в котором она пребывала («несть ни иудея, ни эллина»). Таким образом, помимо исторической близости судеб у Рима и у церкви было сходство философских позиций, общность представлений о субъекте. В Риме это было выражением правовой концепции «гражданства», постепенно распространявшейся в период Империи на все более широкие круги подданных, вплоть до всех, а в христианстве – религиозной концепции «личного спасения» и «свободной воли».
Римское имперское право стало неотъемлемой частью христианских обществ и в православном, и в католическом мире. Хотя само толкование личности в западно-христианской культуре и в православном мире стало постепенно различаться.
Западное христианство: имперское право без империи. Воцерковление Рима было на первых порах общим явлением для всех его владений, как на Западе, так и на Востоке. Общим было и слияние христианских религиозных ценностей с правовой структурой империи. Однако в последствии, по мере отделения западного христианства (римо-католичества) от Вселенской Церкви (православия), эта единая некогда модель стала развиваться в двух направлениях.
Западно-европейская линия развития римского права постепенно привела к тому, что понятие имперского гражданства стало применяться к более узким политическим организациям – к государствам. Западная Римская империя в отличие от Византии под натиском варварских племен быстро утратила свое политическое единство, и объединяющим началом в такой ситуации оставалась только церковная власть Римских Пап. Католичество скрепляло народы Западной Европы в эпоху феодальной раздробленности, и параллельно распространению западного христианства укоренялись и правовые нормы римского права. Но в этой ситуацией это было «имперское право без империи», а следовательно, именно в Западной Европе закладывались основания правового общества, где субъектом выступал «гражданин» сам по себе. Если в Римской империи, равно как и в Византии, «гражданство» было свойством не собственно человека, но империи, функцией от империи, то в Западной Европе правовое качество гражданина постепенно становится самодостаточным, и мало по малу превращается в самостоятельную категорию, не зависящую от существования или несуществования империи.
Римское право как основа европейского права. Римское право, с его основными категориями гражданства, частной собственности и государственной системы

судопроизводства, легло в основание практически всех европейских обществ более позднего периода. Оно было сохранено и в период секуляризации европейских держав, утратив и имперскую и религиозную составляющие. Из основополагающих принципов «гражданства» и «частной собственности» выросли правовые системы современных европейских государств-наций. А по мере расширения западноевропейского влияния во всем мире – как через колонизацию в XVI-XIX веках, так и через глобализацию в конце XX – начале XXI века – римское право в его западно-европейском прочтении распространялось и на весь остальной мир.

Отрыв правовой категории гражданин от имперского содержания можно представить как последний этап диалектического развития изначального римского права эпохи Республики. “Jus civile”, как и всякое локальное право, вначале применялось только к гражданам исторической общности латинян, и отличалось от других правовых форм лишь большей степенью индивидуализации субъекта права и стремлением придать частной собственности свойство «абсолютности». По мере развития “jus gentium” и слияния с ним “jus civile” эти правовые свойства переносятся на всех подданных империи, придавая им универсальное (вселенское) содержание. В «Корпусе Гражданского Права» Юстиниана имперское гражданство сливается с понятием христианина. В Западной Римской империи универсальное имперско-христианское право отрывается от империи, что равнозначно применение “jus civile” не к конкретной исторической общности латинян, а к произвольно взятому коллективу, в том числе и никогда не входившему в состав Римской Империи. А на последнем этапе – уже в Новое время, из этой правовой модели изгоняется и христианское содержание. Так появилось понятие «естественного права» как идеологическое обоснование права вне контекста империи и церкви.

Так Римское право в западноевропейской истории проделало путь от локального права конкретной историко-культурной общности через имперское право, и далее через этап его христианизации, к католическому универсализму в отрыве от империи, а позднее, к гражданскому универсализму в отрыве и от католической нагрузки. И на всех этих этапах это право называлось Римским, независимо от того, что его содержание претерпевало такие существенные метаморфозы.

Особенности византийского права. Судьба римского права в Византии была совершенно иной. Здесь оно строго следовало изначально имперской логике в сочетании с учением церкви. Особенность развития византийского общества заключалась в том, что в нем сохранилось имперское – исконно римское -- отношение к самобытности этнических и культурных укладов тех обществ, которые оказывались в орбите влияния Нового Рима, Константинополя, принимая православие или входя в состав Византии. Это проявилось в переводе церковной службы на разные языки, что было изначальной практикой поместных православных церквей, тогда как католики настаивали на единственном богослужебном языке -- латыни.

Православный мир объединялся церковно, но сохранял самобытность этнических культур – и поместных церквей. Вместе с тем он интегрировался и в правовом смысле, распространяя принцип «гражданства» на подданных империи, но никогда не отрывая этот статус «гражданства» от политической составляющей империи.

Это привело к тому, что правовые нормы практически во всех православных странах, начиная с Византии, сохранили местные самобытные черты, что нашло свое отражение в консервативном подходе к хозяйственной сфере и в устойчивости общинного способа производства, где понятие «частной собственности» имело значение лишь для упорядочивания сбора налогов (дани, десятины и т.д.). В отличие

от католических стран, где правовое понятие «гражданин» постепенно стало самостоятельной категорией, – вначале «гражданин», а потом уже поясняется какого государства, -- в православной культуре понятие «гражданства» сохраняло свою прямую связь «империей» или «царством». Собственно римское право в его имперском смысле – с допущением широкого своеобразия локальных правовых укладов -- сохранилось только в Византии и у православных народов, тогда как в западно-европейской культуре были абсолютизированы лишь отдельные аспекты этого права, получившие самостоятельное значение и применяемые вне контекста империи.

Византийское право было существенно пересмотрено в VIII и IX веках, когда к основным правовым категориям, обобщенным при Юстиниане I добавились многие дополнительные уложения, отражавшие многообразие правовых систем народов, оказавшихся в сфере Византийской империи. В частности, было существенно пересмотрено отношение к частной собственности на землю, входившее еще в “jus civile” ранне-римского права. От концепции «патроната», т.е. абсолютной частной собственности единоличного владетеля, акцент в православно-этическом ключе перемещался на свободных общинных землепользователей. Новые правовые тенденции проявились в «Базилике», переработке правого кодекса Юстиниана византийским императорами Василием I (?-886) и Львом VI Философом (866 - 912).

В этом различии толкования римского права в его христианской версии лежит ключ к пониманию различий в пути развития западно-европейских и восточно-европейских обществ, как в эпоху Традиции, так и в Новое время и вплоть до сегодняшнего дня.

Континентальное право и англосаксонское право. Современное западное право исторически развивалось в двух направлениях – «континентальном» (Франция) и «островном» (Англия, позже США). Континентальную правовую традицию принято иначе называть «романо-германским» правом, а «островную» -- англо-саксонским. Будучи схожими в понимании индивидуума как главного субъекта права и в отношении священного характера частной собственности, эти направления существенно различались в принципе и процедуре принятия судебных решений. Континентальное («романо-германское») право тяготело к рассмотрению каждого правового случая, исходя из его (как можно более точного) соответствия абстрактной системе, описанной в правовых нормативах. Задача судьи состоит в том, чтобы найти прямое соответствие реального судебного дела букве закона и системе подзаконных актов. При этом большое внимание уделялось конкретному контексту правового деяния – мотивации, социальной идентичности фигурантов дела и т.д. *«Континентальное»* право стремилось соотнести каждый правовой случай с совокупной правовой теорией. *«Островное»* право, переработавшее в духе модерна древние англо-саксонские традиции, основной упор делало на «прецедент» (поэтому этот тип права называется также «прецедентным»). Кроме абстрактных нормативных актов в этой разновидности права огромное значение имеют судебные архивы (начиная с т.н. «Годовых книг»), где фиксировались судебные решения, принятые по тем или иным вопросам в предыдущие времена. «Прецедент» в таком случае приобретал характер образца для вынесения решения по делу, которое судьи сочли аналогичным и сопоставимым с рассматриваемой ситуацией. Это обращение к реальному и конкретному историческому прецеденту в большей степени, нежели к совокупности абстрактных правовых принципов, отражало специфику англо-саксонской культуры, отражающейся в философии номинализма и научном методе эмпиризма, в отличие от континентальной европейской культуры, тяготеющей к рационализму. Исторический

факт принятия решения по аналогичному вопросу для англо-саксонской правовой системы служил средством размещения правового деяния в серии типичных юридических случаев, что во многом предопределяло решение и в отношении вновь разбираемого дела.
Континентальное право, со своей стороны, всякий раз стремилось рассмотреть дело заново, сравнивая его не с прецедентом, но с теорией, описывающей правовую модель в отвлеченном смысле. Судебные прецеденты в таком случае не имели решающего или даже большого значения, так как ничто не гарантировало, что судьи в прошлом нашли более оптимальную классификацию аналогичных случаев, нежели судьи в настоящем, так как и те и другие проделывали операцию соотнесения абстрактного с конкретным, опираясь на своей понимание и толкование закона.

Англо-саксонское право получило особое развитие в США, где эмпирический подход и влияние «прецедентов» стали еще более центральными и значимыми.
Правовая система западных обществ: от гражданина к «правам человека».
Современное западное право, как романо-германского, так и англо-саксонского образцов, под существенным влиянием западного христианства (вначале католичества, позднее протестантизма) радикализировало многие установки классического римского права, в частности принцип «гражданина» как главного и основного субъекта права и «священной частной собственности» как имущественного воплощения гражданства.
Идея «гражданства» претерпела эволюцию от понятия «гражданин Рима» к «гражданину государства» и далее к «гражданину как таковому», мыслимому и без государства члену «гражданского общества». «Гражданин» в западном праве понимается как индивидуальный субъект, наделенный совокупностью «естественных прав» или, позднее, -- «прав человека». В число этих прав входят «право на жизнь», «право на свободу», «право на владение имуществом» и т.д. Позднее к этим правам добавились «право на свободу совести», «право на свободу слова», «право на свободное перемещение», а после Второй мировой войны – «право на мир», «право на здоровую окружающую среду» и т.д. Поэтому принято говорить о нескольких «поколениях прав человека».
В эпоху Средневековья эти гражданские права вписывались в христианское толкование соответствующих терминов и сочетались с сословными правилами и привилегиями, дополняясь церковным и феодальным правом. Но исторический процесс, начиная с эпохи Возрождения и особенно Просвещения, шел в направлении освобождения правовых категорий от влияния церкви и сословных структур. Если в Средневековье под «гражданином» подразумевался «христианин», принадлежащий к какому-то сословию, в рамках которого его права и обязанности получали дальнейшее толкование и развитие, то, начиная с эпохи Просвещения, это понятие стали применять к любому государственному подданному, а в XX веке наметилась тенденция фактически отожествить его с понятием «человека» как такового.
Таким образом, идея римского права в сочетании с христианским представлением об индивидуальном спасении получила дальнейшее развитие вплоть до отождествления с любым представителем человеческого рода, в отрыве и от государства и от религии. Так возник автономный субъект современного европейского права – гражданин (= человек).
Формы частной собственности: относительная и абсолютная. Частная собственность,

включающая в свою структуру правомочия владения, пользования и распоряжения вещью, также стала основной формой западного права, получив самостоятельное значение. Следует различать понятия «относительной частной собственности» и «абсолютной частной собственности».
Относительная частная собственность означает то, чем единолично владеет индивидуум, соотнося при этом владение с социально-политическим контекстом. Процесс владения такой собственностью сопряжен с ответственностью (перед законом, окружающими людьми и т.д.) за нее и, соответственно, за ее целевое использование и адекватное обращение. Собственник может по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащими ему вещами, но только в рамках их функционального предназначения. Так, к примеру, обладая домашним животным, находящимся в относительной частной собственности, человек имеет право его продать или подарить, но не имеет права над ним издеваться или его убить по собственной прихоти без нужды. Или: получив в относительную частную собственностью посевную землю, владелец не имеет права построить на ней ресторан или автозаправку. Нарушение целевого использования относительной частной собственности ведет к ее отчуждению от владельца или к иным формам ответственности.
Абсолютная частная собственность, напротив, считается целиком и полностью принадлежащей только владельцу, который не несет за нее никакой ответственности ни перед кем и ни перед чем, и волен с ней поступать любым способом, без оглядки на что-либо. Такая собственность переходит от владельца к владельцу через акт продажи, дарения или наследования, и ее целевое использование не подлежит контролю никаких инстанций. Тенденция к рассмотрению частной собственности как абсолютной наблюдается уже на первых этапах Римского права (jus civile) и составляет его типичную особенность.
В основе западного права лежит дальнейшая тенденция к абсолютизации частной собственности как правовой категории. Вокруг такого понимания в буржуазных европейских странах, по большей части, и строится имущественное право. При этом в отличие от классического Римского права обладателем абсолютной частной собственности видится не «глава семьи», представляющей в правовом смысле целый коллектив (подчас довольно большой), а отдельный индивидуум. Перенос права частной собственности на отдельного индивидуума без учета его происхождения, пола, возраста и других качественных характеристик является магистральной линией развития этой категории в западноевропейском праве.
«Номократия». Развитие правовых систем европейских обществ постепенно привело к тому, что именно праву – в его современном понимании – стали уделять основное внимание и придавать главную ценность. Так возникла теория «правового государства», в котором и государственная система и функционирование политических институтов постепенно подчиняясь «естественно-правовой» сфере, строго оформленной юридической логике и соответствующим процедурам.
Если в традиционном обществе право представляет собой вспомогательный институт, дополняющий религиозные, государственные и политические аспекты общества и выраженный в конкретных распоряжениях и законодательстве («позитивное право»), то в Европе Нового времени право постепенно выдвигается на первый план и само начинает определять политическое устройство, систему государственной власти и место религии в обществе («естественное право»). В правоведении и философии права это явление получило наименование «номократия» (от «номос» -- «закон»,

«кратос» -- «власть»).
«Номократия» означает тенденцию сведения всех политических и государственных институтов к действиям в рамках строго определенных буквой закона правовых нормативов, имеющих якобы внегосударственное и внеисторическое происхождение. В этом процессе область права постепенно распространяет свое влияние на государство, политику, религию и общество целиком. Вместо своеобразных исторических коллективов, политических систем, культурных и религиозных общин, индивидуальных исторических решений и т.д. возникает поле действия гражданской массы индивидуумов, каждый из которых свободно движется по заранее прочерченным правовым траекториям, выбирая легальные маршруты, но не способен изменить саму их систему, не вступив в противоречие с законодательными нормативами.
В пределе «номократия» приводит к отрицанию государства и других самостоятельных политических институтов, и порождает «гражданское общество», не скованное никакими внешними ограничениями, кроме вырабатываемых им самим правовых моделей. Номократическая система стремится все аспекты социальной и политической жизни привести к чистой легальности. В этом состоит смысл «правового государства». Идеальный образец такого государства исключает саму возможность «чрезвычайного положения» или отказа от легальности в пользу легитимности. В таком государстве предполагается, что правовые нормы описывают все возможные случаи, а любое отступление от легальности и нелегальные действия или явления ничем не могут быть оправданы. По сути, доведенная до своих логических пределов идея номократии, «правового государства» и «диктатуры закона» вообще исключает само понятие легитимности, так как не оставляет ни Традиции, ни воле народа, ни историческим обстоятельствам, ни действиям власти в условиях «чрезвычайного положения» никакого правового пространства, исключая их как невозможное (нелегальное) явление.
Номократия тяготеет к тому, чтобы упразднить легитимность как явление, законсервировав правовую систему в ее актуальном состоянии, допуская развитие только в тех направлениях, которые намечены существующей системой легальности. Качественное же изменение легального права исключается. В этом состоит существенное противоречие «номократии»: отказываясь от легитимности в принципе, она закрывает возможность качественного развития правовой системы. Идея «правового государства» является выражением либерально-демократических буржуазных течений в области права. Более всего такая система укрепилась в англо-саксонских странах, в Великобритании, а позже в США, где достигла своего расцвета.
Конституция. Конституция представляет собой формальную основу правового государства, его основной закон. Корпус прав, свобод и обязанностей, определений и полномочий, а также описание механизма государственной системы и сферы ответственности каждой из ветвей власти составляют основу Конституции и соответственно представляют собой центр всей легальной системы.
В конституционном государстве Конституция является суммой легальности, тем законом, по которому составляются остальные законы и подзаконные акты. Конституция есть явление номократии, так как ставит легальность во главу угла, подчиняя ей все остальные формы общественно-политической жизни. Там, где существует Конституция, там существует – по меньшей мере, в теории – правовое государство.
Показательно стремление авторов практически всех французских Конституций,

начиная с первой монархической Конституции 1791 года, максимально усложнить процедуру внесения в нее изменений. Самим французам перейти к свершившейся номократии не удалось, так как вопреки их стремлению сделать Конституцию «вечной», французские Конституции сменялись – причем радикально и в ходе революций – неоднократно. Но в США – во многом из-за того, что это государство строилось на пустом месте и изначально представляло собой лабораторный эксперимент по созданию общества модерна, полностью лишенного связей с Традицией – Конституция, на самом деле, сохранилась неизменной с момента основания США, что доказывает легалистский и успешно номократический характер американской политической системы.
Конституционный строй есть структуризация общества вокруг основополагающей идеи легальности. Наличие Конституции отличает современное государство модерна от традиционного государства, так как в ней мы имеем дело с главенством закона, понятым как внешний и формальный, т.е. с главенством легальности.
Разделение властей как основа правового государства. Практически все известные Конституции несли в себе принцип разделения властей. Не случайно, что это в равной мере характерно и для республик, и для монархий, и для тоталитарных режимов, поскольку главенство закона автоматически означает утверждение дополнительной властной инстанции, которая контролировала бы отправление властных функций вершиной традиционной властной вертикали (будь-то монарх, вождь, правительство или президент). Все известные Конституции были в той или иной степени скопированы с английской Конституции, где исторически впервые монархический принцип был ограничен правовой инстанцией – законодательным органом, т.е. парламентом. В этом проявилась основополагающая линия движения к правовому государству – законотворческая власть ставится рядом, а то и выше власти исполнительной (короля, президента и т.д.).
Современная западная теория права и государства выделяет, как правило, три независимые формы (ветви) власти, каждая из которых обладает суверенитетом в своей области и не зависит (по меньшей мере, в идеале) от остальных. Это:
- *законодательная власть* (парламент),
- *исполнительная власть* (президент и/или премьер-министр),
- *судебная власть* (Конституционный Суд, Верховный Суд, арбитражные суды и т.д.).

Суд – это та инстанция, где право как теоретическая система вступает в противоречие с практической жизнью, и где эти противоречия должны быть разрешены. Судебная власть, как правило, представлена разветвленной судебной системой, во главе которой, в зависимости от специфики конкретного государства, находится Конституционный суд, Верховный суд, Высший Арбитражный суд и т.д.
Конституционный Суд в теории разделения властей представляет собой единственную инстанцию, наделенную полномочиями толковать Конституцию, устанавливать соответствие ей других законов и подзаконных актов, а также в отдельных случаях решать принципиальные разногласия между другими ветвями власти.
Конституционный Суд как суверенная инстанция наряду с парламентом и президентом (и/или главой правительства) призван окончательно заменить собой те структуры, которые в традиционном обществе отвечали за легитимность. В случае правовых коллизий между основными государственными органами или в ситуации их сбоя, вместо прямого обращения к легитимации, в такой системе предусмотрена еще одна инстанция, позволяющая разрешать проблемы на

ohttp://konservatizm.org/administrator/index2.php?option=com_content&sectionid=0&task=newсновании легальных процедур.
Законодательный орган осуществляет законотворческий процесс, т.е. создает законы. Исполнительная власть обеспечивает их реализацию, т.е. выполняет правоприменительную функцию. Конституционный Суд надзирает над соответствием действий обоих властей (законодательной и исполнительной) правовому корпусу (Конституции) и выносит окончательное суждение по спорным вопросам государственного уровня. В такой схеме легальность покрывает все общество целиком, включая политику, экономику, социальные вопросы и т.д., строго и формально определяя зоны разрешенного и запрещенного в каждой конкретной области – начиная с самого верха и кончая простыми гражданами.
Правовые системы стран Востока. Современное западное право, тяготеющее к номократии и построению «правового государства», стремящееся стать универсальным эталоном в общечеловеческом масштабе, более всего повлияло на те страны, которые исторически входили в состав Римской империи или находились под ее культурным влиянием. Страны православной культуры двигались по своему собственному пути. Еще более самобытные правовые модели разрабатывали те общества, которые вообще никогда не входили в состав Рима и развивались в соответствии со своими религиозными традициями. Большинство этих культур в своем естественном развитии не выходило из состояния «традиционного общества», и следовательно, их правовые системы никогда не получали автономного статуса, как в европейских государствах. Правовые системы там остались элементами религиозных учений.
Исламское право. Яркий пример традиционного общества, сохранившегося до наших дней, являют собой страны исламского мира, особенно те, которые продолжают рассматривать ислам в качестве государственной религии. Сегодня таковыми являются Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и т.д.
В этих странах правовые системы строятся на основе «Корана» и сборников его толкования, «сунны». В «Коране» даны четкие указания, что должны и чего не должны делать мусульмане, а также, какую кару несут те, кто осмелятся нарушить запреты. Мораль и право в исламе строго тождественны, и различия между социальным и нравственным осуждением поступка и причитающимся за него наказанием провести невозможно. Тот, кто нарушает запрет, прегрешает против Аллаха и исламского общества, а значит и против своей собственной религиозной природы, как мусульманина. Таким образом, наказание, которое следует за проступок или преступление, мусульманин получает от лица всего общества и от лица своей собственной веры, от ислама как вселенской силы, т.е. в каком-то смысле – от себя самого, как мусульманина, от своей религиозной природы, коллективно воплощенной в «общине верующих» («умме»).
Исламское право («фикх») строит основы государства, хозяйственное право, систему уголовных наказаний и экономическое законодательство на коранических установлениях, в основе которых лежит принцип личной ответственности мусульманина перед его Творцом (Аллахом). Структура ответственности описана в четких юридических терминах - раба/Господина, приказания/послушания, вознаграждения/штрафа – и совпадает с социальными институтами исламского общества.
Здесь отсутствует и сословная стратификация общества, и выделение отдельного

класса жрецов, и иерархизация имущественного положения, что было основой диалектического развития европейского права. Исламское общество является несословным, неклассовым и не имеет ни специальной жреческой касты, ни законодательно закрепленной родовой аристократии. В основе всего лежат персонифицированные и кодифицированные отношения мусульманина-индивидуума с Аллахом, выраженные через структуру коранического текста. В этом тексте и его толкованиях заложены все религиозные, нравственные и социальные маршруты жизни мусульманина, имеющие в исламском обществе характер правовых нормативов.
Такое своеобразие исламского права, структурированного совершенно иначе, нежели современное европейское право и развивающегося по собственной логике, является причиной глубокого непонимания и нарастающего конфликта между миром ислама и современной западной цивилизацией. В основе лежит радикальное различие глубинных подходов к основным социально-политическим, экономическим и государственным вопросам, и, в первую очередь, к праву, в котором для мусульманина запечатлена структура коранического откровения и, соответственно, дана законченная модель религиозного закона. Для европейцев же право – область социального творчества секулярных индивидуумов, возведенная в статус высшего суверенного начала, над которым нет ничего – ни морали, ни Бога, ни Откровения, ни Традиции.
Китайское право. Конфуцианство. Совершенно иначе, нежели и европейское и исламское, устроено китайское право. Его основы заложены легендарным мудрецом Конфуцием (551-479 до н. э.), и от его имени оно получило название конфуцианство. Конфуций разработал основы этико-правовой модели, которая больше двух тысячелетий определяла жизнь китайского общества и которая сохраняет свое фундаментальное влияние даже на современный пост-коммунистический Китай.
Прототип нормального общественного устройства Конфуций видел в добрых семейных отношениях, когда старшие любят младших и заботятся о них («жэнь», принцип «человечности»), а младшие, в свою очередь, отвечают любовью и преданностью («и», принцип «справедливости»). Особенно подчеркивалась важность исполнения сыновнего долга («сяо» -- «сыновняя почтительность»).
Мудрый правитель должен управлять с помощью воспитания у подданных чувства благоговения перед «ритуалом» («ли»), то есть моральным законом, прибегая к насилию только как к последнему средству. Отношения в государстве во всем должны быть подобными отношениям в хорошей семье: «Правитель должен быть правителем, подданный подданным, отец отцом, сын сыном» («Лунь юй»). Постепенно конфуцианство приобрело в Китае статус официального вероучения и стало основой правовой системы Китая. Государственные должности могли занимать только ученые-конфуцианцы, призванные доказать свое соответствие той или иной иерархической ступеньке через экзамены по конфуцианскому праву. Эти экзамены чиновники сдавали в течение всей жизни -- вплоть до глубокой старости.
Конфуцианство сочетает в себе этику, право и культ, составляя основу традиционного общества. Основы этой системы не разрушило ни распространение буддизма, ни мистическое учение о «дао» Лао-цзы (VI в. до н.э.) (конкурировавшее одно время с конфуцианством по степени влияния, но занявшее место в качестве созерцательных практик, не отрицающих, но дополняющих конфуцианскую этико-правовую систему), ни коммунизм Мао Цзэдуна (1893-1976).
Конфуцианская правовая система не делает различий между правом и этикой, и сводит и то и другое к системе ритуальных действий, что составляет уникальную особенность именно китайской цивилизации.

Субъект права, правовая система, отношение к собственности, в конфуцианском контексте радикально разнятся с римским и европейским правом, так как основываются на совершенно иных исторических и культурных предпосылках. Для Конфуция государство есть большая семья, члены которой соединены органическими и этическими связями, воплощенными в ритуальных отношениях. Здесь, в отличие от западных систем, нет ни гражданина как такового, ни абсолютной частной собственности. Нет также и религиозного кодекса, запечатленного в общественных связях, как в исламской цивилизации. Китайская правовая модель, включая ее светское секулярное издание в форме «маоизма», может быть адекватно понята только в контексте китайской истории и китайской культуры. Модели европейского или исламского права здесь совершенно неприменимы.
Правовые модели и типы общества. Легко проследить связь правовых систем и трех типов обществ – традиционное общество/модерн/постмодерн.
Для традиционного общества характерна прямая связь религии (традиции) и права. Правовая сфера не выделяется в отдельную систему, но составляет неотъемлемую часть сакрального уклада.
Римское право (особенно в его имперской версии) занимает промежуточное положение между правовой системой традиционного общества и правом эпохи модерна. Именно поэтому правовые системы Европы имеют римские корни.
На базе римского права формируется система современного европейского права, как в его романо-германской (континентальной), так и в англо-саксонской («островной») версии. Хотя считается, что на англо-саксонскую правовую модель римское право оказало не столь большое влияние как на континентальные системы, эволюция этой правовой системы шло в аналогичном направлении – выделяя индивидуума в качестве основного субъекта права и подчеркивая священное значение частной собственности.
Развитие юридической составляющей в эпоху модерна породило явление «номократии», которая особенно широко распространилась в англо-саксонских странах – Англии и США. Современная американская система права, основанная на доведенных до своего логического предела принципах прецедентного права, являет собой образец законченной «номократии», где юридическая сторона почти полностью подчиняет себе политическую.
В эпоху глобализации в конце XX – начале XXI веков начинает складываться система «космополитического права», где категория гражданина (связанная с конкретной принадлежностью к национальному государству) заменяется категорией «человека». Эта концепция «прав человека», претендующих на плане тарную значимость и универсальность соответствует развитию правовой системы эпохи постмодерна.
Такая эволюция правовых теорий полностью отражает исторический опыт западноевропейского и североамериканского общества, тогда как остальные народы, цивилизации и государства подчас развивают свои правовые системы совершенно иначе. Однако феномен глобализации и распространение «космополитического права» («права человека») ставит всех перед необходимостью дать на этот вызов со стороны Запада свой собственный правовой ответ: либо приняв «Права человека» как наднациональный правовой императив, либо отвергнув его в пользу локальных правовых традиций (со всеми вытекающими из этого последствиями).
Невозможность создать единую теорию права. Каждый народ в ходе своей истории создает собственную правовую модель, основанную на особой культуре, философии, религии. Эти модели отражают логику развития данного народа и имеют между собой мало общего, несмотря на то, что призваны решить одну ту же проблему: упорядочить

жизнь общества, придать ей рациональность и гармонию. Но каждый народ понимает этот порядок по-своему, воплощает в нем свой уникальный опыт. Поэтому рационализация и гармонизация общественных отношений в праве в каждом конкретном случае приобретает свою уникальную форму.
Многообразие культур и различия в историческом опыте разных народов, религий и государств исключает саму возможность создания единой теории права, так как самого права как общего для всех цивилизаций объекта нет в природе: у каждого народа свое понимание «права». Где-то это -- часть религии, где-то -- этики, где-то -- политики, где-то выделено в самостоятельную категорию. Но и там, где право осмыслено как нечто самостоятельное (как в случае западно-европейской и американской цивилизации), это еще далеко не означает, что мы имеем дело с осознанием сути права как явления. Это означает лишь, что западная цивилизация развивается по своей логике и доходит по этому пути до конечных результатов, предельно ясно осознавая свои собственные предпосылки и основания.

Контрольные вопросы

1.Чем право отличается от морали и религии?
2.Что такое преступление? Универсально ли преступление? Как оно соотносится с грехом в религиозном обществе?
3.Чем отличается легальность от легитимности? Дайте определения.
4.Как сложилось римское право и какую роль сыграло в этом существование Империи?
5.Что такое «номократия»? Хотели бы лично вы жить в обществе, где все определялось бы правилами и законами, без малейшего участия субъективного решения?

Примечания

(1) В христианской традиции существовало предание, что Христос был гражданином Римской Империи. Это утверждал, в частности, ученик и сподвижник бл. Августина (354-430) Павел Орозий (380 - 420) (сочинение «История»). Он сообщал, что «Христос Сам пожелал быть включенным в списки переписи, проводившейся при императоре Августе. Тем самым Он стал римским гражданином и подтвердил Свое человеческое естество». «Римское гражданство» Христа, по Орозию, доказывает божественность самого установления Римской империи.

4.3 Политика как явление. Основные понятия политологии.

«Концепция государства предполагает концепцию Политического»
К.Шмитт

Что такое политика? Различные определения. «Политика» (от греческого « πολιτεια, πολιτικα, πολιζ», дословно «управление городом-государством») – это форма организации власти и структуры управления обществом.
Существуют различные определения «политики». Школа немецкого философа, обществоведа и правоведа Карла Шмитта (1888-1985) видит начало политики в

«определении общественным коллективом пары друг-враг». Нет политики без выделения «своих и чужих», «друзей и врагов», но в отличие от морали, философии или религии, понятия «друг-враг» как политические категории не предполагают закрепления за «другим» («врагом») абсолютных и вечных негативных качеств. В политике «друг» может в какой-то момент стать «врагом», а «враг» - «другом». «Друг» и «враг» таким образом можно рассматривать как чисто политические понятия, фундаментально значимые для политики как явления.

В марксизме политика представляет собой сферу проявления общественных (классовых) отношений и является полем борьбы эксплуататорских классов (буржуазии и аристократии) против эксплуатируемых (в первую очередь, пролетариата). Французские левые философы 60-х годов, пытавшиеся объединить Маркса с психоанализом З. Фрейда (1856 - 1939) и структурным анализом, утверждали, что политика присуща биологическим основам человеческой личности, начиная от «микрополитики желаний». С их точки зрения, первичные телесные импульсы в человеческом организме уже несут в себе заряд «политического». Отсюда формула Ж.Делеза (1925-1995) «все есть политика».

Либеральное определение политики сводится к ее отождествлению *со структурой государства*, с одной стороны, и к установлению правил экономической деятельности, с другой. При таком определении политика представляет собой поле взаимоотношений между государством и сферой хозяйственной деятельности.

Политика составляет важнейший элемент существования любого общества, любого народа. Это является аксиомой. Согласно Карлу Шмитту: «*от того, что у народа больше нет силы и воли, утверждать себя в области политики, сама политика отнюдь не исчезает из мира; из мира исчезает ослабевший народ.*»

Сакральная политика в традиционном обществе. Специфика традиционного общества состоит в том, что все виды деятельности в нем тесно переплетены с религиозными представлениями – культами, обрядами, символизмом, религиозной догматикой. И государство, и общество, и политика, и даже вопросы быта неразрывно связаны с религиозными представлениями, вытекают из них и к ним возвращаются.

Политика в традиционном обществе является продолжением богословия или мифа. В основе принятия всех решений – относительно иерархии, формы правления, войны и мира, союзов и военных походов, хозяйственных нормативов и налогообложения – лежат религиозные соображения. Все общества древности и религиозные режимы современного мира основывали и основывают свою политику на этом принципе.

В монотеистических религиях – иудаизме, христианстве и исламе – существуют различные представления о соотношении религии и политики.

Священная политика иудаизма. Для иудаизма идея сакральной политики связана с эпохой мессианских времен, когда еврейский народ должен возвратиться из изгнания на «землю обетованную» и основать там независимую государственность, которой он был лишен более 2000 лет. Это государство должно воссоздать традиции древне-израильских царств, пока не

придет мессия (машиах), не восстановит «Третий храм» и не провозгласит всемирную иудейскую империю. Пока иудеи живут в рассеянии, они подчиняются политическим законам других народов, ожидая наступления обещанной им мессианской эпохи. В современном государстве Израиль многие религиозные иудеи видят исполнение этих древних чаяний.
Христианские формы Политического. В христианстве существует несколько ортодоксальных моделей сакральной политики - православная, католическая и протестантская. Эти модели свойственны этим направлениям христианства в их чистом виде, а в современном мире сплошь и рядом сочетаются с другими политико-правовыми и государсвтенными теориями, принадлежащими к арсеналу Нового времени.
Византизм: симфония властей. Византийская модель государственности основана на принципе «симфонии властей». Согласно этой идее, политический уклад империи, «Империи ромеев», т.е. Римской Империи, прямыми продолжателями которой считали себя византийцы, является необходимым элементом христианства, по сути «христианским миром», христианской Вселенной, «эйкуменой». «Христианский мир» есть территория, на которой распространена православная вера, принятая в качестве государственной религии. Эта территория считается «изъятой из-под влияния дьявола», тем местом, где земное подчинено небесному. Отсюда представление о православной государственности как священной реальности, коль скоро она ставится на один уровень с чисто религиозным разделением на то, что принадлежит Богу, а что -- дьяволу.
Высшая власть здесь принадлежит царю-императору (василевсу), который правит с опорой на главу церкви – патриарха и руководствуется в своем правлении в первую очередь, христианским идеалом всеобщего спасения. Это и есть «симфония», то есть по-гречески «созвучие», -- имеется в виду гармония между духовным владычеством Церкви и земным могуществом православного императора. При этом сам император мыслится здесь не просто как светский властитель, а как церковный деятель, «внешний епископ Церкви»(2).
Сакрализация империи в православном ключе является основной чертой византийской политической системы, и эта модель существенно повлияла на структуру русской политики начиная с первых эпох христианизации Руси.
«Два града» и Папская власть. В католичестве за образцовое политическое устройство является верховенство Папы Римского, который – в теории – должен надзирать за деятельностью светских князей (королей). Католики в своих ортодоксальных политических взглядах руководствуются концепцией «двух градов» (бл. Августин (354-430)), согласно которой католическая церковь есть «град святых» или «град Божий» со своей автономной политикой и иерархией. Во главе «града святых» стоит Папа. Светские государства суть «град земной» или «град грешный», где преобладают земные пороки, слабости и недостатки. Между этими «двумя градами» идет постоянная война. Задача католичества установить контроль католической церкви над светскими владыками.
Согласно теории «двух градов» в ее католическом толковании государственность сама по себе не является священной, но может быть освящена только высшим началом, воплощенным в Римской церкви.
В 800 году король франков Карл Великий (766 – 814), пользуясь сложным положением в политике Византийской империи (борьба с иконоборческой ересью династии Исавров), самовольно перенес на самого себя функции

императора – на сей раз «Западной Римской Империи Германских Наций», отчасти скопировав византийскую модель. В последствии германские императоры Гогенштауфены, поддерживаемые партией гибеллинов, продолжая ту уже линию, пытались поставить себя выше Римских Пап. Но Рим активно сопротивлялся, опираясь на партию гвельфов, сторонников верховенства Папы. В конце концов, верх взяли именно гвельфы, и чисто католическая теория «двух градов», со значительным теократическим содержанием, возобладала.
Наследницей «Западной Римской Империи Германских Наций» считалась Австро-Венгерская Империя, окончательно рухнувшая в 1918 году.
Современные католики, признающие легитимность политических форм Нового времени, редко настаивают на своих ортодоксальных религиозно-политических моделях и склоняются к форме «христианской демократии».
Протестантская политика. Кальвинизм, лютеранство, анабаптизм.
Протестантизм с эпохи Лютера и Кальвина отрицает политическое значение церковной иерархии, и образцовое политическое устройство видит, скорее, в демократическом правлении мирян-христиан, которые определяют политические решения на основании обсуждения, голосования и консенсуса. Каждый должен руководствоваться своей личной или групповой трактовкой «Евангелия» и делать на этом основании те или иные выводы, которые затем доказывать с помощью рациональных аргументов.
Последователи Кальвина основали на этом принципе Швейцарское государство, в основе правовой системы которого лежит конфедерация протестантских приходов. Такой же модели «приходской демократии» придерживался в Англии Оливер Кромвель (1599-1658). Но после поражения Кромвеля, Англия вернулась к католической системе, с одним важным отличием: отрицанием верховенства Папы и провозглашением английского монарха главой церкви. Эта смешанная модель получила название англиканства. При этом радикальные протестантские секты (пуритане), настаивавшие на буквальном следовании заветам Кальвина, получили в Англии широкое распространение и составили основу английских колонистов в Новом Свете.
Политическая система США несет на себе яркий след протестантской политической модели, так как она создавалась представителями именно кальвинистских пуританских кругов. Отсюда и американский федерализм, повторяющий в общих чертах структуру Швейцарии Кальвина.
Другие вожди Реформации Лютер и Меланхтон в Германии пошли по иному пути, допустив сочетание протестантских общин с политической властью германских князей и сословным обществом. Такая модель получала название «лютеранства» и утвердилась в Пруссии.
Крайние представители Реформации – Томас Мюнцер -- утверждали идеал полного имущественного равенства и общинности, существенно повлияв на позднейшие коммунистические теории. Мюнцер и его последователи, анабаптисты, ожидали снисхождения на землю Нового Иерусалима и накануне этого эсхатологического события упразднили иерархию, законы и политические нормативы. Крестьянское восстание анабаптистов было жестоко подавлено, а последователи Мюнцера сохранились в виде крайних протестантских сект, смешавшихся в последствии с остальными – более умеренными.
Исламская политика. В исламе политика неотделима от религии. На ранних этапах распространения ислама сложилась концепция двух «домов» -- «дома

ислама» («дар-уль-ислам») и «дома неверных» («дар-уль куфр»). «Дом ислама» -- это те политические системы, в которых ислам утверждается как правящая религия. «Дом неверных» -- все остальные политические формы. Самые радикальные исламские теологи настаивают на том, что те мусульмане, которые пребывают в границах неисламской политики, должны осознавать себя как «партизаны на временно оккупированной территории» (т.е. «дом войны», «дар-уль-харб»). Но в истории ислама эта концепция не раз подвергалась коррекции, и многие мусульманские народы становились лояльными гражданами немусульманских обществ.
Религиозная политика в случае меньшинств или светской государственности. Там, где представители той или иной конфессии сдерживаются политическими условиями (например, когда они представляют религиозное меньшинство или пребывают в контексте светской государственности), они откладывают полноценные религиозно-политические модели и адаптируются к существующим условиям. Но сакрально-политические концепции никогда не исчезают окончательно, так как являются неотъемлемой частью целостного религиозного мировоззрения.
Политика немонотеистических религий. В немонотеистических религиях – буддизме, индуизме, даосизме, конфуцианстве и т.д. – существуют иные модели религиозно-политического устройства. В буддизме в идеале предполагается верховенство буддистских монахов (что было историческим фактом в теократической империи Тибета во главе с далай-ламой). В индуизме основа сакральной политики воплощена в кастовой системе. Даосизм видит идеальное политическое устройство как союз императора с мудрецами, следующими путям «дао» («высшего принципа»), а конфуцианство выстраивает модель административно-ученой иерархии, с детально прописанной системой экзаменов, для перехода на следующий уровень, включающих военное дело, изобразительное искусство, грамотность, этику, совершение обрядов и т.д.
Политика в современном мире. Вместе со всеми остальными сторонами общественной жизни политика в Новое время была подвержена десакрализации. Так стали возникать современные политические системы, где религия выносилась на периферию и переставала играть основополагающую роль. Современные политические системы и теории основаны на принципе светскости, и предполагают, что основные решения основываются на рациональной деятельности правителей, граждан и различных политических структур (партий, классов, сословий и т.д.). Среди многочисленных политических теорий можно рассмотреть лишь наиболее значительные и распространенные – консерватизм, либерализм, демократия, социализм, анархизм и национализм.
Консерватизм не политическая идеология, но мировоззренческая позиция. Консерватизм – это политическая теория, исходящая из предпосылки, что прошлое является более совершенным, чем будущее, и главной политической задачей является сохранение традиций, уклада и структур, существовавших на предыдущих этапах истории общества и государства.
Различные общества имеют различную историю, и в каждом из них на каждом этапе их развития политический консерватизм может означать нечто совершенно особое. Вот почему общей теории политического консерватизма нет и не может быть. В любом государстве мы легко можем найти политических деятелей, которые критикуют современное положение вещей, нравы, устои, правила, законы и тенденции развития, и призывают вернуться к «старым

добрым временам» или, по меньшей мере, сохранить в неизменности все, что еще можно сохранить от традиций старины. Это направление подпадает под общее определение «политического консерватизма», но в каждом конкретном случае, что из прошлого берется в качестве образца и высшей политической ценности, зависит от конкретного исторического и национального контекста.
Сторонников языческой религии в Римской империи эпохи распространения христианства (к примеру, Юлиан Отступник (331-363)) можно назвать «консерваторами», а в Новое время, наоборот, консерваторами выступают политики, настаивающие на главенстве христианской церкви перед лицом секуляризации. Даже коммунисты, бывшие в начале XX века ниспровергателями всех традиций, в 90-е годы перед лицом либеральных реформ превратились в России в убежденных «консерваторов», воспроизводящих классический консервативный рефрен: «раньше -в советское время - было намного лучше».
О конкретном содержании консервативной политической идеологии нельзя сказать ничего обобщенного. Но консерваторы могут быть разделены на несколько категорий, в зависимости от градуса накала в их отношении к прошлому.
Фундаментальный консерватизм. Среди консерваторов можно выделить «фундаментальных консерваторов» или «традиционалистов». Это те, кто строго придерживается дуальной теории: прошлое – это благо, будущее – зло. История общества, государства, политической системы развертывается для них от «плюса к минусу» по линии деградации. В такой ситуации главной политической задачей становится
• утверждать верность старине (благу) перед лицом современности (зла) и
• настаивать на детальном соблюдении всех политических норм и правил традиционного общества.
Фундаментальный консерватизм практически всегда имеет религиозный характер, так как обращается не просто ко «вчерашнему дню», а к наиболее древним периодам политической истории (вплоть до «золотого века» -- классического мифа всех фундаментальных консерваторов). Так как большинство религий считает, что земная история развертывается от рая к аду, от полноты к пустоте, то фундаментальные консерваторы находят в религиозном мировоззрении надежную идейную платформу для своей позиции.
Фундаментальные консерваторы выступают за сохранение сакрального измерения в политике и за традиционное общество. На этом строится их политическая программа.
Либерал-консерватизм. Либеральный консерватизм – это намного более узкое явление, возникшее в Западной Европе (в первую очередь, в Англии) в XVIII веке. В основе такого консерватизма лежит идея, что общество должно развиваться не революционно, скачками, но эволюционно, т.е. постепенно. В отличие от фундаментальных консерваторов (традиционалистов) либерал-консерваторы верят в прогресс и развитие, считают, что история движется от минуса к плюсу, но при этом они полагают, что этот процесс естественный и его ни в коем случае нельзя искусственно торопить.
Либерал-консерваторы верны не столько прошлому, сколько настоящему, каким бы оно ни было, полагая, что лучшей политикой является политика равновесия, когда все антагонистические силы в обществе пребывают в относительном спокойствии, уравновешивая друг друга.
Для либерал-консерваторов главными противниками являются

революционеры, стремящиеся искусственно ускорить «естественный ход вещей», а также традиционалисты, которые, напротив, стремятся столь же искусственно его замедлить. Представление о существовании «естественного хода вещей» является излюбленным политическим мифом «либерал-консерваторов».
Консервативная революция. Еще одной разновидностью консерваторов являются консервативные революционеры. Этот тип консерваторов представляет собой фундаменталистов и традиционалистов, которые отчаялись в возможности сохранить наиболее ценные аспекты Традиции и встали в радикальную -- «революционную» -- оппозицию современности. Консервативные революционеры часто исходят из циклического видения политического процесса, где за точкой предельного упадка должен наступить – после серии катастроф – новый взлет. Для консервативных революционеров «золотой век» находится не только позади, но и впереди, после серии потрясений и катаклизмов. И расстояние до «золотого века» в будущем представляется им иногда меньшим, чем расстояние от «золотого века» в прошлом. Здесь консервативные революционеры делают парадоксальное для консерваторов заключение: лучше поторопить конец деградировавшего порядка и приблизить начало нового цикла, чем цепляться за жалкие остатки прошлого, которого не вернешь, за ту пародию, в которую превращается Традиция в последней фазе своего существования.
Политические идеологии, построенные на принципе Консервативной Революции, относят к теориям «третьего пути».
Либерализм. Идеология либерализма исходит из принципа, что в центре общества, государства, политики стоит отдельная личность, человек. Главной ценностью является свобода этого человека – в экономике, общественной жизни, политике. Основную задачу либералы видят в том, чтобы освободить человека от обязанностей перед лицом государства, общества, церкви, административных и социальных институтов, других людей. Индивидуум в либерализме есть мера вещей, и может верить во что угодно (или не верить ни во что), думать, что угодно, говорить, что угодно, продавать и покупать, что угодно и т.д.
Но в политической сфере «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого», и поэтому для либералов основной сферой интересов является экономическая деятельность. Либералы утверждают, что именно в стихии свободного рынка индивидуум может обрести максимум свободы, не рискуя ограничить свободу других.
Государство обязательно несет в себе элемент насилия, и поэтому либералы ставят перед собой политическую цель рано или поздно ликвидировать государство в пользу гражданского общества, состоящего из отдельных индивидуумов. В реальной политике цель либералов – освободить рынок от контроля со стороны государства, поставив законы рынка выше всех остальных законов.
Это означает, что все участники рыночной игры должны теоретически находиться в равных стартовых условиях, но потом действовать максимально свободно. Тот, кто выиграет в конкурентной борьбе, тот и будет пользоваться всеми благами. Тот, кто проиграет, не может ни на кого пенять и никому жаловаться, так как все претензии ему надо предъявлять только самому себе. Отсюда важнейший пункт либеральной политики – плоский подоходный налог. Если человек сумел заработать много денег, он может распоряжаться ими как

ему вздумается, а налоги он будет платить такие же, как и человек, заработавший мало денег. Никакого перераспределения доходов, абсолютная частная собственность священна -- такова основная формула либеральной политики.
Либеральная демократия. Понятие «либерализм» часто связывается с понятием «демократия». Их сочетание образует термин «либеральная демократия». Либеральная демократия представляет собой наиболее распространенную в современном мире модель политического устройства общества.
Либеральная демократия сочетает чисто либеральный принцип максимальной индивидуальной свободы, особенно в стихии рынка, с организацией политического устройства, отражающей политическую идеологию либерализма. Либеральная демократия чаще всего настаивает на прямом избрании всех органов власти – парламента, президента, руководителей областей и провинций (губернаторов).
В основе парламентской модели либеральной демократии лежит принцип многопартийности. Партия – это политическое изобретение Нового времени, переносящее на политическую реальность специфику самоорганизации торговых компаний и кооперативов, создаваемых искусственно на основании обоюдного соглашения группой людей для осуществления своих конкретных интересов. Каждый компаньон может в любое время покинуть компанию, и сама она может быть распущена, как только перестанет соответствовать интересам ее учредителей или эти интересы будут реализованы. Само понятие «политической партии» отражает представление об эгоистической природе и мотивации индивидуума, которое лежит в основе либеральной политической философии.
Государственная власть в либерально-демократической системе представляет собой временный менеджмент, нанимаемый акционерами для эффективного администрирования корпорации. В качестве акционеров выступают избиратели, выражающие свои предпочтения и пожелания как через голосование по партийным спискам, так и при прямом выборе главы государства.
В такой политической системе «народ», о котором идет речь в самом термине «демократия», подменяется совокупностью отдельных атомарных индивидуумов, объединенных между собой формальными критериями – наличием гражданства и избирательного права. Никакой исторической цельности здесь не подразумевается.
По сути либеральная демократия отрицает понятие народа как единого политического и исторического субъекта; «народа» как такового в этой политической модели нет. Вместо него действует совокупность индивидуальных граждан, объединяющихся в свободно изменяемые группы (партии) для реализации своих узких и вполне конкретных интересов.
При этом либеральная демократия отрицает социальное измерение традиции, религии, народной культуры, языка как политических явлений. Следовать им или нет есть частное дело каждого конкретного индивидуума. Либеральная демократия ставит во главу угла формальную процедуру избирательного процесса и относится к категории «представительской демократии».
Органическая демократия. Теории Руссо. Противоположной моделью демократии является такая политическая система, которая, напротив, признает народ в качестве субъекта политики и наделяет его высшим статусом и значением. Эта модель получила название «органической демократии».

«Органическая демократия» рассматривает народ как целостную и неразделимую историческую общность, которая должна максимально свободно соучаствовать в определении своей собственной судьбы. Такая органическая демократия в отличие от либеральной отнюдь не противоположна традиционализму или консерватизму, и вполне может с ними сочетаться. При этом в отличие от кастовых, сословных или теократических моделей теория органической демократии считает именно народ высшей суверенной инстанцией, первичной по отношению к той или иной форме государственности, общественному устройству, идеологии.

Теория «органической демократии» была сформулирована Жан-Жаком Руссо. С точки зрения Руссо, гражданин своим соучастием в общественном процессе создает политическое целое, которое является прямым воплощением его воли. Для Руссо только прямая (а не представительская) демократия может быть названа «демократией» в полном смысле слова. Это означает, что законодательная власть должна быть не у представителей (депутатов), и даже не у большинства, а у всех, у народа как целого, иначе условия свободы гражданина будут нарушены. Сам Руссо признавал, что такие условия могут быть только в пределах небольших органических образований – племен или греческих городов-государств, а более сложные образования потребуют большей централизации.

Демократия, по Руссо, это такое состояние, когда гражданин полностью отождествляется с социальным телом, к которому он принадлежит, независимо от его происхождения или социального положения. Именно как создание нового политического целого понимает Руссо «социальный договор». Он пишет: «Социальный договор есть действие, которое учреждает коллективное моральное тело, состоящее из членов собрания, обладающих правом голоса, и это тело приобретает тем самым свое единство, своей общее «я», свою жизнь и свою волю». Представительская демократия – особенно в больших и сложных обществах, и теория «разделения властей», свойственная либеральной демократии, дробит это единое тело.

Развивая эту идею Руссо, Карл Шмитт писал: «главная задача демократии воплотить единство тех, кто правит, и тех, кто подчиняется, а партийный парламентаризм, основанный на частных групповых интересах, дробит эту целостность, разрушая тем самым легитимность подлинной демократии».

Органическая форма демократии относится к разряду «демократии соучастия» или «прямой демократии». Органическая демократия может быть свойственна традиционному обществу, но может существовать и в условиях модерна (теории Руссо относятся к обществу модерна и были активно заимствованы теоретиками социализма).

Социализм. Другой политической идеологией, получившей широкое распространение в Новое время, является социализм. Социалисты считают, что высшим политическим субъектом является общество (в отличие от либералов, где им является индивидуум; от консерваторов – где во главе угла стоит традиция, и от органических демократов, которые утверждают верховенство народа). Общество социалисты понимают как совокупность индивидуумов, это сближает их с либералами, но отдаляет от органических демократов (полагающих, что общество есть историческая цельность народа). Но в отличие от либералов социалисты убеждены, что в обществе индивидуум выходит за свои пределы и приобретает новое – социальное – качество. И в этом социальном качестве человека уже невозможно отделить от социальной

массы – он представляет собой частичку общественной машины со своими законами, интересами и перспективами.

В политической сфере социализм воплощается в придании большого веса различным общественным инстанциям, которым вручаются полномочия по регулированию жизни общества, включая обязательства, накладываемые на каждого отдельного человека. В разных политических теориях эти общественные инстанции могут быть разными. Но чаще всего в этой роли выступает государство, понятое как «социальное государство».

Такое социальное государство считается социалистами и социал-демократами активным политическим звеном, которое призвано контролировать равномерность общественного развития, включая перераспределение доходов от экономической деятельности в сторону уравнивания положения между богатыми и бедными, сильными и слабыми. Социалисты считают, что стихия рынка должна быть ограничена и подчинена принципу социальной справедливости. Откуда классическая для социалистов теория «прогрессивного налога», согласно которой чем больше получает индивидуум прибыли, тем больший процент с нее он обязан передавать в пользу государства. Государство же, в свою очередь, обязано направлять эти средства на бесплатное медицинское обслуживание, образование, пособия, развитие социальной сферы – парков, музеев, клубов, мест отдыха, организацию праздников и т.д.

Коммунизм. Предельной формой социализма является коммунистическая идеология. Коммунисты, основываясь на идеях Маркса-Энгельса, разработали теорию о необходимости построения общества полного имущественного равенства и обобществления всех материальных благ. В коммунизме социалистическая идея справедливости и перераспределения достигает апогея, и приводит к отмене частной собственности как таковой (которая сохраняется в концепциях социалистов и социал-демократов), а также к уничтожению эксплуататорского класса (капиталистов). Политическим субъектом в коммунистических теориях являются классы – реакционный класс буржуазии и революционный класс пролетариата, между которыми идет историческая борьба. Буржуазные политические системы защищают интересы буржуазии. Им коммунисты противопоставляют революционные партии рабочих, которые должны опрокинуть власть капиталистов и утвердить диктатуру пролетариата.

Коммунистическое общество считается тем идеальным общественным устройством, к которому движется история всего человечества, и политический проект коммунизма обращен к политической системе будущего, где отомрут все существующие сегодня политические элементы – государства, классы, рынок, правительства и деньги.

Анархизм. Антиглобализм. Еще более радикальной программой руководствуются представители политического учения анархизма. Анархисты принимают общую установку социалистов и коммунистов на необходимость социального равенства, но отказываются от государства и власти, в какой бы то ни было форме. Анархисты убеждены, что перераспределением полученных в результате материального труда средств должны ведать сами трудовые общины (коммуны), а не какие-то иерархические инстанции – государство, социалистические учреждения или министерства. Анархисты поддерживают идеи революции и рабочее движение за освобождение труда, но настаивают на децентрализации революционных организаций, которые должны представлять

собой сетевые разрозненные автономные ячейки как прообраз будущих анархических общин -- свободной федерации трудовых коллективов.
Анархистские идеи стали снова актуальными в эпоху глобализации, когда сетевые модели общественного устройства начали внедряться в жизнь благодаря новым информационным технологиям. Антиглобалистское движение является новым изданием анархистской идеологии. Основные принципы этого направления описаны в программной для анархистского и антиглобалистского движения книге А.Негри и М.Хардта «Империя».
Национализм. Национализм возник в Новое время в эпоху формирования государств-наций.
Национализм имеет два направления: внешнее и внутреннее. С точки зрения внешней политики, националисты настаивают на активной реализации интересов своего государства часто в ущерб интересам соседних государств. При этом националисты превозносят достоинства своей нации и критикуют или осмеивают недостатки других.
Во внутренней политике националисты настаивают на ускоренной ассимиляции различных этнических меньшинств, оказавшихся в пределах данного государства, либо на частичном поражении их в гражданских правах.
Национализм часто переходит в «ксенофобию» (дословно «ненависть к чужакам»), проявляемую в отношении некоренных жителей данного государства или мигрантов.
Крайней формой национализма является расизм, когда представители других государств, наций, народов и рас провозглашаются «низшими существами» и в отношении их на этом основании предпринимаются агрессивные действия.
Национализм может иметь как мягкие, так и агрессивные формы. Буржуазно-демократические разновидности национализма сводятся к проведению внешней политики в духе национального эгоизма. Радикальные проявления национализма – такие как расизм – вырождаются в человеконенавистнические теории и, в пределе, – ведут к геноциду этносов, причисленных к неполноценным (что и произошло в истории Третьего Рейха).
Правые и левые (схема 4 части). Начало деления политиков и партий на «правых» и «левых» восходит к системе рассадки депутатов различных политических сил в Учредительном собрании Франции 1789 года. В правой части зала в нем группировались «роялисты», сторонники монархии, католики-консерваторы. Это обстоятельство положило начало отождествлению консервативных политических позиций с термином «правые».
Революционеры и радикальные демократы, якобинцы, расположились слева. С тех пор наиболее революционные силы, требующие немедленного перехода к новым политическим формам власти, к новому общественному устройству стали называться «левыми».
В центре, соответственно, помещались «умеренные», придерживающиеся «промежуточных» позиций. В Конвенте ими были либералы, сторонники постепенного развития. Он были «левее» «правых», но «правее» «левых».
В экономической сфере понятие правые и левые распределяются несколько иначе. «Правыми» в экономике считаются либералы, настаивающие на абсолютной частной собственности, плоском подоходном налоге и свободном рынке. «Левыми» -- социалисты, сторонники социального государства, перераспределения и прогрессивного налога. Между правыми (либералами) и левыми (социалистами) находятся умеренные социал-демократы (правые социалисты) или социал-либералы (умеренные либералы, допускающие

небольшие ограничения рыночной свободы).
Совмещение правых и левых в экономике и политике легко проследить на следующей схеме.

Нонконформизм и революция. Экстремизм. Терроризм. Помимо основных политических идеологий существуют различные крайние политические учения, которые настаивают на немедленном воплощении своих политических идей в жизнь. И если большинство общества не готово всерьез рассматривать эти идеи, или политический режим лишает радикалов возможности распространять свои воззрения легальными путями, они прибегают к экстремистской практике, чаще всего к терроризму.
Содержание экстремистских политических учений может быть самым разнообразным – и традиционалистским, и коммунистическим, и либеральным, и консервативным, и религиозным, и анархистским. Понятие политического экстремизма ничего не говорит о сущности тех или иных взглядов. То, что сегодня является экстремизмом, завтра может стать вполне приемлемой для общества политической идеологией (как было с большевиками в Советской Россией, радикальными протестантскими сектами, основавшими США, или с еврейскими террористическими организациями, подготовившими создание государства Израиль в Палестине). Политический экстремизм возникает тогда, когда общество и политическая система отказываются рассматривать данный проект как нечто серьезное и основательное, и либо вообще лишают его права на существование, либо уделяют ему столь малое значение, что для самих носителей этих идей это неприемлемо. Здесь лежат корни политического террора, который возникает тогда, когда группы, исповедующие экстремистские политические идеи, прибегают к осуществлению терактов – захвату заложников, взрывам в общественных местах, политическим убийствам и т.д. – для того, чтобы заявить о своих идеях и требованиях во всеуслышание. Несмотря на радикальность и аморальность используемых средств политические экстремисты, практикующие террор, требуют лишь внимания к своим идеям и своим требованиям. И лучше всего с этим вызовом справляется общество, которое дает высказаться носителям самых разных политических позиций, даже самых экстравагантных, и без таких радикальных действий. Однако универсального средства для борьбы с политическим экстремизмом не существует, и каждое общество ищет свои методы и свои формы противодействия этому явлению.
Отношение идеологии к политике. Область политики разделяется на две части: политическую идеологию и реальную политику (Realpolitik). Политическая идеология представляет собой совокупность принципов и идей, на которых основывается политическая платформа.
Политическая идеология:
- выделяет и называет ту реальность, которая является или (должна стать) политическим субъектом в данной политической системе,
- устанавливает цели и задачи, ценности и перспективы политической деятельности,
- дает связную картину прошлого, настоящего и вероятного (желательного) будущего данного народа, государства или общества,
- устанавливает критерии осмысления политического бытия и систему действий в нем.

Политики не бывает без политической идеологии, которая составляет ее

основу. Даже если отдельные люди участвуют в политическом процессе, не задумываясь о том, какую политическую идеологию они исповедуют, это означает, не то, что этой политической идеологии нет, а то, что они просто о ней не знают, действуя интуитивно по правилам и законам, которые не изучили как следует и не удосужились осознать.
Реальная политика. «Реальной политикой» в отличие от политической идеологии называется область применения политических принципов к конкретной ситуации. Идеологические предпочтения и цели не всегда можно реализовать в практической жизни, где существует множество привходящих факторов, а также действуют политические силы, исповедующие иные, подчас прямо противоположные политические идеи и стремящиеся со своей стороны их воплотить в жизнь. Система конкретных шагов, действий и мер, предпринимаемых в конкретных условиях, составляет содержание «реальной политики», что предполагает компромиссы, договор, частичное отступление от фундаментальных позиций с тем, чтобы реализовать их успешно в новых условиях и обстоятельствах.
Те, кто занимаются «реальной политикой», как правило, руководствуются политической идеологией, применяя ее постоянные начала к конкретике политического процесса. И здесь главным критерием является эффективность и конечный результат. Если с помощью системы конкретных шагов в сфере реальной политики тем или иным силам – политическим деятелям, партиям, блокам и т.д. – удалось приблизиться к воплощению своей политической идеологии, это считается эффективным. Если эти шаги не дали результата, или дали отрицательный результат, то реальная политика признается неудовлетворительной. Однако и то, и другое, никак не влияет на политическую идеологию, если успешный или не успешный политик сохраняет ей верность и последовательно действует для проведения своих политических идей в жизнь. Только в том случае, когда «реальная политика» вообще отрывается от политической идеологии, возникают такие явления как популизм, оппортунизм или политический цинизм.
Популизм и оппортунизм. Популизм – такое поведение политического деятеля, когда он подстраивает свою политику не под политическую идеологию, а под сиюминутные настроения масс, чтобы достичь единственной цели – личной популярности, славы и влияния.
Оппортунизм – характеризует действия политика, который пользуется любой открывающейся возможностью («opportunity» - англ. «представившаяся возможность») для укрепления своих личных позиций, соглашаясь на посты, высокие должности и выгодные предложения, даже когда они идут вразрез с его политической идеологией.
Политический цинизм – эта крайняя форма оппортунизма, где политик вообще забывает о самом существовании политической идеологии, которая признается «излишней». Такой цинизм дисквалифицирует политика как такового и ставит его вне политики, превращая в шоу-мена или чистого карьериста.
Популизм, оппортунизм и цинизм суть явления, связанные с индивидуальностью политика, как личности, причем в этом случае индивидуальные интересы ставятся выше сферы политических идей. В нормальных политических системах такие «пограничные» персонажи встречаются довольно редко и не имеют большого влияния.

Элиты и массы. Одна из самых популярных моделей политологического

анализа сводится к выделению в политической системе двух групп – «элит» и «масс».

«Теорию элит» сформулировали впервые итальянские философы-обществоведы Р.Михельс, В.Парето, Г.Моска. Согласно этой теории главным содержанием политического процесса является «диалектика отношений внутри элиты» и в, частности, «ротация элит». «Элитой» в данной концепции называется не просто правящий класс, а определенный психологический и социальный тип, отличающийся повышенной энергией, волей к власти и способный осознать, как устроены мировоззренческие и политико-идеологические модели.
Представители этого типа могут оказаться в разных ролях, в зависимости от своего отношения к занятию высших должностей. Если элитарный тип имеет доступ к рычагами власти, то он представляет собой собственно элиту. Если же он по каким-то причинам отстранен от реальной власти, но готов к ней внутренне и всячески к ней стремится, то он представляет собой «контр-элиту». «Контр-элита» -- это элита, которую не допускают к верховной власти. Отношения между элитой и контр-элитой, по теории В.Парето, составляют основной смысл политических процессов. При этом массы в этом процессе никогда активно не участвуют, и даже когда создается впечатление, что они вступают в игру, при более тщательном анализе оказывается, что ими прикрываются представители все той же элиты (либо контр-элиты). А политические программы и идеологии служат инструментами для элит в междуусобной борьбе за власть; поэтому сплошь и рядом представители элит их довольно легко меняют.
Взаимоотношения между элитой и контр-элитой могут складываться по-разному. Если правящая элита открыта, то она просто вбирает в себя тех представителей контр-элиты, которые на этом активно настаивают. В таком случае процесс «ротации элит» проходит органично и мирно, в обществе складывается относительная политическая гармония, а свежие силы укрепляют позицию власти, снабжая ее новой энергией.
Но так бывает далеко не всегда. Чаще всего представители властной элиты замыкаются в самих себе, охраняют доступ к власти для «чужих» и не допускают к рычагам политического управления представителей «контр-элиты». Такое состояние рано или поздно приводит политическую систему к кризису. С одной стороны, качество правления ухудшается, так как старые элиты при отсутствии конкуренции со стороны новых членов стремятся использовать власть для получения привилегий, не особенно заботясь о политической устойчивости системы как таковой. С другой стороны, отделенные от власти непроходимым барьером представители контр-элиты группируются в самостоятельные структуры, нацеленные на революцию, династический переворот или военный путч (в зависимости от конкретной исторической ситуации). Когда критическая масс контр-элиты накапливается, старые элиты сносит, а к власти приходят контр-элиты, которые становятся настоящими элитами, и весь процесс повторяется заново.
«Ротация элит», по мнению разработчиков этой теории, является неизбежным и обязательным процессом любой политической системы, но принимать он может самые разнообразные формы. В одних случаях контр-элиты несут с собой новую идеологию и оформляют свою революцию в политических и мировоззренческих лозунгах. В других случаях они лишь опрокидывают личный состав старой элиты, сохраняя политическую идеологию и систему в

неприкосновенности. А если их впускают в элиту мирно, то они либо укрепляют существующую систему, либо ее плавно изнутри реформируют.
«Теория элит» очень удобна для анализа процессов, протекающих в разных обществах, хотя в ней занижается значение собственно политического и особенно идеологического фактора, которые рассматриваются как нечто второстепенное.
Элиты и этносы. Разновидностью «теории элиты» является теория «расовой борьбы», сформулированная польским философом Людвигом Гумпловичем (1838-1909). Под «расой» Гумплович понимал этническую принадлежность элит или масс.
Согласно теории Гумпловича, все исторические общества представляют собой сочетание инородческой элиты с автохтонными массами. Элита состоит из завоевателей и их потомков, которые приходят на территорию, населенную каким-то этносом и подчиняют ее себе. По Гумпловичу, в этом лежит исток всех политических систем и государств.
Элита имеет свой язык, свою политическую и религиозную культуру, свою иерархию. Покоренное население представляет собой массу, которой эта элита правит. Между элитой и массой постоянно идет обмен, и в разных случаях названия народов и государств, религии, языки и культура берут свое начало либо от элиты (завоевателей), либо масс (местного населения).
История почти всех народов может служить иллюстрацией теории Гумпловича. Современные французы представляют собой прямых потомков галлов (массы, большинство). При этом самоназвание идет от германского племени «франков», составивших костяк французской аристократии и заложивших основу французской государственности, а язык представляет собой разновидность латыни – след Римских завоевателей, которые до германцев в Галлии также были меньшинством. Нечто похожее мы видим в Испании, Португалии, Италии и т.д., а также в Индии (элита -- из белых «ариев», массы – из темных дравидов и других племен индийских автохтонов) или Северной Африке (элита арабская, массы исконных северо-африканских народов в арабской культуре полностью растворены).
Теория Гумпловича в полной мере подтверждается и в древней русской истории, где изначально восточно-славянские автохтоны оказываются под контролем варяжских княжеских элит. Хотя в данном случае речь шла не о завоевании, а о добровольном призвании Рюрика славянскими племенами. Но сути концепции это не меняет.
Многообразие политических систем и их зависимость от национального, культурного, исторического и географического контекстов. Никакой единой теории политики, политических систем, институтов и процессов не существует. В каждом обществе вызревают свои представления о политике, основанные на историческом опыте, традициях, уровне коллективного самосознания, культуре, этнических и религиозных особенностях, географическом ландшафте, хозяйственном укладе и множестве иных факторов. Политика есть везде и у самых архаических обществ, и у самых изощренных и рационализированных общественных систем. Но везде она представляет особое явление, понятное и осмысленное только исходя из исторического и географического контекста. Сравнивать между собой политические устройства следует с чрезвычайной осторожностью, так как даже у одного и того же народа на разных этапах политическая идеология меняется подчас самым радикальным образом, видоизменяя систему вплоть до неузнаваемости. И здесь мы не должны

полностью доверять тому, что данный политический режим сообщает нам о предыдущих – по определению он является пристрастным, так как основывает свои оценки на своей идеологической системе. Такие искажения напластываются друг на друга в том случае, когда политические системы в одном и том же обществе меняются неоднократно. Так что один и тот же народ в ходе своей истории меняет политические системы, всякий раз давая новые оценки предыдущим этапам, исключая тем самым любую возможность объективного сравнения. Максимум, что мы можем сказать: такая-то политическая система была такой-то, а другая другой, и постараться описать, какой конкретно была каждая из них. Но как только мы выносим суждение: этот политический период был лучше (или хуже) другого, мы сразу становимся на политические позиции, действуя от имени определенной политической идеологии, именно так оценивающий данный период – осознаем ли мы это или нет. А значит, наше сравнение есть не объективная научная констатация, а разновидность пристрастной и заведомо субъективной политической пропаганды.

Политика является неотъемлемой стороной жизни общества, и не может быть понята в отрыве от этого общества, его ценностей, его культурных и философских оснований. Многообразие обществ в истории и географии обуславливает многообразие несопоставимых между собой политических систем и идеологий.

Контрольные вопросы

1.Дайте определения «политики».
2.Чем отличалась полтика в традиционном обществе от современного ее понимания?
3.Опишите позиции «правых» и «левых» в политике и экономике.
4.Как политические системы зависят от исторического и культурного контекста?
5.Как соотносятся между собой элиты и массы? Что под этим понимается?

4.4 Российское государство и его политико-правовые формы

«Неограниченная власть -- царю, полная свобода жизни и духа – народу;

свобода действия и закона – царю, свобода мнения и слова – народу».
К.Аксаков

Политико-правовые формы родо-племенного строя славян. На первом историческом этапе существования восточно-славянских племен (полян, древлян, склавенов, антов, словен, северян, вятичей, кривичей и др.) преобладали формы родо-племенной организации. Они, по-видимому, не очень ясно осознавали принадлежность к этнической общности, рассматривая соседние славянские племена наравне с неславянскими. Несмотря на родство языков и обрядовых комплексов представления о политическом единстве у восточных славян скорее всего не было. Племенем правили князья – как, например, древлянский князь Мал, известный по летописям. Князь и

старейшины выполняли функции административного управления, суда, а также организовывали оборону от набегов соседей. Подчас, сами они водили свое племя в военные походы. Простолюдины занимались сельским хозяйством, животноводством, а также эпизодически -- охотой и собирательством. В целом система древне-славянской политики воспроизводила привычную для индо-европейских (арийских) народов трехчастную модель: жрецы-воины-землепашцы.

Каждое племя осознавало себя само как законченную и самостоятельную политическую единицу, сплоченную общностью традиции, истории, мифов, кровного родства, хозяйственного уклада. Правовые нормы не имели четких формулировок, являясь неотъемлемой частью этнической традиции древних славян, где религиозные, обрядовые, нравственные и хозяйственные основы не отделялись от правовых, образуя единый строй традиционного общества. Правовые нормы считались столь же сакральными уложениями, как и ритуалы, и свято чтились.

Из тех небольших фрагментов, которые удается воссоздать из жизни древних славян, явствует, что судебные функции выполнял сход (в городах вече). Некоторые вопросы решали племенные и родовые старейшины. Древний обряд ордалий – т.е. испытание истцов и ответчиков с помощью прижигания огнем, утопления в воде, удушения и т.д. – исполнялся под надзором волхвов. Основным элементом и одновременно скрепой правоотношений являлась «рота» (клятва).

Суд считался выражением сверхъестественной силы, которая могла проявлять себя как через избранных авторитетных представителей племени, так и непосредственно – через стихии. Можно предположить, что появляющаяся иногда в русских сказках персонифицированная «Правда» была на ранних этапах самостоятельным мифологическим персонажем, славянской «богиней» (впрочем, это гипотеза). Корень «прав-», «правый» в древне-славянском означал «упорядоченный мир». Понятию «правь» (норма, порядок, день, разумное устройство) противопоставлялось понятие «навь» (ночь, сон, хаос, посмертный мир и т.д.). «Навь» противопоставлялась «яви» - дневному, упорядоченному «правью» миру.

«Право», таким образом, понималось как соответствие человеческих поступков и общественного уклада мировому порядку, данному в традиции и во внешнем мире.

Институт дани и обратимость господства. Древние славяне высоко чтили принцип воли (свободы) и считали его естественной привилегией славянского племени. Отношения с другими племенами и государствами (в частности, с хазарским каганатом, кочевыми империями степей и т.д.) выстраивались вокруг дани. Более сильные собирали дань с более слабых. Эти пропорции все время менялись, и даннические отношения не образовывали собственно правовой реальности, но подчеркивали исторический факт силового превосходства одного племени над другим, которое действовало только в том промежутке времени, когда подтверждалось на практике. Когда племя или соседнее государство ослабевало, дань выплачивать переставали. А в некоторых случаях осуществлялся реванш, и вчерашние собиратели дани сами становились данниками. С правовой точки зрения, для родо-племенного этапа древне-русской истории характерно живое и органичное сочетание принципа

господства и принципа свободы. Всякий раз была открыта возможность пересмотреть эти результаты, и испросить «высшего суда» снова.

Политический централизм державы Рюрика (IX-Xвв.). Призванный на царство в Новгород князь Рюрик (1) со своей дружиной и семьей стал символом одновременно трех историко-политических событий:

- осознания древне-славянских (и некоторых финно-угорских) племен себя единым этносом,
- политического оформления этноса в народ и
- началом русского государства.

С точки зрения этнической, это был важнейший этап этногенеза, сплавления в единый этнос нескольких родо-племенных групп. С точки зрения исторической, здесь мы являемся свидетелями рождения русского народа, как историко-политической общности, берущей на себя ответственность за активное бытие в истории в качестве ее коллективного субъекта. С точки зрения политической, народ заявляет о намерении создать себе государство.
У разных народов, этносов и государств эти события вполне могут не совпадать. Есть этносы, не осознающие себя народом. Есть народы, не имеющие государства. А есть те, у кого эти события растянуты во времени – подчас с промежутками в столетия. В русской истории призвание Рюрика на царство есть та точка, где все эти три явления совпадают.
Государство несет с собой фиксацию правовых норм, которые в определенных аспектах необратимы. Князья и их дружины (княжеское боярство) приобретают правовой статус господ, чье превосходство основано отныне не на силе и не на историческом эпизоде периодически повторяющегося «суда». Князья и дружинники осознают себя как аристократия крови. Они получают дань от населения безотносительно их силы или слабости. Дань становится обязанностью сама по себе, господство приобретает закрепленный и необратимый юридический статус. Призвав Рюрика на княжение, славянские племена заложили основу правовой модели государственности, сформулировали учредительный акт, не имеющий обратной силы. Народ уступил свою свободу великому князю, делегировав ему суверенитет. И это действие стало стержнем правовой системы на более, чем тысячелетний период.
Фактически призванием Рюрика русский народ создал русское право как самостоятельное явление.
В лице Рюрика и его рода восточные славяне получили центр политического единства -- монархическую идею, которая воплощает в себе не просто преходящее обстоятельство наличия более успешного князя или племени, победившего в усобицах (что всегда можно оспорить), но «знак судьбы», ставший общеобязательным элементом для всех частей русского мира.
Конечно, династия Рюрика утверждается не сразу и не везде. Кроме того внутридинастические распри расшатывают еще слабое политическое единство, но вся история Древней Руси показывает, что несмотря на колебания и динамику драматической борьбы потомков Рюрика между собой и с отдельными племенами, постоянно восстававшими против нарождающейся монархии, общий вектор направлен именно в сторону политической централизации.
Политическая история Руси до Рюрика и после Рюрика представляет собой две различные реальности. До Рюрика политическим субъектом является племя и

его иерархия. После Рюрика этим субъектом становится великий князь, его потомки и организующаяся вокруг них политико-административная система. Племена, со своей стороны, еще долго не утрачивают автономии полностью, но признают над собой в качестве легитимной высшую инстанцию – великого князя.
Отныне «суд» становится прерогативой верховной власти («княжеское право», затем царское право»). Это не значит, что все дела решал лично монарх, но лица, имеющие судебные полномочия (тиуны, наместники, воеводы) им лично назначались, а в случае избрания населением (губные старосты при Иване IV) -- утверждались.

«Русь» и «Славяне» как политические формы. До определенного времени политическая система была основана на разделении на «Русь», под чем понимали варягов из дружины Рюрика и его потомков, и на «Славян», т.е. на те племена, которые Рюрика призвали на царство. Юридические нормы раннего периода Киевской Руси почти точно совпадают со скандинавскими и германскими, и, скорее всего, принесены варяжской дружиной. С тем лишь отличием, по справедливому замечанию Н.М.Карамзина (1766-1826), что в отличие от Салических законов германцев в Европе, здесь не делается никакой разницы между положением «Руси» (варягов-дружинников) и «Славян» (коренных жителей), что подчеркивает факт сознательного и добровольного признания новой политической системы со стороны восточно-славянских племен, позвавших Рюрика. Позже эти две политические (и отчасти этнические) группы – элита и массы, «Русь» и «Славяне» - сливаются, и оба слова начинают обозначать единый народ – русских в общеупотребительном значении этого слова.
Между княжескими боярами, «Русью» и земскими боярами, т.е. аристократией «Славян», в старых русских городах (в том числе в Киеве) существовали диалектические отношения. «Славянская» знать рассматривала князей и их дружины как пришельцев, которых «Славяне» добровольно призвали на княжение. Земские бояре опирались на народное вече, т.е. политическую модель прямой демократии. Поэтому автохтонные массы, особенно городские, по сути представляли собой особый политический субъект, воплощенный в вечевой системе и в собственно «славянской» аристократии. Отсюда типичный случай договорных отношений князей с горожанами, и частые конфликты с ними княжеских дружин.
Этнический состав княжеских родов и высших бояр (изначально дружинников-варягов) по обычаям того времени постоянно менялся. Браки заключались с византийскими аристократами, с княжескими семействами степных народов (печенегов, половцев и т.д.), с западно-европейской и скандинавской знатью. Брак (и особенно династический брак) считался тогда важнейшим инструментом политики и подразумевал политический и военный союз.
На уровне «масс» («Славян») этнический состав также менялся, но по иной логике. Расселяясь по обширным территориям Средне-русской возвышенности, продвигаясь на север, восток и на юг, русские постепенно смешивались с другими племенами – тюркскими и финно-угорскими, обмениваясь с ними культурными, социальными и политическими элементами.
Поэтому и «Русь» (князья и дружина) и «Славяне» (простолюдины и земская аристократия) постоянно менялись с этнической точки зрения, но эти процессы в элитах и массах проходили по-разному.

Политический дуализм «Руси» и «Славян» до Крещения Руси святым Владимиром воплощался в двух типах языческих культов. Одни были исконно «славянскими», другие принесли с собой княжеские дружинники, и в этих последних можно различить влияние как скандинавской, так и прусско-литовской мифологии. Пантеон княжеских бояр был одним, боги, которым поклонялись сами славяне, -- другим.
Русский историк С.Соловьев (1820-1879) справедливо замечает, что особенно устойчивым дуализм двух политических субъектов («Руси» и «Славян») был в старых русских городах – Новгороде, Киеве, Пскове, Чернигове и т.д. На северо-востоке в Суздальско-Владимирской Руси города образовывались в ходе переселений славян с южных земель и под предводительством князей, условно «Руси». Благодаря тому, что земство здесь возникало сверху, его политическое значение было намного слабее. Структура новых городов Восточной Руси представляла собой более строгую монархическую систему, а вечевая культура прямой демократии или вообще отсутствовала или была слабой и невлиятельной.
Резкое возвышение Владимиро-Суздальского княжества при сыне Юрия Долгорукого Андрее Боголюбском, и особенно после того, как он перенес великокняжеский престол во Владимир, ознаменовало собой такой тип политической системы, в которой дуализм «Руси» и «Славян» был преодолен в пользу усиления княжеской власти. Позже это сказалось на всей политической истории России, так как Московское царство, отмеченное сильной княжеской властью и слабостью земства, берет свое начало именно от Владимиро-Суздальской Руси.
Приилятие православия как государственной религии. После крещения Руси святым равноапостольным князем Владимиром характер киевской государственности несколько меняется. У государства появляется единая духовная традиция, намного более централизованная, нежели разнообразные языческие культы волхвов. Православие становится в скором времени государственной религией, и у Киевской государственности отныне появляется ясно сформулированная религиозная цель – укреплять и отстаивать христианскую веру. Русь становится теперь частью православного мира, зависит в вопросах религии от Константинополя и вынуждена согласовывать свою политику с политикой Царьграда, который в православном понимании есть центр христианской империи.
Очень важно подчеркнуть то обстоятельство, что крещение Руси происходит в то время, когда обостряются отношения между Восточным православием и Западным католичеством. Поэтому укрепление на Руси христианства проходит под знаком подчеркнутой православной идентичности. Киевская Русь не просто обращена в христианство, она обращена в православие и начинает осмыслять себя в византийском религиозно-политическом контексте. После Крещения государственность Киевской Руси становится православной.
Православной характер *раннего киевского государства* выражен в следующем:
•	*наделение государства и народа религиозной миссией,*
•	*церковное подчинение Константинопольскому патриарху, присылающему греческих митрополитов в Киев,*
•	*учет политических интересов Византии как православной империи,*
•	*почитание великого князя в духе православного учения о «симфонии властей», настаивающем на тесном сотрудничестве духовной и светской*

власти,

- *социальный характер византийской правовой системы, ориентированной на поддержку крестьянских общин и ограничение власти крупных земельных феодалов.*

Церковь начинает выполнять функции объединения русских земель и русского народа, становится важнейшим элементом его идентичности. Постепенно быть «русским» и быть «православным» становится одним и тем же.

В истории с крещением Руси можно сказать, что народ в православную веру обратило государство в лице великого князя Владимира. Народ же воспринял святое крещение и сделал христианство своей исторической судьбой.

«Русская Правда» и изменения в положении крестьян. Нормативы древне-русского права как общеобязательной юридической системы постепенно были закреплены в различных документах, получивших распространение в Киевской Руси, и дошли до нас в списках «Русской Правды».

Большинство исследователей считают, что древнейшей редакцией (подготовленной около 1054 года) является «Краткая Правда», состоящая из «Правды Ярослава», «Правды Ярославичей», «Покона Вирного», «Урока Мостников». Пространная редакция, появилась не ранее 1113 года. Ее возникновение связано с именем Владимира Мономаха.

В статьях «Русской Правды» основной акцент ставится на детальном описании модели отношений, обязанностей и прав, членов княжеской дружины друг к другу и к князю. Регулируются права собственности как среди свободных общинников (коллективная собственность на средства производства соседской, ранее родовой общины), так и среди холопов и закупов. При этом, если холопы – полнстиью зависимое население (их число составляло примерно 3% в Киевско-Новогородской Руси), то закупы в принципе свободны и отрабатывают денежные или натуральные долги.

Права общин еще несут на себе отпечаток древних свобод, но уже ограничены обязательной данью, выплачиваемой государству и его представителям (князю и его дружине), а также уплатой церковной десятины. Появление в «Русской Правде» упоминаний холопов и закупов, а также вотчинных смердов фиксирует новое явление в древне-русском обществе – появление полностью (холопы) или частично зависимого населения. Так нормативное закрепление статуса господина в лице князей и княжеского боярства вызывает к жизни появление нормативного статуса раба. Если народ в целом как совокупность свободных общинников еще сохраняет в себе достоинство носителя суверенитета, который был делегирован государству в момент его образования, то статус холопа появляется в правовой системе Киевского государства как новое явление, связанное именно с началом некоторого отчуждения народа, его живых динамичных свобод в неизменноми фиксированном государственном праве.

Правовой статус холопа отличается от статуса *раба* в славянских племенах тем, что речь идет не только о захваченных иноплеменниках, поставленных на низшую ступень в ходе военных сражений, но и о собственных гражданах, пораженных в правах перед лицом нормативной инстанции. Как правило, это поражение в правах было следствием попадания крестьян в вотчинные наделы или совершения преступления, а также выпадения из сословного единства и порядка (женитьба на холопке, «аще сын попов грамоте не знает» и т.д.). При этом Церковь, не отрицая в принципе возможности рабского состояния, стремилась к его преодолению через выкуп холопов, многие из которых затем

обретали статус «Божиих людей», не подпадающих под государственную юрисдикцию (наряду с церковным причтом, вдовами, сиротами, больными и т.д.).
Самое важное, что до создания государства у славян не было той инстанции, которая могла бы служить для легализации рабства членов своего же племени – и никакие имущественные или силовые факторы не могли дать основания для закабаления славянина славянином. Отношения «господства» в виде дани обыгрывались между племенами. А авторитет племенных старейшин и вождей, который позднее (уже в Киевский период) породил явление земского боярства, не основывался на правовом отчуждении свобод одних в пользу других. «Государевыми людьми» считались все (кроме «Божиих людей»).
Княжеские усобицы и политическая раздробленность Киевской Руси (XI-XIII вв.). Политическое единство Киевской Руси никогда не было прочным, но к концу XII и особенно в начале XIII века оно совсем ослабло. Количество Рюриковичей сильно возросло, на всех княжеских угодий явно не хватало, а великокняжеская идея, объединявшая Русь в эпоху князя Владимира или Ярослава Мудрого, не получила окончательного закрепления, что усугублялось еще и сохранением определенной политической автономии у вечевой демократии. Киевскую Русь ослабляло и т.н. «лествичное право» -- передача Великого Стола не от отца к сыну, а к старшему в роду (чего не было при первых Рюриковичах, у которых принцип престолонаследия был от отца к старшему сыну).
В определенный момент на Руси сложилась ситуация «борьбы всех против всех». Постепенно выделились три главных политических центра -- на востоке Владимиро-Суздальское княжество, на юго-западе Галицко-Волынское, на севере Новгородская феодальная республика (управляемая городским вече). Значение Киева как центра государства резко снизилось. Постоянные набеги половцев ослабили Киевские земли.
В эпоху раздробленности происходит распад киевской политической системы, что сопровождается возникновением многочисленных политических центров и усложнением всей структуры административного управления. Хотя действие «Русской Правды», бывшей в период расцвета Киевской Руси общегосударсвтенным сводом законов, еще сохраняется, удельные князья создают свои собственные правые и судейские кодексы. В составе княжеской и вотчинной администрации фигурируют различные военные, административные, финансовые, судебные, хозяйственные и другие чины (воеводы, наместники, посадники, волостели, тысяцкие, дворские, казначеи, печатники, конюшие, вирники, тиуны и др.).
Претерпевает изменения и система вечевого самоуправления городов. Так в Новгороде возникает система «посадников», которые представляют политически пять «концов» города. Кроме того, новгородцы настаивают на избрании новгородского епископа, которого ранее назначали киевские митрополиты, что еще более ослабляет вертикаль церковной иерархии.
Политический цикл Киевской Руси. К началу XIII века заканчивается политический цикл Киевской Руси. Он прошел стадии от провозглашения монархической династической власти (идея Рюриковичей), через ее укрепление и правовое оформление, через наделение государства религиозной миссией православного христианского царства (под влиянием византийской политико-религиозной идеологии), до распада на отдельные разрозненные политические полюса, утратившие осознание исторического единства. Период раздробленности знаменует собой окончание первой фазы политического

бытия русского народа.
Русский народ осознал себя, создал свою государственность, укрепил и оформил ее политически, принял религиозную миссию, а потом закончил этот цикл темной эпохой распада и дробления. Но даже в этот период народ продолжает осознавать себя народом, хотя это самосознание приобретает скорее характер ностальгии по утраченной политической форме, «золотому веку» Киевской Руси от Владимира Красно Солнышко до Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Особенно это отчетливо проявлено в «Слове о погибели Русской земли», написанном вскоре после разорения Киева ханом Батыем. Народ остро переживает утрату независимости именно как «погибель Русской земли», т.е. окончание целого цикла – не просто катастрофу, произошедшую с отдельным княжеством и его населением, а именно «всей Русской земли».
Империя Чингисхана. После тяжелых поражений (в битве на Калке и нашествия Батыя) на 2 столетия Русь как самостоятельное явление прекращает свое существование. Государство исчезает, но народ остается.
Большая часть русского народа оказывается в составе иной государственности – степной империи Чингисхана. Этот период повлиял на дальнейшие этапы русской политической истории.
Империя Чингисхана как большинство империй включала в свой состав множество этносов, религий, племен и даже государств. Монголы устанавливали для побежденных народов налоги, вводили их в свою административную систему и относились к ним как к обычным имперским гражданам. Князья и дружины покоренных народов принимали участие в монгольских походах, считались членами имперской элиты. В ставке ордынского хана русские князья получали ярлык на княжение.
Жизнь русских удельных княжеств под монголами существенно не отличалась от прежних периодов – монгольские завоеватели не навязывали ни своих религиозных взглядов, ни своих культурных традиций, так как имперская ордынская знать сама быстро стала интернациональной. При монголах русские сохранили православие, культурные обычаи и особенности, народную идентичность.
200 лет существования в рамках монгольской империи дали русскому народу опыт имперского бытия, дополнявший опыт религиозно-идеологической близости к Византийской империи.
Ордынское право. «Яса». В период монгольских завоеваний Русь становится частью империи Чингисхана, где действует закон «Ясы», свода правил, продиктованных своим приближенным самим Чингисханом. Существование в правовом поле «Ясы» в течение 2 веков наложило на русское правосознание серьезный отпечаток и стало одним из важнейших источников государственного права Московской Руси.
«Яса» была попыткой создать имперское право, далеко выходящее за рамки этнических прав монгольских и других степных племен. Отличительными чертами «Ясы» было:
- убежденность в божественном предназначении империи Чингисхана и небесном характере имперской миссии объединения земель всего мира, идея «вселенского мира»,
- жесткая постановка верховной власти императора (хахана) над властью обычных ханов с подчеркиванием несопоставимости самой природы их власти,
- обязательная веротерпимость и избавление всех религиозных институтов от дани и оброков (тарханные привилегии),

- изначальная легитимация империи и императора со стороны народа (подразумевается, монгольский народ) через всенародное собрание (курултай),
- всеобщее закрепление народов, входящих в состав империи, за государственной службой – чаще всего в форме военных формирований,
- строгая систематизация сбора дани по количеству голов населения,
- система жестких уголовных наказаний вплоть до смертной казни за надругательство над религией, предательство хана и государства, причинение вреда жизни и собственности людей, некоторые нравственные провинности (воровство, прелюбодеяние – при признании многоженства, содомия, пьянство и другие излишества во время пиров).

Отличие «Ясы» от русского «старожильного права» в том, что карательная ответственность в ней решително преобладает над компенсаторной. Это касается также и имущественных отношений. В частности, троекратное банкротство купца влекло за собой смертную казнь.

Частное, наследственное и обычное право в «Ясе» прописано фрагментарно, так как сохранялось разнообразие племен, этносов и народов империи со своими местными обычаями и традициями. Как любое имперское право, «Яса» не касалась тех вопросов, которые входили в компетенцию этнических правовых уложений.

Русские княжества при монгольском владычестве не утратили своего правового статуса и как государственные образования, и как местопребывание народа, сохранявшего свои древние правовые устои. Как в любой империи в «Золотой Орде» сосуществовали 4 правовых уровня:

- имперское право «Ясы»;
- княжеское право местной государственности;
- церковное (религиозное) право;
- обычное право на уровне народных общин.

Различие в политической судьбе русских на Востоке и Западе в эпоху монгольских завоеваний (XIII-XV вв.). Судьба русского народа в эпоху монгольских завоеваний разделяется на две составляющие. То единство, которое было утверждено в период Киевской Руси и подорвано в эпоху княжеских усобиц и раздробленности, рушится окончательно. Две части русского народа пойдут отныне двумя путями, в том числе и политическими. Русские, жившие на востоке и северо-востоке, политически оказались в составе мировой империи -- Монгольской, за исключением только церковных отношений; в церковном отношении Русь продолжала подчиняться вселенскому патриарху, который большую часть XIII века пребывал уже не в Константинополе, а в Никее (в Малой Азии). Историк Г.Вернадский (1887 – 1973) пишет: «Подчинившись государям из дома Чингисхана, русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир, простиравшийся от Тихого Океана до Средиземного Моря. Политический размах этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и моссульские атабеки и прочие.»

Распад империи Чингисхана и подъем Москвы. Империя Чингисхана быстро распалась на несколько частей, сохраняя единство лишь на уровне монгольской династии Чингисидов. Русь в большинстве своем вошла в состав «Золотой Орды» или улуса Джучиева со столицей в Сарае. Владимир, а потом

Москва стал вторым столичным центром этого русско-татаро-монгольского государства. Несмотря на то, что ордынские ханы в определенный момент приняли ислам, они, следуя заветам «Ясы», не препятствовали распространению других конфессий и не только давали русским спокойно исповедовать свою веру, но и не возражали против перехода в православие монголо-татарской знати.
После окончательного превращения Киева в провинциальный центр, русские митрополиты стали подолгу жить в северо-восточной Руси, во Владимире на Клязьме, а в конце XIII века окончательно переселились во Владимир, а затем в Москву. Епископ Сарайский был представителем главы русской церкви в ханской ставке.
Русские князья платили дань монголам, но одновременно перенимали у них опыт управления империей, жесткий административный централизм и этику военной кочевой иерархии, с ее основными ценностями – беспрекословное подчинение вождю, аскетизм личного быта, подвижность, верность и преданность, готовность к стремительной мобилизации, оперативность коммуникаций. Так в «Золотой Орде» постепенно формировался новый народ, продолжающий историческую эстафету того народа, который построил Киевскую Русь, но развивший множество новых черт. Несколько позже он приобретет имя «великороссы», в узком смысле означающее восточно-русский этнос с большим числом тюркских и финно-угорских элементов, ставший ядром новой Московской Руси.
«Основное русло исторического процесса развития русской государственности пролегло не в западной, охваченной латинством, Руси, а в восточной, захваченной монгольством.», пишет тот же Г.В.Вернадский.

Русские на Западе. Другая половина Руси и соответственно другая часть русского народа уже в середине XIV века оказалась под властью Запада. Хотя русские, оказавшиеся в составе Литовского, Польского и позжде Австро-Венгерского государств, во многом сохранили свои культурные начала, историческую идентичность и самосознание себя как народа, а также государственную идею они утратили.
В Литовском великом княжестве русские на первых порах преобладали, и само это государство было отчасти языческим, отчасти православным, но постепенно литовцы стали сближаться с Западной Европой, а потом окончательно приняли католичество, и уже Польско-Литовское государство было ориентировано жестко против православной идентичности. Постепенно западная половина некогда единого русского народа эпохи Киевской Руси стала этносом, обладающим признаками культурной самобытности, но утратившим историко-политическое измерение.
Русские между Востоком и Западом. В разделении политических и исторических судеб двух полюсов ранее единого русского народа решающую роль сыграло религиозное и геополитическое различие между монгольской империей и католической Европой.
Империя Чингисхана геополитически была силой Востока, направленной в определенной мере против Запада. При этом в религиозном смысле ее власти никогда не отличались миссионерством и позволяли покоренным народам сохранять религиозную идентичность.
Католические государства Европы и Балтии, в составе которых оказались жители западной Руси, осознавали себя цивилизацией католического Запада,

активно насаждавшего свое понимание христианства, и относились к православным как к «еретикам», пытаясь перевербовать их в свою веру – либо напрямую, через католическое миссионерство, либо через униатство, где сохранялись православные обряды, но признавалось верховенство Папы Римского.
Позже, освободившись от Орды, русские Востока (великроссы) оказались в позиции наследников великой азиатской империи с полностью сохранившейся и укрепившейся православной идентичностью. Русские Запада (малороссы и белорусы) не смогли самостоятельно отстоять свою политическую свободу, и вынуждены были адаптироваться к католическим режимам, сохраняясь не как народ, а как этнос. Возврат к свободе и полноценному историческому бытию был открыт для них только через Москву, активно вступившую с XV века на путь государственного возрождения.
Московское царство. Распад орды и укрепление власти московских князей привели к возникновению нового государства – Московской Руси. В отличие от Киевской Руси Московская Русь имела намного больше имперских черт, отчасти позаимствованных от монголов. Русская знать активно участвовала в жизни ордынской элиты, часто смешивалась с ней, и вынесла оттуда опыт управления гигантскими территориями.
В новом государстве великокняжеским престолом становится Москва, хотя в какой-то период это оспаривалось другими центрами Восточной Руси, в частности, Звенигородом при сыне Дмитрия Донского (1350-1390) Юрии Дмитриевиче (1374-1434), воевавшем с великим князем Московским Василием Темным (1415-1462), и особенно Тверью.
Период, кода Московская Русь становится самостоятельным государством, совпадает с падением Византии. И русский народ начинает осознавать сам факт обладания независимой государственностью как ясный знак своей избранности. Формальными признаками этой избранности были
• сохранение православной веры (тогда когда сами греки уклонились в Флорентийскую унию),
• и наличие независимого государства.
Третий Рим. Московская Русь уже при Иване Третьем, которого называли «Великим» или «Грозным» еще прежде его внука Ивана IV, начинает осознаваться не просто как великое княжество, но как царство. Основу этой теории «переноса империи» (translatio imperii) сформулировал псковский инок Филофей (живший в XVI веке). Смысл данной политической концепции состоит в том, что качество «священного царства», где «град небесный» и «град земной» находятся в гармонии, а не в противостоянии, после падения Константинополя переносится на Московское царство, и оно остается отныне единственным в мире оплотом спасения. Остальные же земли, в том числе и потерявшая политическую независимость Византия, находятся либо в руках еретиков, либо в руках иноверных. Только Русь в такой ситуации является местом исторического избранничества, и такая ситуация сохранится до конца времен. «Четвертому Риму не быть», пишет Филофей(3). Из периферии Византийской империи в Киевский период и из окраины империи Чингисхана в монгольский период Московская Русь в XV-XVI веках становится центром, причем как духовным центром византизма, так и ядром воссоздаваемой (на сей раз с Запада на Восток) евразийской империи.
Так рождается новая политическая система, в основе которой лежит сочетание православного византизма и татаро-монгольской административной

централистской модели.
Великий князь уже при Иване III перестает быть «первым среди равным», как в Киевскую эпоху, и становится единственным государем, прямым аналогом византийского императора, а не королем или вождем. Теперь Русский Царь есть «внешний епископ Церкви», и выполняет ту же богословскую миссию, что и византийские василевсы. «Степенная Книга Царского Родословия», составленная при Иване IV святым митрополитом Московским Макарием (1482-1563), ретроспективно именует «царями» Рюрика, Владимира I, Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого и всех остальных Рюриковичей.
После того, как греки перед падением Царьграда пошли на компромисс с католиками (что их не спасло), присланный проповедать Флорентийскую Унию греческий митрополит Исидор (?-1462) с позором изгоняется из Москвы, и митрополитов Московских русские начинают ставить сами – по представлению великих князей и с одобрения собора епископов. В XVI веке по той же самой логике полной – в том числе, и церковной -- независимости Руси от кого бы то ни было, устанавливается Патриаршество.
Позиции родового боярства остаются очень сильны, как и вечевые традиции северных и западных городов – Новгорода и Пскова. Но с ними московские великие князья начинают вести непримиримую войну. Причем политика централизации основана на идее превращения Руси из обычного государства, где «допустима» определенная политическая автономия второстепенных иерархических субъектов – князей, воевод, бояр, -- в особое государство-ковчег, единоначалие которого оправдано величием возложенной на него исторической задачи.
Самодержавная монархия. В Московский период устанавливается самодержавная монархия, где власть Царя не ограничена ничем, кроме необходимости исполнять возложенную на него миссию возглавлять государство-ковчег. Народная воля целиком воплощается в государстве, которое отныне мыслится как «священная империя», как государство-церковь, где духовное, административное и хозяйственное начала теоретически неотделимы друг от друга. Подобно византийским императором русские цари собирают Соборы, в частности «Стоглавый Собор» (1551), перед которыми ставят вероучительные, моральные и административные вопросы. Понять политическую систему того времени без учета теории Москвы -Третьего Рима невозможно.
Конкретный административный уклад Московского царства существенно меняется даже в эпоху правления одного и того же царя – так при Грозном были этапы и боярского правления, и реформы Адашева-Сильвестра, и опричнина, и проявления прямой тирании. При этом характерно, что постоянно расширяющееся московское царство практикует правовой плюрализм, и даже вопрос сбора налогов и податей, а также поставление воинов на государеву службу в разных областях является то компетенцией посадских бояр, то волостелей, то общинных старост и земских изб. Такое правовое разнообразие отражает различие хозяйственного и культурного уклада разных частей бурно созидающегося государства.
Московская Русь созидается как империя. Это существенно и качественно выделяет ее в политических процессах, которые в то же самое время приводят европейские страны к формированию национальных государств. Имперский принцип предполагает стратегическое единство с большой долей внутренних свобод и многообразием правовых норм для отдельных частей. Все -- даже

самые жестокие -- нападки московских государей на мнимых или подлинных врагов (например, на новгородцев и псковичей) обосновываются не отличием их хозяйственного уклада, но подозрением в их политической измене, т.е. замыслом перейти на сторону врага (чаще всего Литвы).
Право в Московской Руси. Московская Русь соединила правовые традиции империи Чингисхана с правовыми принципами византийской империи, которые в отдельных частях были знакомы и Киевской Руси, а также славяно-русское «старожильное право». По мнению некоторых исследователей, сам Чингисхан в свое время заимствовал многие принципы «Ясы» именно из византийского имперского опыта.
Московская Русь, осознавая себя империей, воспринимает четырехступенчатую правовую модель:
- имперское право (наследие Византии и империи Чингисхана);
- княжеское право (наследие «Русской Правды»);
- церковное право;
- общинное право (наследие догосударственного племенного устройства жизни древних славян).

Вселенская православная империя в замыслах патриарха Никона. После периода Смутного времени, когда над государством снова нависает опасность утраты независимости и потери идентичности, Россия вступает в очень сложный политический процесс политической модернизации.
Собственно Московский период заканчивается временем церковного раскола и реформами Петра Первого.
Церковный раскол вызван совокупностью факторов. Не последнюю роль в нем сыграла политика. Как и все русские люди Московской Руси царь Алексей Романов (1629-1675) и его духовный наставник патриарх Никон живут идеей Руси как Новой Византии, последнего богоизбранного царства. В небольшом боголюбческом кружке, созданным вокруг молодого и набожного царя, прозванного «Тишайшим», созревает идея о придании Русскому царству вселенского измерения, что кажется правдоподобным из-за военных успехов русских, постепенно присоединяющих к России все новые и новые земли Малороссии и Белоруссии, где живет православное население, попавшее несколько веков назад под власть католиков. Возникает даже замысел отвоевания Константинополя у турок, и эта идея поддерживается некоторыми греческими эмиссарами в Москве. Патриарх Никон уже видит себя духовным главой гигантской православной империи, а русского царя правителем всего православного мира. Идею избранничества Руси боголюбцы решают воплотить в интенсивное распространение русской государственности вширь.
Возобновляются контакты с греками и другими православными народами.
«Книжная справа» и реакция партии Аввакума. Никон в своих начинаниях по объединению всех православных под началом Русской Церкви и русского царя сталкивается с проблемой: за годы довольно изолированного существования Руси православные греки и некоторые славянские народы отошли в церковном уставе и некоторых обрядах от тех устоев, которые закрепились на Руси в древних времен и сохранились в нетронутом виде. Причем в XV – XVI веках отличия некоторых русских церковных обрядов от греческих считались признаком избранности русских. Теперь они же стали камнем преткновения для привлечения к России православных из других областей. Патриарх Никон в такой ситуации принимает решение пожертвовать особенностями русской церковной традиции ради торжества русского православия в целом. При этом

он необдуманно идет на нововведения, исправляя старопечатные книги по Киевскому изводу и меняя некоторые церковные обряды - например, исконное двуперстие, метания на великопостной службе Мариина стояния, обхождение алтаря посолонь, сугубую аллилуйю и т.д.
И тут он сталкивается с упорным сопротивлением церковных консерваторов под предводительством протопопа Аввакума (1620-1681), которые пребывают совсем в ином настрое. Они видят как и прежде в отличии русских церковных обрядов печать избранничества русского народа, а в греческих обрядах и троеперстии - лишь «еретические нововведения». При этом консерваторы ожидают накануне 1666 года скорого конца света, всеобщего отступления и прихода антихриста, а не нового имперского возрождения. Из одного и того же корня русского избранничества растут два противоположных всхода – экспансивное имперское никонианство, обращенное вовне, и эсхатологическое старообрядчество, обращенное вовнутрь.
Церковный раскол и конец патриарха Никона. Позиция патриарха Никона берет верх, и начинаются страшные гонения на староверов. При этом Никон все более и более ощущает себя «православным Папой». Этот политический уклон в сторону священнической власти -- на манер католической иерархии -- через некоторое время входит в противоречие с царем Алексеем Михайловичем, между ними начинаются трения, и позиции Никона слабнут.
Не только старообрядцы, но и сам Никон становится жертвой тех реформ, которые он начал. Поссорившись в очередной раз с царем, Никон покидает Москву и удаляется в построенный им Новый Иерусалим. В отличие от Грозного, которого в Александровскую слободу, куда он скрылся, пришел просить вернуться весь правящий класс, с Никоном этого не произошло, и на Соборе 1667 года он был низложен. Новым патриархом был избран полностью послушный царю Иоасаф II (?-1672).
В результате политическая модель Московской Руси, основанная на «симфонии властей», смещается полностью в сторону царской власти. Причем эта власть – особенно вследствие раскола и истории с патриархом Никоном – приобретает отныне постепенно все более светский характер. С конца XVII века политическая система России утрачивает свое священное значение, которое она имела в предыдущие века.
Политическое содержание Петровских реформ (XVII-XVIII вв.). Идеология Третьего Рима продержалась в целом до конца XVII века – т.е. в течение Смутного времени и до эпохи раскола, и была заменена новой государственной идеей только в ходе реформ Петра Первого.
Петр Первый отменяет патриаршество, подчиняет церковь государству (по образцу протестантских монархий того времени), стремится привести обычаи, культуру и экономику Руси к западным образцам. По сути, Петр строит новое государство по западно-европейскому стандарту, стремясь соответствовать Вестфальской политической системе и выступать на европейской арене как государство-нация – со своими особенностями, интересами и амбициями. При этом он ведет активную завоевательную политику, расширяя территорию России.
Петр осуществляет радикальные меры по внедрению новых экономических и промышленных технологий, развивает флот, вводит европейские обычаи, принудительно заставляет бояр и дворян отказываться от обрядов и устоев старины (брить бороды, курить табак, пить кофе и т.д.).
В это время самодержавие преобразуется в абсолютизм, основы которого

были заложены ранее – в эпоху раскола в XVI веке. Отличие самодержавной монархии от абсолютизма в том, что самодержавие подчиняет власть высшему священному началу, а для главы абсолютистской монархии действует принцип «государство - это я».

При Петре Первом Россия начинает официально называться «Империей», хотя с точки зрения византийского понимания империи, она именно теперь перестает ею быть, по меньшей мере, в смысле «священной империи». Идеолог петровской системы Феофан Прокопович (1681 - 1736), описывая в «Правде воли монаршей» этот тип монархии, говорит, что в ее основании лежит «воля народная, аще и не словом, но делом изъявленная». Т.е. даже абсолютная монархия предполагает в своем основании «суверенную демократию». Однако по мысли Прокоповича народ раз и навсегда отдает монарху эту волю (суверенитет), и обязуется ему повиноваться во всем, а также предоставляет царю право самому назначать себе преемника. Феофан Прокопович в данном случае следует за английским политическим мыслителем Томасом Гоббсом.

Реформы Петра не смогли до конца осуществить модернизации российского общества. Санкт-петербургская государственность отличалась от западных аналогов, которым сам Петр и его последователи стремились подражать, в том, что Россия по своему формату оставалась империей с огромной и постоянно расширяющейся территорией, населенной разными народами, находящимися в различных стадиях развития,с преобладающим аграрным производством. Для того, чтобы построить настоящее государство-нацию, требовалось превратить все это этно-социальное и культурное многообразие в однородную массу граждан, что было недостижимо в российских условиях.

Отсюда возникает двойственность двухсотлетнего санкт-петербургского периода: на уровне правящей элиты (царского двора, дворянства, бюрократии) государственность была в целом западной, а на уровне простого народа устойчиво сохранялись древние устои культуры, быта, общинного ведения хозяйства и т.д. Исконно народным оставалось и отношение к царской власти. Эта колоссальная историческая инерция империи препятствовала модернизации государства.

Десакрализация и секуляризация государства, заложенная в основе петровских реформ, так никогда и не была доведена до конца. И несмотря на резкое умаление значения православной церкви в XVII-XIX веках, религия оставалась важнейшей составляющей государственной жизни, активно влияя на внешнюю и внутреннюю политику. В XIX веке в сравнении с XVIII этот фактор еще более возрос, и государственность XIX века стала отчасти стихийно, отчасти под влиянием славянофилов возвращаться к идеям московского периода и идеологии Святой Руси.

«Табель о рангах». Петр издает «Табель о рангах», который автоматически приобретает статус закона. Согласно этому документу резко облегчается путь мелкому дворянству и даже выходцам из низшего сословия занимать чиновничьи должности, что ранее регулировалось родовитостью боярских семей, множеством традиций и уложений, которые не смогли до конца преодолеть предыдущие монархи, строившие империю на религиозных началах. Петр же добился своего, существенно ограничив позиции родовой аристократии и открыв правовую возможность ротации элит. Так возникает новое сословие – «шляхетство» (выражение взято из польского языка). От принципа родовой аристократии, основывающей свои политические притязания

на древности рода, Россия переходит к «меритократии» (лат. «meritus» -- «заслуга» и греч. «кратос» -- «власть»), т.е. к такой системе, где социальные привилегии даются наиболее «заслуженным».
Правовые аспекты абсолютной монархии в XVIII – XIX веках. В течение XVIII века правовая система России переживает сложные процессы. Петровский абсолютизм начинается корректироваться в разных направлениях. В завещании Екатерины I уже говорится, что «никогда российским престолом владеть не может, который не греческого закона», что восстанавливает, пусть номинально, православный характер царской власти, по сути отмененный Петром в качестве общеобязательного условия занятия престола.
На протяжении всего XVIII века дворянство пыталось укрепить наследственность своего положения и ограничить тот приток активных чиновников из низов, который начался при введении «Табели о рангах». Русские самодержцы то идут на поводу у этой тенденции (образование «Верховного Тайного Совета»), то снова сосредотачивают полноту власти только в своих руках с опорой на новые элиты (как при императоре Павле). Опять вступают в силу законы о наследовании престола, которые опираются уже не на произвол монарха, а на династическую логику. Император Павел окончательно подтверждает это в 1797 году «Актом о престолонаследии».
Со времен Екатерины Второй под воздействием европейских идей цари делают попытки дополнить абсолютную монархию системой государственного права. Сама Екатерина была почитательницей французского философа Шарля Монтескье (1689-1755), который внес большой вклад в формирование теории «правого государства» («номократии»). Под влиянием Монтескье Екатерина Великая писала: «Надлежит быть закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов». В манифесте 1766 года о созыве Законодательной Комиссии Екатерина высказывает идеи о необходимости свода общеобязательных и самодостаточных законов, что отчасти ограничивало бы права самодержавия. Под влиянием событий Французской революции Екатерина отшатнулась от этих реформ, и основы абсолютизма не изменились. Такая же участь введения в России Конституции постигла при Александре Первом и реформы Сперанского, подготовившего «Свод Законов»,.
При Николае Первом после неудачного восстания декабристов самодержавие снова возвращается к абсолютизму. При создании в России Думы (парламента) в начале XX века, российская монархия становится «полуконституционной» (формула «Император законодательствует вместе с Государственной Думой»). С государственно-правовой точки зрения, именно эта неопределенность (наряду с другими фаткорами) привела к гибели монархии.
Сенат. При Петре Первом в государственное устройство России был введен Сенат, как правовой орган, призванный замещать царя в его отсутствие. Сенат изначально сочетал в себе законодательную, исполнительную и судебную власть. Членов Сената назначает царь по своему усмотрению из ближайшего окружения и передает им чрезвычайные полномочия. Фактически Сенат становится инстанцией, которая правит государством в период отсутствия царя. Созданный изначально по принципу «комиссарской диктатуры», Сенат после Петра стал влиятельным органом, и русские цари и царицы, опасаясь властных претензий с его стороны, постоянно стремились ослабить его значение. Статус Сената снизился уже в эпоху «Верховного Тайного Совета» (1726-1730) и

Кабинета Министров (1730-1740). А со времени Екатерины II Сенат ограничил свои полномочия судебными, выполняя функции, аналогичные Верховному Суду. При Александре I Сенат возрождается, а при Николае Первом снова отходит на второй план.
Судьба Сената отражает колебания российского абсолютизма в отношении делегирования властных полномочий какой бы то ни было государственной инстанции, кроме ничем не ограниченной монаршей власти. Сенат – это абсолютно зависимое от монарха, но все-таки самостоятельное властное образование, имеющее правовую базу. При сильном властителе, Петре, угроза от Сената была не существенной. Но при последующих правителях опасность ограничения абсолютизма с его стороны становилась более серьезной.
Русская политика в XIX веке. С конца XVIII века идеи Французской революции и процессы буржуазно-демократических преобразований в европейских странах начинают все больше влиять на русское общество, в первую очередь на дворянство, а также на разночинцев. Абсолютная монархия многим кажется пережитком, и постепенно в стране формируется политическая оппозиция. Вначале эмоциональная и этическая – как общество декабристов. Позже более последовательная – как революционные демократы. И наконец, радикальная как левые народники, эсеры и социал-демократы.
Центр. В центре политической системы России стоит собственно официальная монархическая система, взгляды и предпочтения русских царей. Эти взгляды колеблются между частичными шагами в сторону «демократической (народной) монархии» и возвратом к реакционному западничеству. В этой системе сочетаются элементы старо-русских устоев – прежде всего, сам институт монархии, и результатов петровской модернизации (с усилением дворянского сословия, засильем иностранцев, покровительством развитию городских ремесел, промышленности и т.д.).
Правый фланг. Эта система вызывает умеренную критику справа – со стороны кружка славянофилов. Славянофилы:
призывают укреплять культурную и духовную идентичность русского народа, обращаются к допетровской старине,
критикуют ход развития европейской цивилизации в сторону секуляризации, материализма и атеизма.
Славянофилы в некоторых случаях доходят до довольно радикальных критических выводов в отношении существующего строя, что дает основание одному из них (Ю.Самарин (1819-1876)) говорить о «революционном консерватизме». В некоторых случаях идеи славянофилов берутся на вооружение властью, и с внешней точки зрения официальная политика России XIX века во многих отношениях имеет более консервативный характер, нежели политика XVIII века.
Левый фланг. Слева от центра располагаются умеренные либералы, считающие, что России следует идти вслед за странами Западной Европы и развивать буржуазную систему отношений, ограничивать царскую власть Конституцией, организовывать политические партии, продолжать процессы секуляризации, лишая Церковь даже той узкой роли «министерства морали», которую она играла в синодальный период. Причем монархия, по их мнению, сама должна проводить эти реформы, что даст ей шанс сохраниться в будущем, хотя и в усеченном конституционном качестве.

Крайне левые. Левее либералов располагаются революционные демократы и

народники, считающие, что самодержавие следует отменить вообще и установить в России республику. Причем, народники стоят на позициях русского народного социализма и полагают, что альтернативой монархии является не буржуазная демократия, а возврат к народной сельской или ремесленной общине и построение на основе самоуправления честных тружеников свободного государства. При этом народники «интернационализм» понимают как равноправие всех этносов в составе Российской Империи, а отнюдь не как стремление уравнять между собой все народы земли. Политическая мысль народников остается в рамках «русской цивилизации».
Еще левее народников находятся социал-демократы и марксисты. Они призывают не просто свергнуть монархию, но осуществить социалистическую революцию, плавно переходящую в мировую. Их интернационализм имеет планетарный масштаб, и Россию они никак не выделяют в общем марксистском подходе к «объективной» логике смены экономических формаций.
Победа большевиков в 1917 г. и рождение «революционного права».
Политическая система, установившаяся после Октябрьской революции, представляет собой диктатуру комиссарского типа, субъектом которой является пролетариат как класс и его боевой орган – Коммунистическая партия. Большевики провели невиданный в истории цикл смены элит, осуществив практически полное уничтожение трех высших сословий – священников, дворян и буржуазии, которые ранее составляли правящий класс государства, и привели на их место представителей народных масс или маргинальных этно-социальных групп, лишенных ранее права соучастия в управлении государством.
Период после революции 1917 года сопровождается радикальным новаторством в области права. Большевики ставят все предшествующие правовые модели вне закона. Это не составляет труда, так как монархическая система держалась на полном единовластии (абсолютизме), и после отречения Николая Второго от престола никаких правовых моделей установиться не успело: Временное правительство было свергнуто большевиками через полгода после его создания. В конце 1917 в России не стало ни легальности, ни легитимности. Большевики, захватив власть, провозгласили «революционную законность».
Первые декреты революционного правительства большевиков закладывали вместе с тем основы будущей правовой системы: «Вся власть – советам!», «Земля – крестьянам!», «Заводы – рабочим!».
Лозунг «*Вся власть – советам*!» означал провозглашение прямой демократии, и соответственно легитимацию выборной системы всех уровней – от местных до «всенародных».
Передача земли крестьянам отвечала на самый центральный вопрос России того времени, населенной преимущественно крестьянами. Передача земли в безвозмездное пользование тем, кто ее обрабатывает, означало новое правовое отношение к землевладению. В каком-то смысле это был возврат к докиевским временам, когда земля и так принадлежала свободным славянским труженикам. Новая власть объявляла о завершении исторического витка, начавшегося с добровольного ограничения некоторых свобод вольных славянских племен во имя создания княжеской государственности, прошедшего стадию отчуждения в крепостничестве и абсолютизме и достигшего синтеза народной свободы (проявленной в обладании землей) с народной же властью (какой первоначально представляли себя большевики). Именно так -- как

событие национальной истории, возвестившее долгожданную свободу угнетенного народа – по началу восприняли революцию крестьянские массы. Лозунг «*Заводы – рабочим*!» означал отказ от буржуазного парламентаризма, который даже в левом социал-демократическом варианте не предполагал форсированной и немедленной передачи собственности на средства производства пролетариату. Социал-демократы парламентского типа видели это в лучшем случае как далекий предел сложного и растянутого во времени процесса. То, что большевики объявили «экспроприацию экспроприаторов» здесь и сейчас, немедленно, означало, что они волевым порядком отменили легитимацию дальнейшего развития капиталистических отношений. Возможно, капитализм дал себя победить так легко, потому, что его в полном смысле этого понятия в России не было. В любом случае, декрет «Заводы – рабочим!» упраздняет буржуазную политико-правовую систему, и волевым образом провозглашает новый политический строй и новое право.
Другие декреты -«Мир - народам!», «Хлеб – голодным!» и т.д. были скорее сиюминутными лозунгами, и свидетельствовали не о существенных сторонах новой системы, способных развиться в самостоятельные правовые модели и институты, но о конкретной политике – прекращении войны с Германией и Австро-Венгрией, экстренном решении продовольственной проблемы и т.д..
Советское государство. В 1917 году романовская монархия была упразднена и на небольшой срок заменена буржуазно-демократической республикой (Февральская революция), а затем в России прочно укрепилась власть большевиков, приступивших к построению совершенно новой государственности, основанной на марксистской идеологии.
Советское государство было атеистическим, социалистическим, пролетарским и управляемым Коммунистической партией, наделенной диктаторскими полномочиями. Советская государственность представляла собой тоталитарную идеологическую диктатуру комиссарского типа, формально оборвавшую все связи с предыдущими историческими этапами национальной истории. СССР строился искусственно и с нуля.
Советская государственность основывалась на марксистской теории классовой борьбы, и правящим классом в ней провозглашался пролетариат. Пролетариат учреждал в качестве своего политического выражения Коммунистическую Партию Советского Союза, которая имела неограниченные полномочия в управлении государством. Марксистское учение было признано единственно верным, остальные идеологии были поставлены вне закона (идеологический тоталитаризм).
В соответствии с марксистским пониманием политической истории (раздел исторического материализма) история государств протекала от «пещерного коммунизма» первых человеческих обществ через общества рабовладельческие, потом феодальные к буржуазным государствам, где происходило формирование современных наций. На смену буржуазным государствам-нациям через эпоху пролетарских революций должны были прийти социалистические государства. А затем постепенно им предстояло слиться в одну мировую республику, тогда-то и наступила бы эпоха коммунизма. Большевики возвели веру в исторический прогресс в абсолютную догму и не признавали никакой иной логики политической истории.
Противоречия между взглядами Маркса и реалиями российской государственности при большевиках. Русские большевики вошли в определенное противоречие с идеями самого Маркса, который считал

императорскую Россию с ее огромным аграрным сектором и неразвитыми капиталистическими отношениями страной, где победа социалистической революции маловероятна. Маркс был убежден, что социалистические революции, напротив, вначале пройдут в буржуазной Европе, а Россия же ему справедливо представлялась архаическим обществом, еще не вступившим по настоящему в эпоху модерна.

Оставаясь в рамках марксистской догматики, русские большевики были вынуждены пойти на многочисленные натяжки, чтобы обосновать саму возможность создания социалистического государства в России. Так, они приравняли краткий и мало-осмысленный период Временного правительства к «победе буржуазно-демократических сил и к созданию капиталистической государственности», а пролетарскую революцию провозгласили следующим историческим этапом. Русские большевики просто проигнорировали тот факт, что *в России начала 20-х годов XX века*

- отсутствовало полноценное промышленное производство,
- не сформировалось нации, – ни великороссийской, ни тем более из малых народов империи,
- не сложилось устойчивой парламентско-партийной системы, характерной для капиталистических государств.

Советское государство строилось в таких исторических и национальных условиях, которые вообще не рассматривались классиками марксизма,.

Если в 1920-е годы сами большевики считали победу пролетарской революции в России лишь «первым аккордом цепи пролетарских революций в Европе и во всем остальном мире», то в скором времени им пришлось выстраивать особую оригинальную теорию существования единственного социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении.

Индустриализация равно как и коллективизация крестьян в СССР проводились тоталитарными методами.

Национальная политика И.Сталина. В национальной политике были осуществлены большие натяжки с тем, чтобы также искусственно, как и в случае с индустриализацией, провести в ускоренном темпе формирование из российских этносов «наций» (правда, без соответствующего образования государств), а потом их немедленно слить в едином социалистическом обществе. В 20-е годы национальная политика СССР была не до конца определена, и многие этносы бывшей империи – армяне, азербайджанцы, татары, украинцы всерьез отнеслись к лозунгам большевиков о «разрушении тюрьмы народов» и попытались построить свои политические образования – национальные государства, чтобы в перспективе присоединиться (или не присоединиться!) к другим народам в деле строительства социализма, но уже в новом качестве. Это направление получило название «национал-коммунизм». Но Сталин (1879-1953) довольно быстро свернул эти инициативы, поменяв «национал-коммунизм», предполагавший построение на территории царской России новых национальных государств, на «национал-большевизм», теорию (сформулированную впервые сменовеховцем Н.Устряловым (1890-1937)), предполагавшую, что социалистическое общество надо строить одновременно на всем пространстве бывшей империи, сохранив его политическую и административную цельность.

Необходимость учитывать марксистские догматы, проводя конкретную политику в оригинальных исторических условиях, породила множество двусмысленных и подчас демагогических концепций. Так, в частности, возник термин

«национальность», не имеющий однозначного истолкования и обозначающий «этнос», который теоретически уже стал «народом», потом «нацией» (только без государства – что абсурдно с точки зрения классической политологии), а потом слился с «новой исторической общностью» - «советским народом». Сам же «советский народ», по сути, обозначал всех граждан СССР и в терминах классической политологии мог бы вполне называться «социалистической нацией».

Советское право. Советское право представляло собой оригинальную разработку правовых норм, в основе которых лежали принципы марксистского учения, примененные к конкретным условиям российского общества. Советское право сочетало в себе

- элементы романо-германской правовой системы, основанной на римском праве,
- оригинальные правовые нормы, выведенные из коммунистического учения,
- смутные следы правовых нормативов, свойственных различным этапам национальной истории.

Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР) была принята в 1918 году. После того, как эпоха Революции и «гражданской войны», во время которой царило «революционное право», завершилась, ей на смену пришла Конституция СССР (1924). В ней законодательно закреплялось образование Советского Союза в 1922 году, описывалось его политико-правовое устройство, закреплялись права и свободы граждан. Эта Конституция содержала в себе многие демократические составляющие:

- провозглашались неотъемлемые права и свободы личности,
- выборность всех уровней власти,
- разделение властей на законодательную (Верховный Совет и советы всех уровней), исполнительную (правительство) и судебную,
- свобода совести,
- право человека на жизнь, труд, свободу и т.д.

К этому добавлялись специфические пункты, которые существенно отличали Советскую Конституцию от буржуазно-демократических конституций. Многие элементы марксисткой идеологии получали в ней правовой статус:

- отмена частной собственности,
- огосударствление земли, промышленности, сельского хозяйства,
- обобществление средств производства,
- юридический запрет экономической эксплуатации (наемного труда),
- диктатура пролетариата (как класса),
- правящая идеология (коммунизм),
- однопартийная система и
- верховенство коммунистической партии, как главной политической инстанции власти в стране (этот пункт получает окончательно отражение только в Конституции 1977 года (статья 6)).

Баланс буржуазно-демократических прав и свобод и специфических социалистических элементов, закрепленных в советском праве, отражал сложную политическую картину. С одной стороны, в советской Конституции 1924 года закреплялись гражданские права и свободы, в которых русскому народу было отказано на протяжении практически всей истории. Но вместе с тем, социалистические нововведения снова существенно ограничивали эти права, подчиняя социальную реальность жестким идеологическим критериям. Советское право мыслилось как самостоятельное явление, где законность (т.н.

«социалистическая законность») является последней инстанцией. Это отличало советское право от самодержавия, где легальность и легитимность проистекали только от самодержца и его воли. Но тут же эта самодостаточность права снова подчинялась высшей инстанции – идеологической и политической власти коммунистической партии, что сводило суверенность права к простой декларации, так как идеологические соображения коммунистической власти были достаточным основаниям для пренебрежения любыми нормативными актами. По сути, в Советской конституции 1924 года и ее последующих редакциях (в 1936 и 1977 годах) сохранилось преобладание «революционной законности», т.е. были законодательно закреплены условия политической диктатуры.

Государственное устройство СССР. СССР представлял собой унитарное государство с тоталитарной системой управления, во главе которой стояла диктатура пролетариата, осуществляемая через Компартию. Но формально СССР считался «союзом социалистических республик», многие из которых в свою очередь были федерациями (как РСФСР), где существовали автономные республики, области и края.

Централистские функции обеспечивались партийно-идеологической властью, поставленной над всеми иными административными органами, которые формально можно было соотнести с номинально конфедеративной структурой (Союзные Республики) и федеративной структурой (автономные республики, области и края внутри Союзных Республик). Пока партийно-идеологический диктат сохранялся, ни одному из административных образований не приходило в голову потребовать подлинной автономии. Но как только в период перестройки идеологическая и политическая доминация КПСС была поколеблена, а потом и разрушена, СССР немедленно развалился на 15 самостоятельных государств, а внутри многих из них начались процессы дальнейшего дробления в границах более мелких административных единиц.

Единство СССР обеспечивала не система государственно-административного устройства, но «национал-большевистский» принцип «социалистической империи», который был утвержден И.Сталиным в его внутрипартийной борьбе с другими вождями большевиков.

Компартия выполняла в СССР функцию своего рода «ордена меченосцев», а марксистская идеология встала на место официальной религии.

Интерпретация советского периода национал-большевиками и либералами. Наиболее верно описали политическую сущность советского периода не сами коммунисты, но русские национал-большевики (Н.Устрялов, Ю.Ключников (1886 - 1938)) с одной стороны, и западные антисоветские философы либеральной ориентации (К.Поппер, Р.Арон (1905-1983) и т.д.). Согласно Устрялову, политика советского периода есть реализация идей левых народников о возможности построения социалистического общества, минуя стадию полноценных капиталистических реформ. Устрялов видел в большевиках не носителей ортодоксии западного марксизма, а реализацию глубинных чаяний русского народа, через большевиков воплотившего в жизнь религиозно-эсхатологический миф о «волшебном царстве равенства и братства».

Либералы со своей стороны также интерпретировали советскую политику как своеобразную модель восточной деспотии под эгидой мифологических апокалиптических настроений, замаскированных под внешне рациональную и современную идеологию.

Экономические успехи большевистской политики. В экономике большевики

добились реализации левых идей на практике, впервые в истории построив общество всеобщего материального равенства, обеспечение которого гарантировало социалистическое государство, ведомое Компартией.
Установлению такового порядка предшествовало физическое уничтожение сословий и имущего класса собственников, но поставленная цель левой экономики была достигнута. Система социальных гарантий, бесплатное образование и медицинское обслуживание, полная социализация сферы публичного досуга и многие другие программные тезисы всех левых политических учений, движений и партий были реализованы на практике в СССР, в отличие от остальных левых партий, программы которых остаются лишь пожеланиями и политическими намерениями, недостижимыми в конкретной политике.
Большевизм: взгляд справа. С другой стороны, левый характер большевистской идеологии в политической сфере, вполне может быть поставлен под сомнение. После краткого периода революционной эйфории в советском обществе восстановились довольно строгие моральные нравы в семейной жизни, индивидуальные свободы были полностью подчинены тоталитарным идеологическим принципам, а «вера в коммунизм» оказалась по сути не рациональной научной философией, но свобразным аналогом религиозного культа. Это и дало основание некоторым исследователясм рассматривать советский период как попытку построения особой версии «традиционного общества» с эсхатологической спецификой, лишь внешне оформленную «под современность».
Вместе с тем нельзя не учитывать, что коммунистический период провел насильственную индустриализацию страны, способствовал почти полной дехристианизации и существенно нарушил этнический баланс в государстве, что сказалось в значительной степени на демографии.
Сами большевики так и не смогли вразумительно дать политического объяснения ни своей победе в Революции, ни своего поражения в конце 1980-х годов, когда казавшаяся столь фундаментальной политическая конструкция СССР рухнула в одночасье практически без сопротивления.
Появление Российской Федерации. Конституция 1993 года. Российская Федерация как новый тип русской государственности возникла в результате краха СССР. С точки зрения идеологии, территории и политико-правовой системы это было совершенно новое образование.
Основным законом России вначале являлась Конституция РСФСР 1978 года (по сути, копировавшая основные положения Конституции СССР 1977 года), однако в нее в начале 1990-х годов были внесены многочисленные поправки, отменяющие в первую очередь идеологическое содержание:
- отказ от социалистической модели общественного развития, монопольного положения КПСС в политической системе,
- признание идеологии плюрализма,
- концепция разделения властей,
- введение должности президента,
- учреждение Конституционного Суда и т.д.

Из официального названия страны и республик в составе РФ были исключены определения «советская», «социалистическая». Страна стала называться «Россией - Российской Федерацией». Были узаконены политический плюрализм, множественность и равноправие форм собственности, в том числе частной. В Конституцию была инкорпорирована «Декларация прав и свобод

человека и гражданина», принятая 22 ноября 1991 года. Изменилась государственная символика России.

Политические силы, пришедшие на смену коммунистам в 1991 году после неудачного августовского путча ГКЧП, исходили из антикоммунистических взглядов и считали советский период историческим «недоразумением» и отклонением от «магистрального пути развития» цивилизации. Демократы-реформаторы начала 1990-х годов видели самих себя продолжателями дела Временного правительства и буржуазно-демократической революции февраля 1917. Причем образцом для них была политическая история государств стран Запада и, в первую очередь, США. Идеи реформаторов из окружения Ельцина предопределили характер конституционного строя современной Российской Федерации. В 12 декабря 1993 году была принята новая Конституция, провозгласившая Россию демократической федеративной республикой с многопартийным парламентом и рыночной экономикой. Этот день отмечается в нашей стране как государственный праздник.

Во главе Российской Федерации, по Конституции, стоит Президент, который руководит работой правительства и исполнительной власти. В России учрежден двухпалатный парламент – нижняя палата (Государственная Дума) формируется через выборы по партийному признаку, а верхняя (Совет Федерации) из представителей субъектов Федераций. Судебная власть представлена Конституционным Судом, разветвленной системой федеральных судов во главе с Верховным Судом и Высшим Арбитражным Судом, а также институтом мировых судей.

Федеративное устройство по инерции осталось от структуры РСФСР и сочетает административно-территориально деление (края, области и города федерального значения) с национально-государственным (республики и автономные округа с этнической спецификой). На момент создания Российской Федерации субъектов федерации было 89. Позже несколько субъектов объединились.

Субъекты Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации изначально были следующие:

Республики
1. Республика Адыгея (Майкоп)
2. Республика Алтай (Горно-Алтайск)
3. Республика Башкортостан (Уфа)
4. Республика Бурятия (Улан-Удэ)
5. Республика Дагестан (Махачкала)
6. Республика Ингушетия (Назрань)
7. Кабардино-Балкарская Республика (Нальчик)
8. Республика Калмыкия (Элиста)
9. Карачаево-Черкесская республика (Черкесск)
10. Республика Карелия (Петрозаводск)
11. Республика Коми (Сыктывкар)
12. Республика Марий Эл (Йошкар-Ола)
13. Республика Мордовия (Саранск)
14. Республика Саха /Якутия/ (Якутск)

15. Республика Северная Осетия - Алания (Владикавказ)
16. Республика Татарстан /Татарстан/ (Казань)
17. Республика Тыва (Кызыл)
18. Удмуртская Республика (Ижевск)
19. Республика Хакасия (Абакан)
20. Чеченская Республика (Грозный)
21. Чувашская Республика Чувашия (Чебоксары)

Края

22. Алтайский край (Барнаул)
23. Краснодарский край (Краснодар)
24. Красноярский край (Красноярск)
25. Приморский край (Владивосток)
26. Ставропольский край (Ставрополь)
27. Хабаровский край (Хабаровск)

Области

28. Амурская область (Благовещенск)
29. Архангельская область (Архангельск)
30. Астраханская область (Астрахань)
31. Белгородская область (Белгород)
32. Брянская область (Брянск)
33. Владимирская область (Владимир)
34. Волгоградская область (Волгоград)
35. Вологодская область (Вологда)
36. Воронежская область (Воронеж)
37. Ивановская область (Иваново)
38. Иркутская область (Иркутск)
39. Калининградская область (Калининград)
40. Калужская область (Калуга)
41. Камчатская область (Петропавловск-Камчатский)
42. Кемеровская область (Кемерово)
43. Кировская область (Киров)
44. Костромская область (Кострома)
45. Курганская область (Курган)
46. Курская область (Курск)
47. Ленинградская область
48. Липецкая область (Липецк)
49. Магаданская область (Магадан)
50. Московская область
51. Мурманская область (Мурманск)
52. Нижегородская область (Нижний Новгород)
53. Новгородская область (Новгород)
54. Новосибирская область (Новосибирск)
55. Омская область (Омск)
56. Оренбургская область (Оренбург)
57. Орловская область (Орел)
58. Пензенская область (Пенза)

59. Пермская область (Пермь)
60. Псковская область (Псков)
61. Ростовская область (Ростов-на-Дону)
62. Рязанская область (Рязань)
63. Самарская область (Самара)
64. Саратовская область (Саратов)
65. Сахалинская область (Южно-Сахалинск)
66. Свердловская область (Екатеринбург)
67. Смоленская область (Смоленск)
68. Тамбовская область (Тамбов)
69. Тверская область (Тверь)
70. Томская область (Томск)
71. Тульская область (Тула)
72. Тюменская область (Тюмень)
73. Ульяновская область (Ульяновск)
74. Челябинская область (Челябинск)
75. Читинская область (Чита)
76. Ярославская область (Ярославль)
77. Еврейская автономная область (Биробиджан)

Города субъекты Федерации

78. Санкт-Петербург
79. Москва

Автономные округа

80. Агинский Бурятский автономный округ (Агинское)
81. Коми-Пермяцкий автономный округ (Кудымкар)
82. Корякский автономный округ (Палана)
83. Ненецкий автономный округ (Нарьян-Мар)
84. Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ (Дудинка)
85. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (Усть-Ордынский)
86. Ханты-Мансийский автономный округ (Ханты-Мансийск)
87. Чукотский автономный округ
88. Эвенкийский автономный округ (Тура)
89. Ямало-Ненецкий автономный округ (Салехард)

7 марта 2003 проведен референдум по объединению Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край. Объединение вступило в силу 1 декабря 2005. 17 апреля 2005 проведен референдум по присоединению Таймырского и Эвенкийского автономных округов к Красноярскому краю. Присоединение вступает в силу 1 января 2007. 23 октября 2005 проведен референдум по объединению Камчатской области и Корякского автономного округа в Камчатский край. Объединение вступает в силу 1 июля 2007. 16 апреля 2006 проведен референдум по присоединению Усть-Ордынского Бурятского автономного округа к Иркутской области. Присоединение вступает в силу 1 января 2008.
Таким образом, идет процесс укрупнения регионов и сокращения числа субъектов федерации. С 2003 г. их число начало сокращаться от 89 до 84 (к

2008).

Новая российская государственность: вызовы и ответы. Новая российская государственность и в теории, и на практике остается делом творчества новых поколений, но уже сейчас можно выделить те основные вопросы, на которые придется дать ответ при ее созидании:

1. Какое место современная Россия занимает в историческом процессе развития российской государственности? Как она связана с логикой исторического бытия народа и в чем состоит эта логика?
2. Должна ли эта государственность строиться строго на принципах современности (светский характер, демократическое устройство, отсутствие кастовой и сословной системы)? Или она может обратиться к ценностям Традиции (в частности, к православной вере и даже сословной системе)? Как ответить при этом на вызов постмодернизма, с глобализацией, отмиранием государства, наступлением сетевой модели?
3. Сохранять ли федеративное устройство или перейти к унитарной системе? А если сохранять федерализм и субсидиарность, то что окончательно принять за субъект федерации: территориально-административную единицу (как это имеет место сегодня), этническую или конфессионально-культурную общность?
4. Сохранять и развивать партийно-парламентскую модель демократии или продолжать поиски иных моделей демократии, более соответствующих исторической специфике русской истории (в частности, органическая демократия)?
5. Укреплять ли президентский характер государственного устройства (с риском движения к авторитаризму) или придать больше полномочий представительскому органу (парламенту), вплоть до парламентской республики?
6. Стремиться ли к интеграции со странами СНГ по образцу Евросоюза (как предлагает Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в теории «Евразийского Союза»)? Или укреплять национальную идентичность в границах Российской Федерации? А может быть двигаться к моноэтнической политической нации, с неизбежной потерей территорий?

Ни один из этих вопросов будущего государственного устройства нельзя сегодня считать решенным даже в теории. В обществе и власти на этот счет существуют самые различные мнения.

Несомненным является только то, что на протяжении всей своей истории российское государство развивалось совершенно самобытно, постоянно выбирая на критических поворотах истории свой собственный оригинальный вариант развития. Даже когда Россия копировала отдельные черты государственного устройства какой-то другой страны (чаще всего западной), она видоизменяла заимствованную модель вплоть до неузнаваемости, подстраивая ее под императивы народной воли.

Контрольные вопосы

1.Как повлияли на ход русской истории монгольские завоевания? Чем отличалось Киевская Русь от Московской Руси?
2.Что в русской государственности изменили реформы Петра Первого?
3.Что понималось под теорией Москва-Третий Рим?
4.В чем состоял смысл советской государственности?

5.Назовите высшие органы государственной власти Российской Федерации по Конституции 1993.

Примечания

(1) До Ивана Грозного «царем» именовали уже его деда великого князя Московского Ивана III, но полноценное помазание на царство митрополитом Макарием и введение титула Царя в качестве официального наименования великого князя Московского, что было подтверждено и Константинопольским патриархом, произошло только при Грозном.

4.5. Политическая система современной новой России

«Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее,

и не какое-нибудь, но отчетливо национальное..»
В.Сурков

Крах социализма. Падение советской политической системы в начале 1990-х годов создало политический вакуум. Советские идеологи, действуя в рамках жесткой марксистской ортодоксии, даже помыслить не могли развал социалистической модели и оказались совершенно не готовы к тем событиям, которые стали стремительно разворачиваться в 80-е. Существует множество версий, объясняющих столь внезапный крах советской политической системы. Менее всего убедительна позиция самих коммунистов, объясняющих случившееся исключительно «заговором» и «подрывной деятельностью иностранных спецслужб». Безусловно, масштабная и интенсивная работа в этом направлении велась, особенно со стороны США и их союзников по НАТО. И политических заговоров в советской истории было множество, но ни один из этих факторов даже приблизительно не объясняет столь значительного события, как крах в одночасье идеологии, влиявшей в XX веке на умы почти половины жителей планеты.
Не более убедительны доводы либерал-демократов, которые объясняют произошедшее «внутренней несостоятельностью социализма как экономической и социально-политической системы». Эта система прекрасно функционировала в сложнейших исторических условиях, и развалилась как раз тогда, когда положение в стране было довольно стабильным и нуждалось лишь в модернизации и «ускорении» (с чего и началась перестройка М.Горбачева).
В любом случае никакого однозначного объяснения конца социалистического цикла в русской политической мысли не существует, и следует рассматривать это историческое событие как данность, корректная интерпретация которой вероятно будет найдена только в будущем.

Распад СССР. Распад советской политической системы сопровождался распадом СССР. На месте этого политического образования возникли 15 новых независимых друг от друга государств, в границах бывших союзных республик.

И хотя 17 марта 1991 года народы СССР проголосовали за сохранение единого государства, после неудачного путча августа 1991 года кризис в советском руководстве и активная позиция президента РСФСР Бориса Ельцина по захвату полноты власти, даже ценой распада СССР, привели к тому, что страна развалилась, и вскоре все союзные республики заявили о своей независимости.
8 декабря 1991 в резиденции «Вискули» под Гродно президентом России Б.Ельциным, президентом Украины Л.Кравчуком и председателем Верховного Совета Республики Беларусь С.Шушкевичем были подписаны Беловежские соглашения, провозглашающие роспуск СССР и образование на его месте Содружества Независимых Государств (СНГ). Спустя две недели к Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу в Алма-Ате присоединились еще восемь президентов. 25 декабря 1991 года Михаил Горбачев подал в отставку с поста президента СССР, и с Кремля был спущен красный флаг Советского Союза. Беловежские соглашения были ратифицированы Верховным Советом РСФСР 12 декабря 1991, одновременно Россией был расторгнут Союзный договор 1922 года. Вновь образованные независимые республики получили статус государств-правоприемников СССР, т.к. они в той или иной степени наследовали его права и обязанности, в то время как Россия в соответствии с нормами международного права была признана государством-продолжателем. Указанный факт в теории международного права объясняется концепцией континуитета, согласно которой международная правосубъектность государства не утрачивается и считается идентичной и непрерывной независимо от любых внутренних изменений при условии сохранения большей части его территории и населения. Положение государства-продолжателя означало, что России, в отличии от других союзных республик, не требовалось официального признания со стороны иностранных государств, ей не нужно было заново устанавливать с ними дипломатические отношения, вступать в международные организации. Кроме того, это позволило сохранить за нашей страной ряд привелегий, которыми ранее пользовался Советский Союз (постоянное место в Совете Безопасности ООН, легитимное право на ядерное оружие и т.д.). Определенную специфику имел вопрос о правопреемстве Латвии, Литвы и Эстонии, которые после отделения от СССР отказались от правопреемства, а заявили, что они восстановили независимость своих государств в том виде, как она существовала до 1940 года. После довольно длительных дискуссий в начале 1990-х годов удалось решить и другую острую проблему с государственным долгом СССР. Был принят так называемый «нулевой вариант», согласно которому Российская Федерация взяла на себя выплату всех внешних долгов СССР, а остальные ставшие суверенными государства отказались в пользу нашей страны от значительной части своей доли активов, то есть долгов иностранных государств и зарубежной собственности Советского Союза.
Борьба президента Ельцина с парламентом (1991-1993). На первом этапе реформ сложилось противостояние между президентом Ельциным и Верховным Советом РСФСР. Президент и его окружение настаивали на ускоренном переходе к либерально-демократической системе, тогда как большинство депутатов Верховного Совета и примкнувший к ним вице-президент А.Руцкой считали целесообразным более плавный ритм реформ с сохранением определенных аспектов социалистического общества.
Сторона Ельцина была убеждена в том, что основными задачами переходного

периода являются:
- точное копирование политической системы западных стран,
- полный демонтаж всех социалистических институтов, существующих по инерции,
- немедленное внедрение принципов вободной рыночной экономики,
- ускоренное создание класса собственников путем приватизации госсобственности,
- следование во внешней политике за США и странами НАТО.

В своих реформах ее архитекторы (Г.Бурбулис, Е.Гайдар, А.Чубайс, А.Козырев и др.) опирались на зарубежных (чаще всего американских) советников (Дж.Сакс, А.Аслунд и др.) и исповедовали ультралиберальные экономические теории, согласно которым государство должно полностью устраниться из экономической сферы, а «невидимая рука рынка» сама создаст оптимальные условия для ведения хозяйства. На практике это вело к стремительной инфляции, обесцениванию сбережений огромного числа граждан (вследствие деноминации рубля), криминальному переделу собственности, основанному на коррупции и бандитизме.

В Верховном Совете преобладали идеи:
- постепенной эволюции в сторону демократии и рынка с сохранением социальных гарантий и
- проведения независимой от Запада внешней политики.

Большинство депутатов Верховного Совета придерживались при этом демократических взглядов, и на первом этапе поддержали Ельцина в его противостоянии с Горбачевым и ЦК КПСС.

Мартовский референдум и расстрел парламента. В декабре 1992 года Съезд народных депутатов принял решение о проведении Всероссийского референдума по четырем вопросам:
- о доверии Президенту,
- его социально-экономической политике,
- о необходимости проведения досрочных президентских выборов и
- досрочных проведении выборов народных депутатов.

В референдуме, проходившем 25 апреля 1993 года, приняло участие 64% россиян, внесенных в избирательные списки. Результаты голосования по четырем вопросам: «да», «да», «нет», «нет». Таким образом, ни предложение о досрочных выборах Президента, инициированное парламентом, ни предложение о его роспуске, на чем настаивала президентская сторона, не прошли. Это еще больше усилило политическое противостояние.

Ситуация разрешилась в октябре 1993 года, когда президент Ельцин принял неконституционное решение о роспуске парламента, а Верховный Совет, в свою очередь, низложил Ельцина с поста Президента РФ. После силового противостояния сторонников Верховного Совета и военных частей, верных Ельцину, произошел боевой штурм «Белого Дома», где располагался парламент с многочисленными жертвами среди мирного населения.

Ельцин силовым образом настоял на своем политическом решении, фактически узурпировав единоличную власть. Сразу после расстрела парламента он вносит на референдум проект новой Конституции, в которой в России юридически закрепляется политическая система президентской республики, с урезанными полномочиями парламента и сильной исполнительной властью. Вместо Верховного Совета парламент переименован в Думу, видоизменена структура выборов в Совет Федерации.

Парламентские выборы 1993. К началу 1994 года были проведены выборы в Думу по новой Конституции, которые дали результаты, фактически отзывающие у Ельцина и младореформаторов политическую легитимность.
Результаты выборов депутатов Государственной Думы 12 декабря 1993 года

Место	Названия избирательных объединений	Сумма голосов, поданны "за" в %
1	Либерально-демократическая партия России	22,92
2	Выбор России	15,51
3	Коммунистическая партия РФ	12,40
4	Политическое движение "Женщины России"	8,13
5	Аграрная партия России	7,99
6	Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин	7,86
7	Партия Российского Единства и Согласия	6,73
8	Демократическая партия России	5,52
9	Российское Движение Демократических Реформ	4,08
10	Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса	1,93

Пропрезидентская партия реформаторов («Выбор России») получила только второе место, несмотря на огромную поддержку со стороны административного ресурса, тогда как национал-популистская ЛДПР В.Жириновского неожиданно завоевала большинство, а третий результат КПРФ Г.Зюганова показал устойчивость социально ориентированного и радикально оппозиционного электората.
Таким образом, либерал-демократический политический строй, продавленный президентом Ельциным ценой экстраординарных мер (в том числе расстрелом парламента), не получил поддержки большинства россиян и не стал надежной основой для системной политики России в прозападном буржуазно-капиталистическом ключе.
Постепенный отход от ультралиберальных реформ во второй половине 90-х. После разгона Верховного Совета Ельцин не стал проводить полноценных политических репрессий против своих вчерашних противников, и задержанные в октябре 1993 года лидеры оппозиции были выпущены на свободу. Более того, Президент Ельцин учел некоторые требования разгромленной оппозиции и несколько затормозил ход либеральных реформ. Курс премьер-министра

В.Черномырдина был не столь радикальным, как ультралиберала Е.Гайдара, а Е.Примаков, сменивший западника А.Козырева на посту министра иностранных дел, стал подчеркивать самостоятельность России в принятии решений по международным вопросам и демонстрировать относительную независимость от США.
Вспыхнувшая в 1994 году война в Чечне, когда сепаратисты генерала Дудаева провозгласили выход из состава России, заставила Ельцина обратить основное внимание на сохранение территориальной целостности России. Постепенно ультралибералы-западники и некоторые олигархи, активно поддерживавшие Ельцина в самом начале 1990-х годов, стали уходить в оппозицию, параллельно тому, как теряли свое влияние в российской политике.
На парламентских выборах 1995 года КПРФ получает поддержку уже большинства избирателей, а проельцинская партия власти «Наш Дом Россия» довольствуется весьма скромным результатом – третье место и 10% голосов избирателей, при огромном административном ресурсе.
Парламентские выборы 1995. Результаты выборов депутатов Государственной Думы 17 декабря 1995 года

Место	Названия избирательных объединений	Сумма голосов, поданных "за" в
1	Коммунистическая партия РФ	22,30
2	Либерально-демократическая партия России	11,8
3	Наш дом - Россия	10,13
4	"Яблоко"	6,89
5	Политическое движение "Женщины России"	4,61
6	"Коммунисты - "Трудовая Россия" - за СССР	4,53
7	Конгресс русских общин	4,31
8	Партия самоуправления трудящихся	3,98
9	"Демократический выбор России - Объединенные демократы"	3,86
10	Аграрная партия России	3,78

Политика второй половины 1990-х годов. Президентские выборы 1996 усталый и тяжело больной Президент Ельцин выигрывает с огромным трудом, и то только благодаря удачному разыгрыванию карты генерала Александра Лебедя (1950 – 2002), который представлял в первом туре выборов «третью силу», привлек доверие патриотических и оппозиционных ельцинскому курсу

избирателей, а потом во втором туре отдал свои голоса Ельцину в замен поста секретаря Совета Безопасности.

Вторая половина 1990-х годов в российской политике характеризовалась постепенным отходом от ультралиберализма и западничества начала 1990-х и переходом на более умеренную позицию, в целом свойственную тем политическим силам, которых Ельцин разгромил в октябре 1993.
Политологический анализ картины второй половины 90-х годов показывает, что позиция власти смещается от точки левая политика/правая экономика к точке правая политика/правая экономика. При этом большинство населения в ходе выборов неуклонно отдает предпочтение формуле правая политика/левая экономика (платформа КПРФ), но исполнительная власть никак этой левой экономической ориентации предпочтений избирателей не учитывает, считая, видимо, «инерцией социалистического общества».
Передача власти Путину. В 1999 году Ельцин объявляет своим преемником бывшнего кадрового разведчика, экс-главу ФСБ и действующего премьер-министра России Владимира Путина, и накануне 2000 года слагает с себя президентские полномочия.
В декабре 1999 года проходят выборы в Госдуму, где неожиданно большой результат показывает вновь образованная партия власти, ориентированная на преемника Ельцина Путина. Исполнявший до марта 2000 года должность премьер-министра Путин, уже отличившийся жестким ответом на серию терактов чеченских банд-формирований и фактически сохранивший территориальную целостность России в критический момент, получает значительный кредит доверия еще в конце 1999 года.
Выборы 1999 г. Результаты выборов депутатов Государственной Думы 19 декабря 1999 года.

Место	Названия избирательных объединений	Сумма голос
1	Коммунистическая партия РФ	
2	"Единство"	
3	"Отечество - вся Россия"	
4	Союз правых сил	
5	Блок Жириновского	
6	"Яблоко"	
7	Коммунисты, трудящиеся России	

8	Политическое движение "Женщины России"
9	Партия пенсионеров
10	Наш дом - Россия

Анализ результатов показывает, что по прежнему сильны позиции социально ориентированного электората, часть которого пытается привлечь к себе и блок «Отечество-Вся Россия» (Лужков-Примаков), разыгрывавший антиельцинскую карту, но результаты партии, поддерживающей Путина, показывают рост доверия лично к нему и проводимой им политической линии, которая не столько декларируется, сколько угадывается и вытекает из его решительных действий против чеченских банд-формирований.

Политическое наследство, доставшееся президенту Путину. Досрочные президентские выборы проходят в марте 2000 года, и Владимир Путин на них становится Президентом РФ.
Путин получает в наследство довольно сложную политическую ситуацию:
• разгул сепаратистских банд-формирований в Чечне, перешедших к терактам в Москве и других городах России и посягающих на соседние республики Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетию и т.д.),
• острый социальный кризис,
• раскол общества в отношении внешней политики (после американских бомбежек Югославии настроения все более смещаются в сторону патриотизма и укрепления суверенитета),
• расслоение на сверхбогатое меньшинство (олигархов) и стремительно нищающее бльшинство,
• непоследовательность в проведении каких-либо политических реформ,
• всевластие медиа-магнатов,
• расцвет криминала и коррупции,
• жесткое политическое противостояние между либерально ориентированной властью и патриотически и социально настроенными массами.
Смысл реформ президента В.Путина. Основой легитимности Путина становится решение остро назревших проблем, которые не мог решить Ельцин на протяжении 90-х годов. При этом задача усложняется еще и тем, что требуется решать их без резких скачков и потрясений, не расшатывая основы и без того хрупкой российской государственности.
Общество ждет от Путина:
• сохранения целостности Российской Федерации,
• укрепления суверенитета страны,
• снятия наиболее острых противоречий в социальной сфере (невыплаты зарплат бюджетникам и т.д.),
• усиления роли России в международной политике,
• ограничения всевластия олигархических групп,
• обеспечения законности и порядка.
Эти ожидания имеют рассеянный характер и не воплощаются в какой-то одной

политической платформе или партийной программе. Отсюда «надпартийный» характер президентства Путина – он опирается не на партию (даже не на пропрезидентскую партию «Единство», позже «Единую Россию»), не на группу или социальный класс, а на обобщенные интересы народа в данный конкретный исторический момент. И эта опора составляет фундамент его политической легитимности. В некотором смысле Путин становится «народным президентом» -- в той степени, в какой он отвечает наиболее острым и безотлагательным чаяниям народных масс. Все основные политические шаги Путина направлены именно в этом ключе.
Укрепление властной вертикали. Путин провозглашает ориентацию на укрепление властной вертикали. В частности, вводит Федеральные Округа, где особыми полномочиями наделяются представители Президента. Эта мера направлена на предотвращение сепаратистских тенденций в регионах, особенно в национальных республиках, и для обеспечения «десуверинизации» тех субъектов Федерации, которые в начале 90-х поспешили объявить о своем «суверенитете». После захвата заложников в Беслане в 2004 году реформы по укреплению властной вертикали перед лицом новой волны террора дойдут до логического конца, и Путин отменит выборность глав субъектов федерации и установит процедуру их назначения.
Разрешение чеченского кризиса. Путин ставит точку в чеченской проблеме, отражая вторжение в Дагестан, отвоевывая у боевиков Грозный и постепенно полностью подавляя их сопротивление в Горной Чечне. Благодаря последовательной политике Москвы конфликт в Чечне перерастает во внутричеченскую проблему, и на сторону федеральной власти переходят многие влиятельные силы – в частности, Ахмад Кадыров (1951-2004), ставший первым президентом Чечни и занявший конструктивную позицию взаимодействия с Кремлем. К 2007 году все лидеры чеченских боевиков уничтожены, а структуры их сопротивления разгромлены.
Укрепленние позиций России в мире. Путин усиливает позиции в международной политике. Россия начинает вести себя все более независимо на международной арене, перестает во всем следовать указаниям США, завоевывает новых стратегических партнеров в Европе и в Азии. Путин активно занимается усилением позиций России на постсоветском пространстве, поддерживает инициативы президента Назарбаева по созданию и укреплению интеграционных структур – ЕврАзЭС, «таможенный союз», ОДКБ, ЕЭП. Россия вновь дает о себе знать в мировой политике как о самостоятельной могучей державе со своими интересами и геополитическими предпочтениями, со своим представлением о наилучшем мироустройстве – на основе многополярности и равноправия народов.
Сглаживание социальных противоречий. Путин несколько сглаживает социальные противоречия, увеличивая социальные пособия, взяв под жесткий контроль выплату заработной платы, выделяя средства из бюджета страны на поддержку рождаемости.
Рост значения РПЦ. При Путине растет значение Русской Православной Церкви, как исторической и духовной матрицы русской культуры, этики, общественной психологии. Путин поддерживает добрые контакты с Патриархом, посещает монастыри (включая Святую Гору Афон), подолгу беседует с православными старцами. Вносит личный вклад в дело сближения РПЦ с Русской Правосвалной Церковью Зарубежом.
Равноудаление олигархов. Путин объявляет курс на равноудаление олигархов

от власти, что на практике приводит к эмиграции тех из них, кто отказывается принимать новые правила, фактически запрещающие им через голову легальных институтов вмешиваться в политические и экономические процессы в своих личных интересах, а также к ослаблению политического влияния остальных, признавших эту установку. Те олигархи, которые пытались проводить экономическую политику вопреки интересам России и нарушали закон, подверглись юридически обоснованным уголовным преследованиям (дело ЮКОСа), а контролируемые ими отрасли легально перешли под управление государственных компаний.
Прагматический характер политики Путина. Совокупность политических шагов президента Путина не является следствием конкретной политической идеологии. Основная функция его президентства состояла в том, чтобы в экстренном порядке справиться с остро стоящими перед страной проблемами, угрожающими:

- утратой суверенитета,
- установлением внешнего управления,
- социальными взрывами и
- потерей территориальной целостности страны.

Чтобы подчеркнуть чрезвычайный характер этого периода, некоторые политологи назвали такую систему «управляемой демократией», при которой свобода политической жизни в обществе ограничивается определенными рамками, вытекающими из потребности справиться с острыми историческими вызовами. При этом специфика российской Конституции 1993 года, закрепившая за российским политическим устройством систему «президентской республики», позволяла проводить такую политику вполне легально, без получения дополнительных полномочий – имеющихся полномочий и так было достаточно.
Политическая характеристика Путина. Реформы президента Путина в течение обоих сроков его нахождения у власти точно соответствуют ожиданиям народа и историческим вызовам, хотя их однозначная политическая и идеологическая экспертиза не является простым делом. Чрезвычайный характер стоящих перед Путиным задач и потребность давать на них столь же чрезвычайные ответы предопределил формальную деполитизацию общественной жизни в период 2000-2007 годов. Значение политических партий и их программ резко снизилось, основное внимание сосредоточилось на самой фигуре Президента, на его политике и конкретных осуществляемых им шагах.
Результаты выборов 2003 года перед концом первого срока президентства и началом второго наглядно описывают этот процесс.
Результаты выборов депутатов Государственной Думы 7 декабря 2003 года таковы:

Место	Названия избирательных объединений	Сумма
1	"Единая Россия"	
2	Коммунистическая партия РФ	

3	Либерально-демократическая партия России
4	"Родина"
5	«Яблоко»
6	СПС
7	Аграрная партия России
8	"Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости"
9	"Партия возрождения России - Российская партия жизни"
10	"Единение"

Партия «Единая Россия» практически никак не формулирует своей политической позиции, ограничиваясь лозунгом «Вместе с Президентом», но и этого оказывается вполне достаточно для получения в Думе парламентского большинства и огромного отрыва от остальных партий. Падение популярности Компартии означает, что избиратели недовольны пассивностью коммунистов в реализации народных требований, несмотря на поддержку, оказанную им в предыдущие выборные циклы. А кроме того очевидно, что часть этих требований выполнил сам Путин, а значит, оппозиция его курсу утратила свое значение.

Успех вновь созданной накануне выборов партии «Родина», которая получила неожиданно большую поддержку избирателей, доказывает рост патриотических настроений в совокупности с устойчивой ориентацией на социальную справедливость.

В целом же проценты, набранные совокупно КПРФ, «Родиной» и ЛДПР Жириновского, проводившего эту компанию под слоганом «Я - за русских, я - за бедных», показывают, что значительный процент россиян ориентирован на левую социальную экономику в сочетании с правой (державной, государственной, патриотической) политикой. А так как сам Путин ассоциируется у народа с образом «державника» и «патриота», то и голоса в поддержку «Единой России» можно считать отданными за ту же самую политическую платформу.

При этом знаковым является полный провал либеральных партий на этих выборах – впервые за всю историю новой России те политические силы, которые заложили основу государственного либерально-демократического строя и были главными действующими лицами политики реформ 90-х годов, не просто не получили солидной поддержки избирателей, но даже не смогли попасть в парламент. Фактически, выборы 2003 года показывают, что политическая идеология в России поменялась за годы, прошедшие с декабря 1991 на 180 градусов, и путь, избранный Россией при Путине, радикально отличен от того, которым Россия двигалась в эпоху правления Ельцина и его либерал-реформаторского окружения.

Либеральная оппозиция и некоторые силы на Западе описывают это явление с опасением и подвергают критике, но тот факт, что именно такая политика поддерживается большинством народа, придает ей легитимность и оправданность.

Экономическая политика Путина. Политически Путин политик право-патриотической, державной ориентации. Но его представления об экономике гораздо менее определенны. С одной стороны, Путин делал некоторые шаги в сторону социально ориентированной экономической политики. – Повышение пособий, пенсий, поддержка семьи, строгий контроль за выплатой зарплат бюджетникам, выдвижение национальных проектов и некоторые другие меры могут быть отнесены к левым экономическим шагам. Установление государственного контроля над рядом крупных частных монополий, чья деятельность входила в прямое противоречие с интересами государства и нормами закона, также может быть рассмотрена в духе социальных или социал-демократических мер. Но экономический блок назначенного Путиным правительства на протяжении двух сроков его правления состоял из людей либеральных взглядов (Г.Греф, А.Кудрин и т.д.), исповедующих монетаристские идеи. А пропрезидентская партия «Единая Россия» в Думе постоянно поддерживала правительство во всех вопросах, включая ультралиберальные – таких как «монетизация льгот», вызвавшая широкое недовольство у населения. И хотя результаты голосования россиян устойчиво показывают, что они лучше всего откликаются на левую, социальную экономическую модель, в этом вопросе президент Путин настаивал на своем, продолжая оказывать поддержку в правительстве экономически правым. Сам Президент неоднократно подтверждал верность ориентации на рыночную экономику и безальтернативность либеральных реформ.

Этот вопрос является, пожалуй, единственным (хотя и достаточно существенным) отклонением от того широкого и довольно неясно сформулированного, но вполне очевидного запроса российских масс, который лежал в основе легитимности правления президента Путина.

Три типа демократии в новой России: романтическая, либеральная и суверенная. Развитие традиции политической демократии в современной России можно разделить на три этапа: «романтическая демократия», «либеральная демократия» и «суверенная демократия».

Романтическая демократия. В конце 80-х годов в эпоху перестройки демократизация коммунистической системы была единодушно поддержана советским обществом. При этом у большинства не было однозначного понимания содержания демократии, общим было желание ограничить идеологическое давление марксизма на все сферы жизни – как идеологические, так и экономические. Этот период конца 80-х – начала 1990-х годов можно назвать «романтической демократией».

Под «демократией» в этот период понимали отказ от тоталитарной коммунистической системы с ее догмами, а положительное содержание этого понятия было второстепенным. Одни видели в «демократии» «социализм с человеческим лицом», другие – «снятие табу на национальные и религиозные идеи и теории», третьи понимали ее как «политический плюрализм и многопартийность», четвертые – как переход к «либерально-рыночным капиталистическим отношениям». Собственно этот широкий запрос на демократию в ее романтическом варианте и стал основой легитимности власти Бориса Ельцина. Такой «романтической демократии» противопоставлялся коммунистический консерватизм, инерция и нежелание каких-либо перемен со стороны партийной номенклатуры и административно-бюрократической системы. Такая «демократия» исторически победила, одержав верх над

бюрократией, не желавшей ничего менять и стремившейся все оставить, как было. Показательно, что Ельцина на первом этапе поддержали не только прозападные и либеральные круги, но и многие патриотические организации («неформалы»), в частности, крайне правое общество «Память».

Либеральная демократия. Второй этап демократии связан с 90-ми годами. После распада СССР окружение президента Ельцина стало вкладывать в термин «демократия» ультралиберальное, прозападное понимание. Эту демократию можно определить как либеральную. Отличительной чертой такой либеральной демократии 90-х, являвшейся идеологией «Демократического выбора России» и блока (позже партии) Явлинского, а также таких деятелей как Е.Гайдар, А.Чубайс, Б.Немцов, И.Хакамада и т.д., была крайняя неприязнь к идеям державности (национального пути) и социальной справедливости. Своих идеологических противников либерал-демократы 90-х уничижительно называли «красно-коричневыми», понимая под этим карикатурно-полемическое определение левых экономически и правых политически идей и идеологий. Такая «либеральная демократия» копировала свои концепции, институты и теории из исторического опыта западно-европейских и американских стран без учета национальной специфики России и нашего собственного экономического опыта в XX веке. Панацеей для такой либеральной демократии были:

- ничем неограниченный свободный рынок,
- устранение государства от экономической деятельности,
- введение плоской шкалы налогов,
- монетаристская экономика,
- полное свертывание социальной политики и полная открытость для мировой (в первую очередь, западной) экономики.

Такой подход вел к разрушению хозяйственной системы России, появлению у власти криминально-олигархических групп и постепенной утрате страной суверенитета.

Многие из тех, кто поддерживал «романтическую демократию» в конце 80-х, оказались в рядах противников «либеральной демократии» 90-х (в частности, сподвижники Ельцина на первом этапе вице-президент А.Руцкой и спикер Верховного Совета РСФР Р.Хасбулатов).

В конце 90-х эта модель «либеральной демократии» была существенно дискредитирована конкретной политической практикой и исчерпала свою привлекательность.

Суверенная демократия в сравнении с другими типами демократии. С приходом президента Путина начался новый этап политической демократии. Его определение появилось в 2006 году, будучи предложенным первым заместителем главы Администрации Президента В.Сурковым.

«Суверенная демократия» представляет собой наделение формальной политической системы республиканско-парламентского толка конкретным историческим содержанием, проистекающим из особенности русского народа и того периода, в котором он находится в начале третьего тысячелетия.

«Романтическая демократия» 1980-х была неконкретна, увлеченные ей люди знали точно, чего они не хотят (коммунистического тоталитарного общества), но совершенно не знали того, что они хотят. Отсюда вытекает, что «демократия» была в тот период довольно бессодержательным понятием.

Либеральная демократия, установленная в 1990-х Ельциным и его окружением, представляла собой прямое копирование буржуазно-капиталистической

политико-социальной и экономической модели, отталкиваясь от усредненного образца современной западной страны без учета исторического опыта России. В этой модели легко узнаются элементы французской, испанской, германской и американской политических систем. В ней есть и американо-германский федерализм, и французский централизм; повышенная забота о «правах человека» и «свободе слова», наряду с упоминанием о «социальном государстве» в 7-ой статье Конституции, что характерно для стран Евросоюза, но вместе с тем англо-американский принцип полной свободы рынка и умаления роли государства (но в отличие от США, где правительства вообще нет как такового, в РФ правительство решено было оставить) и т.д. Либеральная демократия в отличие от романтической обладала на сей раз конкретным и вполне определенным политическим содержанием, но это содержание не имело ничего общего с политической, социальной, этнической, культурной и хозяйственной историей нашего народа. Эта политическая форма оказалась совершенно чуждой России и ее историческому опыту, а значит абстрактной. На этом основании она и была отторгнута.
«Суверенная демократия» эпохи Путина есть процесс наполнения демократической структуры формальной либеральной демократии (легальный аспект) конкретным народным содержанием (легитмный аспект). Если либералы 1990-х исходили из принципа «народ для демократии», и всякий раз сердились, когда русский народ не соответствовал демократическим требованиям и критериям (после победы на выборах национал-популиста Жириновского в 1993 году демократ Ю.Карякин воскликнул в негодовании: «Россия, ты что? Одурела?»), то «суверенная демократия» утверждает обратный принцип – «демократия для народа». И если между народом и формальной демократией возникают какие-то трения, то подстраивать под народ надо именно демократию, а не наоборот.
Президент Путин неоднократно говорил о национальных особенностях российской демократии. Вместе с тем, «суверенная демократия» не предполагает внесения в демократические модели и процедуры каких-то формальных и структурных изменений (хотя и не исключает их). «Суверенная демократия» строится исходя из принципа главенства народа, как основного политического субъекта, а значит, именно политическая воля народа является высшим критерием того, что демократично, а что нет, в отличие от абстрактных рационалистических построений либеральной демократии, тяготеющей к абсолютизации отвлеченных принципов, институтов и процедур.
«Суверенная демократия» есть недогматическая демократия с конкретным народным содержанием, привязанным к историческому моменту.

Контрольные вопросы

1.Какая политическая система пришла на смену СССР в 90-е годы?
2.Опишите основные события политической истории 90-х годов. От августовского путча 1991 до назначения Путина преемником Ельцина.
3.Что содействовало прихода к власти президента Путина?
4.В чем основной смысл политических реформ Путина по сравнению с политической ситуацией 90-х?
5. Какие три стадии прошла российская демократия в последние десятилетия?

Примечания:

(1) Об этническом происхождении Рюрика ведутся споры. Большинство считает, что он был «норманном», т.е. германцем. Другие полагают, что он был «славянский» князь, опирающийся на дружины, целиком созданную из германцев (варягов), что не раз повторяется в случае его потомков (в частности, у Ярослава Мудрого). По одной из версий родители Рюрика - Годослав (? - 808), князь бодричей, а мать Умила. Есть летописные известия (В.Н.Татищев "О истории Иоакима"), позволяющие предположить, что Рюрик был внуком новгородского князя Гостомысла по линии матери.

(2) Согласно 104-му правилу Карфагенского Собора: "Церковь (...) благочестною утробою Христу их (Царей) родившая и крепостью веры воспитавшая" признает, что каждый "праведный царь имеет святительский чин" (22; 551); "за исключением священнодействий, император совмещает в себе все остальные привилегии епископов, на основании которых его церковные распоряжения получают каноническую важность", – писал архиепископу Константину Кавасиле в XIII веке Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин (27; 85).

(3)«"Старого убо Рима церкви падося неверием аполинариевы ереси; второго же Рима, Константинова града церкви, агаряне-внуци секарами и оскордми рассекоша двери. Сия же ныне третьего нового Рима державного твоего царствия святая соборная апостольская церковь, иже в концах вселенныя в православной христианской вере во всей поднебесной паче солнца светится... два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется."

Оглавление

Часть 2. ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕТ

Раздел 5. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

5.1. Смысл экономики

«Экономика есть наука о способах,
с помощью которых люди в разных обществах
решают проблему ограниченности ресурсов.»

Определение «экономики». *Экономика есть научно осмысленный и систематизированный способ рационального ведения частного или коллективного хозяйства и определения логики и пути его развития.* Хозяйство существовало в жизни человечества всегда, на протяжении всей его истории. Но в самостоятельную сферу, осмысляемую и изучаемую в отрыве от других сторон жизни, экономика выделилась достаточно поздно – начиная с эпохи европейского Возрождения и особенно в Новое время. Классические экономические теории складываются в XVIII веке в Англии в период бурного развития буржуазно-капиталистических отношений.
В эту эпоху происходит стремительная смена *устоев традиционного*

общества на модели общества современного. Этот процесс затрагивает все сферы – политику, культуру, философию, науку, религию, государство. Появление экономики как самостоятельной дисциплины выражает общий настрой всех этих изменений:

- перенос основного внимания общества со сферы *духа* на сферу *материи*,
- разочарование, вплоть до отказа от религиозных догматов и
- устойчивый рост интереса к земной жизни и ее материальному обустройству.

По мере того, как Новое время выносит за скобки духовные проблемы, религиозные представления о посмертном воздаянии, «страхе Божьем», духовном смысле истории и необходимости человека подчинять свою волю и свою жизнь Богу, *материальная область начинает значить все больше и больше*. Вопросы ведения хозяйства, производства и торговли, обмена и денежной сферы, которые ранее казались второстепенными перед лицом религии, государства и сословной этики, выходят на первый план и получают самостоятельное значение. Так возникает не только экономика как наука, но и экономическая цивилизация как тип общества, где вопросы экономики приобьретают все более и более центральное значение, пока не вытесняют остальные аспекты на периферию.

Если материальное хозяйство считалось в традиционном обществе уделом третьей касты (третьего сословия), которая занимала низшую ступень в сравнении с жречеством (священством) и аристократией, то теперь вместе с подъемом третьего сословия и ускоренным развитием буржуазных отношений и капиталистического способа производства интерес к экономике становится всеобщим и характерен для всех представителей западно-европейского общества. В политических и философских учениях и философии Нового времени экономика играет очень важную (а иногда и центральную) роль, определяя основы большинства современных идеологий.

Классическая буржуазная политическая экономия. Основы классической теории экономики заложили английские ученые – Уильям Петти (1623-1687), Адам Смит (1723-1790), Дэвид Риккардо (1772-1823). Сам Адам Смит, считающийся отцом-основателем экономической науки, был последователем английского философа Джона Локка, внесшего большой вклад в создание современной научной картины мира. Сам Смит считал, что он просто применят идеи Локка к анализу хозяйственной деятельности. Однако результаты трудов Адама Смита заложили основу одновременно и *экономической науки*, и *политической идеологии*, которой суждено было стать в последующие века наиболее распространенным мировоззрением - *либерализмом*.

Идеи, которые легли в основу трудов Смита, Петти и Рикардо, предопределили на несколько веков развитие экономической мысли, и по сравнению с другими научными и гуманитарными дисциплинами, не сильно изменились.

Адам Смит сформулировал *основные принципы буржуазной идеологии* и буржуазного хозяйства, а так как капитализм в Новое время в Европе стал преобладающей *социально-политической формацией*, то идеи Смита и его методы стали считаться по праву классикой современной экономики как таковой.

Современная экономика строится вокруг осмысления явлений капиталистических отношений, как основного объекта изучения и одновременно объекта применения. Анализ хозяйственных систем,

предшествующих появлению капитализма, и критика капитализма как строя и как идеологии со стороны левых политических учений, отталкиваются в подавляющем большинстве случаев от теорий, впервые сформулированных Адамом Смитом и его последователями. Именно Смит дает систематическое представление о структуре капиталистических отношений, и чтобы подчеркнуть качественно новый уровень такого подхода теория Смита получила название «политическая экономия» или «классическая буржуазная политическая экономия», что сочетает в себе одновременно научную методологию и политическую идеологию буржуазии как класса.
Не случайно жесткий противник капитализма коммунист В.И.Ленин назвал «классическую буржуазную политическую экономию» одним из трех источников марксизма.

Идеи Адама Смита. В основе экономической теории Адама Смита лежит идея о том, что движущей силой человека являются *эгоизм и жажда наживы*, как наиболее естественные свойства. Наилучшим общественно-политическим порядком будет тот, что позволит всем людям независимо от рождения и положения преследовать свою личную выгоду в материальной сфере. А так как от этого, по идее Смита, выиграет каждый по отдельности, то, в конечном итоге, в выигрыше будет все общество. Уже в первых строках своей работы «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), заложившей, по общему признанию основы классической полит-экономии, автор называет «склонность к мене, торговле и обмену одного предмета на другой» одним из основных свойств человеческой природы, не наблюдаемых ни у какого иного вида животных. Отсюда Смит делает вывод, что «человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратиться к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому какую-либо сделку, предлагает именно это. Дай мне то, что нужно мне, и получишь то, что нужно тебе, - таков смысл всякого подобного предложения».

Невидимая рука. Главным мотивом хозяйственной деятельности человека является *своекорыстный интерес*. Но преследовать свой интерес человек может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и продукты труда. Так развивается разделение труда. Каждый отдельный человек стремится использовать свой труд и свой капитал таким образом, чтобы продукт его обладал наибольшей ценностью. При этом он не думает об общественной пользе и не сознает, насколько содействует ей, но рынок ведет его именно туда, где результат вложения его ресурсов будет оценен обществом выше всего. *«Невидимая рука»* - это метафора для обозначения стихийного действия объективных экономических законов.

Естественный порядок. Условия, при которых наиболее эффективно осуществляется благотворное действие своекорыстного интереса и стихийных законов экономического развития, Смит называл *«естественным порядком»*. У Смита это понятие имеет двойной смысл. С одной стороны, это *принцип и цель экономической политики*, т. е. политики «laissez-faire» («лэссе-фэр», по-французски «позвольте делать»), с другой - это теоретическая конструкция, «модель» для изучения экономической действительности.

В физике полезными орудиями познания природы являются абстракции идеального газа и идеальной жидкости. Реальные газы и жидкости не ведут себя «идеально» или ведут себя так лишь при некоторых определенных условиях. Однако имеет смысл абстрагироваться от этих нарушений, чтобы изучать явления «в чистом виде». Нечто подобное представляет собой в политической экономии абстракция «экономического человека» и свободной конкуренции. Наука не смогла бы изучать массовые экономические явления и процессы, если бы она не делала известных допущений, которые упрощают, моделируют бесконечно сложную и разнообразную действительность, выделяют в ней важнейшие черты. С этой точки зрения, абстракция «экономического человека» и свободной конкуренции сыграла важнейшую роль в становлении экономической науки. Эти явления в чистом виде существуют только в «естественных условиях».

Экономический человек. Для Смита «человек экономический» (homo oeconomicus) является выражением «вечной и естественной» человеческой природы, а политика «лэссе-фэр» (lassez-faire) прямо вытекает из его взглядов на человека и общество. Если экономическая деятельность каждого человека ведет, в конечном счете, к благу общества, то эту деятельность просто не надо ничем стеснять. Смит считал, что при свободе передвижения товаров и денег, капитала и труда ресурсы общества будут использоваться наиболее эффективным образом. Показательно, что категория «экономического человека» у Смита прилагается только к анализу его хозяйственной деятельности, но позднее у последователей либеральной идеологии эта категория стала вытеснять собой другие определения человека, и экономическая составляющая стала восприниматься как *главное и наиболее фундаментальное человеческое качество*.

Естественная и рыночная цена. Адам Смит впервые систематизировал основные понятия капиталистического хозяйства, выделив те категории, которые станут основой экономического анализа.
Смит разработал теорию цены, согласно которой *в основе цены лежит то количество труда, которое человек затрачивает на производство данного товара*. Это он называет *«естественной ценой»*. Но когда вещь попадает в стихию рынка, она продается выше или ниже «естественной цены», что порождает *«рыночную цену»*. Соотношение между «естественной ценой» и «рыночной ценой» создает *диалектику капиталистического хозяйства*. Процесс возникновения «естественной цены» по мере развития капиталистических отношений включает в себя два фундаментальных понятия – *накопление капитала в частных руках* и присвоение *ресурсов* (в первую очередь, земли) частными лицами, что приводит к ренте. Накопленные капиталы и земельная рента по мере развития буржуазных отношений становятся определяющими для формирования «естественной цены» - в отличие от прежних феодальных моделей хозяйства, когда «естественная цена» была прямо связана **с количеством труда**.

Теория заработной платы. Согласно Смиту, в изначальном состоянии продукт труда принадлежит человеку полностью, и рост *заработной платы* идет параллельно повышению производительности труда. Но сосредоточение капитала в руках немногих и владение землей лэндлордами порождает

ситуацию, когда заработная плата начинает зависеть *от договора* работника с теми, кто ссужает его инструментами производства, начальным капиталом или позволяет использовать частные ресурсы (землю).
В этом можно увидеть зачатки теории эксплуатации, позднее построенной марксистами.

Теории прибыли и ренты. Смит закладывает основы теории прибыли, которую он отделяет от заработной платы и ставит в зависимость от величины применяемого капитала.
В своей теории ренты Смит исходил из того, что рента является разновидностью монопольной цены, которую устанавливает продавец, не имеющий конкурентов. А монопольная цена, по мнению Смита, представляет собой наивысшую цену из всех, которые только можно установить в данной ситуации. Заработная плата, прибыль и рента входят в состав цены, но каждая из них по-своему.

Рынок и равновесие. В теории Адама Смита важнейшим элементом является сам метод, который описывает «естественное».
состояние хозяйственной деятельности как нормативную ситуацию, на которую накладываются дополнительные факторы, совокупно называемые «рынком». Между «естественным» состоянием и «рыночным» состоянием существует диалектическая взаимосвязь. «Естественная цена» (и соответствующее условия ее формирования) представляет собой равновесие, а «*рыночная цена*» - отклонение от него. При этом Смит, а за ним и вся либеральная экономическая теория, убежден, что, в конечном счете, рынок сам приходит к восстановлению *равновесия*, хотя не прямо, а через систему сложных колебательных процессов.

Значение А.Смита для буржуазной идеологии. Экономическая теория Адама Смита представляет собой законченную философскую и научную систему, столь же основополагающую для всей экономики как законы Ньютона (1643 - 1727) для физики или таблица Мендеелева (1834-1907) для химии.
Последующие поколения экономистов развивали теорию Смита или ее отдельные элементы, выносили свои моральные суждения в отношении описанной им картины функционирования капиталистической системы хозяйства, но практически никто не оспаривал ее основных начал.
Экономика как явление была впервые полноценно осмыслена, описана и систематизирована именно в трудах этого выдающегося экономиста.
Капитализм как экономическая система основан на тех принципах, которые выделил Адам Смит, и совокупность этих принципов была положена в основу той идеологии, которая характерна для обществ и классов, принимающих капитализм как данность и морально оправдывающих его.
Пока идеи Смита остаются научной теорией, они являются объективной интеллектуальной аналитической конструкцией, но когда описанные процессы функционирования хозяйственной системы берутся в качестве морально оправданных, нормативных и «прогрессивных», теория становится политической идеологией, где выносятся оценки того – что является благом, а что злом. Идеи Смита о человеческом эгоизме как главной мотивации материальной деятельности и о стремлении рыночной стихии к восстановлению «естественного равновесия» при отсутствии внешних

политических факторов -- сословных привилегий, социального неравенства, государственных запретов на ту или иную предпринимательскую деятельность, вмешательства в рынок со стороны каких-либо инстанций – превращается в политическую программу либерализма, становится идеологией. Здесь идеи Смита получают статус мировоззрения, которое принимается на вооружение капиталистическим обществом, осознающим свое историческое значение и логику своего развития.
За три века своей истории экономический либерализм удивительно мало изменился с той поры, как его постулаты были впервые изложены и систематизированы Смитом. В настоящее время либерализм остается наиболее распространенным экономическим учением во всех странах мира, и либеральная модель экономики берется за нормативный образец и при изучении экономических теорий и для создания рыночных экономик в странах, где они по какой-то причине не сложились или развивались в замедленном ритме.

Критическая традиция в политэкономии. Некоторые философы и экономисты сделали из анализа идей Смита совершенно *иные выводы*. Уже у Дэвида Риккардо, самого талантливого последователя А.Смита, возникает картина рынка, гораздо более расходящаяся с условиями «естественной цены», чем у самого Смита. Позднее критику капиталистической эксплуатации развили такие экономисты как Ж. Сисмонди (1773-1842), П. Ж. Прудон (1809-1865) и особенно Карл Маркс и Фридрих Энгельс (1820-95).
Критическая традиция в экономике основывалась на моральном отвержении двух принципиальных моментов в либеральной теории: эгоистической мотивации труда и равновесного состояния рынка, к которому он, по мысли Смита, тяготеет естественным образом.
Сисмонди призывал государство вмешаться через фискальную систему в процесс справедливого перераспределения продуктов материального труда, чего не возможно достичь в условиях чисто рыночной стихии именно за счет накопления капиталов и земельной ренты.
Анархист Прудон считал, что «частная собственность есть кража», а Маркс и Энгельс пошли еще дальше и создали на основании критически переосмысленной полит-экономии Адама Смита собственную экономическую теорию, получившую позже название «марксизма».

Марксизм. С точки зрения Маркса, развитие капиталистической системы производства не только не способствует приведению хозяйства к «естественным» условиям, но, напротив, порождает усиливающуюся эксплуатацию, которая заключается в присвоении буржуазией прибавочной стоимости, создаваемой в процессе трудовой деятельности пролетариатом. Особенно это заметно у молодого Маркса, толкующего прибавочную стоимость как отчуждение. В дальнейшем Маркс смягчил эти мотивы, однако, все равно показал внутренние противоречия и конфликты капиталистического общества, которые, по мнению Маркса, не могут разрешиться в рамках самой капиталистической системы и требуют перехода к новой экономической формации – социализму.
Экономическая модель социализма основана на том, что победить явление экономической эксплуатации пролетариата капиталистами возможно только через социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата.

Маркс распознавал в либеральной экономической теории не столько науку и научный анализ, сколько идеологию, так как отношение к рынку и к самой капиталистической системе было оценочно «позитивным» и нормативным. Симметрично классической полит-экономии либерализма Маркс также предложил свой собственный научный метод критического анализа капитализма, осознанно возведенный в статус идеологии.
Капиталистическая рыночная модель хозяйства по Марксу представляет собой прогресс в отношении феодально-сословной системы, но реакционное явление перед лицом «грядущей» социалистической и коммунистической модели, где должно быть осуществлено полное экономическое и социальное равенство людей, а эксплуатация человека человеком искоренена.
Социал-демократия. Экономическая теория Маркса, тщательно и системно анализирующая все противоречия либерально-капиталистической системы, была взята на вооружение как его ортодоксальными сторонниками, которые возвели эту идеологию в политическую догму, так и более умеренными экономистами и политиками, считавшими возможным с помощью марксистской критики сгладить противоречия капиталистической системы, без ее радикального уничтожения, как к тому призывал, собственно, сам Маркс. Это направление воплотилось в социал-демократию. Здесь экономическая теория марксизма берется для того, чтобы изменить капитализм к лучшему, усовершенствовать его и преодолеть присущие ему противоречия эволюционным (а не революционным) путем.
Социал-демократическое представление об экономическом устройстве общества основано на марксистском выводе о том, что спонтанное развитие рынка не снимает социальных противоречий, неравенства и эксплуатации, а напротив, только усугубляет их. Чтобы исправить ситуацию, социал-демократы предлагают путем парламентских методов борьбы построить такую полит-экономическую систему, в которой государство и иные социальные институты будут «регулировать» рыночную стихию для искусственного приведения ее к состоянию, когда эксплуатационные механизмы накопления капитала будут уравновешены «политикой справедливости».
Экономика в ее социал-демократическом понимании признает рынок и отказывается от революции и диктатуры пролетариата, но настаивает на том, чтобы прибыль, полученная в результате материального производства, распределялась не по чисто рыночной логике, но с участием фактора социальной справедливости. Социал-демократия в отличие от радикальных социалистов и коммунистов предлагает не создавать собственной экономической модели без рынка, частной собственности, конкуренции и свободы предпринимательства, но установить над капиталистической экономикой социально-государственный и политический надзор.
Социал-демократы обращаются к капиталистам, убеждая их в рациональной необходимости «делиться» с пролетариатом прибылью ради сохранения социального мира и всей системы, развертывая при этом угрожающие картины конца буржуазного мира, созданные марксистской критикой. К рабочим социал-демократы обращаются с тем, чтобы получить от них представительский мандат на отстаивание их интересов политическими средствами – в основном через инструменты партийной парламентской демократии.
Таким образом, социал-демократическая теория экономики (равно как и марксизм) привносит в экономический анализ внеэкономический (моральный, ценностный) фактор, являясь политической идеологией.

В XX веке социал-демократические идеи получили широкое признание в западных странах и в значительной степени повлияли на картину современного капитализма.
Экономические теории социал-демократического толка являются антитезой либеральным теориям, хотя и не столь радикальной, как марксизм.
Джон Кейнс и его школа. Стремление преодолеть фундаментальные противоречия либеральной экономической теории было характерно не только для идеологически левых экономистов (марксистов или социал-демократов), но и для буржуазных теоретиков, подходивших к решению экономических вопросов с чисто научной точки зрения (насколько это возможно, учитывая идеологический момент, заложенный в самой основе экономики как дисциплины).
Одну из самых впечатляющих попыток пересмотра базовых положений либеральной теории, оставаясь в рамках капитализма и рынка, предпринял английский экономист Джон Мейнард Кейнс (1883-1946). В своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) он изложил ключевые идеи, впоследствии ставши известными как «кейнсианство»:

- активное вмешательство государства в экономическую жизнь,
- макроэкономический подход к анализу хозяйственных процессов,
- теория эффективного спроса и общественных работ,
- психологический закон потребления,
- положительная роль инфляция для развития экономики,
- решающее значение инвестиций и др.

В 1930-е годы, когда была опубликована эта работа, США находились в состоянии т.н. «Великой депрессии», сопровождавшейся высокой инфляцией, банкротством предприятий, разорением мелких и средних предпринимателей, падением уровня жизни подавляющего большинства населения, ростом безработицы. Анализируя эти процессы, Кейнс пришел к выводу о неспособности механизма свободной конкуренции справиться с производительными силами и отказался от веры в саморегулирующую силу рынка. Это положило начало разработке концепции регулируемого капитализма, которая отчасти напоминает рецепты социал-демократов, только лишенные их «*морального*» или «*гуманитарного*» *пафоса*.
Макроэкономика. В докейнсианской теории преобладал микроэкономический подход к анализу экономических процессов, в центре которого находился индивид с его потребностями, отдельная фирма, проблема минимизации ее издержек и максимизации прибыли как источника накопления капитала. Предполагалось, что она функционирует в условиях гибких цен и свободной конкуренции, что обеспечивает полное и эффективное использование имеющихся ресурсов общества. Этому микроэкономическому подходу Кейнс противопоставил макроэкономический метод исследования, т.е. исследование зависимостей и пропорций между совокупными народнохозяйственными величинами -- национальным доходом, сбережениями, инвестициями, рыночным спросом и потреблением и т.д.

Эффективный спрос. Кейнс поставил под сомнение некоторые базовые для либеральной теории принципы, касавшиеся описания экономических процессов на макроуровне, в частности, закон французского экономиста Жан Батиста Сэя (1767-1832), гласивший, что совокупный спрос неизменно равен совокупному предложению. Последователи Сэя считали, что обмен продукта на продукт

автоматически ведет к равновесию между куплей и продажей, спросом и предложением (т.н. эффективный спрос), или что предложение само обеспечивает и формирует спрос
В отличии от них Кейнс утверждал, что уровень доходов населения, напрямую связанный со спросом, не всегда поспевает за предложением товаров и услуг и ростом цен на них. Возникающий дисбаланс (между спросом и предложением в пользу последнего) не ведет к автоматическому переходу в некое равновесное состояние (как у Адама Смита), но будет неизбежно сопровождаться целым рядом негативных тенденций – безработицей, кризисами перепроизводства, стагнацией целых отраслей промышленности, инфляцией и т.д. Кейнс, по сути, перевернул формулу Сэя: «не предложение создает спрос», а, наоборот, «спрос создает собственное предложение».

Полная занятость и общественные работы. Установленные Кейнсом функциональные зависимости между этими величинами показали, что экономика может в течение длительного времени находиться в состоянии «равновесия с неполной занятостью». Отсюда были сделаны выводы о необходимости государственного регулирования ключевых экономических параметров, образующих эффективный спрос, но регулирования не догматического (как у социал-демократов), а прагматического, в зависимости от состояния экономической конъюнктуры.
В качестве ключевого инструмента воздействия на эффективный спрос Кейнс рассматривал т.н. *бюджетный метод*, предусматривающий увеличение государственных расходов путем инвестиций, увеличения заработных плат, рабочих мест, организации общественных работ и т.п., что в идеале ведет к улучшению благосостояния населения и, следовательно, росту фактического спроса вплоть до уровня эффективного. В этой связи Кейнс иронически замечал, что можно было бы организовать и бессмысленные занятия для людей, к примеру, наполнять бутылки банкнотами и зарывать их в землю, чтобы их разыскивали безработные. Отсюда – его известные концепции «*полной занятости*» и «*общественных работах*».

Процентная ставка и психологический закон потребления. Этой же цели – повышение эффективного спроса – можно добиться не только бюджетными, но и денежно-кредитными методами, в частности, путем понижения процентной ставки, что делает накопление денежных средств относительно неприбыльным делом по сравнению с их инвестированием.
Кейнсом был сформулирован и так называемый «*психологический закон потребления*», согласно которому «... люди, как правило, склонны увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход». Постепенно у населения откладываются денежные сбережения, в т.ч. на банковских счетах, которые приносят доход только фактом своего наличия (процентная ставка) и выведены из циркуляции в экономической деятельности. Развивая это наблюдение, Кейнс предложил считать умеренную денежную инфляцию полезным явлением, так как она стимулирует инвестиции, вложение сбережений в реальную экономику, восстанавливая равновесие между спросом и предложением.

Наследие кейнсианства. Кейнс и его последователи разработали законченную экономическую модель со своей системой категорий, претендующую на то,

чтобы заменить собой классический либеральный подход. В результате появились новые фундаментальные экономические концепции «макроэкономики». В 1933-1938 годы кейнсианство было положено в основу политики Президента США Ф.Рузвельта (1882-1945) «Новый Курс» («New Deal») по выводу страны из депрессии, а на протяжении послевоенных десятилетий являлось экономической платформой Демократической партии США. Методы государственного регулирования были также востребованы правительствами социал-демократической ориентации, в частности лейбористской партией в Великобритании, СДПГ в ФРГ и др. Многие идеи Кейнса получили дальнейшее развитие в концепции «антициклического регулирования экономики» (Э.Хансен), теории конъюнктурного регулирования экономики (Я.Тинберген), долгосрочного индикативного планирования экономики и других неокейнсианских течениях (Е.Домар, Р.Харрод).

«Еретические» экономические теории. Экономические теории классического либерализма, марксизма (включая социал-демократию) и кейнсианства образуют совокупность того, что в экономической науке принято считать «ортодоксией». Подавляющее большинство экономических теорий и основанных на них экономических систем базируются на методологии и идеологии, проистекающих из той или иной модели экономической ортодоксии. Между представителями этих направлений развертывается полемика относительно наилучшего экономического устройства общества.
Однако существует ряд экономистов, которые отвергали это магистральное направление, предлагая оригинальные и не вписывающиеся ни в одно из «ортодоксальных» учений теории. Совокупно они называются «еретиками» от экономической науки.
Ф.Лист: экономический национализм и «автаркия больших пространств».
Выдающий немецкий экономист Фридрих Лист (1789-1846) сформулировал теорию экономического национализма. Будучи сторонником свободного рынка как оптимального принципа хозяйствования, Лист поставил под сомнение ту часть либеральной теории, которая касается внешней торговли.
Рикардо постарался математически доказать, что свободная торговля ведет к оптимизации развития экономики каждой из стран, которая начинает приоритетно развивать то направление, которое дает ей больше прибыли. Но все доказательство Риккардо основано на предпосылке более или менее равного уровня развития стран-участниц процесса международной торговли. В качестве стартового условия (здесь как и в других местах классической либеральной теории) нормативный принцип «естественных» условий рынка незаметно подменяет собой конкретику исторической ситуации.
Фридрих Лист впервые обратил внимание на то, что в реальных исторических условиях этот уровень различен, а значит, принцип свободной торговли даст одни результаты для стран с развитой экономикой, а другие для стран, отставших и только развивающихся. Вместо уравнивания состояния экономик (как следует из абстрактной схемы Смита и Риккардо) на практике получается дальнейшее развитие более продвинутых, и застой в экономике отсталых. Что ведет только к увеличению дистанции между теми и другими.
Это соображение легло в основу теории Листа, который существенно обогатил концепцию протекционизма, призванную защитить экономику отставших стран (в его случае Германии, Пруссии и Австрии) от более развитых (Англии).
При этом Лист доказывал, что полный изоляционизм и отказ от международной

торговли ведет, в свою очередь, к застою экономики. Решение было найдено в теории «таможенного союза», который, по Листу, есть экономическое объединение стран со сходным уровнем развития экономики и общей социально-культурной и этнической моделью в единое экономическое пространство. Такое «большое пространство» должно, по Листу, быть «самодостаточным» («автаркийным») и участвовать в международной торговле только в тех направлениях и на тех условиях, которые будут выгодны этому «большому пространству». Теория получила название «автаркии больших пространств».

Сам Лист называл свои взгляды «экономическим национализмом», понимая под «нацией» совокупность хозяйствующих субъектов, объединенных общим уровнем развития и единством культурно-исторического происхождения.

Идеи Листа, будучи примененные на практике в Германии, Пруссии и Австрии XIX века, дали эффективные результаты, скорректировав логику рыночного развития этих стран и породив то, что в экономической истории получило название «германского экономического чуда», когда страны Средней Европы, отставшие от Англии в экономическом развитии не десятилетия, стремительно сократили существующий разрыв. Кроме того, многие идеи Листа, замаскированные марксизмом, легли в основу экономических взглядов позднего И.В.Сталина («Экономические проблемыв социализма в СССР»).

Йозеф Шумпетер: фигура «новатора». Другим ярким представителем «еретической школы» в экономике является австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883-1950). Шумпетер был последователем экономиста Леона Вальраса (1834-1910), разработавшего теорию общего равновесия.

Коренная проблема всякой экономической системы, считал Шумпетер, заключается в достижении и поддержании равновесия. В «естественном» (нормативном) состоянии экономическая деятельность представляет собой кругооборот, все фирмы находятся в состоянии устойчивого равновесия, а доходы равны затратам. Прибыль и процент равны нулю, цены образуются на основе средней стоимости, экономические ресурсы полностью используются.

Но в реальности в эту модель вводится дополнительная функция, соответствующая новому соотношению между затратами и выпуском продукции. Введение этой функции осуществляется «новатором», стремящимся получить большую прибыль, чем могут дать обычные способы. Он обладает способностью видеть новые возможности и извлекать из них выгоду. Для достижения своей цели ему необходимы дополнительные кредиты, в результате чего банкир становится, в конечном счете, тем лицом, которое обеспечивает «новатору» возможность действовать.

Шумпетер пришел к выводу, что капитал является динамической категорией, неразрывно связанной с процессом инноваций, так как банковский процент как поток дохода появляется только при росте и развитии экономики. В статическом состоянии, или при круговом потоке, весь продукт идет на заработную плату и ренту, и процент не возникает. Процент -- это цена, уплаченная за приобретение новых производительных сил, он возникает из прибыли, появляющейся при введении новшеств.

Шумпетер вводит в экономическую теорию принципиальное различие между «экономическим ростом» и «экономическим развитием». Экономический рост есть повышение объема производства и потребления одного и того же продукта или услуги. А экономическое развитие основано на появлении новых товаров или услуг, привносимых на рынок фигурой «новатора». При этом экономическое

развитие может приводить не только к увеличению производства, но и к его сокращению – если новые товар или услуга замещают и отменяют собой старые.

«Поставьте в ряд столько почтовых карет, сколько пожелаете — железной дороги у вас при этом не получится », писал Шумпетер.

Экономический рост — это увеличение производства и потребления одних и тех же товаров и услуг (в частности, почтовых карет) со временем.

Экономическое развитие — это, прежде всего появление чего-то нового, неизвестного ранее (например, железных дорог), инновация.

Инновация включает пять случаев:

- создание нового товара, с которым потребители еще не знакомы, или нового качества товара,
- создание нового метода производства, еще не испытанного в данной отрасли промышленности, который совершенно не обязательно основан на новом научном открытии и может состоять в новой форме коммерческого обращения товара,
- открытие нового рынка, то есть рынка, на котором данная отрасль промышленности в данной стране еще не торговала, независимо от того, существовал ли этот рынок ранее,
- открытие нового источника факторов производства, опять-таки независимо от того, существовал ли этот источник ранее или его пришлось создать заново,
- создание новой организации отрасли, например, достижение монополии или ликвидация монопольной позиции.

В обществе, переживающем экономический рост, товары и деньги движутся навстречу друг другу по давно установившимся путям. Шумпетер называл такое движение «*циркулярным потоком экономической жизни*». Экономическое развитие нарушает ход циркулярного потока, вызывает к жизни новые отрасли промышленности и прекращает существование устаревших. Например, изобретение автомобиля привело не только к созданию автомобильной промышленности, но и очень значительным изменениям в производстве стали, резины и стекла. В то же время автомобиль «похоронил» конные заводы и шорные фабрики — разведение лошадей и изготовление упряжи для них из промышленности превратилось в полукустарное ремесло.

Однако экономическое развитие не может происходить непрерывно просто потому, что новые идеи появляются не каждый день. Инновация, а с ней и экономическое развитие, носит прерывистый характер. Именно прерывистым характером инновации Шумпетер объяснял экономический цикл.

Конец капитализма. Шумпетер предсказывал конец капитализма как системы. Он заявлял, что «великолепный механизм, именуемый капитализмом, перестанет функционировать». На ранних стадиях развития, когда капитализм давал простор предприимчивости, отдельный предприниматель мог рисковать во имя ожидаемого дохода. Предприниматель стремился проявить свои организаторские и коммерческие способности. Однако сегодня в результате технического прогресса функции предпринимателя по внедрению новшеств значительно сузились и сводятся к простой рутине. Прежняя романтика экономических приключений исчезает, бюро и комитеты заменяют индивидуальные действия. Все это неизбежный результат капиталистического процесса развития, он ведет к тому, что буржуазия превратится в ненужный класс. Таким образом, успехи капиталистической экономики парадоксальным

образом подрывают положение класса, который первоначально отождествлялся с капитализмом.
Эти изменения приводят к вытеснению мелких предпринимателей; частная собственность и свобода заключения контрактов становятся архаичными правовыми категориями. Миллионы не участвующих в процессе капиталистического производства держателей акций заменяют активных его участников. Люди начинают отворачиваться от капитализма, несмотря на эффективность его производственной машины.
Сильвио Гезелль: теория «свободных денег». Еще одним крупнейшим теоретиком «еретической» экономики был немецкий экономист Сильвио Гезелль (1862-1930).

Теория Гезелля основана на концептуализации следующего наблюдения за особенностью устройства современного капиталистического общества. — Любые конкретные материальные объекты, находящиеся в частной собственности, являются постоянным источником дополнительных трат и объектом приложения трудовых усилий. Собственность нуждается в уходе, подлежит амортизации, стареет, изнашивается, требует для поддержания своего существования труда и финансовых вложений. По контрасту с этим деньги и их существование следуют обратной логике. Это единственная хозяйственная реальность, которая не требует для своего поддержания затрат, и наоборот, будучи пущенной в оборот, самим фактом своего существования приносит прибыль (банковский процент). Начальная стоимость капитала, воплощенная в товаре, требует дополнительного производственного процесса для того, чтобы сохраниться. С деньгами наоборот: денежный капитал — в нормальном случае — не обесценивается сам по себе, а прирастает.
Отсюда Гезелль делает вывод о постоянно возрастающей диспропорции между финансовым капиталом и реальным капиталом, воплощенным в вещах («товарным покрытием»), и предсказывает возникновение чисто спекулятивной «финансовой экономики» («финансизма»), которая полностью подчинит абстрактной биржевой игре сектор реального производства, что будет способствовать усилению социального неравенства, появлению отраслевых диспропорций и деградации хозяйственной системы. Гезелль делает вывод о «пирамидальной природе денег». Все эти явления полностью реализовались в финансовой экономике постмодерна (постиндустриальная экономика).
Чтобы остановить этот негативный процесс, Гезелль предлагает поставить финансовый капитал в равное положение с «капиталом физическим». Это предполагает введение «свободных денег» («Freigeld» по-немецки). Такие «свободные деньги» по истечении определенного срока должны терять часть своей стоимости, поэтому держатель денег будет вынужден стараться как можно скорее от них избавиться, вкладывая их в реальное производство, тем самым стимулируя и интенсифицируя его.
В 1932 в Австрии в местечке Воргль эта система была с потрясающим успехом протестирована на местном уровне. Повторный эксперимент длился два года в Швейцарии в Линьер-ан-Берри (1956-1958) и также дал позитивный результат, взлет промышленного производства и т.д. Обе попытки были искусственно пресечены вмешательством федеральных властей, увидевших в таком подходе угрозу всей финансовой системе, основанной на «ортодоксальной» экономической логике.
Общий принцип Гезелля: деньги, которые не вкладываются в реальные товары

и предметы — в реальный сектор экономики, не просто не способствуют развитию этой экономики, но ее разрушают.
Неолиберализм. Параллельно с марксизмом, кейнсианством и «еретическими» течениями в экономике XIX – XX веков продолжал играть значительную роль и либерализм, который, однако, удивительно мало изменился за это время по своей сути. В XX столетии его прямым наследником стал неолиберализм – направление в экономической науке и практике управления хозяйственной деятельностью, сторонники которого продолжают отстаивать принцип саморегуляции, «невидимой руки» рынка. Лозунг неолибералов -- «Назад к Смиту!» -- означает критику кейнсианства и отказ от методов активного государственного вмешательства в экономику. Современных либералов объединяет не какая-то единая теория или концепция, а скорее общность методологических подходов.

К неолиберализму принято относить три школы: чикагскую (М.Фридмен), лондонскую (Ф. фон Хайек) и фрайбургскую (В.Ойкен, Л.Эрхард), оказавшие принципиальное влияние на экономические реформы в ФРГ после второй мировой войны (т.н. «немецкое чудо»), экономическую политику правительства М.Тэтчер в Великобритании и американского президента Р.Рейгана («рейганомика»). Неолиберальные идеи, особенно концепция монетаризма (от англ. «monetary» - «денежный», «валютный»), разработанная главой чикагской школы М.Фридменом, образуют экономическую платформу республиканской партии США, а также теоретические основания деятельности Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка развития и реконструкции (МБРР).
В настоящее время либерализм остается наиболее распространенным экономическим учением во всех странах мира, и либеральная (неолиберальная) модель экономики берется за нормативный образец и при изучении экономических теорий и для создания рыночных механизмов в странах, где они по какой-то причине не сложились или развивались в замедленном ритме.
Проекцией и институционализацией в практическом плане неолиберальных взглядов на мировую экономику является создание в 1994 году (на базе Секретариата Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)) Всемирной торговой организации (ВТО), базовыми принципами которой являются либерализация национальных экономик, т.е. открытие их границ и постепенный отказ от любых форм государственного протекционизма, регулирование торговли преимущественно тарифными методами, транспарентность (прозрачность) торговой политики, международное разделение труда. Российская Федерация ведет переговоры о присоединении к ВТО с середины 1990-х годов. Для этого нашей стране необходимо в двухстороннем порядке договориться со всеми государствами-участниками об упрощенных условиях их доступа на российские рынки, а также привести свое национальное законодательство в соответствие с нормативными документами организации (т.н. «Пакет соглашений Уругвайского раунда»).

Три типа экономики: *прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная.* Экономика как наука возникла в Новое время, отражая общий процесс модернизации, затронувший все стороны общества. Экономическая теория может быть применена к анализу трех типов общества.

Традиционному обществу соответствует экономика прединдустриального типа. Обществу модерна (современному обществу) – индустриальная. Обществу постмодерна – постиндустриальная экономика, называемая также «информационной экономикой» или «новой экономикой».
Во всех случаях критерием выступает факт промышленного развития – т.е. уровень индустриализации. В традиционном обществе промышленного развития еще нет. В обществе модерна – промышленность является основой всей хозяйственной системы. В обществе постмодерна – центр тяжести смещается в сторону информационных технологий и в область финансов, промышленность уже не является основным фактором экономического развития.

В экономической теории существует деление хозяйства на три сектора:
- первичный сектор соответствует аграрному производству,
- вторичный – промышленному,
- третичный – сфере непроизводственных услуг (в том числе финансовых).

В традиционном обществе, соответственно, преобладает первичный сектор, в обществе модерна – вторичный, а в обществе постмодерна – третичный.

Прединдустриальная экономика. Традиционному обществу соответствует аграрная (или прединдустриальная) экономика. В таком обществе преобладает натуральный обмен, основное производство сосредоточено в сельском хозяйстве и животноводстве, а также в мелком ремесленничестве. Деньги имеют ограниченное хождение. Развитию капиталистических отношений препятствуют различные «священные» запреты – так, в христианской и исламской цивилизациях до определенного момента было категорически запрещено ростовщичество (а в некоторых исламских странах этот запрет сохраняется и по сей день). Прибавочный продукт, появляющийся в результате трудовой деятельности, либо обобществляется в ходе ритуальных пиров, либо уничтожается в форме жертвоприношения (М.Мосс (1872- 1950)).
В прединдустриальном обществе вопросы хозяйства имеют периферийное значение, отсюда отказ от выделения экономики в самостоятельную сферу, оторванную от религии, этики и т.д.
Экономический анализ традиционного общества с позиций современных экономических теорий конечно возможен, но игнорирование и

неоспоримого превосходства либеральной капиталистической системы и свободного рынка над альтернативной социалистической моделью экономики. И на этом основании классические либеральные принципы были признаны «универсальными» и «безальтернативными», что лишило многие страны надежд на то, чтобы развивать свои экономические системы в соответствии со своими национальными особенностями.
Повсеместное внедрение информационных технологий – компьютеров, Интернета, цифрового телевидения, мобильной связи, системы расчета по кредитным карточкам и т.д. – и транснациональных финансовых институтов, а также укрепление позиций доллара как мировой резервной валюты все это сделало возможным говорить о «наступлении эпохи глобальной экономики и о создании планетарного рынка».
Если в индустриальной экономике эпохи модерна субъектом в международных экономических отношениях выступало государство-нация, воплощающее в себе единицу «национальной экономики», наделенную политическим суверенитетом, то начиная с 90-х годов XX века статус субъекта экономической деятельности постепенно смещается в сторону транснациональных корпораций, которые действуют в поисках извлечения дополнительной прибыли независимо от национальных границ и контроля национальной администрации. Широкое распространение новых технологий способствует такому процессу, в ходе которого происходит десуверинизация национальных государств и их интеграция в единый мировой рынок (две стороны одной медали).
Процесс глобализации затрагивает разные страны в разной степени. Если экономика США в значительной степени уже перешла к постиндустриальной фазе, и уже более 70% населения этой страны уже занято в третичном секторе, а экономика стран Европы движется в этом же направлении, то в других странах и особенно в «Третьем мире» это соотношение выглядит совершенно иначе, и в глобальную экономику с ее постиндустриальным укладом интегрирована только узкая прослойка экономической элиты.
Ядро и периферия глобальной экономики. Глобальная экономика представляет собой систему, где существуют зоны равномерного распространения постиндустриальной экономической модели (т.е. «ядро» или «золотой миллиард») и зоны периферии, где наличие постиндустриальных структур является точечным, а основные социально-экономические массивы продолжают существовать в рамках индустриальной или даже прединдустриальной экономики.
Яркий пример такой периферии – современная Индия, где есть городские анклавы высокотехнологической цивилизации, в том числе финансовые и биржевые центры, представительства транснациональных корпораций и т.д. (постиндустриальная экономика), зоны бурного развития промышленного производства (индустриальная экономика) и огромные зоны, где многие миллионы индусов, составляющие абсолютное большинство всего населения, превышающего 1 000 000 000 человек) живут в условиях прединдустриального, аграрного архаического производства. Отчасти это относится к Китаю, странам Юго-Восточной Азии и т.д.

Экономическая модернизация как понятие. Понятие модернизации экономики означает, в первую очередь, п*ереход от экономического уклада традиционного общества к экономике модерна*, т.е. собственно индустриализацию.

Модернизация обязательно предполагает перемещение больших масс населения из деревни в город, увеличение количества людей, задействованных в промышленном производстве. Развитие средств производства и технический прогресс сопровождают этот процесс как его технологическая составляющая. Там, где переход к индустриальной модели в целом уже состоялся, модернизация содержательно представляет собой дальнейшее развитие основных тенденций, составляющих суть индустриального уклада. И здесь содержательная сторона модернизации может пониматься по-разному в зависимости от того, с какой экономической теорией мы имеем дело. Либеральная концепция предполагает, что после того, как процесс индустриализации завершен, стихия свободного рынка (открытая экономика) сама будет диктовать логику и направление экономического развития, и смысл и характер дальнейшей модернизации будет зависеть от случайных обстоятельств рыночной игры.
Социал-демократы (и отчасти кейнсианцы) полагают, что процесс модернизации экономики на продвинутых этапах заключается в повышении роли государственного и социального фактора и соответственно в развитии институтов гражданского общества, надстраивающих рыночную инфраструктуру дополнительными институтами.
Марксисты полагали, что модернизация должна постепенно привести к условиям для создания коммунистического общества «всеобщего материального изобилия».
Во всех случаях процесс модернизации экономики приводит к той черте, за которой начинаются условия постиндустриального уклада, и модернизация сменяется постмодернизацией.

Постмодернизация и ее особенности. Постмодернизация представляет собой переход от индустриальной экономики к постиндустриальной. Этот переход является не количественным (повышение количественных показателей, как рост ВВП или иных макроэкономических индексов), но качественным, так как наступление нового экономического уклада происходит тогда, когда налицо развитие не промышленного, но информационного и финансового сегмента, а также сферы высоких технологий.
Постмодернизация - явление новое, и даже самые передовые страны находятся в настоящее время в переходном состоянии, так как постиндустриальное общество до конца не реализовалось пока ни в одной стране. Дже США, структура экономики которых ближе всего к постиндустриальному состоянию, не могут рассматриваться как законченное информационное общество.
Единой теории постмодернизации пока не выработано, и экономические модели, описывающие постиндустриальное общество, выделяют лишь некоторые черты, ему свойственные. Сейчас трудно сказать, как будет проходить этот процесс даже у самых передовых стран с развитыми и полностью модернизированными экономиками, и тем более проблематично точно предсказать процессы перехода к постиндустриальному укладу в тех странах, которые еще не прошли цикл индустриализации до конца.
Здесь вступает в дело один существенный фактор: процесс модернизации (т.е. индустриализации) экономики проходит почти всегда в контексте национальных государств. Это характерно даже для постколониальных стран Третьего мира – развитие индустриальной экономики разертывается там в ходе процесса

деколонизации и получения национальной независимости. А процесс постмодернизации проходит в условиях глобализации, когда национальная экономика уступает место экономике транснациональной. Только для тех стран, которые самостоятельно дошли до уровня постиндустриального развития в рамках национального государства, переход к глобальной экономике не несет с себой утраты национального суверенитета, так как новые транснациональные структуры и планетарные финансовые институты по определению являются продолжением ее собственных национальных структур, но теперь простирающих свою деятельность на остальные страны, подвергая их параллельно десуверинизации. Глобализация является, таким образом, двойственным процессом: для субъекта глобализации (США и стран Западной Европы) она представляет собой создание планетарной империи (постмодернистического типа), а для объектов глобализации (всех остальных стран) – интеграцию национальных экономик в транснациональную систему, действующую по своим законам и по своей логике и неподконтрольную национальному правительству и соответствующему законодательству. Иными словами, экономическая постмодернизация представляет собой новейшую форму постиндустриального империализма.
Вопрос о том, что нужно сделать государству, чтобы осуществить-таки процесс постмодернизации экономики и сохранить вместе с тем свой национальный суверенитет, остается открытым и может быть решен только в ходе конкретной экономической и политической истории. Пока однозначно успешных примеров решения этой сложной задачи нет. Искать выход в этой непростой ситуации сегодня пытаются Китай и Россия.

Влияние национального и культурного контекста на экономическую систему. Большинство экономических теорий рассматривают хозяйственную систему общества как нечто «универсальное» и в равной мере относящееся ко всем обществам, народам, культурам и странам. Логика развития западно-европейской экономики и основные ее фазы берутся как общеобязательный закон, одинаково применимый ко всем. В таком подходе отражается настрой эпохи европейского Просвещения, претендовавшего на открытие универсальных законов мира, человека и общества, хотя речь шла только о небольшой части человечества, живущей на западной окраине евразийского материка. В экономических теориях этот европо-центризм виден наглядно. Делая заключения о природе ведения хозяйства, о мотивации людей к предпринимательской деятельности и труду, о развитии производительных сил и производственных отношений экономисты просто приравняли конкретный исторический и географический сегмент человечества к целому, отказав тем самым иным (неевропейским и несовременным) типам ведения хозяйства в равноправии. Даже марксисты, исповедовавшие интернационализм и порицавшие европейскую колониальную практику, с точки зрения теории оказались столь же европоцентричны, как и остальные экономические идеологии, и предрекли всем народам мира ту же судьбу, что и у европейцев. То, что не укладывалось в эти схемы, Маркс назвал загадочным термином «азиатский способ производства», не удосужившись описать его более подробно.

Лозунг Нового времени - «экономика это судьба» - содержал в себе и следующий смысл: «европейская экономика это путь, по которому обязано

пройти все человечество, и в этом его судьба».
Самим авторам экономических теорий казалось, что в материальной сфере ведения хозяйства они нашли, наконец-то, то общее, что одинаково присуще всем людям, ведь речь шла об удовлетворении самых простейших потребностей – в еде, одежде, доме, средствах производства и т.д. Не даром Адам Смит говорил о «естественных условиях», как о чем-то всеобщем и само собой разумеющимся для всех. На самом же деле, эти «естественные условия» были умозрительной абстракцией, построенной на основании конкретных наблюдений за хозяйством западно-европейского общества, и это не могло не повлиять на формулировку тех «универсальных» законов, которые стремились вывести экономисты. Их «универсальность» на деле ограничивалась довольно небольшой частью человеческой истории, а за ее рамками осталось множество экономических форм и структур, принадлежащих к иным культурным и социальным контекстам.

М.Вебер и В.Зомбарт об историческом и культурном происхождении капитализма. Существенно скорректировали эти ошибочные мнения об «универсальном» характере экономической теории труды выдающихся немецких экономистов и социологов Макса Вебера (1864-1920) и Вернера Зомбарта (1863-1941).
Макс Вебер показал, что экономическая система Западной Европы Нового времени является следствием культурных и религиозных перемен в европейском обществе, связанных с эпохой Реформации и распространением протестантизма. Именно в протестантизме и протестантской этике Вебер обнаружил основы того типа частного предпринимателя, который стал классической фигурой европейского капитализма. Таким образом, Вебер предложил рассматривать буржуазный тип «экономического человека» как религиозно-культурное явление.
Протестантская этика сделала ставку на рациональное человеческое поведение, критически переосмысляющее религиозные и социальные традиции исходя из собственных индивидуальных оценок. Индивидуализм и рациональный выбор являются основой протестантской психологии. Эта же пара, по Веберу, лежит в основе капиталистической экономики, и не случайно первые экономические теории появляются в Англии, где протестантизм получил широкое распространение. Отказ от большинства католических догматов привел протестантов и к упразднению запрета на ростовщичество, а это открыло прямой путь к появлению финансовой системы капитализма, развитию кредита и созданию банковской системы.
По мнению Зомбарта, истоки капитализма стоит искать еще до возникновения протестантизма – в некоторых положениях Средневековой католической схоластики, также утверждающей индивидуализм и рационализм. Зомбарт тщательно исследовал роль в развитии капиталистической системы религиозных идей, течений и отдельных маргинальных сект и общественных групп.
Исследования Вебера и Зомбарта показали, что экономическая модель, появившаяся в Европе Нового времени, и систематизированная классической полит-экономией и всеми, кто развивал ее идеи в том или ином направлении (включая марксизм), является продуктом конкретной религиозной культуры, связанной с конкретным историческим моментом и конкретной национальной средой. Работы Вебера и Зомбарта позволили по-новому взглянуть на

экономику как целостное явление, четко связав его с историческим и национальным контекстом.
Французский экономист и историк Фернан Бродель (1902–1985) развил эти идеи применительно к истории капитализма, описав его как четко локализуемый исторический и географический феномен, лежащий в строгих временных и пространственных границах, а не как систему универсальных закономерностей, что предполагала классическая политэкономия, а равно и критическая традиция (марксизм, кейнсианство, социал-демократия и т.д.)
Таким образом, внимательный анализ экономики как явления показал, что экономика на самом деле является «судьбой» только для небольшой части человечества и в течение довольно небольшого срока (западно-европейская культура Нового времени). Однако полноценные исследования экономических структур неевропейских культур и разбор хозяйственных моделей традиционных обществ без предрассудков, свойственных модерну, систематически так и не были осуществлены.
Философия хозяйства как национальное явление. Обнаружение прямой взаимосвязи между экономической системой общества и его социально-культурным и религиозным типом позволяет рассмотреть экономику как культурное и общественное явление, а не только как проявление механических раз и навсегда данных законов. Разные общества могут создавать разные типы хозяйства, основанные на разных этических и культурных предпосылках. А кроме того заимствуя элементы западной капиталистической экономики разные народы могут перетолковывать их в соответствии со своим этническим и религиозным контекстом. Коль скоро субъектом истории является народ, то и система хозяйства вырабатывается (или избирается) им в соответствии со своей исторической волей.
Это означает, что, строго говоря, каждый народ волен создавать свою собственную экономическую теорию и строить на ее основании свою хозяйственную модель. И фазы развития этой модели – модернизация и даже постмодернизация – будут в таком случае отражать более общий исторический опыт данного народа во всем его своеобразии.

Контрольные вопросы

1.Какие экономические теории вы знаете? Назовите их. Почему, как вы думаете, некоторые из них называют «еретическими»?
2.Какие три типа экономики соответствуют трем типам обществ (премодерн, модерн, постмодерн)?
3.Изложите основы положения либеральной экономической теории (как вы е понимаете).
4.Какую модель экономики предлагала марксистская теория?
5.Влияют ли культурные и исторические особенности народов на их экономический уклад и развитие?

5.2. Этапы становления российской экономики

"Хозяйство софийно в своем основании, но не в продуктах, не в эмпирической оболочке хозяйственного процесса с его ошибками,

уклонениями, неудачами."
О.С.Булгаков

Экономика России связана с самобытной логикой русской истории. Взаимосвязь экономической модели с народом, культурой и обществом, а также с их историей позволяет описать историю хозяйства в России как самостоятельное явление, имеющее свою периодизацию, логику и последовательность. Причем сравнение с аналогичными этапами в развитии хозяйства других стран – в частности, западно-европейских - будет в данном случае выступать не как универсальный эталон, а как отдельный и самостоятельный историко-социальный опыт, полезный для сравнения (так как он отлично изучен и систематизирован), но необязательный.
Этапы развития экономики России и сама эта экономика суть явления, принадлежащие исключительно к истории нашего народа.

Аграрная экономика и «проклятая часть». В основе русского хозяйства лежит оседлое земледелие и принцип общинной обработки земли. Эта форма хозяйства прослеживается с момента появления народа славян в истории. Сельское хозяйство являлось основой российской экономики – ее осью. Сельское население составляло подавляющее большинство, и бытие народа протекало преимущественно в сельской среде. Отсюда совершенно особое отношение русских к земле, к пространству, к природе. Народ в своей хозяйственной деятельности не отрывался от земли окончательно, привязывая всю экономику к селу, пахоте, циклу сева, взращивания всходов и сбора урожая.
Аграрный характер русского хозяйства неразрывно связан *с формой традиционного общества.* Показательно, что Россия была преимущественно аграрной страной вплоть до 30-х годов XX века. До победы большевиков полноценной модернизации и индустриализации российского хозяйства проведено не было, и не смотря на все реформы, русское общество оставалось традиционным.
С этим связана одна очень важная его особенность. В экономике традиционного общества изначально существовал *этический* и *религиозный запрет* на накопление прибавочного продукта. Понятие «излишка» в русском языке происходит от слова «лихо», т.е. «зло», «лихвой» назывался также ссудный процент. Появление «излишнего», того, что превышает актуальные нужды людей, приравнивалось к «проклятой части» или «проклятой доли» (Ж.Батай, М.Мосс). Эти «излишки» (как религиозно табуированное «зло») подлежали обрядовому уничтожению – либо в ходе жертвоприношения, либо в форме изобильной совместной трапезы (братчины) с обязательным чрезмерным потреблением «прибавочного продукта».
Этому соответствует и устойчивость крестьянской общины, как самого древнего способа ведения коллективного хозяйства. Общинное земледелие мы встречаем на заре славянской истории, и оно сохраняется таковым вплоть до XX века, когда в ходе Столыпинских реформ правительство пытается искусственно насадить в крестьянстве индивидуальное предпринимательство. Сельская община крестьян составляла основу русского народа, и основные продукты питания, одежды и предметы первой необходимости на Руси изготавливались именно крестьянством.
Практически вся экономическая история России от первого упоминания

восточно-славянских племен до второй половины XIX века протекает в условиях прединдустриального общества. По сути, русский народ есть народ-земледелец.

Развитие земледелия: от родовой общины к соседской. Древние славяне в степных районах применяли переложное, или залежное земледелие, на севере - подсечно-огневое. Освоенные земельные участки (поля) использовали несколько лет, пока земля не истощалась, потом осваивали новые территории и начинали все сначала. Передвижение шло вдоль рек. Основными орудиями труда являлись различные виды деревянного рала (вид плуга), примитивные сохи-суковатки, узколезвенный топор и серп. Восточные славяне занимались также скотоводством, охотой, рыболовством, бортничеством (сбором меда диких пчел), т.е. всем тем, что давал им кормящий ландшафт.
Новые орудия труда - рало с полозом, соха с сошниками, плуг с железным лемехом -- позволили перейти от подсеки и перелога к дву- и трехпольной системе земледелия. В результате первоначальная родовая община уступила место общине соседской или сельской, составной частью которой стала малая семья. Члены соседской общины, включавшей два-три двора (иногда больше), были связаны общими хозяйственными интересами, заботой о защите своей земли.

Появление ремесленничества. На этапе формирования соседской общины у древних славян происходит важный социально-экономический процесс - общественное разделение труда.
Ремесленное производство создавало предпосылки для возникновения городов - центров ремесла и торговли. Поначалу торговля носила натуральный, меновый характер, затем был введен эквивалент обмена - шкурка пушного зверька (куна); восточные славяне также использовали при расчетах монеты других стран.

Византийское наследие: государственная поддержка свободного землевладения. На хозяйство Древней Руси повлияло и византийское наследие, так как в Византии в отличие от Западной Римской империи законодательство препятствовало укреплению земельной аристократии, закрепощению крестьян и развитию феодальных отношений. Императоры неоднократно издавали эдикты, призванные защитить интересы сельских крестьянских общин перед лицом частных землевладельцев (в частности, Крестьянский закон VIII века, где правовым статусом наделяется свободное крестьянское сословие и мелкие землевладельцы). В этом определенную роль сыграли представления православной традиции о том, что «земля Божия», и не может быть объектом абсолютной частной собственности (св. Иоанн Златоуст (347-407)).
Развитию феодализма в Византии препятствовала не только инерция, но и сознательная установка высшей власти, руководствовавшейся православными идеалами, согласно которым в центре стоит духовное сокровище, а не обладание мирскими богатствами. Только после IV Крестового похода и завоевания латинскими крестоносцами, на территории Византии стали активно развиваться феодальные отношения – коммендации, вассалитет и т.д. Крупнейший историк-византинист Ф.И.Успенский (1843-1928) так описывает это явление: «На Востоке (…) крестьянская община предохранена от разрушения.

Задержав социальную эволюцию на первой (…) стадии, византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе; в Византии не могло развиться сеньоратных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы. (…) Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его против внешних врагов. (…) Для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; для Востока же – господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия». Сам Успенский объясняет такую особенность византийской политики влиянием на Римское право славянских хозяйственных традиций.

Крестьяне и земское боярство. Изначально, членами русской кретсьянской общины были именно свободные земледельцы. Из своей среды они выдвигали старейшин или «больших», «боляр», т.е. «бояр», которые вместе с потомками племенных славянских вождей докиевского периода составили основу земской аристократии («земского боярства»).
Мнения относительно имущественного расслоения на раннем этапе древнерусского общества у историков расходятся. Некоторые дореволюционные авторы считали, что этого расслоения изначально вообще не было, и между верхами (называемыми также «лепшими», «большими», «первыми», «нарочитыми») и низами («молодшими», «меньшими», «простой чадью», «смердами») экономического неравенства не существовало. Точнее, различие в социальном статусе не основывалось на имущественном неравенстве. Историки-марксисты это отрицают, видя в сословном расслоении проявление именно материального неравенства. Но в любом случае документальных подтверждений прямой взаимосвязи между общественным положением и материальным благосостоянием в сельских общинах Древней Руси мы не встречаем.

Холопы. Уже с древних времен мы сталкиваемся с упоминанием «холопов», т.е. категорией несвободных тружеников, к которым относились захваченные в плен воины иных племен или те, кто добровольно продал себя в услужение свободным людям – «кабальные холопы». Холопов мы встречаем при боярских и княжеских дворах, где они называются челядью.
Роль холопов, т.е. рабского труда, в аграрной экономике Древней Руси скорее всего была незначительной, и в общем объеме сельского производства они не играли заметной роли, что не позволяет отнести экономику того периода к рабовладельческой. Наличие рабов не меняло в целом трудового характера свободного крестьянского хозяйства.

Экономический аспект отношения народа к государству: прообраз суверенной демократии. Земля на Руси изначально считалась главным богатством, источником и основным средством производства. Поэтому экономические отношения складывались вокруг земли – ее обработки, владения ей, выплаты части, от произведенного благодаря ей продукта в качестве дани.
Появление вместе с Рюриком государства поставило изначальную крестьянскую общину перед систематизацией процесса передачи князю и его дружине части произведенных продуктов. Это было платой за обеспечение

государственного единства, порядка и безопасности. После крещения Руси, к этому добавилась выплата церковной десятины – на нужды причта и строительство новых храмов.
Государство в экономическом смысле создало систему *экономического единства всех племен и общин*. И хотя натуральный обмен происходил только в ограниченной зоне, именно выплата дани в пользу великого князя сближала между собой всех подданных государства. Все свободное население Киевской Руси носило название «люди». Отсюда термин, означающий сбор дани – «полюдье».
За счет этой дани формировалась княжеская казна, которая шла на содержание двора и дружины, оплату сборщиков податей, подготовку и финансирование военных походов, строительство церквей и монастырей.
Эта модель представляет собой образец экономических отношений народа к созданному им самим государством: свободные труженики добровольно дают дань (налоги) на содержание государственного аппарата и на церковь, материально поддерживая таким образом высшие организационные инстанции, которые, в свою очередь, обеспечивают народу единство, свободу, независимость, справедливость, мощь и безопасность. Это - «государство свободных тружеников», где сочетается суверенитет народа и могущество государственной системы. В таком «государстве тружеников», «народном государстве» мы имеем дело с прообразом «суверенной демократии».

Вотчина. Первое отступление от этой экономической идиллии «государства свободных тружеников» мы встречаем в явлении вотчинного владения. Вотчина (или «отчина», т.е. отцовское владение) представляет собой земли, принадлежащие князю или членам его дружины и передававшиеся от отца к сыну по наследству.
Изначально вотчины служили для князя источником дополнительного дохода и признаком его общественного положения. Крестьяне, живущие на территории вотчины, отличались от других тем, что передавали часть результатов своих трудов не сборщикам дани, а непосредственно владельцу вотчины, материально поддерживая представителей власти напрямую. Это порождало новый тип отношений государства и его представителей с народом: «смерды», оказавшиеся в вотчине, постепенно превращались в личное «имущество» вотчинника, утрачивая гражданские свободы, свойственные крестьянам-общинникам. Это окончательно произошло после принятия «Соборного Уложения» (1649), и то в «Уложенной комиссии» князя Н.И.Одоевского (?-1689) стреимлись не допустить «крещеной собственности». Это сближало свободного земледельца со статусом «холопа» («челяди») или «закупа», т.е. крестьянина, который, разорившись, брал у аристократа в долг «купу» -- часть урожая, скота, деньги, и должен был работать на своего кредитора и подчиняться ему, пока не вернет долг, что на практике чаще всего приводило к закабалению и превращению в «холопа». Холопов, однако, выкупала Церковь.
Вотчина представляет собой экономическое выражение отчуждения государства от народа, и иллюстрирует собой случай, когда носители государственной идеи (аристократы) переносят статус политической субъектности с народа на самих себя, что ведет к развитию феодальных отношений. По сути, в вотчине мы видим первое историческое отступление от славянской «суверенной демократии» и византизма и шаг в сторону европейской феодальной модели.

При этом в развитии вотчинных отношений есть тонкая грань, где вотчинник перестает быть носителем объединяющей государственной идеи и начинает руководствоваться только сословными интересами. Эта граница отделяет систему государственной аристократии от феодализма.
Важно отметить, что вотчины на первом этапе складывались вокруг князей и их дружин, т.е. вокруг государственной элиты, чья этническая (более западная) психология существенно отличалась от славянской психологии большинства населения Древней Руси. Вместе с тем, процент вотчинных крестьян («смердов»), приближенных по статусу к «холопам», в целом никогда не был значительным и представлял собой подавляющее меньшинство всего русского крестьянства.
Устойчивость аграрной модели экономики. Экономическая система, в которой свободные сельхозяйственные общины соседствовали с вотчинным хозяйством, просуществовала более или менее в одинаковом состоянии вплоть до XV века, пережив и эпоху раздробленности (княжеских усобиц) и монгольские завоевания. Крестьянство обрабатывало землю, занималось животноводством, смежными видами деятельности (бортничество, мелкое ремесленничество) и платило дань государству – в лице великого князя, удельных князей или в монгольскую эпоху хана «Золотой Орды».
При том, что количество городов на Руси постоянно росло, даже в XVI веке в городах жило всего 2% населения, и только в 16 городах из 170 количество посадских дворов превышало 500.
Это означает, что аграрный экономический уклад на Руси оставался приблизительно в одинаковом состоянии, начиная с первых страниц Киевской Руси до XVI века. Такое положение дел не могло не оставить в общественном сознании русского народа неизгладимую память, наделив его устойчивой крестьянской психологией, проявляющейся в трудовой этике, циклическом характере работ, общинном отношении к ведению хозяйства, глубоком понимании живой природы, особом внимании к ландшафту.
Циклический настрой русской трудовой психологии и место оргиастического праздника, отменяющего на время рациональные стратегии и ритуально уничтожающие накопленные «излишки», являются до сих пор выразительным следом этого неизменного хозяйственного бытия в условиях «аграрной вечности».
Начало процесса закрепощения крестьян. На протяжении XVI столетия в России складывалась система «крепости» (называемая некоторыми исследователями «первым крепостным правом»).
Возникшая значительно раньше норма, согласно которой крестьянин имел право уходить от своего владельца только в течение двух недель в году, уже в конце XV века становится государственной.
Судебник Ивана III (1497) установил единый для страны срок перехода крестьян: неделя до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделя после, а в 1581 году был издан еще более жесткий Указ о «заповедных летах» -- в эти годы Юрьев день отменялся вообще и переход крестьян от владельца к другому запрещался. Окончательное утверждение крепостного права в России приходится на годы правления Бориса Годунова (1552 - 1605). Около 1592-1593 гг. был принят указ, который не временно, как при «заповедных летах», а навсегда запрещал крестьянский выход в Юрьев день.
Таким образом, к концу XVI столетия в России произошло коренное изменение положения крестьян, лишенных отныне права выхода от своих владельцев.

Отсутствие на Руси эпохи феодализма. Особенностью экономической истории русского народа является отсутствие полноценной феодальной системы – по крайней мере, аналогичной той, которая с ложилась в странах Западной Европы. Несмотря на то, что учебники русской истории пестрят терминами «феодализм», «феодальные отношения» и т.д., это представляют собой непродуманную и натянутую кальку с экономической истории Запада.
В Западной Европе появление феодальных отношений в эпоху Средневековья основывалось на переходе от системы коллективных хозяйственных единиц (германская «марка»), выступающих одновременно как производители и воины в одном лице, к закреплению их за конкретным мелким или крупным аристократом в форме личного вассалитета, «акт коммендации».
Низшее сословие – «серфы» - становились в каком-то смысле «собственностью» земельного аристократа, с которым они были связаны вассальными отношениями. Таким образом, при феодальных отношениях изначальная община (марка), организованная снизу и имеющая свою форму демократического самоуправления (германский «тинг» - аналог славянского «схода» или «вече»), превращалась в группу хозяйствующих индивидуумов, юридически преданных высшей инстанции в лице владельца, земельного аристократа (лэндлорда). Феодализм в Европе означал именно конец общин и начало индивдуализированных вассальных отношений, что применительно к сословию «серфов» давало их закрепощение за владельцем. Именно из этой индивидуализации бывших членов общины и выдвижения вперед феода как основной экономической единицы и развились в будущем предпосылки капиталистических отношений. Бывшие «серфы» постепенно освобождались (особенно в городских условиях) от вассальных связей и начинали выступать в экономической системе самостоятельно, требуя себе постепенно все больше и больше прав, вплоть до буржуазных революций. Причем в качестве самостоятельных хозяйственных единиц, индивидуумов.
В русской истории аналогичные процессы развивались совершенно иначе. Расформирования общины в пользу прямой вассальной зависимости «смердов» от феодалов полностью вообще никогда не состоялось. Элементы это процесса мы видим и в ранней Киевской Руси (появление холопов, закупов и т.д.), и в вотчинах, и в поместьях при Грозном, и при Петре, и при Екатерине. Но никогда эти тенденции не приводили к полному превращению всех общинников в холопов. Более того, беспристрастный взгляд на русскую историю показывает, что в процентном соотношении «холопы» и «челядь» составляли собой подавляющее меньшинство русского крестьянства, а большинство продолжало сохранять относительную свободу, ограничивая свои отношения с аристократией (как представителями государства) «данью», «оброком» и «барщиной».
Это значит, что феодальные отношения, элементы которых, безусловно, присутствовали в русской экономической истории, никогда не были тем всеобщим явлением, который позволял в случае Западной Европы говорить об «эпохе феодализма». В Европе эта эпоха является неопровержимым историческим и экономическим фактом. В России этой эпохи как эпохи никогда не наступало. И это является одной из важнейших особенностей русской экономической истории. Феодальные отношения были, феодализма не было. Этой точки зрения придерживалось подавляющее большинство русских дореволюционных историков, и утверждение о наличии феодализма в России

было навязано как догма только марксистской исторической школой (М.Н.Покровский (1868-1932)).
Стратегические причины введения крепостничества. Крепостничество внешне напоминает установление феодальных отношений, так как ограничивает свободу крестьянской общины распоряжаться сама собой. Но закрепощение крестьян (особенно при Иване Грозном) шло по совершенно иной логике, нежели при развитии феодальных отношений в средневековой Европе, и даже для противоположных целей.
Важнейшей особенностью русской экономической истории является тот факт, что *закрепощение крестьян приходится не на период раздробленности, а на эпоху создания централизованной московской государственности.* Крестьян из свободного или полусвободного состояния в крепостную зависимость переводят исходя не из сословных интересов землевладельцев, а исходя из государственной необходимости планомерного заселения новых территорий, попавших под контроль Москвы в XV-XVI веках, и укрепления старых. Закрепление крестьян за землями есть не феодальная черта, как это было в средневековой Европе, но элемент сознательной централистской стратегии высшей царской власти.
Крестьяне закреплялись не столько за вотчинником, сколько за поместьем или за «черной землей», являвшейся государственной собственностью. Их записывали в особые писцовые книги и тех, кто попал в книгу, считали прикрепленным к той земле, на которой он был записан. Эти «письменные» крестьяне уже не выпускались со своих мест.
Поместье давалось представителям знати временно за заслуги, и сохранялось в том случае, если государева служба признавалась удовлетворительной. Крестьянская община работала на помещика постольку, поскольку он работал на царя (а значит на государство), а царь и государство в такой тягловой системе работали на исполнение религиозной миссии спасения мира. Так как Московское Царство мыслило себя как Третий Рим, то защита его интересов приобретала в свою очередь религиозный смысл.
Грозный старался перевести как можно больше вотчин, передаваемых по наследству в поместья, выдаваемые временно и за заслуги (в основном выходцам из мелкой аристократии). Пока помещик сам и его потомки служат государству исправно, поместье остается в их пользовании; если он замечен в нерадении или умирает, не совершив ничего особенно полезного для Отечества, поместье возвращается во владение царя. При этом вотчинникам отныне запрещалось переходить с землями на службу к другим князьям, что было правилом при раздробленности. А закрепощение крестьян за землей служило в планах Грозного закреплению народа на бурно растущих рубежах русского царства, т.е. это была не столько экономическая, сколько военно-стратегическая мера по упорядочиванию миграции свободных крестьянских общин. И совпадала она не с укреплением феодальных отношений, но, напротив, с борьбой против них – вплоть до радикальных мер введения опричнины.
Уже в советское время нечто аналогичное проделал Сталин, отобрав у крестьян паспорта. Но здесь совершенно очевидно, что таким образом он привязывал их к территории, а не к личности «председателя колхоза».

Тягловое государство. При Грозном окончательно формируется «тягловое государство» (само выражение принадлежит историкам XIX века, в том числе

В.О.Ключевскому), где экономическое, ратное и иное служение государству вменяется в прямую обязанность всем его членам. Само государство и даже его глава – царь – также «тянут тягло», служа Богу и православной церкви. По словам историка Ключевского в тягловом государстве «гражданин превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать».
Здесь на уровне экономических процессов мы видим новый этап отчуждения государства от народа, и постановку народа в служебное положение относительно государства. Отныне народ не просто добровольно и осознанно оказывает материальную поддержку созданному им государству в форме дани или отработки «барщины», но приносит ему в жертву свою свободу. «Демократия» делает серьезную уступку в пользу «суверенитета», а государство окончательно перетягивает статус политического субъекта на самого себя, лишая этого статуса народ. Хотя определенные элементы демократии сохраняются и в этой ситуации в форме «земства».
На этом историческом этапе, равно как и на следующих, такое отчуждение обосновывается военно-стратегической необходимостью, так как защита народа от внешних угроз и укрепление государственного суверенитета (в том числе и за счет завоевания новых территорий и добровольного присоединения отдельных народов) становятся все более и более сложными и требуют проведения довольно жестких мер.

Развитие торговли и ремесел в XVI-XVII веках. Централизация Московского царства при Грозном и первых Романовых в XVII веке была в определенном смысле процессом экономической модернизации. Несмотря на то, что во главе тягловой системы стояли сугубо духовные ценности, – миссия Москвы-Третьего Рима, - сам факт усиления государственного начала по сравнению с народным способствовал появлению в традиционном русском обществе первых элементов общества модерна. Это проявлялось и в развитии торговых связей с европейскими державами, и в динамике товарного производства, относительно возросшего в этот период.
Масштабы и значение торговли в России в XVI веке значительно выросли по сравнению с предшествующим столетием. С востока везли китайские ткани, фарфор и другие товары, на восток - русские меха, пеньку, воск. На Запад отправлялись продукты русского промыслового хозяйства и лес. С Запада в Россию везли промышленные товары - сукна, металл.
Ремесло и мелкое товарное производство в XVII веке представляли собой господствующие формы промышленности. Среди ремесленников наиболее многочисленную группу составляли тяглые ремесленники - основная масса населения посадов. Тяглые ремесленники работали на заказ, но они же ранее других категорий ремесленников перешли к работе на рынок.
Укрупнение производства и применение в нем наемного труда нашли свое наиболее полное выражение в возникавших в XVII веке мануфактурах. Мануфактуры представляли собой форму крупного производства.
Уже XVI веке из среды посадских людей выделились три привилегированные корпорации: гости, гостиная и суконная сотни, стоявшие вне посадской организации и пополнявшиеся из наиболее зажиточных посадских людей или разбогатевших крестьян.
«Аграрная вечность» и отсутствие предпосылок для развития капитализма снизу в русской экономической истории. Начиная с первых этапов Московского

царства в экономической истории России выделяется фундаментальная особенность: инициатива модернизации экономики исходит не от самого народа, а от государства, которое решает таким образом определенные чисто государственные и военно-стратегические задачи.

«Идеальная» экономическая модель русского народа воплощена в свободном крестянском землепользовании в сочетании с уплатой дани на содержание государства (древне-русская модель «суверенной демократии»). Эта народная экономика связана с циклом сельхозработ и не содержит в себе внутренней динамики. Агарное традиционное общество живет в параметрах «вечности» -- из сезона в сезон повторяются одни и те же природные явления и соответствующие им циклы работ. Год от года мирно течет замкнутый цикл церковных служб. От поколения к поколению воспроизводятся одни и те же черты крестьянского быта. В такой аграрной народной экономической модели нет внутренних предпосылок для развития, дисгармонии и конфликта, нет предпринимательской психологии с ее духом авантюры, риска и индивидуальной активности.
Хозяйственная система, к которой тяготеет русский народ, это общинный циклический крестьянский труд, с повышенным напряжением в теплый период года и с относительной расслабленностью в холодный. Такая трудовая народная психология прекрасно сочетается и с православной этикой, ставящей во главу угла не материальные, но духовные, созерцательные ценности.
Экономическая «модернизация сверху» в эпоху Петра. Динамика возникает в другом месте – в государстве и властном аппарате. Оттуда и исходят импульсы, приводящие в движение всю систему хозяйства России.
В отличие от западно-европейского опыта модернизация российской экономики всегда происходит сверху, а не снизу, и политическая элита здесь выступает не выразителем объективных экономических процессов, автономно протекающих в обществе, но организует их искусственно.
Все это заметно уже в «тягловом государстве» Грозного и в XVII веке, а в эпоху реформ Петра Первого это становится неопровержимым фактом.
Петр Первый, наделенный страстным темпераментом и огромной волей, воспринимает состояние российского общества и, в частности, его хозяйственный уклад, тяготеющий к постоянному воспроизводству «аграрной вечности», как чисто отрицательное явление – «инерцию», «отсталость», «недостаток». Он вдохновляется примерами бурно развивающихся экономически западно-европейских держав, вступивших к началу XVIII века в стадию стремительного развития буржуазных отношений.
Петр ищет в русской среде то, что напоминает ему Европу –мануфактурное производство, активное купечество, первопроходцев новых территорий, предпринимательский дух и т.д. – и вкладывает в эти явления цареву волю. Так как импонирующие ему европейские явления носят ярко выраженный капиталистический характер, то он переносит «капитализм» на русскую почву. Но поскольку «капитализм» внедряется сверху, причем в ситуации, когда объективные процессы в экономике идут совершенно в ином ритме и по иной логике, в результате получается нечто совершенно оригинальное и самобытное: реформы Петра затрагивают только узкую прослойку общества, впечатляющие результаты модернизации касаются отдельных областей, – кораблестроения, внешней торговли, городского мануфактурного производства, оружейной промышленности и т.д., - а основные хозяйственные механизмы

остаются теме же, что и раньше. Россия после Петровских реформ по-прежнему аграрная страна, живущая в ритме традиционного общества – в ритме «аграрной вечности». И хотя после Петра властная элита все больше интегрируется в Европу, перенимая нравы, обычаи, традиции и даже язык, основную массу населения и ядро экономической системы России это не затрагивает.

«Второе крепостное право». Окончательное закрепощение крестьян. Самый большой процент среди всех крестьян к XVIII веку представляли собой государственные (казенные) крестьяне, обязанные платить подушную дань и обрабатывать землю, которая чаще всего принадлежала государству (волости). В «первом» крепостном праве (с эпохи Ивана Грозного до Петра), историки XIX века называли его «крепостью» или даже «круговой порукой», такие крестьяне были строго закреплены за землей (а не за владельцем – временным или постоянным), и не могли быть отделены от нее ни продажей, ни залогом. В начале XVIII века Петр присоединил к ним «экономических» крестьян, которые ранее были приписаны к монастырям и церквям. Все крестьяне были юридически привязаны к земле. Если эти земли входили в поместье (государственные земли, раздаваемые за заслуги дворянству), то они были обязаны отдавать часть урожая помещикам или отрабатывать барщину. Но до «Указа о вольности» «крепость» компенсировалась службой дворян. Даже в в «Наказе» Екатерины II говорится: «Сельские жители живут в селах и деревнях, обрабатывают землю, произведениями которой питаются все сословия, и сие есть их жребий».
Совсем иной правовой статус был у вотчинных холопов. Часть холопов оставались землепашцами, а часть переходила в дворовые люди (челядь). Землепашцы по «первому» крепостному праву также как и свободные крестьяне не могли быть проданы, а собственно «движимым имуществом», которое можно продавать, обменивать, закладывать и т.д. были лишь «дворовые люди», т.е. «челядь».
Во время правления Петра III (1728-1762) для упорядочивания сбора подушной подати произошло объединение в один класс крепостных (свободных) крестьян с холопами, что стало важным шагом в отъеме прав «свободных сельских граждан» в пользу помещиков. Если при Грозном помещики приравнивались к вотчинникам, чтобы ограничить власть наследственной аристократии и уравнять ее в правах со служилым сословием, то в XVIII веке под влиянием европейских обычаев, которые были свойственны «новой» знати, этот процесс стал проходить в обратном направлении: теперь помещики, по сути, сами становились вотчинниками, получая земли в наследную собственность. Так происходило изменение статуса «свободных» крепостных крестьян на статус холопов. По выражению государственного деятеля первой половины XIX века Михаила Сперанского (1772-1839), это привело к появлению «второго» крепостного права (или «крепостничества» в собственном смысле слова), когда крестьяне и их земли стали рассматриваться как частная собственность помещика; земли – недвижимая составляющая, а люди – движимая. Так к концу XVIII века по совершенно особой логике, свойственной исключительно русской истории, сложилась правовая модель, отдаленно напоминающая феодализм. Но и в этом случае важнейшим отличием такой политико-экономической системы от западно-европейского феодального общества является полная зависимость крепостнической аристократии от царя и государства. Вассальные

отношения не получают того качественного объема, который было свойственен Средневековой Европе. Сами баре остаются «государевыми холопами», полностью зависимыми от монаршей воли и необходимости нести государственную службу. По одним признакам «второе крепостное право» напоминает феодализм больше, чем первое, но и здесь это уравновешивается постоянно растущей централизацией власти, что постоянно ограничивает свободы помещичьей аристократии.
Капиталистические отношения в XIX веке. В XIX веке крепостное право сохраняется вплоть до его отмены в 1861 году Александром II, царем-освободителем. Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» знаменовал собой начало новой экономической эпохи.
В марксистской историографии, начиная с Ленина, этот период принято было трактовать как резкий взлет развития капитализма в России. Действительно, в некоторых областях капиталистические отношения, на самом деле, начинают развиваться.
С 1865 по 1890 год число фабрично-заводских и железнодорожных рабочих увеличилось в два раза — с 706 тыс. до 1438 тыс. человек. Получил широкое распространение наемный труд. Непрерывно росло городское население, концентрируясь в крупных городах. С 1863 по 1883 год городское население выросло — с 6 млн. почти до 10 млн. человек. Широкое развитие получила организация банковской системы . Наряду с Государственным банком, учрежденным в 1860 году, появились и непрерывно росли частные банки, общества взаимного кредита, акционерные общества и т. д. Одной из важнейших технологических сфер было широкое железнодорожное строительство как средствами казны, так и частными компаниями. Железные дороги содействовали вовлечению в товарооборот страны все новых и новых районов, они привели к росту специализации районов и усилению торговли между ними. Это косвенно содействовало росту товарности сельского хозяйства.
В России развивается металлургическая, машиностроительная и угольная промышленность, железные дороги предопределяют непрерывно растущий спрос на рельсы, паровозы, вагоны, топливо и т. д.

Развитие капитализма в промышленности России проходило в трех основных областях:

- мелкое товарное производство, представленное мелкими, в основном крестьянские промыслы,
- капиталистическая мануфактура,
- фабрика, машинная индустрия.

Среди самого крестьянства начался процесс расслоения на сельскую буржуазию («кулаков») и сельский пролетариат («бедноту»). В промышленных городах началось формирование пролетариата.
Ленин обобщил эти признаки в своей программной работе «Развитие капитализма в России» (1899). Сам он считал, что ему удалось доказать, что «...развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском, и вне, и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже бесповоротно определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую. Это два». Этот вывод является более, чем спорным. Наличие некоторых признаков

капиталистических отношений было налицо, но ничто не свидетельствовало о том, что «на капиталистический путь развития Россия стала бесповоротно». Более того, внушительное описание капиталистических преобразований никак не отражала того факта, что

- при всей яркости эти преобразования оставались периферийными явлениями по сравнению с преобладанием общинного аграрного производства, которое качественно не видоизменилось после отмены крепостного права и
- экономическая модернизация имела основной движущей силой государственную политику царского правительства, а не объективное развитие капиталистических отношений.

Капитализм в России развивался как реализация стратегической программы царской власти, а его носителями снизу были преимущественно маргинальные социальные группы – либо религиозные (в частности, старообрядцы, которые составили ядро российской буржуазии), либо этнические (как представители российских этнических меньшинств, так и иностранцы из Европы).
Эти обстоятельства показывают, что в России сложился не капитализм, но отдельные его составляющие, затрагивающие некоторые области и распространенные неравномерно в социальном, сословном и географическом пространстве.
Как и в случае с феодализмом, можно сказать, что капиталистические отношения в России XIX и даже XVIII века частично наличествовали, но капитализма как такого не было и близко. Это прекрасно осознавала сам Маркс, отказывавший России в самой возможности социалистической революции. По Марксу, не рынок, не денежная экономика, не наличие масштабной внешней торговли, и даже не факт индустриального производства, банковской системы и технического развития делают капитализм капитализмом, а автономная логика существования капитала как системного явления, подчиняющего своему бытию все аспекты социально-экономической реальности – от производительных сил и производственных отношений до политических структур и культурных особенностей. Причем предполагается, что это системное явление более или менее равномерно распространяется на подавляющее большинство населения страны. Вот этого-то как раз в России не было и близко.

Реформы Столыпина. Царский премьер-министр Петр Столыпин (1862-1911) в первом десятилетии XX века всерьез берется за искоренение сельской общины для искусственного внедрения в деревню капиталистических индивидуально предпринимательских начал, на что и направлены его реформы. А это, кроме всего прочего, означает, что и в его время основы древней аграрной экономики, пережившей и вотчину, и крепостничество, и отмену крепостного права, сохраняются в России в неприкосновенности. Столыпин руководствуется не столько экономическими, сколько стратегическими и социально-политическими интересами, что было отличительной чертой почти всех реформаторов русской истории. Они стремились модернизировать хозяйство в первую очередь для того, чтобы повысить конкурентоспособность и военную мощь перед лицом европейских держав, постоянно угрожавших свободе и безопасности России. Столыпин откровенно говорит, споря с революционерами: «Им нужны великие потрясения, мне нужна Великая Россия». Для Столыпина капитализм, активно насаждаемый им на селе, есть ничто иное как инструмент для укрепления

величия государства, его мощи и его объема.
Сам Столыпин говорил об этом довольно откровенно: "Ставить в зависимость от доброй воли крестьян в момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой - это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью".
Столыпинский план новой крестьянской колонизации Сибири вдохновляется теми же заботами, что и первое закрепощение крестьян при Иване Грозном. Это не столько экономическая, сколько военно-стратегическая мера, призванная освоить малозаселенные земли, которым при определенных обстоятельствах может угрожать опасность интервенции и отчуждения. Эти опасения подкрепляются проигрышем Россией русско-японской войны.
Столыпинские реформы, требовавшие огромной воли, решительности и «пассионарности», были искусственно прерваны в 1911 году убийством Столыпина анархистом Дмитрием Богровым (1887-1911), а кроме Столыпина в России начала XX века аналогичной фигуры не нашлось. Идеи столыпинской модернизации России не были доведены до конца.
Радикальная модернизация и мобилизационная индустриализация большевиков. Переломным этапом модернизации российской экономики стал советский период. Действуя от имени рабочего класса и вдохновляясь марксистской идеологией, большевики в XX веке провели невиданную по масштабу экономическую модернизацию. И снова, как в прежние эпохи русской истории, реформы были проведены сверху, жестким и радикальным способом. Хотя на этот раз в качестве политической элиты выступали не цари, но представители Коммунистической партии, захватившей власть в ходе вооруженного переворота в октябре 1917 года.
Согласно теоретическим взглядам марксистов, социализм может быть установлен только в той стране, где капиталистические отношения давно сложились и развились, где городской промышленный пролетариат представляет собой большой процент населения, а капиталистическая система переживает кризис. Иными словами, социалистическая революция, по Марксу, может состояться только в обществе с модернизированной промышленной экономикой – в индустриальном обществе. Так как Россия и в XIX веке, и даже в начале XX века была преимущественно аграрной страной, с очень небольшим процентом промышленного пролетариата и зачаточным уровнем развития капиталистических отношений, то никакой революции теоретически в ней произойти не могло.
Но русские марксисты из социал-демократической партии большевиков смогли захватить власть в сложный период политического кризиса Российской Империи, когда война с Германией истощала все силы народа, в управлении государством царил хаос после отречения Императора от престола, а Временное правительство, состоящее из представителей разных партий (преимущественно эсеров), противоречащих друг другу по любому вопросу и возглавляемое слабой фигурой А.Ф.Керенского (1881-1970), не могло найти выхода из исторического тупика. Захватив власть вначале вместе с левыми эсерами и анархистами, а потом и единолично, большевики приступили грандиозному эксперименту по приведению реального положения дел в российской экономике в соответствие с требованиями марксистской догмы.

На теоретическом уровне была создана предельно идеологизированная версия истории русской экономики, которая доказывала, что этапы смены экономических формаций в России строго соответствуют западному образцу, и следовательно, начиная с XVII века в России «развивался капитализм», а в начале XX века он «сложился и устоялся». Февральскую революцию большевики окрестили «буржуазной» (хотя во главе Временного правительства стояли «социалисты-революционеры», т.е. политические наследники народнической идеологии), и короткий период до октября был объявлен периодом «буржуазной государственности». Все эти натяжки служили тому, чтобы обосновать «исторически закономерный» и «социалистический» характер большевистского переворота.

«Модернизация на крови». На практике большевики приступили к насильственной индустриализации экономики, подгоняя ее под те стандарты, которые были характерны для экономически развитых европейских держав. Такая ускоренная модернизация оправдывалась стратегическими соображениями, чтобы отстоять независимость советского государства во враждебном окружении была необходима современная армия.
Только в советский период экономика России по настоящему вступила в Новое время – со всеми характерными чертами индустриального уклада:

- развитой промышленностью и многочисленным промышленным пролетариатом,
- обширной инфраструктурой городов,
- взлетом рациональной науки,
- стремительным техническим прогрессом.

Но как и на всех прежних этапах модернизации российской экономики этот процесс был искусственным и проходил по воле правящей элиты и в интересах государства. Причем цена, заплаченная за это тоталитарным режимом большевиков, была огромной: при построении советской экономической системы погибли многие миллионы русских людей. Это была «модернизация на крови».
Аграрный характер российский экономики перестал быть определяющим только в 30-е годы XX века, когда коллективизация села и сталинская промышленная политика ценой огромных жертв создали в Советском Союзе полноценную индустриальную экономику, выведя огромные массы населения из режима «аграрной вечности» и поставив их в исторические и экономические условия, где время движется только вперед.
Экономическая модернизация в советский период проводилась тоталитарными методами. Там, где большевики сталкивались с преградой на своем пути, коренящейся в культуре, психологии, исторических традициях русского народа, они безжалостно сметали ее.

Экономическая конкуренция с Западом СССР в целом удавалась. К 60-м годам XX века в СССР была создана развитая промышленная экономика, вполне конкурентная с западными капиталистическими обществами: соревнование двух систем, претендующих за исключительное право на наследие эпохи Просвещения, проходило с переменным успехом. Опыт СССР показал, что результаты, вполне сопоставимые с итогами индустриального развития в условиях капитализма, могут быть получены совершенно иным способом – через принудительную модернизацию сверху в условиях

тоталитарного идеологизированного режима. Жестокость большевиков, уничтоживших во имя исполнения своих догматических проектов миллионы своих собственных граждан, дала результат: только такими мерами удалось сломить основы традиционного аграрного общества и вывести русский народ в новые исторические и экономические условия, в Новое время.
Достижения советской экономики в послевоенный период. Несмотря на то, что в Советском Союзе сложился совершенно иной механизм хозяйственного управления, основанный на административно-плановой экономике и общенародной (а, по сути, государственной) собственности на землю, средства производства, недра, леса, транспорт, банки и т.д., социалистическая модель в 1960-1980 г.г. относительно успешно конкурировала по всем основным макроэкономическим показателям с западными странами.
Многие успехи советской экономики были связаны с военно-промышленным комплексом (ВПК), в интересах которого работало подавляющее большинство действительно передовых по тем временам научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, предприятий. ВПК функционировал на том промышленном базисе, который сложился в нашей стране в эпоху сталинской форсированной индустриализации и опыте «мобилизационной экономики», полученном в период Великой отечественной войны (1941-1945). С ВПК были связаны практически все интенсивные (качественные) достижения советской экономики, в то время как доступ к дешевым энергоресурсам (нефть, газ) и почти бесплатной рабочей силе (т.н. «комсомольские стройки», «стройки века», использование труда заключенных и т.д.) обеспечивали экстенсивное (количественное) развитие – освоение новых территорий, расширение экономической, социальной, транспортной инфраструктуры и т.д.
Однако ключевую роль играл необыкновенный духовный подъем и энтузиазм всего советского народа после победы над фашистами. В послевоенные годы в стране улучшалась демографическая обстановка, неуклонно рос уровень общего и профессионального образования, что обеспечило приток квалифицированных кадров в наукоемкие отрасли экономики. Свой вклад в сокращение «технологического разрыва» с Западом внесли органы безопасности, в огромных объемах добывавшие сведения о секретных научно-технических разработках за рубежом. Операция советской разведки по проникновению в американский центр ядерных исследований в Лос-Аламосе под кодовым наименованием «Энеморз» позволила существенно сократить время создания отечественной атомной бомбы, над которой работал коллектив ученых ядерщиков во главе с академиком И.В.Курчатовым (1902-1960). Через три года после первого испытания в СССР атомной бомбы, в 1952 году в нашей стране впервые в мире была создана водородная бомба. В 1954 году в г.Обнинске пущена первая в мире атомная электростанция мощностью 5 МВт., давшая старт гражданской атомной энергетики. В 1959 году в море вышел первый в мире атомный ледокол «Ленин», имевший неограниченный период автономного хода. Значение этого события для проводки караванов судов и обеспечения судоходства на отечественном Севере трудно переоценить. В дальнейшем в СССР были построены более мощные атомные ледоколы («Арктика», «Сибирь» и др.). Со временем атомная промышленность стала одной из ведущих отраслей советской экономики.
Отдельного упоминания стоит легендарная советская космическая программа под руководством академика С.П.Королева (1906-1966), громогласно возвестившая о себе в 1957 году запуском первого в мире искусственного

спутника Земли (ИСЗ). Уже в 1959 году новый советский космический корабль «Луна-2» достиг поверхности Луны. В 1961 году Ю.А.Гагарин (1934-1968) совершил первое в мире космическое путешествие, облетев Землю на космическом корабле «Восток-1». Также советской науке и космической индустрии принадлежат лавры первопроходцев в области венерианской программы, первому выходу человека в открытый космос, созданию многоцелевых орбитальных космических станций («Союз», «Мир»), аналогов которых не было и нет ни у одной другой страны мира и т.д.

Отечественным ВПК производились самые лучшие и надежные в мире образцы военной техники – начиная от автомата Калашникова и заканчивая суперсовременными моделями самолетов (МиГ, Су, ТУ, АН), вертолетов, танков, кораблей и подводных лодок, - квинтэссенцию экономической, технологической и научной мощи Советского Союза. Излишне говорить, что без соответствующим образом функционирующего хозяйственного механизма все эти достижения были бы просто невозможны.

В 1950-1970 г.г. не прекращались «стройки века» («всесоюзные стройки»), опутывавшие страну сетью дорог (Байкало-Амурская железнодорожная магистраль – БАМ), каналов (Главный Туркменский канал), трубопроводов, возводившие на просторах СССР гигантские заводы, давшие начало целым городам, космодромы (Байконур, Плесецк), гидроэлектростанции (Братская, Красноярская, Ингурская и др.). Продолжалась электро- и газификация сельской местности, отдаленных регионов, строительство метрополитенов в крупных городах (Москва, Ленинград, Свердловск и др.).

Социализм в России имел самобытные черты. Если в русской истории не было прямого аналога феодализма и капитализма, то и социализм в России был чем-то совершенно особенным. Здесь, однако, нет объекта для сравнения, так как предсказываемые Марксом социалистические революции в развитых буржуазно-демократических государствах не произошли, а следовательно, социализм, как выводимое из его собственных идей социально-политическое явление не реализовалось в действительности. Те страны, в которых в XX веке сложилась система более или менее напоминающая «социализм» и где марксизм стал главенствующей идеологией, были аграрные страны, живущие в условиях традиционного общества (Россия, Китай, Корея, Вьетнам, Комбоджа) или завоеванные ими силовым образом государства (страны Балтии и Восточной Европы). Этот парадокс требует либо существенной коррекции марксизма, либо новой оценки тех социально-экономических моделей, которые были созданы в странах, называемых «социалистическими».

Наиболее достоверны те экономические и социологические теории, которые представляют советский социализм (а также китайский, корейский и т.д.) как своеобразное тоталитарное издание «традиционного общества», вынужденного защищаться перед лицом капиталистических держав, активно практикующих колониальную («империалистическую» в терминологии В.И.Ленина) политику.

По сути, социализм вводит принудительный запрет на частное накопление «прибавочного продукта», который лежит в основе хозяйственной этики традиционных обществ. Но перераспределяет он его не через жертву, а через равномерное возвращение материальных и социальных благ всем членам общества, независимо от их вклада в производство материальных объектов.

Но это новое рационализированное издание традиционного общества существует в агрессивном капиталистическом окружении, где проходят интенсивные процессы индустриализации. И чтобы не стать жертвой внешней

агрессии, государство вынуждено искусственно проводить индустриализацию собственной экономики с помощью тоталитарных средств и методов. И в таком случае тоталитарный и насильственный характер коммунистических режимов проистекает из парадоксальности стоящей перед ними задачи: чтобы сохранить традиционное общество (от капитализма), надо разрушить традиционное общество (модернизировав и индустриализировав его). Что собственно и происходило в коммунистических странах.
Таким образом, советский социализм был повторением в новых исторических условиях той же стратегии, к которой прибегали русские цари на прежних исторических этапах, насильственно модернизируя хозяйство, чтобы сохранить независимость и свободу страны (что включало в себя и сохранение самобытного хозяйственного уклада).
Неспособность СССР перейти качественный рубеж информационного общества. Когда задача индустриализации СССР была в целом выполнена, страны капиталистического Запада и, в первую очередь США, двигаясь по своей собственной траектории, подошли к порогу качественного перехода к новой экономической модели – к постиндустриальному обществу и эпохе постмодерна.
Рецепты марксизма касались только индустриального периода, по окончании которого сам Маркс предвидел наступление эры «мирового коммунизма». А в отличие от западной экономики, развивающейся по своей внутренней логике и с опорой на собственный исторический и цивилизационный опыт, искусственный характер советской модернизации породил ситуацию, когда адекватного ответа на вызов экономики постмодерна в арсенале марксистской классики просто не нашлось. Догматический характер коммунистической идеологии исключал всякую «самодеятельность» в столь серьезных вопросах. Поэтому марксистские идеологии просто проигнорировали те качественные изменения, которые произошли в экономике западных стран с конца 1960-х годов, и продолжали рассматривать соревнование с Западом в категориях промышленного развития, т.е. в критериях индустриального общества.
К концу 1970-х годов советская экономика входит в стояние «застоя», в том числе и потому, что хватка идеологической диктатуры ослабла, а сама партийная верхушка (третьего поколения коммунистов, уже далекого от страстного и волевого революционного фанатизма первых большевиков) растерялась, не зная, что предпринимать в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному укладу.
По аналогии с предшествующими периодами модернизации российской экономики можно предположить, что для перевода индустриальной советской экономики на качественно новый уровень требовалась жесткая и волевая инициатива сверху, и постмодернизация должна была проходить в условиях нового усиления политической диктатуры – в стиле Петра Первого или Сталина, но в принципиально новых социальных и экономических условиях. Но элита советского общества 80-х такой фигуры или группы выдвинуть не смогла, и никакой идеологической ясности в вопросе перевода советской экономики на постиндустриальные рельсы не было и в помине.
Единственным шагами, которые предпринимались в этом направлении, можно считать осторожные и сверхсекретные попытки войти в интеллектуальный научный диалог с некоторыми западными центрами, разрабатывающими темы «глобализации», «конвергенции двух систем» и «футурологии» (этим занимался «Всесоюзный научно-исследовательский институт системных

исследований» (сокращенно ВНИИСИ АН СССР). академика Джермена Гвишиани (1928-2003) и афилиированные с ним структуры – естественно, под внимательным надзором Первого Управления КГБ СССР). Логика была такова: как в свое время советским разведчикам удалось похитить у американцев секреты ядерного оружия, не удастся ли на сей раз позаимствовать у интеллектуальных центров капиталистической системы рецепты перехода к новой экономической формации? Но это оказалось наивной стратегией, и половинчатые и колеблющиеся попытки применить некоторые глобалистские модели и теорию конвергенции на практике привели М.С.Горбачева (с опорой на советников из ВНИИСИ) в эпоху перестройки к краху советской системы, разрушению страны и стремительной деградации советской индустриальной экономики.
Либеральные рыночные реформы 90-х. В результате провалившихся попыток Горбачева реформировать советскую экономику за дело экономических реформ взялось новое поколение позднесоветских экономистов – Е.Гайдар, А.Чубайс, Г.Явлинский (многие из них также были связаны с ВНИИСИ, где начинал свою карьеру и будущий олигарх Б.Березовский). Они получили советское экономическое образование, но имели самое приблизительное теоретическое представление о либеральной экономике капиталистических стран. Опираясь на критику социализма классиками либеральной экономической теории, младореформаторы принялись строить в постсоветской России капитализм. Снова сверху и не сильно считаясь с конкретными интересами народа.
По мнению этой группы, получившей безраздельное влияние на популярного (на первых порах) президента Ельцина, «социалистический период был историческим недоразумением и отклонением от объективного пути развития экономики». Экономическая история естественного становления капитализма в России была искусственно прервана в октябре 1917, и для того, чтобы вернуть ее на место, следует начать ровно там, где она оборвалась, просто вычеркнув социалистический период, как «экономический тупик и отклонение».
Но в ходе советской истории экономика России претерпела качественно изменение, перейдя из прединдустриального состояния (традиционного аграрного общества) к индустриальному. Это произошло насильственно и с опорой на марксистскую догматику, а не естественно и не по либерально-рыночному пути, по которому шли страны Западной Европы и Америки, но все же произошло. Младореформаторы, однако, действовали в той же догматической манере, как когда-то сами большевики, и стали внедрять либеральную экономику – свободный рынок, процедуры приватизации промышленности и т.д. – радикальными методами («шоковая терапия»), не считаясь со спецификой социалистической экономики и социальной психологией, сложившейся за годы существования СССР (и ранее).

Строительство капитализма с нуля. Разрушая развитую индустриальную экономику социалистического типа, хотя и находящуюся в депрессивном состоянии, либерал-реформаторы принялись строить капитализм «с нуля» - отталкиваясь не от экономических реалий, а от догматических теорий, только на сей раз либерально-капиталистических. Идол Карла Маркса был сменен на идол Адама Смита. При этом либеральная теория бралась почти в том схематичном виде, как она изложена у самого Смита, без учета сложного исторического опыта западных стран.

Казалось бы, на поверхности лежала идея реформирования советской экономики в социал-демократическом или кейнсианском ключе, так как это было гораздо ближе к существующим в СССР структурам и общественной психологии. Но младореформаторы избрали рецепты классического (и неоклассического) либерализма, предполагавшие

- полное устранение государства из сферы хозяйственной деятельности,
- приватизацию максимально возможного числа объектов, включая промышленное производство, все виды недвижимости и т.д.,
- перевод всех экономических отношений в формат монетизации,
- отказ от социальных дотаций и льгот,
- открытие страны для беспрепятственного доступа иностранного капитала,
- искусственное создание пирамидальных финансовых структур и рынка ничем не обеспеченных «ценных бумаг» (ГКО).

Предполагалось, что все эти меры стремительно создадут в стране свободный рынок, и экономика заживет по либеральным законам в строгом соответствии с классической теорией. Эта модель и стала содержанием экономической политики правительства периода президентства Бориса Ельцина. Многие ее моменты были внедрены в жизнь.

Деиндустриализация. Такой подход к реформированию экономики не давал ответа, что делать с имеющейся структурой индустриальной экономики, созданной в совершенно иных условиях и в ином идеологическом контексте. В результате целые отрасли промышленности были разрушены, частично попав в руки недобросовестных хозяев, частично лишившись гарантированного участия в сложном цикле советского промышленного производства.
С другой стороны, открытость российской экономики перед лицом экономик западных стран, на чем настаивали реформаторы, ставил хозяйственную систему России в заведомо невыгодные условия. В самой России проходил период «первоначального накопления капитала», который в западных странах произошел – естественно и органично – около 500 лет назад; промышленная экономика, созданная колоссальными усилиями в советский период стремительно разрушалась, а сами страны Запада пребывали в переходном состоянии от индустриальной экономики к постиндустриальной, что ставило их заведомо в выигрышную позицию перед лицом страны, которая делала в этом направлении, получается, только первые шаги (ведь советский опыт индустриализации реформаторы обнулили).
«Успехи» либеральных реформ. Тем не менее, экономические реформы 1990-х можно признать успешными, если сравнивать полученный результат с той задачей, которую ставили перед собой сами реформаторы: советская социалистическая экономика была почти полностью разрушена, рынок был создан, а небольшая часть экономической элиты – олигархи – интегрировались на индивидуальном основании в элиту глобальную, став элементами постиндустриального общества. (Типичный пример миллиардер Роман Абрамович, губернатор Чукотки и владелец английского футбольного клуба «Челси»).
То, что большинство советских людей в результате потеряло свои скромные сбережения и было лишено социальных льгот, стало «издержками» очередных реформ. Можно вспомнить, что практически на протяжении всей русской истории экономические реформы оплачивались страданиями населения.
С другой стороны, сложившаяся в результате либеральных реформ ситуация

помещала Россию в исторический тупик. Встав на путь либерально-капиталистического развития, да еще и при обнуленном опыте экономической модернизации, ей пришлось бы безнадежно догонять Запад в течение целых столетий, причем отставая от него все больше и больше. А прозрачность российской экономики в ее нынешнем состоянии для постиндустриального Запада автоматически превращала страну в колонию, со всеми классическими атрибутами – утратой суверенитета, введением внешнего управления, превращением в сырьевой придаток и в территорию для хранения отходов.
Село в России 90-х. Либеральные реформы 90-х годов XX века привели к тому, что в российском обществе появилась сложная картина экономических страт, включающих в себя самые противоречивые элементы.
Определенный сегмент российского общества продолжал оставаться в прединдустриальном состоянии – это касается сельских жителей, а также некоторых этносов России (Северного Кавказа и Восточной Сибири), которые существуют в аграрном или животноводческом цикле. Если социализм ставил перед собой задачу «индустриализировать село», чтобы сблизить между собой город и деревню, то либерал-реформаторы вначале решили продолжить дело Столыпина, распустить коллективные и советские хозяйства (колхозы и совхозы) и искусственно вывести породу фермеров-одиночек. Столкнувшись с неудачей этого проекта и учитывая незначительность материальных средств, вращающихся в аграрном секторе в целом, по сравнению с иными промышленными или спекулятивными областями экономики, село было предоставлено самому себе. К концу 90-х – и по сей день – оно представляет собой причудливое сочетание остатков советской коллективизации, индивидуального фермерства и архаических форм прединдустриального производства.
Так как при социализме проводилась политика превращения крестьянства в пролетариат, то тысячелетние структуры крестьянского хозяйства и быта были надломлены, и огромные массы жителей села хлынули в города и на «стройки века». В результате село начало вымирать, деревни исчезать одна за другой, и число сельских жителей стало неуклонно сокращаться. Этот процесс не прекратился и в 1990-е годы, только причины переезда в город сельской молодежи стали иными – стремление интегрироваться в новые социальные сферы и найти хорошо оплачиваемую работу.
Промышленный пролетариат и предприниматели. Параллельно останкам экономики предундустраильного цикла, сохранившейся рудиментарно на селе, в России 90-х годов XX века продолжал существовать рабочий класс, социально поднятый на щит при социализме, и «сброшенный со щита» в процессе либеральных реформ. Так как определенный сегмент промышленности в стране все же остался, особенно в сфере ВПК, до которой реформаторы не добрались, то сохранился и городской промышленный пролетариат. Вместе с инженерами и техническими специалистами и он составляет след индустриального этапа советской экономики.
К этому индустриальному типу, порожденному социалистической модернизацией, добавился «новый» тип частного предпринимателя, коммерсанта. Он также относится к индустриальному укладу, но только в его капиталистическом буржуазном издании.
«Новые русские» и постиндустриальное общество. Работники финансовой и биржевой сферы, элитнго сервиса, специалисты в области информационных технологий, шоу-бизнеса, СМИ, сотрудники иностранных фирм и компаний и

узкая прослойка олигархов (одним словом, «новые русские») интегрированы в постиндустриальную экономику и имеют доступ к глобальной транснациональной экономической сети.

Экономические уклады российского общества 90-х годов. В экономике России 1990-х годов можно выделить

- прединдустриальный сектор (существенно искореженный в прошлом советской индустриализацией и расширяющийся за счет деградации промышленного сегмента),
- остатки индустриального сектора (находящегося в процессе дальнейшего разложения)
- точечные элементы постиндустриального уклада, затрагивающего очень узкие и специфические среды населения.

Такая модель экономики, которая сложилась в годы реформ в современной России, не имеет однозначного названия. Это, безусловно, рыночная модель, но назвать всю эту систему капитализмом в полном смысле этого слова трудно, так как многие элементы сохранились по инерции от периода социалистической модернизации, а отдельные стороны хозяйственной системы вообще не укладываются ни в какую известную систему (например, российские олигархи, получившие колоссальные материальные богатства способом, для которого в экономической науке просто нет названия).

Энергоресурсы спасают Россию. Экономические реформы 1990-х годов поставили российскую экономику в чрезвычайно сложные условия: разрушив развитую индустриальную систему социализма, они не создали (да и не могли создать в столь короткие сроки и такими методами) конкурентноспособной экономики, способной эффективно соревноваться с экономическими системами западных стран, а также стран, развивающихся по западному пути (таких как Япония, Южная Корея и т.д.) и переходящих в настоящий период к постиндустриальному состоянию. В такой ситуации многие предрекали катастрофу, распад государственности и полную колонизацию Россией иностранными государствами – под видом глобализации. Но история стала разворачиваться иначе.

Российская Федерация в силу исторических причин оказалась обладательницей огромных природных ресурсов – в первую очередь, углеводородных энергоносителей, а также многих ценных металлов. Это было наследием Российской Империи, освоившей обширные территории на севере и западе евразийского материка, и Советского Союза, который эти земли удержал и сохранил в составе единого государства, а также разведал и технически наладил добычу самих ресурсов.

В экономике постмодерна, к которой перешли развитые капиталистические страны, индустриальный (собственно промышленный) фактор утратил свое значение перед лицом новых информационных и иных высоких технологий (особенно в финансовой сфере). Но зависимость от традиционных энергоносителей осталась. И хотя промышленность стала постепенно перемещаться в страны Третьего мира, потребность в энергоресурсах – нефти и газе -- только росла. Глобальный дефицит энерго-запасов и приближение к их исчерпанию создало повышенный ажиотажный спрос на них даже в условиях экономики постмодерна, что сделало обладание энергоресурсами важнейшим экономическим фактором, причем еще более значимым, нежели в эпоху

индустриализации.
Это обстоятельство сыграло на руку нашей стране. Россия утратила преимущества индустриальной системы (которую добили либерал-реформаторы) именно в тот период, когда сам индустриальный фактор потерял первостепенное значение. Стремительная деградация промышленного производства не привела экономику страны к тем катастрофическим последствиям, которые были бы неизбежны при другом состоянии мировой экономики. Обладание природными ресурсами при неуклонно и системно растущей конъюнктуре цен на них создавало России уникальный шанс избежать приближающегося экономического краха.

Великая энергетическая держава. В такой ситуации Россия осознала себя «великой энергетической державой», эффективно обыграв тот экономический козырь, который приобрел повышенное значение именно в условиях экономики постмодерна. И даже если промышленный потенциал российской экономики, за вычетом природных ресурсов, не представляет для развитых капиталистических стран серьезной конкуренции, обладание таким объемом энергоносителей, какой есть у России, автоматически выводит ее в разряд влиятельных мировых держав, делает «энергетической сверхдержавой».
Ядерный потенциал был сохранен. С другой стороны, от социалистического периода у России осталась могущественная армия, оснащенная ядерными потенциалом, широким арсеналом оружия массового поражения, стратегическими видами вооружений и целой промышленной и научной системой, обслуживающей военно-промышленный комплекс. Хотя в гонке вооружений Россия отстала от США, и сама возможность ядерного паритета упущена, сохранившийся совокупный военный потенциал России является достаточным (и будет оставаться таким еще в течении некоторого времени) для того, чтобы обеспечить независимость государства и его территорий от любых внешних посягательств.
Это означает, что обладание чрезвычайно ценными природными ресурсами, которое в другой ситуации могло бы породить соблазн установления над ними контроля со стороны боле развитых экономически держав, поддерживается в России сохранением мощного военного потенциала.
Сложение военного потенциала и природных ресурсов фактически перевешивает катастрофические результаты либеральных реформ, и дает стране шанс снова укрепить свои позиции в мире. В том числе и экономические. Но то, какой будет эта грядущая российская экономика можно только предполагать.
Экономическая стратегия президента Путина. Переход России от катастрофической ситуации 1990-х годов к осознанию себя как «энергетической сверхдержавы» приходится на период президентства Владимира Путина.
Реформы Путина в экономики были направлены на то, чтобы концептуально и практически соединить воедино два основных фактора, неожиданно дающих России колоссальные конкурентные преимущества – энергоресурсы и ядерное оружие.

Олигархи как угроза безопасности. Либеральные реформы 90-х годов с их залоговыми аукционами и тотальной приватизацией привели к тому, что контроль за энергоресурсами, приносящими колоссальную прибыль, был

сосредоточен в руках частных владельцев, составляющих узкий круг олигархов – Б.Березовский, В.Гусинский, М.Ходорковский, Л.Невзлин, Р.Абрамович, В.Потанин, М.Фридман, О.Дерипаска, А.Мордашов, П.Авен и т.д. Рост цен на энергоносители приносил им баснословные богатства, а ультралиберальная политика реформаторов позволяла защищать эти богатства политическими способами – через повальную коррупцию государственных чиновников, манипуляцию общественным мнением с помощью частных СМИ, скупку политических партий и т.д.

Олигархи выводили свои деньги на Запад, и сами постепенно интегрировались в транснациональные экономические структуры, которым, собственно, преимущественно и сбывали приватизированные энергоресурсы. Тем самым, они становились проводниками точечной глобализации внутри России и соединяли наиболее прибыльные сегменты российской экономики (в области ресурсов) с глобальной сетью.

Они не были заинтересованы в сохранении государства и суверенитета, мысля либеральными и постиндустриальными категориями планетарного рынка и «открытого общества».

Западные державы и транснациональные корпорации рассматривали российских олигархов как инструмент интеграции России (в качестве поставщика ресурсов) в глобальную сеть и рассчитывали через них и их возможности установить «внешнее управление». Демократические институты и процедуры, в значительной степени контролировавшиеся олигархами, были призваны служить им инструментом в этом процессе.

Наличие ядерного оружия и огромной армии было в таких обстоятельствах чем-то излишним. И разоружение России стояло как первоочередная задача политической программы олигархов (М.Ходорковский).

«Вся нефть народу». Приход президента Путина положил конец всевластию олигархии. Путин жестко пресек разрушительные тенденции в вооруженных силах, взяв не на словах, а на деле, курс на поддержание армии и укрепление ее боеспособности. Таким образом, он показал всем, что намерен использовать ядерное оружие, как высший и наиболее убедительный гарант суверенитета России в качестве важнейшего аргумента в международной политике.

Вместе с тем, опираясь на поддержку силовых структур, Путин начал процесс возвращения энергоресурсов из частных рук олигархов под контроль государства. При этом он использовал две модели. Если олигархи упорствовали в своем стремлении по прежнему проводить собственную политику, не считаясь с государственными интересами, к ним применялись жесткие меры – вплоть до преследований за уголовные преступления (Березовский, Гусинский, Ходорковский и дело ЮКОСа). Если олигархи соглашались признать новый курс власти на укрепление государственного суверенитета, то они обязывались координировать свою экономическую деятельность с национальными интересами, брать на себя серьезные социальные обязательства или постепенно передавать контроль над своими структурами государству на выгодных (для них) условиях.

Путин не делал большого различия между формами собственности над энергоресурсами; контроль мог оставаться как в частных руках, так и переходить к государственным компаниям. Важнее было соединить систему управления экспортом сырья с той инстанцией, которая ответственна за сохранение и укрепление суверенитета, и соответственно, распоряжается вооруженными силами.

Контроль над национальным сырьем, неуклонно растущим в цене, и контроль над ядерным оружием должен быть в одних руках – такой прагматической формулы придерживался Путин, и ему удалось реализовать этот подход на практике.

Контрольные вопросы

1.Какое направление экономической деятельности было самым распространенным на всем протяжении русской истории? Как это повлияло на культуру?
2.Чем отличались свободные крестьяне от холопов? Как происходило закрепощение крестьян в разные исторические периоды?
3.Было ли образование вотчинных владений у княжеского боярства признаком установления в России феодальной системы? Обоснуйте свой ответ.
4.В какой период началась индустриализация российской экономики? Когда она достигла кульминации?
5.Опишите значение энергоресурсов для экономики современной России.

5.3. Пути экономического возрождения России

«Без укрепления духовных начал нашей жизни, ее нравственных основ, невозможно поступательное развитие российского общества, формирование эффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду, повышение благосостояния граждан"
В.В.Путин

Выбор экономического пути. Особенности российской экономики делают проблему выбора пути ее дальнейшего развития чрезвычайно важным и сложным делом. Чтобы она развивалась естественным образом и отвечала историческим потребностям народа, необходимо осознать то, что было сущностным элементом ее исторического становления. Эта задача осложняется тем, что прямое копирование западно-европейского общества в качестве эталона не даст никаких результатов – мы уже двигались по этому пути неоднократно, и это нас ни к чему не приводило.

Особенности современного экономического развития стран, окружающих Россию. Сегодня в экономике самых разных стран мира – и развитых, и развивающихся, и совсем отсталых – происходят бурные процессы, смысл которых в каждом конкретном случае различается. И хотя либеральная теория в целом возобладала над социализмом и даже отчасти над социал-демократией и кейнсианством, в разных частях света экономический либерализм трактуется по-разному – в зависимости от исторических и культурных особенностей каждого конкретного общества.

Экономика США: постиндустриальное общество. Американская экономика, где влияние либерализма сильнее всего, перешла в целом к постиндустриальному состоянию, и структура американской хозяйственной системы приближается к критериям информационного общества. Принципы постмодерна применяются

здесь к финансовой, социальной, производственной и даже военной сфере, где активно развивается концепция «сетевых войн».

Экономика Евросоюза: от индустриального к постиндустриальному обществу. Европейская экономика находится в переходном состоянии от развитого индустриального общества к постиндустриальному обществу. Это также либеральная модель, но со значительным числом социал-демократических элементов (особенно во Франции и скандинавских странах). При этом финансовый и спекулятивный биржевый сектор развит существенно меньше, нежели в постмодернистской экономике США, и промышленность занимает больший процент в определении совокупного валового продукта Евросоюза. С этим связана и устойчивость европейской валюты, евро, привязанной к объему реального производства больше, чем американская валюта, основывающаяся на финансовой экономике в сочетании с геополитическими функциями, которые США выполняют в мировом масштабе.

Японская экономика: проблемы роста. Совершенно другая картина в странах тихоокеанского региона. Япония представляет собой гигантскую экономическую мощь высоко индустраилизированного общества, но попытки Японии в 1980-е годы перенести центр внимания на финансово-спекулятивный сектор (т.е. полномасштабно включиться в постиндустриальную экономику) привел к 90-ому году к серьезному кризису, длившемуся в течение всех 1990-х. Сегодня японская экономика переживает сложный период постепенного восстановления своих позиций, которым бросают вызов бурно развивающиеся в индустриальном ключе соседние страны – в первую очередь, Китай.

Экономика Китая: бурная модернизация. Китайская экономика сочетает в себе элементы либерализма, государственного капитализма и социализма. Она развивается бурными темпами, но в целом находится на стадии ускоренной модернизации. По целому ряду технологических параметров китайская экономика до сих пор уступает экономике России (в военно-промышленном секторе, в космических технологиях и т.д.) Компартия Китая поощряет развитие частных компаний в стране, но вместе с тем, жестко контролирует политическую власть, а в сельских районах, где экономическое развитие остается на прединдустриальном уровне, социалистические модели перераспределения действуют до сих пор. Крупная промышленность и монопольные сферы жестко контролируются государством даже в том случае, если форма собственности частная. Тоталитарный коммунистический режим сохранил достаточно рычагов влияния без прямой национализации и введения государственного управления. Вся современная китайская экономика сплочена принципом «национализма» («экономического национализма») и волей китайского народа как единого целого к возрождению и процветанию.
Вместе с тем, Китаю в его соревновании с западными экономиками еще только предстоит пройти фазу качественного перехода к постиндустриальному состоянию, и здесь никакие показатели кривых роста не гарантируют успеха в преодолении этого барьера, где необходимо осуществить скачок.

Индустриализация стран «Третьего мира». Бурно развивают индустриальные сектора своих экономик Индия, Иран и Турция, а также страны тихоокеанского региона – Южная Корея, Малайзия, Индонезия и т.д., ставшие

«сборочным цехом» планетарного масштаба, куда постепенно перемещается промышленное производства из стран Запада, переходящих к постиндустриальному состоянию.
По сходному пути идут некоторые южно-американские страны, в частности, Аргентина и Бразилия, активно наращивающие индустриальный потенциал. Экономика арабских стран и особенно Саудовской Аравии, Йемена, Катара, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов основывается на экспорте нефти.

«Полюса развития». Бурная модернизация экономик стран Третьего мира проходит по сценарию, описанному французским экономистом Франсуа Перру, согласно которому наибольшая эффективность достигается тогда, когда основное внимание уделяется «полюсам развития», где индустриализация и даже постиндустриализация проходят повышенными темпами при активной поддержке политической власти и где концентрируются все основные ресурсы, а остальные территории подтягиваются к новым стандартам с большим отставанием (как могут). Такое развитие приводит к появлению процветающих экономических центров на фоне архаической и мало эффективной прединдустриальной или раннеиндустриальной экономики основного населения.
Для осуществлении ускоренной модернизации по модели «полюсов развития» необходима политическая воля и жесткий контроль над социально-политической ситуаций, чтобы укротить социальные трения, связанные с неравномерностью процессов, протекающих в различных секторах экономики.

Необходимость для России выработки собственного пути экономического развития. Россия находится в окружении стран, каждая из которых пребывает в определенной точке своего экономического цикла развития, проистекающего из ее исторического опыта. Разные страны находятся на разных этапах, и нельзя определенно утверждать, что все развертывающиеся в них экономические процессы направлены к одной и той же цели. В такой картине ничего не очевидно и не гарантировано. Если США достигли постиндустриального статуса, нет гарантий, что они на этом уровне удержатся. Европейская экономика, приближающаяся к уровню постиндустриальности, может не пересечь критического барьера. А как справится с необходимостью качественного рывка к обществу постмодерна сегодня процветающий Китай, вообще никто не может предсказать.
В такой ситуации у России нет единого образца, следовать которому она должна была бы однозначно. В экономике России заложены рыночные механизмы и либеральное законодательство, скопированное с западных моделей в 1990-е. Но наличие рыночной системы, которая практически никем в современном обществе всерьез не ставится под сомнение, еще не означает ответа относитльно той стратегии, которой должна следовать страна на новом историческом этапе своего развития. Рынок – это не ответ на все вопросы, и не панацея. Сегодня это данность. Как для российской экономики, так и для экономики коммунистического Китая. Но общие нормы либерального хозяйственного устройства, в целом характерного практически для всех стран мира за незначительным исключением (Северная Корея, Куба), практически ничего не говорят о сути экономической политики, о характере и векторе модернизации, о ее темпах и ее методиках. Все это в каждой стране решается

по-разному. И России не остается ничего иного, как найти в этой ситуации свой собственный путь.

Народная экономика: земледелие как идеал. На протяжении всей своей истории русский народ и большинство этносов, связавших свою судьбу с историей России как государства, жили в условиях прединдустриальной аграрной экономики. Сельский труд, удел хлебороба, постоянная связь с землей, общение с ней, заложили основу хозяйственной этики русских, сформировали народный характер, культуру, психологию. Крестьянство неизменно оставалось основным ядром народа в более, чем тысячелетней истории. Свободная община земледельцев существовала задолго до Киевской государственности и призвания Рюрика. И баланс преобладания крестьянства над всеми остальными классами сохранился до начала принудительной тоталитарной индустриализации в условиях жесткой идеологической диктатуры. Если бы русский народ не принуждали под пыткой и с помощью организованного массового геноцида 30-х годов XX века, он бы оставался крестьянским народом вплоть до сегодняшнего времени, а города, населенные пролетариатом и интеллигенцией, были бы многократно меньше по размерам, численности и своему значению.
Большевики сместили естественный путь развития русского хозяйства, осуществив то, чего никому не удавалось ранее. Это дало свои позитивные результаты: индустриальный рывок позволил выиграть в тяжелых боях Вторую мировую войну и потом в течении 40 лет вести почти на равных технологическую конкуренцию с капиталистическими странами индустриально развитого Запада («холодная война»). Вопрос о том, адекватна ли была такая цена - уничтожение народного ядра в лице крестьянства – за сохранение независимости, остается открытым.
Но нельзя не заметить катастрофических результатов такой индустриальной политики для народа в целом. То, что произошло вместе с уничтожением основ крестьянского быта и крестьянского хозяйства, описанных в замечательной повести советского писателя В.Распутина «Прощание с Матерой», было настоящим «концом русской истории».
Возрождение экономики России в ее связи с народом, восстановление «народной экономики» должно начинаться с возрождения села. И хотя с точки зрения экономических показателей, совокупный объем сельскохозяйственного производства представляет собой в условиях высоко индустриальной или постиндустриальной экономики относительно небольшой процент, с точки зрения народного хозяйства в целом, возврат людей к земле есть важнейшая стратегическая цель. Если народ сложился и тысячелетиями жил в условиях аграрного производства, и если при этом он – в отличие от западно-европейских народов - не выходил из этого цикла по собственной воле и не развивал иных экономических форм, но напротив всячески им сопротивлялся, то этот фактор следует признать за суверенное выражение народной воли. Сельский труд – это духовная экономика, народная философия хозяйства. Оторванный от земли и общения с ней русский человек теряет точку опоры, утрачивает идентичность, перестает воспринимать окружающий мир как упорядоченную структуру.
Только расселение городов по бескрайним российским территориям и возврат народа к земледельческой практике в формах свободного общинного хозяйства

способны создать здоровую основу для возрождения экономической базы народа.

Крестьянство XXI века и постмодерн. Крестьянский быт XXI века может включать в себя элементы индустриальной и постиндустриальной технологических культур.
В сельском строительстве будут задействованы новейшие технологии, материалы и методики. Сельхозтехника и автотранспорт должны соответствовать последним стандартам. Избы новых крестьян могут больше походить на современные коттеджи, снабженные Интернетом, цифровым телевидением и сотовой связью.
Товарное обеспечение (при развитии транспорта и тороговых сетей) может приблизиться к городскому уровню.
Развитие он-лайновых технологий позволит применить к сельской молодежи методики дистанционного обучения – среднего и высшего; включать ее представителей в кадровый резерв самых разных отраслей (через систему «аут-сорсинга»).
Возврат к семейным ценностям и многодетным семьям позволит без риска депопуляции сел делегировать часть подрастающего поколения для работы в городских условиях или на государственную службу.
Но центром бытия и хозяйственной практики народа должно снова стать сельская жизнь, община, мир. А формами управления – сход или сельское вече, выбирающее старост, волостелей, писцов и ходатаев. Таким образом, с опорой на народную историю и традицию может быть реализован довольно современный федералистский принцип «субсидиарности» (обширно используемый в Евросоюзе) и местного самоуправления.

Индустриальный сектор: императив обороноспособности. В условиях индустриального и постиндустриального окружения экономика новой России не может быть чисто аграрной. Это сделает ее неконкурентоспособной и не позволит создать достаточную материально-техническую базу для обеспечения безопасности и суверенитета.
Именно этими – оборонными – соображениями и руководствовались все правительства, проводившие в русской истории модернизацию экономики. Индустриальная политика в истории России всегда была исключительным делом государства, тогда как собственно народ предпочитал вести хозяйство, следуя традициям предков, и считал эту верность традициям не просто инерцией, а этической и духовной ценностью.
Задачи обороны и обеспечения безопасности, за которые несло ответственность государство, подчас входили в противоречие с волей народа, выбирающего верность традициям. Из этого противоречия и рождались фазы экономической модернизации и индустриализации российской экономики, что объясняет их трудности, парадоксы, а также главенствующую роль в них государства (в отличие от европейских стран, где инициатором экономических преобразований и модернизации был народ, а государство лишь в той или иной степени поддерживало или сдерживало эти стремления).
Само государство было создано русскими для обеспечения безопасности и порядка своего мирного сельского труда. Такое положение дел принципиально не менялось в течение всей русской истории, и вполне логично, если та же линия будет продолжена впредь.

Оборонная промышленность: авангард индустриализации. Государство ответственно за индустриализацию и индустриальное развитие российской экономики. И рыночная специфика современной российской экономики не должна служить в этом преградой: рынок может быть инструментом для достижения этой цели, а может оставаться в стороне.
Смысл индустриализации в условиях современной России носит в первую очередь оборонный характер. Для обеспечения актуальных насущных потребностей населения достаточно экспорта природных ресурсов, и экономики многих стран, обладающих достаточными запасами этих ресурсов, как правило, не занимаются индустриализацией. Особенно это характерно для современной постиндустриальной экономики, где фактор промышленности имеет все меньшее значение в связи с информатизацией и автоматизацией производства, а цены на природные ресурсы неуклонно растут. Но для развития оборонной мощи государства индустриализация необходима и неизбежна.
Из такого анализа возникает необходимость приоритетного и целевого развития военно-промышленного комплекса как самостоятельной сферы экономики. Эта сфера приобретает автономное значение и самодостаточную миссию.
Оборонный комплекс при современных технологиях включает в себя целые отрасли промышленности, связан с широким циклом научно-технических разработок, развитием фундаментальной науки. Чтобы создавать системы современных высокотехнологических вооружений, необходима соответствующая промышленная и научная инфраструктура с рабочими местами, системой специального образования, академическими центрами обучения и исследований.
России нужна такая промышленность, которая будет удовлетворять ее военно-стратегические и оборонные потребности. Хотя в условиях наступающего постиндустриального общества сам по себе промышленный сегмент (вторичный сектор) не является достаточным элементом для обеспечения конкурентоспособности, военная промышленность играет решающее значение в сохранении суверенитета. Именно наличие высокотехнологичной, современной и боеспособной армии обеспечивает стране и народу суверенитет, а следовательно, является необходимым и главным условием «суверенной демократии».
Российская промышленность должна развиваться как военная промышленность, а отдельные составляющие элементы могут быть использованы в гражданских целях – автомобилестроение, транспорт, кораблестроение, связь, жилищное строительство, товарное производство, текстиль, развитие сельхозтехники и т.д.

Угроза потерять суверенитет в ходе интеграции в глобальную постиндустриальную систему. Внедрение элементов постмодерна в российскую экономику - это самый сложный момент, так как неспособность перейти к постиндустриальному уровню экономического развития привела советский социализм к краху. Система высоко индустриальной советской экономики не выдержала паритетной формальной конкуренции с постиндустриальной экономикой США.
СССР при Горбачеве попытался причаститься к постмодернизации через

развитие контактов со странами Запада и политику «гласности» и «перестройки», но это привело только к гибели страны и окончательной растрате достижений социалистической эпохи.
Постиндустриальные элементы в экономике России появились в 1990-е годы. В своей основе они представляли собой порталы транснациональных корпораций, рассматривающих российские структуры как объекты поглощения и ассимиляции в глобальной экономической сети. Переход к высокотехнологичному циклу осуществлялся по мере передачи контроля над российскими финансовыми системами, промышленными предприятиями или финансовым институтами от российских частных владельцев к транснациональным корпорациям с центром вне России. Включение отдельных сегментов российской экономики проходило за счет установления над ними внешнего управления. Что никоим образом не могло по-настоящему приблизить российскую экономику к постиндустриальному уровню.
Если задача индустриализации является задачей военно-промышленного комплекса, то задача постиндустриализации относится к компетенции высшего политического руководства страны. Это самый сложный и самый ответственный момент всей экономической политики будущего, и от эффективного решения именно этой задачи напрямую зависит судьба российской экономики и России.

Постмодернизация без глобализации. Специфика исторического развития российской экономики не позволяет даже мечтать о равномерном переходе всего российского общества к постиндустриальной формации. Это невозможно на практике, и ненужно в теории, так как приведет неминуемо к полной утрате народом сувернитета, идентичности, самобытности и культуры.
Следовательно, постиндустриальный сегмент должен развиваться в особых точках, «полюсах постиндустриального развития», соединенных с основным массивом (аграрной и военно-промышленной) экономики особыми непрямыми связями. В прямой контакт с глобальными сетевыми пространствами «новой экономики» должны вступать кадры, прошедшие специальную профессиональную и психологическую подготовку, отличную от обычной (открытой для всех). Для этого специальная отобранная и подготовленная элита должна обладать повышенной культурной идентичностью, которую ей не грозит утратить в столкновении с особыми и подчас крайне опасными реалиями постиндустриальной среды. По схожим критериям отбирают и готовят людей для работы в спецслужбах и, в частности, в разведке.
Для российской истории на предшествующих этапах был вполне справедлив лозунг «модернизации без вестернизации» (С.Хантингтон), т.е. освоение промышленных технологий Запада для защиты народа от того же самого Запада. Теперь в условиях информационного общества задача формулируется несколько иначе: «постмодернизация без глобализации».
В сфере финансовых институтов, высоких технологий, сетевых структур, транснациональных корпораций – как уже существующих, так и вновь создающихся на территории России – должны действовать особо отобранные люди, и вся эта деятельность должна проходить под прямым контролем высшей государственной власти, так как данная область напрямую сопряжена с высоким риском утраты государством и экономикой суверенитета.
Экономическая глобализация и распространение «новой экономики» заведомо ведут к десуверенизации государств и национальных экономик, и если этот

процесс идет спонтанно, то страна в какой-то момент оказывается без суверенного государства и без суверенной экономики, а ее экономика становится лишь частью транснациональной сети, центр управления которой находится вне ее пределов и вне ее контроля. Но и категорический отказ от взаимодействия с сетью глобальной экономики ведет к безнадежному отставанию и утрате конкурентоспособности, а значит, снова к десуверенизации. Эта проблема не имеет однозначного решения, и баланс между участием в глобальной постиндустриальной экономической сети и сохранением контроля над национальной экономикой и является главным критерием адекватности политической власти и проведения государственной политики в будущем.

Суверенная экономика. «Суверенная демократия» должна основываться на суверенной экономике. Это экономика предполагает частичное и избирательное участие в глобальных процессах, проходящее под строгим надзором той инстанции, которая ответственна за суверенитет – т.е. высшей государственной власти.
Точечный переход к постиндустриальной экономике является не экономической и даже не государственной (как вопросы индустриализации и развития оборонно-промышленного комплекса), но политической задачей.

Автаркия больших пространств и теория интеграции. К современной экономике России вполне применимы идеи Фридриха Листа об «экономике больших пространств». В XXI веке для России крайне актуальна ситуация, в которой пребывали немецкие государства конца XIX века, когда Фридрих Лист и формулировал свою теорию. Решалась одна и та же задача: открыть свою экономику для внешнего рынка (условие модернизации), но сохранить контроль над ее динамикой ее гармоничного развитием («экономический суверенитет»). Лист в свое время предложил для этого объединить страны со сходной экономикой и культурой (в его случае Австро-Венгрию, Германию и Пруссию) в «таможенный союз». Внутри союза никаких экономических барьеров не было, а по его периферии таможенное законодательство было устроено таким образом, чтобы свободно пропускать в обе стороны только те товары и ресурсы, чья нерегламентированная циркуляция по логике рынка не подрывала бы развития отраслей, выделенных правительством в качестве приоритетных.
На базе идей Листа («таможенный союз»), Кейнса («экономические острова», т.е. хозяйства, защищенные системой протекционистских мер со стороны государства от внешнего давления) и ряда других мыслителей (в том числе русских, таких как А.В.Чаянов (1888-1937)) после Второй мировой войны в рамках экономики была разработана теория интеграции, согласно которой любое интеграционное объединение двух и более государств в ходе своего развития, если, конечно, оно идет естественным путем («снизу»), а не навязывается кем-то волюнтаристским образом («сверху»), должно пройти следующие этапы:

- создание зоны свободной торговли, в рамках которой происходит постепенное упразднение таможенных пошлин и либерализация торговли, однако таможенная политика в отношении третьих стран по-прежнему проводится каждой из интегрирующихся сторон самостоятельно;
- создание таможенного союза, что предполагает окончательную отмену всех внутрисоюзных таможенных пошлин, переход к форме коллективного

протекционизма, введение единой таможенной внешней политики;
- создание единого рынка, предусматривающего свободное перемещение не только товаров и услуг, но также трудовых (людских) ресурсов и финансовых капиталов, а также стирание наряду с тарифными и нетарифных барьеров, частичную унификацию правовых норм и технических стандартов;
- создание экономического союза, что в дополнение ко всем вышеперечисленным элементам включает в себя дальнейшую унификацию нормативно-правовой базы, регламентирующей хозяйственные отношения, выработку общей экономической (а не только таможенной) политики в отношении третьих стран, создание наднациональных координирующих и планирующих органов;
- создание валютного союза, т.е. введение единой валюты для всех стран-участниц интеграционной группировки и решение сопутствующих этому проблем (количество эмиссионных центров, контроль над ними, квоты на выпуск валюты и т.д.).

Высшей формой, апогеем экономической интеграции является создание полноценого политического союза, начинающего функционировать как единое государство, в котором важнейшие функции вместе с частью национального суверенитета в стратегических областях добровольно передаются наднациональным инстанциям. Все известные на сегодняшний день интеграционные образования - Ассоциация государств Южно-Восточной Азии (АСЕАН), Экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АПЕК), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Северо-американское соглашение о свободной торговле (НАФТА) и др. – находятся на различных стадиях интеграционного объединения, но еще никому из них не удалось продвинуться в этом процессе столь же далеко, как Европейскому Союзу (ЕС). Начав свою историю с создания в 1951 году Европейского Объединения Угля и Стали (ЕОУС), ЕС более чем за 50 лет успешно миновал практически все стадии интеграционного процесса и вплотную приблизился к перспективе принятия единого Конституционного Акта.

Евразийский союз. Применение теории интеграции и «большого пространства» к условиям современной России строго отвечает потребностям нашего экономического развития. Странами со сходным уровнем экономического развития, общей историей и культурой, и даже с большим процентом великорусского этноса являются в нашем случае страны СНГ, и особенно те из них, которые входят в Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), трансформировавшееся из «Евразийского таможенного союза». Создание совместно с ними единого экономического пространства (ЕЭП) дает российской экономике искомый объем. Внутри этого пространства следует отменить все барьеры для циркуляции товаров и услуг, а на его периферии – по границам СНГ – выстроить таможенную политику по принципам протекционизма, общего для всех экономик, входящих в «большое пространство». В перспективе мы получаем экономическую систему, вполне конкурентоспособную (как минимум по наличию природных ресурсов и маршрутам их доставки) с основными зарубежными партнерами и обретаем перспективу для последующей политической и геополитической реинтеграции постсоветского пространства.

Баланс экономических укладов в странах СНГ. Разные страны СНГ имеют разный баланс соотношения прединдустриального, индустриального и постиндустриального секторов, но во всех имеются элементы всех этих трех укладов. Прединдустриальное хозяйство (аграрное и животноводческое) в каждом случае является основой культурной преемственности и этнической идентичности, и этот сектор следует предоставить естественному развитию, без введения каких-то общих норм. Главное защитить этот сегмент хозяйства от конкуренции со стороны внешних производителей аналогичной продукции – не столько по собственно экономическим причинам, сколько ради сохранения и укрепления культурного кода. Даже в такой либеральной стране как США фермерские хозяйства защищены протекционистским законодательством – для той же культурной, в первую очередь, цели. А европейские фермеры жестко отстаивают аналогичные позиции перед лицом глобализации.
Промышленное развитие в рамках «большого пространства» должно сопрягаться с интересами объединенных вооруженных сил (в настоящее время это «Организация Договора о Коллективной Безопасности», куда входят Россия, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Армения, Киргизия и Узбекистан), а также отвечать интересам отдельных стран, членов ЕврАзЭС или будущего «Евразийского Союза».
В сфере постиндустриального развития можно прогнозировать создание евразийских транснациональных корпораций и сетей, центр управления которыми будет находиться в руках экономических инстанций «Евразийского Союза», а область влияния – выходить за его пределы, активно взаимодействуя с другими экономическими игроками глобальной экономики.

Экономическая интеграция должна начинаться с энергетической интеграции. Для воплощения этой интеграционной экономической стратегии в жизнь следует стартовать с имеющейся и самой бесспорной реальности – с системы энергоресурсов, которые составляют основной экономический козырь не только России, но и таких стран как Казахстан и Азербайджан. В вопросе энергетических коммуникаций с Евросоюзом огромное стратегическое значение имеет пространство Беларуси. Консолидировав управление энергодобычей, установив единые тарифы и квоты на транспортировку ресурсов в пределах всей территории «таможенного союза» и определив оптимальные маршруты экспорта, не подконтрольные странам, внешним по отношению к «Евразийскому Союзу», Россия вместе с партнерами по ЕврАзЭС и СНГ получает колоссальный экономический потенциал для развития основных направлений развития экономической системы.
Можно прогнозировать создание единой транспортной системы, введение общей «евразийской» валюты, унификации экономического и фискального законодательства, правовых нормативов предпринимательской деятельности.
Создание стратегически и экономически единого Евразийского Союза точно отвечает всем трем задачам развития российской экономики и экономики стран СНГ в условиях XXI века –

- укреплению хозяйственной идентичности народа,
- проведению модернизации (индустриализации) без вестернизации
- осуществлению постмодернизации без глобализации.

Контрольные вопросы

1.Можно ли гармонично сочетать различные сектора экономики на современном этапе ее развития?
2.Продолжать ли осуществление модернизации и индустриализации экономики в будущей России? Выскажите ваше личное мнение.
3.Можно ли и нужно ли строить в современной России постиндустриальную экономику? Если да, то как, на ваш взгляд, это делать?
4.Что такое экономическая глобализация? Является ли она полезной или вредной для российской экономики?
5.Что такое проект евразийской экономической интеграции?

Оглавление

Часть 2. ГОСУДАРСТВО И СУВЕРЕНИТЕТ

Раздел 6. СУВЕРЕНИТЕТ: ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, СПЕЦСЛУЖБЫ,БЕЗОПАСНОСТЬ

6.1. Война как общественное и историческое явление

«Война – это отец вещей.»
Гераклит

Что такое «война»? Война является неотъемлемым элементом человеческой истории на всех ее этапах. Воевали между собой рода, племена, этносы, княжества, народы, царства, империи, религии, суверенные государства. Сплошь и рядом война приобретала характер братоубийственного конфликта, когда в смертельной битве сходились между собой кровные родственники. Войны велись с завоевательной и оборонительной целью, для расширения территории и захвата добычи, по религиозным и идеологическим мотивам, по династическим соображениям наследования или ради доступа к ресурсам. Все идеологические системы и все типы государств знали периоды войн: они были характерны для традиционного общества, для общества модерна и общества постмодерна. Любые политические режимы – имперские, монархические, демократические, либеральные, тоталитарные, коммунистические, фашистские, националистические и парламентские – проходили в своей истории тяжелое испытание войной.
Войны велись как между различными народами и государствами, так и внутри одного и того же народа (гражданские войны, усобицы). Иногда внутренняя смута, народное восстание или династический конфликт перерастали в полноценную войну, по последствиям сопоставимую с войной между народами и странами.
Размышление о природе войны, о ее неизменном наличии на всем протяжении человеческой истории, какое бы общество мы ни рассматривали, привело

некоторых мыслителей, в частности, немецкого стратега Карла Клаузевица (1780-1831), к такому определению войны: «война есть продолжение политики иными средствами»(1).
Это определение фундаментально, так как Аристотель назвал человека «политическим животным», определяя через политику сущность человека. Если рассматривать войну как продолжение политики, мы вынуждены будем признать, что она неразрывно связана с самой природой человека, точно так же, как неразрывно связана с ней политика. Древне-греческий философ Гераклит учил, что «вражда есть отец вещей», и конфликтность заложена еще глубже, не только в основании человека, но и в основании мира, его стихий.
Объяснения природы войны в разных мировоззрениях. Боги войны в язычестве.
Будучи столь серьезным явлением, война по-разному интерпретировалась в мировоззренческих системах разных обществ.
Языческие культуры считали, что война есть проявление гневной природы божества, и персонификации этой природы отливались в фигуры богов и богинь войны – Арес (Марс) у греков и римлян, Индра и Кали у индусов, Тюр в скандинавской мифологии, Морриган у кельтов, Перун у славян и т.д.
Немонотеистические религии видят в войне неотъемлемую часть мироздания – такую же, как смена дня и ночи, рождений и смертей. Природа война здесь коренится в природе вещей. При этом война племен и этносов между собой осознается как продолжение той войны, которую ведут между собой родовые и этнические боги этих племен и этносов: война людей воспринимается здесь как эпизод в нескончаемой битве богов.

Моральный характер войны в монотеизме. Восстание ангелов и наказание Божие. В монотеистических религиях война приобретает иной смысл. Наличие у мира единого Творца и Господина дает новое толкование самого феномена войны. Война приобретает моральный характер.
Истоки войны можно усмотреть в «восстании ангелов», которое в монотеистических религиях относится к самому начальному этапу творения, когда предводитель ангелов, созданный первым – дьявол, сатана, Люцифер - восстал на Бога, желая быть с ним равным (или высшим). Верные Богу ангелы под предводительством архангела Михаила свергли дьявола и его последователей в преисподнюю, создав тем самым структуру религиозного космоса – верные Богу ангельские воинства образовали небесный рай, а павшие ангелы превратились в бесов, населяющих ад. Сам Бог в «Ветхом Завете» именуется «Элохим Саваоф», что с древне-еврейского переводится как «Господин Воинств». Словом «Саваоф», дословно «воинства», назывались также «звезды».
Битва ангелов становится в монотеистической религии прообразом духовной войны, которую должны вести все верующие со страстями, силами зла и греха. Сам путь верующих уподобляется непрерывной войне. Иногда это проецируется и на материальный мир, формируя теорию «священной войны» за веру, что подразумевает «войну с неверными». Это было характерно для ветхозаветных войн, которые вели иудеи с язычниками, осознавая их как религиозный долг. В Средние века на этом были основаны Крестовые походы католического Запада.
В исламской религии «джихад», обязанность вести войну против неверных, является важным элементом религиозно-морального кодекса. Исламские богословы разделяют «джихад» на два вида: «большой джихад» и «малый джихад». «Большой джихад» ведется в душе мусульманина против злых

помыслов и греховных поступков. «Малый джихад» направлен против «идолопоклонников».
Православный мир не знал традиции «религиозной войны» как самостоятельной религиозно-политической категории, и Византия во время Четвертого Крестового похода (1202-1204) сама стала жертвой латинских завоеваний, которые католический Запад решил обратить в этот раз не просто «неверных», а против «восточных христиан», «обличенных» католиками в «ереси».
Другой аспект понимания войны в религиозном мировоззрении – это наказание, посылаемое человечеству Богом за его грехи. В этом смысле, война есть зло, и религиозная мораль делает из мира нравственную и духовную ценность (слова Христа в Нагорной проповеди «блаженны миротворцы, ибо тии сынове Божии нарекутся»).

Война в Новое время. В либеральном мировоззрении нет философии войны. Светские общества в Новое время осмысляют войну в более прозаических терминах. Согласно теории Томаса Гоббса, война есть следствие проявления эгоистической природы человека, нацеленной исключительно на собственные интересы. И если бы не государство, то война всех против всех была бы неизбежна. Государство, по Гоббсу, упорядочивает агрессию людей, вводит ее в рациональное русло. Маккиавелли считал, война есть прагматическое средство реализации материальных интересов государства. Эта же идея заложена в определении Клаузевица. Философия Просвещения (Руссо, Дидро, Вольтер, несколько позже Кант) считали войну «величайшим бедствием» и свойством «варварского» «непросвещенного» человечества. Здесь впервые формулируются теории «вечного мира».
Либеральные теории считают войну «досадным недоразумением», проистекающим из необходимости обороняться от внешней агрессии или обеспечивать установленные правила «свободной торговли». К этому на практике добавляется военная колонизация и битва за природные ресурсы, которые капиталистические страны ведут на протяжении всей своей истории, но которые они отказываются осмыслять в философских идеологических терминах, считая их «исторической случайностью». Либеральной философии войны не существует, так как либералы настаивают, что «внедрение либеральных мировоззренческих принципов повсеместно автоматически приведет к миру». Что, впрочем, опровергается всем историческим опытом, который показывает, что либеральные и демократические страны воют между собой и с другими странами не меньше остальных. Более того, именно эпоха буржуазных преобразований в Западной Европе оказала решающее влияние на характер вооруженной борьбы во всем мире. Великая Французская революция положила конец представлению о войне как борьбе между представителями особых воинских сословий (рыцарей, дворян) или наемных солдат (ландскнехтов), на смену которым пришла всеобщая воинская повинность, рост технической оснащенности армий, массовые войны с вовлечение гражданского населения.
Мальтузианство, классовые и расовые войны. Английский экономист Томас Мальтус (1766-1834) сформулировал «надысторический закон народонаселения», согласно которому рост народонаселения происходит в геометрической, а рост средств существования -- лишь в арифметической прогрессии. Отсюда он выводил, что война является средством сокращения избытка населения, механизмом естественного экономического баланса.

Мальтус не призывал к ведению войн, но объяснял их естественной необходимостью экономического развития общества.
В рамках марксистского подхода вооруженная борьба осмысливалась как глубоко социальное явление, основанное на логике эксплуатации и классовых интересах. Причины современных им войн марксисты видели в погоне за прибылью класса капиталистов, в связи с чем выступали против любых войн. Однако не все сторонники левых учений разделяли этот радикальный пацифизм и интернационализм. В Германии социалист Ф.Лассаль (1825-1864) старался объединить борьбу за социальные права с защитой германских национальных интересов. Многие немецкие социал-демократы в начале XX века также заняли патриотические позиции, вопреки русским большевикам, настаивавшим на саботаже военных действий своей страны и считавших все современные войны «несправедливыми и империалистическими». Это стало одной из причин распада 2-го Интернационала.
Вместе с тем, принцип классовой борьбы и теория революции оправдывали войну, которую призваны были вести рабочие и крестьяне против буржуазии (гражданская война), а позже потребность защищать завоевания социализма привела большевиков к идее о необходимости создать собственную систему вооруженных сил (рабоче-крестьянскую армию) и развивать военную науку и стратегию системно и последовательно. Ленин писал, что «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». На этом методологическом базисе в условиях гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России в 1917 – 1918 годы возникла Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА).
Фашистские режимы воспевали войну как сферу реализации героического начала в человеке, видели в милитаризме самодостаточную ценность. Германские нацисты добавляли к этому идею «борьбы рас», которую якобы «низшие расы» сознательно ведут против «высших».

Наука о войне. Осмысление войны как общественного и исторического феномена привело к появлению особой отрасли знания – военной науки, в рамках которой под различными углами зрения исследуются как философские основания войны и мира, так и сугубо прикладные аспекты ведения боевых действий, принципы комплектования и строительства вооруженных сил, развитие военной техники и т.д. Центральное место в системе военных дисциплин занимает теория и история военного искусства, составными элементами которого являются стратегия, тактика и оперативное искусство.
Военная стратегия («стратегия» - греч. «искусство вождения войск») охватывает цели вооруженной борьбы, наиболее фундаментальные вопросы теории и практики ее ведения, подготовку армии к войне, проблемы военного строительства, исследует закономерности войны как общественно-исторического явления.
Военная тактика («тактика» - греч. «искусство построения войск») занимается не войной в целом, а проблемами ведения боя конкретным подразделением в тех или иных условиях местности.
Тактика в древнем мире была тесно связана, а иногда и неотличима от стратегии, поскольку в большинстве сражений одновременно решались тактические и стратегические задачи, предопределявшие исход целого похода или войны. Со временем эти две составляющие военного искусства значительно разошлись, что метко заметил русский полководец М.И.Кутузов - «можно выиграть сражение, но проиграть войну»,

Значительно позже, уже в эпоху массовых войн XX века в самостоятельную отрасль выделилось оперативное искусство, занимающее промежуточное положение между стратегией и тактикой и охватывающее вопросы организации и проведения самостоятельных операций различными объединениями вооруженных сил на возможных театрах военных действий (ТВД).
Сунь-Цзы. Военное искусство с глубокой древности осмыслялось военачальниками, императорами и философами, наблюдавшими за историческими битвами или участвовавшими в них лично. Один из древнейших текстов, посвященных проблемам военной стратегии, -- «Искусство войны» Сунь-Цзы (6–5 в.в. до н.э.), китайского полководца, теоретика военного искусства и основоположника «школы военной философии» («бин цзя» -- по-китайски). Свой трактат Сунь-Цзы начинает с главной мысли: *«Война - это великое дело государства, основа жизни и смерти, Путь к выживанию или гибели»*, а далее переходит к детальному описанию правил военного искусства в сочетании с философскими и этическими обобщениями в духе даосской религии («Дао заставляет людей быть в полной гармонии с правителем. Они будут умирать вместе с ним, они будут жить вместе с ним и не бояться опасности.»).
Сунь-цзы определяет пять способов добиться победы, не потерявших своей актуальности и по сей день:
«Тот, кто знает, когда можно сражаться, а когда нельзя, одержит победу.
Тот, кто понимает, как использовать большие и малые силы, одержит победу.
Тот, у кого верхи и низы горят одним и тем же желанием, одержит победу.
Тот, кто, будучи полностью готов, ждет неподготовленного, одержит победу.
Тот, у кого полководец способный, а правитель не мешает ему, одержит победу.
Таковы пять путей узнать победу.
Поэтому сказано, что тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в ста сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении.»
Из этих основополагающих принципов вытекает анализ Сунь-цзы стратегических задач и оценка конкретных ситуаций, возникающих в ходе ведения боевых действий.

Войны и различные типы общества (премодерн, модерн, постмодерн).
Принципы ведения войны, стратегия как таковая с эпохи Сунь-Цзы или трактата Юлия Цезаря (100 - 44 до н.э.) о «войне с галлами» не сильно изменились, так как основные цели войны, которые стояли перед древними обществами и которые стоят сегодня, остаются теми же самыми – задача победить противника, отстоять суверенитет. Политические режимы, религии, идеологии, экономические уклады за это время многократно сменяли друг друга, а война в своей сути оставалась той же самой. В трех типах общества (премодерна, модерна и постмодерна) существенно различалась не стратегия войн, но субъекты, которые их вели, оружие, которым они были вооружены, и тактика, которой они пользовались.
Война в традиционном обществе: множественность субъектов. В традиционном обществе субъектом ведения войны могли выступать рода, племена, княжеские дружины, ополчения, религиозные общины, политические партии, этносы, народы и государства. «Права на ведение войны» как такового не существовало, войны возникали по факту, и их разжигателями и участниками

могли становиться самые различные группы.
По мере формирования государств постепенно складывается «закон войны» (по-латыни «jus belli»), который предусматривает, что объявление и ведение войны является прерогативой властвующей инстанции – короля, князя или иных представителей правящей знати. В государстве количество субъектов, которые могут начинать военные действия и вести их, резко сокращается, но фактически это признается не сразу и не всеми, и племена, этносы, социальные и религиозные группы сплошь и рядом нарушают это правило, бросая вызов воинскому сословию, оформленному в государство. Это приводит к постоянному пересмотру расклада сил – появлению новых династий, распаду одних государств и появлению других, сложным процессам племенных, этнических и династических конфликтов, которыми полна история любого государства.

Войны людей против людей. Исход любой войны решает фактор силы. Традиционное общество характерно тем, что его техническое оснащение остается относительно простым. Здесь инструмент, орудие труда не является высшей ценностью, и изобретательство не возведено в ранг наиболее престижного и значимого вида человеческой деятельности. Поэтому в военных кампаниях акцент ставится на численности войск и уровне их профессиональной подготовки. Большое внимание уделяется моральному духу армии, психологическому настрою воинов.
Войны традиционного общества это войны людей против людей, где противники сходятся в смертельной битве непосредственно друг с другом, обмениваясь ударами, нападая и обороняясь. Оружие имеет относительное значение – подчас оно освящается, видится как нечто священное, но эта «святость» есть следствие не технической эффективности, а символической нагрузки, воплощения воинской эстетики, боевого духа. Войны традиционного общества позволяли их участникам раскрыть свою природу, обнаружить не только свои силовые характеристики, но и свои внутренние душевные качества – личное мужество, героизм, стойкость, ум, самоконтроль, чувство товарищества.
Не оружие решало исход битв, но люди, которые в них участвовали.

Сакрализация войны. Духовный и глубинно человеческий характер войны в традиционном обществе (премодерн) осмыслялся через сакрализацию войны. В ней принимали участие не только сами люди, но и духовные сущности (боги в язычестве, святые в монотеистических религиях), и даже природа, стихии. Так, покровителями христианских воинов считались архангел Михаил и святой Георгий. В православной традиции особо почитался в этом качестве также святой Дмитрий Солунский.
Войны, которые вел Мохаммед, являются архетипом благочестивого поведения и образцом для исламской этики и одновременно стратегии. В иудаизме войны патриарха Авраама или Исуса Навина считаются образцами «священных войн», в которых на стороне иудеев соучаствовал сам Яхве.

Модерн: тринитарные войны. Существенно меняется природа и структура войны в обществе модерна. В Новое время, в период буржуазных революций, происходит окончательное закрепление права на ведение военных действий за государством и его правительством. Субъектом войны становится только государство и его правительство.
Концепцию такой войны, соответствующей периоду модерна, подробно описал

К.Клаузевиц. Она получила название «тринитарной войны» («тринитарность» - от лат. «trinitas», «троичность», «нечто, основанное на трех началах»).
Смысл концепции «тринитарной войны» состоит в следующем:
война ведется между государствами и решение о ней принимают легальные правители (правительства),
война ведется только профессиональными армиями и результаты битв между ними определяют проигравшего и выигрывавшего,
в войне не участвует мирное население, получающее статус «нонкомбатантов» (от французского «non-combatant» -- дословно «не сражающийся»), которое обязаны оберегать армии и правительства всех участников конфликта.
Индустриальный фактор в войне. Тотальные войны. Войны эпохи модерна имеют еще одну особенность: фактор вооружения в них настолько возрастает, что его роль постепенно становится решающей. В традиционных войнах вооружение никогда не было основным фактором. В эпоху модерна судьба сражений все чаще зависит от материальной и технической оснащенности армий. На этом основан и процесс колонизации европейцами мира: в нем решающим преимуществом становится техническое оснащение (использование пороха, нарезного оружия и т.д.), так как в условиях традиционных вооружений народы Азии, Африки или Америки, подвергшись европейской колонизации, вполне могли бы отстоять свою свободу – военный дух и уровень воинской касты там весьма высок.

По мере индустриализации капиталистических обществ Запада происходит индустриализация войны. Рост фактора вооружений, средств передвижения и связи меняет основную концепцию военной стратегии: вооружение выходит на первый план. Отныне даже многочисленная, обученная и морально бодрая армия может быть побеждена теми, у кого вооружение окажется технически более совершенным. Количество воинов, психология, подготовка по-прежнему сохраняют свое значение, но качество вооружений делают их относительными.
Индустриализация войны, впечатляюще проявившаяся в Первую и Вторую мировые войны, приводит к тому, что побеждают уже не столько люди, сколько оружие, индустрия, машины. Человеческий фактор остается важным, но отсутствие патронов, разрыв коммуникаций или недостаток технических средств отныне может решить исход серьезных сражений. Роль машин стремительно растет. Поэтому тринитарные войны становятся все более и более индустриализированными, постепенно превращаясь в «тотальные войны» (К.Шмитт), когда уровень оружия массового уничтожения достигает такой отметки, что отделить военных противоположной армии от мирных граждан практически невозможно. Страшные примеры Второй мировой войны, включая сброс ядерном бомбы на мирные японские города Хиросиму и Нагасаки американцами, показывают, что в индустриальных войнах («тотальных войнах») почти исчезает разделение на «комбатантов» («сражающихся») и «некомбатантов» («не сражающихся»), и сами «сражающиеся» становятся все более обслуживающим персоналом смертоносных машин.
Если в традиционном обществе для победы над сильной и мощной армией противника необходимо было выиграть множество сражений, в каждом из которых проверялось внутренне качество военачальников и простых воинов, то в индустриальных войнах для этого подчас достаточно нажатия кнопки

технического персонала, выполняющего формальное поручение вышестоящего начальника.

Фигура партизана. Однако, несмотря на технологизацию вооруженной борьбы в полноценной индустриальной войне в XX веке дали о себе знать и военные явления предшествующей эпохи (премодерна). Это - явление партизанской войны.
Фигура партизана, гражданского (или военного) лица, ведущего против качественно более сильного врага войну в его тылу без всяких правил, является пережитком древних эпох (войн «до-тринитарного» периода). Партизаны действуют не от имени правительства и не являются регулярными военными частями. Они, как правило, лишены того уровня вооружения, которым наделен формальный противник и собственная регулярная армия. Поэтому партизанская война опирается на конкретный природный ландшафт, использует знание родного края со множеством деталей, не обозначенных ни на каких даже самых точных картах, тонко использует психологию местного населения, оказывающего партизанам явную или скрытую поддержку. Партизаны действуют по ту сторону «законов военного времени», и поэтому в случае попадания в плен не могут рассчитывать на статус военнопленного. Их обычно уничтожают, так как даже в рамках чрезвычайной ситуации войны они нарушают ее правила, опираясь не на «легальное» понимание войны, но на ее «легитимное» понимание. Для партизан, действующих в тылу вражеской армии (и, как правило, на своей собственной родной земле), не важно, что легальной здесь является уже вражеская власть. Они не признают этого, и война для них всегда является «Отечественной», т.е., в первую очередь, моральной, на основании чего они и пренебрегают ее «тринитарными» законами.
Действия партизан настолько нарушают правила индустриальной войны, что могут привести к репрессиям против мирного населения со стороны оккупационных властей: если какая-то часть покоренного гражданского населения опрокидывает третье правило войны о неучастии мирного населения, то оккупационные власти снимают с себя ответственность за соблюдение законности в отношении мирного населения. В XX веке одним из первых прецедентов ведения масштабной и эффективной партизанской войны были действия советских ополченцев и диверсионно-разведывательных групп в тылу немецко-фашистских захватчиков.
Несмотря на то, что партизанские формы войны, с технической точки зрения, качественно уступают индустриальным формам ее ведения, в определенных случаях они оказываются чрезвычайно эффективными и способны нанести противнику чувствительный урон.

Ядерное оружие. Доктрина сдерживания. Режим нераспространения.
Появление ядерного оружия довело логику индустриальной войны до предела. Само наличие такого оружия сделало войну в традиционном понимании бессмысленной: места для мужества, героизма, напряжения сил, воли, силы, ловкости и т.д. более не оставалось вообще. Война с возможным использованием ядерного оружия означала автоматическое уничтожение всего человечества. Такое оружие обесценивало традиционные формы военного искусства и фактически сводило к минимуму человеческий фактор: после принятия решения об использовании ядерного оружия в вооруженном конфликте все остальное от человека практически не зависело.

Ядерное оружие изначально появилось как результат американских разработок, которые призваны были обеспечить абсолютное военное превосходство над СССР. Но ядерные разработки советских ученых свели это преимущество к нулю, так как наличие у СССР атомной бомбы, фактически, делало использование этого оружия американцами невозможным без риска собственного уничтожения. Поэтому наращивание ядерного потенциала во второй половине XX века получило название «сдерживание». Соперничество в развитии ядерных технологий протекало не для того, чтобы получить возможность когда-нибудь ими воспользоваться в военных целях, но для того, чтобы этой возможности ни при каких обстоятельствах не получили другие.
Развитие вооружений в стратегии «сдерживания» -- это изменение самой логики войны. Традиционные войны видят в оружии инструмент, который следует применять для обеспечения победы. Ядерное оружие – такой инструмент, смысл которого заключается в том, чтобы исключить саму возможность его применения.
Дальнейшее распространение ядерного оружия было существенно ограничено подписанием «Договора о запрещении испытаний ядерного оружия» (1963) и «Договора о нераспространении ядерного оружия» (1968). Согласно последнему документу, пять «ядерных держав» (США, СССР, Великобритания, Франция, Китай) обязались начать сокращение своих атомных арсеналов (вплоть до полной ликвидации), а все остальные страны – воздержаться от приобретения ядерного оружия. В качестве главной контрольной инстанции было определено «Международное Агентство по Атомной Энергетики» (МАГАТЭ), действующее в тесной взаимосвязи с Советом Безопасности ООН. Однако три государства – Индия, Пакистан и Израиль – по политическим мотивам отказались присоединяться к «Договору о нераспространении» и в скором времени также стали обладателем атомного оружия. Другие же страны (например, ЮАР и Аргентина), хотя технологически и были способны вступить в «ядерный клуб», тем не менее, под давлением международного сообщества отказались от этого шага. Кроме того, СССР и США заключили целый ряд двухсторонних договоров, нацеленных на остановку «гонки вооружений». Наиболее важные из них: «Договоры об ограничении стратегических вооружений» -- ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979), «Договор об ограничении систем противоракетной обороны» – ПРО (1972), «Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» – СНВ (1991).
В период «холодной войны» ядерное оружие для мелких и средних государств представлялось излишней обузой, т.к. требовало огромных средств для создания, поддержания работоспособности и автоматически означало введение санкций со стороны МАГАТЭ и ООН. Значительно более простой путь обеспечения своего суверенитета и безопасности открывало участие страны – формальное или нет – в одном из двух геополитических союзов, возглавляемых США (НАТО) и СССР (Варшавский Договор). Это автоматически означало раскрытие над ней символического «ядерного зонтика», т.е. получение гарантий со стороны одной из «ядерных держав» защитить данную страну в случае опасности.
Однако с распадом СССР и крушением двухполюсной системы миропорядка многие государства осознали, что в условиях однополярной глобализации единственным средством сохранить суверенитет и защитить себя от агрессивной политики США, пусть ценой возможной планетарной катастрофы, является обладание ядерным оружием. Это дало начало новому витку ядерной

гонки вооружений, в которую включились теперь не только сверхдержавы, но и региональные лидеры. В той или иной степени о своих атомных амбициях заявил Иран, требующий права самостоятельно обогащать уран, а также Северная Корея, успешно осуществившая испытание атомной бомбы в 2006 году. Технологически в кратчайшие сроки способны создать ядерное оружие такие страны, как Германия, Япония, Канада, Бразилия, Аргентина, ЮАР, Австралия и некоторые другие. Единственное что их сдерживает – это международно-правовые ограничения и геополитическая раскладка сил. Обычные виды вооружений сумели сохранить свое значение лишь частично и продолжали во второй половине XX века использоваться в локальных войнах. Таковы были конфликты во Вьетнаме, Корее, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Войны индустриального характера сместились в сторону региональных конфликтов и сохраняют значение для тех стран, которые либо не имеют собственного ядерного оружия, либо не могут в конкретной ситуации его использовать.

Особенность методологии советской военной науки. В основе советской военной науки, зародившейся после 1917 года, лежала марксистская модель понимания истории. Считалось, что в экономике развитие «производительных сил» вело к изменению «производственных отношений» и смене общественно-исторических формаций, а в сфере военного искусства появление новых видов вооружений порождало коренную перестройку способов и методов ведения войны.

Если отбросить экономический детерминизм, свойственный марксизму, то на основании этой периодизации можно построить достоверную систематизацию этапов войной истории, где типы вооружения связываются с изменениями стратегии и тактики, а также с социально-экономическими особенностями развития общества.

Войны первого поколения. Холодное оружие. В военной науке выделяется шесть поколений войн.

Войны первого поколения ведутся с помощью холодного оружия -- копья, стрелы, луки, доспехи мечи. Развитие тактики шло от простейших построений войск (фаланга) и фронтальных столкновений сторон к более сложным конфигурациям и маневрированию войск на поле боя («манипулярный» и «когортный» боевые порядки). Выделялись морские и сухопутные войска, в которых существовало два рода войск – пехота и кавалерия. Это контактные войны, которые велись на протяжении всей истории человечества с древнейших времен до XI-XIII века, когда был изобретен порох.

Войны второго поколения. Порох. Использование огнестрельного гладкоствольного оружия (стрелкового и пушечного) означало переход к войнам второго поколения. Исход сражения стал решаться не только атакой живой силы, но и мощью огня, фронтальные боевые порядки начали трансформироваться в линейные. К XVIII веку завершился переход к новой тактике, основанной на сочетании маневра и огня как средства подготовки атаки с ударом холодным оружием пехоты и кавалерии. Однако это были все еще контактные войны, и поражение на дистанции на первых порах не особенно отличалось от выстрелов лучников и арбалетов в войнах предыдущего поколения.

Войны третьего поколения. Нарезное оружие. В XVIII-XIX веках наступает эпоха войн третьего поколения. Она связана с появлением нарезного оружия.

Оно стало многозарядным, относительно скорострельным, более прицельным и дальнобойным и вызвало к жизни новые боевые порядки – тактику колонн и рассыпного строя, стрелковую цепь, штыковую атаку. Войны поменяли характер, стали более массовыми, с точки зрения живой силы, применяющей это оружие; резко расширился их масштаб. Появились первые признаки зарождения операций как самостоятельной формы военного искусства. Войны стали затяжными, окопными, дистанционными, хотя контактный характер сохранился.
Войны четвертого поколения. Автоматическое оружие. Тактика общевойскового боя. Четвертое поколение: автоматическое оружие, которое появилось в начале XX века. Его стали устанавливать на бронебазе, самолетах, надводных и подводных кораблях. Расширилась география ведения боевых действий, резко возросла их динамика, темп, глубина прорыва. Появились новые виды и рода войск –

- боевая авиация,
- подводный флот,
- десантные подразделения,
- средства противовоздушной обороны,
- химические войска.

Их появление привело к возникновению тактики общевойскового боя. Были разработаны новые способы ведения боевых действий, в том числе теория глубокой наступательной операции, отвечавшие изменившимся условиям и возможностям войск. Наряду со стратегией и тактикой, окончательно сформировалось в самостоятельную отрасль военного знания оперативное искусство, охватывающее вопросы проведения наступательных и оборонительных операций стратегического масштаба.
Войны пятого поколения. Ядерное оружие. Ядерное и термоядерное оружие, разработанное после 1945 года, означало вступление в войны пятого поколения, что привело к коренным изменениям военного искусства. Резко возросла роль стратегии, которая с созданием стратегических ядерных сил получила возможность, минуя оперативно-тактический уровень, непосредственно влиять на ход войны и добиваться решающих результатов.

Войны 6 поколения: гипотеза В.И.Слипченко. В 90-е годыXX века наследие советской военной школы – учение о типах (поколениях) войн – получило дальнейшее развитие применительно к новым цивилизационным реалиям (постмодерн) в трудах российского генерала В.И.Слипченко (1935 – 2005), вице-президента Академии военных наук РФ. Освободив марксистскую модель эволюции военного искусства от догматической терминологии, он выдвинул гипотезу о появлении в условия глобализации войн шестого поколения, основанных на применении высокоточного оружия. Высокоточное оружие – это такое оружие, у которого вероятность поражения цели на межконтинентальном удалении в любых погодных условиях, даже с учетом противодействия средств ПВО противника, близка к стопроцентной. Ракета самостоятельно маневрирует, находит и с высокой вероятностью поражает нужную цель. Наряду с высокоточным оружием развитие получают системы вооружения на новых физических принципах (лазерные, геофизические, пучковые, радиологические, электромагнитные, психотронные и др.). Боевые модули размещаются не только в традиционных средах (суша, море), но преимущественно в воздушно-космическом пространстве, откуда бесконтактным способом и наносится

поражение вражеской стороне.
Войны первого поколения относятся к традиционному обществу. Второго поколения – к переходному периоду на пути модернизации. Войны третьего и четвертого поколения строго соответствуют эпохе модерна и индустриальной стадии развития экономики. Войны пятого поколения имеют неопределенный характер, т.к. они никогда не велись, и их развязывание тождественно самоуничтожению человечества. Войны шестого поколения относятся уже целиком к эпохе постмодерна.
Первым примером войн шестого поколения был конфликт вокруг Фолклендских островов 4 мая 1982 года между Великобританией и Аргентиной. Великобритания решила подойти с островов к Аргентине и побороться за свои территории, обладая мощным флотом и ядерным оружием. Аргентина же купила у Франции всего пять высокоточных крылатых ракет. При помощи этих пяти ракет аргентинцы потопили три английских корабля, среди них эсминец «Шеффилд», еще один эсминец и надводный корабль. Всего пять крылатых ракет — и три потопленных корабля. Американцы испробовали высокоточное оружие в Ираке в 1991 году, во время войны против Югославии, во время вторжения в Афганистан в 2001 и во второй войне против Ирака, завершившейся свержением режима Саддама Хусейна (1937-2006).
Специфика войн шестого поколения состоит в следующем:
• их целью становятся не столько регулярные войска, сколько объекты экономической, энергетической и – особенно – информационной инфраструктуры противника,
• они ведутся без четко очерченного театра военных действий (ТВД), который постепенно переносится в воздушно-космическое пространство и превращается в театр войны, лишенный фиксированной линии фронта,
• территория базирования и близость к атакуемым объектам не имеют решающего значения, т.к. поражение осуществляется полностью бесконтактным способом с использованием высокоточного оружия, интегрированного со средствами доставки (крылатые ракеты, беспилотные самолеты и т.д.) и управления в разведывательно-ударные боевые системы (РУБС),
• теряют свое значение такие фундаментальные категории военного искусства прежних этапов, как стратегическое развертывание, стратегическое наступление, стратегическая оборона группы фронтов, т.к. поражение целей осуществляется в пределах всей глубины театра войны,
• принципиальным образом меняется соотношение между видами и родами вооруженных сил: резко повышается важность противовоздушной (воздушно-космической) обороны, средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ), разведывательное обеспечение становится решающим фактором победы,
• ядерное оружие само по себе уже не может служить надежным гарантом безопасности против противника, способного действовать в формате войн нового поколения.

Постмодерн: сетевые войны. Переосмысление военной стратегии в эпоху постмодерна привело к появлению в США концепция постиндустриальных или сетевых войн (англ. «network warfare» -- «сетевое военное искусство»). Системное изложение основ сетевой войны дал американский вице-адмирал Артур К.Сибровски. Идейным вдохновителем и влиятельным покровителем этого направления модернизации классической военной стратегии являлся

Министр обороны США Дональд Рамсфельд. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем эта теория, «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее».
Ключевым понятием для всей этой теории является *термин «сеть»*. Смысл «сети», «сетевого принципа» состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» -- максимальное расширение форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть» представляет собой новое пространство – информационное пространство, где и развертываются основные стратегические операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этно-психология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен.
Смысл военной реформы в рамках «*новой теории войны*» информационной эпохи состоит в создании мощной и всеобъемлющей сети, которая заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Война становится сетевым явлением, а военные действия – разновидностью сетевых процессов. На технологическом уровне, это сопровождается переоснащением армии «высокоточным оружием» и «оружием на новых физических принципах», базирующимся не только на суше или море, но и в космосе, в сочетании с защитой собственной инфраструктуры от поражения аналогичным оружием со стороны противника.

Операции базовых эффектов. Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является осуществлении «операции базовых эффектов» (англ. «effects-based operations» – EBO).
«Операция базовых эффектов» определяется как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». Это означает заведомое установление полного и абсолютного контроля надо всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны» - она не имеет начала и конца, длится постоянно, и ее цель обеспечить тем, кто ее ведет, способность всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые запрограммированные механизмы. Это --проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе.
Согласно теории сетевых войн в первую очередь следует сражаться за информационное превосходство, для чего:
• искусственно увеличить потребность противника в информации и одновременно сократить для него доступ к ней,

•   обеспечить широкий доступ к информации своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника,
•   сократить собственную потребность в статичной информации через обеспечение доступа к широкому спектру оперативного и динамичного информирования.
Основные понятия теории «сетевых войн» таковы.

«Всеобщая осведомленность». «Всеобщая осведомленность» (англ. «shared awareness») включает в себя:
построение интегральной информационной сети,
превращение пользователей информации одновременно в ее поставщиков, способных незамедлительно активировать обратную связь,
защиту доступа к этой сети от противника с одновременной максимальной доступностью ее для своих.
«Намерение командира». В сетевых войнах понимание «намерения командира» призвано заменить собой традиционную форму приказа. Приказ является крайне формализированной версией поручения. Исполнение формального приказа существенно ограничивает свободу действий и тех, кто его отдает, и тех, кто его исполняет. После отдачи/получения приказа цепочку действий можно остановить только другим столь же формальным приказом, что часто в условиях ведения напряженных боевых действий оказывается проблематичным. Эта проблема в сетевых войнах решается с помощью «намерения командира». Психологическое взаимопонимание военного коллектива и методичное выстраивание тонких контактов командиров с подчиненными позволяет командиру избежать строгой и однозначной формализации управления с помощью приказов, передавая исполнителям общее представление о задаче и предоставляя им возможность самим искать пути для ее наиболее эффективного решения в зависимости от конкретной обстановки, складывающейся в процессе ведения боя или разведывательных операций.
Скорость командования. Скорость командования должна быть увеличена в критической пропорции, чтобы:
•   через адаптацию к условиям боя сокращать скорость принятия решений и их передачи, переводя это качество в конкретное оперативное преимущество,
•   в ускоренном темпе блокировать реализацию стратегических решений противника и обеспечить заведомое превосходство в соревновании на уровне решений.
Самосинхронизация. Самосинхронизация призвана обеспечить возможность базовых боевых подразделений действовать практически в автономном режиме, самим формулировать и решать оперативные задачи на основе «всеобщей осведомленности» и понимания «намерения командира». Для этого следует:
•   усилить значение инициативы для повышения общей скорости ведения операции,
•   соучаствовать в реализации «намерения командира»,
•   быстро адаптироваться к важным изменениям на поле битвы и
•   устранить логику пошаговых операции традиционной военной стратегии.
Распределенные силы. Задача «сетевых войн» перераспределить силы от линейной конфигурации на поле боевых действий к ведению точечных операций. Для этого необходимо:

- преимущественно перейти от формы физического занятия обширного пространства к функциональному контролю над наиболее важными стратегически элементами,
- перейти к нелинейным действиям во времени и пространстве, но чтобы в нужный момент иметь возможность сосредоточить критически важный объем сил в конкретном месте,
- усилить тесное взаимодействие разведки, операционного командования и логистики для реализации точных эффектов и обеспечения временного преимущества с помощью рассеянных сил.

Демассификация. Принцип демассификации отличает войны постмодерна от традиционных войн, где почти все решало количество боевых единиц. Демассификация основана на:
- использовании информации для достижения желаемых эффектов, ограничивая необходимость сосредоточения крупных сил в конкретном месте,
- увеличении скорости и темпа перемещения на поле действий, чтобы затруднить возможность противника к поражению цели.

Глубокое информационное проникновение. Этот принцип сетевой войны представляет собой требование увеличение количества и развитие качества датчиков информации как в районе боевых действий, так и вне его. Это проникновение обеспечивается за счет:
- объединения в единую систему данных, получаемых разведкой, наблюдением и системами распознавания,
- использование источников информации как главных маневренных элементов,
- использование датчиков и точек наблюдения как инструмента морального воздействия,
- снабжение каждого орудия и каждой боевой единицы (платформы) разнообразными датчиками и информационными сенсорами – от отдельного бойца до спутника.

Изменение стартовых условий ведения военных действий. Уже классическая военная стратегия обнаружила, что развертывание войны напрямую зависит от стартовых условий. От того, в каком контексте и при каком балансе сил начнется война, во многом зависит, как будут развертываться дальнейшие события. Поэтому задача сетевых войн:
- заранее повлиять на стартовые условия войны, заложить в них такую структуру, которая заведомо приведет к победе,
- спровоцировать сочетание во времени и в пространстве ряда событий, которые призваны повлиять на потенциального противника и блокировать его ответную инициативу.

Применение принципов сетевых войн. Сетевые войны предназначены для ведения в тех условиях, когда необходимо избежать ядерного столкновения и невозможно (или накладно) полноценно использовать технические средства индустриальных войн. Пространством сетевой войны становится вся территория планеты, так как в эпоху глобализации между внутренней и внешней политикой граница все более стирается, и все факторы начинают прямо влиять друг на друга. Осваивание стратегий ведения сетевых войн нового поколения только начинается – как при ведении военных действий (армия США в Ираке, Афганистане), так и при создании «стартовых условий»

конфликта до его начала (позиционные действия проамериканских сетей на постсоветском пространстве – через экспорт «цветных революций» в Грузии (2004), Украине (2004), Киргизии (2005) и т.д. В основу построения и деятельности молодежных оппозиционных движений, таких как «Отпор» (Сербия), «Кмара» (Грузия»), «Пора» (Украина), «Зубр» (Белоруссия) были положены принципы «гражданской обороны» («civil defense») и «ненасильственных действий» («non-violent actions»), разработанные по той же самой логике и теми же самыми «мозговыми центрами», которым принадлежит авторство «сетевых войн». В доступной форме эти принципы изложены в работе Дж.Шарпа «От диктатуры к демократии».
Соотношение между оружием «модерна» и «постмодерна». Надо отдавать отчет, что в пространстве «постмодерна» защититься, можно только используя адекватные методы – методы «сетевых войн». Ни наличие многомиллионной армии, ни ядерное оружие, ни спецслужбы «старого образца» не гарантируют надежной защиты. Вернуть эффективность и действенность оружия прошлой исторической эпохи – индустриальной – можно только одним единственным способом. Для этого необходимо в масштабах планеты уничтожить всю технологическую инфраструктуру глобальных коммуникаций. Едва ли это реальная перспектива, за исключением, конечно, эсхатологического сценария глобальной «ядерной зимы». США понимают это как ни одно другое государство, поэтому в последние годы выступают главными инициаторами ядерного разоружения, одновременно наращивая и институционализируя свое превосходство в области оружия шестого поколения, создавая наряду с этим глубокоэшелонированную систему национальной противоракетной обороны (НПРО) и другие новейшие схемы защиты своих коммуникаций.

Конфликты низкой интенсивности. Другой особенностью войн постмодерна является расширение зоны конфликтов низкой интенсивности. Эту концепцию развил современный израильский специалист по вопросам стратегии Мартин Ван Кревельд.
По мнению Кревельда, в будущем ядерный конфликт и даже полноценный конфликт индустриального уровня («тотальная война») с использованием обычных видов вооружений, аналогичный Первой или Второй мировой войне XX века, станут маловероятными. Даже существующий у разных стран запас ядерного оружия не позволит никому его использовать. Полноценная индустриальная война возможна лишь с участием одной из ядерных держав, что также проблематично. Следовательно, человеческое стремление к решению политических проблем силовым путем, делает вывод Ван Кревельд, будет отныне проходить в формате локальных вооруженных столкновений, более напоминающих войны эпохи премодерна или стратегию партизан. Так параллельно небывалому развитию военной техники с использованием новейших технологий (войны шестого поколения), вооруженная борьба одновременно движется в прямо противоположном направлении – в сторону архаизации.
Феномен терроризма. Терроризм XXI века является феноменом, тесно связанным с эпохой постмодерна. Это, по сути, мировое партизанское движение, отстаивающее, как правило, довольно архаические ценности (религиозный фундаментализм, этнизм, и т.д.), при этом отрицающее легальные правила и точечно использующее в своих целях высокие технологии и глобальные интерактивные сети.

Специфика силовых систем и систем безопасности, основанных на сетевых принципах, предназначены для того, чтобы справляться со «старыми вызовами», но обнаруживают уязвимость для «новых вызовов», которые становятся тем более опасными, что террористы при определенных обстоятельствах могут освоить информационные и сетевые технологии и заставить их работать на себя. Это несет в себе серьезную угрозу из-за того, что теория сетевых войн делает второстепенным количество войск, их позиционное расположение и т.д., ставя во главу угла более тонкие информационные и концептуальные преимущества. Но, проникнув в прекрасно функционирующую сеть, террористы могут получить доступ к тем рычагам управления и тем военных технологиям, которые стремительно повысят их значение, чего никогда не произошло бы, если бы они действовали в обычных условиях.
Эффект теракта 11 сентября 2001, предположительно осуществленного группой радикальных исламских террористов, принадлежавших к Аль-Каиде и взломавших систему сетевой безопасности ведущей мировой державы – США, продемонстрировал масштаб террористической угрозы и был сопоставим с результатом ведения полноценных боевых действий – причем на американской территории.
Сетевой терроризм – это обратная сторона сетевых стратегий ведущих держав Запада и попытки создания системы глобального контроля для повсеместного осуществления «операций базовых эффектов».

Война и пространство. Геополитика войны. Геостратегия. Большинство войн, которые велись человечеством, ставили перед собой одну цель – контроль над пространством. Территория является главной стратегической ценностью. Контроль над территорией дает возможность контролировать все, что на ней происходит – экономические процессы, коммерческие трансакции, ресурсы, коммуникации, политическую и общественную жизнь и т.д. Поэтому испокон веков главной стратегической задачей войны был захват территорий противника и защита собственных территорий.
Геополитика внесла в военное искусство (тактику и особенно – стратегию) важные дополнения. Учет качества территорий земли привел геополитиков к выводу, что формы контроля над территорией, а, следовательно, и логика военной стратегии существенно различаются в зависимости от того, к какому типу цивилизации принадлежит та или иная сторона конфликта – к морской или сухопутной.

Геостратегия Суши. В основе сухопутной геостратегии лежит идея расширения собственных территорий за счет территорий противника через присоединение их или установления над ними прочного контроля.
Смысл сухопутной стратегии состоит в том, чтобы включить земли противника в состав своих земель. Это означает, что эти земли подлежат полноценной интеграции в общее социально-политическое пространство и рассматриваются как потенциальные (или актуальные – уже после факта завоевания и присоединения) провинции. Юридический статус территорий, над которыми установлен военный контроль и соответственно статус проживающих на них людей и расположенных на них объектов, приравнивается к статусу обычных территорий государства и собственных граждан. В военном смысле это означает, что объектом присоединения и последующей интеграции сухопутной

державы является сплошная зона территорий противника, включаемая на равных основаниях с территориями, изначально находившимися под контролем державы.
Это в огромной мере предопределяет характер ведения боевых действий. Главная задача армии сухопутной державы нанести как можно больший ущерб вооруженным силам противника при минимальном ущербе населению и объектам, находящимся на этой территории. Это не «гуманизм», но трезвый расчет, строящийся на том основании, что в таком случае воющая армия имеет дело с теми землями и теми гражданами, которые при удачном исходе войны станут частью собственной страны. В этом проявляется принцип Суши: сухопутные территории непрерывны, и границы, на них расположенные, представляют собой относительное явление, которое отражает временный ситуативный баланс сил, подлежащий пересмотру. Это предопределяет сухопутный стиль колонизации: земли, подвергшиеся колонизации со стороны сухопутной державы, становятся провинциями такой державы на равных основаниях с теми землями, которые были в ней раньше. Следовательно, колонизация, после того как она произошла, не предполагает в дальнейшем никакого существенного различия между тем, что до войны входило в состав государства, а что нет.
Так действовала Римская Империя, Византия, Орда Чингисхана, Австро-Венгрия, Османская империя и Россия.

Геостратегия Моря. Морская геостратегия основана на прямо противоположном отношении к землям, подлежащим захвату. Фундаментальное различие состоит в том, что между метрополией и колониями в случае морских держав существует качественный разрыв, воплощенный в стихии моря или океана. Цивилизация Моря ведет войну не для присоединения новых территорий к метрополии в качестве полноценных провинций. Оккупация и колонизация новых земель происходит со стороны береговой линии и проникает вглубь ровно настолько, насколько позволяет уровень развития коммуникаций, связывающих базы с портами, и сопротивление внутриконтинентальных (сухопутных) народов. Такой подход заведомо предполагает точечный характер колонизации, стремление установить контроль над главными стратегически важными объектами, без планомерного освоения всех территорий. При этом статус колонии и ее населения в морской цивилизации всегда существенно различается со статусом территорий и граждан метрополии. Завоеванные земли служат получению немедленной прибыли – или за счет экономической эксплуатации ресурсов или за счет извлечения выгоды из занятия стратегической позиции.
Важнейшей целью морской геостратегии является предотвращение выхода сухопутных держав к береговой линии, что могло бы создать для морских держав конкуренцию в морской стихии. Колонизация морского типа ориентирована на постоянную возможность стремительной эвакуации колонизаторского корпуса, так как контролируемые территории рассматриваются всегда как «временно оккупированные», даже если эта оккупация длится очень долго.

Теория анаконды. Для морской стратегии характерна модель «анаконды», впервые сформулированная в ходе гражданской войны (1861-1865) в США генералом Уинфильдом Скоттом (1786-1866), командующим армией северян.

Скотт предложил с помощью этой стратегии окружить армию конфедератов, постепенно отрезая их от доступа к портам, а затем удавить.
В XX веке английские и американские стратеги развили эту идею в планетарном масштабе, выстроив концепцию «континентальной стратегии анаконды», призванной оторвать Россию, а позже СССР от выхода к теплым морям, путем установления контроля над ключевыми точками береговой зоны евразийского материка. Этой логикой была вызвана поддержка Антантой белого движения в ходе гражданской войны, а позже пространственный смысл «холодной войны».
Американский стратег и теоретик Генри Киссинджер (р.1923) называл эту стратегию -- «linkage» (от английского «link» -- «звено цепи»). Речь шла о том, чтобы распространить влияние НАТО на все береговое пространство евразийского материка – от Западной Европы (входящей в состав блока НАТО, кроме Франции, всегда стремившейся отстоять стратегическую самостоятельность и независимость от США) через Ближний Восток (с опорой на Израиль и Турцию) вплоть до Дальнего Востока (через Афганистан и Пакистан к Южной Корее и Японии). Это предопределило геостратегию «холодной войны». СССР стремился прорвать НАТОвскую «анаконду», США -- сделать свое военно-политическое влияние устойчивым и необратимым. Этим определялась география наиболее жестких конфликтов: Вьетнамская война, разделение Кореи на Южную (морскую) и Северную (сухопутную), вторжение советских войск в Афганистан, советско-иранские и советско-турецкие отношения, неизвестные войны наших спецконтингентов в Африке, Азии и Латинской Америке. Это была прямая дуэль между атлантистской стратегией «linkage» и евразийской обороной.
Сухопутные силы и военно-морской флот. Геополитическая особенность цивилизации влияет и на стратегию ведения боевых действий, и на приоритетное развитие того или иного вида вооружений. Морские державы преимущественно развивают военно-морской флот. Американский контр-адмирал Альфред Мэхэн (1840 – 1914) определил США как «морское могущество» (англ. «Seapower»), что, по его мнению, детерминирует как планетарную стратегию американского государства в будущем, так и поставит во главу угла развитие военно-морского флота.
Для сухопутных держав, в свою очередь, характерно развитие традиционных наземных войск -- пехоты и мотопехоты.
Но такое разделение не означает, что великие державы (как сухопутные, так и морские) не должны развивать и «непрофильные» (с геополитической точки зрения) виды вооружения. Сухопутным державам жизненно необходим выход к «теплым морям» именно для того, чтобы развивать флот и соперничать с морскими державами за контроль над морскими пространствами, которые всегда имели и имеют огромное (подчас решающее) значение. И наоборот, морским державам постоянно приходится участвовать в наземных операциях, сталкиваясь с пехотой, что также требует развития соответствующих направлений в военном строительстве.

Геополитика воздуха и космическое оружие. Развитие новых вооружений и – более широко -- средств передвижения повлекло за собой появление новых стратегических факторов, которые не учитывались классической геополитикой – ракетостроения, стратегической авиации и космических вооружений. Эти виды оружия усложнили геополитическую картину мира, так как открыли новую

стихию – воздух, и сделали различия между морскими и сухопутными пространствами относительными. С точки зрения стратегической авиации или ракет, поражение цели в наземных условиях или в водной стихии не имеет никакого отличия. Бесконтактные войны шестого поколения с применением высокоточного оружия – крылатых ракет и т.д. – вписываются в эту категорию. Некоторые стратеги стали говорить о «геополитике воздушного пространства», так как после определенного уровня развития вооружений противостояние сводилось к подсчету подлетного времени от места дислокации ракет или иных ядерных носителей до цели, а также к уровню совершенства противоракетной обороны каждой из сторон. С развитием стратегической авиации и ракетостроения различия между морским могуществом и сухопутным стирались, и гонка вооружений проходила принципиально на одном уровне и в одной сфере вооружений. Такое положение дел характеризовало эпоху «Холодной Войны» и противостояние США и СССР во второй половине XX века.
Однако развитие стратегической авиации и ракетостроения, а также комического оружия – обобщено изучаемое «геополитикой воздуха» -- лишь только вносит коррективы в прикладные, технические и оперативно-тактические аспекты ведения войны. Стороны начинают использовать новые виды вооружений, действовать в новых средах (воздух, космос), исчезает классическая линия фронта и т.д., но пространственная парадигма конфликта (бинарный код суша/море) остается прежней. Иными словами, сущность геополитической стратегии США всегда будет предопределяться ее морским характером, в то время как СССР (и России) – сухопутным (континентальным).
Принципы комплектования вооруженных сил. В разных типах обществ (премодерн, модерн, постмодерн) и цивилизационных ареалах (сухопутных, морских) существовали различные принципы формирования воинского сословия и комплектования армии. Однако всегда к воинам предъявлялся набор определенных типичных требований:

- повышенная активность,
- постоянная готовность к сражениям, вооруженным конфликтам,
- бесстрашие, мужество,
- определенная агрессивность, необходимая для поддержания должного психологического состояния (спокойный и уравновешенный человек, занятый мирными делами, едва ли будет готов в любой момент вступить в ожесточенную битву с врагом по первому требованию командира, рисковать жизнью и безжалостно убивать противника, как того требует воинская судьба).

В традиционном обществе воины составляли особую касту – в Индии их называли «кшатриями», в Иране «ратаэшта» («стоящие на колеснице») и т.д. Воинский тип вместе с жреческим составлял основу элиты традиционного общества. Индуизм считает, что касте воинов соответствует стихия огня и жара, а также принцип «горизонтальной» экспансии, экстенсивности, активной деятельности. Тогда как жрецам соответствует стихия чистого света, принцип «вертикального» созерцания, постоянства и интенсивного внутреннего сосредоточения. Поэтому для воинов религиозные принципы формулировались с учетом их «внутренней природы». Ценности активности, героизма, бесстрашия, жертвенности, агрессивности, личной преданности, дисциплины, мощи и воли стояли во главе угла. У воинов были свои «боги» - Вишну, Индра, Кали и другие, которые воплощали в себе воинственные качества.
В других традиционных обществах столь строгого выделения воинов в

отдельную касту со своими ритуалами и даже божествами не было, но всегда их относили в самостоятельное сословие, обладающее институционализированными отличиями. Если воины и не признавались самостоятельной кастой с характерной внутренней природой, тем не менее, они рассматривались как особый тип, составляющий основу аристократического слоя. Даже в монотеистических обществах, не делающих различия между внутренней природой людей («равенство всех перед единым Богом-Творцом»), для воинов существовали специфические социальные и даже нравственные кодексы поведения.
В период войн и походов именно воины как тип (каста, сословие) составляли ядро армии, вокруг которого сплачивалось временно призванное на службу мужское население. Эта система представляла собой сочетание постоянных отрядов (дружин военных предводителей) с ополчением. Ее разновидностью являлся т.н. милиционный принцип, в соответствии с которым каждый гражданин государства, получая в молодости военную подготовку, считался военнообязанным до старости (например, в Греции – от 18 до 60 лет, в Риме – от 17 до 50 лет). В Западной Европе периода Средневековья был распространен созыв рыцарского (дворянского) ополчения: каждый феодал по требованию сеньора немедленно прибывал к нему со своей дружиной для участия в походе.
При переходе к обществу модерна, когда аристократия стала все более избегать «налога кровью», широкое распространение получила наемная система комплектования армии воинами-профессионалами, сражавшимися исключительно из меркантильных соображений на любой стороне, платившей жалование.
Для раннего модерна характерно дальнейшее использование наемных войск в сочетании с насильственной вербовкой солдат, из-за чего подобные армии отличались национальной и этнической неоднородностью и невысокими морально-боевыми качествами. Постепенно на смену наемной системе пришла всеобщая воинская повинность, по которой мужское население, достигшее призывного возраста и годное к военной службе, становилось военнообязанным. Впервые она была введена во Франции в 1793 году революционным правительством якобинцев, а вначале XIX века принята почти во всех европейских странах. Так возникли массовые армии, сплоченные по национальному признаку, что стало возможным лишь после буржуазных революций и перехода к государствам-нациям.
Однако здесь существуют исключения. Так, например, всеобщая воинская повинность была характерной чертой в империи Чингисхана, которая по всем остальным параметрам представляла собой типичное традиционное общество (общество премодерна), не имеющего ничего общего с современными государствами-нациями. Наследие Орды существенно повлияли на военные традиции Руси.
На современном этапе – в обществе постмодерна – встречаются элементы всех систем комплектования войск (и их сочетания), использовавшихся на предыдущих этапах. Однако на примере постиндустриальных государств прослеживается тенденция перехода к полностью профессиональным армиям, солдаты которых должны обладать таким набором личностных качеств, мировоззренческих установок и профессиональных навыков, который позволяет рассматривать их как совершенно особую группу, социальный тип, имеющий нечто общее с воинскими кастами архаических обществ.

Воины создатели государства. Суверенитет. Чрезвычайное положение.
Исторически все известные типы государств были созданы воинами. Государство коренится в необходимости защитить народ от внешней агрессии и навести, при необходимости, порядок внутри. Это является прямой задачей воинов. Образуя отдельное военное сословие, воины создают политическую систему, где происходит разделение функций труда и войны, что ложится в основу государства как силового явления. Военные дружины формируют государственность, беря за нее ответственность перед внешними и внутренними вызовами. Так воины становятся автоматически носителями высшей власти. И не случайно, вожди, монархи и императоры выходят исключительно из воинской касты. Вождем и королем становится первый из воинов. А основа аристократии формируется из остальных членов дружины.
Главной отличительной чертой государства является суверенитет, т.е. возможность распоряжаться самим собой свободно и независимо, без оглядки на внешние инстанции. Суверенитет – это высшая форма самовластия, и именно воины уполномочены его поддерживать, сохранять, защищать и укреплять. Ослабление воинства неминуемо влечет за собой утрату суверенитета, распад или завоевание государства внешним противником.
Война является тем моментом, когда государство на практике доказывает свою суверенность – обороняясь от внешней угрозы или захватывая чужие земли и подчиняя другие народы. Тот, кто в момент испытания способен сохранить суверенитет, т.е. победить в войне, тот остается свободным и самовластным. Тот, кто проигрывает, либо ограничивает свой суверенитет, либо утрачивает его.
Во внутри-политической жизни воины выполняют функцию надзора за соблюдением порядка (полицейские функции): подавляя бунты, обеспечивая соблюдение установленных законов и правил. В традиционном обществе к этому добавлялись судебные функции и сбор дани (налогов). Во внутренней политике суверенитет обеспечивается контролем за соблюдением закона, норм и установлений, на которых основано то или иное общество. В обоих случаях – и во внешней и во внутренней политике – воины являются прямыми защитниками, а зачастую, и носителями суверенитета.
Для защиты суверенитета может вводиться чрезвычайное положение или диктатура. Так было во времена Рима (Сулла, Гай Юлий Цезарь) или в периоды установления диктатуры русскими царями (Иван Грозный, Петр Первый и т.д.). Диктаторские полномочия необходимы для получения чрезвычайных инструментов в управлении страной, когда обычных полномочий, закрепленных в легальных документах, недостаточно. В военное время гражданские права и свободы сокращаются по вполне объективным причинам, так как государству и народу грозит реальная опасность утраты свободы и независимости, и продолжение существования по правилам мирной жизни в такой ситуации могут эту опасность существенно увеличить.
В военное время – или в аналогичные ему периоды смут, революций, бунтов и волнений -- на карту ставится само существование общества, народа, государства, и это требует от носителей власти исторических решений, которые обосновываются не исполнением легальных и заранее прописанных процедур, а волей, мужеством, интуицией и оригинальным и часто непредсказуемым ответом на возникшие вызовы.
Политическая диктатура вводится тогда, когда легальные методы управления исчерпаны, а угроза независимости и самому существованию общества – чаще

всего со стороны военного противника и в условиях военного положения -- не снята. В самом механизме политической диктатуры заложены принципы армейского подхода: военная дисциплина, четкость в исполнении приказов и принцип мобилизации распространяются в этом случае на все общество в целом.
Некоторые военные империи в самой своей основе (в частности, Орда Чингисхана) были построены таким образом: армия и общество были строго тождественны. В таких условиях политическое правление носило характер армейского командования и было, как правило, вариантом «комиссарской диктатуры».
Безопасность граждан как основа гражданского общества. Важнейшей задачей силового сектора государства является обеспечение безопасности граждан. Это относится к армии и разведке, призванных защищать безопасность от внешних угроз, и к внутренним войскам (полиции, спецслужбам и т.д.), чья основная задача состоит в противодействии внутренним угрозам.
Внутренние угрозы обществу могут выражаться:
•	в группах или отдельных индивидуумах, открыто отказывающихся соблюдать установленные законы и правила общежития (преступники, асоциальные элементы и т.д.),
•	в экстремистских, террористических и революционных политических организациях, ставящих перед собой цель свержение существующего общественного строя, нарушение территориальной целостности, смену политической элиты и т.д.,
•	в разведывательно-подрывной и диверсионной деятельности агентов иностранных государств и их пособников из числа местных граждан (изменников), стремящихся ослабить конкурирующую или враждебную державу,
•	в поведении хозяйствующих субъектов, своей экономической деятельностью причиняющих ущерб общественному благосостоянию.
Противодействие этим видам внутренних угроз является приоритетной задачей внутренних войск и спецслужб в любом обществе. Однако в условиях глобализации грань между внутренними и внешними угрозами зачастую стирается полностью, в связи с чем армия, органы безопасности и правопорядка должны быть в состоянии реагировать на угрозы, носящие комплексный и экстерриториальный характер. Без наличия такой силовой структуры нормальное функционирование и развитие общества – в том числе и гражданского - невозможно.

Контрольные вопросы

1Чем является война в человеческой истории: случайностью или закономерностью?
2.Агрессивен ли, на ваш взгляд, человек по самой своей природе?
3.Как понимает войну и мир религия? Место войны в христианстве, исламе.
4.Перечислите 6 поколений войн и опишите их особенности?
5.Опишите смысл и основные понятия «сетевых войн».

6.2. Военная история России

«Наши пространства заставляют нас разбрасывать нашу энергию и способность к организации, затрудняют сбор сил для отпора; они хранят в своих недрах богатейшие сокровища,отказаться от стражи которых равносильно исторической измене;они включают в свои пределы важнейшие политико-стратегические позиции,требующие серьезной военной силы,хотя бы для того,чтобы сохранить нейтралитет и не быть втянутым в войну… Первый шаг к победе должен лежать в сознании, что на нас нет никаких географических доспехов, ч то наша грудь открыта для удара, что враг не спит, что завтра делается сегодня».

Александр Свечин

Русское государство создали воины. Россию как и все остальные государства создали воины. Начало русской государственности принято отсчитывать от момента призвания князя Рюрика на царство. Помимо символического единоначалия княжение Рюрика означало наделение его ответственностью за защиту народа от внешних и внутренних угроз, а это он мог осуществить только с опорой на военную силу. Рюрик приходит править не один, но со своей дружиной, и значение этой дружины чрезвычайно велико. По сути, именно она – княжеская дружина – и становится ядром и осью государственного порядка.

Именно русские воины постоянно из века в век сражались за то, чтобы Русь была свободным и независимым государством, платя за это своими жизнями. Поэтому военная служба была не просто профессией, но высшей формой государственного служения, сохранявшего и укреплявшего саму государственность. Сам великий князь, а позже русский царь, воплощал в себе архетип воина, был предводителем русского воинства, и именно князья и цари сплошь и рядом возглавляли военные походы, организовывали оборону, лично принимали участие в битвах с врагами.

В акте учреждения государственности народ по собственной воле передал суверенитет великому князю, что создало систему политической монархии. Таким образом, народ и армия еще на заре русской государственности взяли на себя обоюдные обязательства: народ обязался кормить и одевать армию, содержать ее, а армия – защищать народ, строя и укрепляя государство. Так демократия сосуществовала с суверенитетом. Народ добровольно учредил государство, а армия (во главе с князем) добровольно взялась его укрепить, защитить и сохранить. Великий князь, чтобы сохранить и укрепить этот полученный от лица народа суверенитет был вынужден опираться на дружину, на воинов, которые стали сонаследниками этого суверенитета, разделяя и его некоторые социальные, политические, правовые и имущественные привилегии, и риски и ответственность. На всех этапах русской истории и особенно в ранние периоды трудно провести четкую грань между политическим и военным руководством: настолько они слиты и едины и по функциям, и по происхождению, и по личному составу. Быть «князем» или «боярином» на Руси было практически то же самое, что быть военачальником. И наоборот: военачальниками становились только представители высшей знати.

Россия воевала всегда. Всегда находились и внешние и внутренние силы, бросавшие вызов суверенитету государства. И всегда справляться с этими вызовами приходилось военной элите, которая и была элитой общества. Русская история практически не знает иной элиты, кроме военной. Тождество воина и аристократа постоянно подтверждалось: в Санкт-Петербургской России дворянство жаловали, в первую очередь, за военные заслуги, повторяя тот же сценарий, которой много веков назад заложил основы русской государственности. И даже в коммунистическую эпоху, когда традиционная знать была уничтожена, руководители Компартии от Троцкого до Сталина принимали участие, если не в самих военных действиях, то в планировании военных операций и руководстве военными кампаниями, т.е. были военачальниками. До сих пор в России верховным главнокомандующим является Президент Российской Федерации.
Славянское миролюбие. Еще до создания Киевского государства славянские племена участвовали в битвах и военных походах. Однако по сравнению с другими этносами, их окружавшими, древние славяне отличались относительным миролюбием, поднимаясь на войну только тогда, когда опасность приближалась к ним вплотную. В скандинавском эпосе существует предание о двух типах божеств – «асах» и «ванах». Некоторые историки считают, что в основу этих легенд легли наблюдения за двумя этническими группами – воинственными предками германцев (описанных как «асы») и древнейшими славянскими племенами, послуживших прототипом для миролюбивых земледельцев и созерцательных волшебников «ванов». Это косвенно подтверждается наличием славянского племени «венедов» (откуда «Венеция» -- территория, где проживали в древности славянские племена) и названием русских в финском и эстонском языках – «вене». Само имя «славяне» филологи возводят к форме «сла-вене», т.е. племена «вене» («ванов»), о которых «всем известно» (о которых идет «слава»).

Бояре и дворяне. В Киевской Руси основой воинства была княжеская дружина. Эта дружина состояла изначально из двух групп – старшие дружинники и младшие дружинники. Младших дружинников называли термином «гридь» (от норв. «grid» -- «дом»). К этому в период военных действий добавлялось ополчение, состоящее из горожан и возглавляемое «тысяцкими». Это были военные отряды, наследующие вечевые традиции русских городов (т.е. продолжателями традиций «военной демократии»). Старшие дружинники позже составили основу боярства, наследственной аристократии.
На первых этапах дружина воспринимала себя единым целым, преданным своему вождю – князю. Во второй половине XII века процесс разделения дружинников дошел до своего логического предела, когда старшие дружинники, бояре создали свои собственные военные отряды (сходные с вассальными отрядами западноевропейских сюзеренов), а младшие дружинники («гридь») стали ядром княжеской свиты, которая выступала отныне под новым понятием «двор». Отсюда пошло название «дворяне», «дворянство». «Дворяне» были не просто «младшие бояре», они находились с князем в иных отношениях, будучи не «вассалами» (т.е. младшими, но равными), но его слугами, связанными с ним пожизненно. Русское войско представляло собой в тот период князя с двором, бояр с их военными отрядами и городское ополчение.

Войны Древней Руси. Империя Святослава. После прихода дружины Рюрика слава о русских военных походах и завоеваниях распространяется на Западе и на Востоке. Перечислить все войны, в которых участвовала Россия за все время своей истории, не возможно. Вся наша история -- это история войн. Если мы не нападали, то мы оборонялись, если не расширяли свои земли, то отбивались от тех, кто претендовал на наши, а периоды мира были лишь краткими передышками для новых войн.
Русские князья неоднократно ходили походами на Византию и осаждали Константинополь. Царьград пытались захватить киевские князья Аскольд и Дир, войны с Византией продолжались в эпоху Киевской государственности, как до, так и после крещения Руси. Постоянные войны велись с кочевыми народами – хазарами, печенегами, половцами и т.д. В «Слове о полку Игореве» описывается поход князя Игоря (1151-1202) против половцев.
Наибольших успехов в завоеваниях достиг внук князя Рюрика и сын князя Игоря и княгини Ольги (первой русской княгини принявшей православие) киевский князь Святослав. Святослав присоединяет к Киеву приокский район, населенный вятичами, а затем движется со своей дружиной на юг. На юге Святослав разрушает огромную степную империю – Хазарский каганат, берет его столицу Итиль, присоединяя его земли к составу русского государства и расставляя русские крепости от Каспия до Тьмутаракани (Тамань), включая значительную территорию Северного Кавказа вплоть до Терека. Захватив Болгарию, Святослав сошелся в жестокой битве с Византией, с которой позже заключил мир. Святослава убили печенеги во время его возвращения в Киев после славных походов. Святослав первым из русских князей создал своими походами полноценную империю, в которой были объединены и Лес, и Степь, заложив тем самым прообраз всех грядущих завоеваний русских войск.
Военное искусство на Руси в домонгольский период. Основными видами стратегических действий считались наступление и оборона. Большое значение приобрела борьба за крепости. Особенностью стратегии славян, а затем и русской армии, являлась умелая организация и осуществление крупных комбинированных походов на огромные расстояния, в которых участвовали многочисленные сухопутные армии и речные (морские) флотилии (например, походы киевских князей на Византию).
На тактическом уровне в Киевской Руси пехота, вооруженная мечами и копьями, в тяжелом защитном снаряжении выстраивалась для боя в глубокие и плотные построения, которые получили название «стена» (боевой порядок аналогичный римским фалангам). С боковых сторон (флангов) их прикрывала конница, а перед фронтом действовала легкая пехота, вооруженная луками и метательными копьями. Такой боевой порядок применял в многочисленных сражениях Святослав.
На Руси были известны начала военно-инженерного дела. Для повышения эффективности наступательного боя и устойчивости обороны возводились многочисленные сначала деревянные, а затем и каменные укрепления, крепостные стены, ими окружались города и монастыри. Отличительной чертой русской армии было использование передвижных укреплений – «гуляй-городов», которые представляли собой сцепление больших деревянных щитов на колесах. Тактика «гуляй-городов» широко использовалась в качестве подвижного позиционного преимущества для обороны от набегов кочевников.
От империи к усобицам. Наследники Святослава киевские князья продолжают его начинания, сталкиваясь на Юге с Византией, подчиняя прибалтийские

территории на севере, отбиваясь от западных нашествий, и постоянно воюя со степными кочевниками.
В эпоху «золотого века» Киевской государственности наследие Святослава в целом сохраняется, и княжеские дружины непрерывно защищают рубежи Отечества, стараясь установить влияние в прилежащих землях. При этом растущее количество потомков великих князей создает предпосылки для раздробленности Руси. Удельные княжества сохраняют верность великому князю подчас лишь формально, преследуя свои собственные цели и ведя нескончаемые династические войны друг с другом. Это сказывается на самом характере войн конца Киевской эпохи: ко второй половине XII никакой единой военной стратегии на Руси нет. Отдельные князья заключают союзы во внутренней вражде с внешними силами. Так, Черниговские и Владимирские князья тесно сотрудничают с половцами, вступают в династические браки, помогают в сражениях. А Киевские и Галицкие князья, напротив, с ними враждуют. При этом сами Киевские и Галицкие князья прибегают к помощи печенегов, торков и каракалпаков, тюркских племен, живущих на южных граница Киевской Руси, враждующих с половцами. От внешних нападений с севера, запада и юга отдельные княжества отбиваются в одиночку или вступая в двусторонние союзы. Никакой консолидированной военной политики в такой ситуации проводить не возможно.
Параллельно этому меняется и качественный характер княжеских дружин: он приобретает все более «феодальные» черты, дружины верны не столько государству или великому князю, сколько непосредственному господину. В этот период заката Киевской Руси появляются случаи захвата княжеской власти боярами (т.е. не Рюриковичами, а потомками знатных дружинников). Так происходит в Волынском княжестве и в некоторых других. Наследие Святослава постепенно утрачивается.
Монгольские завоевания. Прекрасно организованное монгольское войско приходит на Русь, следуя своей стратегической линии на расширение империи. Впервые русские войска столкнулись с монголами на реке Калке (1223), куда они пришли по просьбе половцев. В битве приняли участие войска князей Владимирского, Галицкого, Черниговского, Волынского, а также остатки половецкого войска. В тяжелой битве русские проиграли монгольским отрядам полководца Субэдэя. Но после нанесения поражения на половецкой территории монголы не двинулись на север. Русские впервые столкнулись в этом жестоком поражении с гигантской силой войска монголов.
Второй этап монгольского нашествия, приведший к покорению Руси, произошел в 1237 году под руководством внука Чингисхана Бату (Батыя) (1209-1256). Армия Батыя разгромила волжских булгар и вторглась на Русь с Востока – во Владимирское княжество. В это время второй рукав монгольских войск под руководством Субэдэя готовился к длительному походу на Запад, в Венгрию и Польшу. Чтобы обезопасить монгольские войска, двигающиеся на Запад, от возможных ударов с севера (со стороны Руси), Батый и предпринял свое вторжение. Монгольские войска зимой 1237-38 годов захватили и сожгли Рязань, потом такая же участь постигла Москву, затем был взят и полностью уничтожен Владимир, столица княжества. Полностью сломив сопротивление русских, Батый повернул на юг, и, подавив отчаянное сопротивления маленького городка в Калужской области Козельска, который героически продержался в осаде 7 недель (больше, чем прекрасно укрепленные Рязань, Москва и столичный Владимир), достиг территорий современного Казахстана.

После некоторого перерыва, когда монголы окончательно разгромили половцев, остатки которых бежали в Венгрию, в 1240 году монголы взяли штурмом Чернигов и Переслав, а чуть позже и Киев. Таким образом, и восточная и западная часть Руси оказались под монгольской властью. Монгольское завоевание наглядно продемонстрировало, что княжеские усобицы на Руси полностью подорвали военную мощь державы, внутренние раздоры не позволяли выстроить единую систему обороны, князья враждовали друг с другом больше, чем с внешним врагом. По сути, вторжение Батыя показало, что русские князья и их дружины, т.е. военно-политическая элита русского государства оказались неспособными в критической ситуации осуществить то, в чем состоял смысл их существования – отстоять суверенитет державы. Вначале усобицы привели к сокращению империи Святослава, потом к ее дроблению, а потом и вовсе к установлению над Русью внешнего управления. Это было колоссальным военным, политическим и историческим поражением.
Созерцая то, что произошло с Русью, современники монгольского вторжения видели в этом «наказание Божие» русским за то, что они предали свое предназначение и упустили из рук державу. Это был в первую очередь приговор военной касте, которая в решающий момент (для чего, собственно, ее когда-то и пригласили на властвование) оказалась недееспособной.
Поражение на Калке, падение и разорение русских городов от рук Батыя – это важнейшие исторические вехи нашей военной и политической истории. Они являются неотъемлемой частью нашей идентичности: ужас, стыд и горечь этих поражений в будущем станет важнейшей мотивацией военного и государственного строительства России. И русские люди будут идти на все – на немыслимые лишения и подвиги – лишь бы не допустить утраты суверенитета вновь. Глубокое осознание этой военной катастрофы, память о ней и ее ужасающих последствиях стала важнейшей чертой народного и государственного самосознания. Из этой скорбной памяти выросло спустя два столетия великое московское возрождение – военное и политическое.

Войны Александра Невского. Различия в судьбах двух Россий. Великий князь Владимирский Ярослав II Всеволодович (1190-1246) сразу же после завоевания Руси монголами в 1242 году делает важнейший исторический выбор. Он едет в ставку Батыя, чтобы утвердить за собой и за своими потомками статус великого князя Владимирского, признавая тем самым факт покорения русской земли. Батый отправляет его в Каракорум к верховному хану всей империи, где Ярослав Всеволодович гибнет (по одной из версий от отравления). Но сын Ярослава Александр Невский (1219-1263) продолжит дело отца, и также поедет в Каракорум за получением ярлыка на княжение. Его логика такова: монгольские завоевания – свершившийся факт; русская земля разорена и пребывает в катастрофическом положении; монголы не дадут ей подняться, а с Запада ей грозят тевтонский орден, шведы и литовцы, которые не преминут воспользоваться резким ослаблением Руси. И в такой ситуации принимается историческое решение: признать по факту легитимность монгольского контроля и с опорой на монголов отразить угрозу с Запада.
Брат Александра Андрей Суздальский (1221 – 1264) колеблется между лояльностью орде и желанием проводить самостоятельную политику с возможной опорой на Запад. Это стоит ему жизни, после чего Владимирским великим князем назначается его оставшийся в живых брат Александр Невский.

Новая русская геостратегия получает ясное воплощение в деятельности князя Александра Невского, причисленного к лику святых. Александр Невский под покровительством монголов, лояльность которым он соблюдает, восстанавливает русское войско и бросает все силы на отражение агрессии с Запада. Битва на Чудском озере, ставшая гордостью русской военной истории, состоялась 5 апреля 1242. В ней русские войска под предводительством Александра Невского на голову разбили тевтонских рыцарей, обеспечив северо-русским землям независимость от западных оккупантов.
Стратегическая ориентация Александра Невского на лояльность Орде стала основой политики его последователей -- Владимирских (позже Московских) князей, которые благодаря ей создали геополитическую и военную основу будущей мировой державы – Московской Руси и ее исторических наследников – вплоть до романовской империи, СССР и современной России. Этот выбор был историческим, культурным, политическим и военным одновременно. В нем определялась стратегия грядущего восстановления государственного суверенитета, по факту уничтоженного монголами.
Литовско-русское государство: военная стратегия и ее исторические последствия. По совершено иному пути пошел другой выдающийся политический деятель Руси того периода князь Даниил Романович Галицкий (1201-1264). Его ориентацией был союз с западными королевствами против монголов. В результате это постепенно привело к возникновению другого государства – Литовско-русского, историческим результатом чего стала окончательная и необратимая утрата западно-русскими этносами государственного суверенитета.
Князь Даниил Галицкий после монгольских завоеваний также вынужден был признать власть Орды, но видел в этом тактический ход для накопления достаточных сил для того, чтобы собрать под своим началом войско, способное победить военные силы монголов. За помощью он обратился к Папе Римскому, обещая за это распространить католичество среди русских. Папа обещал ему помощь и прислал знаки королевской власти. Даниил был коронован королем по католическому обычаю в городе Дрогичине в 1253 году.
В этот период происходит подъем литовских племен, живших к северу от Белой Руси (территории кривичей), и находившихся до этого времени в вассальных отношениях у западно-русских князей. Литовцы постепенно усиливаются и, переняв многие русские обычаи и политические начала, они создают свою великокняжескую систему. Даниил Галицкий рассчитывает на союз с усиливающейся Литвой для выхода из-под контроля монголов, но этим планам не суждено сбыться, и сами монголы умело играют на русско-литовских противоречиях, привлекая на свою сторону то тех, то других. В результате ослабевает и Галицкое княжество, и Волынь. Военные столкновения с монголами не дают устойчивых результатов, и стремление Даниила Галицкого превратить западно-русские земли в мощное и самостоятельное государство, балансирующее между католическим Западом и монгольским Востоком с двусмысленным религиозным содержанием – полуправославным-полукатолическим, оканчивается крахом.
Вместо этого усиливается Литовско-русское государство, которое номинально остается под властью Орды, но в культурном смысле все более тяготеет к католической Европе. Этот процесс завершится Кревской Польско-Литовской унией (1385), когда литовский князь Ягайло (1350 - 1434) перейдет в католичество (под именем Владислава), станет официально королем Польши,

оставаясь великим князем Литовским, а католичество станет официальной религией Польско-Литовского королевства. Русское православное население нового государства окажется в положении притесняемого религиозного и этнического меньшинства, тогда как на первом этапе именно русские православные люди определяли в Западной (литовской) Руси преобладающий культурный тип.

Различие между Восточной Русью и Западной Русью затрагивает в значительной степени и основы военной политики. На Западе литовско-русское войско ориентируется на устои католического европейского рыцарства, что в социальном смысле сопровождается созданием феодальной системы, тогда как Владимирские (позже Московские) князья воспринимают принципы организации войска и ведения войн, свойственные Орде Чингисхана.

Куликовская битва. Военное возрождение Московской Руси. Стратегия Владимирских князей, начиная с Ярослава Всеволодовича и особенно Александра Невского, дала свои результаты. Владимирская Русь постепенно поднимается, ее центром становится Москва, город, находящийся в наиболее выгодном стратегическом положении, с точки зрения речных коммуникаций – между верховьями Оки и Волги. Москва укрепляет свои позиции среди других центров Восточной Руси и постепенно становится бесспорным лидером. Княжеские усобицы продолжаются и под ордынским началом. Сарай, столица «улуса Джучиева», долгое время остается высшей инстанцией, где в ханской ставке решаются основные вопросы войны и мира, династического наследования, местонахождения митрополичьей кафедры (которое оспаривают Москва и Киев). Изначальная ставка Владимирских князей на хорошие отношения с Сараем дает эффект, и выводит Москву в бесспорные лидеры. Москва в XIV веке неуклонно возвышается, а внутренние раздоры в «Золотой Орде», напротив, постепенно подтачивают ее единство.

В период обострения внутриордынских усобиц («Великая замятня») московские князья делают первую попытку заявить о себе. Дмитрий Донской собирает мощное русское войско и дает бой одному из вождей «Золотой Орды», претендующих на власть, Мамаю (?-1380). Это сражение вошло в русскую историю как битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 года. Мамай заключил союз с Польско-Литовским королем Ягайло, который выдвинул свои войска в помощь ордынцам. При этом некоторые князья Литовской Руси – в частности, братья Ягайло Андрей Полоцкий (1325 - 1399) и Дмитрий Брянский (?-1399) – поддержали Дмитрия Донского. Войско Дмитрия Донского, получив благословение святого Сергия Радонежского, сошлось с войсками Мамая до прихода литовской армии и в тяжелейшей битве разбило его. Это была первая исторически важная победа, показавшая волю и мощь Московской Руси, способной бросить вызов «Золотой Орде» и военным путем выиграть решающее сражение.

И хотя после этого соперник Мамая по внутриордынским распрям Тахтамыш (?—1406) в 1382 году сумел разорить и сжечь Москву дотла, а Русь номинально признавала власть Сарая еще полвека, выплачивая дань, Московские князья прочно встали на путь Дмитрия Донского по возврату суверенитета и независимости русского государства.

Этот суверенитет был восстановлен в 1452 году, когда великий князь Московский Василий II Темный, учредил в русском городе Городец (переименованном в Касимов) вассальное Москве татарское ханство. Теперь

«верные татары» защищали южные границы Руси от степных татар.
Василий II (1415-1462) завещает свое княжество своему сыну Ивану III Великому (1440 -1505) уже без каких-либо санкций Орды, а тот в 1480 году официально и окончательно провозглашает полную независимость Руси от «Золотой Орды». Суверенитет России, основанный на военном и политическом возрождении государства, тем самым был восстановлен.
Крайне важно, что это произошло в Восточной Руси, сумевшей укрепить под властью монголов свою православную идентичность и воспринять от них многие военные навыки, которые лягут позже в основание мощной, дисциплинированной и эффективной армии. Эта армия Московской Руси вознесет государство на небывалые исторические высоты и создаст величайшую в истории человечества империю.
Военное устройство Орды Чингисхана и принципы комплектования русской армии. За столетия нахождения Владимирской (Московской) Руси в составе «улуса Джучиева» устройство монгольского войска сильно повлияло на русскую армию. В орде Чингисхана все население рассматривалось как члены войска, чего не было ни в Византии, ни в европейских государствах. Московские великие князья переняли этот принцип и использовали его (с успехом) даже против самих монголов. Василий I (1371-1425) прибег к всеобщему призыву для подготовки к вторжению Тамерлана. В XVI веке мобилизация населения проводилась неоднократно и получила название «посоха», поскольку квота рекрутов определялась по количеству сох в крестьянском хозяйстве. В будущем именно институт всеобщей военной мобилизации играл ключевую роль практически во всех реформах, связанных с изменением принципов комплектования вооруженных сил, начиная с рекрутского набора Петра Первого и заканчивая всеобщей воинской повинностью в СССР.
Развитие военного искусства на Руси в монгольский период. Не меньшее влияние оказали монголы и на русское военное искусство. Вспомогательные русские армии в этот период входили в состав монгольского имперского войска, в т.ч. принимали участие в монгольских компаниях от Кореи и Дальнего Востока до азиатских и европейских походах. Так, русские войска участвовали в столкновениях Тохтамыша с Тамерланом у берегов Аральского моря. Русские усвоили у Востока и стихии Степи

- глубокое уважение к метательному бою,
- ведению боя из глубины,
- авангард и резерв,
- организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю,
- большое внимание к разведывательной и сторожевой службе,
- своеобразную восточную дисциплину и
- методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб западноевропейского Средневековья.

Первые казаки, – черкасы, – по одной из версий, являлись русскими вспомогательными отрядами, отделившимися от Орды и ушедшими на Днепр.
Также под монгольским влиянием русские отказались от тактики «стен» и перешли к более маневренным боевым порядкам. Войско начали выстраивать для боя в линию, состоящую из трех частей –

- полк чело (центр),
- полк правой и
- полк левой руки (фланги).

Это получило наименование «*полчный ряд*». Он позволял комбинированно

размещать пехоту и конницу, осуществлять маневр, наносить удары по флангам противника. Именно в таком боевом порядке русские войска сражались в Ледовом побоище 1242 года. В этом знаменитом сражении непобедимое дотоле воинство Запада -- рыцари -- впервые в истории потерпели сокрушительное поражение от русской армии, наученной опытом Востока. Дальнейшее развитие тактики расчленения боевых порядков по фронту и глубине в сочетании с умелым использованием резерва привело к победе русских над численно превосходящим монгольским войском на Куликовом поле в 1380 году. Оперативное искусство и тактика Александра Невского и Дмитрия Донского (1350-1389), таким образом, могут служить иллюстрацией военных достижений монгольской школы.

Имперский суверенитет. Выйдя из-под власти Орды, Московская Русь приступила к завоеванию новых земель, которое не прекращалось отныне на всем протяжении дальнейшей истории.
Укрепив власть над княжествами Восточной Руси, приведя к покорности свободолюбивые Новгород, Тверь и Псков, Московские великие князья (позже цари) начинают строительство Империи. Главным инструментом является военная сила. Русские воины снова создают, укрепляют и защищают независимую государственность. Процесс расширения границ Московского царства воспринимается участниками и свидетелями этого процесса как историческое предназначение Руси. В этом будут едины самые разные монархи, стоящие на противоположных позициях в идеологических и политических вопросах. У каждого из русских царей, начиная с освобождения Руси от монголов, будет своя повестка завоеваний, своя логика, свои исторические и геополитические программы. Но всех их объединяет одно: глубочайшая уверенность в том, что пространственное расширение границ русского государства является естественной и необратимой судьбой. Необходимость укрепления имперского суверенитета, преимущественно военными методами, является единственной идеей, которая никогда не ставилась в России под сомнение при смене династий и монархов, политических систем и правящих идеологий. В этом состоит наиболее очевидная форма преемственности русской истории – это преемственность имперского суверенитета, обеспеченного военной мощью.

Имперостроительные походы и завоевания Ивана Грозного. Основу новой Империи закладывает Иван Грозный. В результате войн, которые вел Грозный в течение своего царствования, территория Московской Руси не только многократно увеличилась, но приобрела новое качественное содержание. Грозный воевал все свое царствование – причем на разных направлениях, то отвечая на вызовы, бросаемые ему извне, то наступая на противников по собственной инициативе.
На восточном направлении Грозный фактически восстанавливает границы «Золотой Орды», только на сей раз под властью Москвы. Штурм Казани (1552) русскими войсками означает присоединение Казанского ханства, которое было по населению и мощи сопоставимо с самой Московской Русью. Вхождение Казани в состав Руси резко изменило геополитическую структуру Московии XVI века. Русские получили контроль над Волгой, а большое количество татарской знати и татарских воинов пополнило ряды русской аристократии, положив начало именитым русским дворянским родам и усилив военный потенциал

русского войска.
После взятия Казани Грозный покоряет Астрахань (1556), превращая весь бассейн Волги, важнейшей транспортной и стратегической артерии Руси, в территорию, прочно закрепленную под русским владычеством. Армия Грозного доходит до Сверенного Кавказа, воссоздавая южные границы, которые впервые прочертил для русских Святослав. Отныне русские беспрепятственно движутся на Восток, осваивая Урал и Западную Сибирь. Тем самым осуществляется пересечение границ бывшего «улуса Джучиева» и начало восстановления под русской властью остальных частей империи Чингисхана (в частности, Сибирского ханства).
Покорение Урала и Сибири связано с деятельностью Строгановых, которые осваивали и защищали северо-восточные земли и попросились в опричнину, сразу же после ее учреждения. Они же пригласили в свои владения пять знаменитых атаманов, во главе с Ермаком Тимофеевичем (1532 - 1585), которые отправились в Сибирь и захватили Сибирское ханство Кучума (?-1598).
На Западе успехи Грозного были не столь очевидными. При этом ему удается разгромить Ливонский орден, завоевать у Литвы значительные территории, закрепиться в Прибалтике. Со второй половины царствования Грозного полякам и шведам удалось отвоевать часть земель, потерянных ими ранее. Опустошительным набегам с Запада подвергались многие русские земли.
Все войны Ивана Грозного проходят в условиях постоянной централизации армии. Грозный борется против остаточных элементов феодализма, наследственных привилегий князей и крупных бояр, всячески возвышая «двор». Для этого он вводит «опричнину» -- параллельную иерархию, основанную на воинской доблести и личной преданности царю, прообраз будущих российских спецслужб. В опричнину набирают младших боярских детей и дворян, не обремененных родовыми и имущественными связями и лишенных многих правовых и карьерных возможностей. Армия, которую строит Иван Грозный, является в значительной степени воспроизведением ордынского войска, где на первом плане стоят дисциплина, полная преданность царю и империи, восприятие самой жизни как непрерывного государственного служения. Русь при Грозном постепенно становится тем, чем была для Чингисхана его империя – т.е. войском. Этот принцип организации государства как войска, с учреждением «контрольных» образований комиссарского типа («опричнина»), является важнейшим элементом в построении империи.
При этом, как и Владимирские (Московские) князья XIII века вслед за Александром Невским видели главным противником Запад, Иван Грозный ведет войны на Западе, опираясь на потенциал Востока. Но на сей раз, мощь Востока как самостоятельного геополитического фактора ослабевает, и его потенциал входит в общий силовой резерв русского царства.
Войны Смутного времени. После смерти Ивана Грозного следует эпоха правления его сына Феодора (1557—1598) и бывшего опричника Бориса Годунова, избранного царем. В этот период Московское царство практически не ведет завоевательных войн, ограничиваясь защитой границ и постепенным освоением Сибири, где русские серьезного сопротивления не встречают, а сдавшихся на милость победителей татарских и остяцких князей щедро одаривают и принимают на государеву службу (хотя и облагают данью). В Угличе при странных обстоятельствах гибнет царевич Димитрий (1582-1591), что дает основание для появления самозванцев «Лжедмитриев».
Борис Годунов старается укрепить связи Москвы с западными династиями,

приглашает в Москву иностранцев, щедро одаряет их вотчинами, но это не спасает ни его, ни его династию. Лжедмитрий I (возможно Григорий Отрепьев) поднимает против Годунова восстание, в котором он опирается на поляков и захватывает трон. В ходе народного восстания 17 мая 1606 года Лжедмитрий I был убит, и на недолгое время на русском троне воцарился Василий Шуйский (1552 - 1612).
В августе 1607 начался новый этап польской интервенции в России (Лжедмитрий II). После поражения под Волховом (1 мая 1608) правительство Шуйского было осаждено в Москве. К концу 1608 многие районы страны оказались под властью Лжедмитрия II. В феврале 1609 правительство Шуйского заключило договор со Швецией, по которому за наем шведских войск уступало часть русской территории.
На Руси воцарился полный хаос, когда между собой сражались поляки и шведы, а южные области опустошали крымские татары. Фактически с 1604 по 1613 годы суверенитет Московской Руси был утрачен, страной правили временщики, а восставшие крестьяне под руководством Ивана Болотникова (?- 1608) угрожали захватить Москву. Русские войска были рассеяны и отдельные отряды разделились между поляками, шведами, Лжедмитриями и иными «партиями». Русь на короткое время в этот период стала объектом внешней польско-литовской и шведской оккупации, ставшей возможной из-за внутриполитического хаоса.
Лишь создание нижегородского ополчения мясником Кузьмой Мининым (? - 1616), призвавшим для руководства народным войском князя Михаила Пожарского (1578 - 1641), спасло страну. 4 ноября 1612 года ополчение входит в Москву, где деятели «семибоярщины» присягнули польскому царевичу Владиславу, выбивает поляков из Китай-города. 8 ноября командование гарнизона интервентов подписывает капитуляцию, а через день сдается. Легитимное, с точки зрения русской истории, народное ополчение свергает легальную, но оккупационную власть.

Войны Тишайшего царя. В 1613 году на всенародном земском соборе на царство избирается первый представитель династии Романовых Михаил Федорович Романов (1596 -1645). После периода катастроф суверенитет и единоначалие в войсках были восстановлены. Россия заключает с поляками и шведами перемирие, пока порядок полностью не воссоздается, и другой царь Алексей Михайлович (Тишайший) (1629 - 1676) возобновляет активную военную политику, направленную в основном на укрепление позиций России на Западе, утраченных в период Смутного времени.
В 1648 году казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий (1595 -1657) с опорой на крымских татар избирается казацкой радой гетманом, поднимает восстание против поляков и обращается к московскому царю с просьбой о присоединении Украины. На соборе, созванном по этому поводу в Москве, 1 октября 1653 решено было принять казаков в подданство и объявить войну Польше. 18 мая 1654 сам царь Алексей Михайлович выступил в поход. В ходе этой войны русские войска отвоевали Смоленск, а позже Вильну, Ковно и Гродно. В Балтии Алексею Михайловичу закрепиться не удалось, и согласно Дерптскому миру (1661) многие территории и стратегические точки пришлось вернуть.
Война с Польшей шла с переменным успехом, а 13 января 1667 года заключен был мир в деревне Андрусов, по которому Царь Алексей Михайлович приобрел

Смоленск, Северскую землю, левую сторону Днепра и, кроме того, Киев на два года. Киев Москва сохранила за собой и по окончании двух лет.
Воссоединений двух Россий. Завоевания Алексея Михайловича Романова имели огромное военно-политическое и историческое значение. Две части русского народа, разделенного судьбой с эпохи монгольских завоеваний на Восточную и Западную Русь, снова соединились в едином политическом образовании – в новой империи. Москва давала православным малороссам и белорусам религиозную поддержку и военную защиту. Это был переломный момент русской истории. Военные походы второго царя Романовской династии против Польши восстанавили исторически прерванное единство народа, имеющего общие этнические, религиозные и политические корни, так как обе Руси – и Восточная и Западная некогда были составными частями Киевской державы. Очень важно, что объединение шло с Востока и под эгидой Москвы. Это предопределяло ход дальнейшей истории.
Объединение западно-русских земель и их возврат в состав независимого православного русского государства произошло силой русского оружия, московского войска и тех казацких малороссийских военных формирований, которые вслед за Хмельницким сделали выбор веры, свободы и единства в составе православного русского царства.
Поместная система. В XIV веке в Московской Руси городская демократия приходит в упадок и княжеский двор становится главной и единственной формой военного служения, фактически армией. С эпохи Ивана Грозного значение «двора» как профессиональных военных, служащих великому князю (царю), стало возрастать по сравнению с боярскими отрядами. Армия централизованного Русского государства начинает комплектоваться на основании поместной системы. Она заключалась в том, что служилые люди («боярский сын», «выходец из Литвы» или «татарин новокрещен»), получая от государства земельные наделы (дворы или поместья), по распоряжению московского приказа обязаны были выезжать в сборный пункт «люден, конен и оружен», -- т.е. верхом, с оружием, 2-3 вооруженными слугами и запасами продовольствия для участия в военном походе или обороне государства. Так было положено начало формированию регулярного офицерского корпуса, который неоднократно реформировался в русской истории, но в общих чертах сохранился по сей день. По мере необходимости созывалось поместное (дворянское) ополчение. В состав вооруженных сил Русского государства входили также и казаки.
Феномен казачества. Казачество сформировалось на южных границах Московской Руси и Литовско-русского великого княжества. В нем нашли свое выражение традиции военной демократии, которые существовали на Руси еще до создания государственности и продолжались в форме городского ополчения. Географическая близость южно-русских земель к ареалу обитания кочевых народов (преимущественно, тюркских и иранских) также повлияла на казачество, принеся с собой военные традиции Степи. Название «казаки», вероятно, восходит к иранскому термину «кас» -- «военизированный клан» (откуда название этноса «черкесы» -- от иранского «чор» - «четыре» и «кас» -- «военизированный клан»). Показательно, что «казахами» (от того же корня «кас») стали называть кочевой тюркский народ (потомков сарматов, кипчаков и монголов), проживающий в современном Казахстане.
Казаки представляли собой вооруженные формирования, состоявшие из свободных воинов и управлявшиеся выборными «атаманами» (от иранского

«ватаман» -- «вождь», «глава»). Казачество постоянно пополнялось выходцами из всех сословий, бежавших на Дон, в Восточную Украину, Новороссию от жесткой централистской государственности в Восточной Руси или от шляхетского произвола и католического давления в Западной (Литовской) Руси. Казаки играли большую роль в защите границ России, являясь носителями православной традиции и русской идентичности перед лицом иных цивилизационных тенденций и военных набегов. Функцию передового отряда сыграло русское казачество в освоении новых земель на Востоке, что положило начало Уральскому и Сибирскому казачеству.
В различные эпохи казаки объединялись в мощные военные формирования – войска. Сохраняя независимость внутреннего уклада, определенные гарантированные вольности и принципы военной демократии, они постепенно стали неотъемлемой частью русской армии, которая использовалась в военных походах, в оборонительных войнах и для подавления восстаний внутри страны. Свободолюбивый нрав казаков толкал их на участие и в протестных движениях – в походе Степана Разина, Емельяна Пугачева и т.д. Казачество заложило основу пограничных войск России и оставило в нашей военной истории лучшие героические страницы.
Техническая модернизация и развитие русского военного искусства в XV-XVII в.в. Переход к войнам второго поколения. Техническую модернизацию русской армии можно отсчитывать от осады Булгар в 1376 году, когда русские осадные войска столкнулись с использованием защитниками города огнестрельного оружия, видимо полученного татарами из Персии или Индии через Хорезм. Русские князья заинтересовались этим нововведением и уже к 1382 году получили в свое распоряжение пушки из Чехии (вместе с расчетом артиллеристов) и ручные ружья («тюфяки»). Одна из наших летописей упоминает, что «лета 1389 вывезли из немец арматы и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стреляти». Московское ручное гладкоствольное ружье («тюфяк»), возможно, было заимствовано с Востока, о чем говорит использование отюреченного персидского слова «tupang», откуда тюркское «tufek» и русское «тюфяк».
С этого момента техническое оснащение русской армии переходит к войнам второго поколения. Огнестрельное оружие называлось также «пищалями». Из пищалей стреляли ядрами. Их делали из обработанных камней, ковали из железа, позднее стали отливать из чугуна. Имелись пищали «затинные», применявшиеся в крепостях и пищали «завесные», носимые на ремне за спиной. Вследствие более оживленных сношений, которые имели северные города русского государства Новгород и Псков с Польшей, Литвой, немецким Ганзейским союзом, новгородцы и псковичи ранее других завели у себя значительное количество огнестрельного оружия. Во время похода Московского царя Иоанна Грозного на Казань (1552 г.) в его войсках было 2 000 новгородских пищальников. Во время покорения Сибири Ермаком (1582 г.) казаки имели уже огнестрельное оружие, когда татары же и другие инородцы были вооружены только луками. Одним из первых многоствольными артсистемами занялся замечательный русский оружейник Андрей Чохов (около 1545-1629). Он создал стоствольную пушку, долгое время прикрывавшую Москворецкие ворота Китай-города. Позже «стостволку», весившую 5,2 т, перевезли на Пушечный двор, где она хранилась до начала XVIII столетия.
Появление и массовое использование огнестрельного оружия ознаменовало переход русского военного искусства к новому – второму -- поколению войн. В

армии появляются многочисленные артиллерия («наряд») и стрелецкие полки, которые выделяются в особые части войск, изменяются способы ведения боя. Глубина боевых порядков уменьшается, а фронт увеличивается, что обеспечивает одновременное участие в бою наибольшего количества огневых средств. В результате с начала XVII века в русских войсках утверждается т.н. «линейная тактика» ведения боя. В сражении при Добрыничах (1605) русская пехота, применив линейный боевой порядок, залповым огнем 10-12 тысяч ружей нанесла сокрушительное поражение войску Лжедмитрия.
Русское военное искусство, развиваясь самостоятельным путем, перешло к передовой для того времени линейной тактике раньше, чем западноевропейские армии. Одной из причин этого является тот факт, что на всех исторических этапах народные массы Русского государства всегда выступали решающей силой в борьбе за национальную независимость и суверенитет. Во всех крупных войнах того времени народное ополчение, состоявшее в основном из пехоты, играло главную роль в русской армии, в то время как в Западной Европе по мере закрепощения крестьянства пехота пришла в глубокий упадок. Кавалерия стала едва ли не единственным родом войск. Ее организационной единицей был рыцарь со своими оруженосцами, лучниками и слугами. Исход боя фактически складывался из суммы индивидуальных поединков между рыцарями в целях захвата лагеря противника и пленных. Искусное сочетание действий конницы и пехоты и наиболее эффективное использование их сильных сторон давало русским полководцам неоспоримое тактическое преимущество над иноземными захватчиками.
В этот же период, когда начался постепенный переход к постоянным армиям, основные положения военного искусства (тактики и стратегии) стали излагаться в уставах. В русском государстве первый воинский устав «Боярский приговор о станичной сторожевой службе» был разработан в 1571 году под руководством видного военачальника того времени М.И.Воротынского (около 1510-1573).
Выдающимся образцом военно-теоретической мысли, отразившим самобытные пути развития русского военного искусства и обобщившим передовой боевой опыт того времени, явился «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» (1621), разработанный крупным русским военным теоретиком XVII века подъячим Онисимом Михайловым (Радишевским) ((? - около 1630).
Геостратегическая преемственность эпохи Петра. Петр Первый в социально-культурном смысле разорвал связь поколений, приступив к радикальной модернизации русского общества. Но в военно-стратегическом смысле его деятельность была прямым продолжением строительства русской империи, и в этом качестве она полностью вписывается в державостроительную преемственность великих русских правителей от Святослава до Ивана Грозного.
При Петре Первом территории России, официально провозглашенной именно в тот период «Империей» (на латинский манер), резко увеличиваются. Петр начинает цепь русско-турецких войн. В ранней юности (1695) он пытается лично взять турецкую крепость Азов, и в ходе неудачи осознает важность морского флота для российской стратегии. Вернувшись из первого Азовского похода, Петр начинает бурное строительство российского флота. И спустя год (в 1696 году) с использованием только что построенной флотилии Петр берет штурмом Азов и закладывает на берегу Азовского моря стратегический центр – Таганрог.

Военные завоевания Петра проходят в двух направлениях -- южном (война с османской Турцией) и северном (война со шведами). Воюя с Турцией, Петр ищет поддержки в Европе. Но более близкое знакомство с делами европейской политики убеждает его в том, что основная опасность угрожает России с севера – со стороны Швеции, которая еще полвека назад захватила контроль над Прибалтикой и Финским заливом. Петр Первый понимает, что участие России в политической жизни европейских держав зависит от возможности русских беспрепятственно выходить в Балтийское море. В 1702-1703 годах русской армии удается установить контроль над устьем Невы, где в 1703 году Петр основывает Санкт-Петербург, укрепленный центр России, которому суждено стать новой столицей.
Северная война со Швецией длилась 21 год и потребовала от России напряжения всех сил. В начале войны русские войска осаждают Нарву, но терпят сокрушительное поражение. 27 июня 1709 года близ Полтавы русская армия нанесла шведам сокрушительное военное поражение. Полтавская битва стала на долгие века образцом мужества, стратегического гения и самоотверженности русской армии и вписана в золотые страницы военной истории Отечества. В ходе Северной войны Петру удалось радикально изменить качество своих северо-западных границ, и закрепление России в Прибалтике сделало ее полноценной морской державой, активно влияющей на стратегический баланс сил во всей Европе. По итогам войны были присоединены Ингрия, Карелия, Эстляндия, Лифляндия (Ливония) и южная часть Финляндии (до Выборга). Российское влияние прочно утвердилось и в Курляндии. Могущество Швеции было окончательно подорвано, и Россия на Западе оказалась в соседстве с Германией, Францией и Австро-Венгрией, тогда как ни Польша, ни Швеция отныне большого стратегического значения собой не представляли.
На южном направлении военные действия складывались не так удачно, как на северо-западном. В 1711 году Петр снова напал на турок, но понес серьезное поражение. По мирному договору он должен был отдать черноморские порты, которые захватил в 1697, а султан, со своей стороны, обязался не присоединяться к войне на стороне Карла XII.
Реформа армии при Петре. Петр старался модернизировать армию, привести ее в техническом смысле к западноевропейскому образцу. Задача заключалась в том, чтобы содержать военный аппарат не только временно, в течение войны (поместное ополчение), но и в мирное время. Далекие походы Петра требовали значительного количества людского материала, профессиональных солдат и офицеров, которые бы разорвали хозяйственные связи со своими домами и всеми другими способами труда, кроме военного служения. Решение этой проблемы воплотилось в установлении рекрутской системы комплектования. Ее суть состояла в том, что государство ежегодно набирало из податных сословий, преимущественно крестьян, определенное количество новобранцев (рекрутов) для пожизненной службы в армии. Выходцы из дворянства занимали командные посты в гражданском и военном ведомствах. Петр провел резкую черту между солдатом (простолюдином) и офицером (дворянином), которой не знала допетровская армия. Это было заимствованием с Запада. Нередко русская армия пользовалась услугами иноземных офицеров, однако, постепенно стали приглашать только отдельных военачальников, известных своими талантами и высокой квалификацией. В целом же русское войско и офицерский корпус были национально однородными, что обеспечивало нам

значительное морально-боевое превосходство над западно-европейскими армиями, очень часто укомплектованными наемниками и инородцами. Такие войска, в силу присущих им недостатков, предпочитали крайне осторожные или откровенно пассивные действия без глубокого проникновения за линию вражеских крепостей (кордонная стратегия). Русская же армия во время Северной войны проявила способность и к решительным действиям, показав высокие образцы стратегии, направленной, прежде всего, на разгром живой силы противника.
При Петре особое развитие получил военно-морской флот, выделившийся в самостоятельный вид войск. «... Воевать морем, -- писал в 1696 году Петр Думе, -- понеже зело близко и удобно многократ паче, нежели сухим путем. К сему же потребен есть флот или караван морской, в сорок или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов и со много ли дворов и торгов и где делать?». Дума вынесла историческое решение: «Морским судам быть…».
Основными родами сухопутных войск по-прежнему оставалась пехота, кавалерия и артиллерия. Дальнейшее развитие получило фортификационное искусство. Пехота была вооружена гладкоствольными, заряжаемые с дула ружьями, оснащенными штыками. В них объединялись возможности огнестрельного и холодного оружия. Введение в русской армии в 1711 года шомпола позволило увеличить скорострельность ружей с 1 до 2 выстрелов в минуту. Артиллерия оставалась гладкоствольной, ее совершенствование шло по пути снижения веса орудий, установления единства систем и калибров, совершенствования прицельных приспособлений и увеличения скорострельности. При Петре были созданы драгуны, вернувшие коннице ее стратегическое значение – наследие монголов. Большое внимание уделялось действиям в тылу противника, для чего формировался «корволант», т.е. летучий отряд.
Российская Империя в борьбе за пространство. Военные традиции Петра Первого продолжили его последователи в XVIII веке, которые закрепили курс на становление России великой европейской державой. Особенных успехов удалось достичь в этом направлении в период царствования императрицы Екатерины Великой (1729-1796). Ее дипломатические усилия привели к разделу Польши между Россией, Австрией и Пруссией (1772, 1793 и 1795). К России отошла Белоруссия и Правобережная Украина (1793), а также Курляндия и Литва (1795). В результате русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1792) к России были присоединены земли Новороссии (1774), Крыма и Кубани. Основаны города Севастополь и Екатеринослав. В этих войнах проявился гений выдающегося русского полководца А.И.Суворова (1729 -1800).
При императоре Александре Первом Россия подвергается серьезному испытанию – нашествию армий Наполеона (1769 -1821). Впервые с эпохи Смутного времени сам факт существования России как суверенного государства ставится под вопрос. В 1804 году Россия вошла в коалицию для борьбы с агрессией Наполеона I и вскоре послала в Австрию две армии. 20 ноября 1805 года произошло Аустерлицкое сражение, которое было проиграно. В 1811 году Александр I назначает М.И.Кутузова (1745- 1813) главнокомандующим Молдавской армии, которая вела в от время боевые действия против Турции. В Рущукском сражении 1811 года (15 тысяч русских войск против 60 тысяч турок) Кутузов наносит противнику сокрушительное поражение, положившее начало разгрому турецкой армии. Спустя несколько

лет он сумел заключить с Турцией выгодный для России Бухарестский мирный договор (1812), благодаря которому была обеспечена безопасность юго-западных границ России, и Турция уже не могла принять участие в походе Наполеона против России.
В 1812 году армия Наполеона вторгается в Россию и стремительно захватывает ее западные области. Бородинская битва под Москвой (26 августа 1812 года) становится еще одной героической датой в истории русской армии. Под руководством военного гения Кутузова русские дают непобедимой до этого французской армии решительный отпор. И хотя это еще не означает поражения, и Наполеон занимает Москву, подвергая ее сожжению и разграблению, русские при Бородине показывают свои силы, которые в скором времени обрушиваются на голову французов, заставляя их в спешке отступать. В занятых французами западных областях поднимается партизанское движение, основанное на народном ополчении. Вскоре благодаря умелой стратегии и тактике Кутузова огромная наполеоновская армия, считавшаяся непобедимой, была уничтожена.
Война с французами осознается как общенародная война и входит в русскую историю как Отечественная война 1812 года. Эту военную компанию русские войска закончили на улицах Парижа, достигнув самой западной географической точки в своих военных походах за всю историю России.
Русская армия и военное искусство эпохи абсолютизма. Огромную роль в строительстве русской армии сыграл князь Г.А.Потемкин-Таврический (1739-1791), фаворит Екатерины Великой, руководивший с 1774 года военной коллегией. Он в полной мере учел уроки Пугачевского восстания, отказавшись от многих слепых заимствований с Запада – немецкой палочной дисциплины, побоев солдат, ношения нелепых мундиров и париков и т.д. Потемкин решил полностью использовать то преимущество, которое давало русской армии ее национальное крестьянское укомплектование. Акценты сместились с муштры на воспитание солдата. Возросшие моральные силы пехотинца позволили в скором времени отбивать атаку конницы даже без опоры на искусственные сооружения.
В XVIII -- начале XIX века в западноевропейской военной стратегии господствовала доктрина «генерального сражения», сущность которой сводилась к тому, чтобы, разгромив армию противника в одном решительном сражении, склонить тем самым исход компании или войны в целом в свою пользу. В основе этой стратегии лежал фактор преимущественно наемного принципа комплектования войск. Разгром такой наемной армии автоматически означал победу в военной кампании. Доктрина «генерального сражения» неоднократно использовалась армиями революционной Франции в борьбе с коалициями европейских монархических государств, а также Наполеоном в ходе захватнических войн 1799-1815 годах. Однако национальный и монолитный характер русской армии позволил применить более гибкую стратегию, сущность которой заключалась в том, что генеральное сражение сочеталось со всем многообразием форм – организованных и иррегулярных – вооруженной борьбы, включая и партизанскую. Это стало залогом победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года.
В области тактики в указанный период доминировал линейный боевой порядок. Войска, построенные таким образом, могли сражаться только на относительно ровной, открытой местности. Осуществлять какой-либо маневр на поле боя им было трудно, поскольку вся армия действовала как одно целое. Блестящие

примеры решения боевых задач в условиях господства линейной тактики дали такие выдающиеся русские полководцы, как П.А.Румянцев (1725-1796), А.В.Суворов, М.И.Кутузов. Опираясь на высокие морально-боевые качества русских войск, они исходили из

- принципов подвижности и маневренности боевых порядков,
- инициативы командиров на поле боя,
- сосредоточения усилий в решающем пункте атаки,
- приспособления боевых порядков к местности.

Так зародилась *тактика колонн и рассыпного строя*, позволявшая распределять силы по фронту неравномерно. Исход боя решался не только огнем, но и штыковым ударом главных сил пехоты, действующих в колонах. Классическим примером использования подобной тактики русскими войсками стало Бородинское сражение.

Крымская война. Мировые державы против России. При Александре I (1777-1825) и его брате Николае I (1796-1855) военное могущество России возрастает до такой степени, что европейские державы впадают в ужас.

Русские в то время контролировали Молдавию и Валахию, активно поддерживали повстанческое движение православных греков, сербов и болгар в Османской империи, укрепляли свои позиции на Кавказе, развивали черноморский флот, представляющий собой угрозу военному и торговому присутствию Турции в черноморском бассейне. Продолжение активных военных действий России в каждом из этих направлений делало возможной победу над Турцией и превращение Российской Империи в главную военную мировую силу, готовность к чему Россия демонстрировала активным участием в европейских делах в эпоху Суворова и Кутузова. Чтобы не допустить этого, Англия и Франция подстрекают Турцию объявить России войну, в которую они тут же вступают на стороне турок. Крымская война была консолидированным стратегическим усилием мировых империй XIX века по лишению России мирового первенства, к которому она в тот момент была близка как никогда. Основные события Крымской войны развертывались в Крыму, где в июне 1854 года высадился многочисленный десант англичан, французов и турок. Оборона Севастополя поручена была на первое время выдающимся русским адмиралам П.С.Нахимову (1802 - 1855) и В.А.Корнилову (1806-1854), которые героически пали при защите города. Защитники Севастополя, ценой невероятных жертв и демонстрируя нечеловеческое мужество, стояли на своем месте на смерть, несмотря на шквальный огонь неприятеля, значительно превосходящего по техническому оснащению и количественному составу. В Крымской войне проявилось две стороны: слабость князя А.С.Меньшикова (1787 - 1869) как главнокомандующего, действовавшего нерешительно и неуверенно, и героическая доблесть солдат и офицеров, защищавших Севастополь с непревзойденным мужеством. 27 августа 1855 года Севастополь был полностью разрушен, русская армия отступила, взорвав предварительно пороховые погреба и затопив боевые корабли.

13 февраля 1856 года начался Парижский конгресс, где был подписан Парижский мирный договор. Согласно ему Россия возвращала Турции город Карс с крепостью, получая в обмен захваченный у нее Севастополь, Балаклаву и другие крымские города. Черное море объявлялось нейтральным (т. е. открытым для коммерческих и закрытым для военных судов), с запрещением России и Турции иметь там военные флоты и арсеналы. Ни одна из сторон не добилась в этой войне желаемого, несмотря на огромные усилия,

бесчисленные жертвы и гигантские финансовые затраты. Приобретения антирусской коалиции в Крыму компенсировались успехами русских в Закавказье и старыми заделами. В результате героических действий русских войск угроза вторжения была снята. Вместе с тем англо-франко-турецкой коалиции совместно с примкнувшей к ним Австрией удалось остановить бурно развивающуюся военную экспансию Российской Империи на южном и западном направлениях.

Военные уроки Крымской войны: вызовы войн третьего поколения. В ходе Крымской войны русские войска столкнулись с противником, вооруженным нарезным оружием, относившимся уже к войнам следующего -- третьего -- поколения. Стала очевидной потребность технического переоснащения и модернизации армии, что и было осуществлено при императоре Александре II (1818-1881).

В 1856 году был разработан новый вид пехотного вооружения: 6-линейная, заряжающаяся с дула, нарезная винтовка. К началу 1865 года ей была перевооружена вся русская пехота. Введение нарезных, заряжающихся с дула, орудий было начато в 1860 году. На вооружение полевой артиллерии были приняты 4-фунтовые нарезные пушки калибром 3,42 дюйма, превосходящие ранее выпускаемые, как по дальности стрельбы, так и по точности. В 1866 году было утверждено вооружение для полевой артиллерии, по которому все батареи пешей и конной артиллерии должны иметь нарезные, заряжающиеся с казенной части орудия. К 1870 году перевооружение полевой артиллерии было полностью завершено.

Это процессы фундаментальной модернизации вооружений в XIX веке по настоящему перевели русскую армию в новую эпоху – эпоху «войн модерна». В 1874 году официально вводится всеобщая воинская повинность. Согласно ей в армию призывались мужчины, достигшие 21 года, считавшиеся военнообязанными в течение 15 лет (6 лет кадровой службы и 9 лет резерва). В XVIII-XIX веках Россия ведет «тринитарные войны» (по Клаузевицу), где промышленный фактор, наряду с человеческим, приобретает все большее значение.

Рост скорострельности, дальнобойности и точности стрелкового оружия и артиллерии оказал влияние и на развитие военное искусства, вызвав кризис тактики колонн и рассыпного строя. В ходе Крымской войны под воздействием сильного огня англо-французской пехоты, вооруженной нарезными ружьями, русские колоны стихийно расчленялись, и солдаты укрывались от пуль за складками местности. В последующем этот прием использовался преднамеренно: ведя наступление в условиях подавляющего огневого превосходства противника, русские части рассыпались из колонн в цепь, чтобы с минимальными потерями преодолеть зону оружейно-артиллерийского огня и сблизиться с противником для штыковой атаки. Так, в ходе Крымской войны в русской армии как новый тактический прием возникла стрелковая цепь.

Резко повысилось значение инженерного оборудования местности. В Севастопольской обороне 1855 года впервые была создана укрепленная полоса глубиной до 1,5 километров, оборудовались защитные позиции для артиллерии и укрытия пехотных резервов. Это стало прообразом будущей позиционной обороны.

Геостратегическое положение России до начала Первой мировой войны.

В первой половине XIX века Россия стояла на пороге того, чтобы превратиться

в полноценную мировую империю, что повлекло бы за собой изменение ее геополитического статуса, объема суверенитета и качества вооруженных сил. Ключ к этой цели лежал на южном направлении – в способности России выйти к «теплым морям», установить контроль над «проливами». Это и было основой целью многочисленных русско-турецких войн, Крымской войны, а в последующем -- и участия России в Первой мировой войне. Такое упорство прорваться на юг является не историческим произволом, но следствием военно-стратегического осознания важности «теплых морей» для выхода на новый планетарный уровень.
С учетом геостратегического движения Российской Империи на Юг следует рассматривать и Кавказскую войну (1817 - 1864), в которой некоторые подстрекаемые турками горские этносы Северного Кавказа противились установлению русского стратегического контроля. В ходе этой войны царское правительство иногда отступало от имперских принципов, признававших за каждым этносом, несмотря на его вероисповедание и культуру, право участвовать в делах государства при условии соблюдения лояльности. В результате политики русификации некоторые кавказские этносы вынуждены были против своей воли переселиться в Турцию, которая только укрепляла свои позиции их воинственными отрядами. Вместе с тем, в этот период под давлением России православные народы получают автономию в составе Османской империи и подготавливают тем самым ее скорый конец.
Военная мощь Российской империи остается огромной, но в эпоху правления Николая II (1868-1918) развертываются катастрофические события. В первый период своего царствования Николай Александрович стремится придать геополитическому раскладу сил в Европе и Азии правовой статус. Он обращается в 1898 году к правительствам Европы с предложениями подписать соглашения о сохранении всеобщего мира и установлении пределов постоянного роста вооружений. В 1899 и 1907 годах по его инициативе состоялись Гаагские конференции мира, отдельные решения которых действуют и по сей день. Вместе с тем, усиление позиций России на Дальнем Востоке, постройка Китайской Восточной Железной Дороги и основание морской базы в Порт-Артуре, привели к русско-японской войне. Несмотря на примеры отчаянного героизма русскими в Манчжурии, в битве при Цусиме и защите Порт-Артура Россия эту войну проиграла. Японию к войне с Россией подтолкнули западные державы (на этот раз включая США), которые как и в период Крымской войны были чрезвычайно обеспокоены военно-стратегическим могуществом России и укреплением ее влияния в Азии. Война закончилась Портсмутским миром (1905), по условиям которого Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний (Далянь).
Геополитические предпосылки и итоги Первой мировой войны. Кризис разразился с наступлением Первой мировой войны, главными причинами которой стало стремление ведущих западных государств к империалистическому переделу миру. Одни – Великобритания и Франция – стремились сохранить свои колонии, другие – Германия, Австро-Венгрия, Италия – приобрести новые. У континентальной России не было никаких внешнеполитических амбиций по поводу заморских владений. Во многом она оказалась втянута в эту войну из-за интриг атлантистской (англо-французской) геополитики, желавшей привлечь ее на свою сторону в борьбе против набиравшей военную мощь Германии. Единственной стратегической целью

нашей страны в Первой мировой войне по-прежнему оставался выход к «теплым морям» и установление контроля над находившимися под юрисдикцией Османской Империи проливами Босфор и Дарданеллы, открывавшими выход из Черного моря в район Средиземноморья и Атлантический океан.

Россия вступает в Первую мировую войну в рядах «Антанты», военного союза, заключенного с Францией и Англией против Германии и Австро-Венгрии. К Германии, Австро-Венгрии и Италии, образовавших «Тройственный Союз», присоединились Турция и Болгария. Поводом для начала войны стало провокационное убийство сербским националистом Гаврилой Принципом (1894-1918) в 1914 году австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда (1863-1914), вызвавшее, с учетом существовавших союзнических договоров между странами цепную реакцию взаимных ультиматумов и объявлений войны. К началу войны на Восточно-Европейском театре военных действий против России были развернуты одна германская, три австро-венгерские армии и две армейские группы общей численностью более 1 миллиона человек, вооруженных 3 тысячами орудий. Россия выставила шесть армий, в составе которых насчитывалось около 850 тысяч человек и 3,2 тысячи орудий.
Первая мировая война продолжалась 1568 дней. Впервые в истории человечества вооруженная борьба приобрела такой грандиозный размах, охватив территорию трех континентов -- Европы, Азии и Африки. Боевые действия велись в воздухе, на суше, море и под водой. В войне приняли участие 38 государств, население которых составляло около 70 процентов всего населения земного шара. В ряды армий за годы войны было мобилизовано свыше 70 миллионов человек.
Война завершилась поражением Германии и ее союзников и заключением в 1919 году Версальского мирного договора, носившего ярко выраженный империалистический характер и закреплявшего новый передел мира между победившими странами. Вместе с тем, не разрешив ни одного из прежних противоречий, Первая мировая война породила новые, которые, в конечном счете, привели ко Второй мировой войне.

Выход России из Первой мировой войны. Напряжение сил русского государства для ведения тяжелейшей войны с невиданным доселе масштабом потерь привело Россию к революции несмотря на то, что к 1917 году становилось ясно, что победа на стороне «Антанты» и Германия с Австро-Венгрией обречены.
Отречение Николая II от власти, Февральская революция, провозгласившая Республику, начало повсеместного хаоса -- все это расстроило возможность продолжать войну, и Россия лишилась тех преимуществ, которые с невероятным трудом добилась в первые годы войны. Большевики, которые пришли к власти в октябре 1917 года, были противниками войны как «империалистической» и были заинтересованы только в том, чтобы начать «экспорт мировой революции в Европу». В результате в 1918 году большевики заключают с Германией крайне невыгодный для России Брестский мир, который наносил колоссальный удар по нашим геополитическим позициям: от России отторгалась Польша, Прибалтика, часть Белоруссии. На Кавказе в пользу Турции отходили Карс, Ардаган и Батум. Советское правительство обязывалось вывести свои войска из Украины, выплатить 3 миллиарда рублей

репараций и прекратить революционную пропаганду в центрально-европейских странах. Ситуацию спасло только то, что Ноябрьская революция в Германии смела кайзеровскую империю («Второй Рейх»). Это позволило Советской России разорвать Брестский договор и вернуть большую часть территорий. Немецкие войска ушли с Украины, Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии.
В ходе Первой мировой войны Россия военного поражения не потерпела, но политический строй был радикально изменен, носителем суверенитета стало совершенно новое политическое образование, резко отличающееся от монархической власти, которая преобладала на всех прежних этапах русской истории. Падение монархии было одновременно падением того государства, которое создали Рюрик и его дружина, которым они и их потомки владели и которое они призваны были сохранять, укреплять и расширять (что и делалось на протяжении всей русской истории).

Первая мировой война: переход к войнам четвертого поколения. В ходе Первой мировой войны произошли глубинные изменения в структуре вооруженных сил и военном искусстве, ознаменовавшие переход к четвертому поколению войн, основанных на массовом применении скорострельного механизированного оружия, в т.ч. размещенного на бронебазе. Все страны-участницы, включая Российскую Империю, вошли в Первую мировую войну, готовые к противостоянию по логике войн третьего поколения, а вышли из нее уже по законам четвертого.
В несколько раз возросла огневая мощь пехоты за счет увеличения количества станковых пулеметов, а также поступивших на вооружение новых огневых средств (ручных пулеметов, минометов, гранатометов и т.д.). Численность кавалерии, напротив, сократилась. Дальнейшее развитие получила артиллерия. Возникли новые рода войск – бронетанковые и авиация. Увеличилась дальность и продолжительность полета, бомбовая нагрузка самолетов, которые дополнительно стали вооружаться пулеметами и пушками. На разведчиках и бомбардировщиках устанавливались радиотелеграфные станции, позволявшие держать связь с наземными пунктами управления. Совершенствовались старые и появились новые классы кораблей. Резко возросла роль подводных лодок, которые стали главным средством борьбы на морских коммуникациях. Впервые были применены боевые отравляющие вещества, вызвавшие к жизни войска противохимической защиты.
В области военной стратегии произошел окончательный отказ от концепции «генерального сражения». Вначале войны все армии стремились добиться быстрой победы путем ведения решительного наступления. Однако вследствие мощного развития огневых средств и тяжелых людских потерь воюющие стороны, израсходовав почти все материальные запасы, были вынуждены перейти к стратегической обороне. Опыт показал, что достигнуть победы в создавшейся обстановке можно было только путем проведения ряда наступательных стратегических операций, осуществляемых одновременно и последовательно на различных фронтах и театрах военных действий. Так зародилось оперативное искусство. Массовое же оснащение действующих армий различными видами оружия и боевой техники привело к складыванию в 1917-1918 годах тактики общевойскового боя, т.е. такого способа ведения боевых действий, когда успех достигается согласованными усилиями всех видов и родов войск. Русские артиллеристы впервые разработали тактический прием поддержки атаки пехоты огневым валом, но из-за отсутствия

необходимого количества боеприпасов поддержка атаки в ходе прорыва обороны осуществлялась методом последовательного сосредоточения огня. Однако революционные события внутри России и ее досрочный выход из Первой мировой войны не позволили осмыслить стратегический и тактический опыт войн четвертого поколения и осуществить техническую модернизацию российской армии, которая, по сути, развалилась и прекратила свое существование в прежнем виде.

Гражданская война и интервенция «Антанты» в Россию. Гражданская война в Советской России ведется уже совершенно новым субъектом – Коммунистической партией большевиков против остатков предыдущего политического строя (сторонников Февральской революции и Учредительного собрания вместе с отдельными группами стойких монархистов). «Красные» контролируют внутриконтинентальные пространства, «белые» с опорой на поддержку стран «Антанты» – морской геополитической силы – оказываются сосредоточенными по краям империи, вблизи берегов. Эта война уносит жизни русских людей с обеих сторон, являясь невиданной в русской истории братоубийственной бойней.
Начало гражданской войны и иностранной интервенции приходится на конец 1917 – начало 1918 года, когда англо-франко-американские войска высадились в Мурманске, а японские – во Владивостоке. Параллельно начался мятеж Чехословацкого корпуса. В феврале 1918 года кайзеровские войска, нарушив условия советско-германского перемирия, развернули наступление по всему Западному фронту. В Москве антибольшевистское вооруженное восстание, инспирированное не без участия разведок стран «Антанты», подняли левые эсеры. К лету 1918 года на трех четвертях территории страны образовались многочисленные группировки и правительства, подстрекаемые геополитическими противниками России и выступавшие против советской власти. Белогвардейские правительства существовали в Сибири и на юге России. Они развернули наступление к Волге на Симбирск и Самару, Воткинск, Туркестан (войска адмирала А.В.Колчака (1873-1920)), на Петроград (войска генерала Н. Н. Юденича (1862-1933)), на Москву, через Курск, Орел (войска генерала А. И. Деникина (1874-1947)). Как и много раз в русской истории сложилась обстановка, когда судьба Отечества, суверенитет и будущее народа оказались в руках его вооруженных сил. По словам Ленина, «весь вопрос социалистической революции свелся к вопросу военному».
Создание РККА. В январе 1918 года на заседании Совнаркома было принято решение о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), несколько дней спустя был издан декрет об учреждении Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Днем рождения РККА считается 23 февраля 1918 года, когда ее подразделения сумели остановить продвижение кайзеровских войск на Западе. Важную роль в укомплектовании РККА командными кадрами сыграло привлечение старых военных специалистов, служивших в царской армии (т.н. «военспецов»). Только за 1918-1920 годы в РККА было мобилизовано около 50 тысяч бывших офицеров, около 215 тысяч бывших унтер-офицеров, более 25 тысяч других категорий военнослужащих и военных чиновников. В этом акте на организационно-кадровом уровне реализовалась преемственность советских вооруженных сил военному искусству и боевому духу предыдущей эпохи. Вместе с тем, создатели РККА утверждали ее классовый характер, наиболее рельефно проявившийся в структуре ее управления.

Комиссары. Комиссарская вертикаль дублировала классическую иерархию военачальников – от маршалов до младших офицеров – особой иерархией партийных руководителей, отвечающих в каждой боевой единице за идеологическую работу. Комиссары составляли уникальность Красной Армии, которая была призвана стать армией нового типа, где ведение боевых действий в интересах Отечества неразрывно связывается с осуществлением планетарной миссии распространения коммунистической идеологии. Чтобы распространять ее, необходимо было ее осмыслить и осознать. Этим преимущественно и занимались комиссары, следя за идеологическим развитием офицеров и солдат, а также позволяя партийному руководству страной контролировать вооруженные силы, с точки зрения их благонадежности. В боевых условиях комиссары принимали участие в военных операциях, заменяя собой, если была необходимость, командиров. Это требовало от комиссаров полного владения военной наукой и навыками ведения боевых действий.

Геополитическое значение победы «красных». В 1919-1920 годах большевикам, несмотря на размах внешних и внутренних угроз, удалось одержать решающие победы над объединенными силами контрреволюции. Было отражено нападение на Советскую Россию со стороны Польши. В Крыму разгромили войска «белого» генерала П.Н.Врангеля (1878-1928). Подавлены антибольшевистские восстания в Кронштадте, на Тамбовщине, в ряде районов Украины, Западной Сибири, ликвидированы последние очаги белогвардейцев на Дальнем Востоке.

Победа «красной армии», спешно организованной вождями большевиков, – Лениным и Троцким (1879 - 1940), -- имела решающее историческое значение, предопределившее судьбу России на 70 лет. В ходе «гражданской войны», выигранной «красными», определилось геополитическое значение Советской России. В 20-е годы границы первого в истории государства рабочих и крестьян стали методично расширяться, возвращаясь к тому пространственному объему, который отвоевали русские в течение всей своей истории. Так, со стратегической, геополитической и военной точки зрения, большевистская власть стала наследницей государственного суверенитета, утвержденного первыми русским князьями. Все в идеологии большевиков противоречило державному самосознанию строителей и защитников империи. Но вместе с тем, Ленин, Троцкий и Сталин оказались силою исторических обстоятельств наследниками тех геостратегических завоеваний, которые были осуществлены многими поколениями русских людей, и, в первую очередь, русских воинов, строивших империю.

Вся история СССР показывает, что у коммунистических вождей не оставалось иного выхода, кроме как вступить в это наследство и продолжить великое дело военного и стратегического импеостроительства. СССР довольно быстро восстанавливает единство страны, и большевики принимаются укреплять государственный суверенитет, которому угрожают «капиталистические» державы – причем те же самые, что угрожали России, когда она была монархией. Идеологии меняются, военно-стратегический характер отношения России с ее международным окружением остается неизменным. И снова, как на всех предыдущих этапах русской истории защита государственного суверенитета становится главной задачей советской власти и, в первую очередь, советской армии.

Реформирование и техническая модернизация советской армии в предвоенный

период. Несмотря на успехи РККА в гражданской войне, к середине 20-х годов она мало отвечала требованиям современной индустриальной войны четвертого поколения, в которой ей, судя по складывавшейся неблагоприятной внешнеполитической обстановке, предстояло участвовать в ближайшем будущем. Опыт, накопленный в период отражения интервенции и подавления контрреволюционного движения, был мало применим в плане военного искусства. Бои этого этапа отличались крайне низкими артиллеристскими плотностями, почти полным отсутствием авиации и танков. Во многом это была практика партизанской и контр-партизанской борьбы, где ключевая роль отводилась не только армии, но и советским спецслужбам. Поэтому при Сталине РККА неоднократно подвергалась крупномасштабным военным реформам и технической модернизации.
Развитие сухопутных войск шло по пути увеличения их огневой мощи, механизации и моторизации, что отвечало требованиям и логике войн четвертого поколения. На вооружение поступили самозарядные винтовки конструкции Ф.В.Токарева (1871-1968), пистолеты-пулеметы В.А.Дегтярева (1879-1949) и Г.С.Шпагина (1897-1952). Советские конструкторы В.Г.Грабин (1900-1980), Ф.Ф.Петров (1902-1978), Б.И.Шавырин (1902-1965) и другие создали, а промышленность освоила производство новых орудий и минометов различных калибров и назначений. В начале 1930-х г.г. было налажено серийное производство легких, средних и тяжелых танков (Т-26, БТ-5, Т-35 и др.). В 1939 г. создаются тяжелый танк КВ конструкции Ж.Я.Котина (1908 -1979) и легендарный средний танк Т-34 конструкции М.И.Кошкина (1998-1940), А.А.Морозова (1904-1979) и Н.А.Кучеренко (1907-1976), которые по своим тактико-техническим характеристикам превосходили танки армий западных государств. На вооружение авиационных частей стали поступать новые истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3 (конструкторы А.С.Яковлев (1906-1989), А.И.Микоян (1895-1978), С.А.Лавочкин (1900-1960) и др.), бомбардировщик Пе-2 (В.М.Петляков (1891-1942)), штурмовик Ил-2 (С.В.Ильюшин (1894-1977)).
Соответственно технической модернизации развивалось и военное искусство. В межвоенные годы над его разработкой работали многие видные военачальники, среди которых были и бывшие «белые» офицеры (М.В.Фрунзе (1885-1925), М.Н.Тухачевский (1893-1937), И.П.Уборевич (1896-1937), А.А.Свечин (1878-1938) и др.). По сей день выдающимся достижением советской военно-теоретической мысли считается создание концепции глубокой наступательной операции. Ее сущность заключалась в нанесении удара на всю глубину обороны противника с использованием артиллерии, бронетанковых войск и авиации. При этом решалась задача прорыва обороны противника на всю ее тактическую глубину и развитие тактического успеха в оперативный стремительными действиями механизированных войск, воздушных десантов и авиации. Положения теории глубокой наступательной операции были проверены в ходе маневров и учений советской армии, а также в боях в районе озера Хасан, на реке Халхин-Гол и в советско-финляндской войне.
Таким образом, к концу 30-х годов Советская Армия была в основном переведена на военно-техническую и военно-теоретическую базу, соответствующую войнам нового (четвертого) поколения.
Советская армия как народная армия. Еще одной особенностью Советской Армии была полная свобода продвижения по службе любого воина на основе личных заслуг в несении службы. Люди рабочего и крестьянского

происхождения особо поддерживались в офицерской карьере, что привело в офицерский корпус Советской армии множество талантливых военачальников из простонародья, которым в царской России до высоких чинов дослужиться было трудно. Не делалось различия и межу этносами России. Принцип интернационализма ставил в одинаковое положение в Советской Армии представителей разных этнических групп.
Советская Армия основывалась на всеобщей воинской повинности, так как считалось, что любой советский человек должен уметь в любой момент защитить Родину. Великая Отечественная война подтвердила, что эти навыки были необходимы.

Нападение Гитлера на СССР. Страшным испытанием обороноспобности СССР становится Вторая мировой войны (1939-1945), в основании которой лежали все те же нерешенные империалистические противоречия, связанные с переделом мира и колоний. Эта война получила в русской истории название Великая Отечественная (1941-1945). В ней мы снова отстаивали свободу, независимость и самостоятельность государства, поставленные под вопросом военным вторжением нацистской Германии. Доля ответственности за ее развязывание лежит и на западных державах – Великобритании, Франции и США, которые, действуя в русле атлантистской геополитики, фактически подтолкнули Гитлера к экспансии на Восток, рассчитывая ослабить в кровопролитной войне двух своих главных континентальных конкурентов – фашистскую Германию и коммунистическую Россию. Об этом убедительно свидетельствует «мюнхенский сговор» (сдача Гитлеру Чехословакии союзниками), события «странной войны» (бездействие союзников после вторжения Гитлера в Польшу), история с перелетом Р.Гесса (1894-1987) в Англию накануне Второй мировой войны (за которым стояли секретные переговоры союзников с Гитлером о вторжении в СССР) и т.д.
Ход Великой Отечественной. В сентябре 1939 года Германия оккупировала часть Польши (восточные регионы этого государства, населенные украинцами и белорусами и находившиеся в составе Польши после советско-польской войны 1919—1921 гг., были присоединены к СССР), Бельгию, Нидерланды, Люксембург, часть Франции, Данию, Норвегию, Югославию, Албанию и Грецию (совместно с Италией). А в 1940 году Гитлер начал подготовку к нападению на СССР (план «Барбаросса»). Вопреки тому, что в августе 1939 года СССР заключил с Германией договор о ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа, 22 июня германские войска вступили на территорию СССР.
К 22 июня 1941 года у границ СССР было сосредоточено и развернуто три группы немецких армий (всего 181 дивизия, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, и 18 бригад), поддерживаемых тремя воздушными флотами. В полосе от Черного моря до Припятских болот -- группа армий «Юг»; в полосе от Припятских болот до Гольдапа - группа армий «Центр»; в полосе от Гольдапа до Мемеля - группа армий «Север». Перед ними была поставлена задача наступать в общем направлении соответственно на Киев, Москву и Ленинград.
Немецкие войска захватили стратегическую инициативу и господство в воздухе. В приграничных сражениях они на первом этапе нанесли советским войскам поражение. Врагом были оккупированы Литва, Латвия, Белоруссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии. Советские войска, ожесточенно сопротивляясь, вынуждены отступать. С боями сдается Смоленск,

начинается блокада Ленинграда, на Украине Красная армия терпит серьезные поражения, потеряв Киев, Донбасс, но продолжая оборонять Одессу и Севастополь. Немцы по схеме «Блицкрига» стремительно приближаются к Москве. Красная Армия отступает на 850-1200 км. в тыл.
В ходе зимней кампании 1941-42 годов по некоторым направлениям советские войска переходят в контрнаступление -- под Москвой, на Северном Кавказе, полностью или частично освобождена территория 10 областей. В летне-осенней кампании 1942 года советские войска не могут выполнить поставленную Сталиным задачу: полностью разгромить врага и освободить всю территорию страны. Наряду с военными достижениями, происходят поражение Крымского фронта, катастрофа в Харьковской операции, идут тяжелые сражения на Северном Кавказе. Нацисты продвинулись в целом еще на 500-650 км в глубь советской территории, вышли к Волге, овладели частью перевалов Главного Кавказского хребта.
Перелом в войне наступает осенью 1942 года, когда советским войскам удается организовать масштабное контрнаступление. 23 ноября части Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединяются и берут в окружение 22 вражеские дивизии, наступавшие на Сталинград. Другими важными событиями зимней кампании становятся Северо-Кавказская наступательная операции и прорыв блокады Ленинграда. В итоге Красная Армия продвинулась на Запад на 600-700 км.
Решающими событиями летне-осенней кампании 1943 года были Курская битва и битва за Днепр. Советские войска продвинулась еще на 500-1300 км. западнее и разгромила 218 гитлеровских дивизий. Зимой 1943-44 годов Красная Армия провела наступление на Украине, вышла на территорию Румынии, провела Ленинградско-Новгородскую операцию, сняла блокаду Ленинграда, освободила Крым.
В июне 1944 года союзники (США и Великобритания), осознав неизбежность победы СССР и испугавшись перспективы выхода Красной Армии к Атлантическому океану, после длительных интриг и сепаратных переговоров с Гитлером, наконец-то открыли 2-й фронт, что значительно ухудшило военно-политическое положение Германии.
В летне-осеннюю кампанию 1944 года Советская Армия провела ряд крупных операций (в том числе Белорусскую, Львовско-Сандомирскую, Ясско-Кишиневскую, Прибалтийскую), завершила освобождение Белоруссии, Украины и Прибалтики (кроме некоторых районов Латвии), частично Чехословакии, освободила северное Заполярье и северные области Норвегии. Были принуждены к капитуляции и вступили в войну против Германии Венгрия и Румыния. Кампания 1945 года, включавшая Восточно-Прусскую, Висло-Одерскую, Берлинскую и другие операции, в полночь 8 мая завершилась безоговорочной капитуляцией вооруженных сил Германии. После взятия Берлина советские войска вместе с союзниками провели Пражскую операцию. 24 июня в Москве состоялся парад Победы.
В годы Великой Отечественной Войны проявился гений выдающегося русского военачальника Г.Жукова (1896-1974), внесшего существенный вклад в победу нашей страны над врагом, а также в развитие советского военного искусства.
Геополитические итоги войны. Ялтинский мир. Великая Отечественная война являлась составной, главной и решающей частью Второй мировой войны, в орбиту которой было втянуто 61 государство с населением 1,7 миллиарда человек, то есть около 80 процентов всего человечества. Одновременно это

была и самая кровавая война в русской истории. Применение оружия массового уничтожения, почти полный отказ от признания каких-либо правил ведения боевых действий, массовые репрессии против мирного населения, неслыханные зверства, небывалые в истории «лагеря смерти», созданные нацистами – все это придало Великой Отечественной войне невиданный размах. Точное число жертв, которых мы потеряли в этой войне, до конца так и не выяснено, но общая цифра потерь составляет не менее 27 000 000 человеческих жизней.
Победа союзников над Гитлеровской Германией создала принципиально новую конфигурацию сил в мире. Основные моменты по распределению зон влияния державами-победительницами были оговорены на Ялтинской встрече глав СССР, США и Великобритании – И.Сталина, Ф.Д.Рузвельта (1882-1945) и У.Черчилля (1874-1965). Эта стратегическая структура миропорядка получила название «Ялтинский мир». Его основой стало определение зон влияния между странами-победительницами. Были отмечены границы в Европе и на Ближнем Востоке, в пределах которых допускалось советское влияние и зоны, где оно заканчивалось. Военный потенциал союзников был принят по умолчанию как приблизительно равный, и внешнеполитический процесс осмыслялся как мирная конкуренция двух систем (социалистической и капиталистической), проходящая в заданных и всеми признанных рамках. Запад молчаливо соглашался на установление коммунистических режимов в Восточной Европе и Пруссии (ГДР), за исключением зоны Западного Берлина. СССР признавал границы дальнейшего распространения своего влияния теми территориями, которые были освобождены от нацизма и прогерманских режимов советской армией. «Ялтинский мир» разделял всю планету на два лагеря, признающих в общих чертах фактическое и правовое существование друг друга.
В Европе коммунистические режимы были установлены в Албании, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше, ГДР, Югославии. Капиталистическими «остались» Западная Германия (ФРГ), Австрия, Италия, Франция, Англия и остальные страны Западной Европы. Менее определенной зоной была территория «Третьего мира» -- те государства Азии, Африки и Латинской Америки, которые не участвовали во Второй мировой войне. Эти страны во второй половине XX века превратились в арену многочисленных региональных конфликтов, в ходе которых оба лагеря могли конкурировать более жестко, стараясь установить в них политическую систему, близкую к своей собственной. Таким образом, геополитический масштаб СССР неизмеримо вырос, и по результатам Второй мировой войны могущество советского государства достигло такого масштаба, который превышал все достижения предыдущих эпох. После 1945 года СССР стал одной из двух мировых держав, намного обогнав по военно-стратегическому уровню все остальные. Фактически, отныне СССР и США на паритетных условиях стратегически контролировали все пространство планеты.
Роль новых вооружений в победе. Одним из ключевых источников победы в Великой Отечественной войне явилась несокрушимая мощь Советских Вооруженных Сил, которые доказали, являются величайшей армией мира, способной не просто отстоять суверенитет социалистического государства, но и остановить распространение криминальной расистской идеологии в мировом масштабе. В ходе войны советские войска неоднократно модернизировались, им на вооружение поступали новейшие образцы военной техники, непрерывно разрабатывавшиеся нашими конструкторами (легендарные реактивные

установки БМ-8 и БМ-13, известные как «катюши»; тяжелые танки ИС, вооруженные 122-мм пушкой; новейшие истребители Як-9, Ла-7, штурмовики Ил-2, Ил-10, бомбардировщики Ил-4, Ту-2 и др.). В зависимости от условий и особенностей боевой обстановки развивалась и совершенствовалась советская военная стратегия, оперативное искусство и тактика. Выдающаяся победа Красной Армии продемонстрировала всему миру передовой характер советского военного искусства и показала, что оно является одним из высочайших достижений теории и практики ведения войны и военных действий.

Геостратегия «холодной войны». В 1947 году отношения между союзниками обостряются, и начинается затяжной период «холодной войны», когда два идеологических блока – капиталистический и социалистический -- осознают друг друга как наиболее вероятных противников в потенциальном конфликте. Складывается два военно-стратегических блока – капиталистический (НАТО - Северо-Атлантический Альянс) и социалистический (Варшавский договор). Страны «Третьего Мира» остаются вне этих двух блоков.

«Холодная война» представляет собой позиционное противостояние двух геополитических блоков, которые точно вписываются в определения морской цивилизации (блок НАТО, атлантизм) и сухопутной цивилизации (Варшавский договор, «евразийство»). Между ними ведется гонка вооружений, соревнование в экономической, технологической, социальной, идеологической областях. Каждый из блоков стремится доказать свое материальное и культурное превосходство.

На территории стран Третьего мира «холодное» противостояние неоднократно перерастало в «горячее», когда в смертельной схватке в ходе региональных конфликтов сходились между собой просоветские и проамериканские силы. Так было в Африке (Ангола, Эфиопия), Азии (Вьетнам, Корея, Лаос, Камбоджа), Латинской Америке (Куба, Никарагуа), в Центральной Азии (Афганистан), на Ближнем Востоке (арабо-израильские войны). Сами сверхдержавы редко втягивались в эти конфликты напрямую (за исключением участия американских войск во Вьетнамской и Корейской войнах), но они оказывали своим сторонникам огромную политическую, военную, материальную и моральную поддержку, снабжая оружием, техникой, финансами и военными экспертами. Просоветские режимы и движения в Африке получали помощь и в военном контингенте, но, как правило, не от имени советских войск, а при посредничестве вооруженных групп из других социалистических стран -- ГДР и Кубы. Своеобразным символом этой эпохи из-за своей непревзойденной надежности и высоких тактико-технических характеристик стал советский автомат Калашникова (р.1919) (АК-47, АК-74 и другие модификации), использовавшийся в ходе локальных войн практически на всех континентах. Некоторые страны, отдав дань нашему автомату, включили его изображение в свои государственные символы (например, герб Мозамбика), в других (например, в Египте) – родители называли новорожденных мальчиков магическим, в их понимании, именем «Калаш».

В 1970-е годы США сделали ставку на движение исламских фундаменталистов, которые в самом исламском мире противостояли просоветским режимам и партиям (т.н. «исламского социализма»). Фундаменталистские движения создавали свои экономические, религиозные и террористические сети, ставящие перед собой цель противостоять просоветским тенденциям на пространстве всего исламского мира. Идеологически эти военно-

террористические образования опирались на идеи ваххабизма, являющегося официальной религиозной идеологией Саудовской Аравии, на египетскую организацию «Братьев-мусульман» и другие экстремистские структуры. Совокупно эти фундаменталистские тенденции называют арабским словом «салафизм» (от арабского выражения, обозначающего «праведных предков» -- «ас-салаф ас-салих»). Среди этих групп, поддерживаемых и финансируемых ЦРУ, была и организация «Аль-Каида» под руководством Усамы бин Ладена, который позже станет предполагаемым организатором терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.
В конце 1979 года СССР пришлось ввести в Афганистан собственные войска, но эта затяжная война – последняя горячая война «Холодной Войны» -- не принесла никаких результатов, кроме отрицательных, и победа не досталась, в конечном счете, никому. Советские войска несли значительные потери в войне с афганскими муджахедами-партизанами, которые через сеть «Аль-Каида» опирались на материальную и техническую поддержку Вашингтона, осуществляемую через союзный США Пакистан. В 1989 году советские войска были вынуждены оттуда уйти, но и НАТО удалось установить над страной военно-политический контроль только спустя много лет после вывода из Афганистана советских войн и прекращения существования СССР -- осенью-зимой 2001 года после терактов в Нью-Йорке.

Парадоксы военного искусства ядерной эпохи. В области военной теории «холодная война» характеризуется появлением стратегических ядерных сил (СЯС) и попытками разработать адекватное им военное искусство.
Впервые ядерное оружие было преподнесено как фактор геополитических отношений на Потсдамской конференции в 1945 году, когда Президент США Г.Трумэн (1884-1972) заявил, что теперь «Америка обладает оружием, которое революционизировало военное дело и изменит ход истории и логику развития цивилизаций». Демонстрационный и устрашающий эффект была призвана оказать атомная бомбардировка американскими ВВС японских городов Хиросима и Нагасаки на завершающем этапе Второй мировой войны в 1945 году, унесшая жизни сотен тысяч в основном мирных граждан. В Советские Вооруженные Силы ядерное оружие поступило к началу 1954 года, благодаря чему был восстановлен нарушенный на короткий послевоенный период стратегический паритет. В скором будущем нашими учеными было создано также термоядерное оружие огромной мощности. Человечество вошло в ядерную эпоху и пятое поколение войн.
Войны всех предыдущих этапов – с первого поколения по четвертое – носили контактный характер, когда живая сила противоборствующих сторон сталкивалась в вооруженной борьбе либо непосредственно, либо с использованием огнестрельного и других механизированных систем вооружения. Для достижения стратегических результатов – разгром армии противника, захват его территории, разрушение экономики, смена политического строя и т.д. – требовалось вести длительные наступательные операции, как оперативно-тактического, так и оперативно-стратегического масштаба, используя многочисленные сухопутные группировки. С появлением стратегических ядерных сил непропорционально возросла роль чистой стратегии, которая, минуя оперативно-тактический уровень, получила возможность непосредственно влиять на ход войны и добиваться решающих результатов путем нанесения бесконтактных ядерных ударов по противнику вне

зависимости от его удаления. Соответственно начало падать значение обычных вооружений и сухопутных сил, в то время как для стратегических ядерных сил вся планета Земля, ее океанские и морские акватории и воздушно-космическое пространство превратились в потенциальную арену боевых действий.
В 1960 году в структуре Советской Армии в качестве самостоятельного вида вооруженных сил, наряду с Сухопутными войсками, Военно-Воздушными Силами, Военно-Морским Флотом и Войсками противовоздушной обороны, были созданы Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). В качестве носителей ядерных боеприпасов на первоначальном этапе использовалась бомбардировочная авиация, а в последующем -- ракеты различных классов (межконтинентальные, средней дальности, оперативно-тактические), запускаемые с шахтных и передвижных (железнодорожных и автомобильных) установок на суше, с подводных лодок и надводных кораблей на море и самолетов в воздухе. На вооружение также поступили образцы тактического ядерного оружия (артиллерийские снаряды, фугасы, мины и др.), которое могли применяться практически всеми видами и родами войск в наступлении или обороне на конкретных театрах военных действий. Военное искусство ядерной эпохи во многом носило смешанный характер, т.к. прогнозирование и, тем более, планирование действий уцелевших войск на зараженной территории после обмена массированными ядерными ударами, представляло ранее не известную и сложную общенаучную и военно-теоретическую проблему. Уставы армий СССР и США, регламентирующие действия вооруженных сил в условиях ядерной войны, кажутся, поистине апокалиптическими документами.
Основной парадокс стратегических ядерных сил заключается в том, что сама реальность их боевого применения заведомо исключает достижение каких бы то ни было целей войны, т.к. чревата взаимным уничтожением и гибелью всего человечества. Кроме того, как показал опыт XX века, «сдерживающий» и «миротворческий» потенциал ядерного оружия был сильно преувеличен. Оно оказалось бессильно остановить многочисленные локальные конфликты («конфликты низкой интенсивности») и региональные войны. Наличие едва ли не самых совершенных, мощных и эффективных Ракетных войск стратегического назначения в мире не спасло и Советский Союз от поражения в «холодной войне», т.к. угрозы, которые привели к его распаду, пришли совершенно с неожиданной стороны.

Конец «холодной войны». Начало однополярного мира. В конце 80-х годов XX века страны Восточной Европы, поощряемые Западом, одна за другой вступают в полосу «бархатных революций», в ходе которых к власти приходят антисоветские правительства. В 1989 году Варшавский договор рушится, а в 1991 году в результате серии фатальных ошибок партийного руководства страны, не справившегося с системным кризисом экономики и политическими последствиями «перестройки», сам СССР был упразднен в Беловежской Пуще. Стратегическая картина мира, созданная по результатам Второй мировой войны с соответствующим распределением зон влияния и заложившая основу для жесткой конкуренции двух сверхдержав в период «холодной войны», необратимо изменилась. Вместе с отказом одного из полюсов двухполюсного мира продолжать геополитическое соперничество в планетарном масштабе, а также с исчезновением самого СССР как идеологического, геополитического, военно-стратегического и исторического явления, «холодная война»

закончилась, а вместе с ней и «Ялтинский мир».
Россия в первый постсоветский период (начало 90-х годов) стала рассматривать себя как страну, дружественную Западу, наивно рассчитывая, что с падением коммунистической идеологии, исчезнут и все другие противоречия между нашими странами. Однако этим надеждам не суждено было сбыться:
• за счет бывших стран соцлагеря и республик СССР началось расширение НАТО на Восток,
• политика США и многих Западных государств была направлена на дальнейшую дезинтеграцию нашей страны,
• в отношении России остались в силе многие политические и экономические санкции, ранее применявшиеся к СССР (поправка «Джексона-Вэника»,
• система эмбарго в области высокотехнологических товаров КОКОМ и др.
При этом объединение ФРГ и ГДР, кровавый конфликт в Югославии, разделивший страну на несколько новых государств – Словению, Хорватию, Боснию и Македонию (позже отделилась Черногория и по факту Косово), а также разделение Чехословакии на два государства (Чехию и Словакию) означали окончательное завершение «Ялтинской эпохи», предполагавшей нерушимость границ, соблюдавшуюся в Европе с 1945 года до конца 80-х. Многовековая геополитическая дуэль Суши и Моря вошла в новую фазу.
На смену двухполярной системы пришла однополярная, где единственным полюсом становились США, что подкреплялось политической волей, военно-стратегической мощью и экономическим потенциалом Вашингтона, в то время как именно способность отстоять свою свободу и независимость перед потенциальной агрессией противника является основополагающим элементом суверенитета. Тем не менее, Российская Федерация как государство-продолжатель СССР, несмотря на тяжелейший экономический кризис, социально-политические потрясения и утрату одной из главных ролей в мировой политике в 1990-е годы, сумела сохранить свой государственный суверенитет. Во многом, этого удалось добиться благодаря советскому военно-стратегическому наследию – ядерному оружию.
Россия в пространстве войн нового поколения. Конец «Ялтинского мира» и «холодной войны» совпал с ростом тенденций постмодерна. В дополнение к системе стратегических и региональных угроз, которым соответствует логика войн четвертого и пятого поколений, Россия помимо своей воли оказалась в стихии сетевых войн. В ситуации, когда ядерная война, как и прежде, чревата гарантированным уничтожением всего человечества, именно сетевые технологии становятся наиболее важными направлениями в развитии военного искусства.
Также как и обычные войны предыдущих этапов, сетевые войны в пространственной сетке координат подчинены закономерностям геополитической парадигмы (суша/моря), а во временной системе координат они разворачиваются уже по законам информационного, постиндустриального общества (постмодерн). В условиях постмодерна классическая цель войны -- десуверинизация противника -- означает не просто военный захват территории, но втягивание его в процессы информационного, экономического, технологического, культурного обмена, выстроенные по такому сетевому принципу, что они всякий раз благоприятствуют только тому центру, что создает сами эти сети, определяет правила их действия и контролирует «протоколы» обмена данными. Наиболее знаковыми событиями и явлениями,

представлявшими (и представляющими) наибольшую угрозу для безопасности России, в которых проявились элементы сетевых технологий, стали региональные конфликты (чеченские военные кампании), терроризм и «цветные революции».
Начало первой чеченской кампании (1994-1996 года). Штурм Грозного. Формальной причиной начала первой чеченской кампании в декабре 1994 года стало наведение конституционного порядка на территории Чеченской Республики, где с 1991 года бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым (1944 - 1996) было провозглашено независимое от России государство «Ичкерия». Сходные дезинтеграционные тенденции в тот период были характерны и для других регионов страны (Татарстан, Башкирия, Саха-Якутия и др.), руководство которых воспользовалось предвыборным заявлением Б.Ельцина, где он неосторожно пообещал бывшим автономным республикам дать «столько суверенитета, сколько они смогут переварить».
После серии неудачных попыток договориться с Дудаевым мирными средствами, было принято решение о начале вооруженной операции, ставшей переломным моментом новейшей российской истории. До этого исторического решения СССР и Россия планомерно сокращали объем своего суверенитета, идя на уступки всем, кто хотел этим воспользоваться – в первую очередь, Западу. Россия разоружалась в одностороннем порядке, утрачивала политическое единство и государственную волю. Пример Дудаева, если бы его проект создания независимой Ичкерии удался, тут же повлек бы за собой дальнейший распад страны. Впервые российская власть силовым образом показала, что намерена сохранять свой суверенитет и отказывается от его дальнейшего сокращения.
По вине военного командования и Министра обороны П.С.Грачева (р. 1948) штурм столицы Чечни города Грозного, начавшийся на рассвете 1 января 1995 года, оказался плохо организованным. Это привело к затянувшимся почти на месяц кровопролитным уличным боям и неожиданно большим потерям, как со стороны российских военнослужащих, так и со стороны гражданских лиц. Тем не менее, к весне 1995 года федеральным войскам удалось взять под контроль и восстановить конституционный порядок почти на всей территории Республики, за исключением нескольких труднодоступных горных районов.

Теракты в Буденовске и Кизляре. Хасавюртовский мир (1996 г.). Однако дальше события приобрели новый поворот. Лидерами боевиков во главе с Дж.Дудаевым был спланирован и осуществлен невиданный даже по мировым масштабам террористический акт – захват больницы и других гражданских объектов в г.Буденновске Ставропольского края. Бандой террористов руководил чеченский «полевой командир» Шамиль Басаев (1965-2006). В заложники было захвачено несколько сотен человек – в основном женщины и дети, более ста человек погибло в ходе уличных боев с сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб. Переговоры с террористами вел председатель Правительства России В.С.Черномырдин (р.1938), ради освобождения заложников принявший их условия – о прекращении боевых действий в Чечне и постепенном выводе российских войск.
9 января 1996 года аналогичный террористический акт был осуществлен бандгруппой Салмана Радуева (1967-2002) в г.Кизляре Республики Дагестан, где в заложниках оказалось большое количество мирных жителей и были выдвинуты аналогичные требования к российским властям. После

кровопролитного боя у с.Первомайское многим боевикам удалось скрыться от правоохранительных органов на территории Чеченской Республики.
Эти террористические акты деморализовали высшее политическое руководство страны и фактически приостановили какие-либо активные действия в Чечне со стороны российских войск. Ситуация усугублялась растущей оппозицией Б.Ельцину со стороны «демократических сил» в самой России, которые требовали продолжения ориентации на Запад, косвенно (по меньшей мере, морально и информационно) поддерживали чеченский сепаратизм и процесс дальнейшей десуверинизации России.
Лидеры боевиков воспользовались сумятицей и с осени 1995 года развернули в Чечне крупномасштабную партизанскую борьбу, завершившуюся летом 1996 года штурмом г.Грозного. Спустя короткий промежуток времени в том же году между российским генералом А.Лебедем (1950-2002) и преемником Дудаева (уничтожен российскими спецслужбами в январе 1995 года) А.Масхадовым (1951-2005) в городе Хасавюрт были заключены мирные соглашения, которые сводили на «нет» все достижения федеральных войск за предыдущие годы и давали сепаратистам возможность восстановить свои силы для дальнейших наступательных действий. Снова суверенитет России был поставлен под сомнение, так как потеря Чечни означала бы новый виток дальнейшего распада.
Неопределенная ситуация длилась почти три года. В течение всего этого времени сепаратисты дестабилизировали обстановку на Северном Кавказе, установили тесные контакты с террористическими исламскими организациями и западными спецслужбами, превратив Чечню в неконтролируемую зону, где царили откровенный разбой, похищение людей, геноцид русского (шире, нечеченского) населения, насилие, фундаменталистский экстремизм и размещались базы международного терроризма. Ситуация осложнялась из-за тысяч беженцев из Чечни, живущих в нечеловеческих социальных условиях. Сами боевики периодически осуществляли рейды в близлежащие районы, теракты, захватывали гражданские объекты (в том числе больницы), терроризировали население.
Преступные сообщества на территории всей России имели в Чечне своего рода «штаб-квартиру», откуда распространялись потоки оружия, наркотиков и т.д. Страдание мирного населения достигло критического предела. Хасавюртский мир был целиком и полностью выгоден только сепаратистам, Россия от него только потеряла.
Вторая чеченская кампания (1999-2000 годы). Теракты в Москве и Волгодонске.
Вторая чеченская кампания началась 2 августа 1999 года, после вторжения банды боевиков Ш.Басаева и иорданского террориста Хаттаба (1970 - 2002) в Дагестан. Ответственность за успех начавшейся контртеррористической операции взял на себя В.В.Путин, назначенный 9 августа премьером правительства РФ. Чеченские сепаратисты не скрывали, что не собираются ограничиться Чечней и хотят вывести из-под контроля России весь Северный Кавказ, а также другие территории России, населенные мусульманами. Видя слабость федерального центра, они стали совершать военные вылазки на сопредельные с Чечней территории. А получив отпор в Дагестане, осуществили чудовищные теракты – взрывы домов с мирными гражданами в Москве и Волгодонске, унесшие десятки жизней.
В ходе второй чеченской компании Москва более не проявляла никаких колебаний, действовала жестко, последовательно и упорно. Боевики были

вначале выбиты из Грозного, потом оттеснены в Южную Чечню, а затем полностью разгромлены. Их лидеры Хаттаб, Масхадов, Басаев и другие уничтожены, а сами банд-формирования рассеяны. Важным этапом этой компании стал переход на сторону федеральных войск муфтия Чечни Ахмад-хаджи Кадырова, влиятельного чеченского политика, избранного первым президентом Чечни после восстановления в ней федеральной вертикали власти. В 2004 году на параде Победы в Грозном чеченским сепаратистам удалось уничтожить Кадырова, но его вклад в восстановление мира в Чечне был необратим.

Результаты второй чеченской кампании показали, что страна становится на путь восстановления собственного суверенитета – это было важным военно-политическим, стратегическим и даже историческим этапом. Накануне начала второй чеченской кампании Россия стояла на грани развала. К концу второго срока правления президента Путина эта опасность была снята, власть продемонстрировала свою способность отстоять и укрепить военный и политический суверенитет России.

Как и на прежних исторических этапах решающий вклад в это восстановление суверенитета внесли российские военные, которые ценой огромных потерь, личного мужества, несгибаемой воли и верности Отечеству отвели от страны нависшую над ней угрозу окончательного распада.

Чеченский конфликт через призму военного искусства постмодерна. В военном плане уроки чеченских кампаний неоднозначны. С одной стороны, в них проявился глубокий кризис российской армии, нуждающейся в коренном реформировании и модернизации в соответствии с новыми политическими и цивилизационными реалиями. С конфликта в Чечне мог начаться очередной виток дезинтеграции и утраты суверенитета нашей страной, и опять, как и в случае с Советским Союзом, стратегические ядерные силы (оружие пятого поколения) оказались неспособны противостоять подобного рода угрозам.

С другой стороны, в сфере военного искусства действия чеченских бандформирований не принесли каких-либо серьезных новаций. Подавляющее большинство использовавшихся ими оперативно-тактических приемов при ведении боевых действий в горах, лесистой и иной труднодоступной местности, обороне населенных пунктов и т.д., были хорошо известны еще по партизанскому опыту Великой Отечественной войны, локальных войн во Вьетнаме и Афганистане, «горячих точек» Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки.

Казалось, что для решения проблемы России требуются лишь эффективные сухопутные войска, способные в условиях регионального конфликта вести войны четвертого поколения. Однако, концентрация в Чечне отборных подразделений российских вооруженных сил и спецслужб, оснащенных самыми современными боевыми средствами, а также качественное повышение уровня их профессиональной подготовки во второй половине 90-х годов, не позволило подавить сопротивление банд-формирований раз и навсегда. По городам России прокатилась новая волна террористических актов. В 2002 году в центре Москвы был захвачен театральный центр «Норд-Ост» на Дубровке. В 2003-2005 годах террористы-смертники осуществили ряд подрывов в общественных местах (московском метрополитене, рок-концерте на стадионе «Тушино», взорвали два гражданских самолета), а в сентябре 2005 года захватили в заложники школу в осетинском городе Беслане, где в ходе контртеррористической операции погибло много детей. При этом со стороны

западных держав, несмотря на наше стратегическое партнерство по международной антитеррористической коалиции, сформированной после терактов 11 сентября 2001 года в США, в отношении России была развернута беспрецедентная информационная кампания, выставляющая наши контртеррористические усилия на Северном Кавказе как «рецидив и продолжение великодержавной имперской политики в регионе». На Россию было оказано колоссальное давление с целью заставить признать легитимность лидеров бандформирований и вступить с ними в мирные переговоры по хасавюртовскому сценарию. Эта деятельность США и некоторых других стран Запада получило название политики «двойных стандартов», т.к. была направлена на оправдание собственного жесткого антитеррористического курса и войну в Ираке, но, одновременно, на критику России за аналогичную деятельность внутри собственной страны.
Все это наконец-то привело к пониманию того, чеченская война, внешне выглядящая как типичная война четвертого поколения, на самом деле, является лишь одним из элементом ведущейся против России сетевой войны принципиально нового типа – войны шестого поколения. В ней все те же геополитические противники нашей страны, оказывая чеченским боевикам международную, организационную, материально-техническую и информационную поддержку, пытались использовать их для дальнейшей десуверенизации РФ и установления контроля над ее природными и человеческими богатствами. Именно поэтому конфликт принял такой затяжной характер, переплетя в один клубок такие разнородные фигуры, как международных террористов, агентов иностранных разведок, представителей российских псевдодемократических структур, беглых российских олигархов и ближневосточных нефтяных шейхов, действия которых, благодаря стараниям сетевых стратегов, часто оказывались синхронными и хорошо скоординированными.

«Цветные революции». Другой формой ведения войн Западом войн постмодерна стали т.н. «цветные революции». В ходе реализации сетевых технологий и развертывания разнообразных – информационных, общественно-политических, гуманитарных, образовательных и даже маркетинговых – сетей на территории России, в той или иной степени управляемых их внешнего центра, создается возможность косвенного влияния на общественное мнение, настроение, предпочтения и «культурный код», что, в свою очередь, затрагивает и принятие важных политических решений. Инвестиции в эти сферы при ближайшем рассмотрении сплошь и рядом оказываются не «гуманитарной помощью», но настоящими боевыми действия в ходе «сетевой войны», ведущейся с целью создать рычаги внешнего управления значимыми общественными процессами, которые зарождаются в неполитических секторах гражданского общества. Эффект сетевых технологий был продемонстрировал в период «цветных революций» на постсоветском пространстве, когда в Грузии и Украине неправительственные и молодежные организации, гуманитарные фонды, культурные инициативы, социологические службы и мониторинговые структуры (НПО) в одночасье превратились в основу политической мобилизации широких масс, поддержавших кандидатуры тех политиков, которые устраивали Запад в противовес тем, которые устраивали Россию. «Оранжевый» сценарий мобилизации некоторых сегментов гражданского общества в пользу политического выбора, в котором заинтересованы США,

демонстрирует механизм действия «сетевых войн» как таковых. Этот механизм может быть применен и к самой России и к любой другой стране СНГ.

Контрольные вопросы

1.Как связаны между собой воинское сословие и государственный суверенитет России? Какие империи создавали русские воины в истории?
2.Назовите основные этапы развития русского военного искусства и модернизации русской армии? С какими событиями они были связаны?
3.Почему русские хотели выйти к «теплым морям»? С кем, когда и сколько раз мы там воевали?
4.Для какой цели, когда и в каких условиях создавалась Красная Армия? Назовите ее отличительные черты.
5.Как повлияла чеченская война на судьбу современной российской государственности и развитие нашего военного искусства? К какому поколению войн она относится?

6.3. Спецслужбы Государства Российского

«Оглянешься - а вокруг враги;
Руки протянешь - и нет друзей;
Но если век скажет:
«Солги» - солги,
Но если он скажет: «Убей» - убей».
Эдуард Багрицкий, 1929

Внутренние и внешние силовые функции. Место и роль спецслужб в обеспечении государственной безопасности. Любое государство, помимо собственно армии, призванной защитить страну от внешних угроз, имеет и другие военизированные структуры, созданные для противодействия угрозам внутренним. К ним относятся органы по охране правопорядка и борьбе с преступностью (милиция, полиция, таможня, прокуратура, внутренние войска и т.д.), специальные службы по обеспечению государственной безопасности -- борьбе со шпионажем, терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, по защите конституционного строя и государственных секретов, охране высших должностных лиц (контрразведка, политических сыск, президентская охрана и т.д.).
Противодействие внутренним угрозам требует иных сил и средств, нежели ведение войн против регулярных армий. Этим обусловлена специфика работы правоохранительных органов и спецслужб, действующих, не только открыто (возбуждение уголовных дел, проведение следственных действий, арестов и т.д.), но и тайно на основе специфических форм и методов. В первую очередь, это касается использования агентуры, то есть лиц, которые конспиративно выполняют поручения спецслужб, не являясь их кадровыми сотрудниками. Вербовка и использование агентуры позволяет спецслужбам незаметно проникать в интересующие их организации, учреждения, группы и социальные слои как внутри страны, так и за рубежом. Технический прогресс добавил и другие методы сбора интересующей информации, такие как перлюстрация

корреспонденции, негласный обыск, контроль телефонной связи, наблюдение с использованием оперативно-технических и даже воздушно-космических средств, шифрование, перехват и дешифровка электронных сообщений, проникновение в компьютерные системы и т.д. В крайних случаях спецслужбами используются такие приемы как компрометация неугодных лиц, политические убийства, диверсии, похищения, акты террора и т.д.
Особая роль в обеспечении как внутренней, так и внешней безопасности отводится органам внешней разведки, которые, обычно, создаются в составе армии (военная разведка) или в структуре спецслужб (внешнеполитическая разведка). Целью их деятельности является добывание информации о скрываемых аспектах политики иностранных государств в отношении своей страны, выявлении угроз безопасности своей стране еще на стадии их появления (например, получение иностранных планов вооруженного вторжения, проведения диверсий, засылки шпионов и т.д.), обеспечение безопасности граждан и учреждений своей страны за рубежом, проведение тайных операций (влияние, скрытая пропаганда, дезинформация, саботаж, диверсии) для оказания содействия внешней политике своей страны по наиболее проблемным вопросам.

Дружинники и опричники. В русской истории на первом этапе правоохранительные функции выполняли княжеские дружинники, которые одновременно с этим участвовали в боевых действиях, поэтому строго разделения между армией и полицией не было. Лишь значительно позже Иван Грозный создает опричнину, чья задача заключается в том, чтобы укрепить власть царя внутри России перед лицом реальных (или мнимых) угроз со стороны вотчинного боярства или перебежчиков на сторону Литовских князей или иных враждебных России сил (функции контрразведки и политического сыска). Но и в этом случае опричники не только проводили репрессии против тех, на кого указывал Грозный, но и участвовали в регулярных войнах. Так предводитель опричников Малюта-Скуратов, князь Бельский (? - 1573) героически погиб в ходе Ливонской войны.
Регулярная полиция в XVIII веке. При Петре предпринимаются попытки создания специализированных органов по охране общественного порядка и борьбы с преступностью - «регулярной полиции». В Санкт-Петербурге в 1718 году учреждается должность генерал-полицмейстера и образуется подчиненная ему полицмейстерская канцелярия с полицейской командой. Спустя несколько лет полицмейстерские канцелярии с полицмейстерами во главе создаются в Москве и ряде крупных городов. В то же время при создании регулярной полиции было решено не отказываться и от использования на полицейской службе местного населения: из числа горожан избирались сотские, пятидесятские, десятские и караульщики, которые исполняли полицейские функции в качестве повинности.
Организация полиции сочетала в себе профессиональных военных, выделенных специально для надзора за порядком внутри государства, и добровольцев из числа граждан («народная милиция»).

«Третье отделение» Бенкендорфа и жандармский корпус. Политический сыск выделяется в самостоятельную категорию в XIX веке, когда под руководством генерала Бенкендорфа (1783-1844) по распоряжению Николая I

для расследования дела декабристов было создано «Третье Отделение Собственной Его Величества канцелярии», которое было предназначено для обнаружения и наказания внутренних врагов государства. Личный состав сотрудников отделения вплоть до смерти генерала не превышал сорока человек. В качестве боевого элемента для подавления бунтов и беспорядков ему были приданы жандармские корпуса, численностью около четырех тысяч. Практическая деятельность жандармерии состояла в понуждении к исполнению законов и приговоров судов. Чины ее посылались на поимку беглых крестьян, задержание беспаспортных лиц, на преследование воров, контрабандистов, «расследование законом запрещенных скопищ», препровождение особо важных преступников и арестантов. Жандармы присутствовали на ярмарках, торжищах, церковных и народных празднествах, гуляньях, разного рода съездах и парадах. Генералы и штаб-офицеры осуществляли надзор за местным госаппаратом, докладывали в Третье отделение о настроениях в местном обществе. Жандармский корпус занимался и борьбой с коррупцией.
В 1880 году «Третье отделение» было упразднено, а его дела переданы в «Особый отдел Департамента полиции Министерства внутренних дел». Отныне в царской России роль ведущей и вышестоящей организации для ведомств защиты государства выполняло Министерство внутренних дел.

«Охранка» и ее методы. Важным этапом в деле обеспечения государственной безопасности являлось развертывание деятельности органов, специализировавшихся на борьбе с антигосударственной деятельностью. В 1880 году было создано «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в городе Москве» («охранка»).
Охранкой изучались революционное движение, различные политические общества, кружки и иные организации, прежде всего террористические и экстремистские. В результате образовались громадные картотеки на граждан, собирались коллекции бомб и листовок. Данные поступали от многочисленной и хорошо оплачиваемой агентуры в стране и за границей. Одним из важнейших требований в деятельности сотрудников Охранного отделения была секретность. Фактически «Охранка» соединяла в себе разведывательные и контрразведывательные функции, а также политический сыск. Начальником «Охранки» с 1896 года являлся Сергей Васильевич Зубатов (1864-1917).
На рубеже XIX -- XX веков Россия имела эффективную систему органов защиты государственной безопасности. Благодаря использованию многочисленной тайной агентуры в стране и за границей охранные ведомства могли быть в курсе всего происходящего в обществе. Они внедряли своих агентов в потенциально опасные круги, действовали на опережение, изучали возможных противников и неблагонадежных граждан. Жандармы внимательно изучали печатную литературу, использовали доносы и слухи. Практиковались различные методы: вскрытие переписки, наружное наблюдение, вербовка агентуры, аресты, обыски и допросы. Охранке удалось завербовать в революционном движении многих активистов, которые проводили ряд операций по согласованию со своими кураторами. Провокатор поп Георгий Гапон (1870-1906), выведший народ на шествие к царскому дворцу в «кровавое воскресенье» (1905), был осведомителем Охранки. Там же подвизался глава «Боевой Группы» левых эсеров Евно Азеф (1869 – 1918), многие другие видные революционеры, эсеры и большевики. Под непосредственным контролем «Охранки» для разложения протестного и оппозиционного движения изнутри

были созданы -- «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», «Совет рабочих механического производства г. Москвы», «Общество взаимной помощи текстильщиков», «Еврейская независимая партия» и многие др. Эта политика получила название «полицейского социализма» или «зубатовщины».
С 1905 года и далее корпус жандармов неуклонно рос численно. В середине 1913 года он насчитывал 12 700 человек. К концу 1916 года в корпусе служили около 16 тысяч жандармов. Эффективная деятельность «Охранного отделения», успехи в вербовке агентов и осуществлении провокаций против революционного движения не смогла, тем не менее, предотвратить событий 1917 года – ни Февральской, ни Октябрьской революций (сам Зубатов после Февральской революции покончил жизнь самоубийством). Это, в частности, показывает, что спецслужбы во всех обществах и на всех этапах истории выполняют прикладные и чисто технические функции, а определение судьбы государства зависит от высшей политической власти, которая может опираться на спецслужбы, но не может ими себя заменить. В 1991 году в момент распада СССР это будет еще раз подтверждено историей: вся мощь советских спецслужб оказалась бессильной перед горсткой политических «демократов», сумевших при поддержке геополитических противников СССР из-за рубежа осуществить в стране идеологический переворот, расшатать основы гигантского государства и обрушить целую континентальную империю.
Рождение и метаморфозы советских спецслужб: от ВЧК до КГБ. В советское время требования пролетарской диктатуры ставят на повестку дня вопрос о создании спецслужбы «нового типа», которая соответствовала бы задачам новой власти. Так, 20 декабря 1917 года возникает «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия» (ВЧК), сотрудников которой начинают называть «чекистами». Ленин и первый председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926) создавали этот государственный институт как «боевой отряд партии», то есть как партийно-государственную спецслужбу, имеющую четкую идеологическую установку на решительную борьбу с идейными противниками и просто сторонниками иных взглядов внутри страны и за рубежом. Перед ВЧК стояли следующие грандиозные цели:

- уничтожение буржуазии как класса,
- искоренение буржуазного сознания в народе,
- надзор за усвоением гражданами новой идеологии,
- выявление и уничтожение идеологических врагов новой власти и агентов иностранных государств.

Этот принцип – подчинение спецслужб идеологическим установкам -- оставался доминирующим на протяжении всего советского периода: органы безопасности в нашей стране никогда и ни при каких обстоятельствах не играли самостоятельной политической роли и всегда являлись послушным, наиболее острым орудием Коммунистической партии. Именно их неразрывная связь с партийными структурами власти способствовала росту силы и влияния этой спецслужбы, но, с другой стороны, в конце 80-годов быстро привела к ее развалу по мере ослабления и краха КПСС.
После окончания гражданской войны в 1922 году ВЧК было преобразовано в Государственное Политическое управление (ГПУ), на базе которого вслед за образованием СССР возникло Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ СССР). В 1934 году ОГПУ объединили с органами внутренних дел (милицией) и образовали союзно-республиканский Наркомат

внутренних дел (НКВД). Наркомом стал Г.Ягода (1891-1938), расстрелянный в 1938 году, как и последующий генеральный комиссар внутренних дел Н.Ежов (1895-1940). В 1938 году наркомом был назначен Л.Берия (1899 – 1953).
В структуре ВЧК-ОГПУ действовал также «иностранный отдел» (ИНО), на базе которого в будущем сформировалась советская внешнеполитическая разведка. Параллельно с этим, в армии было создано разведывательное управление («разведупр»), позже преобразованное в Главное Разведывательное Управление (ГРУ), отвечавшее за ведение военно-стратегической разведки, а также оперативно-тактической разведки на театрах военных действий. Характерной чертой советских спецслужб в условиях внешнеполитической блокады СССР и ограниченных возможностей легальных резидентур (с позиций посольств, торгпредств и т.д.), стало создание и широкое использование методов т.н. нелегальной разведки, когда кадровые чекисты, получали такое образование и специальную подготовку, которые позволяли им проживать и заниматься разведдеятельностью на территории иностранного государства, успешно выдавая себя за его граждан. К нелегальной разведывательной работе широко привлекались кадры Коминтерна. Этот период (1921-1937) получил название «эпоха великих нелегалов», т.к. дал стране немало примеров выдающихся разведчиков (А.Дейч (1904-1942), Д.Быстролетов (1901-1975), И.Григулевич (1913-1988) и др.).
В феврале 1941 года из объединенной структуры НКВД в качестве самостоятельного подразделения был выделен Народный комиссариат госбезопасности (НКГБ). В июле 1941 года его опять возвращают в НКВД, но в 1943 году и уже на долгое время НКГБ приобретает независимый статус. Параллельно НГКБ в период Великой Отечественной войны в системе Народного Комиссариата Обороны (НКО) существовал орган военной контрразведки «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам»), возглавлявшийся В.Абакумовым (1908-1954). «Смерш» подчинялся лично Сталину и занимался разоблачением вражеских агентов в районе ведения боевых действий и на освобожденных территориях, а также проверкой благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена или вышедших из окружения. В 1946 году на базе НКГБ и «Смерш» было создано Министерство Государственной Безопасности (МГБ). С 1946 года НКГБ и МГБ возглавлял В.Меркулов (1895-1953) (расстрелян).
После смерти Сталина Берия еще раз объединил органы внутренних дел и органы государственной безопасности в единое министерство – МВД и сам возглавил его, однако в 1953 году был арестован и вскоре расстрелян. Министром внутренних дел стал С.Круглов (1907-1977). В марте 1954 года был создан Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, отделившийся от МВД и просуществовавший до 1991 года. Его председателем назначили И.Серова (1902-1990). На этом посту его последовательно сменяли А.Шелепин (1918-1994), В.Семичастный (1924-2001), Ю.Андропов (1914-1984) (находился в должности около 15 лет), В.Федорчук (1918-1982), В.Чебриков (1923-1999), В.Крючков (р.1924), Л.Шебаршин (р.1935), В.Бакатин (р.1937).
В послевоенный период (1947) была также попытка объединить внешнеполитическую и военную разведки в рамках единого органа – Комитета информации (КИ), который возглавил В.Молотов (1890-1986), сохранивший за собой и пост Министра иностранных дел СССР. Однако, КИ просуществовал недолго и его функции вновь отошли соответствующим подразделениям НКГБ и Минобороны.

Три этапа в истории советских спецслужб. История советских спецслужб – это история утверждения в России советской власти и борьбы с ее врагами и теми, кто был заподозрен в недостатке идеологической лояльности. Спецслужбы становятся гигантской машиной, в работе которой участвуют десятки тысяч людей, призванных осуществить выведение в СССР «нового человека» с помощью репрессий. В истории советских спецслужб можно выделить три главных периода: революционный, сталинский и поздне-советский.
Революционный трибунал и рождение «нового человека». Революционный период и примыкающий к нему период гражданской войны отличался преобладанием «революционного права», согласно которому юридические процедуры были сведены к минимуму, и решения о жизни и смерти людей решались на месте «революционным трибуналом» («тройками»). В этот период по приказу партии от рук ЧК погибли десятки тысяч людей.
На этом этапе советские спецслужбы осуществляют не просто социальную, но почти «эсхатологическую» функцию – отделяют «светлых» от «темных», «праведников» от «грешников», и участь «темных» (с точки зрения большевистской идеологии) незавидна – их просто уничтожают.
ЧК становится главным аппаратом идеологического террора, а так как в эту эпоху само понимание порядка, закона и нормы напрямую связано с идеологическими представлениями большевиков, то советские спецслужбы действуют не столько от имени государства, сколько от имени «рабочего класса» и коммунистической партии («авангарда рабочего класса»). Они не просто следят за соблюдением порядка (как спецслужбы в обычное время), но этот порядок устанавливают, формируют и закладывают его основные ориентации.
Методы, которыми пользуются чекисты, отчасти продолжают те, которыми пользовались сотрудники Охранного отделения или спецслужбы других государств (слежка, сбор информации, анализ данных, аресты, дознания, засылка провокаторов, вербовка агентуры и т.д.), но смысл их деятельности существенно отличается: чекисты создают новое государство и новое общество, утверждают «нового человека» социализма, а так как в прошлом у них нет никаких исторических прецедентов, то они вынуждены в этом процессе широко экспериментировать. Иногда эти эксперименты приобретают чудовищный характер, основанный на насилии, жестокости и полном отсутствии гуманизма.
Чистки сталинской эпохи. Второй период истории советских спецслужб приходится на сталинский период и заканчивается смертью Сталина и, чуть позже, арестом и расстрелом Берии. С середины 1920-х годов Советский Союз постепенно обретает черты устоявшейся государственности, и правовая система начинает функционировать более упорядоченно. Задача НКВД перестает быть «чрезвычайной» (как при ВЧК) и заключается отныне в обеспечении советской законности, обладающей юридическими чертами. Чекисты первых лет революции создавали законность, их последователи из ОГПУ и НКВД ее укрепляют и защищают.
Однако и в этот период «чрезвычайные» меры предпринимаются с определенной периодичностью. Это явление получило название «чисток». «Чистки», направленные против недостаточно «сознательных элементов»,

проводятся во всех ведомствах и министерствах СССР, начиная с партийных рядов, гражданских учреждений и вплоть до силовых структур – армии и самих спецслужб. Задача «чисток» выявить тех людей, в которых новый большевистский порядок проник «недостаточно глубоко», и они либо «поддались идеологическому уклону», либо совершили (вариант: «готовились совершить») поступки, «несовместимые с пролетарской сознательностью и коммунистической нравственностью». Особое внимание было уделено разоблачению деятельности «шпионов», работающих против «молодой советской государственности» в пользу «капиталистических держав».
Под маховик «чисток», когда заслуженно, а часто – нет, попадают многие революционеры, включая самих военноначальников и руководителей спецслужб, видные большевики, бывшие соратники Ленина. Никто не может быть гарантирован в тот период от доносов, арестов, ссылок и казней, при этом, как и в архаических традициях древних обществ, репрессии распространялись и на семьи жертв чисток – жен, детей, родственников, которых ссылали, арестовывали и уничтожали за преступления других членов семьи.
Было бы крайностью утверждать, что все жертвы «чисток» были «невинно оклеветанными и павшими от разгула произвола». Но столь же неверно полагать, будто все миллионы замученных, казенных, сосланных и расстрелянных в годы сталинских репрессий были «виновны в тех преступлениях, за которые понесли наказание». Чтобы правильно осознать эти кровавые страницы русской истории (быть может, самые кровавые из всех), необходимо учитывать, какую небывалую задачу всерьез ставили перед собой большевики – они хотели самым радикальным образом изменить реальность мира и природу человека. У идеологического государства главным инструментом были идеологические спецслужбы, которые и призваны были сломить сопротивление всего «старого» (культуры, психологии, сознания, традиций, обычаев, мышления) и вырастить на этом месте все «новое».
Своеобразным историческим документом, ярко свидетельствующим о духе той эпохи, являются мемуары одного из бывших руководителей советской разведки и контрразведки Павла Анатольевича Судоплатова (1907-1996) – «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы».
Деятельность КГБ и деидеологизация советских спецслужб. Третий период истории советских спецслужб начинается после смерти Сталина, когда советское государство по умолчанию посчитало, что основные идеологические задачи выполнены, и «новое» уже стало фактом. Отныне радикально изменились и задачи спецслужб. В 1954 году из структуры НКВД выделили КГБ, который взял на себя функции спецслужб (разведка, контрразведка, политический сыск и т.д.), оставив МВД функции, связанные с борьбой с преступностью и охраной общественной правопорядка.
КГБ являлся уникальным феноменом, не имевшим по своему комплексному характеру никаких аналогов в мире. В него входили
- внешняя разведка (Первое главное управление, известное как ПГУ),
- контрразведка (Второе главное управление),
- военная контрразведка (Третье главное управление),
- подразделения по обеспечению безопасности транспорта и связи (Четвертое управление),
- идеологическая контрразведка и политический сыск (Пятое главное управление),

- экономическая контрразведка (Шестое управление),
- служба наружного наблюдения (Седьмое главное управление),
- шифровальная служба (Восьмое главное управлениие),
- охрана высшего руководства СССР и КПСС (Девятое главное управление),
- следствие (Следственное управление),
- пограничная охрана (Главное управление пограничных войск),
- специальные войска (Главное управление спецвойск),
- служба дешифровки и радиоперехвата (Шестнадцатое главное управление),
- разветвленная система специальных учебных заведений и научно-исследовательских центров и т.д.

Также в структуре КГБ в послевоенный период были созданы легендарные спецподразделения «Альфа» (антитеррор) и «Вымпел» (проведение спецопераций за рубежом).

Общая численность КГБ к 1991 году составляла около полумиллиона человек. Этот гигантский механизм позволял ликвидировать межведомственные барьеры, быстро маневрировать силами и концентрировать их на важнейших в данный момент направлениях, сокращать финансовые и материальные затраты, избегать дублирования в работе, успешно осуществлять комплексные долговременные операции. Все это существенно повышало результативность деятельности КГБ по сравнению со спецслужбами противника и, в первую очередь, США, так называемое «разедсообщество» которых насчитывает около двух десятков разрозненных структур. Образ коварного и всесильного агента из КГБ прочно вошел в западную культуру и систему представлений о Советском Союзе по фильмам о Джеймсе Бонде и политическим детективам таких писателей, как Т.Клэнси, Ф.Форсайт и Дж.Ле Каре.

КГБ СССР не проводил массовых чисток, занимаясь конвенциональными задачами, похожими на деятельность «Третьего отделения» и Охранки в царской России, или спецслужб иностранных государств. Идеологическая работа и противодействие антисоветским настроениям по-прежнему стояла в центре внимания, но никаких массовых репрессий, а тем более чудовищных экспериментов по выведению «нового типа человека» больше не велось. Против отдельных диссидентов принимались меры репрессивного характера – заключение по надуманным обвинениям уголовного толка, помещение на принудительное лечение в психиатрические клиники или высылка. Но по сравнению с масштабом предшествующих этапов идеологического террора это были отдельные и, в целом, незначительные эпизоды.

КГБ к концу советского периода утратил свои идеологические функции, занимаясь защитой государственных интересов, подобно спецслужбам большинства государств. Подтверждение этому легко увидеть в том факте, что КГБ не сумел предотвратить идеологический переворот, начатый М.С.Горбачевым и завершенный Б.Н.Ельциным, в результате которого коммунизм был низвергнут. Августовский «путч» 1991 года, известный по аббревиатуре ГКЧП (Государственная Комитет по Чрезвычайному Положению), в котором принимал участие глава КГБ В.Крючков, был жалкой «пародией» на контр-переворот, учитывая те колоссальные возможности влияния и власти, которые КГБ имел в это время, но которые так и остались незадействованными. Более того, по мнению некоторых экспертов, именно необдуманные, поспешные и откровенно провокационные действия ГКЧП (например, ввод войск в центр Москвы) стали «триггером», спровоцировали такой стремительный распад СССР, явившийся неожиданностью как для

советского народа, так и для геополитических оппонентов нашей страны за рубежом.
Операции советских спецслужб. История ВЧК-ОГПУ-КГБ, с одной стороны, и военной разведки ГРУ, с другой, имеет множество ярких страниц. Крупнейшими операциями советских спецслужб за весь период их существования стали:

- разоблачение в 1918 году «заговора послов», готовившегося против Советской России послами ряда западных держав,
- в 20-е годы - операции «Трест» и «Синдикат-2», в ходе которых ВЧК, действуя в лучших традициях «Охранки», создала несколько вымышленных антисоветских организаций, благодаря которым выманила на территорию СССР и захватила Б.Савенкова (1879-1925) и британского агента С.Рейли (1874-1925), а также разгромила их подпольные структуры,
- в 30-е годы - операция «Утка» (по ликвидации в Латинской Америке Л.Троцкого),
- «Кембриджская пятерка» (вербовка перспективных студентов Кембриджского университета, которые в последствии заняли ключевые посты в британских спецслужбах),
- в период Великой Отечественной войны – «Красная Капелла» (создание разветвленной антифашистской агентурной сети, действовавшей в Западной Европе),
- операции «Монастырь» и «Березино» (когда на протяжении нескольких лет велись радио-игры и осуществлялась дезинформация немецкой разведки),
- комплекс мероприятий внешней разведки по срыву сепаратных переговоров между Великобританией и США, с одной стороны, и Гитлеровской Германией, с другой,
- в послевоенный период – операция «Эноморз» (по добыванию американских атомных секретов),
- «Портлендская операция» (проникновение советской нелегальной разведки к военно-стратегическим секретам Великобритании),
- получение документальных материалов о планах НАТО по нанесению ядерных ударов по нашей стране («Дроп-шот», «Военный план САК ВВС», «СИОП-62» и др.),
- уникальная спецоперация по захвату дворца Амина в Афганистане в 1979 году,
- дело Олдрича Эймса (р.1941) – высокопоставленного сотрудника ЦРУ, отвечавшего за ведение контрразведывательной работы против СССР и в 1980-е годы добровольно согласившегося на сотрудничество с советской разведкой, благодаря чему удалось раскрыть около двадцати предателей в КГБ, ГРУ и других советских госорганах, работавших на американцев (Эймс был разоблачен только в середине 90-х), и
- многие другие успешные операции, большинство из которых никогда не будет предано огласке.

Судьбы страны – судьбы чекистов. Судьбы советских спецслужб неотделимы от судеб и циклов советской государственности. Когда эта государственность создавалась, чекисты активно соучаствовали в ее кровавом рождении. Когда она крепла, они ее еще более укрепляли. Когда она шаталась и рушилась, чекисты этому не воспрепятствовали, а в некоторых случаях и помогли (многие сотрудники КГБ СССР в 1990-е годы нашли себе уютные места

в либерал-реформаторских и олигархических структурах, частных банках и т.д.).
Спецслужбы Российской Федерации – Служба Внешней Разведки (СВР); Федеральная Служба Контрразведки (ФСК), в 1995 году преобразованная в Федеральную Службу Безопасности (ФСБ); Федеральная Пограничная Служба (ФПС); Главное управление охраны (ГУО) и Служба безопасности Президента (СБП), позже реорганизованные в Федеральную Службу Охраны (ФСО); Федеральное Агентство Правительственной Связи и Информации (ФАПСИ); Управление Спецпрограмм Президента, -- в 1990-е годы стали правопреемниками КГБ СССР и были учреждены как организации, не имеющие перед собой никаких политических и идеологических задач, кроме осуществления разведывательной, контрразведывательной деятельности, защиты конституционного строя, охраны высших должностных лиц и т.п. Указанное разделение было продиктовано исключительно идеологическими мотивами, желанием максимально раздробить и ослабить КГБ, в котором младо-реформаторы видели угрозу «коммунистического реванша». Впервые за всю историю российской государственности их деятельность, права и обязанности, принципы, формы и методы работы стали регламентироваться на законодательном уровне.
В 2000-е годы по инициативе Президента России В.Путина в целях оптимизации и повышения эффективности работы в несколько этапов была проведена крупномасштабная реформа российских спецслужб. В результате, в состав ФСБ вошли ФПС и частично ФАПСИ (другую часть ФАПСИ поглотила ФСО). Наряду с СВР, Управлением спецпрограмм Президента и ГРУ Генштаба ВС РФ, указанные ведомства составляют костяк российских спецслужб. На политическом уровне они подотчетны и управляются непосредственно Верховным Главнокомандующим -- Президентом Российской Федерации. Координирующие и контролирующие функции выполняет Совет Безопасности, а также отраслевые комитеты Госдумы и Совета Федерации.
Приоритетными задачами российских спецслужб на современном этапе является добывание информации о враждебных намерениях иностранных государств в отношении РФ, в т.ч. планах по использованию объективно существующих внутренних конфликтов, политических, социально-экономических и религиозных противоречий для дестабилизации обстановки, пресечение деятельности иностранных спецслужб на нашей территории, борьба с внутренним и международным терроризмом, незаконным распространением оружия массового поражения и ядерных материалов, контрабандой наркотиков, содействие повышению обороноспособности страны и охрана ее государственных границ, комплексное противодействие коррупции в органах государственной власти и проникновению в ее ряды организованной преступности. С 2006 года после ряда террористических актов, проведенных в отношении российских граждан и официальных лиц за рубежом (в т.ч. убийства в Ираке нескольких российских дипломатов), в законодательство были внесены изменения, разрешающие Президенту РФ использовать спецподразделения ФСБ при проведении спецопераций за пределами России.

Контрольные вопросы

1.Когда и кем в России были созданы спецслужбы?
2.Почему, на ваш взгляд, Охранка не смогла воспрепятствовать свержению монархии в 1917?

3.Чем оправдывали и объясняли чекисты жестокость и антигуманизм своих действий?
4.В чем состоял смысл сталинских «чисток» и против кого они были преимущественно направлены? Было ли это связано ли это с процессом «ротации элит»?
5.Как менялись функции спецслужб на разных этапах советской истории?

6.4. Армия, спецслужбы и суверенитет в современной России.

«Трансформация миропорядка и появление новых угроз
требуют от наспостоянного военно-стратегического анализа обстановки.
В современных условиях, когда ситуация динамично меняется,армия должна быть готова к тому,
чтобы адекватно реагировать на возникающие угрозы.
И потому ее структуры, боевые возможности,
тактика и оперативное построение должны быть гибкими и мобильными.»
В.В.Путин

Новейшие вызовы и новое содержание стратегического суверенитета. Военная реформа в современной России призвана превратить российские вооруженные силы в современную компактную структуру, способную дать эффективный ответ на новейшие вызовы.
Качество этих вызовов и, соответственно, возможность дать на них ответ зависит от общего баланса сил, который сложился в мире после конца «Холодной Войны». Вооруженным силам и специальным службам современной России необходимо укрепить и сохранить государственный суверенитет в кардинально новых условиях. И для этого важно определить основные параметры этого суверенитета.

Однополярный мир как главная угроза России. Военный потенциал США (шире, блока НАТО) является сегодня самым развитым и многократно превосходит количественно и качественно те вооружения, которые есть в распоряжении России. Даже в эпоху СССР при авторитарной системе правления, контроле над огромными территориями в Европе и Азии, напряжении всех внутренних сил, Москве не удалось эффективно конкурировать с США в вопросе гонки вооружений. Паритет был нарушен. Распад Варшавского договора и роспуск СССР еще более увеличил эту ассиметрию, сделав военное могущество США безальтернативным.
Это привело к созданию системы стратегической однополярности, при которой военная мощь США становится главным фактором в решении потенциальных конфликтов в любой точке планеты. Такой баланс сил сопровождается процессом глобализации, в ходе которой экономическая, технологическая, информационная и социально-политическая система, выработанная в странах Запада, становится общеобязательной для всех остальных стран. Запад и, в первую очередь, США транслирует свою модель всем остальным, постоянно

увеличивая свои преимущества от того, что ключи к этой системе находятся на Западе, там же устанавливаются и основные правила. При том, что возможность решить спорную ситуацию военным путем также находится в руках только одной стороны (США), это создает новую стратегическую картину миру, где есть четко выраженный центр («богатый Север», атлантическое евро-американское сообщество) и мировая периферия. Эта картина воспроизводит модель мировой глобальной империи – с метрополией на Западе и зоной глобальных провинций во всех остальных странах.

Ценности глобальной «неоимперии». В качестве общей «неоимперской» системы ценностей (или «сетевого протокола») служат основные моменты глобализма:

- рыночная экономика,
- преимущественное развитие финансового и спекулятивного сектора («новая экономика»),
- либеральная демократия парламентского типа,
- информационное общество,
- «права человека»,
- космополитизм (глобальное «гражданское общество»),
- мягкая идеология индивидуализма,
- культура постмодерна,
- сетевые технологии.

Укрепление такой глобалистской модели параллельно увеличению технологического отрыва в области вооружений в лице США неминуемо приводит к десуверенизации государств. Они все менее и менее способны отстоять свой суверенитет с опорой на собственные военные и экономические силы перед лицом военной мощи США, с которой только и следует сопоставлять военный потенциал каждой из стран. И в то же время постепенно сокращается то социально-культурное и политическое поле, в пределах которого народы способны утвердить свою идентичность перед лицом унификационного кода глобализма.

Неудовлетворительность изоляционизма. Такое положение ставит перед Россией и ее вооруженными силами специфическую задачу: как в таких условиях отстоять и укрепить ее суверенитет? Путь изоляционизма в этом вопросе был уже испробован в эпоху СССР. При всех колоссальных усилиях это не дало результата, и перенапряжение сил только ускорило крах всей системы. Опыт 1990-х годов, когда Россия слепо следовала за Западом и некритически втягивалась в процессы глобализации, в свою очередь, показал, что такой процесс приведет лишь к окончательной десуверенизации и превращению страны в беспомощную и несамостоятельную колонию. Такую печальную судьбу предрекают России многие американские аналитики – в частности, Збигнев Бжезинский.
Реформа вооруженных сил должна проистекать из ответа на этот главный вопрос.

Случай Китая. Среди современных держав, яснее других осознающих проблему однополярного мира и глобализации, выделяется Китай, который идет по пути экономических реформ, но стремится сохранить политический и военный суверенитет в своих руках, используя только те аспекты глобализации,

что укрепляют Китай, и отбрасывая те, что его ослабляют. Огромные инвестиции правительство Китая вкладывает в военное строительство и в сферу высоких технологий.
Китай острее остальных понимает противоречия однополярного мира и стремится любой ценой отстоять статус самостоятельного геополитического полюса. Проверка этой самостоятельности лежит в возможности конкурировать в военной сфере с США, пусть с помощью ассиметричных ответов. США прекрасно осознают смысл стратегии Китая и рассматривают эту страну как наиболее вероятного военного противника в будущем. Политическая ситуация с Тайванем, который Китай считает своей территорией, а США и Запад -- самостоятельным государством, является пробным камнем такого баланса сил. Как только Пекин будет убежден, что он в состоянии присоединить Тайвань, не рискуя вступить в прямой военный конфликт с США, он, видимо, это проделает. Этот момент и станет моментом истины состоятельности китайской военной стратегии и проверкой адекватности всей избранной им модели решения «теоремы глобализации и однополярности».
Ассиметричный ответ России. Пример Китая дает вектор, в котором России следует развивать собственную стратегию безопасности. Если решимость политического руководства России будет не менее последовательной и твердой, чем у лидеров Китая, то самым вероятным направлением военной реформы будет ориентация на ассиметричный ответ.
Это означает:
- укрепление стратегического потенциала для отражения возможной агрессии в формате войн пятого поколения, подразумевающее сохранение и модернизацию имеющегося ядерного оружия и средств его доставки, в т.ч. с учетом выхода США из договора по ПРО 1972 года и началом развертывания ими глубокоэшелонированной системы национальной противоракетной обороны (НПРО), что потребует от России возврата к использованию боеголовок с разделяющимися головными частями (РГЧ);
- эволюция военного искусства применительно к новым геополитическим и цивилизационным условиям, модернизация и перевооружение армии оружием шестого поколения (высокоточным оружием, оружием на новых физических принципах), размещаемым во всех природных средах (земля, вода, воздух, космос);
- развитие глобальной системы слежения за пусками межконтинентальных ракет во всем мире, трансформирование существующей ПВО в национальную систему воздушно-космической обороны, способной защитить страну от поражения высокоточным оружием;
- разработка новой военной доктрины с учетом перехода развитых стран на постиндустриальную (информационную) стадию развития, совершенствование системы управления войсками на основе интеграции разведывательной и иной информации, обеспечения оперативного и безопасного доступа к ней всех заинтересованных пользователей, как на тактическом, так и на стратегическом уровнях;
- перевод деятельности российских спецслужб в новый информационный и организационно-управленческий формат, позволяющий адекватно и эффективно реагировать на угрозы постмодерна и сетевых технологий;
- проведение эффективной внешней политики, направленной на укрепление позиций России на постсовестком пространстве и в других дружественных странах, в т.ч. продолжение усилий по созданию нового военно-политического

союза (ОДКБ);
- активизация военно-технического сотрудничества (ВТС), заключающегося в продаже вооружений и оказании сопутствующих услуг (поставка комплектующих, ремонт и модернизация ранее поставленных образцов, подготовка военных кадров, ведение совместных научно-исследовательских разработок и т.д.), с учетом геополитических интересов России;
- целевые инвестиции средств, полученных от экспорта природного сырья, в развитие высокотехнологичных секторов вооружений и новых видов оружия, государственная поддержка военно-промышленного комплекса, включая широкую сеть научных, образовательных и производственных циклов, тесно интегрированных с нуждами гражданского производства т.е. восстановление на новом уровне советской «империи ВПК»;
- концентрация креативной интеллектуальной элиты в военном секторе и спецслужбах, повышение социального статуса и престижа военнослужащих, их материального обеспечения, подъем политического и державного самосознания в юношестве и в самих вооруженных силах (в том числе и через введение института «полковых священников», социальную рекламу, популяризации отечественной армии и спецслужб в кино, на телевидении, в художественной литературе и т.д.);
- постепенный переход к компактной высокопрофессиональной армии в сочетании со всеобщей начальной военной подготовкой населения, чтобы обеспечить предпосылки для его мобилизации в случае глобального конфликта.

Не закрываясь от контактов с внешним миром, но и не втягиваясь в процессы, объективно ведущие к десувернизации, Россия, следуя этой линии в военной реформе, сможет в будущем снова стать самостоятельным полюсом. При этом маловероятно, что России удастся стать вторым полюсом, как в эпоху СССР. Скорее всего, следует предполагать организацию многополярного мира, где несколько полюсов, кроме США, будут обладать ассиметричной, но внушительной военной силой, способной при необходимости отстоять свой суверенитет перед лицом американской войной мощи.

Второй полюс, призванный уравновесить мощь США может быть на сей раз коллективным (составным) и образоваться на основе стратегического альянса нескольких ядерных держав.

Военно-политический аспект многополярности. Кроме России и Китая к такой же стратегической позиции движутся другие ядерные державы – Евросоюз (где Франция и Великобритания обладают ядерным оружием), постепенно отдаляющийся по своим геополитическим интересам от США Индия и Пакистан. Северная Корея уже получила, а Иран стоит на пороге получения ядерного оружия, что рано или поздно сделает и их участниками ядерного клуба. Конечно, разрыв между американскими вооруженными силами и армиями остальных стран будет сохраняться, но жесткая ориентация на сохранение суверенитета каждого из потенциальных полюсов будущего многополярного мира и адекватные меры по модернизации собственного военного потенциала вполне могут дать искомый результат.

Будущее российской государственности напрямую зависит от того, сможет ли российское руководство провести в сжатые сроки эффективные реформы в сфере модернизации вооружений и вооруженных сил.

Сетевые войны и новые вызовы для российских спецслужб. Рост

американского военного могущества и стратегическая система однополярного мира порождают внешнюю угрозу. Явление глобализации, расширение зоны охвата и глубина проникновения сетевых технологий порождают угрозу иного рода, связанную на сей раз с размыванием суверенитета изнутри.
Способ ведения и методология сетевых войн, которые развертываются в информационной и социальной сферах, относятся к компетенции не столько собственно вооруженных сил, сколько спецслужб. В прежние эпохи российские и советские спецслужбы не сталкивались с подобными вызовами, решая более понятные задачи либо по защите государственной системы от «шпионов» и деструктивных элементов, либо создавая в огне большевистской революции «новых людей» (через уничтожение «старых»). Противодействие сетевым войнам не может быть сведено ни к первой, ни ко второй задаче, и не является привычным делом спецслужб.
Сетевые войны – явление постмодерна, постиндустриального общества, а закономерности, связанные с этим обществом, еще далеко не изучены даже на уровне теоретической мысли, не говоря уже о практическом применении соответствующих технологий. Распространение сетевых стратегий сегодня осознается как угроза только в том случае, когда на их базе происходит формирование конкретного политического процесса, наносящего прямой вред российским интересам (как это было на Майдане во время оранжевой революции в Украине, в Грузии при действиях молодежной «Кмары» и различных фондов – «Фридом Хаус», Фонд Сороса и т.д.). Пока сетевые структуры распространяются сами по себе – в форме «безобидных» гуманитарных организаций, благотворительных фондов, инстанций, раздающих научные и культурные гранты, социологических и этнологических сетей и т.д. – они не ассоциируются с «чем-то опасным». Еще менее заметны сетевые операции в сфере цифровых коммуникаций, компьютерных систем, развития интерактивных СМИ и т.д. Однако именно в этой области сетевые стратегии закладывают подспудное распространение определенных кодов, незаметно структурирующих психику и сознание человека. В постмодерне действует правило: «сам факт сообщения уже есть само сообщения». Неважно, что транслируется в ходе информационного обмена, самое «пустяковое» сообщение может быть неслучайным кодом, к которому сетевые стратеги «привязывают» особую систему психологических и побудительных ассоциаций.
Новейшие исследования в области психологии и физиологии выделяют те знаки, цвета, сочетания звуков и фигур, которые влияют у людей разных культур на психические, нервные и даже биологические центры. С помощью развития мировых сетей, доступ к которым ничем не ограничен и никем не контролируется, становится возможной прямая манипуляция с человеческим сознанием – причем в масштабах, доселе неизвестных человечеству.
Эффективное противодействие таким новейшим формам сетевых войн требует от российских спецслужб иного уровня компетенции, понимания этих процессов и способности оперативно отделить опасные сетевые стратегии от безопасных.
В ходе сетевых войн операторы проводят тонкую работу по разрушению общественного самосознания, дроблению народного целого до уровня отдельных атомарных личностей, распространению скептического отношения к государству, политике, суверенитету, армии, истории. Людей, активно живущих в глобальных сетях, приучают к восприятию себя как «граждан мира», для которых неважно в какой точке они находятся, на каком языке общаются, к какой культуре принадлежат. Люди начинают отделять себя от

структурированных ценностных систем, приучаются жить отдельными разрозненными импульсами без общей целеполагающей модели, проекта или плана на будущее. Таким образом, подтачивается то коллективное самосознание, та идентичность, которые лежат в основе государственности и наделяют суверенитет качеством высшей ценности.
Противодействие сетевым стратегиям, направленным на десуверенизацию России не в меньшей степени, чем угроза прямой военной агрессии, является главной задачей российских спецслужб нового поколения.

Судьба России в руках ее воинства. Российская государственность изначально и на всех этапах своей истории опиралась на ее воинство, которое никогда не было отделено от политической элиты, а иногда и полностью с ней совпадало. В новых исторических условиях эта задача с российской армии и спецслужб отнюдь не снята. Более того, сегодня в очередной раз именно от них зависит, будет ли Россия завтра великой и свободной, и будет ли она вообще.

Контрольные вопросы

1.Какое отношение современная российская армия имеет к «суверенной демократии»?
2.Чем однополярный мир угрожает России? Обоснуйте свой ответ.
3.Как Россия должна учитывать опыт современного Китая и в чем он состоит?
4.Ведутся ли против России «сетевые войны»? В чем их смысл?
5.Произойдет ли в дальнейшем новая идеологизация российских спецслужб?

Примечания:

(1) К.Клаузевиц «Война в человеческом обществе - война целых народов, и притом народов цивилизованных,- всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими способами. То, что остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств.»

Оглавление

Часть 3 КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Раздел 7. РЕЛИГИЯ, САКРАЛЬНОСТЬ, МИФ

7.1. Содержание религий. Типы религиозных конфессий

"Традиционной цивилизацией мы называем цивилизацию, основанную на высших духовных началах,

то есть такую, в которой духовный порядок господствует надо всем остальными,
и все остальное прямо или косвенно от него зависит;где как наука, культура и общественные институты суть лишь нечто второстепенное, не имеющее самостоятельного значения приложение чисто духовных идей."
Р.Генон

Определение «религии». Связь с Первопричиной.
Религия есть институционализированная форма отношения человека и человеческого общества к Первоначалу. Чаще всего это Первоначало в религиях называется *Богом*, Высшим Существом, Создателем Вселенной и ее Господином. Но есть религии, которые понимают Первоначало как нечто безличное, как абсолютный объект (Брахма в индуизме), высшее состояние («нирвана» в буддизме) или неуловимое диалектическое начало («дао» в китайском даосизме).
Религия предлагает человеку и обществу верить в Первоначало и строить на основании этой веры всю свою жизнь, основывая на ней поведение, мысль, нравственность, культуру, политику. Религия всегда содержит в себе развитые системы, истолковывающие эту веру, применяющие ее основные положения к окружающему миру и подкрепленные авторитетом великих деятелей (пророков, святых, учителей, подвижников, праведников).

Слово «религия» произошло от лат. «religio» («связываю») и призвано особо подчеркнуть связь человека с Причиной мира, чаще всего предстающей в виде Божественной Личности. В религии человек мыслится как следствие творческой активности Бога, и ее главной задачей является установление прямой (или опосредованной кастой жрецов) связи следствия с Причиной.

Религия включает в себя теоретическую и практическую часть.

Теоретическая часть религиозного учения. Теоретическая часть религии состоит из догматов, учений, мифов, символов и преданий, обучение которым составляет основу религиозного воспитания и образования. Все религиозные системы – даже самые примитивные – дают обширное описание окружающего мира, сообщают знания о его организации, происхождении, истории.
Религиозные учения дают представление о:
- самом Первоначале (Боге),
- том, как Оно соотносится с миром и людьми (Творении, Откровении, Завете, Спасении, Суде и т.д.),
- устройстве природы и человеческого общества (карте устройства видимого и невидимого миров, а также структуре политики, морали, права)
- смысле жизни человека и цели его существования.

Первоначало. Вечность и бесконечность Божества. Вера, на которой основывается религия, предполагает наличие изначальной реальности Божества,
- стоящей вне времени и пространства,
- не подверженной изменению,
- ни от кого и ни от чего не зависящей,
- не подчиняющейся никакой высшей силе или закону.

Божество абсолютно, вечно и бесконечно. Оно само есть исток времени,

пространства, мира, бытия, реальности. Оно превосходит все, что мы видим, можем себе помыслить или представить. Вечность и бесконечность мыслятся здесь не как «очень большая временная длительность» или «очень большая пространственная протяженность», но как такое состояние бытия, где все время пребывает в состоянии одновременности, а все пространство равнодоступно в любой точке. В Божестве сходятся противоположности, на которых основан физический мир, в нем преодолеваются все противоречия и оппозиции космоса. Аристотель называл Божество «недвижимым двигателем», т.е. Началом, пребывающем в покое, но являющимся причиной всех движений и всякой жизни. Бог абсолютно превосходит мир, является «трансцендентным» (лат. «transcendere» - «превосходить», «пересекать границу») по отношению к нему.

В этом абсолютном превосходстве Божества над миром религия видит уникальный шанс для человеческого существа изменить свое качество – как существа смертного, ограниченного и конечного. Раз Бог бесконечен, вечен и неизменен, то любой человек в любой момент времени и в любой точке пространства может обратиться к Нему и имеет шанс быть Им услышанным и принятым.

Религия представляет собой своего рода *топографическую карту*, призванную помочь человеку *найти путь к Первоначалу* и в корне изменить в процессе этого пути свое качество.

Все религии обещают людям как высшую награду встречу с Богом – через спасение, искупление, освящение, в некоторых случаях даже «обожение». Фигуры праведников, пророков, мудрецов, святых, чудотворцев, мучеников служат образцом того, каких результатов можно достичь, двигаясь в этом направлении.

И наоборот, все религии красочно описывают, какие муки ждут грешников после смерти в аду и составляют подробные перечни тех поступков, деяний или грехов, которые ни в коем случае нельзя совершать тем, кто не хочет там оказаться.

В Боге смертный и конечный человек сталкивается с бесконечностью и вечностью собственной Причины, и этот фундаментальный опыт, если он свершается до наступления физической смерти, радикально меняет саму структуру человеческого бытия. Любой религиозный человек пусть отдаленно и смутно, но предчувствует и предвосхищает этот потрясающий основы души опыт, угадывает его в религиозной культуре, искусстве, обрядах и обычаях, делает его для себя высшей ценностью.

Первоначало познается только в контексте самой религии. Разные религии по-разному описывают Первоначало. У историков религий при толковании Первоначала всегда возникало искушение либо выстроить логическую систему, основанную на сравнении религий между собой, либо взять за образец ту религию, которая была известна им лучше всего (чаще всего христианство), и отталкиваться от того, как она видит это Первоначало. И тот, и другой метод дают откровенно неприемлемые результаты, так как невозможно даже приблизиться к постижению Первоначала, как его понимает сама данная религия, не пройдя весь путь религиозного опыта в контексте этой религии, а на это требуется вся жизнь. Повторить такой опыт в контексте другой религии, чтобы добраться уже в новой духовной среде до Первоначала, практически невозможно. А те, кто меняет вероисповедания, либо бросают все на полпути, либо вообще не собираются двигаться по религиозному маршруту вглубь,

предпочитая скольжение по поверхности. Лишь в исключительных случаях человек меняет вероисповедание по глубинным основаниям, но и это не гарантирует объективности в оценке прежней веры, раз человек от нее отказался. Извне составить себе внятное представление о том, как та или иная религия понимает Первоначало, практически невозможно. И остается только формально повторять то, что религиозные догмы, учения и символы описывают это Первоначало, без попыток толкования или сравнения.
Так неверно называть, например, буддизм «атеизмом» на том основании, что в нем нет понятия Личного Бога. Абсолютное Первоначало в буддизме есть, оно утверждается и признается, но обнаруживается оно не в Высшей Личности, а в «состоянии» («нирвана»), когда рассеивается иллюзия космического потока и его химеры в форме существ, вещей, явлений и даже богов.
Структура отношений Бога к миру и человеку. Отношение Первоначала с миром в каждой религии совершенно особое, раз особым является уже само Первоначало. Разные взгляды на Первоначало порождают не только разные отношения Его к миру, но и разные представления о мире и человеке. Практически всегда Первоначало видится как Причина, а человек и мир как следствия, но это общее наблюдение в каждой конкретной религии развертывается по-разному, составляя богатейшую палитру религиозных картин мира.
Каждая из этих картин содержит в себе:

- космогонию (греч. «космос» - «мир», «порядок», описание происхождения мира),
- священную историю (описание того, как складывались отношения Первоначала с миром и человеком во времени),
- кириологию (греч. «кириос» - «господин», учение о характере и формах господства Первоначала над миром),
- сотериологию (греч. «сотер» - «спаситель», учение о спасении, его методах и путях),
- экклесиологию (греч. «экксслесия») – «церковь», учение о церкви, ее устройстве, ее месте в мире и истории, ее этапах),
- эсхатологию (греч. «эсхатон» - «конец», учение о финальной судьбе мира, его конце, суде и, в некоторых случаях, новом начале).

Эти направления обобщенно описывают те отношения, в которых находится Божество к проявленному миру. Бог создает его (космогония), соучаствует в нем (направляя Провидением, Промыслом священную историю), управляет им (как Господин), спасает его (или его самую достойную часть), пребывает в нем (в форме священного присутствия, в форме самого религиозного институту, церкви), предуготовляет его завершение (так как все имеющее начало должно иметь конец).
Разные религии ставят акценты на разных направлениях. Христианство ставит на первое место сотериологию (спасение), иудаизм – священную историю, индуизм – космогонию, зороастризм – эсхатологию и т.д. Но в той или иной степени все религии имеют свое видение этих фундаментальных связей Бога и мира, что составляет уникальное содержание каждой из них.

Три мира и структура духовного опыта. Религия, как правило, рассматривает физический мир как часть более обширной реальности, включающей в себя высшие миры (рай, небо) и низшие (ад, преисподнюю). Физический мир расположен между высшими и низшими мирами, которые для верующих людей

воспринимаются почти столь же реально, как материальный мир для всех остальных. Это тоже опыт, но оперирующий с иными формами восприятия - интуициями, ощущениями, озарениями, мысленным проникновением внутрь вещей, подчас, видениями и мистическими переживаниями. Невидимые миры и сущности, их населяющие, являются также объектами веры, которые неотделимы от полноценного религиозного миросозерцания.
В этом отличие религии от философского понимания Бога. Религия утверждает не просто абстрактное философское понятие, но живой контакт с высшей реальностью, что требует от тех, кто принимает религию, признавать все основные теоретические установки – т.е. верить также в ангелов и демонов, небесные и подземные миры, в земной рай и грядущий конец света, в Страшный Суд и чудеса, совершенные святыми и пророками, в действенность обрядов и таинств, в абсолютную истинность догматов и основных пунктов религиозного учения. Только в таком случае религия приведет верующего к обещанному, если он, конечно, сумеет пройти весь путь до конца. Сам этот путь неотделим от карты, по которой следует ориентироваться, и тот, кто отрицает карту, отрицает путь и его цель.

Религия - явление цельное и тотальное. Отдельные фрагменты, вырванные из религиозного контекста, никогда не дают о религии полного представления. Религия требует от верующих полного и некритичного доверия, погружения в свою стихию, заведомого признания истинности не только конечной цели, но и тех средств, которые требуются для ее достижения.
Поэтому религия изначально была не личным, но общественным делом, основой общества, его социального и политического устройства. Религия по определению тотальна и стремится к тому, чтобы охватывать все сферы жизни. В этом ее могут ограничивать только те общественные институты, которые основаны либо на атеизме, либо на иной правящей религии. Если позволить религии развиваться по собственной внутренней логике, она рано или поздно охватит своим влиянием все общество – от его высших политико-государственных и правовых уровней, до низших, бытовых.
Религиозное мировоззрение является цельным: в нем все имеет свое место, логику, порядок; процессы начинаются, развиваются и заканчиваются в соответствии с заведомо установленным планом (Провидением).
Религии чаще всего не делают принципиальной разницы между «естественными» («природными») явлениями, событиями и предметами и «искусственными» («культурными»), созданными человеком. Мир и человек, согласно религии, проистекают из Первоначала, которое вместе с тем является и содержанием, и смыслом, и целью всего бытия.
Религия содержит в себе ответы на все принципиальные вопросы человеческого бытия, и неудовлетворительными их находят только те, кто не смог или не захотел дойти в этом поиске до конца. Религия исходит из принципа, что сама она является не прагматическим средством для человека, но самоцелью, так как, углубившись в религию и приняв ее догматы и учения, человек возвращается к глубине своей собственной природы, контакт с которой он утрачивает в мирской жизни, полной пустых волнений и поверхностных суждений. На вопрос «зачем нужна религия?» ответа не существует, практической и материальной цели она не служит. Но у тех, кто хотя бы отдаленно и поверхностно знаком с религией, таких вопросов никогда не возникнет. Человеческому духу религия необходима как воздух для легких в

физическом организме.
Сакральность. Религиозные учения обязательно проецируют представление об устройстве мира на общество, политику, хозяйство и быт, рассматривая явления человеческой жизни как отражение или выражение «высших миров», как след Первоначала. Это лежит в основании «сакральности».
Сакральность (от лат. «sacrum», «освященность», «святость») есть наделение различных природных явлений, исторических событий, культурных установлений, действий, вещей из человеческого обихода или социальной практики духовным и символическим содержанием. В явлении сакральности прямым и наглядным образом утверждается прямая причастность человека, вещи или события к Первоначалу. А так как все вещи и явления в той или иной степени связаны с Первоначалом, то религиозное сознание видит весь мир, включая общество и человека, как непрерывное поле сакральности, где сакрально (в большей или меньшей степени) все.
Невозможность сравнения религий по критерию: хуже/лучше. Религиозные системы имеют свою собственную структуру, которая несет в себе особые системы координат, смыслы и логику. История религий и сравнительное религиоведение показывают, что все религиозные теории – и самые развитые, и самые архаические – в определенной степени самодостаточны, и представляют собой законченный и завершенный концептуальный комплекс, где «все сходится».
Любое сравнение религий и их учений между собой с попыткой иерархизации является некорректным, так как каждая из них основывается на совершенно определенном представлении о Первоначале и его отношении к миру, и это представление во всех случаях произвольно и недоказуемо. Бесполезно пытаться найти рациональное объяснение религиозным системам, так как сама человеческая рациональность есть исторический продукт десакрализации или секуляризации религиозных учений. Западно-европейский рационализм несет на себе неизгладимую печать католической схоластики и особенно протестантской этики. Рассудочные системы других культур – православной, мусульманской, даосской, конфуцианской, буддистской и т.д. – связаны с религиозными догматами еще теснее.

Влияние религии фундаментально даже на светские общества. В эпоху Просвещения, в эпоху научного прогресса и «рационализма» сложилось представление о религии как о совокупности предрассудков, необоснованных и нелепых «басен» и «сказок». Но к XX веку все, включая агностиков, рационалистов, атеистов и материалистов, поняли, что влияние религиозного начало гораздо глубже и сохраняет свое значение даже в светских, атеистических обществах, так как именно религии формируют исторически сознание человека и общества, социальные традиции, институты, структуры мышления, не говоря уже о психологии и «коллективном бессознательном» (К.Г.Юнг (1875-1961)).
В XX веке внимание к религиям и религиозным системам снова возросло, так как поиски истоков человеческого мышления привели философов и социологов к мифам и символам. Оказалось, что со всех точек зрения – и с научной, и с практической, и с социальной – фактор религии остается важнейшим и подчас решающим даже в тех обществах, где преобладают светские, секулярные нормы.
Религиозные практики. Религиозные практики состоят из:

- обрядов,
- правил,
- молитв,
- ритуалов и
- детально разработанной системы поведения – как культового, так и социального, бытового.

Религиозное общество основано на принципе *цельности*, и поэтому в нем все аспекты жизни так или иначе соотносятся с обрядом и ритуалом.
Молитва – индивидуальная или общественная – является чаще всего главной формой религиозной практики, так как представляет собой прямое обращение человека к Первоначалу (Богу).
Другой важнейшей формой религиозной практики является *богослужение*, которое включает в себя помимо коллективных молитв, приношение жертвы и иные более сложные обряды и таинства.
Практика *жертвы* играет огромную *роль во всех религиях*, так как в ней человек действием выражает признание верховенства Бога, отдает ему дань как высшему существу, началу, подтверждает его статус как Господина, а свой - как его «раба», его «создания».
Религиозные обряды обязательно сопровождают браки, рождение детей, достижение ими зрелости, а также похороны. Так как все религии утверждают, что жизнь человека не заканчивается вместе с земным существованием, то большую роль играют обряды поминовения мертвых, которые означают не просто дань памяти, но поддержку умерших родственников в их посмертном, потустороннем существовании. Религиозные обряды почти всегда исполняются перед и после приема пищи.
В религиозных обществах с обрядовыми практиками связана область медицины. Кроме этого религиозный символизм сопровождал многие социальные события – коронации, праздники, посвящения в воины, в ту или иную профессию. В древности религиозный характер имели и некоторые судебные процедуры (клятвы, процедуры дознания и т.д.).
Само общество в религиозном контексте строилось на основании религиозных начал, и даже бытовая практика отражала эту особенность. Отношения между кастами и сословиями, полами, профессиями, общинами вплоть до вопросов ведения хозяйства часто регламентировались религиозными нормами.

Традиционное общество и религия. В традиционном обществе религия занимала главенствующее положение. Не столь важно, представляла ли она отдельную область (как в случае с христианской церковью) или нераздельно сливалась с социально-хозяйственной и политической системой (как в традиционном Китае или исламе). В любом случае сами устои традиционного общества основывались на религиозных началах. Понятие «традиция» (или «Традиция» с большой буквы, чтобы подчеркнуть ее центральное значение) в научной литературе подразумевает «религиозную традицию», так как латинский термин «традиция» (traditio) означает «предание», «священное предание», т.е. совокупность религиозных представлений, «переданных» прошлыми поколениями. А сами «предки» получили «предание» от Первоначала – иногда издревле, от «изначальных времен» (изначальная или «примордиальная» Традиция), иногда с помощью прямого Откровения (монотеистические религии), иногда через просветление отдельных

незаурядных личностей (царевич Сиддхарта, ставший Буддой Гаутамой, Заратустрой и т.д.).

Религии Откровения. Существенно различаются между собой «естественные религии» (называемые также «религиями проявления», «манифестационизмом» - лат. «manifestatio» - «проявление») и «религии Откровения» («креационизм» - лат. «creatio» - «творение»). Религии Откровения представляют Первоначало как личность, т.е. собственно Бога-Творца, а мир считают продуктом его свободной творческой воли. Высшее Божество, создавшее мир, в какой-то момент открывается избранным людям, и дает им знание о Себе, о мире, а также заповеди, включая запреты и разрешения. В религиях Откровения утверждается прямой контакт Бога с человеком, а природа, окружающий мир, социальные традиции и институты считаются второстепенными перед лицом личной связи. При этом провозглашается личностный характер и самого Бога, Его единство и единственность. Отсюда - «единобожие», «монотеизм», признание только одного Бога.
В других религиях Первоначало проявляется по-разному: через природу, духов, естественных и сверхъестественных существ, предания, символы. Личный характер Бога здесь менее подчеркнут, нежели другие его функции – в первую очередь, космические, природные или магические.
К религиям Откровения относятся
- иудаизм,
- христианство,
- ислам.

Они составляют три монотеистические религии, называемые иногда «авраамическими» - по имени патриарха Авраама, которому, было дано первое откровение о Единобожии.
Космогония религий Откровения. Креационизм. Все религии Откровения основывают свои религиозные учения на идее «творения из ничто» (лат. - «ex nihilo»). Бог-Творец абсолютен и радикально отличен от всего, что есть в мире. По сравнению с бытием Бога собственное бытие мира есть ничто. «Естественные религии» как правило утверждают, что мир вытекает из Бога (теория «эманаций» - лат. «источений») или служит его проявлением («манифестацией»). Здесь творение описывается как совершенное не «из ничто» (ex hihilo), но «из Бога» (лат. ex Deo). Такое отличие религий Откровения упраздняет общую меру между человеком (шире, всей «тварью») и Богом, настаивает на строгом отличии абсолютной природы Бога от относительной природы мира. Это порождает особую структуру богословия.
Космогония осмысляется как одноразовое действие личного Бога («В начале сотворил Господь небо и землю» - с этих слов начинается «Ветхий Завет»).

Линейное время. Из идеи абсолютного различия природы Бога и природы мира в богословских моделях религий Откровения вытекает очень важное следствие – представление о линейном времени. Вечность и бесконечность мыслятся как исключительные атрибуты только самого Бога, а созданный им мир оказывается под властью неумолимого течения времени и обречен на конечность. В «естественных религиях» Бог слит с миром, и сообщает миру свои качества – поэтому там преобладает циклическая картина времени. Мир то удаляется, то приближается к своей божественной основе, пульсирует. В

религиях Откровения время становится неотъемлемым и неотторжимым свойством сотворенного мира, а вне времени пребывает только сам Бог.
При этом следует, что в отличие современных теорий прогресса, в религиях Откровения течение времени движется от лучшего к худшему, от плюса к минусу, от земного рая к последним временам и «концу света». Время понимается здесь как вселенская «энтропия» (потеря энергии бытия). И религиозной ценностью становится противостояние времени – соблюдение традиций, верность древним устоям и т.д.

Свобода, священная история и формы Господства. Наличие линейного времени придает особое значение развертыванию «священной истории», где каждый поворот и каждое событие приобретают огромный священный смысл. Содержанием священной истории становится диалектика отношения твари с Творцом, человека со своим Господином.
В религиях Откровения сотворенное (мир, человек), будучи иным, нежели Бог, приобретает качество свободы. Отныне человек может по своему выбору решить – подчиняться Богу или нет. Это накладывает на все его поступки особый фундаментальный смысл.
После творения первого человека, Адама, Бог вступает с ним в юридические отношения – утверждает систему обязательств, запретов и свобод. В раю Адам не должен есть яблока познания добра и зла. Под влиянием первой женщины Еввы, в свою очередь соблазненной змеем (павшим ангелом), Адам нарушает запрет, и расплачивается за это изгнанием из рая. Так начинается «священная история», в ходе которой Бог то возобновляет «Завет» (на иврите «brith», «договор») с людьми, то наказывает их. Бог выступает как абсолютный Господин, выстраивающий различные типы отношений со своими подданными. Подданные же, рабы Господни, т.е. все люди, мыслятся как существа, полностью ответственные за свой выбор. Они могут встать на путь послушания, и тогда получат воздаяние (при жизни и после нее), или на путь самовольства, тогда их ждет наказание («Мне отмщение, Аз воздам», говорится в «Библии»).

Ожидание спасителя и конец света. В ходе священной истории прегрешения и преступления копятся, и человечеству в целом коллективу остается уповать только на «спасителя», который призван спасти его от окончательного наказания и гибели. В личном плане спасительным может стать строгое исполнение Божественных Заповедей, вопреки развращению нравов большинства.
Спаситель, согласно религиям, Откровения должен прийти в конце времен не задолго до конца света, когда состоится Страшный Суд и воскресение мертвых.
Эти черты являются в той или иной степени общими для всех религий Откровения. Но существенно отличаются от религиозных конструкций «естественных религий».
Иудаизм. Иудаизм является самой древней из религий Откровения, и это историческое первенство иудеев и их священного писания, называемого «Ветхим Заветом», «Библией» (а также «Торой» - «Пятикнижием» - или «Танах»), признается остальными монотеистическими религиями – христианством и исламом. Христиане ввели «Ветхий Завет» в состав христианской «Библии», а мусульмане почитают ветхозаветных иудейских святых и «Тору» как «провозвестников мусульманства».

Иудеи впервые сформулировали основные *пункты религий Откровения* – запредельность Творца, «творение из ничто», свобода человека, юридические отношения человека с Богом, линейное время, ожидание прихода спасителя, конца света, Страшного Суда и воскресения мертвых.
10 заповедей, которые были даны Моисею на горе Синай, стали основой иудейской этики, именно оттуда они позже перешли в христианство.
Иудеи поклоняются единому Богу, Творцу Вселенной, и считают себя прямыми потомками древних патриархов, которые заключили с Богом Завет. В иудейской религии не принято произносить вслух имя Бога, в ивритских текстах его заменяют синонимами «Святой», «Благословенный» и т.д., а в других языках иудеи, как правило, упускают букву – «Б-г».
«Завет» с Творцом составляет сущность иудейской миссии в истории. Все свои достижения и неудачи иудеи выводят из основ своей религии. Благочестие и соблюдение заповедей Бога приводит их к победам, процветанию и созданию собственной сакральной государственности на «земле обетованной» («Эрец Исраэль»), а отступление от законов предков несет страдания и испытания («рассеяние», утрату государственности, преследования и гонения).
Эти циклы сменяют друг друга в истории иудаизма, о некоторых из них написаны главы «Ветхого Завета».
Последнее (четвертое) изгнание («галут») началось в 70 году н.э. после разрушения римским императором Титом Флавием Веспасианом (39-81) Иерусалима. По вере иудеев, оно должно закончиться приходом «машиаха» («мессии», «спасителя» и «царя»), восстановлением Израиля и возвращения всех евреев на «землю обетованную» с последующей реконструкцией Третьего Храма (первые два храма были уничтожены завоевателями ранее) и началом всемирной империи.
Большинство современных иудеев рассматривают провозглашение в Палестине государства Израиль как исполнение ветхозаветных пророчеств и начало наступления «мессианской эпохи».
У иудеев в древности была каста священников, «левитов», которые только и могли совершать жертвы в иерусалимском Храме. Но так как Храм разрушен уже около 2 000 лет, то богослужение в синагогах («молитвенных домах», временно замещающих Храм) ведут «раввины» («учителя»), получившие специальное религиозное образование и сведущие в «Ветхом Завете» и других религиозных книгах – в частности в «Талмуде».
Иудеи считают, что их религия является делом только этнических евреев (по «Галахе», иудейской традиции, евреем считается тот, кто родился от матери-еврейки), но в исключительных случаях отдельные люди могут принять иудаизм через особый обряд -- «гиюр». Младенцев мужского пола религиозные иудеи подвергают специальному ритуалу – «обрезанию», удаляя обрядовым ножом у них крайнюю плоть. Это считается знаком посвящения Богу.
Молитвы иудеев осуществляются на древне-еврейском языке – иврите, на котором никто не говорил более 2 000 лет и который, как и латынь, считался «мертвым». Однако иврит был целенаправленно реанимирован и в настоящее время является официальным языком в современном государстве Израиль.
Сегодня в разных странах мира живут различные иудейские общины, которые либо не признают современный Израиль «царством машиаха», либо по социально-психологическим мотивам еще не готовы совершить «алию» («возвращение») как религиозно-исторический долг верующего иудея.
Иудеи не признают Исуса Христа как Спасителя и Бога, и отвергают «Новый

Завет». К религии мусульман у иудеев более мягкое отношение, но и ее они считают «заблуждением». Иудейская традиция считает христианские народы потомками ветхозаветного Исава (первенца Исаака), а мусульман – потомками Ишмаэля (сына Авраама от наложницы Агарь).

Христианство. Христианство возникло в начале нашей эры (отсчитываемой как раз от момента рождения Исуса Христа) в иудейской среде. Христиане признали Исуса Христа обещанным в «Ветхом Завете» «мессией» и сделали его учение основой своей веры.
Принимая «Ветхий Завет», христиане посчитали, что все его обещания исполнились на Исусе Христе, и учение Исуса Христа стало основой «Нового Завета». «Ветхий Завет» и «Новый Завет» составляют христианскую «Библию».
Исус Христос, по вере христиан, есть не просто «мессия», но Бог и Сын Божий. А кроме Него в Божестве есть еще и Третье Лицо – Святой Дух, тоже Бог. Так сложилось учение о Пресвятой Троице, у которой одна Природа (божественная), но три Лица – Бог-Отец, Бог-Сын, Бог–Дух Святой.
Исус Христос есть вместе с тем Совершенный Человек, с тем лишь отличием от всех остальных людей, что он был без грешен. Сочетание в Исусе Христе одновременно двух природ Бога и Человека является для христиан выражением высшей тайны и лежит в основе учения о спасения. «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», так учили православные богословы об этом исключительном событии мировой истории – Боговоплощении.
Исус Христос совершил много чудес – превращал воду в вино, изгонял бесов, излечивал больных, ходил по воде, воскрешал мертвых. Он дал своим ученикам (апостолам) «Новый Завет» и новые заповеди – «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим, всей душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею. Вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего как самого себя: иной большей сих заповеди нет» (Евангелие от Марка 12:28-31).
По настоянию Синедриона, обвинившего его в «богохульстве» и признании себя мессией, будучи преданным Иудой Искариотским, Исус был схвачен, подвергнут пыткам и неправедному суду, и распят на кресте.
На третий день Он воскрес и вознесся на небеса, где воссел на троне «одесную Бога-Отца».
Спустя 50 дней Третье Лицо Троицы, Дух Святой в виде языков пламени сошел на апостолов. Так была образована Новозаветная Церковь.
Христианская Церковь имеет свое учение о Боге, Христе, спасении человечества, устройстве мира, приходе в мир антихриста и грядущем «конце света» («эсхатология» -- греч. «наука о конце»). Христианство признает 7 таинств – особых ритуалов, совершаемых священнослужителями при непосредственном участии Святаго Духа (крещение, миропомазание, причащение, покаяние, елеосвящение, венчание, рукоположение).
По учению Церкви все христиане делятся на два чина: священников и мирян. Человек становится христианином через принятие таинства святого крещения. После этого он начинает жить церковной жизнью («воцерковляется»), получает духовника, допускается до исповеди и причастия. Те, кто избрали путь духовного служения и посвятили себя церкви, называются священством. Среди священства различаются дьяконы, попы (иереи) и епископы (архиереи). Посвящение в священнический чин осуществляется через таинство

рукоположения. В дьяконы и священники имеют право рукополагать только епископы.
Некоторые христиане избирают для себя монашеский путь, отделяются от мира и посвящают жизнь одной цели – спасению души. Монахи могут быть священниками (иеромонахи), а могут и не быть. Все архиереи обязаны принять чин монашества. Монахам запрещено вступать в брак, заниматься светскими профессиями. Они должны соблюдать еще ряд дополнительных правил, более жестких в сравнении с обычными христианами.
Христиане обязаны посещать церковь по воскресным дням и в большие церковные праздники, молиться по домам перед и после еды, перед сном и по утрам. Регулярно причащаться, соблюдать постные дни (среда и пятница на всех неделях – кроме сплошных) и годовые посты. От христианина требуется соблюдение правил морали и этики в обычной жизни. За совершенные грехи и отступления от церковных правил христианин обязан каяться и нести наказание, установленное духовником («эпитимья»).
Цель жизни христианина – обрести спасение и стать на стороне Христа в день всеобщего воскресения. Земные трудности, печали и гонения за веру и истину христианин должен переносить стойко, уповая на Господа, распятого на кресте за человечество, и вдохновляясь глубиной Его любви и милосердия.
Христианская Империя. Исторически христианская Церковь вначале представляла собой исключительно религиозную организацию. В Римской империи власти периодически подвергали христиан гонениям, и это дало Церкви целую плеяду святых мучеников. Иногда первые христиане, скрывавшиеся от гонений, жили в подземных городах – катакомбах, отсюда этот период Церкви и называется «катакомбным».
В IV веке император Константин сделал христианство главенствующей религией всей Римской империи и основал ее новую столицу, Константинополь. Православный император стал именоваться с той поры «внешним епископом церкви» и играть роль «катехона» («удерживающего»), препятствующего приходу «антихриста». Так возникло православное учение о «христианском царстве» и его главе – «православном царе».
Император в христианской Византии был один, а высших духовных владык (патриархов) было несколько – патриарх Рима (называемый «Папой Римским»), патриарх Константинополя, Патриарх Иерусалимский, Патриарх Антиохийский и Патриарх Александрийский. Политическая система единства власти императора и духовных владык (в частности, патриарха Константинопольского) легла в основу христианского (особенно православного) учения о «симфонии властей».
Когда Римская империя стала христианской, влияние Церкви распространилось на все сферы жизни. Так была сформулирована концепция «христианской империи».

Раскол церквей. Империя Константина не смогла отстоять свое политическое единство и вскоре раскололась на две составляющие: восточную и западную. До IX века они сохраняли церковное единство. В восточной империи, сохранившей свою политическую и территориальную целостность, пребывал император. Но параллельно этому в Западной империи, распавшейся на несколько королевств, контролируемых враждующими между собой германскими племенами, утвердилась особая власть Папы Римского, как духовного владыки Запада.

В 800 году немецкий король франков Карл Великий (742-814) решил узурпировать императорские функции и провозгласил императором самого себя, а Папа Римский Лев III (750 - 816) его в этом поддержал.
Начиная с этого момента, стали складываться две христианские цивилизации – с раздельными духовными и политическими центрами. Восточно-христианская Византия с православным императором и константинопольским патриархом во главе (при сохранении высокого авторитета других восточных патриархов) и «Западно-римская империя Германских наций» во главе с германскими императорами и Папой Римским.
В 1054 году пути двух цивилизаций настолько разошлись, что обе церкви обвинили друг друга в ереси и провозгласили друг другу анафемы (отлучения). Так православие и католичество и как религии, и как социально-политические реальности, и как культурные типы окончательно расстались.
В православии сохранялся принцип «симфонии властей», в католичестве Папа Римский стремился сосредоточить в своих руках и духовное и отчасти светское управление западно-христианским миром. Возникли различия в богослужении, в церковных догматах (католики уже при Карле Великом ввели в «Символ Веры» пункт о происхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына – «Filioque»; а также учение о «чистилище», чего не было в изначальном христианстве), в обрядах, культуре, традиции.
Православный и католический мир. Православие распространялось из Византии в страны Восточной Европы, и оттуда через Болгарию пришло на Русь.
Киевская Русь была крещена князем Владимиром в 988 году. С тех пор Русь оставалась частью православного мира. Православие распространилось также в Грузии, Румынии, Сербии, Сирии и Палестине. Русские несли православное христианство в Азию – вплоть до Китая и Японии, куда доходили православные миссионеры.
В зону католического влияния попала Западная Европа – Франция, Германия, скандинавские страны, Англия, страны Центральной Европы.
Славянский мир был разделен: часть народов (русские, болгары, сербы, македонцы) оказались в пространстве православия, а часть (поляки, чехи, словаки, словене, хорваты, западные украинцы и т.д.) в пространстве католичества.
Католики организовывали неоднократно Крестовые походы с тем, чтобы установить контроль над Палестиной («Святой Землей»). Там они сражались с мусульманами, укрепившимися на этих территориях. Неприязнь католиков к православным была такова, что во время Четвертого крестового похода латинские рыцари захватили Константинополь, разграбили его, разорили и осквернили храм Святой Софии.

Реформация и протестантизм. В XVI веке христианский Запад был расколот религиозным реформаторством. Ряд церковных деятелей – в Германии Лютер (1483-1546) и Меланхтон (1497-1560), в Швейцарии Кальвин (1509-1564), Цвингли (1484-1531) и т.д. — призвали к отказу от католической традиции и к новому толкованию христианства – отныне на основании критического и индивидуального осмысления «Святого Писания». Это движение получило название Реформация.
До него католическая традиция основывалась на двух вещах: на «Священном Писании» и «священном предании». «Священное предание» представляло

собой принятую и одобренную Церковью сумму комментариев и толкований как Писания, так и отдельных сторон христианства – обрядов, символов, церковных устоев и т.д. Протестанты отвергали «священное предание» и утверждали, что любой человек может сам толковать Писание. В ходе Реформации те, кто ее приняли, упразднили многие стороны католичества -- мессы, почитание икон, многие таинства (как правило, у протестантов их значительно меньше семи) и даже сам институт священства. Остались только миряне, призванные самостоятельно или под началом свободно избираемого ими же наставника (пастора) изучать «Ветхий» и «Новый Заветы» и делать из этого моральные выводы.
Между католиками и протестантами шли кровавые столкновения и бои (в частности, Варфоломеевская ночь), закончившиеся разделом Европы в 1648 году на 2 лагеря – католический и протестантский. Протестантизм победил в скандинавских странах, в Швейцарии, в восточной Германии (Пруссия, бывшие земли Тевтонского ордена), у некоторых народов Балтии (латыши, эстонцы) и в Шотландии. На время (при Кромвеле) протестанты пришли к власти в Англии, но потом последовала реставрация и установление там особой формы католичества без подчинения Папе Римскому и с королем во главе церковной иерархии (англиканство). Протестантские тенденции в Англии были чрезвычайно сильны, и колонизация Америки осуществлялась в основном представителями этих английских радикальных протестантских сект (методистами, меннонитами, квакерами, баптистами, адвентистами и т.д.). США стали «землей обетованной» для протестантизма.

Ислам. Ислам, третья религия Откровения, появился в Саудовской Аравии в VII веке и был связан с деятельностью Мохаммеда (571-632), которого мусульмане считают пророком. Мохаммеду был дан Богом (Аллахом) свод священных правил – «Коран», где повторялось с определенными вариациями содержание «Ветхого» и частично «Нового Завета», а также довались новые правила поведения для кочевников-арабов. «Коран» как и «Ветхий Завет» требовал соблюдения обряда обрезания, признавал библейских пророков. «Коран» считал Христа одним из них.
Новая религия особенно подчеркивала, что между единым Богом и людьми не должно быть никаких посредников – ни священников, ни церкви, ни «избранного народа», и долг каждого человека лично повиноваться Богу, соблюдать правила, изложенные в «Коране», признавать Мохаммеда «последним пророком», держать ежегодный пост («рамадан»), платить религиозный налог на общину («заккят»), молиться по установленным правилами 5 раз в день («салят»), по возможности совершать паломничество в Мекку («хадж»), участвовать в «войне зав веру» («джихад»). Совокупность правил, которые обязан соблюдать каждый мусульманин, называются «шариатом».
Законы шариата запрещают мусульманам употреблять спиртное, есть свинину, давать и брать деньги в рост. Шариат допускает многоженство, не считая это грехом.
Ислам признавал иудеев и мусульман «людьми книги», но считал, что они «правы лишь частично». Против язычников мусульманам «Коран» предписывает борьбу.
Мусульмане в длительных боях победили арабов-язычников, которые им религиозно и политически сопротивлялись, и создали халифат, огромную империю на Ближнем Востоке, где ислам был объявлен «государственной

религией». Мусульмане в эпоху арабских завоеваний распространили свое влияние на всю Северную Африку, а также Среднюю Азию и так вплоть до Индии и Малайзии.
Позже арабский халифат распался на отдельные исламские государства, каждое из которых имело свою собственную оригинальную историю. Исламские государства и народы, утратив былое единство эпохи халифата, вели войны не только с «неверными», но и между собой.
Суннизм. В исламе существует два главных направления: большинство следовало линии суннизма (от араб. «сунна» -- священное предание), а меньшинство – шиизма (от араб. «ши'а» -- группа приверженцев). «Сунна» состоит из многочисленных комментариев к «Корану», сделанных его сподвижниками или религиозными авторитетами последующих эпох.
Сунниты разделяются в свою очередь на 4 религиозно-правовых направления, которые по-разному трактуют некоторые пункты исламского учения и «Коран». Они называются «мазхабами» -- «ханафитский», «шафиитский», «ханбалитский» и «маликитский». Все они признают общеобязательным соблюдение законов «шариата».
Ваххабизм. Крайней формой суннизма, развившейся из ханбалитского мазхаба, является «ваххабизм» (по имени его основателя Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1787). Он – возник в XVIII веке в Саудовской Аравии. Это направление в исламе настаивает на абсолютной запредельности Творца (Аллаха) и всячески подчеркивает отсутствие общей меры между Богом и миром (радикальный креационизм). Из коранической формулы «Не придавайте Аллаху сотоварщией» ваххабиты делают крайние выводы, и отказывают кому бы то ни было в праве толковать «Коран», полагая, что человеческому сознанию это не доступно и приводит только к искажениям.
Ваххабиты отрицают все «мазхабы», не приемлют ни шиизма, ни суфизм, считая это «скрытыми формами идолопоклонничества». Они настаивают на том, чтобы понимать «Коран» только буквально, отбрасывая «священное предание», как чисто «человеческие» интерпретации. В этом смысле, «джихад» означает для них только прямое ведение боевых действий, а не те морально-духовные реальности, которые дают ему традиционные суннитские е толкователи.
Ваххабизм в отдельных аспектах напоминает протестантизма в христианстве: в обоих случаях речь идет об отрицании священного придания и признание только Писания. В иудаизме нечто подобное в свое время осуществили «караимы», признававшие «Ветхий Завет», но отвергавшие «Талмуд» («священно предания» иудаизма).
В современном исламском мире ваххабитские тенденции отказа от традиционного толкования и призыв к буквальному пониманию «Корана» называются обобщающим термином «салафизм» (от араб. «ас-салаф ас-салих» -- «праведные предки»).
Шиизм. Шиитами стали последователи двоюродного брата Мохаммеда Али (602-661), женатого на его дочери Фатиме (614-632). Али стал четвертым «праведным халифом», но был убит политическими противниками («хариджитами»). Также насильственной смертью погибли его дети Хасан (626-673) и Хусейн (626-680), считающиеся в шиизме святыми. Шииты верят в то, что «святым имамам» (Али и его роду) были открыты особые тайны религии, недоступные остальным. Шииты считают также, что в конце времен появится «двенадцатый имам», находящийся до этого времени в «сокрытии».

Шииты в исламском мире были в меньшинстве, но в определенные периоды им удавалось создавать свои политико-религиозные образования, и иногда даже империи. Такой шиитской империей был Фатимидский халифат (909-1171), в который входили земли Египта, Магриба, Палестины, Сирии и Хиджаза. Шиизм распространен в Иране и Ираке. В ИРане шиизм является главенствующим вероисповеданием.
Шииты также признают обязательным для всех исполнение законов «шариата». Они имеют свою религиозно-правовую школу джафаритский мазхаб.
Среди шиитов есть два направления – умеренное и радикальное. Умеренные шииты признают 12 имамов, радикальные – только 7. Радикальные шииты называются «исмаилиты», и почитают как высшего религиозного главу – Ага-хана. Исмаилиты распространены в Таджикистане (Горный Бадахшан), Афганистане (Памир) и Индии.
Суфизм. В исламе есть еще одно мистическое направление – суфизм (от араб. «суф» -- грубая шерстяная ткань, отсюда -власяница как атрибут аскета). Суфии считают, что следует толковать «Коран» и исламскую традицию мистическим образом, видят в каждой фразе парадоксы и загадки, призывают к аскетической практике, отшельничеству, добровольной нищете и духовному созерцанию. Для суфиев характерна практика «дзикра» -непрестанного повторения нараспев имени Бога.
Суфии часто дают обет бедности, живут за счет подаяния, сосредоточены на созерцательных духовных практиках. Бродячих суфиев называют «дервишами». В суфийскую обрядовую практику входит исполнение особых религиозных танцев, где важную роль играет вращение вокруг своей оси или иные формы круговых движений.
В суфизме существуют разнообразные школы («тарикаты»), которые отличаются особым почитанием тех или иных духовных авторитетов. В суфизме большую роль играет фигура «шейха» или «кутба» «(араб. – «полюс»), которому беспрекословно подчиняются его последователи-ученики («мюриды»), которые хотят усвоить духовную науку наставника. От шейха к шейху передается благословение (араб. «барака»). Могилы известных шейхов (араб. «мазар») считаются сосредоточием «бараки» и служат местом паломничества.
Суфизм развит во всем мусульманском мире. Более всего это направление распространено в Средней Азии и на Кавказе.

Буддизм. Основоположником буддизма считается индийский царевич Сиддхартха Гаутама, родившийся по предания в 560 году до н.э. По преданию царевич Гаутама однажды случайно заметил четыре явления -- старика, больного, мертвеца и обритого монаха, которые разрушили его представления о безмятежной жизни во дворце, полной неги и удовольствий. С тех пор он стал аскетом, удалился от власти и достиг просветления, «нирваны» (526 год до н.э.). После этого он проповедовал свое учение и умер в 480 году нашей эры.
В основе учения Будды (буддизма) лежит идея о том, что мир представляет собой сплошное страдание. «Четыре благородных истины» буддизма формулируются так:
1. Жизнь полна боли и страдания (санскр. -- «дукха»).
2. Страдание нам причиняет желание, жажда наслаждений, неутомимое стремление к радости и надежде (санскр. - «танкха»).
3. Единственный способ избежать страдания - устранить его причину.

4. Этого можно добиться, организовав свою жизнь в соответствии с принципами «Восьмеричного пути».
«Восьмеричный путь» включает в себя:
- Правильное знание.
- Правильные стремления.
- Правильная речь.
- Правильное поведение.
- Правильный образ жизни (буддистам было запрещено: быть мясником, работорговцем, сборщиком податей).
- Надлежащее усилия в стремление к совершенству.
- Надлежащее состояние ума.
- Правильная техника мышления («раджа – йога»).

Согласно буддизму души людей находятся в постоянном круговороте и попадают из одного мира в другой. Спасение заключается в том, чтобы постичь «пустотность» и «бессмысленность» (санскр. - «шуньята») колеса жизни (санскр. -- «самсара»). Будда учит, что «колесо жизни» бессодержательно и только умножает страдания. Тот, кто это постигнет и распознает эту «пустоту», тот сольется с высшей инстанцией просветления – «нирваной». «Нирвана» -- это состояние, в котором «ничего нет», «высшее ничто». Тот, кто достигает нирваны, ускользает из «колеса жизни» и приобретает вечное блаженство. Иногда Будда из милосердия покидает нирвану и спускается к людям, чтобы поделиться с ними «восьмеричным путем».
Буддизм религия созерцательная и призывает к отрешенности от внешней реальности. Буддистская община называется «сангха», состоит преимущественно из монахов.
В буддизме есть два основных направления – «малая колесница» («хинаяна») и «большая колесница» («махаяна»), которые несколько различно трактуют буддистский канон. Кроме того, есть особые мистические направления буддизма – «алмазная колесница» («ваджраяна») и тибетская версия «кратчайшего пути» - «дзогчен».
В Китае традиция буддизма «ваджраяны» была развита и дополнена элементами китайского даосизма, что дало начало еще одному направлению -- «чань буддизму», ставшему в Японии «дзэн-буддизмом».
Интерес к «дзэн-буддизму» в последнее время вырос не только в Азии, но и во всем мире из-за тонкой и парадоксальной психологической практики, сопутствующей этому направлению.

Структура «естественных религий». Кроме монотеистических религий у многих народов сохранились остатки древних традиций, называемых совокупно «язычеством». Язычество повлияло и на религии Откровения, привнеся туда много оригинальных символических и обрядовых черт, никак не вытекающих из теологической догматики монотеизма.
Язычество в отличие от монотеизма представляет собой более древние религиозные формы, где нет представления о едином и единственном личностном Боге. Вместо этого язычники почитают Первоначало, действующее через природу, животных, проявления в виде естественных и сверхъестественных сил, которые именуются «богами», «духами» и т.д.
«Естественные религии» основываются на принципе «манифестационизма». Бог в них не удален от мира, но соприсутствует в нем, так как между Богом и

миром есть природная связь. Отсюда теория творения «Из Бога» («ex Deo»). Такое понимание дает совершенно отличное от религий Откровения понимание космогонии, священной истории, сотериологии, эсхатологии и т.д.
«Естественные религии» видят мир и человека как прямого родственника Бога. У мира и человека божественное происхождение, и как бы Бог ни удалялся от своего создания, он все равно остается с ним накрепко связан, так как составляет его сущность. Эти родственные отношения предопределяют отношение язычников к Божеству, здесь нет той дистанции, которая возникает в религиях Откровения.
Из этого складывается концепция «циклического времени». Раз мир родственен Богу по природу, то он соучаствует в его вечности и бесконечности, а следовательно, не может ни исчезнуть окончательно, ни закончиться. Время вращается вокруг неподвижной оси, которая находится внутри него, а не во вне. Поэтому линейного времени не существует. Время не имеет ориентации – стрелы. Оно течет, но у него нет направления. Основные события цикла повторяются так, как это происходит с годовыми сезонами.
В такой ситуации конец времен мыслится как новое начало. Человеческие поступки относительны и всегда ритуальны. Человек не свободен, так как сквозь него действуют высшие и низшие силы, предопределяя его поведение. В такой ситуации важнее всего – встраиваться в традиционный ход вещей, а спасение можно обрести путем сосредоточения на том, что является центром бытия, на «недвижимом двигателе». Тот, кто достигает точки покоя в центре вращающегося колеса мира, тот и «спасается».
У многих этносов до сих пор сохранились языческие религиозные культы, иногда смешанные с монотеистическими религиями, а иногда сохранившие первобытные черты. Монотеистические религии вели с язычеством упорную борьбу, но до конца искоренить эти древнейшие верования так и не смогли.
Отношения между религиями. Между различными религиями отношения складывались по-разному. Иногда между ними царили нетерпимость и разражались религиозные войны. В других случаях религии, жестоко враждовавшие в одном месте и в одно время, мирно сосуществовали в другое время и в другом месте.
Нельзя утверждать, что религиозные общества более нетерпимы и воинственны, чем современные и светские. Нельзя также утверждать, что одни религии заведомо более миролюбивые, чем другие. История показывает, что все это относительно и зависит от конкретного исторического, этнического, культурного и географического контекста.
Мистические движения. С древних времен в религиозных обществах были распространены особые мистические течения, которые толковали религиозные догматы в несколько отличном от официального ключе, а подчас добавляли к ним новые символы, теории и практики. Смысл мистических организаций – братств, орденов, лож и т.д. – состоял в том, чтобы дать верующим, которые жаждали более тесного контакта с божественными мирами, возможность этот контакт обрести. Мистический путь всегда считался чрезвычайно опасным и полным неожиданностей, поэтому те, кто вставали на него, вначале проходили «посвящение», куда включались испытания, аскетические подготовительные практики и многое другое. Для «непосвященных» доступ к мистическим организациям и их учениям был закрыт.
Большинство мистических течений и организаций признавали догматы и учения традиционных конфессий и развивались внутри них. Таковы йога и Тантра в

индуизме, ваджраяна и дзогчен в буддизме, каббала и хасидизм в иудаизме, исихазм в христианстве, суфизм в исламе. Но таинственность и закрытость этих кругов не позволяли во всех случаях следить за соблюдением ортодоксии, и поэтому в них часто зарождались еретические направления, отвергаемые религией. Внутри традиционных конфессий мистики составляли важнейшую часть тех, кто шел в деле утверждения религиозной истины до конца, на своем опыте свидетельствуя об истинности веры. Но, покидая русло религии, мистические учения становились соблазном для людей, не прошедших соответствующую религиозную подготовку для освоения тех сложных и опасных истин и состояний, которые предписывались мистическими практиками. Поэтому против свободного распространения мистических идей для всех и каждого, без предварительного углубленного религиозного образования и удостоверенного религиозной организацией института духовных авторитетов («кутб», араб. «полюс» в суфизме, «старчество» -- в исихазме, «гуру», санскр. «учитель» -- в индуизме, «магид» - в каббале, «цадик» - в хасидизме и т.д.), традиционные конфессии всегда резко выступали, видя в этом зло, опасность и путь, ведущий к погибели.
Неоспиритуализм. В Новое время многие мистические организации порвали со своими религиозными средами и превратились в открытые для всех желающих «конторы», «торгующие» легким доступом к «божественным мирам». Это направление, дискредитирующее глубинные духовные истины, символические знания и мистический опыт, собирательно называется «неоспиритуализмом» (от «нео» -- «новый», и «spirit» -- лат. «дух»). Оно категорически возбраняется традиционными конфессиями, несмотря на то, что сами неоспиритуалисты пытаются выдать себя за «христиан», «мусульман», «иудеев», «буддистов», «индуистов» и т.д., отвергая при этом религиозный авторитет, решительно порицающий такие практики. Претензии неоспиритуалистов на то, что они несут, якобы, «настоящую скрытую истину» традиционных религий, является ложью и блефом. Эта истина постигается тяжелым трудом на духовном пути полноценного религиозного бытия и венчает путь, длинной в жизнь. Стремление получить «высшее знание» за несколько уроков, заплатив «учителям» разумный взнос, является само по себе наивным и никаких результатов, кроме разрушительных, дать не может.
К разряду неоспиритуализма относятся такие направления как «спиритизм», «оккультизма» (Папюс (1865 – 1916)), «теософизм» (Е.Блаватская (1831-1891)), «антропософия» (Р.Штайнер (1861-1925)), «живая этика» (Н.Рерих (1874-1947)), в последние десятилетия «New Age», «новый век». Часто неоспиритуалисты скрываются под видом распространителей восточных учений – «кришнаиты», «дзэн-буддисты», «йоги» и т.д. При этом они забывают пояснить, что сами индусы считают, что индуизм и его разновидности (кришнаизм, шиваизм, вишнуизм и т.д.) могут практиковать только те, кто рождены в индуистском обществе и имеют строго определенную кастовую принадлежность (которая чаще всего и определяет выбор духовного пути). Для европейцев эти духовные маршруты категорически исключены. Нормы буддизма менее строги, но и они предполагают последовательный и трудный духовный путь, оптимальными условиями для которого являются общества и культуры, где буддизм получил традиционное распространение.
Влияние **неоспиритуализма** на культуру и политику в XX веке было достаточно серьезным, так как упрощенный суррогат традиционных знаний легко усваивался людьми, погруженными в бытовые проблемы. Мистики принимали

деятельное участие в революции на первых этапах большевизма – большевики издавали для сектантов специальный журнал «Новая Заря» (А.Луначарский (1875-1933)). Руководство нацистской Германии -- Гитлер (1887-1945), Гиммлер (1900-1945) и другие - находилось под сильным влиянием секты «ариософов», сочетавших «теософизм» с бредовыми расистскими теориями (Гвидо фон Лист (1848-1919), Йорг Ланц фон Либенфельс (1872-1954) и т.д.). Определенное влияние неоспиритуалисты оказывали на последнего русского царя – Николая II (Папюс, «месье Филипп» Низье, (18491905, сектант Г.Распутин (1871-1916)).

Феномен масонства. Особым случаем мистической организации было европейское масонство, оказавшее на политику Европы в Новое время больше влияние, чем все остальные «тайные общества».
История масонства делится на два периода древний и современный. Древнее масонство представляло собой цеховое братство строителей соборов и дворцов и было одним из направлений среди многих других средневековых профессий, наделенных своими обрядами, доктринами, тайными символами и паролями, объясняющими для артизанов сакральный смысл их работы. Масонство имело три степени – «ученик», «подмастерье» и «мастер». Посвящение в «мастера» проходило через символическое положение неофита во гроб и его последующее «воскресение». Этот обряд воспроизводил апокрифическую легенду о строительстве храма Соломонова архитектором Хирамом (под другой версии Адонирамом), которого убили злодеи. Масоны называли Бога «Великим Архитектором Вселенной». Это масонство называют «оперативным», что означало, что масоны обязательно занимаются своей прямой профессий – каменщиков. В это период членами масонских лож и ателье были строители и архитекторы, т.е. представители третьего сословия и вполне конкретной профессии.
Второй этап масонства начинается в XVIII веке, когда Дж. Дезагюлье (1683 – 1744) и А.Андерсон (1775- 1870) провели реформу масонских лож, сделав их открытыми для представителей всех сословий – в том числе и для знати. Это масонство называют «спекулятивным», так как в нем символы строительства и атрибуты каменщиков (фартук, перчатки, молоток, мастерок, угольник, циркуль, отвес и т.д.) толковались иносказательно и фигурально, и никто из масонов собственно строительством не занимался. «Спекулятивное масонство», в свою очередь, делилось на мистическое направление, которое интересовалось тайными учениями, символизмом, каббалой, и Средневековьем и т.д., и на рационалистическое, видевшее в самой масонской организации способ избавления европейцев от религиозных догматов.
Рационалистическое масонство активно занималось политической деятельностью, и его вожди подготовили Французскую революцию, которая была революцией масонской (равно как и Февральская революция 1917 года в России). Масоны-реформаторы постепенно отложили многие ритуалы, сложные символические доктрины, постановили отказаться от упоминания в своих документах Великого Архитектора Вселенной, и стали социально-политической и культурной силой, проповедующей атеизм, материализм и, шире, мировоззренческий код Нового времени.
Большинство Президентов США были масонами, и влияние масонства на европейскую политику и культуры XIX-XX веков было огромным.
К концу XX века влияние масонства стало сокращаться, и аналогичные идеи, продолжающие масонские проекты и стратегии? стали реализовываться с

помощью других светских образований. Так, теории «прав человека», изначально проповедуемые масонами («Права человека» -- характерное название многих масонских лож), стали почти официальным мировоззрением современного западного общества и получили воплощение в многочисленных неправительственных организациях, а также в такой правовой инстанции как «Страсбургский суд по правам человека».
Масонское происхождение имеют и многие международные организации – Лица Наций (предшественница ООН), ЮНЕСКО, Трехсторонняя комиссия («Trilateral Commission»), «Бильдербергский клуб», американский влиятельный «Совет по международной политики» «Council on Foreign Relations») и т.д.
Религии существенно повлияли на все общества без исключения. Религии оказали на формирование общества огромное, и чаще всего решающее воздействие. Все исторически известные общества основаны на религиозных принципах и символах в том числе и те, что отказались от религии и пошли по пути секуляризма и светскости. Сам путь секуляризации религиозных обществ отражал специфику именно той религии, которая существовала в данном обществе тогда, когда оно еще было традиционным.
Так Западная Европа пришла к светскому атеистическому обществу под воздействием протестантской версии христианства, которая настаивала на том, чтобы сделать религию частным делом гражданина, а не общеобязательным социальным институтом. Протестантское общество уже несло в себе светское начало, так как превращало вопросы веры в индивидуальный выбор. А этот выбор мог быть теоретически каким угодно. Католические страны гораздо дольше сопротивлялись секуляризации и пошли в сторону светского устройства только под сильным политическим давлением власти и под влиянием особых полурелигиозных течений, сосредоточенных в европейском масонстве.
Новое Средневековье. В настоящее время во всем мире происходит возврат к религиям. Это связано с тем, что в эпоху постмодерна истины Просвещения, в том числе и атеизм, убежденность в том, что религиозные взгляды представляют собой «наивные предрассудки темных времен человечества», отходят на задний план, становятся далеко не такими очевидными как ранее. Но если философы постмодернисты предлагают окончательно завершить то, с чем, по их мнению, не справилось Новое время и «окончательно освободить человечество от предрассудков», то многие поступают иначе и начинают искать в традиционных религиях точку опоры и ценностные ориентиры.
Эти процессы протекают не только в тех обществах, где религиозные воззрения еще не успели уступить место рационалистическим и атеистическим мировоззренческим установкам (исламский мир, общества Востока, Африки, Латинской Америки и т.д.), но и там, где догмы Просвещения и светскости, казалось бы, давно и необратимо одержали решительную победу – в странах Запада, США, Европе, посткоммунистической России.
Выяснилось, что президент США Джордж Буш-младший, является последователем фундаменталистской протестантской секты. На вопрос журналиста о том, что стало причиной нападения на Ирак, Буш – в духе средневековых князей или религиозных авторитетов – ответил: «Бог сказал мне, ударь по Ираку». Такой аргумент вполне годится для традиционного общества, но в светской Америке XXI века выглядит несколько странно.
Папа Римский Бенедикт XVI, политическое значение которого теоретически давно должно было сойти на нет, внезапно принимается критиковать некоторые богословские стороны ислама, цитируя византийских императоров

Средневековья. Это вызывает политический скандал в исламском мире и поставило европейцев перед сложным выбором: поддержать высказывания Папы, как носителя части исторической европейской идентичности, или осудить их, подчеркнув приверженность идентичности, сформированной в Новое время на основании либеральных светских идей и ценностей. Этот вопрос так и остается открытым, поскольку мнения среди европейцев на этот счет разделились.

Сами мусульмане, особенно проживающие в Европе, пользуются двусмысленностью общества постмодерна, обращаясь, когда им это выгодно к светской теории толерантности («терпимости») и «правам человека», но вместе с тем, продолжая развивать фундаменталистские религиозные представления и нормы «шариата» в своих общинах. В исламских странах теологические аргументы стремительно приобретают все больший вес и влияние на политику. Так обстоит дело и в Индии, где неуклонно растет религиозный фактор.

В целом, многие аналитики предсказывают дальнейший рост влияния религий и религиозных теорий на политику и общественную жизнь, что делает вероятным сценарий будущего, описанный русским философом Н.Бердяевым о наступлении «Нового Средневековья».

Контрольные вопросы

1.Можно ли сравнивать религии между собой и выстраивать их иерархию?
2.Почему религии не исчезают из истории, несмотря на развитие науки? Выскажите ваше предположение.
3.Чем отличаются религии монотеизма от «естественных» религий?
4.Расскажите о трех основных монотеистических религиях.
5.Чем восточное христианство (православие) отличается от западного (католичества и протестантизма)?

7.2 Православие в судьбе России

«Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства:
осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви
и созерцания, свободы и предметности.
Этой идее будет верна и грядущая Россия.»
И.А. Ильин

Монотеизм на территории древней Евразии. Большинство народов, населявших нынешнюю территории России, в древности исповедовало язычество. Язычество славян, тюрок, финно-угорских и балтийских племен, иранцев и кавказцев существенно различалось. Индоевропейские племена имели свои общие культовые корни, финно-угорские – свои, тюрки – свои. Но переплетение этносов было настолько тесным, что все они постоянно

обменивались отдельными символическими и обрядовыми элементами.
На территории древней Евразии существовало государство, в котором главенствующей религией был иудаизм. Это был хазарский каганат (VII-X века). Большинство его населения были потомки тюркских и иранских кочевых племен, но знать сделала иудаизм государственным вероисповеданием, переняв его от небольшой иудейской общины, пришедшей на Северный Кавказ из Ирана.
Арабские завоевания докатились до Средней Азии и принесли с собой ислам. А среди уйгуров и древних монгол была распространена особая версия христианства – несторианство, отколовшееся от основной ветви православия вместе с ересиархом Несторием (?-451), отказывавшимся признавать Пречистую Деву Марию «Богородицей». Готские племена, обитавшие одно время в Крыму и южно-русских степях, придерживались другой еретической версии христианства – арианства.

Выбор Православия предопределил судьбу России. В этих условиях Киевский князь Владимир решил сменить веру с древней языческой на монотеистическую. Его колебания отражены в летописном предании. Он призвал к себе представителей и иудаизма (видимо хазар, где в отличие от обычных иудейских общин прозелитизм среди неевреев был обычной практикой), ислама и православного христианства. «Испытав всех», князь Владимир принимает православие.
Этот выбор предопределил дальнейшую судьбу России и русского народа. При этом показательно, что выбор одной из версий монотеизма был сделан представителем высшей знати и в значительной мере на основании свободного рассудочного поиска аргументов. В этом проявляется специфика религиозности евразийских обществ: последнее решение в религиозных вопросах принимает государсвтенная власть, но при этом сохраняется дух веротерпимости. Само воспоминание о том, что выбор мог бы быть и другим, удерживает в определенной степени общество от фанатизма и преследований по религиозным убеждениям. Такой веротерпимостью отличалось не только русское православие, но и иудейство хазар или ислам «Золотой Орды».
Тем не менее, Русь выбрала именно православное христианство, и оно стало верой русского народа. Отныне «быть русским» означало «быть православным». Этническое начало сблизилось с религиозным.

Православная идентичность. Православная традиция существенно повлияла на становление русского народа, сделала русских теми, кем они стали. Традиционное общество на Руси было православным обществом, и не случайно основной его класс – земледельцы – назывались «крестьянами», т.е. по древне-русски «христианами». Православная традиция накрепко срослась с этническими особенностями и даже некоторыми элементами дохристианской славянской веры, привязав церковные праздники и поминовение святых к сельскохозяйственному циклу и природным явлениям, осмысленным в традиционном русском культурном и географическом ключе.
На протяжении тысячи лет Православие формировало русский народ, организовывало его духовную и душевную жизнь, прививало ему этику и нравственность, насыщало его обрядовую практику. Жизнь русского человека была выстроена в православном ритме. Она протекала в труде и заботах от воскресной службы до воскресной, от праздника к празднику, сопровождаясь

ежедневными молитвами. Цикл православных богослужений накладывался на годовой цикл аграрных работ, а тот, в свою очередь, на циклы смены поколений, рождения детей, новые браки, смерти и новые рождения. В этом круге в центре стоял православный храм и его святая святых – алтарь, на котором свершалось чудо святой евхаристии. Вокруг этой «точки вечности» вращалась человеческая жизнь, просвещенная лучами церкви, исполненная истиной любви и спасения. И каждый раз, когда русский человек отдалялся от этого ритма, выпадал из него, он испытывал страдания и радовался возврату – через покаяние и новое обретение себя в спасительном пространстве Святой Руси.

Роль церковно-славянского языка. Этническому началу в русском православии способствовала общеправославная традиция перевода священных текстов «Библии» и богослужебных книг на языки народов, принимавших православие, в отличие от католической практики, признававшей в качестве богослужебного языка только латынь. Славянские учителя из Византии Константин Философ (святой Кирилл (827-869)) и Мефодий (815-885) по просьбе великоморавского князя Ростислава (846-869) к византийскому императору Михаилу III (840 — 867) во второй половине IX века для нужд церковной письменности целеноправленно разработали первую славянскую азбуку – глаголицу – и перевли на нее основные христианские тексты. Несколько позже в Болгарии под влиянием и по образцу глаголицы произошло «устроение», т.е. славянизация греческого алфавита, превращение его во вторую славянскую азбуку – кириллицу, положенную в основание церковно-славянского языка. Он был более или менее понятен древним славянам, в том числе и русским, став языковой основой самобытной православной русской культуры.
На этот язык переводили святоотеческую литературу, на нем писались летописи, по нему учили грамоту. И хотя церковно-славянский никогда не был для русских разговорным языком, он в огромной мере повлиял на становление русской речи и русского сознания. С помощью церковно-славянского языка русские люди познавали Бога, веру, церковь, историю, мир, а значит, и самих себя.

Учение о церкви. В православной традиции понятие церкви включает в себя и священников и мирян. Церковью называется вся совокупность верующих православных христиан. В этом состоит существенное отличие от католической доктрины, согласно которой церковь представляет собой только клир, священство. В противовес католическому учению о церкви как об организации, православие понимает церковь как народ, как совокупность крещенных и воцерковленных людей. И Русская Православная Церковь в таком понимании есть ничто иное как русский народ.
В византийском православии существовала идея о религиозной миссии царя-императора («катехон»), и соответственно государство было сакрализированно. Когда после падения Царьграда единственным политически независимым православным царством осталась Московская Русь, эта православная сакрализация государства была перенесена на нее. Таким образом, сложилось священное триединство: церковь-народ-государство (государь).
Церковь и народ тождественны согласно самой основе православного учения. А государство входит в это тождество благодаря принятию на себя функций

православной империи – Москвы – Третьего Рима. И хотя на практике это идеальное триединство едва ли когда-то полностью реализовалось, в нем мы видим вершину исторического и вселенского самосознания русского народа, как народа мессианского, наделенного религиозной миссией спасения мира.
Учение о богоносности русского народа. Согласно христианскому учению, древние евреи были избранным народом. Но после явления в их среде Исуса Христа качество избранного народа перешло только на тех из них, кто последовал за Христом, т.е. на Его апостолов и учеников. В дальнейшем избранничество перешло на всех христиан, независимо от их этнической принадлежности. Но далее Восточная и Западная Церковь расходятся. Православные считают, что католики уклонились в «папежскую ересь» и утратили избранность, которая сохранилась только у православных как новозаветного «избранного народа». А сами католики постепенно вообще забыли идею «народного избранничества». Только в ходе Реформации некоторые крайние протестантские течения и секты вспомнили о ней, провозгласив экстравагантные идеи о том, что «англичане – в другой версии голландцы – являются потомками десяти потерянных племен Израилевых, не вернувшихся из Вавилонского плена», и следовательно, только они являются «богоизбранным народом», который при этом отказывается от католического «искажения» и возвращается к «истокам христианства», когда оно еще было иудео-христианством, т.е. е не покинуло иудейской среды.
Русские восприняли идею богоизбранности всех православных у византийских греков, но по-настоящему вспомнили о ней, когда оказалось, что Московская Русь есть единственное государство, которое сохранило и верность православию, и политическую независимость. Тогда-то идея «богоизбранного народа» была целиком и полностью перенесена на русский народ. С тех пор он стал называться «богоносным» или «богоносцем».

Раскол и десакрализация русского народа. Раскол XVII века был серьезнейшим потрясением самих основ религиозной жизни русских людей. Идея «богоносности» вначале была перенесена патриархом Никоном на чисто политическое поле, а потом и вовсе отошла на второй план перед лицом усиления государственной власти. С конца XVII русское общество подвергается секуляризации.
Одним из важнейших элементов этой секуляризации является представление о Русской Церкви как «одной из православных церквей» наряду с теми церквями, которые уже много веков к тому времени существовали в государствах, где правящей религией было не православие. Сама идея исправить древние русские богослужебные книги по ново-греческим образцам и по сборникам Киевско-Могилевской академии, находившейся под значительным влиянием униатства, переосмысливала идею богоизбранности Москвы-Третьего Рима из плюса в минус, делая Русь из исключительной территории спасения, «государства-ковчега» «отсталой периферией православной культуры», с внешним по отношению к Руси центром. Особенности русского православного обряда, коренящиеся в строгом следовании Студийскому Уставу, принесенному на Русь первыми вероучителями и замененному значительно позже уже в самой Греции на Иерусалимский Устав, когда связи Москвы с Константинополем ослабли, были расценены как «погрешности» и «самовольство».
В ходе никоновских нововведений в обряде и церковном учении по сути

состоялось лишение русских статуса «богоизбранности» и «богоносности». Государство и официальная церковь признали русских «одним народом из многих». Да, народом православным, но православных народов тогда хватало. В Московском царстве русские были Народом с большой буквы, единственным среди многих. После раскола и особенно после реформ Петра Первого сакральная функция русского народа была развенчана. Начиная с конца XVII века тождество народа-церкви-государства распалось, стало недействительным. Народ пошел по своему пути, церковь по своему, государство по своему.
Старообрядцы реагировали на такое положение дел самым радикальным способом: они отказались принимать «новины», оставшись верными Московской старине, древнему обряду, учению о богоизбранности русских. Их дело проиграло, но до сих пор маленькие старообрядческие общины хранят внутри своей среды прямую не оборванную связь с Древней Русью.

Принцип светскости. Реформы Петра были первым существенным шагом в секуляризации русского общества.
Патриаршество было упразднено. Во главе Синода поставлено светское лицо. А главой церкви, следуя англиканскому образцу, Петр объявил самого себя. В один момент Петр чуть было не отменил монашество, он искренне не понимал, чем занимаются «эти бездельники». Понятие «души» и ее «спасения» казались ему чем-то «несовременным», «блажью». Жестокие гонения были обрушены и на старообрядцев. Показательно, что в этот период начинается политика по продвижению на архиерейские кафедры выходцев из Малороссии, где сильны униатские и католические влияния, которые в глазах Петра и его окружения, стоят «ближе к просвещенной Европе». Петр начинает осуществлять реформы с целью сделать российское общество светским, т.е. нерелигиозным и нетрадиционным. За церковью сохраняются функции «министерства морали». Более всего секуляризация в XVIII веке затрагивает именно государство и чиновничество. Сам народ, сельское священство, монашество, простой люд сохраняют верность древним устоям. И даже если далеко не все следуют за старообрядчеством в радикальном отстаивании старины, религиозный православный дух в простом народе сохраняется. А с конца XVIII века начинается религиозное возрождение, оживает традиция старчества (умное делание, исихазм) и древне-православная мистика.
Государство секуляризируется, но народ остается в прежнем религиозном состоянии, оставаясь на стадии традиционного общества.

Идеи Просвещения в России. Европейские идеи в XVIII веке имели огромное влияние на российскую политическую элиту. Но это влияние было весьма поверхностным и распространялось на узкий правящий класс. Цари и царицы – в частности, Екатерина Великая – сами интересовались ими и поощряли русских в подражании новым секулярным идеям и нравам. Но, даже восхищаясь всем «европейским» и подражая ему, русские цари осознавали, что Россия как государство слишком самобытно, огромно и консервативно, чтобы углубленное внедрение европейских идей могло удаться, и, кроме того, оставался больший риск, что освобожденные массы, получив «свободу слова», скажут власти совершенно не то, что она хотела бы услышать. Государство в свое время внедрило в народ православную веру, и народ воспринял это как необратимое судьбоносное явление. В значительной степени покорность

русского народа власти была христианской покорностью православной власти. И это ясно осознавали правящие элиты, даже в эпохи самозабвенного увлечения светскими идеями никогда не отступавшие от внешнего православия, которое использовалось инструментально и прагматически, но все же использовалось. Какие бы секулярные реформы ни осуществляли цари в XVIII-XIX веках вплоть до начала XX века, они опасались затрагивать православные основы народной веры, понимая, что самодержавие держится в значительной степени именно на них.

Религиозный ренессанс. В XIX веке в русском обществе начался религиозный ренессанс, и романтические идеи консерваторов-славянофилов были в определенный момент взяты на вооружение самой царской властью. У славянофилов мы видим возвращение к идеалам Московской Руси, критику западнических реформ Петра, призыв вернуться к самобытным православным корням отечественной культуры.
Религия в СССР. В начале XX века казалось, что Россия вот-вот вернется к своему историческому предназначению, к своей религиозной миссии, что возродится чувство богоизбранности и вселенской миссии. Вместо этого произошла Октябрьская революция, которая воплотила эти назревшие мессианские чаяния в совершенно иную идеологическую форму, превратив религиозную утопию в утопию социальную, а мессианскую избранность русского народа -- в миссию «русского пролетариата по осуществлению мировой революции».
Сразу после революции отдельные мыслители и художники еще пытались совмещать эти две линии, увидев в большевиках возвращение к Руси, только к Руси Советской. Так думали Александр Блок (1880-1921), воспевший в поэме «12» большевиков, предводительствуемых Христом, или крестьянский поэт-старообрядец Николай Клюев (1887 - 1937), распознавший революцию как возврат к Старой Вере («Есть в Ленине Керженский дух, Игуменский окрик в декретах, Как будто истоки разрух Он ищет в «Поморских ответах».) Также видит события 1920-х годов поэт Максимилиан Волошин (1877 - 1932) («В комиссарах дух самодержавья»), а консервативный философ Николай Устрялов формулирует теорию национал-большевизма, утверждая, что «именно большевики выражают истинную волю русского народа по строению великой империи, противостоящей Западу и наделенной высшей вселенской миссией». Нечто подобное утверждали и философы-евразийцы. Все эти течения стремились отыскать религиозный (мессианский) смысл в политике и идеологии русских большевиков.
Формально же большевики устраивают на церковь и религию настоящие гонения, которые не имеют равных в истории. Идеология марксизма рассматривает религию как «опиум для народа», т.е. как пилюлю, данную трудящимся, чтобы подсластить горечь эксплуатации и замутнить их классовое самосознание. Соответственным было и отношение к православию, равно как и к другим традиционным конфессиям – взорванные и разоренные храмы, церковные колокола, переплавленные на пушки, сожженные иконописные лики, надругательство над священниками, настоящий антихристианский геноцид, подобный тем гонениям, которые церковь испытывала в период катакомб. Начиная с 1930-х годов и видя, что борьба большевиков с религией и их атеистические убеждения являются фундаментальной составляющей их убеждений, многие консерваторы пересматривают свое отношение к русскому

мессианству, разочаровываются в нем, и переходят к идее о том, что религиозный подъем начала века был своего рода «национальным соблазном» и кончился «антихристовой пародией» в лице коммунизма. Выходом для многих религиозных деятелей (особенно в русской эмиграции) становится обращение к православию в целом, в первую очередь греческому, и погруженность в догматические и исторические вопросы, без прямой связи с религиозной историей России (так поступают лучшие русские богословы XX века протоиерей Георгий Флоровский (1893-1979), о.Иоанн Мейендорф (1926-1992), Владимир Лосский (1903-1958) и др.).
Между тем с конца 1930-х годов Сталин несколько смягчает антирелигиозную компанию, а в 1942 восстанавливает русское патриаршество. Русская Церковь играет существенную роль в деле патриотической пропаганды во время Второй мировой войны. Но ее роль в обществе все равно остается маргинальной. Гонения на церковные приходы возобновляются при Н.Хрущеве (1894-1971), но вновь спадают при Л.Брежневе (1906-1982). Пока не приходит эпоха перестройки, и идеологическая диктатура большевиков завершается. Празднование тысячелетия крещения Руси в 1988 году в последние годы советской власти проходит почти как всенародный общегосударственный праздник, священников и архиереев избирают в народные депутаты, запреты на религиозную жизнь снимаются. Но полностью Русская Православная Церковь становится независимой от государственной «опеки» только в начале 1990-х годов.

Возрождение Православия в новой России. После краха СССР в российском обществе отношение к религии и Русской Православной Церкви существенно изменилось. Большую часть храмов, монастырей и церковных объектов новая власть передала Церкви. Начался процесс восстановления церквей, возрождение жизни приходов. При многих храмах открылись воскресные церковно-приходские школы. Возобновили работу православные академии, институты, гимназии, которые во множестве действовали до Октябрьской революции, но были закрыты большевиками. В церкви притекла новая волна верующих. Крещение младенцев, церковные браки, освящение жилищ, отпевание покойников, похороны по православному обряду – все эти элементы православной культуры и религиозного бытия народа стали возвращаться в жизнь. Политические лидеры и высшая власть стали считать своим долгом посещение праздничных богослужений. СМИ в общефедеральном масштабе принялись освещать события церковной жизни, транслировать в прямом эфире праздничные службы (в особенности Пасхальную и Рождественскую). Президенты России стали более или менее регулярно встречаться с Патриархом РПЦ, крупными религиозными деятелями.
Православная вера и церковное мировоззрение в целом после 70 лет жесткого запрета, гонений и организованного истребления верующих, получили полное право на существование и свободу. При этом советские атеистические установки до какой-то степени сохранили свое влияние на общество, что сказалось, в первую очередь, на образовании. К этому добавились прозападные ультралиберальные настроения реформаторов, которые стремились во всем подражать западным странам, настаивали на светском характере государства, общества и СМИ, с подозрением относились к тому патриотическому потенциалу, который содержится в широких православных кругах, традиционно отстаивающих «особый путь России».

Инерция советского атеистического наследия вместе с либерально-космополитической ориентацией российских реформаторов привели к тому, что православие как религия и как мировоззрение в течение 1990-х годов не смогло занять центральное положение в обществе, продолжало оставаться на периферии общественно-политической и культурной жизни, а его присутствие в СМИ было строго дозированным. При этом прежних притеснений и гонений за Веру не стало, и у православных людей появилась возможность открыто исповедовать свою веру, посещать церкви, участвовать в приходской жизни, издавать и свободно распространять православную литературу.
С начала 2000-х годов положение Церкви несколько улучшилось, так как на повестке дня была поставлена выработка национального мировоззрения, консервативные и патриотические настроения резко возросли, и все эти изменения привели к объективному усилению позиций Православной Церкви в обществе. В некоторых областях России стали практиковаться в школьном обучении факультативные курсы «Основ Православной Культуры». На заседаниях Всемирного Русского Народного Собора под предводительством Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия обсуждались важнейшие социально-политические, стратегические и экономические проблемы российского общества; в них стали регулярно принимать участие представители высшей политической власти, в том числе и Президент РФ Владимир Путин.

Контрольные вопросы

1.Какую роль Православная церковь сыграла в судьбе России?
2.Что следует понимать под учением о «богоносности» русского народа?
3.Как старообрядцы осмысляли смысл нововведений патриарха Никона и последующие петровские реформы?
4. Как русские осознавали свою православную миссию на разных этапах истории?
5.Какую роль, на ваш взгляд, Православная Церковь играет в жизни современной России? Будет ли (должна ли) она возрастать?

7.3. Конфессии России

«Православные верующие готовы принять
мировоззренческий выбор других народов.
Но они не могут молчать, когда им навязываются чужие нормы,
противоречащие основам православной веры.
Думаю, что такого же мнения придерживаются мусульмане, буддисты, иудеи
и представители других религий.
Для того, чтобы избежать конфликта в современном мире,
необходимо интенсивно проводить работу по гармонизации

различных мировоззренческих систем.
Общие принципы жизни мирового сообщества должны вырабатываться совместно различными цивилизациями.»

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев)

Христианские конфессии помимо РПЦ. Различные этносы России исповедуют религии, отличные от Православия.
Христианами помимо самих православных являются католики (преимущественно поляки и литовцы) и протестанты (среди них выделяются этнические немцы, эстонцы и латыши).
Большинство христиан, исповедующих католичество или протестантизм (за исключением чисто русских протестантских общин – таких как молокане, духоборы или некоторые пятидесятники), унаследовали традицию от своих этнических предков, и на территории России католические костелы и протестантские кирхи или молельни беспрепятственно удовлетворяют духовные потребности христианских меньшинств.

Старообрядцы. Особым явлением в русской религиозной жизни являются староверы, «ревнители древлего благочестия». Это чисто русское направление в православии объединяет прямых духовных потомков тех сил в русском обществе, которые отвергли реформы патриарха Никона и сохранили верность древним обрядам и дораскольной Московской старине.
Старообрядцы отрицают благодатность Русской Церкви после Никона, и считают, что спасения можно достичь только через Старую Веру. Сами старообрядцы, однако, делятся на несколько групп – главные из них «поповцы» и «беспоповцы». Поповцы («белокриницкие» и «ново-зыбковские») имеют свое священство, а беспоповцы (поморцы, федосеевцы, бегуны, спасовцы и т.д.) считают, что «священство иссякло» и за религиозной обрядовой жизнью у них следят сами миряне, а также избранные из их числа «наставники».
Старообрядцы претерпели за последние триста лет суровые гонения при царской власти, и в советский период считались «особо опасной сектой». Только в 1928 году Московская Патриархия сняла проклятия со старообрядцев, а в 1971 году поместный собор РПЦ окончательно постановил считать старообрядцев «равноспасительной сестринской церковью», а все обвинения в их адрес признать недействительными («яко не бывшими»). Изменение отношения затрагивает, однако, только саму РПЦ, тогда как большинство староверов продолжает считать официальную церковь («никониан») «еретиками». Исключение составляют «единоверческие» общины, которые практикуют старый обряд и исполняют все правила древней дораскольной церкви – двуперстие, сугубую аллилую, обхождение алтаря посолонь, метания на Мариино стояние, старое прочтение Символа Веры и т.д., но при этом признают Патриарха и митрополитов РПЦ, получают от нее священство.
В последние годы наметились тенденции по сближению МП РПЦ со староверами.
Русская Православная Церковь Заграницей и Истинно-Православная Церковь. Особое явление представляет собой Русская Православная Церковь Заграницей. К ней относятся потомки русских бело-имигрантов, оказавшихся за

границей принудительно, но сохранивших веру. В 20-е и 30-е годы XX века МП РПЦ была вынуждена сотрудничать с большевиками, и это вызвало протест представителей белой иммиграции. Особенно возмутило тогда церковную общественность «Декларация» от 29 июля 1927 митрополита Сергия (Страгородского) (1867-1944), где Церковь признавала Советскую власть и призывала паству с ней сотрудничать. РПЦЗ решила прервать отношения с МП РПЦ и выдвинула теорию об «отступлении» от православия, уклонении в «ересь», названную «сергинаством». РПЦЗ канонизировала царскую семью и всех мучеников, пострадавших за Веру Христову от большевиков.
На такой же позиции стояли и представители Истинно-Православной Церкви, оставшиеся в России, но обвинившии МП РПЦ в «ереси» и отступничестве за сотрудничество с «безбожными большевиками». Члены ИПЦ в определенный период признали главенство РПЦЗ, но позже разделились на несколько рассеянных толков, которые с конца 80-х либо исчезли, лиюол выродились оканчательно, лиюо превратились в неправославные секты (Богородичное братство, «Готфская епископия» и т.д.)
Постепенно острота противостояния между МП РПЦ и РПЦЗ сгладилась, а после того как Московская Патриархия в 1990-е годы приняла решение о признании канонизации царской семьи, последние преграды для воссоединения двух ветвей Русской Православной Церкви были устранены, и процесс в 2000-е годы вошел в заключительную стадию – чему кроме всего прочего активно способствовал Президент РФ Владимир Путин, поддерживающий с первоиерархами РПЦЗ личные отношения.
Псевдохристианские секты. В 1990-е годы получила широкое распространение пропаганда крайних протестантских сект, чьи проповедники ловко использовали религиозную безграмотность населения, годы атеизма и борьбы с религией, чтобы вовлечь людей в свои «церкви». Нередко такие около христианские организации используются зарубежными спецслужбами в качестве прикрытия для вполне легального пребывания в России и сбора разведывательной информации по широкому спектру вопросов. Часто за фасадом «евангелических миссий» во главе с иностранными проповедниками-шоуменами стоят обыкновенные мошенники, обирающие свою паству, переписывающие на себя квартиры и иное имущество прихожан. Некоторые из них практикуют контроль над сознанием и психикой тех, кто им поверил, что приводит к личным трагедиям и психическим заболеваниям. Такое явление получило название «тоталитарных сект», не имеющих отношения к традиционным конфессиям, но часто использующих для своих неблаговидных целей христианские образы, символы т.д. В некоторых тоталитарных сектах – «Богородичное братство», «Белое братство», «Церковь Виссариона» и т.д. – практикуется обожествление главы секты и пропаганда скорого наступления «конца света», что представляет собой пародию на подлинную религию и привлекает к себе невежественных, недалеких или психически больных людей. Такие явления имеют к религии лишь отделенное отношение, их следует однозначно квалифицировать как «социальное зло» и бороться законными методами как и с другими формами авантюризма и мошенничества.
Ислам в России. Второй по численности традиционной конфессией в России является ислам. Этносы, исповедующие исламскую религию, приняли ее в глубокой древности, и для многих из них ислам играет огромную роль в формировании их идентичности, составляя важнейшую часть культурного и исторического наследия.

Мусульманами является большинство этнических татар, живущих как в Поволжье, так и на всей территории РФ. В современной республике Татарстан проживает только одна треть всего татарского населения России, при этом татары составляют половину населения Татарстана, остальное население -- великороссы и другие этносы России. Предки татар – волжские булгары – приняли ислам еще в X веке, а другая значительная часть – перешла в ислам в эпоху «Золотой Орды», после того как монгольский хан Узбек (712-741) принял эту религию. Другой крупнейший тюркский этнос России – башкиры – также преимущественно исповедует ислам. Центральное Духовное Управление Мусульман России со времен Екатерины II до настоящего времени находится в Уфе (Башкиртостан), и возглавляется верховным муфтием Талгатом Таджуддином.
Другую половину российских мусульман составляет коренное население Северного Кавказа – аварцы, даргинцы, ногайцы, лезгины, лакцы (Дагестан), балкарцы, кабардинцы (Кабардино-Балкария), карачаевцы, черкесы (Карачаево-Черкессия), адыги (Адыгея), чеченцы (Чечня), ингуши (Ингушетия) и другие. Кавказский ислам существенно отличается от татарского, так как в нем большую роль играют этнические обычаи и древние традиции кавказского населения.
Практически все мусульмане России исповедуют ислам суннитского типа. На Северном Кавказе особенно в Дагестане, Чечне и Ингушетии большое распространение имеет суфизм, представленный религиозными орденами – тарикатами (накшбандийа, кадирийа и др.).
Мусульмане-шииты представляют собой растущие в последнее время азербайджанские общины, приезжающие в Россию на заработки или на постоянное место жительство. Мигранты из Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы и казахи) – сунниты. Исключение составляют таджики из Горного Бадахшана, где распространен исмаилизм, крайнее и довольно редкое направление в шиизме.
Ислам является по определению мировой религией, поэтому бывают случаи принятия ислама и этническими великороссами. Равно как и обратный процесс – переход в православие представителей этносов, традиционно исповедующих ислам. Среди татар есть также конфессионально-культурное меньшинство, – кряшены, - состоящие их потомков тех татар, кто принял христианство в глубокой древности. Служба в кряшенских церквях идет по-старо-татарски.
Иудаизм в России. Иудаизм как веру отцов исповедуют в современной России этнические евреи, и случаи перехода в эту веру других этносов в России практически не встречаются. Гиюр практикуют, как правило, те евреи, кто с точки зрения «Галахи» не является «чистыми» (например, евреи по отцовской линии).
В иудаизме представлены два направления в иудейской религии – миснагеды и хасиды.
Миснагеды являются большинством и исповедуют классические формы раввинистической талмудической традиции. Хотя в последнее время среди миснагедов стали распространяться традиции «реформированного иудаизма» под влиянием секулярных тенденций, идущих из США, где существует сильная и влиятельная еврейская диаспора, состоящая в значительной мере из выходцев из России.
Хасиды являются мистическим направлением в иудаизме, возникшем в XVII веке на территории нынешних Польши, Украины и Белоруссии. Это течение

тяготеет к изучению мистической традиции иудаизма (каббалы), настаивает на строжайшем соблюдении всех религиозных правил (мицвот) и предписаний. Хасиды носят традиционную еврейскую одежду – лапсердаки, широкополые шляпы особого фасона, обязательные пейсы и кипы (шапочки «ермолки»). Современные хасиды почитают религиозных авторитетов – цадиков, последним из которых считается любавический ребе Менахем Мендел Шнеерсон (1902-1994). Некоторые хасиды считали «машиахом».
Хасиды весьма активны в миссионерской деятельности и в последние годы резко усилили свое влияние среди евреев России. Российских хасидов возглавляет рав Берл Лазар, а традиционных миснагедов – главный раввин России Адольф Шаевич.

Особенность монотеистических религий в Евразии. Следует обратить внимание на одну особенность распространения традиционных конфессий на территории Северной Евразии и Прикаспия с древности до наших дней. Еще задолго до «Ясы» Чингисхана, утвердившей веротерпимость в качестве незыблемого закона его кочевой империи, народы, жившие на территории современной России (и стран СНГ), отличались великодушием в отношении представителей отличных религиозных конфессий. Религиозный фактор практически никогда не становился главенствующим в конфликте: войны и столкновения проходили между этносами, племенами, государствами, князьями и каганами, но никогда не между религиями.
В эпоху Хазарского каганата, где государственной религией был иудаизм, одновременно процветало христианство и шло беспрепятственное распространения ислама. Причем легенды о выборе иудаизма хазарским каганом удивительно напоминают историю об испытании вер князем Владимиром. Каган сравнил между собой три монотеистические конфессии и остановил свой выбор на иудаизме. Но это не сказалось отрицательно на иных религиях.
Принятие православие Русью и становление христианства государственной религией очень слабо повлияло на этносы, исповедующие ислам или на евреев. И те, и другие имели все свободы в православном государстве исполнять свои обряды и следовать вере отцов.
И в «Золотой Орде», когда хан Узбек принял ислам и сделал его государственной религией «улуса Джучиева», куда входила и Русь, это никак не сказалось на положении православных. Более того, даже будучи довольно фанатичным мусульманином суннитско-шариатского толка (в отличие от хана Берке (1209-1266), который в своих симпатиях к исламу ориентировался на суфиев), хан Узбек не препятствовал переходу татар в православие.
Такое сосуществование традиционных конфессий на протяжении тысячелетий составляет отличительную черту именно евразийской цивилизации (полностью унаследованной Россией) в отличие от истории Западной Европы, пережившей все разновидности жесточайших религиозных войн – и между христианами и мусульманами, и между католиками и протестантами, и кровавые Крестовые походы, жертвой которых подчас становились либо гностические течения (альбигойцы, катары, моравские братья, «адамиты» и т.д.), либо даже православные (Четвертый крестовый поход, завершившийся разграблением Константинополя и осквернением храма Святой Софии).

Буддизм и политеистические культы. Традиционно буддизм в России исповедуют калмыки, буряты и тувинцы. Буряты и калмыки являются потомками древне-монгольских племен, а тувинцы – тюркское племя, долгое время находившееся под культурным и политическим влиянием Монголии и Тибета.
Кроме буддисткой традиции – с развитой теорией, философией и обрядовым комплексом – к немонотеистическим религиям относятся языческие культы древних евразийских этносов – коми, якутов, хакасов, алтайцев, объединенных общим названием «шаманизм» (в Хакасии «бурханизм»). Шаманизм присутствует также у малых этносов Севера – чукчей, камчадалов, юкагиров, шорцев, долганов, тунгусов и т.д.
Против буддизма и шаманизма – в отличие от ислама и иудаизма -- православные миссионеры и царское правительство активно боролись, стремясь перевести эти этносы в православие. В советскую эпоху гонения на них – на сей раз со стороны атеистов – еще более усилились. Но многие этносы сохранили верность своим традициям, в наше время они активно возрождаются вместе с этническим самосознанием и идентичностью.
Межконфессиональный диалог. Укрепление роли Православия проходило отнюдь не в ущерб развитию иных религиозных конфессий России, – исламу, иудаизму, буддизму и т.д., -- в которых после падения коммунистической атеистической идеологии также началось возрождение. Для поддержания постоянного диалога между всеми традиционными религиями России был учрежден Межрелигиозный Совет при Президенте РФ, где главы конфессий обсуждают проблемы межрелигиозных отношений, разбирают случаи недоразумений и трений, которые иногда возникают между верующими.

Контрольные вопросы

1.Какие религии существуют в современной России?
2.Какие этносы преимущественно исповедуют какие конфессии?
3.Из-за чего появилась Русская Православная Церковь Заграницей?
4.Как вы объясните, что между в русской истории не было религиозных войн и жестких межрелигиозных конфликтов?
5.Как строятся отношения между традиционными религиями в современной России?

Оглавление

Часть 3. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Раздел 8. Мировоззрение и образование

8.1 Мировоззрение и идеология

«Можно «думать», не осознавая критически свои мысли, «думать» несвязно и случайно, другими словами,
«разделять» некоторое мировоззрение, механически впечатываемое окружением, одной из социальных групп,

в которых человек автоматически растворяется.»
А.Грамши

Определение мировоззрения. *Мировоззрение – это система представлений о мире, его сущности, его устройстве, а также вытекающая из нее иерархия ценностей.* Оно представляет собой «оси координат», с помощью которых человек познает окружающий мир, определяет общественные и личные цели, расставляет знаки и акценты у событий, явлений, вещей, поступков, других людей и обществ. Мировоззрение может быть основано на *вере*, и тогда оно является составной частью религии (в ее теоретическом аспекте). Мировоззрение любого традиционного общества, независимо от того, какая религия в нем преобладает, обязательно является религиозным.
Для светского общества характерны иные типы мировоззрения, которые могут быть как религиозными, так и светскими, но религиозные формы мировоззрения в светском обществе свойственны только отдельным группам этого общества, а не всему обществу в целом.
Если в традиционном обществе религиозное мировоззрение является основным и всеобщим, и даже меньшинства в нем, как правило, имеют также религиозное мировоззрение, только отличное от основного, то в светском (секулярном) обществе мировоззрение, как всеобщее, так и отдельных групп (классов, сословий, этносов и т.д.), может быть произвольным и основываться на любых философских, политических, этических и иных принципах. В таком светском обществе мировоззрение становится идеологией.

Обязательно ли иметь мировоззрение? Общество и культура всегда оперируют с мировоззренческими кодами. Иногда открыто, иногда скрыто. Человек не может не иметь мировоззрения, он может не осознавать, что это за мировоззрение и каким способом оно было ему навязано.
Мировоззрение - это *макет бытия и общества*, который загружается в сознание (и бессознательное) человека, как своего рода «операционная система» в компьютер, и предопределяет все последующие реакции, оценки, системы выбора, действия и эмоции. Всякий человек наделен мировоззрением. Только одни люди внимательно осмысляют это мировоззрение, полученное от общества, семьи, среды или выстроенное искусственно самим человеком, анализируют его устройство, помнят и знают тех, то заложил его основы, а другие руководствуются им по инерции, воспринимая влияние мировоззрения на них самих как нечто «само собой разумеющееся», как «данность», «как очевидность», как нечто «естественное».
Можно привести такой пример: сегодня все пользуются компьютерами или мобильной связью, но все меньше тех, кто знают, как эти механизмы функционируют. Мировоззрение всегда в своей основе имеет четкое происхождение, некий механизм (будь-то религия или философия), но как этот механизм действует, кто его разработал и как с ним обращаться знает только ограниченный круг специалистов. Такими специалистами являются философы, политологи, обществоведы, социологи, антропологи, экономисты, психологи, лингвисты, изучающие человека и человеческое общество профессионально. Они-то и способны выявить с достаточной точностью основные параметры мировоззрения у любого человека, который подчас совершенно и не

догадывается, что вообще есть какое-то мировоззрение. Незнание того, как устроен тот или иной механизм, отнюдь не препятствует вполне эффективному его использованию.

Идеология. Идеология - это явление Нового времени и означает искусственную систему взглядов, ценностей, идеалов, методов исторического анализа, сформулированных общественных целей. Идеология стала складываться в тот период, когда значение религиозного (богоданного) фактора в обществе стало резко падать, и отдельные люди стали выдвигать свои собственные политические, ценностные и социальные системы, опираясь на рациональные доводы, классовые или сословные интересы, научные данные или индивидуальный произвол. Идеология – это мировоззрение, но только рационализированное, искусственно выстроенное и сведенное к упрощенной, схематичной форме.
В отличие от мировоззрения идеология конструируется из частей и отдельных элементов, не как органическое целое, а как тщательно построенный аппарат или машина, но только оперирующая не с материальными частями, а с идеями и элементами философских систем.
Впервые термин «идеология» употребил в начале XIX века французский философ Дестют де Траси (1751-1836). В широкий обиход он был введен Марксом и Энгельсом в рамках классового анализа. С их точки зрения, «идеология» есть выражение полит-экономических и социальных интересов общественных классов. При этом Маркс и Энгельс неоднократно называли идеологию – «ложным сознанием», подчеркивая односторонний и пристрастный ее характер.
В соответствии со своими представлениями об истории они выделяли
- рабовладельческую,
- феодальную,
- буржуазную и
- пролетарскую идеологии.

Причем более всего их занимают две последние – *буржуазная идеология* и *идеология революционного пролетариата*. Свою собственную философскую и полит-экономическую систему Маркс воспринимал именно как идеологию, сформулированную от лица рабочего класса и направленную против преобладающей в капиталистическом мире буржуазной идеологии.
В более широком смысле можно говорить и об иных вариантах идеологии – «социал-демократическая идеология», «фашистская идеология», «пацифистская идеология», «гуманистическая идеология» и т.д.
Идеология есть такое мировоззрение, которое искусственно создается людьми и распространяется для реализации конкретных социально-политических целей.
Марксистский анализ явления «идеологии» был принят на вооружение не только самими марксистами, но и широким спектром философов самых разных политических убеждений.

Марксистская идеология. Марксистская идеология считала, что пролетариат должен обрести «классовое сознание» и сплотиться в революционную рабочую партию для осуществления мировой революции. Эта идеология легла в основу советского общества и других социалистических систем (Восточно-европейские страны, Китай, Вьетнам, Северная Корея, Камбоджа, Куба, Албания и др.). В

этой идеологии преобладают коллективизм, классовая солидарность трудящихся, оправдывается отказ от частной собственности и уничтожение буржуазии как класса. Парламентская система признается «буржуазной», провозглашается «диктатура пролетариата».
Коммунистическая идеология была правящей в СССР на всем протяжении его существования. Она считалась «единственно верной» и общеобязательной, что предопределяло ее тоталитарный характер.
Буржуазная идеология. Неадекватность марксистских определений. Маркс выдвинул концепцию «капиталистической идеологии», как уже существующего явления, которое он постарался описать и «разоблачить», и создал противоположную революционную пролетарскую идеологию.
Марксистская идеология была систематизированной, догматической, сохраняющей неизменными основные принципы. Буржуазная же идеология представляла собой гораздо более неопределенный, сложно локализуемый феномен. Очень редкие мыслители открыто признавали, что являются поборниками «буржуазной», «капиталистической» либо вообще какой-то идеологии. Лишь самые последовательные и радикальные либералы (и неолибералы) были готовы принять оценку Маркса (относительно капитализма как идеологии), меняя при этом минус на плюс и защищая то, что сам Маркс критиковал.
Большинство идеологий, сформированных в буржуазных режимах, были более уклончивы и предпочитали называть себя иначе или не называть никак.
Марксисты потратили не мало сил и исписали горы книг, чтобы обосновать отнесение того или иного философа или ученого к буржуазной идеологии.
Критерий был таков: «буржуазной» идеология является тогда, когда она

- не подвергает капиталистическую систему жесточайшей критике,
- не требует ее свержения,
- не разоблачает механизмы эксплуатации,
- не признает революционной роли рабочего класса,
- не настаивает на уничтожении частной собственности.

Одним словом, любая идеология, не являющаяся марксистской и любой философ или ученый, не являющий марксистом или не испытывающий к марксизму симпатий, уже заведомо считался носителем «буржуазной идеологии»: по принципу - «кто не с нами, тот против нас».
Кроме собственно «буржуазной идеологии», выделялись феодальные и клерикальные идеологии, которые коммунисты подробно не рассматривали, так как они в современную эпоху считались «пособниками капиталистов в их борьбе против пролетариата», т.е. незначительной и анахронической разновидностью эксплуататорского класса.
Идеология итальянского фашизма и германского национал-социализма была приравнена коммунистами к идеологии «крупной буржуазии». А левые, но не марксистские течения – социализм, анархизм, позже троцкизм и т.д. – рассматривались как проявления «мелкобуржуазного духа».
Такие определения, безусловно, являются грубыми натяжками, и нет никаких оснований, чтобы отказывать в антибуржуазном характере тем идеологиям (как крайне левым, так и крайне правым), которые это открыто провозглашают.
Несогласие с марксизмом не является достаточным признаком зачисления в категорию «буржуазных идеологий». Точно также, нельзя произвольно отказать в идеологической состоятельности не-буржуазным мировоззрениям клерикального или аристократического толка («католический социализм»,

«прусский консервативный социализм» и т.д.), хотя сам Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» делает именно это, лишая «антикапиталистов справа» (т.е. критиков с позиций аристократического сословного общества) права на искренность и обоснованность их позиции.
То, что марксисты относят к «буржуазной идеологии», при более внимательно рассмотрении оказывается целым спектром различных идеологий, многие из которых однозначно и последовательно отрицают буржуазные ценности и утверждают свои собственные мировоззренческие системы. Единственной идеологией, строго соответствующей марксистскому определению «буржуазная или капиталистическая идеология», является либерализм (неолиберализм). А идеологии «новых левых», «анархистов», «анархо-синдикалистов», «теологии освобождения», «национал-революционеров», «консервативных революционеров», «фундаменталистов» и даже экстремистские формы - такие как «фашизм» и «нацизм» - представляют собой смешанные идеологические системы, где основы капитализма и принципы буржуазной системы подчас подвергаются резкой и последовательной мировоззренческой критике.
В XX веке вопрос идеологии и мировоззренческого выбора стоял очень остро. Осмысление классовой, национальной, исторической, культурной принадлежности проходило в жестких идеологических формах – люди отдавали предпочтение той или иной идеологии, принимали заложенные в ней принципы, цели и методы, подстраивая под них в дальнейшем свои решения, свои поведенческие стратегии, свою жизнь. Поэтому XX век иногда называют «веком идеологий».
Исчерпанность интереса к идеологиям в нашу эпоху. В эпоху распространения общества модерна большинство людей стремилось узнать о науках, технологиях и устройстве аппаратов хотя бы самые общие сведения - отсюда широкое распространение научно-популярной литературы. Тогда же было сознательное увлечение идеологиями – большинство стремилось выбрать то, что казалось более подходящим (или правильным).
В последние десятилетия интерес к тому, *как устроены вещи*, и соответственно к тому, *как устроены идеологии*, заметно убавился. Общество модерна исчерпало свою энергетику, и многие заговорили о «*конце идеологий*». Правильнее было бы говорить о «конце осознанного интереса к идеологиям», так как сами идеологии, мировоззренческие системы никуда не исчезли, они просто перешли на иной, менее заметный уровень. Так в компьютерах первых поколений пользователь еще кое-когда сталкивался с цифровыми кодами или операциями, связанными с базовым устройством вычислительной техники («машинным языком»). После определенного момента весь интерфейс стал «user friendly» («дружественным к пользователю») и «интуитивно понятным». Все операции стало возможно осуществлять, ориентируясь по наглядным картинкам и значкам, подсказывающим нужное действие даже самым невнимательным. Но это не значит, что программисты и язык программирования исчезли за ненадобностью, и теперь компьютеры возникают и работают «сами по себе». Однако присутствие программного уровня ощущается все меньше и меньше. Точно также происходит с идеологией.

В новую эпоху (постмодерна) людям предлагается поступать с идеями и ценностями как с меню современных компьютеров: необязательно понимать, как устроен мир идей и с какой системой взглядов оперируют механизмы

нашего сознания и нашей психики. Это настолько глубоко, что не представляет интереса, а практическую пользу можно достигать, скользя по поверхности вещей и явлений, не задумываясь о том, что происходит в «машинном отделении» нашего сознания, где и расположены мировоззренческие и идеологические коды. Так возникает «Матрица» -- общество высокоэффективных и высокотехнологичных дебилов, управляемых программами и импульсами, которых они не замечают и не фиксируют. Освобождение от идеологии постепенно делает людей рабами той идеологии, о которой они не догадываются, которой они не выбирали, в которую они оказались загруженны.

Soft ideology («мягкая идеология»). Чтобы описать это сложное явление перехода идеологии на более глубокий уровень запрограммированности человеческого сознания (и подсознания) в эпоху постмодерна, американские политологи предложили специальный термин «soft ideology», «мягкая идеология» по аналогии с «hardware» (механическая часть, «железо») и «software» («программное обеспечение») в компьютерах.

Мягкая идеология (soft ideology) возникает после конца «века идеологий», когда многие начинают ощущать усталость от необходимости сознательно осуществлять идеологический выбор, вставать на ту или иную сторону в социально-политической борьбе, подстраивать свою жизнь под систему рациональных правил и целей. «Усталость» и «отказ», о которых идет речь, существуют не в безвоздушном пространстве, а в конкретной исторической ситуации, где победившей идеологией является именно «буржуазная идеология» в ее наиболее последовательном варианте – в форме либерализма. Поэтому некоторые «новые левые» философы (Ж.Делез (1925-1995), Ф.Гваттари (1930-1992), М.Фуко (1926-1984), Р.Барт (1915-1980), Э.Левинас (1906-1995) и т.д.) уже с конца 1960-х годов заговорили о «новой тактике капитализма», который постепенно перестает выступать как систематизированная идеология и превращается в «распыленное зрелище», в «общество Спектакля» (Ги Дебор). Идеологизация происходит не через «лобовое» обучение началам, принципам и методам, как в тоталитарных обществах или мобилизационной пропаганде капиталистических режимов 30-40 годов XX века, а через рекламу, развлечения, телешоу, показы мод, новые системы сетевого потребления – шопингмоллы, фастфуд, гипермаркеты и т.д. Этот качественный сдвиг в идеологии происходит при появлении «общества потребления», сменяющего «производственный капитализм». Отныне логика капитализма, и соответственно эксплуатации и отчуждения, скрывает себя в экстатическом хаосе знаков бесконечного потребления.

В такой ситуации «мягкая идеология» не требует специальной пропаганды, она усваивается в самом процессе потребления, развлечений, просмотра программ телевидения, участия в сетевых структурах и пользовании высокотехнологическими предметами – компьютерами, мобильной связью и т.д. Все товары и услуги общества постмодерна составляют ткань этой «мягкой идеологии», она не навязывает никому ничего не конкретного, ни от кого ничего не требует, но простое пассивное скольжение по ее траектории – шоппинг, телепросмотр, созерцание реклам, смена мод, перелистывание глянцевых журналов, посещение брэндовых заведений, отдых в престижных отелях – уже само по себе формирует устойчивые стереотипы, по сути, мировоззрение. В основе этого soft-мировоззрения стоят

- ценности релаксации и отдыха,

- гибкость, адаптивность к новым ситуациям,
- крайний индивидуализм, игровое право считать себя, кем угодно (как в персонажах компьютерных игр),
- десоциализация, нарциссизм,
- произвольность в выборе половых партнеров и самого пола (толерантность к сексуальным меньшинствам),
- космополитизм, безразличие к государству, народу, нации, религии,
- эксцентричность и экстравагантность, стремление к необычному и галлюциногенному,
- хаотический нецентрированный на конкретном объекте эротизм,
- загипнотизированность отдельными знаками, оторванными от контекста.

И хотя кому-то может показаться, что такие качества есть свойства современной потребительской культуры и моды, а не идеология, на самом деле, этот код не является произвольным и случайным, но представляет собой логичное и закономерное развитие идеологических принципов либерализма, основанного как раз на радикальном индивидуализме и абсолютизации частного перед лицом всеобщего (начиная с собственности и кончая высшими философскими приницпами).

На парадигматическом уровне появление «soft-ideology» сответствует переходу от индустриального общества (модерн) к обществу информационному (постмодерн).

Контрольные вопросы

1.Что такое мировоззрение? Дайте свое определение.
2.Обязательное ли иметь идеологию или можно обойтись без нее? Выскажите ваше личное мнение.
3.Чем отличается марксистская идеология от буржуазной?
4.Исчезла ли идеология в современном мире?
5.Что такое «мягкая идеология» и как она воздействует?

8.2 Образование: трансляция «мировоззренческого кода»

«Воспитанием мы называем совместный разговор между взрослым и молодым человеком о жизни,
то действующее и обретающее действительность в языке осознание жизни, которое по своей изначальности осуществляется как «нормативный акт»,
т. е. как ориентацию всего человеческого бытия во всех его основополагающих связях.»
Э.Финк

Образование. *Образование – это процесс общественного развития человека, заключающийся в институционализированной передаче ему социально значимого опыта, навыков, умений, представлений об*

окружающем его мире. Главной задачей образования является сообщение новым поколениям «мировоззренческого кода», что обеспечивает преемственность поколений и непрерывность общественно-исторических процессов.

Образование в традиционном обществе. Жрецы, воины и народные массы. Исторически в традиционном обществе образование было уделом высших сословий – жреческого и воинского. Хотя определенные формы существовали и для других – низших -- слоев населения.

Религиозное образование было предназначено для священнического сословия и включало в себя передачу знаний о религиозных и богословских основах вероисповедания, о значении культов и обрядов, о богослужебной практике. Параллельно этому во всех культурах религиозное образование содержало передачу информации по истории обществ, социальные, правовые, этические и иные традиции. В некоторых культурах религиозное образование было единственной формой систематического образования и фактически содержало в себе все общественные и культурные формы.

Образование аристократии (преимущественно состоявшей из представителей воинского сословия) во многих культурах было вынесено в отдельную категорию. Помимо обучения воинским искусствам, это образование включало в себя те предметы, которые были необходимы для осуществления властных полномочий – знакомство с основами права, государственными традициями, историей и т.д. Со времен Античности обучение знати в Европе включало в себя обязательное преподавание семи «свободных искусств» (наук): грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки и астрономии. Считалось, что аристократ обязан активно заниматься формированием своего интеллектуального и эстетического облика.

Народ в традиционном обществе также получал зачатки образования. Все ремесленники распределялись на цеха или «братства», в рамках которых они постигали навыки своей профессии, а параллельно изучали мифы, легенды, символы, исторические сведения, связанные с этой профессией. Некоторые профессии – как, например, средневековые строители (масоны) – имели чрезвычайно развитые и пышные ритуалы, позже превратившись из ремесленных ателье в «тайные общества» с мистической доктриной и секретными учениями, куда вступали представители аристократических кругов и даже монархи.

Крестьяне черпали знания из приходских школ, духовных бесед со священниками, проповедей. Кроме того, земледельческий труд, привязанный к годовым циклам, был окружен множеством аграрных мифов, легенд, обычаев, примет и сакральных сюжетов, которые представляли собой древнейшее духовное наследие, уходящее корнями в религиозные системы предшествующих эпох. Будучи необразованными («темными») в смысле стандартов знати, простолюдины вместе с тем являлись носителями особой архаической культуры, которая также требовала «образования» и передачи из поколения в поколение, только формы этого «образования» были иными.

Проект всеобщего образования. «Образовательный канон» модерна. В Новое время параллельно распространению демократических тенденций возникла идея о том, чтобы отказаться от сословной модели образования и предложить единую систему всеобщего образования для всех сословий общества. Идея

всеобщего образования родилась вместе с теориями «государства-нации» и «гражданского общества». Всеобщее образование мыслились как инструмент превращения разнообразной сословной системы в однородное общественное поле, в котором каждый человек формируется в одинаковых условиях. В такой ситуации встал вопрос о том, какие дисциплины следует сделать обязательными для всех, включив их во всеобщий «образовательный канон». Подъем третьего сословия в европейских обществах наложил отпечаток на формирование этого канона, выдвинув на первый план те науки и искусства, которые более всего соответствовали потребностям городской буржуазии и основывались на ценностной иерархии модерна (индивидуализм, рационализм и т.д.). Всеобщее образование оставляло в стороне образовательные стратегии, ориентированные на подготовку священников. Религия была вынесена из образовательного процесса, что стало важной особенностью современного образования, сделав его секулярным (светским). За основу образовательного канона был взят реестр «свободных наук (искусств)», который отныне распространялся на всех граждан. Постепенно система образования разделилась на две ступени среднее и высшее образование, к которым добавилось профессионально-техническое.
Правовой характер современного образования. Свободный доступ к получению среднего образования для всех слоев населения стал важнейшим социально-политическим лозунгом буржуазных реформ.
Всеобщее образование во многих странах, где утвердились нормативы «современного общества» (модерн), стало не просто правом, но и обязанностью. Общество берет на себя обязательство предоставить возможность получения образования, а граждане должны его пройти (по меньшей мере, в минимальном объеме). В тех же странах, где среднее образование является нормативно-обязательным, оно получает статус конституционной обязанности.
Это превращение *«права на образование»* в «*обязанность образования*» показывает императивный характер современной западно-европейской культуры. Эта культура не просто предлагает свои ценностные системы, она требует от каждого члена общества их обязательного усвоения. Образование становится инструментом идеологической подготовки, так как «образовательный канон» построен на приоритете западно-европейских ценностей. Исторические события, гуманитарные дисциплины, даже изложение основ естественных наук подаются через призму ценностных утверждений. Таким образом, современное образование имеет вполне конкретную цель: формирование гражданской идентичности членов общества на основе ценностной системы культуры модерна.

Сфера знаний не является нейтральной и объективной. Она всегда осознанно или нет окрашена целым спектром культурных, цивилизационных и даже геополитических предпочтений. Сам факт вынесения религиозных предметов за пределы обязательного образовательного канона и принцип светскости выражают идеологический выбор западно-европейской культуры, отказывающей религии и ее ценностям в социальном измерении, в праве давать установочные ориентиры всем членам гражданского общества. Поэтому сфера образования входит в компетенцию государства, которое в критериях модерна по умолчанию считается «светским».
Правовой статус обязательного среднего образования и прямой контроль

государства за этой областью в современной западно-европейской культуре показывает, что образование является инструментом государства по формированию именно того типа граждан, которое это государство «заказывает», «учреждает». Современные концепции государства оперируют с понятием «гражданин», не вдаваясь в его этническое происхождение, религиозные убеждения, родословную, род занятий и т.д. Чтобы получить такого «гражданина» и используется обязательное образование, которое наделяет всех членов государства необходимым минимумом знаний, представлений и ценностных ориентиров, которые ложатся в основу всех последующих отношений государства со своими гражданами и всех отношений между самими гражданами в рамках социальной и культурной понятийной системы. Без обязательного образования современное общество не способно обеспечить единство мировоззренческого поля, где осуществляется взаимодействие членов общества между собой и государством.
Образование является важнейшим инструментом упорядочивания общественно-политической системы. В процессе образования ценностные системы становятся политико-государственными и правовыми факторами. Образование есть процесс систематизированной институционализации культуры.
Зависимость образовательного процесса от идеологических установок правящих элит. Образование (особенно обязательное образование) создает поле, в котором мировоззренческий фактор напрямую соприкасается с государством. Государство, обеспечивая образовательный процесс, берет на себя функцию гарантий культурной преемственности.
Отношения государства с преобладающим мировоззрением могут быть теоретически самыми разнообразными. Государство может быть светским даже в том случае, если народ в большинстве своем является религиозным. Мировоззренческий код правящих элит может существенно расходиться с мировоззренческим кодом основного населения. Поэтому сфера образования во многом зависит от политического выбора правящих элит.
Выбор того, что включать в обязательный образовательный канон, а что исключать из него, в современном обществе остается за государством. Оно может следовать за мировоззренческими тенденциями, может менять их, может в принудительном порядке навязывать новые мировоззренческие коды. Все зависит от конкретного государства и общества.
В традиционных обществах передача мировоззренческих систем развивается по иной логике, и образовательные институты не столь зависят от государства. В современной западно-европейской культуре образование, напротив, становится напрямую зависимым от идеологии правящих элит. Они решают, в конечном итоге, какую ценностную модель транслировать в качестве обязательной всем членам общества.
То, что среднее образование касается детей, делает идеологические стратегии образования эффективными и «тотальными», ведь детское сознание воспринимает познавательные стратегии как нечто само собой разумеющееся и не способно отделить интерпретацию предмета от его описания.
Получая образование в детском возрасте, в современных обществах люди некритично усваивают вполне определенный «мировоззренческий код», прошедший идеологическую экспертизу правящих элит, которые либо отбирают в существующей культуре то, что для них приемлемо и полезно, либо

полностью формируют этот культурный код искусственно, на основании своих интересов, предпочтений и представлений о структуре государства и общества.

Образование учреждает нормативный образ гражданина. Образование создает образ гражданина. От того, в рамках какого государства и какого общества проходят образовательные процессы, зависит и то, какой образ транслируется. Этот «образ» представляет собой эталон общественного субъекта, призванного быть носителем конкретного «мировоззренческого кода».

В ходе среднего образования формируется нормативный образ общественного субъекта. А высшее образование направлено на повышение его профессиональной компетенции в конкретных областях. Но и эта профессиональная подготовка сопровождается культивацией «образа», хотя в данном случае речь идет о более детальном «образе», воплощающем в себе общественный эталон образованного «специалиста» или «эксперта».

В тех государствах, где идеологический характер открыто признается, высшее образование, как и среднее, сопровождается открытой идеологической обработкой. Там, где идеологический характер образования завуалирован, это происходит подспудно и «естественно» через методические рекомендации, систематизацию курсов, изучение социальных дисциплин, преподавание которых строится на основании вполне определенной идеологической схемы. Либеральные государства в этом нисколько не отличаются от тоталитарных, только форма трансляции культурных кодов иная, и сам «образ» здесь -в отличие от тоталитарных режимов -- не навязывается открыто, но мягко внедряется в сознание как «нечто само собой разумеющееся» или даже как результат «свободного выбора» самого человека. Но «свободный выбор» как ценность, в свою очередь, является ничем иным, как идеологией, «мировоззренческим кодом», только принадлежащим либеральной культуре.

Контрольные вопросы

1.Что такое архаическая культура? Как она проявляется в более поздние эпохи?

2.Расскажите о влиянии Православие на русскую культуру в эпоху традиционного общества.

3.В чем значение творчества Пушкина и какой этап в развитии русской культуры начинается с него?

4.Как культурные ожидания «серебряного века» воплотились в большевистскую революции? Есть ли между этими явлениями связь?

5.Считаете ли вы, что в России наступит в будущем «бронзовый век» культуры?

8.3 Образование в России

«Общее образование имеет целью, по возможности, всестороннее развитие личности.
Оно поэтому бывает более или менее энциклопедичным, включающим разнообразные предметы.
Но одного общего образования недостаточно…
оказывается необходимым присоединить частное или специальное – изучение известной отрасли науки,
известной практической деятельности.
Специальное образование есть образование одностороннее – развитие какой-либо одной стороны духа,
приобретение сведений в одной области.
Без предварительного общего образования специальное есть уродливое явление,
мало просветляющее человека. …
За пределами специальности целый мир, а специальность – маленький, ничтожный уголок его.»
П.Ф. Каптерев

Образование в русской истории. Россия большую часть своей истории прожила в условиях традиционного общества, и ее образовательные системы соответствовали такому устройству.
В основе стояли структуры религиозного образования. Русские монастыри были центрами развития науки и искусств (иконописи, церковного пения, архитектуры), школой исторического самосознания.
Летописи указывают, что уже в конце X века князь Владимир открыл в Киеве первую на Руси государственную школу (на 300 человек), куда велел брать у состоятельных родителей детей для обучения. Он же предпринял первую попытку организации христианских школ в каждом приходе.

Ярослав Мудрый продолжил дело отца. В Новгороде он организовал ряд школ, собрал первую библиотеку. По образцу киевской и новгородской при дворах русских князей и монастырях открывались и другие школы – в Переяславле, Чернигове, Суздале. В 1086 году в одном из женских монастырей Киева было открыто первое училище для девочек.
Содержание образования, как и в учебных заведениях Запада того периода, составляли восходящие к античности семь свободных искусств. Кроме того, существовали особые школы для обучения грамоте и иностранным языкам.
Укрепление Московского государства в XV–XVI веках повлекло за собой подъем образования. Стали возникать многочисленные приходские и частные школы, где обучались грамоте и счету дети не только духовенства, но и ремесленников и купцов.
С середины XVII века в Москве стали открываться школы, созданные по образцу европейских грамматических школ и дававшие как светское, так и богословское образование. В школу принимались дети всех сословий, без различия их социального и материального положения.
В 1687 г. в Москве была создана Славяно-греко-латинская академия. Она готовила не только духовенство, но и учащихся для медико-хирургических школ, многие из которых затем стали студентами университета, открытого в

1725 году при Академии наук.
Создание государственной образовательной системы при Петре. Радикальная модернизация русского общества во всех направлениях была предпринята при Петре Первом. Он же, копируя европейские страны, вводит систему обязательного светского образования.
Религиозное образование при Петре отходит на второй план, становится факультативным, что лежит в общем русле петровских реформ, направленных на резкое снижение влияния церкви на общество и государство. Основной акцент падает отныне на светское и профессиональное образование.
На первых этапах Петровский Сенат постановил обязательное обучение только для дворянских детей. Причем за неисполнение этой гражданской обязанности следовало суровое наказание – запрет жениться и принимать в наследство имения. Указ Петра гласил: «Будя по свидетельству (Сената) явятся такие, которые ни в науку, ни в службу не годились и впредь не годятся, отнюдь женится и замуж идтить не пускать и венечных памятей не давать и деревень наследственных и никаких за ними не справливать».
Вслед за столичными институтами и университетами были созданы провинциальные школы, в которых к 1727 г. обучалось свыше 2000 человек. Доступ к учебе как и в Древней Руси имели все слои населения. Однако социальное и материальное положение дворян приводило к тому, что на практике продолжать обучение на последующих ступенях и за границей имели только члены этого сословия.
В XVIII веке в России создаются Академия наук и Московский Государственный Университет, которые дают новый импульс развитию образования через систематизацию научных знаний, выстраивание образовательного канона по новым секулярным правилам.
Петр Первый создает систему государственного образования, призванного выполнять идеологическую и социально-политическую функцию. Здесь мы сталкиваемся с примером жесткой манипуляции с «мировоззренческим кодом». Петр ломает образовательные традиции православной Московской Руси и внедряет в общество новый «мировоззренческий код», заимствованный им самим из секулярной культуры Западной Европы. Процесс образования с этого момента становится элементом государственной политики и приобретает институционализированный характер. Через образовательный процесс происходит системное укрепление «мировоззренческого кода» западнической элиты, противостоящего консервативным «мировоззренческим кодам» народной и религиозной традиции.
«Образ», транслируемый петровским образованием, это образ среднего «европейского гражданина» того времени, напрямую заимствованный из западных обществ, взятых за эталон.
Двоякий смысл народного просвещения. В течение XVIII – XIX веков обязательность образования касается только представителей дворянства. Петровские гонения на церковь постепенно ослабевают у его последователей, и приходские школы снова начинают играть большую роль.
Демократические процессы в Западной Европе, отчасти копируемые русской аристократией, приводят к идеям о необходимости распространения образовательного канона на широкие массы простонародья. Хотя Екатерина II еще говорит, что «черни не должно давать образование», уже в 1801 году создается единое ведомство -- Министерство народного просвещения.

Учреждается сеть главных и малых училищ. Расширяется реестр высших учебных заведений. Наряду с теми, кто сам оплачивает свое обучение, имеются «казенные студенты», которые учатся за счет казны.
Народное просвещение – это проект включения в образовательный процесс широких народных масс. Это включение в XIX веке дает двойственный результат. С одной стороны, европейский «культурный код», постепенно сформировавший идентичность российской правящей элиты, начинает транслироваться и в низшие слои населения, порождая там неизбежный конфликт с консервативными формами передачи культурных традиций. С другой стороны, представители народа получают доступ к оформлению своих предпочтений и ценностей на языке образованного сословия, т.е. используют европейский «культурный код» как средство для выражения собственных ценностных систем.

«Культурный код» разночинцев. В ходе народного просвещения не только западнические элиты влияют на консервативные массы, но и сами эти массы, в свою очередь, влияют на элиты, получая вместе с образованием право голоса, с которым нельзя более не считаться. Так возникает «разночинская культура» и само явление русской интеллигенции, которая состоит из представителей разных сословий, получивших доступ к европейским канонам образования, но выражавших «западным» языком элементы «мировоззренческого кода», подчас весьма далекого от западного.
Распространение грамотности и образования в XIX веке через расширяющуюся сеть народных школ, гимназий и семинарий позволяет оформить консервативный «мировоззренческий код» масс в категориях западно-европейской ценностной системы. Демократизация общества через расширение процесса народного просвещения, в целом скопированная с европейских стран, в России обнаруживает особенности русского народа, как носителя оригинальной системы ценностей, уходящих в Московское царство и еще глубже – в Киевский и даже докиевский период русской истории.
Этот процесс виден в развитии славянофильского движения, у русских народников и революционных демократов. «Культурный код» разночинцев представляет собой причудливую смесь двух «культурных кодов»: западного и русского. Это приводит нас к «серебряному веку» и далее к Октябрьской революции. Оба эти разнопорядковых явления в большой степени связаны с особенностью образовательных процессов в России.

Советское образование. «Мировоззренческий код» советского человека. Советская образовательная система была построена на тоталитарном идеологическом принципе. Ее главной задачей было воспитание «нового человека», наделенного классовым сознанием. Марксизм (вслед за либеральным философом Джоном Локком) рассматривал человека как «чистый лист», полностью формируемый социальной средой. Следовательно, считали русские марксисты, тотальная система идеологического образования приведет к появлению радикально новых личностей.
Коммунистическая идеология была носителем собственного «культурного кода», выстроенного довольно искусственно, и всеобщее обязательное среднее образование стало важнейшим инструментом по внедрению этого «культурного кода» в широкие массы советского населения. С первых ступеней обучения и кончая высшим образованием и получением научных степеней

советский человек проходил жесткую идеологическую обработку. Так как получение среднего образования было административно закрепленной обязанностью, то этой участи не мог избежать никто. Религиозное образование было запрещено, лишь для тех, кто выбрал священническое служение в определенный момент сделали исключение. В школах и институтах преподавалось только марксистское понимание социальных и естественно-научных дисциплин.
Транслируемый «образ» представлял собой абстрактный идеал «советского человека», принятый за нормативного носителя коммунистического «мировоззренческого кода». Этот код включал в себя и моральную составляющую, оформленную в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Помимо предельной идеологизации всех школьных и институтских предметов, с первых классов школы проходила дополнительная политическая подготовка, дублирующая общеобязательные предметы. Она делилась на три этапа: «октябрятские звездочки» в первых классах, «пионерская организация» -- в средних, и «комсомольская» - в старших. В институтах наряду с комсомольскими организациями проходил отбор кандидатов члены Компартии. Советское образование охватывало все население СССР, включая малые этносы, живущие, как и многие века назад, в условиях традиционного общества. Советская система образования ставила перед собой задачу полного огосударствления гражданского общества, претендуя на искусственное формирование личности на основании контролируемых политической властью социальных механизмов.
Значение образования в такой системе было максимальным из всех возможных, так как, признавая человека «чистым листом», все его содержание, его смысл, его сознание, его нравственность должно было (почти с нуля) учредить советское общество через образовательный процесс.
В ходе этого грандиозного образовательного эксперимента коммунистический культурный код стал, на самом деле, достоянием огромных масс населения. Так как этот культурный код, помимо собственно идеологии, содержал в себе рациональные методологии, познавательные стратегии и ценностные категории эпохи Просвещения (существенно преобразованные марксизмом), то впервые в русской истории система западно-европейских воззрений так глубоко вошла в толщу народных масс. Советская система образования осуществила колоссальный рывок в «модернизации» русского общества, доведя культуру модерна до всех его членов, чего никогда не удавалось ранее.
Образовательный кризис 90-х годов. Ликвидация советской идеологии. С распадом СССР завершился цикл советского образования. Идеологическая составляющая, на которой основывался транслируемый в ходе всеобщего образования «образ», была упразднена. Советский «мировоззренческий код» рухнул. Это породило в 90-е серьезный кризис в образовательной сфере. Вслед за ориентацией политической элиты России 90-х на западные ценности, но на сей раз в либерально-демократическом, а не марксистском оформлении, была попытка пересмотреть образовательный процесс в либеральном ключе. В первую очередь, реформы коснулись устранения прямых обращений к марксистской идеологии в средней школе и в ВУЗах. Этот этап прошел довольно успешно.
Неудача внедрение либеральных идей в образовательный процесс. Далее была сделана попытка внедрить в общественные дисциплины либеральный идеологический подход, скопированный с аналогичных пособий в современных

странах Запада. Но с этим возникли проблемы. Прямое внедрение в российское образование современного западного образовательного канона приводило к прямому конфликту не только с культурой самих преподавателей, получивших свое образование в советское время и усвоивших ценности коммунистической системы, но и с дореволюционными традициями, где с XIX века важную роль играли религиозные и национальные мотивы. Задача внедрения либерального западнического культурного кода оказалась невыполнимой – из-за нехватки «антисоветского» элемента в общем преподавательском составе как средней, так и высшей школы и из-за отсутствия каких-либо усилий по адаптации либеральных идеологических систем к российской специфике.

Учебники, изданные в тот период при помощи различных зарубежных фондов, в частности, Фонда Сороса, представляли собой грубые карикатуры на русскую историю, культуру и общество, напитанные полемическим ядом, русофобией и откровенно «оккупационным» сознанием. Русские изображались в них «народом-неудачником», который всегда хотел «демократии», но постоянно срывался в «варварство», «дикость» и «мракобесие» по причине его якобы «неполноценности» и «отсталости». Все, что предшествовало советским диссидентам (А.Сахарову, А.Солженицыну, Е.Боннер и т.д.) представлялось в «черном цвете», и даже демократические преобразования ельцинского периода, казалось бы столь дорогие либералам, описывались как «неуверенная попытка русских выйти на магистральный путь развития в безнадежном стремлении догнать комфортный, успешный и развитый Запад». Все русское и советское виделось как сплошная «неудача», «грязь», «холопство» и «кровь».

Даже история Второй мировой войны описывалась как «победа над Гитлером армий США и Великобритании», где СССР играл лишь вспомогательную роль, а «преступления» Сталина в Германии и странах Восточной Европы «не многим уступали зверствам нацизма».

Такой «мировоззренческий код», поданный как обязательное содержание учебного процесса, наталкивался на справедливое сопротивление не только советского общественного сознания, но естественного чувства национального достоинства преподавателей.

Либеральная реформа образования как системная попытка была отторгнута сопротивлением снизу – со стороны школьных учителей и вузовских преподавателей. Либерал-реформаторы того периода постепенно отказались от намерений внедрить свою идеологию напрямую. Перипетии политической борьбы и «увлекательный» передел собственности в процессе приватизации отвлекли их от системного наступления на школу. Образовательная сфера была предоставлена сама себе, функционируя по инерции, оставшейся с советских времен. В середине 90-х годов вся социальная сфера стремительно деградирует, учителя и преподаватели получают мизерную зарплату, выплаты которой происходят нерегулярно. Только твердый гражданский настрой и нравственный стержень российских учителей спас в этот период российское образование от полного краха.

Утрата «образа» в образовании. В целом же образовательная сфера России 90-х годов XX века утратила «образ», который следовало бы транслировать молодым поколениям. Советский мировоззренческий код распался. Новый либерально-демократический не прижился на практике и не состоялся в теории,

простого копирования западных образцов оказалось недостаточно.
Краха образования не произошло, но кризис был на лицо. Учителя и преподаватели в такой ситуации были вынуждены транслировать знания бессистемно и хаотично, совмещая инерцию советской школы с разрозненными фрагментами иных систем, заимствованных в произвольном порядке из западных или дореволюционных источников, выбранных по индивидуальному усмотрению каждого отдельного преподавателя. Если в области естественно-научных дисциплин отсутствие ясных идеологических установок было еще терпимо (хотя секулярный характер некоторых теорий – в частности, эволюционистской «теории происхождения видов» вызывал вопросы со стороны религиозных конфессий, вышедших в современной России из гетто), то системное преподавание гуманитарных предметов в таком хаосе стало проблематичным.
В этот период всеобщее народное образование носит номинальный характер. Как процесс оно существует, но с содержательной стороны оно останавливается, так как никакого «мировоззренческого кода», никакой системы смыслов более не транслируется.
Потребность в новом «образе». После смены вех в российской политике на державно-консервативный курс Владимира Путина перед российским образованием встали новые вопросы. И самый главный из них состоит в том, какой «культурный код» необходимо транслировать в современной России. От этого зависят и все остальные прикладные решения:

- Сохранить ли всеобщий и обязательный характер образования?
- Сделать ли образование платным или оставить бесплатным?
- Допустить ли религию в образовательный процесс или продолжать настаивать на его светском характере?
- Как соотнести профессиональную подготовку в ВУЗах с новыми потребностями общества, где ряд профессий отмирает и сокращается, а ряд новых возникает и ширится?
- Что делать с миллионами людей, получившими образование в переходный период, когда их навыки и знания оказываются не затребованными общественными институтами?
- Вводить ли единый образовательный стандарт по аналогии с современными западными системами или сохранить российско-советские традиции?
- Внедрять ли технологии дистанционного обучения и «постоянного» обучения?

На все эти вопросы, стоящие сегодня перед системой российского образования, нельзя дать технический ответ. Критерии эффективности, баланса материальных затрат и ожидаемых приобретений, оптимизации процессов и т.д. будут иметь решающее значение, если общество согласиться с либеральным подходом к образованию. Если же будет избран нелиберальный (национальный или социальный) подход, то на первый план выйдут совершенно иные критерии –

- объем обязательных государственных (или частных) инвестиций в социальное развитие общества (немыслимого без развития образования),
- сохранение национальных традиций образования,
- укрепление народной идентичности,
- оснащение государства специалистами в прикладных областях,
- самоценность вложений в развитие фундаментальных наук и т.д.

Эти вопросы не способно решить Правительство и тем более Министерство

Образования как его подразделение. Здесь все зависит от политического решения, которое должна принять высшая российская власть совместно с обществом.
Речь идет об определении «образа» будущей России, о построении нового «мировоззренческого кода».
Модернизация и преемственность. Два направления реформ образования не вызывают сомнений:
- потребность в модернизации и
- обеспечение преемственности.

Образование во всех обществах заведует связью времен. Через этот процесс происходит сохранение и укрепление идентичности общества – историческое основание сопрягается с проектом будущего. Это требует и эффективности, и сохранение традиций. Пропорция сочетания императива модернизации с императивом традиции современным российским обществом должна быть установлена заново.
Знакомство с «культурными кодами» Запада, шире иных обществ и политических систем, как правило, идет на пользу России. Но это знакомство, способствующее «модернизации», не должно автоматически приводить к слепому копированию и имитации. Если рассматривать эти «коды» как вызов, то они провоцируют в обществе творческую активность, и не только не разрушают, а еще более укрепляют собственную идентичность и тем самым, обеспечивают преемственность. Так обстояло дело с Пушкиным, со славянофилами и с культурой «серебряного века». Мы брали с Запада то, что соответствовало нашей идентичности, отбрасывали лишнее и вырабатывали оригинальный исторический ответ на те вызовы, которые нельзя было игнорировать.
Внимание к окружающему миру, осмысление новейших процессов, в нем протекающих, параллельно с новым обращением к сокровищам исторической и народной традиции – все это должно способствовать формированию нового образа России, и следовательно лечь в основу новой системы образования, соответствующей требованиям новой эпохи.

Контрольные вопросы

1.Как происходит трансляция культурного кода в процессе образования?
2.Почему Петр Первый настаивал на принудительном образовании элиты?
3.Какую политическую и социальную роль играло образование в СССР?
4.Как процесс образования соотносится с его содержанием? Влияет ли, по-вашему, сам культурный код на то, как его преподносят?
5.Какой «образ» будет передаваться будущим поколениям россиян?

8.4 Мировоззрение Новой России

"Русскому народу надлежит вновь ощутить свое призвание как нации,
одухотворенной светом Евангелия.
Многовековое православное наследие, твердая верность неповрежденной
Христовой истины - все это дает силы для возрождения страны,
для участия в начертании судеб мира, переживающего мировоззренческий и
нравственный кризис".
Патриах Московский и Всея Руси Алексий II

Мировоззрение для общества необходимо. Мировоззрение, которое будет преобладать в России будущего, пока не выстроено. Об этом можно только делать предположения и аналитические прогнозы. Вместе с тем, очевидно, что это мировоззрение должно дать ответы на фундаментальные вопросы относительно прошлого, настоящего и будущего России. И самое главное: само наличие в обществе мировоззрения совершенно необходимо, так как народ, утрачивающий мировоззрение, теряет ориентацию в пространстве и времени, систему координат и на способен в такой ситуации органично и целенаправленно развиваться.
Можно рассмотреть некоторые очевидные уже сегодня стороны этого «будущего» мировоззрения:

Религиозный фактор будет играть в нем значительную роль. Если возврат к Православию, а для малых этносов России к своим традиционным конфессиям, будет решительным и необратимым, то новое мировоззрение будет строиться на основе религиозного учения о мире, человеке, обществе, хозяйстве, государстве, истории, политике, и т.д. Религия имеет потенциально ответы на все вопросы, и полное принятие авторитета религии способно заменить собой совершенную и законченную идеологию. Вся проблема будет сводиться к приложению религиозных принципов к окружающему современному миру, что является чисто технической задачей коль скоро выяснено главное: признать полностью и без изъяна авторитет Церкви и традиции.
В другом случае религиозный фактор может стать дополнением к более сложной составной идеологии, и тогда речь пойдет об искусственной конструкции, где будут участвовать только отдельные элементы религиозного учения. Но в любом случае, мировоззрение будущей России должно будет учитывать религиозный фактор, как один из главнейших в формировании идентичности народа, государства, общества.
Представление о русском народе как народе, наделенном исторической вселенской миссией. В русской истории представление о «народной миссии» приобретало совершено различные черты – чаще всего религиозные, но также социально-экономические, культурные и т.д. В новых исторических условиях форму для исконного «мессианского чувства» только еще предстоит найти. Это чувство может проявиться:

- в традиционном религиозном представлении о спасительной миссии русского православия,
- в особом евразийском пути всех этносов, сплоченных русской государственностью и русской цивилизацией, а также в особой форме объединения в России культур Востока и Запада,
- в создании социально-экономической системы, оптимально решающей

основные задачи, стоящие перед человечеством (бедность, ухудшение экологии, исчерпание ресурсов, демографический дисбаланс и т.д.),
- в авангардной позиции при построении многополярного мира,
- в выдвижении новаторского гуманитарного (ноосферного) проекта будущего мироустройства,
- или в каких-то иных формах, предсказать которые заведомо трудно (как едва ли кто-то в начале XX века мог предсказать, что эсхатологические и мессианские чаяния интеллигенции и народа выльются в большевизм и создание СССР).

Выработка особой экономической модели, соответствующей специфике русской истории, культуры, психологии.
Это может быть достигнуто в ходе:
- адаптации рыночных моделей к российской специфике, понятой углубленно,
- создания системы хозяйства на основе принципов справедливости и взаимопомощи (новый народный социализм),
- построения философии хозяйства на основах религиозной этики и народной психологии,
- разработки оригинальной хозяйственной модели с опорой на инновационный потенциал и интеллектуальное усилие российских ученых.

Разработка ценностной системы, где основными центрами внимания будут:
- государство и его суверенитет,
- сохранение и укрепление народа как целого, поддержание его идентичности, обеспечение преемственности,
- развитие институтов органической демократии (демократии соучастия),
- обеспечение прав всех этносов, живущих на территории России, гарантия их развития и сохранности,
- забота о человеке, его интеллектуальном и моральном совершенствовании, материальном обеспечении.

Баланс и иерархия этих ценностей могут быть разнообразными, но все они в той или иной мере должны быть включены в контекст будущего мировоззрения.
Приведение правовых норм и законов в соответствие с исторической волей народа, без навязывания каких-то предвзятых идеологических клише (особенно заимствованных из зарубежных источников – западных или восточных).
Пути обеспечения безопасности и обороны державы от внешних и внутренних угроз. В этом вопросе чрезвычайно важным будет определение той цены, которую следует платить народу и обществу для защиты от внешних вызовов. Это вопрос «допустимой цены» за безопасность стоит в центре русской истории, и именно в нем более всего проявляются противоречия между народом и государством, что не раз приводило к серии трагических событий и немыслимых страданий.
Поиск формы наиболее эффективного контроля народа и общества над государством, т.е. создание механизмов реальной и независимой от каких бы то ни было внешних сил демократии.
Здесь возможны следующие пути:
- модель «народной монархии», автократическая (авторитарная) система, подотчетная только народу (через систему плебисцита, референдума или прямых выборов);
- модель парламентской демократии (с органически созданными партиями по ясным мировоззренческим критериям);

• модель прямой демократии (выборность всех уровней власти на основании мажоритарного принципа);
• развитие федерализма и субсидиарности;
• построение общественной иерархии с учетом этнической дифференциации общества (этнические общины получают широкую степень самоуправления);
• модель «народной диктатуры», означающей при чрезвычайных обстоятельствах передачу экстренных полномочий одному лицу или группе лиц во власти.

Возможно, будет создан смешанный вариант, но в любом случае тот или иной выбор должен быть идеологически обоснован, соотнесен с позицией и волеизъявлением большинства и с константами российской истории.

Контрольные вопросы

1.Какая идеология, на ваш взгляд, более всего подходит современной России?
2.Что больше повлияет на мировоззрение будущего поколения русских людей: религия, наука или глобализм (постмодерн, индивидуализм, сетевые технологии)?
3.Есть ли у русского народа миссия в XXI веке?
4.Какой экономический уклад более всего соответствует будущей России?
5.Как будут выстраиваться отношения народа и государства в будущей России и найдет ли это идеологическое оформление?

Оглавление

Часть 3. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Раздел 9. ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, ИСКУССТВО

9.1. Основные формы и этапы философии (мысль, наука, эстетика)

«Философия есть вопрошание о Бытии».
М.Хайдеггер

Что такое «философия»? Философия в наиболее общем понимании этого явления есть полноценная и развитая реализация мыслительной способно-сти человека, составляющей основу его видового достоинства. Мысль, по Аристотелю, есть главное отличие человека от животного. В той степе-ни, в которой человек является мыслящим существом, он соучаствует в философском процессе.

Даже те, кто совершено не интересуются философией, ее системами, ее структурой и ее методикой, не свободны от ее законов. В той мере, в какой люди мыслят, они уже тем самым вступают в область филосо-фии. Философия лежит в основе государственных систем, культурных ко-дов, религиозных представлений, правовых норм, бытовых привычек, эс-тетических пристрастий, моральных кодексов и т.д.

Философскому анализу может быть подвергнута любая сторона че-ловеческой деятельности. Там, где есть глубинное и системное осмысление человека, мира, бытия как в общем, так и в частном, есть философия, есть возможность философски осмыслить и описать явление или предмет.
Существуют разнообразные типы философских систем – как религиозные, так и светские, как проистекающие из веры, так и построенные на рациональных заключениях человеческого рассудка, как сочетающиеся с какими-то другими дисциплинами (философия политики, философия ре-лигии, философия права, философия музыки и т.д.), так и выступающие самостоятельно. В основе любого мировоззрения всегда лежат те или иные философские обобщения.
Философия – это не одна из гуманитарных наук наряду с другими, это «наука наук», так как в центре ее внимания лежит сущность мысли и мысль о сущности, в то время как остальные науки затрагивают и мысль, и сущность по касательной – инструментально используя мысль как ме-тод, делая предметом своего исследования какую-то конкретную и от-дельную разновидность сущего, а сущность как таковую вообще вынося за скобки.

Способность к рефлексии. Начальные навыки культуры мысли состоят не столько в знакомстве с философской или иной интеллектуальной литера-турой, сколько в наблюдении за собственными умозаключениями (пусть простейшими) и в честном (для себя) поиске происхождения тех или иных мыслей, утверждений или «аксиом», которые в других случаях мы вос-принимаем как нечто естественное. Такая способность получила в фило-софии наименование «рефлексия» (от лат. «reflectio» - «отражение», но также и «размышление»). Рефлексия означает способность признать ту или иную мысль, посещающую наше сознание, заимствованием из какого-то источника: родительских наставлений, сказок, литературного произ-ведения, высказываний сверстников, других людей и т.д. Способность к рефлексии показывает умение человека отнестись к мыслительному про-цессу как объективной реальности, протекающей в определенных рамках и обладающей определенными закономерностями. Животное слито со своими инстинктами, ощущениями и заложенными изначально структу-рами поведения. Любой человек, как мыслящее существо, способен от-влеченно осмыслять эти ощущения, вставая в отношении их на дистан-цию. «Человек, рефлексирующий» занимает такую же дистанцию к собст-венному мышлению, воспринимая его как объект рассмотрения, подчи-ненный внутренней логике и определяемый конкретными закономерно-стями, а не как чистое проявление «спонтанной субъектности», «нерас-членимое «я»».
Мыслительный процесс зависит от языка и культуры. Человек никогда не мыслит сам по себе. Он мыслит в пространстве той культуры, где он воспитывается. Речь и ее структуры оказывают на формирование мыш-ления огромное влияние. Если в языке нет слова для определения какого-то понятия, чувства или предмета, то соответствующая ему мыслительная «ячейка» отсутствует в сознании. Хотя высшие уровни сознания и, наобо-рот, простейшие физиологические импульсы могут обходиться и без язы-ковых структур, основной массив мыслительной деятельности проходит в пространстве языка.
Если задаться вопросом, что является главным в человеке, то самым правильным ответом будет -- речь. В речи (языке) отражается духовный образ человека, его мышление, его внутренняя структура. Поэтому фило-софия

немыслима без филологии. В свое время «риторика» (искусство ре-чи) входила в состав семи общеобязательных искусств (наук), отличавших с эпохи Античности знать. Культура речи есть прямое и самое наглядное выражение культуры души.
Человек не может просто познавать мир, так как и человек (субъ-ект) и мир (объект) вначале учреждаются культурой, описывающей смы-словое содержание и параметры и того, и другого. Познание является следствием философии, а не ее истоком, но вместе с тем, оно выступает как инструмент философии, обогащающий и развивающий ее содержание.
Мышление как установление порядка. Мысля, человек, постоянно и непрерывно упорядочивает потоки чувств и ощущений, идущих из внешнего и внутреннего мира. Мышление есть наведение порядка в непрерывных по-токах восприятия и сознания. Человеческое общество, жилище, предметы, окружающие человека, структура его бытового и общественного, профессионального и индивидуального поведения отражают в себе этот нескончаемый процесс упорядочивающей человеческой мысли. Стены наших до-мов вертикальны (хотя прямой линии в чистом виде в природе мы не встречаем), предметы быта симметричны, движения осмыслены и сориен-тированы волевым образом, малейшие поступки вплетены в ход постоян-ного умственного труда по установлению в пространстве и времени ра-зумных маршрутов.
Человек мыслит всегда, но в разных состояниях упорядочивающий мыслительный процесс протекает по-разному:
•	пронзительно, если человек думает над тем, как он думает, вни-мательно прослеживая траекторию появления и трансформации мыслей (так думают философы и интеллектуалы),
•	ярко и отчетливо, когда человек занят умственным трудом и способен легко воспроизвести (хотя бы для самого себя) свои мысли в ре-чи,
•	смутно, если человек оперирует образами или ощущениями, не отливающимися в конкретные цепочки умозаключений,
•	сумеречно, если человек находится на грани засыпания или стра-дает умственной неполноценностью.
Во всех случаях мысль продолжает свой неутомимый труд по внесе-нию логического кода в хаос потока энергий, смыслов и впечатлений.
Как мышление упорядочивает потоки восприятия, так философия стремится упорядочить само мышление, выявить его закономерности, определить стратегии и методологии, выделить основные объекты приме-нения, гармонизировать функционирование, исследовать его истоки и со-отношение с бытием.
Появление понятия «философия». Философия как явление появилась в Древ-ней Греции, и само это понятие имеет греческое происхождение. По-гречески «философия» означает «любовь к мудрости» (греч. «фило» - «люблю» и «софия» - «мудрость») и описывает занятие людей, которые посвятили свою жизнь обретению мудрости. Но люди, занимающиеся примерно тем же самым, существовали не только в Древней Греции, но и во всех других культурах и цивилизациях. В большинстве случаев занятия «философией» проходили в рамках религиозных учреждений и были не-разрывно связаны с мифами, культами, жреческими учениями. Только в специфической культуре Древней Греции «философия» начала постепен-но осознаваться как самостоятельное занятие, оторванное от жреческих практик, мифологических и символических

комплексов. В древнейших философских системах легко угадываются сакральные учения, элементы мифов и обрядовых комплексов, но их оригинальность состоит в попытке придать им рациональный вид, обосновать их с помощью человеческого мышления, несколько отодвинув в сторону сакральный авторитет религии, традиции, культа.
По аналогии с этими первыми греческими философами, предпри-нявшими попытку поставить в центр внимания саму стихию человеческо-го разума, стали определять, что является «философией» в других куль-турах и цивилизациях, где такого термина или его аналога не существова-ло. О «философии» уместно говорить там, где какая-то категория лю-дей целенаправленно и систематически исследует человеческое мышление – либо в общем контексте с другими предметами, либо только его. По-следнее стоит ближе всего к философии, хотя за пределами Древней Гре-ции таких примеров мы почти не встречаем. Больше всего сходства име-ется в буддистской и индуистской философии, где исследованию функ-ционированию рассудка уделяется огромное и систематическое внима-ние.
Первые философы. Досократики, пифагорейцы и орфики. Первым филосо-фом принято считать Фалеса Милетского (около 625-547 до н. э). Он учил, что «мир создан из воды», понимая под «водой» не физическую воду, но изначальную первостихию, пластическую субстанцию, способную пре-вратиться в разные вещества и предметы. Его учеником был Анаксимандр (610-540 до н.э.), выдвинувший в качестве первоначала понятие «беспре-дельного» (греч. «апейрон»). Анаксимен (585-525 до н.э.), ученик Анакси-мандра, учил о «первичности воздуха». Воздух Анаксимена также не имел ничего общего с физическим явлением, которое известно нам сегодня. Это был «эфир» или «дух», невидимая и неощутимая бытийная ткань, свобод-но проникающая сквозь предметы и составляющая их тонкую сущность.
Ионийский философ Анаксагор (500-428 до н.э.) создал учение о «едином» Первоначале, что позже подхватил и развил элеат Парменид (вторая половина 6 - начало 5 в. до н.э.), заложивший основу философии, в центре которой стоит мысль о чистом бытии, неизменном и всеобщем. В философии Парменида древняя философия получила свое наиболее отвле-ченное и систематическое оформление, хотя и здесь ясно различимы сле-ды мифа: Парменид рассказывает, что к «шару бытия» привела его боги-ня-посвятительница, т.е. это философское созерцание было результатом духовно-религиозного культового опыта.
Другой древне-греческий философ Гераклит Эфесский (около 544-483 гг. до н.э.), напротив, развил теорию постоянного становления всего сущего, бытия как изменения и движения. К Гераклиту и его парадоксаль-ным формулам («целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучное, из всего — одно, из одного — все», «враждебное всегда в ладу», «путь вверх и вниз – одно и то же» и т.д.) принято возводить диа-лектику, философский метод, оперирующий с парадоксами и находящий единство в видимых противоречиях. Подробную философскую систему создал Пифагор, основатель фи-лософской школы, фундаментально повлиявшей на последующую грече-скую мысль – особенно на Платона. Пифагор придавал большое значение числам, видя в них божественные начала, которые управляют гармонией мира. Пифагор учил о вселенской гармонии («музыка сфер») и призывал распознавать ее следы во всех вещах. От учения Пифагора до нас дошли только фрагменты. Из них можно сделать заключение, что он был убеж-ден в переселении душ и

призывал своих учеников развивать память о прошлых воплощениях.
На грани философии и религии стояли близкие к пифагоризму древ-не-греческие орфики (почитающие мифического певца Орфея), практико-вавшие посвящение в Элевсинские мистерии и разработавшие свои мис-тико-философские воззрения на происхождение мира (из андрогинного существа Фанеса), сущность человека (состоящего из смеси божественно-го начала – бога Диониса – и телесной природы, унаследованной от тита-нов, которые в древности растерзали Диониса-Йакха), перевоплощение душ, посмертное существование (в раю или аду) и способы спасения. Те-чение орфиков известно с VI века до н.э., широкое распространение полу-чило в V веке до н.э., а к I веку нашей эры во многом слилось с культом Митры, пришедшим в греко-латинский мир из Передней Азии и Ирана.
Древнегреческие философы называются «досократиками», так как жили и создавали свои учения до Сократа (470-399 до н.э.), который внес в историю философии радикально новые черты.
Философская революция Сократа. Философские системы досократиков в целом воспроизводили мифологическое сакральное мышление, свойст-венное традиционному обществу и не отличающееся фундаментально от мировоззренческого кода древне-греческой культуры. Сократ же впервые сознательно поставил в центре своего внимания человеческое мышление как таковое, пытаясь обосновать его и его суждения о мире, познании и самом себе на основании только собственных доводов, вынося за скобки мифы, обряды и символы. Первым философом в современном западном смысле этого слова, т.е. философом и только философом, были именно Сократ. Сократ не создал собственной системы, но открыл целое направ-ление, в центре которого находилась «рефлексия» -- размышление о том, как проходит процесс размышления.
Платон и Аристотель: встреча мифа и разума. Учеником Сократа был Пла-тон (427 -348 до н.э.) сформулировавший учение об идеях – небесных веч-ных сущностях, отражениями которых является множество телесных предметов окружающего нас мира. Большое влияние на Платона оказали пифагорейские доктрины.
В свою очередь, учеником Платона был Аристотель, который систе-матизировал существовавшую до него греческую философскую мысль и построил первую развитую и законченную философскую систему, которая была настолько совершенной, полной и стройной, что многие считают, что вся западно-европейская философия есть ничто иное, как второсте-пенные комментарии к Аристотелю (и к его учителю Платону).
Позже в Средневековой католической схоластике философским идеям Аристотеля был придан почти религиозный авторитет. Его теории считались «абсолютной истиной» во всем, что касается устройства приро-ды, тогда как само Божество осмыслялось в рамках христианского бого-словия и соответствующих догматов
Продолжая основные тенденции развития греческой философии с их мифологическими представлениями, теориями о стихиях (земле, воде, воздухе, огне и эфире), одушевленности космоса, вселенской иерархии душ, духов и богов, Платон и Аристотель включили в свои учения многие черты философского метода Сократа, где особое внимание придавалось пристальному исследованию деятельности человеческого разума. В этом состоит уникальность и Платона и Аристотеля: в их философских систе-мах

мифологическое познание (натурфилософия) встречается с рацио-нальным методом, который получит дальнейшее развитие гораздо позд-нее. И эта встреча древнего сакрального мифа и трезвой рассудочности, постоянно рефлексирующей относительно самой себя, произвела огром-ный эффект на всю мировую культуру. Учения Платона и Аристотеля бы-ли известны в Античности в широчайшей культурной зоне, а позже их включили в свой контекст все мировые религии – иудаизм, христианство и ислам.
Философия Платона и Аристотеля до сих пор является образцом философской системы и содержит в себе темы, сюжеты и разделы, сохра-няющие до нашего времени острую актуальность. Платон и Аристотель первыми досконально описали структуру функционирования человеческо-го мышления, причем с такой точностью и детальностью, что не было осуществлено никем ни до, ни после них.
Все последующие философы в той или иной степени соотносили свои системы с учением Платона и Аристотеля, и знакомство с этими столпами философской мысли необходимо для каждого, кто всерьез инте-ресуется философией.
Платон/Аристотель как два полюса мировой философии. Фундаменталь-ность Платона и Аристотеля для всей истории философии никем не ста-вится под сомнение. Вместе с тем учения этих мыслителей в некоторых вопросах существенно различаются, что позволяет говорить о наличии двух магистральных течений – платонизма и аристотелизма.
Последователи Платона позже стали известны как неоплатоники (Плотин (205-269), Ямвлих (250 - около 330), Прокл (410-485) и др.). Они развивали учение Платона об идеях, мировой душе и устройстве космоса. Неоплатоники объединили платонизм с философией орфиков, создав ори-гинальную мистико-философскую систему.
В эпоху христианства платонизм (через неоплатонизм) оказал ог-ромное влияние на выдающихся богословов - Дионисия Ареопагита, отцов-каппадокийцев - Афанасия Великого (298-373), Василия Великого (330-379) , Григория Богослова (329 - 390) и многих других.
Последователи Аристотеля в Античности основали философскую школу «киников», которые проведывали бесстрастие, безразличие к мате-риальным лишениям и наслаждениям, своего рода философский аскетизм.
Фундаментальное отличие Платона от Аристотеля в том, что фило-софское Первоначало один (Платон) помещает за пределы чувственного мира, а другой (Аристотель) – в центр этого мира. Позже два подхода по-лучили название «трансцендентализм» (от лат. «transcendere» - «пересе-кать границу») и «имманентизм» (от лат. «immanere» - «соприсутство-вать», «быть внутри»).
В основе философии платонизма (в самом широком смысле) лежит представление о том, что «идеи» являются трансцендентными явлениями, и в земном мире мы имеем дело только с их тенями. Это подробно описа-но в сочинении Платона «Государство». Подлинной реальностью обладает лишь то, что принадлежит к идеальному миру, а телесный мир ничто иное, как игра отражений. По словам Платона: «идеи либо парят, либо умира-ют», т.е. бытие идей требует особого разряженного светового мира, со-пряженного с изначальной природой «мировой души».

Аристотелевский подход несколько отличается. Он отбрасывает теорию своего учителя о существовании самостоятельного мира идей, и описывает мир

как состоящий из двух соприсутствующих друг другу начал: формы (греч. «morphe») и материи (греч. «hyle»). Форма – это ана-лог платоновской «идеи», только не запредельный чувственному миру, а пребывающий в его центре как «пятое начало» («квинтэссенция» - от лат. «quinta essentia»), совмещающее в себе четыре вещественных стихии (зем-лю, воду, воздух и огонь). Материя – это пластическая основа формы, ко-торая делает ее ощутимой, доступной органам чувств. Формой форм у Аристотеля является «недвижимый двигатель», который стоит в центре всех вещей и заставляет их двигаться, жить, вращаться.

Все позднейшие философские системы так или иначе делают выбор между «трансцендентализмом» (платонизмом) и «имманентизмом» (ари-стотелизмом), хотя применяют эти фундаментальные методологические принципы толкования философского Первоначала в контексте собствен-ных, подчас весьма оригинальных, учений.

Философы-атомисты. Совершенно особым явлением в рамках греческой фи-лософии были философы-атомисты – Левкипп (500-440 до н. э.) и Демок-рит (460- - 370 до н. э.). В их философских системах также присутствова-ли «боги» и «духи», но общий ход их философствования подвел их к та-кому видению мира, которое спустя полтора тысячелетия легло в основу современной европейской науки. Атомисты считали, что мир состоит из мельчайших частиц – атомов (греч. «а-томос» - «не-делимый»), между которыми находится пустота. Впервые реальность представала в их кон-цепциях как нечто механическое и прерывное, черпающее свое бытие из спонтанного слияния разнородных и разрозненных частиц. Эта форма фи-лософии предвосхищала картину мира Нового времени: природа и чело-век в ней были «расколдованы», «десакрализированы». Платон считал идеи Левкиппа и Демократа не просто ложными, но чрезвычайно опасны-ми для всего строя довольно свободной греческой мысли. Это сказалось на том, что книги атомистов в Академии Платона подвергались публич-ному сожжению.

Судьба философии на Западе. Сомневающийся рассудок. В западно-европейской культуре греческая философия, позже перенятая Римом, ста-ла важнейшей частью «культурного кода», и навыки «рефлексии», «мыс-ли о мысли» вошли в необходимый минимум образования. В христианский период философия была включена в состав религиозных теорий (как это было во всех традиционных обществах и в культурах Востока) и не представляла собой самостоятельного направления. Она осмыслялась как метод богословия («служанка богословия») и способ систематизировать данные об окружающем мире. На главные вопросы отвечала религия. Фи-лософия призвана была лишь способствовать ей в этом.

Такую роль философия сохранила в православной цивилизации вплоть до самых последних веков. В западно-европейской культуре, в пе-риод секуляризма, она приобрела новое значение. Так как переход от тра-диционного общества к светскому ставил во главу угла именно человеческий разум, которым философия приоритетно и занималась, то именно философия стала на место религии, заняв главенствующее положение. Начиная с эпохи Просвещения, философия перестает быть «служанкой богословия» и приобретает право суверенной науки. Отныне светская фи-лософия формулирует основной мировоззренческий код без оглядки на ав-торитеты

Традиции и церкви.
Этот новый статус философии сказался на ее структуре. Западно-европейская философия теперь осмысляет себя как высшую интеллекту-альную инстанцию в обществе, причем это положение ей гарантирует ее оторванность от религиозных догм, опора исключительно и только на за-ключения человеческого разума.
Такой философии никогда не существовало прежде, и все древние философы как досократики, так и Платон и Аристотель, всегда признавали священное начало, стоящее выше разума. Древние философы были философами сакральными, и если концентрировались на человеческом разуме как на главном предмете исследования, то никогда не возводили его в аб-солют, предполагая существование над ним высших духовных инстанций.
Современная философия, со своей стороны, осмысляет себя именно и прежде всего в отрыве от тех принципов, которые диктовали бы ей выс-шие и безусловные истины. Один из основателей современной философии французский мыслитель Рене Декарт (1596-1650) выдвинул в качестве главного тезиса принцип «сомневаться во всем» (лат. «de omnibus dubitantum»).
Философия отныне стала занятием для разума, сомневающего-ся во всем, кроме самого себя (а позже, начиная с эпохи Канта, засомневавшегося и в самом себе).
Главный вопрос философии. Разные философские школы по-разному опреде-ляют то, что является главным вопросом философии. Для западно-христианской философии основным вопросом было «доказательство бы-тия Бога».
Для исламской философии главной является форма отношения человека с Аллахом, выраженная в самом названии «ислам», т.е. «покор-ность», «послушание» (человека в отношении воли Творца).
Рене Декарт полагал, что основой вопрос философии есть доказательство бытия как производного от мысли (его знаменитое «мыслю, следовательно, существую» - лат. «cogito ergo sum»).
Для Маркса в центре внимания было: что первично – бытие или сознание? Под «бытием» здесь имелась в виду совокупность материально-го мира, а под «сознанием» - человеческий рассудок, призванный отра-жать этот материальный мир.
Гегель ставил во главу угла диалектику исторического развертывания Абсолютного Духа и его переход от состояния объекта к состоянию субъекта.
Ницше считал основным вопросом философии «учение о вечном возвращении одного и того же» и «волю к власти», в которой переменчивое становление совпадало бы с неизменным бытием.
Русская религиозная философии, следуя Владимиру Соловьеву, ставит в центре внимания вопрос о «всеединстве» и бытии Святой Софии.
Для Мартина Хайдеггера основной вопрос формулируется так: «что есть бытие?» («Почему существует нечто, а не ничто?»), а подводящий к нему вопрос: «Что есть сущее?». Здесь имеется в виду «бытие» как то, что делает сущее сущим. А само «сущее» покрывает сферу той реальности (как телесной, так и душевной, духовной), которую опытно (в «экзи-стенции», т.е. «существовании») переживает человек.
Для позитивистов (ранний Л.Витгенштейн) главной философской проблемой было выявление «атомарных фактов», достоверно существующих сами по себе в полной независимости от субъективного восприятия.

В любом случае основной вопрос философии относится к самой глу-бокой и первичной из возможных реальностей, а выбор этой «самой глубокой реальности» зависит от конкретики той или иной философии.
Основные разделы философии: онтология, гносеология, антропология, этика, эстетика. Принято выделять отдельные направления – разделы, которые в той или иной степени присутствуют в любой философской сис-теме. Законченная философская система состоит из:
• онтологии (греч. «онтос» -- «бытие», и «логос» - учение»), раздела, изучающего бытие как таковое, бытие в чистом виде,
• гносеологии (греч. «гносис» -- «знание», «логос» - учение»), разде-ла, изучающего формы и законы познания,
• философской антропологии (греч. «антропос» - «человек», «логос» - учение»), раздела, изучающего человека как мыслящее существо,
• этики (морали), раздела, изучающего не столько то, что есть, но то, что должно быть, и присваивающего тому, что есть, моральные оценки,
• эстетики, раздела, изучающего мир и его явления с позиции пре-красного.
Онтология описывает наиболее общий и изначальный объект мысли, то, на что мысль направлена.
Гносеология исследует, как происходит процесс познания, как складывается знание, какие отношения выстраиваются между позна-ваемым объектом (бытием) и познающим субъектом (человеческим ра-зумом).
Философская антропология сконцентрирована на субъекте познания, на том, кто познает бытие.
Эти три раздела присущи всем типам философии, независимо от того, к какой культуре они принадлежат, как формулируют основной вопрос философии, и как отвечают на него и что берут в качестве ос-новной категории философствования. Философский анализ конкретного явления – например, религии, права, хозяйства и т.д. – невозможно проводить без того, чтобы предварительно обосновать связь этого яв-ления (религии, права, хозяйства и т.д.) с бытием как абсолютным объектом. Все, что существует в качестве конкретного объекта иссле-дования, по определению должно быть связано с изначальной реально-стью, с бытием. Эта связь и делает объект объектом. Это относится к области онтологии. Подобно этому, нельзя осмыслять какой-то пред-мет, не установив предварительно правила осмысления, не обосновав метод познания. Этим занимается гносеология. И наконец, познание невозможно без выяснения того, кто осуществляет акт познания, без характеристики субъекта познания, т.е. без выяснения природы и по-зиции «человека разумного» (лат. «homo sapiens»). Этим занимается философская антропология.
Знакомство с разнообразием философских систем следует начи-нать с выделения в них этих трех основополагающих направлений, ко-торые составляют фундамент любой философской системы. Без этой операции смысловая нагрузка философского процесса может ускольз-нуть от исследователя, так как сами философы, увлекаясь динамикой развития собственной мысли, подчас переходят от одной области к другой, погружаясь в систематизацию второстепенных вопросов. Наи-более последовательные философские системы дают исчерпывающие и структурированные описания этих трех направлений, облегчая тем самым их понимание и усвоение.
Большинство философских систем выстраивает также этические и эстетические теории, которые описывают отношения между субъек-том

(человеком) и объектом (бытием) через отношения добро/зло и прекрасное/безобразное.
В философии Платона Истина, Добро и Красота совпадают в Первоначале и составляют одно целое. В философской системе Истине соответствует гносеология, Добру – этика (мораль), Красоте – эстетика. Но если у Платона эти высшие категории, предопределяющие всю структуру бытия, в пределе совпадают, то другие философы придер-живались на этот счет иных мнения. У одних истина расходилась с добром и красотой, у других совпадала с добром, но расходилась с кра-сотой, у третьих отношения между ними приобретали драматический и диалектический характер.
Этическая и эстетическая формы познания также относятся к сфере философского процесса, хотя чаще всего занимают второстепен-ное положение по сравнению с гносеологий, которая наряду с онтологией и антропологией изучаются приоритетно.
Философия и наука. В Древности философия как дисциплина была нераз-рывно связана с наукой. Слово, обозначающее науку в латинском язы-ке, – «sapientia», откуда англ. «science», -- означало «знание» и было синонимом «мудрости» и «философии». Одни и те же размышления о природе Первоначала, устройстве мира и человека можно было назвать и «философскими» и «научными». Никакого «практического» значения в термин «наука» не вкладывалось. Лишь позже в Новое время «наука» стала означать более узкую область знаний, которая была связана с изучением материального мира с помощью определенных методов, где эксперимент и опыт получили статус доказательства истинности, что было чуждо для науки в традиционном обществе.
Наука выделилась из философии в самостоятельную область с XVII века и стала обозначать только ту сферу знаний, которая описы-вала строго установленные характеристики материального мира. В ос-нову научного представления о структуре реальности легли перерабо-танные и развитые идеи древне-греческих философов-атомистов. На-правления, основанные на атомистском представлении о мире через Галилео Галилея (1564-1642), Иогана Кеплера (1571-1630), Френсиса Бэкона (1561 - 1626), Исаака Ньютона (1643-1727) и т.д., стали считать-ся «научными», а теории Аристотеля и Платона были признаны «ми-фологическими», т.е. «ненаучными» (или, по меньшей мере, не «строго научными»).
Спектр дисциплин, изучающих физический мир (физика, матема-тика, астрономия, механика и т.д.) получил название естественно-научных. И лишь на следующем этапе в XVIII-XIX веках возникла идея снова применить методы, аналогичные естественным наукам, к более широкой области знаний.
Так, будучи истоком современной науки, философия сама посте-пенно стала рассматриваться как наука, хотя и весьма особая. Не слу-чайно кандидатская степень в странах Запада сегодня называется Ph.D. («Philosophy Doctor» -- англ. «доктор философии»), причем независимо от того, в какой области эта степень присуждается – «доктором фи-лософии» будет являться защитивший диссертацию по химии, биоло-гии, физике, математике, экономике или специалист в гуманитарных дисциплинах – самой философии (в узком смысле), социологии, исто-рии и т.д.
С другой стороны, философский подход может быть применен к науке как самостоятельному явлению. Это дает философию науки -- дисциплину, изучающую как проходит формирование научной дея-тельности, на каких

принципах она основывается и какие мировоз-зренческие коды отражает. Философия науки может рассматриваться как один из подразделов гносеологии.
Философия и искусство. Довольно тесно связана философия и с искусст-вом. Можно рассматривать искусство как выражение философских истин, но только на своеобразном языке, обращающемся не к рассу-дочному восприятию, но к интуиции, эстетическому началу, чувству прекрасного. Изначально искусство рассматривалось наряду с ремес-ленничеством и описывало область материального производства. От-сюда средневековый термин «артизан» (фр. «artisan»), обозначающий одновременно и художника и мелкого ремесленника. Но определенные формы ремесленничества, связанные с сакральными темами – строи-тельство храмов, изображение священных фигур, исполнение ритуаль-ной музыки – выделились в особое направление. Также как и философ-ские системы, произведения искусства выносили суждения о бытии, человеке и мире, но предлагали свой способ контакта с ними.
По мере секуляризации искусство становилось свободным от тех сакральных смыслов, которые ранее оно было призвано передавать, и эстетическое начало приобрело ценность само по себе. Стало воз-можно говорить об «эстетическом методе познания».
Эстетический метод познания мира активно разрабатывался в XIX веке теоретиками «артократии» -- в первую очередь, немецким композитором Р.Вагнером (1813-1883), который повлиял на Фридриха Ницще, называвшего себя «философом-художником». Основная идея эстетической теории познания состоит в том, что целью познания явля-ется не истина, но красота. А основным способом познания выступа-ет художественный вкус, чувство прекрасного, эстетические интуиции. При этом подлинно познающим становится не столько зритель, созер-цатель художественного произведения, сколько сам творец, который, переводя творческое вдохновение в готовую форму, осуществляет акт познания красоты.
В такой теории возникают новые участники процесса познания – художник, произведения искусств, зрители и сама красота.
Философия и мораль. Моралью называется та область, которая рассматри-вает мир и человека с точки зрения того, что в них является благом, а что злом. Это - оценочный подход, который не довольствуется выяс-нением того, каковы вещи или явления, но делит их на две категории – хорошие и плохие. Мораль формирует особое отношение к реальности, где важнейшим фактором становится стремление реальность изменить (в лучшую сторону).
В традиционном обществе мораль является неотъемлемой и важ-нейшей частью религии, с помощью которой религиозное учение ори-ентирует деятельностную структуру верующих: с помощью критериев добра и зла предопределяется фундаментальная модель поведения че-ловека и его мышления. К добру надлежит стремиться, со злом бо-роться и всячески сопротивляться ему.
В Новое время мораль становится частью светской философии, и основывается на рассудочных принципах. Критерием, определяю-щим, «что хорошо, а что плохо», отныне начинает выступать человече-ский разум. Различные философы начинают выдвигать свои системы морали, основываясь на оригинальных философских предпосылках.
Мораль занимала большое внимание в философии Канта, учив-шего о «категорическом императиве», всеобщем обязательном нравст-венном законе,

которому должны подчиняться и следовать все люди. Этот закон предписывает каждому поступать так, чтобы «его поведе-ние могло стать принципом всеобщего законодательства».
У самого Канта теория познания и этическая часть его учения разделяются, но в некоторых системах постижение и установление до-бра заменяет собой постижение и установление истины.
Нравственное этическое начало развито в философиях социали-стического или коммунистического толка, где в основу познания ло-жится не столько осознание того, что есть, сколько осуществление того, что должно быть, что является нравственным императивом. По Марксу, «раньше философы пытались понять мир, теперь они должны его изменить». Это означает переход от познания истины к соверше-нию добра как главной задачи философии. Этот этический императив лег в основу социальной и политической доктрины марксизма, что зна-чительно повлияло на социал-демократические учения, ставящие во главу угла «справедливость».
Философия в традиционном обществе. Философия в традиционном обществе никогда не выделялась до конца в самостоятельное направление. Даже в Древней Греции первые философские системы досократиков были нераз-рывно связаны с мифами и культовыми комплексами, без которых их принципы были не понятны и утрачивали смысл.
Пифагорейство само по себе было религиозным явлением, так как помимо изучения чисто философских идей включало в себя ритуальную практику (воздержание от определенных видов пищи, в частности, бобов, обет молчания, созерцательные упражнения, регулярно и коллективно осуществляемые на рассвете и на закате и т.д.). Академия Платона, где философия изучалась системно, также имела многие сакрально-институциональные черты.
В других обществах философия вообще не выделялась из сакрально-религиозного комплекса знаний в самостоятельное направление и полностью зависела от религиозных доктрин, догм и символов, будучи их неотъемлемой частью.
Различие в философии естественных религий и религий Откровения. Естественные религии и религии Откровения способствовали двум принципиально различным направлениям философствования, в чем отражалось их отношение к Первоначалу. Это существенно влияло на методы познания, которые преобладали в соответствующих религиозных формах и осно-ванных на них культурах.

Натурфилософия. Подход, распространенный в философских системах естест-венных религий, не знающих «трансцендентного Творца» и «творения из ничто», принято называть «натурфилософией».
Натурфилософия строится на принципе единства природы Первоначала, человека и мира. Типичным примером такого подхода служит пред-ставление о человеке как о «микрокосме» («малом космосе»), а сама Все-ленная («макрокосм», «большой космос»), в свою очередь, устроена напо-добие человека («большой человек», «универсальный человек»).
Онтология, гносеология и антропология в натурфилософии рассмат-риваются как различные (и довольно условные) проявления единой непре-рывной субстанции. Основой онтологии (бытия) и главным объектом по-знания

является Божество («мировая душа» у Платона). Человек – это ее проявление, форма ее существования. Самый глубинный пласт в личности человека строго совпадает с абсолютным бытием. В философии индуизма это выражено формулой «Атман есть Брахман» (т.е. «Высшее «Я» есть Абсолют»). Онтология и антропология в такой ситуации тождественны. В этом догматическом утверждении – ни откуда не вытекающем и ничем не доказуемом - проявляется религиозный характер натурфилософии.
Гносеология – т.е. формы познания субъектом объекта – обосновы-вается внутренним единством того и другого. С помощью знания субъект вступает с объектом в прямой контакт, преодолевает видимость разделе-ния, и восстанавливает тем самым связь, которая предварительно затем-няется для того, чтобы из исходного единства получить множественность вещей и явлений.
Мифологическое познание. Натурфилософии свойственна такая модель позна-ния, где главным инструментом является миф. Миф состоит из образов, символов, сюжетов, загадок, позволяющих по-разному трактовать поло-жения субъекта и объекта в разных ситуациях, устанавливать между ними причудливые связи и отношения. Акт познания становится актом соуча-стия в мифе с неопределенным исходом и неопределенным статусом. Че-ловек в мифе выступает не столько как постоянная сущность, сколько как актер, играющий разные роли и входящий в разные взаимодействия с другими актерами, которые в любой момент могут оказаться не тем, за ко-го они себя выдают. Здесь можно привести историю китайского мудреца-даоса Чжуаньцзы (369 - 286 до н.э.). Чжуаньцы во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он задался вопросом: это Чжуаньцзы приснилось, что он бабочка, или бабочке сейчас снится, что она Чжуаньцзы? Этот пример иллюстрирует возможность смены ролей субъекта и объекта в мифологи-ческих системах.
Главным инструментом познания становится в такой ситуации символ – он не только объект познания, подлежащий расшифровке, но и субъ-ект познания, нанизывающий на свою ось многообразие форм мира. Все вещи объясняются через их сведение к символу, который есть реальность промежуточная между субъектом и объектом. Субъект и объект возникают из мифологического символа как следствия, и могут быть всегда заменены на другие пары или даже поменяться местами.
В мифологических картинах мира, свойственных древних культурам и некоторым современным архаическим народам, человек, познавая, мыс-лит себя архетипом – богом, героем или духом, т.е. не самим собой, а иным, нежели он сам. А познаваемый объект обретает значение магиче-ского элемента живого священного космоса, который вполне может, в свою очередь, оказаться не объектом, но субъектом - богом, героем или духом, не зависимо от того, одушевлен он или нет. И в таком случае пропорции тут же перевернутся: познающий станет познаваемым.
Наиболее ярким воплощением мифа в искусстве является эпос - устное (как правило, поэтическое) повествование о деяниях богов и геро-ев или сакральный театр, где перед зрителями предстают мифологиче-ские персонажи в символических нарядах и осуществляют ритуальные действия.
В религиозных системах мифологическое познание предполагает «инициацию» (лат. «посвящение»), с помощью которой неофит вводится в закрытый круг тех, кто уже познал основы мифологического знания. Об-ряды инициации в Древней Греции получили названия Мистерии. В ходе мистерий люди на своем опыте переживали мифологические сюжеты, ста-новились на короткий срок героями

мифа, переживая его драматическую напряженность и меняя в процессе мистерий структуры сознания. В разных обществах обряды инициации проходили по-разному. Подчас посвящаемым наносились травмы, они подвергались жестким психологическим и физическим испытаниям, иногда при этом использовались наркотические вещества и психотехники, призванные ввести человека в состояние транса, «измененного сознания».
Задача мифологического познания состоит прежде всего в погруже-нии человека в ткань мифа, где ему придается другое имя (другая субъектность) и перед ним развертывается (в качестве объекта познания) – другая реальность, отличная по своим основным параметрам от бывшего привычным (до инициации) мира.
Единство онтологии, этики и эстетики. Натурфилософия тяготеет к строгому слиянию гносеологии, этики и эстетики (единство Истины, Добра и Красоты у Платона). Мораль и эстетика вписываются в общую картину мифа. Бытие, как оно есть, является благом и представляет собой эстетическое совершенство. Божество («мировая душа») сообщает бытие всем вещам, и вместе с тем наделяет их моральными и эстетическими признаками. Кра-сота природного мира или человека выражает его бытийную природу и воплощает в себе этическую добродетель. Эта фундаментальная идея на-турфилософии запечатлена в мифах про богов и героев, которые совер-шают моральные (или не очень) поступки и наделены красотой. Высшие небесные боги – прекрасны и благи. Боги подземного мира – ужасны и злы.
Это проецируется и на мир людей: в архаических культурах физиче-ское безобразие и уродство сплошь и рядом воспринимались как указани-ем на злой характер человека. В этом проявляется философская установка естественных религий: добро и красота неразрывно связаны друг с дру-гом.
Преобладание эстетического. При том, что натурфилософия видит этику и эстетику в единстве, познание рассматривается прежде всего как созерца-ние мира для постижения его подлинной сущности. Именно эстетическое начало выходит здесь на первый план. Если этика относится к области действий и поступков, определяя как надо, и как не надо поступать, то эстетика воспринимает вещи как они есть, стараясь вычленить в них элементы прекрасного.
Добро необходимо творить, активно созидать. Оно связано с обла-стью действий. Красотой следует восхищаться и наслаждаться, так как че-рез нее бытие говорит о своей сущности с человеком напрямую. Это пре-допределяет то, что в философии «естественных религий» (в частности, у древних греков) именно эстетическое начало имело центральное значение.
Сакральное искусство. Область эстетического связана с искусством. Искусст-во является инструментом философствования, методом обнаружения пла-стическими средствами прекрасного, заложенного в бытии. Средствами искусства – архитектуры, скульптуры, живописи, поэзии, музыки, театра – в традиционных цивилизациях передавались священные символы, мифо-логические сюжеты, знания о структурах бытия, невидимого и неведомого мира. Чаще всего объектами изображения выступали боги и герои, кото-рые служили архетипами для всей духовной и материальной культуры древнего мира. К деяниям того или иного священного персонажа возводи-ли истоки ремесел, социальных установлений, обычаев, традиций, поли-тических институтов, технических навыков и т.д.. Фигуры и изображения богов и героев, переданные средствами сакрального искусства, служили также для передачи знаний об

устройстве бытия, транслировали философский код, позволяющий расшифровать мифы и обряды, культы и пре-дания.
Объекты священного искусства часто носили обрядовый характер. Ими не только наслаждались, но и почитали, воздавали почести, полагая, что любое пластическое изображение высшей сущности связано опреде-ленным образом с самой этой сущностью. С этим сопряжена «языческая» практика «теургии» (греч. «теос», «бог» и «оургия» - «делание»), в ходе которой считалось, что часть бытия высшего невидимого существа при определенных обстоятельствах и в силу совершения определенных ритуалов способна вселиться в его изображение и оживить его. Эта тра-диция получила развитие в практике постановки статуй «внемлющим бо-гам», которые были чрезвычайно многочисленны в восточных регионах Римской империи в первые века нашей эры. Этот эпитет применяется к статуям божеств, носящим и греческие и местные имена и даже не имеющим никаких имен (просто: «богу внемлющему»).
Романтическая версия теургического действа описана в греческой истории о кипрском царе Пигмалионе, бывшем жрецом богини Афроди-ты, который влюбился в Галатею, женскую статую, созданную им самим из слоновой кости. Уступив мольбам своего жреца, Афродита оживила статую, которую царь-скульптор взял в жены.
Этой же цели - вызвать в физической субстанции сакрального про-изведения искусства реальное присутствие высших духовных сил служили и музыкальные произведения, и живопись, и поэтические произве-дения, и архитектурные сооружения. Архитектура не просто была призвана построить и украсить материальное жилище для защиты от погодных условий, но выражала собой представление людей об устройстве священного космоса. Стили архитектуры и в обычных домах, и в храмовых по-стройках, и в дворцах правителей и аристократов, отражали упорядочи-вающее философское усилие человека по выражению материальными средствами своих представлений о мире, истине, бытие, первопричине. В пифагорейской школе философы наряду с теорией о богах и высших сущ-ностях, геометрией и математикой изучали игру на музыкальных инстру-ментах, пропорции живописи, искусство риторики и поэзии. Среди древ-не-израильских пророческих школ было принято играть на музыкальных инструментах, что способствовало вхождению в экстатическое состояние.
Как и все остальные аспекты традиционного общества, искусство в нем было призвано выразить связи земного с небесным, материального с духовным. Эта сакральная природа искусства обосновывалась тесной свя-зью эстетического начала с онтологическим и гносеологическим.

Философия религий Откровения (монотеизма). Философские модели моно-теистических религий основаны на совершенно ином принципе, нежели у религий естественных. В них утверждается принципиальное различие при-род объекта и субъекта. Бытие Бога (его внутренняя природа) отлично от бытия мира и человека. Монотеизм утверждает как догму, что в сфере он-тологии (бытия) есть два объекта – Творец и творение. Творец непознава-ем по определению (так как у него нет общей меры с творением) и, следо-вательно, философия не может вынести на его счет никакого фундамен-тального суждения. О Творце повествует не разум, но Откровение, религия, догмат, Священное Писание и священное предание. В этом фунда-ментальное отличие

монотеистической философии от натурфилософии: пределы познания здесь строго ограничены с самого начала и роли заве-домо распределены. Человек (субъект) может познавать мир, так как он наделен с ним общей природой, но это познание станет совершенным только через обращение к Творцу, создателю и того, и другого. Человек вместе с тем оказывается в привилегированном положении: он может об-ратиться к Творцу напрямую через религию, и это дает ему возможность познания мира. А миру остается довольствоваться совершенствованием человека. По словам св. апостола Павла «Чаяние твари откровения сынов Божиих чает», т.е. «мир ожидает от людей (= «сынов Божиих», усынов-ленных через воплощение Христа) их совершенствования.

Догматическое познание свойственно религиям Откровения. Религиозно-догматическое познание, характерное для монотеистических философий, основано на соотношении между собой знаний, полученных в результате Откровения (религиозной догмы) с результатами наблюдений над внеш-ней средой. Человеку Богом через Откровение заведомо даны основные знания о Нем самом, о творении, о судьбах и устройстве мира. Задача че-ловека в том, чтобы усвоить эту (уже имеющуюся в религиозных догматах) мудрость и применить ее к самоанализу и рассмотрению окружающе-го мира. В философии религий Откровения и онтология, и антропология и даже гносеология задаются заранее, ставя человеческое сознание в строго определенные рамки. Здесь уже нет той двусмысленности, которая была характерна для натурфилософии, где объект и субъект могли при опреде-ленных обстоятельствах меняться местами. Человек и мир радикально от-личны от Бога, и человеческое сознание должно строиться вокруг того строгого знания, которое ему заведомо дано и которое носит Божествен-ный (поэтому объективный) характер.

Моральный аспект познания. Философии религий Откровения построены таким образом, что догматическое знание признается высшим и единст-венно верным. В том случае, если окружающий мир в чем-то противоре-чит данным религиозных догм и возникает философский конфликт, то изменению подвергаются не догмы, а сама реальность.

Познание в таком случае становится моральным действием: оно призвано не просто понять, как вещи устроены, но изменить их в том случае, если они отличаются от данного Богом порядка мироздания. По-знавая себя и мир, религиозный человек попутно исправляет себя и мир по образцу философии, данной в догматах веры.

Такое познание есть одновременно нравственное служение, и его целью является благо, спасение и гармония -- не столько познание исти-ны, сколько утверждение заведомо данной истины в акте религиозного действия. В процессе такого познания человек спасает и преображает себя и мир, делает из того, что есть, то, что должно было бы быть в соот-ветствии с религиозной догмой.

Мораль свойственна философии религий Откровения как неотъем-лемая и основополагающая черта. Добро есть то, что человек призван со-вершать, а не созерцать. Мир требует не расшифровки, но усовершенст-вования. Познание в таком случае ставит основной акцент на этике, на ут-верждении Добра. Это существенно отличает философию религий Откро-вения от натурфилософии, свойственной естественным религиям.

Спор об универсалиях: идеализм, реализм и номинализм. Показательным для

философского процесса в рамках догматических систем религий От-кровения является средневековый спор об универсалиях, который наложил отпечаток на все развитие позднейшей европейской философии. В като-лической Европе осмысление христианской догматики в философских терминах привело к появлению трех принципиальных позиций: идеализ-ма, реализма и номинализма. Суть спора сводилась к тому, как понимать духовную природу вещей (универсалии). Эта полемика не затрагивала ос-нов христианского вероучения, но в ходе нее применялись такие инстру-менты как предание «анафеме» взглядов тех ее участников, кто не смог убедительно отстоять своих позиций. В процессе спора об универсалиях выяснялось, какая именно религиозно-догматическая модель познания станет основой мировоззренческого кода в средневековой Западной цивилизации.
Идеалисты (Скот Эриугена (810-887) и др.) следовали за философи-ей платонизма и утверждали, что универсалии (=идеи) существуют до ве-щи и независимо от вещи (лат. «universalia ante rem»).
Реалисты (Фома Аквинский (1225-1274) и др.) настаивали на ари-стотелевском подходе: что универсалии существуют только вместе с ве-щами, составляя их сущность (как форма с материей). Формулой реализма было «универсалия в вещи», «универсалия вместе с вещью» (лат. «uni-versalia in re»).
Номиналисты (Иоганн Росцелин (1050-1120), Дунс Скотт (1265-1308), Уильям Оккам (1280-1347) и др.) полагали, что универсалий как са-мостоятельных сущностей не существует вообще, и что они не более, чем «имена» (лат. «nomen» - «имя», отсюда «номинализм»), придуманные людьми для удобства обозначения чувственных предметов. Это формули-ровалось как принцип «universalia post rem» (лат. «универсалия после ве-щи»). В этом они возрождали философию древне-греческих атомистов и эпикурейцев, которые считали реальными только чувственные вещи, и от-рицали как идеи Платона, так и формы Аристотеля. Номиналист Оккам предложил «не двоить сущности» и отрезать как бритвой представления о том, что у чувственных вещей есть какие-то сверхчувственные идеальные продолжения. Отсюда пошло выражение «бритва Оккама».
В этом споре победили реалисты, последователи Фомы Аквинского. На первом этапе были подвергнуты анафеме идеи Скота Эриугены. Позже столь же жестко был отвергнут номинализм. Так, аристотелевский под-ход стал нормой вся всей западно-христианской догматической филосо-фии, получившей название «схоластической философии» (от лат. «schola» - «школа»). Это направление вошло в историю как «томизм», по имени Фомы Аквинского, чей авторитет в схоластической философии был не-пререкаем.
Платонизм в Европе возродился позже, в эпоху Возрождения, когда многие философы (в частности, Марсилио Фичино (1433-1499), Николай Кузанский (1401-1464)) и др.) возродили интерес к этой философии и начали системную борьбу с томизмом, аристотелизмом и схоластикой.
Из номинализма несколько веков позднее развилась та философия, которая пришла на смену и схоластике, и возрожденческому платонизму, и стала основной философией Нового времени. Номинализм постепенно занял место преобладающего подхода в философии протестантизма, и большинство философов Нового времени сформировались под сильным влиянием именно протестантской среды – в Голландии, Англии и Прус-сии.
Философия православной традиции. В православной церкви философский процесс развивался по совершенно другой логике. Здесь преобладали

традиции христианского платонизма в сочетании с монашеским аскетиче-ским мистицизмом. В богословии были чрезвычайно сильны платониче-ские традиции (Дионисия Ареопагита, отцов-каппадокийцев, Александ-рийской школы, патриарха Константинопольского св. Иоанна Златоустого (347-407) и др.), а в монашеской практике (особенно, исихазме) аскетиче-ски воспринятые идеи аристотелизма (Симеон Новый Богослов (949-1022), (582-662), Иоанн Лествичник (570-649), Григорий Палама (1296-1359)). Между этими направлениями никогда не возникало системных противоречий, и оба они существовали и развивались в рамках общей вос-точно-христианской философской традиции.

В этом состоит отличие православного культурного кода от като-лического. Православие допускает множественность подходов при условии, что они формально не противоречат основным догматам Церкви. Здесь философский процесс ограничивается только самыми общими рам-ками, оставляя широкую свободу для выбора различных подходов, ориентиров и авторитетов. Более того, преимущественное распространение Православия в греческой зоне Римской империи по контрасту с романо-германским ареалом распространения католицизма, предопределило большую склонность православной культуры к созерцательности (наследие греческой философии), а романо-германцы тяготели, со своей сторо-ны, к деятельному, рационалистическому и моралистическому стилю.

Показательно, что подвергнутые схоластами «анафеме» в лице Скота Эриугены философские традиции христианского платонизма гармонично развивались на всем протяжении православной истории, составляя основу православной философии. А номинализм и атомизм в православной цивилизации не просто не прижились, но вообще отсутствовали как таковые на всех стадиях развития.

Такое различие в судьбе философии в Восточной и Западной церкви демонстрирует, что религиозно-догматический метод познания зависит не столько от догматического содержания религии (в католицизме и право-славии догматическая сторона отличается не так уж значительно), сколько от культурного кода, установившегося в различных типах цивилизации. На примере философий западно-христианской и восточно-христианской культур это выражено наглядно.

Мистическая философия. Мистическое познание в основном сходно с мифо-логическим. Здесь также размывается грань между личностью познающего субъекта и познаваемым объектом (Богом или природой). В центре мистического процесса стоит «единение», «слияние» субъекта с объек-том. Это слияние, часто символизирующееся «браком», «любовью», ста-новится основой мистической философии, отождествляется с познанием как таковым. Познавать и любить - для мистика это одно и то же. В мистической философии преодолевается та дистанция, которая в религиях Откровения отделяет Бога от человека и мира. Поэтому здесь снова центр тяжести переносится на эстетическое созерцательное измерение.

Мистики дополняют познавательные модели догматической философии новым измерением – плоскостью видений, интуиций, проникновений внутрь познаваемого предмета и т.д. Они считают, что с Богом можно установить более близкий, тесный и непосредственный контакт, чем это допускает

религиозная догматика, и, следовательно, субъект и объект познания сливаются не просто в Творце, но в личности самого мистика. Познавая себя, мистик познает Бога, а следовательно, весь мир в его из-начальном состоянии.
Отличие мистической формы познания от мифологической и натурфилософской состоит в том, что мистики, как правило, развивали свои философские взгляды в рамках монотеизма, т.е. религий Откровения, а не в лоне «естественных религий». Смысл религий Откровения в том, чтобы утвердить главенство догматического подхода в отношении онтологии, гносеологии и антропологии и сделать мораль основным инструментом познания. Мистики стремятся превратить эти догматические начала в дело прямого живого опыта, растопить догматический холод внешнего знания сердечным горением своей души.
Как правило, мистики перетолковывают положения монотеистических религий не в рационально-догматическом духе, как это делает клас-сическая философия религии Откровений, но в символическом ключе, как совокупность таинственных знаков и образов, требующих для понимания особого состояния сознания, усилия, очищения и внутреннего преображения. Мистические формы познания, так же как и мифологические, пред-полагают «посвящение» и часто становятся достоянием более или менее закрытых кругов («орденов», «тайных обществ» и т.д.).
Мистические течения в религиозной философии. В религиях Откровения есть течения, которые тяготеют к мистической философии. В иудаизме они воплощены в «каббале». Священной книгой каббалистов, помимо «Пятикнижия» и Талмуда» является «Зохар», где многие библейские сю-жеты расшифровываются в особом парадоксальном ключе, с использованием подсчета числовых комбинаций букв, мифологических конструкций, смелых ассоциаций между различными персонажами, предметами и дей-ствиями ветхозаветной истории и иудейской традиции в более поздние времена («Талмуда», «Аггады» и т.д.). «Каббала» была широко распро-странена в Средние века среди иудейских общин Испании, Франции, Гер-мании. Огромное влияние каббала оказала на евреев Восточной Европы, и движение хасидов, возникшее там, включило каббалистические теории в основу своей философии. В современном Израиле центром каббалы является город Цфат (Сафед), где в XVI веке жил знаменитый каббалист Исаак Лурья (1534–1572), основавший свою собственную версию чрезвычайно развитой мифологи-ческой мистической теологии. Мистическая философия каббалы в целом оказала огромное влияние на религиозное сознание и культуру евреев.
К мистическим направлениям в исламе следует отнести суфизм, представляющий собой отдельные организации (вирды, тарикаты и др.) с особыми доктринами и практиками.
Мистическая философия в рамках монотеистических религий не вы-зывала отторжения официальных религиозных властей, и многие мистики становились непререкаемыми авторитетами и святыми (в христианстве). Когда же мистики в своем душевном порыве начинали входить в откры-тый конфликт с догматическим учением, они причислялись к еретикам. Так было в случае еврейского каббалиста и мистика Саббатаи Цеви (1626-1676), объявившего себя в 1648 году мессией, но позже принявшего ис-лам; исламского суфия Аль-Халаджа (? – 922), воскликнувшего в экстати-ческом созерцании «Я - Истинный» и казненного за богохульство, так как в исламе «Истинным» является только Аллах, или средневекового мисти-ка Майстера Экхарта (1260-

1328), учившего, что в Боге добро и зло совпа-дает, чья доктрина была признано «ересью».
«Ареопагитики». Православная философия в большинстве относится именно к категории мистической. Ярче всего этот мистический характер проявляет-ся в двух направлениях – в христианском платонизме и исихазме.
Огромное влияние на православную философию оказали тексты, приписываемые святому Дионисию Ареопагиту. По преданию святой Дионисий Ареопагит жил еще в апостольские времена, был членом Ареопага, а позднее был обращен святым апостолом Павлом в христианство. Критический анализ текстов и упоминание многих церковных реалий, от-сутствовавших на первых этапах христианства, не позволяет, однако, да-тировать эти тексты эпохой ранее V века. Совокупность текстов, припи-сываемых Дионисю Ареопагиту, получила название «Ареопагитик». Фи-лософия «Ареопагитик» оказала огромное влияние на христианское бого-словие и, в первую очередь, на православную мысль. В Западной Европе эти тексты переводил, толковал и распространял Скот Эриугена. По сути, здесь мы имеем дело с платоническим и неоплатоническим способом фи-лософствования, примененным к христианской догматике.
«Ареопагитики» в основе всего утверждают Непознаваемое Божест-во. Оно настолько превосходит весь мир, что предлагает сяспециальный способ его познания – «апофатический» (греч. «апофатикос» - «отрицательный»). Апофатическое познание определяет Бога как «ничто из того, что мы можем познать». Он отличен от всего сущего и ни с чем не совпадает, так как является Первопричиной всего сущего. Поэтому Ареопагит называет его «тьмой, превысшей света» или «Божественным мраком». Чтобы подчеркнуть, что Бог всегда является «трансцендентным» по отно-шению ко всему – и даже по отношению к представлению о Нем – он ис-пользует парадоксальное выражение – «Сверхбог» (греч. «гипертеос»). Даже самая яркая и глубинная мысль о Боге, никогда не достигает его сущности. В этом Непознаваемом Божестве лежит в философии «Ареопа-гитик» исток онтологии. Вслед за учением «Ареопагитик» метод размыш-ления, отталкивающегося от непознаваемого Божества, стало принято на-зывать «трансцендентным» (от «горнего к дольнему»). Это - апофатическое богословие.
Другой способ познания Бога называется «катафатическим» (греч. «ктафатикос» -- «утвердительный»). Он означает, что Бог, будучи причи-ной всего сущего, отражается в своих творениях. Поэтому о Боге можно составить представление, исходя из созерцания его творений, видимых физическим зрением или «очами сердца», сознанием. «Катафатическое» познание Божества иерархически ниже «апофатического». Сущность Бога непостижима по определению, но созерцание его творений все же как-то приближает нас к ней, хотя никогда не окончательно. Такая форма мыш-ления получила название «имманентного» (от «дольнего к горнему»). И легла в основу катафатического богословия.
Катафатический и апофатический методы познания составляют стройную картину полноценной православной гносеологии, которая по-влияла на всю православную мысль.
Божественная Троица содержит в себе и бытие всех вещей и их име-на. Поэтому сами «имена вещей» имеют божественное происхождение и несут в себе связь с онтологией. Так, между познающим субъектом и он-тологическим объектом (Светом) утверждается высшее тождество, а «имена» становятся не

только гносеологическим, но и онтологическим яв-лением. Отсюда вытекает теория «символа» как особой реальности, в ко-торой сконцентрировано одновременно и знание, и бытие. «Ареопагити-ки» посвящают этой теме важнейший раздел - «О Божественных именах».
Дионисий Ареопагит подробно описывает структуру мироздания. Высшее Божество окружено представителями небесной иерархии, насчи-тывающей девять чинов, разделенных по три:

- серафимы, херувимы, престолы;
- господства, силы, власти;
- начала, архангелы, ангелы.

Все они обобщенно могут быть названы «ангелами», но имеют и иные, уточняющие иерархические степени.
Прямым продолжением этой световой ангельской иерархии является церковная иерархия (три степени):

- епископы,
- священники,
- диаконы.

Далее идет «священный народ» (простые христиане):
монахи,
члены христианской общины,
оглашенные.
Еще ниже стоят:

- живые разумные существа,
- живые неразумные существа,
- неживые существа.

Все уровни иерархии связаны между собой лучами Божественного Света и составляют гармонию мира.
Теория Вселенского Света легла в основу эстетики, предопределив-шей развитие сакрального искусства в православной культуре. Более всего это отразилось в византийской, а позже русской иконописи.
Учение «Ареопагитик» было введено в православный канон благо-даря его интерпретации крупнейшим христианским богословом Макси-мом Исповедником (582-662).

Философия исихазма. Параллельно платонизму «Ареопагитик» развивалась несколько иная философская мистическая традиция – «исихазм». «Иси-хазм» (греч. «исихия» - «безмолвие, молчание») – мистическое направле-ние в монашеской практике, основанное на постоянном повторении «имени Господня» и «молитвы Господней» («Господи Исусе Христе Сыне Божии, помилуй мя грешнаго»), сложной дыхательной практике, особых формах созерцания и сосредоточения («погружение ума в сердце»).
Практика исихазма имеет глубочайшие философские корни. Наибо-лее полное развитие и систематическое философское оформление на са-мом Афоне она получила в XIV веке в эпоху Григория Паламы (1296- 1359), который обобщил основные моменты исихазма в своих трудах. Палама жил на Афоне, пользовался колоссальным авторитетом и прини-мал активное участие в политической жизни поздней Византии (на сторо-не Иоанна Кантакузина (около 1295-1383), который в какой-то момент хо-тел поставить Григория Паламу патриархом Константинопольским).

Учение Паламы подытоживало тысячелетний путь христианского монашества, долгую и развитую традицию созерцательных практик. Палама развил теорию о Нетварности Фаворского Света и об «источении» энергий Пресвятой Троицы. В споре со своими противниками – рационалистами-платониками Варлаамом, позже перешедшим в католичество, и Акиндином, которые настаивали на том, что если нечто воспринимается органами чувств или даже внутренним зрением (Фаворский свет), то это не может быть «нетварным» и «божественным», так как природа божества «апофатична». На это Палама в духе Аристотеля, предлагавшего различать сущность и энергии, отвечал, что восприятие энергий Бога не влияет на непознаваемость его сущности. При этом он приводил очень фунда-ментальный аргумент: «Если Бог абсолютно непознаваем, апофатичен, то Он не только непознаваем, но и не непознаваем», так как делая непозна-ваемость Бога некой абсолютной характеристикой, мы выносим на его счет категорическое рассудочное суждение, дерзко ограничивая свободу и бесконечность его абсолютности. Учение Паламы о божественных энер-гиях, после серьезных богословских споров, вошло в каноническое право-славное учение.
Монахи, идущие по пути отшельничества, уединения, укрощения плоти, постоянно имели дело с непрерывным наблюдением за деятельно-стью душевных сил, отслеживали истоки греховных помыслов, выявляли стадии духовного совершенствования, отмечали преграды и трудности. Эта колоссальная работа духа проходила в непрерывном осмыслении ос-нов православного вероучения, которое воспринималось монашеством не как отвлеченное знание, а как стихия прямого опыта. Путь монаха состо-ит в том, чтобы сделать Евангельские события реальным содержанием своего внутреннего мира. И кульминацией исихастской традиции является переживание Преображения Господня на горе Фавор, когда Христос пред-стал перед избранными апостолами в неземном свечении. Видения этого света сподобились только те, кто смог пройти по этому пути до конца.
Исихазм есть глубокая и развитая духовная философия, осмысляю-щая природу сотворенного мира и божественной нетварной Троицы, их соотношение, их диалектику. В центре исихазма мысль о природе бытия, и следовательно, это направление имеет самое непосредственное отноше-ние к философии. Исихасты в отличие от католических схоластов полага-ли, что рассудочное понимание Божества неприменимо для проникнове-ния в тайны его природы, и считали, что самый правильный путь – мис-тическое созерцание в сочетании с аскетической практикой. Тем самым, они избегали той схематизации богословия, которая привела западную традицию к «забвению о сущем и о сущем сущего, т.е. о бытии» (М.Хайдеггер). В центре созерцания исихаста было именно чистое бытие, свет чистого бытия, проникающий в очищенное сердце монаха-созерцателя через «энергии», изливающиеся из Пресвятой Троицы. Человек, выходит из себя (греч. «экстасис» - «экстаз», «выход», «исступлении») навстречу этим энергиям, в свою очередь, исходящим из Божества, что приводит к встречи человека с Божеством («греч. «синергия» - «со-работничество») в общем для них действии.

Диакрисис. Важной составляющей православной духовной аскетической философии является «диакрисис» (греч. «отличие», «различение»). Согласно христианскому представлению о человеческой душе, она имеет

сложную составную структуру. В этой структуре есть три довольно самостоятельные зоны. Их взаимодействием и определяется процесс мышления.
Одна зона: собственно душа, в том виде, в каком она будет существовать после смерти тела в духовном мире. У нее есть своя воля, свое мышление, свой голос, свой язык.
Вторая зона: дух или область «ангела хранителя». Здесь душа взаимодействует с высшими силами, с проявлением божественных энергий, помогающих ей в сложных ситуациях, поддерживающих в правильных решениях. Эта вторая зона представляет собой – внутреннюю часть души, ее наиболее глубинное измерение. В православной теории «нового чело-века» утверждается, что это начало христианин получает в момент таин-ства Святого Крещения, как зерно новой духовной личности, и призван взращивать в течение всей жизни.
И наконец, третья зона представляет собой местопребывание бесов, которые стараются замутить зрение души, привлечь ее к отвлекающим предметам и страстям. Действие невидимых существ этой третьей зоны и навеваемые ими мысли, образы и поступки – называется в частности, «прилогами», чтобы подчеркнуть, что речь идет не о действии души, но о влиянии на нее внешних (хотя и невидимых) источников. Отсюда выра-жение, характерное для христианина, объясняющего совершение дурного поступка – «бес попутал» (1).
Диакрисис состоит в том, чтобы «различать духов», отделять в ходе душевной жизни происхождение трех родов мыслей, помыслов, намере-ний, логических умозаключений и т.д. Тот, кто практикует диакрисис, должен научиться опознавать по ряду характерных признаков, что в его сознании от «беса», что от «духа», а что от «души». Практика диакрисиса формирует нравственную и духовную культуру личности монаха.
Исихазм представляет собой развитую антропологическую теорию, где мыслящий субъект тщательно изучается и исследуется в рамках православного понимания о природе человеческой души. Благодаря практике диакрисиса исихаст учится постигать процесс формирования мысли, отде-лять мыслящего субъекта (собственно человеческую душу) от мысли-тельных и чувственных форм, с которыми душа приходит в соприкосно-вение, взаимодействие и слияние. Все эти стадии подробно описаны в исихастских предписаниях.
Мы имеем дело с полноценной философской системой. Онтология воплощена в нетварном вечном и бесконечном бытии Пресвятой Троице. Субъектом является человеческая душа, обоснованная в опыте самопозна-ния и сосредоточения. Гносеологический процесс состоит в осмыслении формирования в душе мыслей и помыслов, которые могут быть направле-ны как в сторону бытия (через творение внутренней молитвы), так и в противоположном направлении (под воздействием прилогов). Борьба с постепенно нарождающимися греховными страстями – составляет этиче-скую сторону исихастского учения, а созерцание Фаворского света в соб-ственном сердце есть основа сакральной эстетики (не случайно поздней-шие сборники исихастских текстов названы «Филокалия» - греч. «фило» - «люблю» и «калос» -- «красота», «прекрасное»; в русском переводе в свя-зи с особым оттенком слова «красота» это было переведено как «Доброто-любие»).
Искусство в традиционном обществе. Искусство в культурах естественных религий и религий Откровения в равной степени несет в себе сакральное

начало. Но так как по своей специфике догматические философии больше обращены к моральному уровню и ставят во главу угла «добрые дела», область эстетики, искусства и созерцания в них становится приоритетом мистических течений.
В католической цивилизации средневековые строители храмов, со-боров и дворцов были объединены в особые корпорации (ателье) «воль-ных каменщиков» (фр. «масон» - «каменщик»), где развивались мистиче-ские и мифологические теории, обряды и ритуалы, в XVIII веке ставшие основой европейского масонства. Архитектурные стили от романского до готического, которые были характерны для периода, когда Европа пребы-вала в состоянии традиционного общества, несли в себе глубинное симво-лическое содержание. Практически все крупные живописцы, поэты и скульпторы средне-вековой и возрожденческой Европы были посвящены в мистические ор-дена со своим символизмом, тайными учениями и особой философией. Данте Алигьери (1265-1321), Вольфрам фон Ашенбах (1198-1210), Джот-то (1276-1336), Рафаэль (1483-1520), Босх (1460-1516), Микельанджело (1475-1564), Леонардо да Винчи (1452-1519), Дюрер (1471-1528) и многие другие были членами тайных организаций, в центре которых стояла мис-тическая философия со своим кодированным языком. Фигуры, жесты, краски, композиция их картин, речи поэтических персонажей несут в себе шифрованный язык этой философии.
В православии таким сакральным искусством была иконопись, в ко-торой отражалось мистическое созерцание высших духовных миров. По-читание святых икон являлось важнейшей стороной православного вероучения.
В исламе сакральное искусство ярче всего проявилось в суфийской поэзии, которая дала мировой культуре такие имена Низами (? - 1209), Джалаладдин Руми (1207 – 1273), ас- Са'ди (1181 - 1235), Фарид ад-дин Мухаммад Аттар (-1220), Абдуррахман Джами (1414 – 1492) и многие другие. В каноне суфийской поэзии любовная лирика обычно интерпретируется как описа-ние состояний мистика в его слиянии с Божеством.
Пока люди живут в условиях традиционного общества – как моно-теистического, так и того, где преобладают естественные религии, --искусство, их окружающее, представляет собой прямое проявление мис-тической философии и расшифровывается только как особый способ по-знания Божества, высших миров, духовных смыслов.

Конец Средневековой философии. Вместе с концом Средневековья в Европе происходит фундаментальная смена типа общества, цивилизации. Мировоззренческий и культурный код традиционного общества вначале размывается, потом разрушается, а затем окончательно отбрасывается.
В Средневековье в Западной Европе преобладала схоластическая философия. В Новое время ее вытесняет философия номинализма. Здесь не только меняются формы познания, но необратимым и фундаменталь-ным трансформациям подвергаются объект и субъект философии, а соответственно гносеологические методы, не говоря уже об этике и эстетике.
В Новое время, с философской точки зрения , мы имеем дело со всем «новым», с новым миром. Причем эта «новизна» состоит не просто в постановке одной сакральной или религиозной системы на место прежней, но в отмене сакральности и религиозности в принципе. Это приводит к созданию уникальной культурной среды, радикально отличной и от преж-них этапов

истории Запада и от всех остальных обществ (включая право-славную цивилизацию Восточной Европы и Евразии).
Теизм, деизм, атеизм. Процесс перехода от религиозно-догматической фило-софии к светской философии Нового времени проходил постепенно. В нем можно выделить три этапа изменения онтологической проблематики.
В философии традиционного общества сосредоточием чистого бытия является Бог. Отсюда термин «теизм» (от греч. «theos», «бог») для оп-ределения онтологического характера такой философии. При этом для фи-лософии «теизма» характерно признание не только Бога как высшего на-чала, но и догматов, церкви, преданий, символов, мистического опыта, чу-дес и других религиозных явлений; все они в «теизме» становятся эле-ментами философского осмысления, а их реальность и фундаменталь-ность под сомнение не ставится. Так, Бог, стоящий в центре религиозной онтологии, познается через структуру широкого церковного предания, включающего основные нормативы гносеологии и философской антропо-логии.
В Новое время западно-европейская философия стала превращаться в систему, откуда последовательно изгонялись религиозные предпосылки. Даже тогда, когда сами философы оставались верующими людьми, они описывали Бога и религию со стороны, на основе рациональных заключе-ний. Так возникло направление «деизма» (от лат. «deus» - «бог»), т.е. при-знание существования Бога в отрыве от структуры отношения с Ним, данного в религии, традиции, церкви. Такого «бога» принято называть «богом философов и ученых» (Б.Паскаль (1623-1662)), понимая под ним искусственный объект, утверждаемый в ходе рациональной деятельности человеческого рассудка. Бог без религии. В деизме сохраняется онтология религиозной философии, но гносеология и антропология фундаментально меняются, так как полностью отрываются от нормативного характера священного предания. «Бог философов» - это продукт рационального по-стулирования. И не случайно он получил название «бога философов и ученых» («философов» в современном понимании), а не «бога всех лю-дей». Бог религии един для всех, так как его бытие абсолютно и ни от чего не зависит, и само сообщает реальность всему остальному, в том числе и структурам познания. Он - всепроникающее и всеопределяющее начало, охватывающее человека и мир со всех сторон – и извне, и изнутри. «Бог» деизма является интеллектуальной абстракцией, производной от рассу-дочных операций отдельных индивидуумов («философов»), которые уде-лили время и силы, чтобы сформулировать философские основания для истолкования природы окружающего мира. В каком-то смысле, такой подход сродни номинализму – «бог» в нем, не более чем «имя» (лат. «no-men»). И хотя европейский «деизм» эпохи Просвещения (например, у Вольтера (1694 - 1778), Локка и т.д.) окончательно разрывает связи с цер-ковью, его истоки можно увидеть уже в стремлении схоластической фило-софии доказать бытие Бога рациональными методами («теодицея»).
Исторически за «деизмом» следует следующий этап отхода запад-ной философии от религии, проявляющийся в «атеизме». «Атеизм» (греч. «а» - отрицание, «theos» - «бог», греч.) означает полный отказ признавать какую бы то ни было реальность, кроме человеческого мышления и те-лесного опыта, считая все остальное «выдумкой». К атеистической тради-ции относятся французские энциклопедисты Дидро (1713-1784), Гельве-ций (1715-1771), Гольбах (1723-1789), немец Людвиг Фейербах (1804-1872), повлиявший на Маркса и Энгельса, настолько, что Ленин включил его атеистическую теорию в

число «трех основных источников» марксиз-ма. Радикальный атеизм стал отличительной чертой марксистской фило-софии.

Разновидности атеизма. Атеистическая философия имеет две разновидности: «материализм» и «субъективный идеализм». Материалисты считают че-ловеческий рассудок продуктом эволюции материального мира, к изуче-нию которого они сводят философию и построенную на ней науку. Материя выступает здесь основой онтологии. А субъект мыслится как ее зерка-ло.

«Субъективные идеалисты» считают, что человеческий рассудок имеет самостоятельное бытие, не вытекающее напрямую ни из материи, ни из высшего начала; оно просто дано нам как факт. Здесь первичен че-ловек (мыслящий субъект), а онтология считается плодом его произвольного конструирования. Основные моменты «субъективного идеализма» системно обобщил А.Шопенгауэр (1788-1860), изложивший свои мысли в программном труде с выразительным названием «Мир как воля и пред-ставление».

Крайней формой «субъективного идеализма» является «солипсизм», (от лат. «solo» - «единственный» и «ipso» «сам», «сам по себе»), утвер-ждающий, что есть только индивидуальный рассудок, а внешней реальности как таковой нет (по меньшей мере, мы о ней ничего не можем утвер-ждать наверняка). К солипсизму принято причислять М.Штирнера (1806-1856), отчасти Э.Гуссерля (1859-1938), в чем-то к нему близки нео-кантианцы.

Научно-позитивистское познание. Философия Нового времени в качестве единственного субъекта познания утверждает преимущественно рассу-дочного человеческого индивидуума, а в качестве объекта – окружающий его телесный мир. При этом тело и психическая деятельность, а также рассудочное мышление человека также попадают в область объекта по-знания. Всякое обращение к религиозному догмату, вере, традиции, мис-тической интуиции или мифологическим символам жестко отметается как «суеверие», «варварство» или «предрассудок». Такую модель познания принято называть «позитивистской» или «позитивной». Философским основанием для него является номинализм.

Во главу угла в позитивистском познании ставится либо логически структурированная деятельность рассудка, направленная на анализ пред-метов внешнего мира (рационализм Р.Декарта, И.Канта и т.д.), либо сис-тематизированные результаты наблюдений за опытами и экспериментами, поставленными над различными материальными объектами (эмпиризм Ф.Бэкона (1561-1626), И.Ньютона (1642-1727) и т.д.). Рассудочные умо-заключения и систематизация опытных наблюдений являются основными взаимодополняющими стратегиями познания в культуре Нового времени. Они легли в основание современной науки, которая и строится на началах рассудочного анализа индивидуумом окружающей среды, состоящей из телесных предметов. Рассудочной практике соответствует принцип «дедукции» (лат. «deduction» -- «выведение из»). Выводам, построенным на основе наблюдений за результатами опыта – принцип «индукции» (лат. «inductio» -- «приведение к выводу»).

В XIX веке Огюст Конт (1798-1857) заложил основы философии «позитивизма», которая обобщала научную картину мира Нового времени, утверждая ее основные постулаты – рационального познающего субъекта, механически функционирующую телесность окружающего мира и т.д. – в качестве единственно существующей реальности. Так современная наука, появившаяся из философии рационализма и эмпиризма, в свою очередь стала

воздействовать на формирование новой философии, где изначаль-ные атеистические, антирелигиозные и антимифологические установки приобрели статус «неопровержимых истин», наглядно «доказанных» се-рией научных демонстраций. Специфическая философия Нового времени, с одной стороны, породила науку и научные методы познания, возведя их на высшую ступень, а затем прибегла к этой же науке для доказательства собственной правоты.

Наука как ценность. Придание рациональному мышлению статусу высшей ценности и постановка его над иными формами познания (традицией, мистикой, интуицией и т.д.) привели к развитию европейской науки, кото-рая сделала объектом изучения самого человека и окружающий его мир. Рассудок является главной отличительной чертой индивидуума, и рассу-дочное познание служит ему важнейшим инструментом взаимодействия с другими индивидуумами и внешним миром. Когда рассудок (начиная со знаменитого выражения Рене Декарта (1598-1650) «Мыслю, следователь-но, существую») стал ценностью, рассудочный анализ реальности лег в основу западно-европейского отношения к миру, породил современную науку и в огромной мере предопределил культурные ценности.

Наука стала проникать во все сферы, включая человеческое созна-ние и бессознательное, вынося свое суждение о том, что ранее было объ-ектом веры, элементом традиции или интуитивного культурного подразу-мевания.

Роль науки в обществе. Наука в современной модели западно-европейского общества играет роль нормативной философии. Не случайно основы позитивизма как неотъемлемая часть в той или иной степени включены в наиболее распространенные современные идеологии: либерализм, мар-ксизм, социал-демократию и т.д. Социальная модернизация основана на внедрении в общество научной картины мира, взамен иных форм философии и моделей познания. И хотя наука не имеет юридического и право-вого статуса в нормативных кодексах современных государств и политических систем, ее общеобязательное значение проявляется в том, что на-чальное и среднее школьное образование, а также подавляющее большин-ство высших учебных заведений строят свои программы на основе позитивистской науки, преподаваемой неокрепшему и некритичному детско-му и юношескому сознанию как «истина в последней инстанции». В со-временном обществе – в культуре и образовании – наука подается не как «точка зрения», не как приложение определенных философских установок к процессу познания мира, не как «позиция», не как система представле-ний, но как единственный достоверный и объективный, не подлежащий сомнению и постановке под вопрос метод, как истинное знание о реально-сти. Науки могут развиваться и их положения меняться, старые аксиомы отбрасываются, взамен их приходят новые, но на статусе науки это не отражается.

В этом выражается идеологический и даже «пропагандистский» ха-рактер науки: «она устроена таким образом, чтобы никогда не ставить под вопрос свои собственные основания» (М.Хайдеггер). В обществе модерна наука стала основной мировоззренческого кода. Лишь философский подход к науке способен обнаружить, что речь идет всего лишь о мировоз-зрении, исторически обусловленном и географически локализуемом, при-чем основанном на философских предпосылках, которые человек вполне может найти спорными, если свободно соотнесет их с иными ценностями и верованиями, в том числе с

ценностями и верованиями исторической культуры и религии.
Научное мировоззрение не более универсально, чем западно-европейская культура, и освоение научных основ всегда сопровождается автоматическим усвоением ценностной системы западной цивилизации. Научные методы познания основаны на представлениях об обществе, человеке и мире, которые появились в ходе развития стран Европы, начиная с эпохи Возрождения, и достигли развития в Новое время.
Наука и религия. Несмотря на то, что в современном мире научно-позитивистская модель познания является преобладающей и кажется сама собой разумеющейся, она представляет собой лишь одну из возможных форм познавательного процесса, и как только мы переходим сознательно к иной философии (религиозной, мистической и т.д.), автоматически по-являются иные субъект и объект, а также новые закономерности их отношения друг к другу (гносеология). Вот почему позитивистская критика так мало повлияла на религию – структура научных доказательств исхо-дит из совершенно иных предпосылок, нежели религиозная вера, а раз ба-зовые предпосылки философии модерна не признаются, то автоматически лишаются всякого смысла, значения и убедительности выводы из этих предпосылок.
Наука и религия оперируют с разными представлениями о человеке, мире, сознании, реальности и т.д. Это делает их многовековой диалог столь непродуктивным. Если религия встанет на точку зрения науки, она откажется от своей философии. Если наука признает догматы церкви, то она перестанет быть наукой, так как исторически наука появилась именно на «атеистической» (или «деистской») философской основе, отбросившей религиозные догмы и верования как «предрассудки».
Трансформации европейского искусства. В эстетике переходного периода от традиционного общества к Новому времени наглядно проявляются основ-ные философские тенденции этого процесса.
Пока Европа пребывала в рамках традиционного общества искусст-во оставалось сакральным, было ориентировано на трансляцию религиоз-ного мировоззрения, как правило, через символы, знаки, священные сю-жеты. Произведения искусств чаще всего были анонимными, на них ос-тавлялись только клейма цехов или корпораций («артизанальных товари-ществ», «компаньонов»), которые стоили соборы, дворцы, изготовляли витражи, статуи и другие предметы. При этом даже бытовые и техниче-ские вещи носили на себе символическую нагрузку. В основе такого са-крального искусства лежала идея «центральности Божества» («теоцен-тризма»); человек, в том числе сам творец, выступал в роли безличного инструмента. Наиболее распространенными стилями в архитектуре были романский стиль (X-XIII) и готика (XIII-XIV).
В эпоху Возрожденья начинается процесс смены мировоззренческо-го кода. Искусство эпохи Возрождения (XIV-XVI) носит смешанный ха-рактер. Оно еще в целом сакрально, но эта особая сакральность постепен-но разрывает связи с западно-христианской традицией, схоластикой и аристотелеизмом. На поверхность выходят мистические и натурфилософ-ские тенденции (алхимия, герметизм, магия, астрология), которые в Сред-невековье были на периферии европейской схоластической культуры. Те-перь же они выходят на первый план и становятся каноном стиля Возрож-дения. В этот период получает распространение письмо маслом, к которому одним из первых обратился голландский художник Ван Эйк (1399-1441).

На смену искусству эпохи Возрожденья приход светский мировоз-зренческий код, что напрямую отражается в искусстве – искусство пере-стает быть сакральным, становится секулярным, светским. Переходный характер стиля Возрожденья наглядно проявляется в театральном искусстве. В пьесах Уильяма Шекспира (1564-1616), Кольдерона де ла Барка (1600-1681), Лопе де Вега (1562-1635) можно отчетливо проследить как священное начало, символизм и религиозный дух уступают место пробле-мам и страстям человеческого мира, отпавшего от прямой и искренней веры в божественное устройство и предназначение мира, в прямую связь между земным и небесным. Герои пьес Шекспира расположены строго на границе между священным и секулярным – одной ногой они стоят на камнях традиции и Средневековья, а другой на зыбкой (пока еще) почве Но-вого времени, где бушуют великие страсти, коварные вопросы, ядовитое сомнение. Именно в этот момент европейская культура решает гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?».
В архитектуре и живописи весьма показательным является стиль европейского барокко (XVII - XVIII века), сменяющего стиль эпохи Возрожденья. Стиль барокко воплощает в себе надлом догматических канонов и открытие свободной индивидуальной фантазии. Линии становятся при-чудливыми и произвольными. Структура зданий тяготеет к усложненному нагромождению деталей и вычурных узоров. Изображения на холстах смешивают подчеркнутый реализм, иногда с натуралистическим искажением плотских форм. Наиболее известными представителями этого на-правления в живописи являются фламандец Питер Рубенс (1577-1640), голландец Харменс Рембрандт (1606-1669), испанец Диего Веласкес (1599-1660), итальянец Микельанджело Караваджо (1573-1610) и т.д.
Эстетика барокко демонстрирует мир, с которого снята религиозно-философская узда, отменена необходимость подчиняться заведомо уста-новленным канонам и догмам. На первом этапе барокко еще наследует стиль Возрождения, где освобожденный от аристотелевской схоластики творец обращается к мифу, платонизму и мистике, причудливо сочетая ра-зум с экстатическими видениями «иных миров» (Джордано Бруно (1548-1600)), но позже этот магический настрой Возрождения остывает, отчуждается, утрачивает энергию активного созерцания и постепенно переходит в холодный и безжизненный классицизм (XVII- начало XIX века). В живописи постепенно вводится перспектива, т.е. реалистичное изображение предметов и фигур, хотя ранее они представлялись на плоскости, как зна-ки. В музыке формируется многоголосие (полифония), давшее позднее основу симфонической музыки. Все это выражение - философского номинализма в сфере эстетики: мир символов во плоти уступает место миру вещей.
В картинах Николо Пуссена (1594-1665) и пейзажах Лоррена (1600-1682), типичных представителей классицизма, от стиля Возрожденья и барокко остается обращение к Античности, но уже без всякого магического символизма или тайного мистического языка. Пуссен в виде греко-римских персонажей изображает своих современников, а Лоррен рисует стилизованные виды окружающей его природы. Мир классицизма «рас-колдован». И таким – лишенным экстатического начала, символизма и са-кральности - он и предстает перед зрителем.
На следующем этапе такие художники как Жан Фрагонар (1732-1806), Жан Батист Шарден (1699-1779), Жан Батист Грез (1725-1805) и Уильям Хогарт (1697-1764) сделают героями своих полотен обычных лю-дей, сбросивших

нелепые римские туники и представших в том виде, в ка-ком они существовали в повседневности буржуазной Европы XVIII века. А стиль реализма, родоначальником которого принято считать француз-ского живописца Гюстава Курбе (1819-1877), открывает следующую эпо-ху (XIX-XX века), когда в эстетическом пространстве искусства не остает-ся никого, кроме индивидуума и окружающей его «реалистически» изо-браженной среды (природной и социальной).
Индивидуум выступает теперь как центральная и самостоятельная фигура. Человек перестает быть деталью устроенного Богом мира (как в эпоху Средневековья) или магическим сгустком энергий, титаном (как в эпоху Возрожденья). Он выступает отныне сам по себе, в окружении ма-териальной и социальной природы, которая также символизирует только саму себя.
Реакция сакрального. Процессы десакрализации в европейском искусстве сталкиваются с прямо противоположными тенденциями. Не вся западная культура безоговорочно принимает новый мировоззренческий код. Так создается целый спектр философских и эстетических направлений, кото-рые либо противостоят тенденциями Нового времени (реакция), либо, за-имствуя новый язык культуры Просвещения, пытаются высказать на нем те вещи, которые противоречат сущности его культурного кода.
Типичным направлением такого рода является романтизм (XVIII- XIX века) – в философии (Ф.Шлегель (1772-1829), Ф.В.Шеллинг (1775-1854), в поэзии и литературе Новалис (1772-1801), Ф.Гельдердин (1770-1843), К.Брентано (1778-1842), Ф.Шиллер (1759-1805), Э.Гофман (1776-1822), Дж.Байрон (1788-1824), П.Шелли (1792-1822), Гюго (1802-1885) и др. Романтики осуждали рационализм и прагматизм Просвещения, призы-вали к возврату к «великой эпохе» Средневековья и Античности, стреми-лись наполнить мир «божественным присутствием», вытесненным холодным механицизмом Нового времени. Искусство романтизма стремится снова «заколдовать мир», ищет магических тайн и мистических посвящений, углубляется в фольклор и древние легенды. Отсюда рождается устойчивый интерес к Востоку и ар-хаическим пластам народной культуры. Именно романтикам мы обязаны систематизацией народных преданий и волшебных сказок этносов Евро-пы, которой занимались философы, историки, литераторы и художники XVIII – XIX веков, в частности знаменитые братья Гримм.
Романтизм представлял собой восстание против механического рационального духа Нового времени во имя «вечного возвращения» к истокам культуры и философии.
Немецкая классическая философия и ее парадоксы. Процессы Просвещения проходили в разных странах Европы по-разному и отражали особость культур каждого европейского народа. В Германии, где сохранялось больше элементов традиционного общества, чем во Франции и Англии, реакция против мировоззренческого кода Нового времени была самой сильной. Причем немецкие философы и писатели не просто отвергали Просвещение (этот как раз делали единицы – в частности, Новалис), но чаще всего совершенно по-своему толковали его основные положения, вкладывая в них оригинальный смысл. Эта особенность кроме немецкого романтизма ярко выражена в немецкой классической философии.
В ней можно выделить трех философов, которые подчеркивают эту особенность ярче остальных – Лейбница (1646-1716), Фихте (1762-1814) и Гегеля (1770-1831). Все трое создали развитые оригинальные философ-ские

системы, основанные на фундаментальной рационализации много-численных аспектов широкой философской проблематики – от происхождения мира и его устройства до обоснований научного метода, гносеоло-гии, философии права, учения о субъекте и объекте, философии религии, политики, этических и эстетических теорий.

Лейбниц разработал учение о «монадах», где в новой форме про-явились некоторые философские сюжеты, свойственные досократической философии. «Монады» Лейбница противоположны «атомам» Демокрита, они представляют собой «сущности вещей», напоминающие «формы» Аристотеля и «идеи» Платона, но с подчеркиванием непрерывности их субстанциального единства. Рациональная система Лейбница видит мир как непрерывную панораму развертывания монад, что отчасти напоминает «манифестационизм» естественных религий и неоплатонизм, а также «пантеизм» Б.Спинозы (1632-1677).

Фихте, начав с поиска обоснования познания в условиях чистого индивидуализма, постепенно приходит к тому, что различает индивидуаль-ное человеческое «я» и некое абсолютное «Я», в котором субъективное совпадает с объективным. Такое развитие философской мысли снова возвращает нас от искусственной произвольно-субъективной философии Нового времени к моделям познания естественных религий (например, индуизма), где субъект и объект совпадали в высшем онтологическом синтезе («Атман есть Брахман»).

Самым грандиозным построением в рамках немецкой классической философии стала система Гегеля. В ней рефлексии были подвергнуты наиболее тонкие формы работы человеческой мысли. При этом в основе философской конструкции Гегеля лежит религиозный миф, с помощью которого он расшифровывает человеческую историю, философию, культуру. По Гегелю, изначально существует Абсолютная Идея (Абсолютный Дух) как источник всей онтологии. Эта Абсолютная Идея едина и самото-ждественна. Но чтобы проявить себя, она вынуждена пройти циклы отчуждения от себя самой, становясь множественностью объективного мира. Так, она одновременно и проявляет, и скрывает себя. Смысл историче-ского процесса состоит в том, чтобы Абсолютная Идея перешла от рассеянного состояния в вещах к вновь собранному состоянию единства в человеческом сознании. Задача философов - воссоздать единство Абсо-лютной Идеи как субъективного явления и завершить тем самым историю мира.

Современное ему состояние философии, включая позитивистский метод познания, Гегель называл переходной стадией, на которой осущест-вляется концентрированное осмысление человеческим рассудком исторически оформляющейся Абсолютной Идеи. Свою философию он считал за-ключительным аккордом этого процесса. Для Гегеля философская модель мышления Нового времени была ни чем иным, как прелюдией к собствен-ной философской системе, восстанавливающей на новом диалектическом (на сей раз, субъективном) уровне единство Абсолютного Духа. Снова мы сталкиваемся с мистико-религиозной теорией слияния субъекта с объектом, только на сей раз оно развертывается как историко-диалектический процесс. Мысль для Гегеля совпадает с бытием, следовательно, гносеоло-гия имеет онтологический характер.

В разделах этики и эстетики Гегель развивает свои идеи примени-тельно к истории искусств и морали.

Философия Лейбница, Фихте и Гегеля - пример того, как в рамках современного

мышления, оперирующего категориями Нового времени и эпохи Просвещения, формулируются и развиваются идеи, отражающие мировоззренческие коды совершенно иного типа общества – общества традиционного и религиозного.
Феномен Канта. В эту логическую цепочку немецкой классической философии совершенно не вписывается тот, кто считается одним из ее основателей и кто фундаментально повлиял на Фихте и на всю современную философию в целом – Иммануил Кант (1724-1804). Кант представляет собой мыслите-ля, который полнее и откровеннее других исследовал те принципиально новые условия, в которых оказалась философия в Новое время. Если Лейбниц, Фихте и Гегель выражают рационалистическим языком совре-менности мистические интуиции, поданные в оригинальной творческой трактовке, то философия Канта является современной и по форме и по со-держанию. Кант мужественно осмысляет философскую ситуацию Нового времени и описывает ее наиболее существенные стороны. Он закладывает начала критической философии, ставя под сомнение многие моменты тео-рий своих прямых предшественников, в учениях которых проникали не-отрефлексированные и инерциальные (а подчас и сознательные – как, ви-димо, у Лейбница) элементы мышления предшествующих эпох и типов обществ.
Кант начинает с того, что пытается осмыслить основания процесса познания (гносеологии) в условиях, где никаких догматических утвер-ждений на этот счет на веру не принимается. В ходе своих рассуждений он приходит к важнейшему выводу, что человеческое мышление само по себе не способно вынести строгого и достоверного суждения ни о соб-ственном бытии вещей окружающего мира, ни о бытии самого себя. Оно может устанавливать пропорции, выстраивать отношения, сочетать и разъединять качества наблюдаемых и осмысляемых предметов, но вглубь самих предметов проникнуть не в состоянии. Отсюда рождается знамени-тая формула Канта – «вещь-в-себе» (нем. «Ding an-sich»). Она означает, что человеческий рассудок ничего не может сказать о последней природе вещей, о том, что эта вещь представляет сама для самой себя. Нам доступ-но суждение только о «вещи-для-нас» (нем. «Ding-fur-uns»), т.е. о той сто-роне вещи, которая обращена к нашему восприятию (чувственному и рас-судочному). Точно также рассудок не может вынести однозначно досто-верного суждения о своем бытии. Если для Декарта с его «мыслю, следо-вательно, существую» факт мышления уже заведомо был доказательством бытия, то для Канта это остается под вопросом. По Канту правильной бы-ла бы формула: «мыслю, следовательно, мыслю», и это ничего другого не доказывает. Гносеологический процесс не способен служить онтологическим доказательством ни себя самого, ни всего остального. Кант еще ве-рит в Бога (в «бога философов») и в «нравственный закон», но это стано-вится уже сугубо индивидуальным делом. Никакого объективного доказа-тельства бытия Бога в такой философии нет и быть не может.
В философии Канта яснее всего проявляется та фундаментальная метаморфоза, которая произошла с философией в Новое время. Когда были отброшены религиозные и ранне-рационалистические (в духе Декар-та) догматы относительно онтологии и философской антропологии, то, оставшись наедине сами с собой и своим мышлением, человек оказался не в состоянии создать новую онтологию и новую антропологию, которые обладали бы всеобщей достоверностью и убедительностью. Остался только рассудок, взявшийся неизвестно откуда, и не способный вынести окончательного суждения о мире, развернутом вокруг него. Достоверным знанием в такой

ситуации может быть только знание рассудка о формах его деятельности, все остальное становится непознаваемым, «вещью-в-себе». Любая онтология после Канта несет в себе подозрение в том, что она является продуктом произвольного субъективного вымысла. Это, как факт, признают позже Шопенгауэр и философы солипсисты.
Кантианство и неокантианство стало той философской платформой, которая полнее и очевиднее всего выражает сущность философии Нового времени, тогда как иные философские школы (в том числе и его учеников (Фихте), не говоря уже о Гегеле, который прямо ставил задачу фундамен-тально опровергнуть Канта) лишь перекладывают на новый язык религи-озные и мистические учения, свойственные совершенно иному -- религи-озно-догматическому или мистическому - контексту.
Кантианство и гегельянство. В дальнейшем развитии западно-европейской философии Кант и Гегель стали играть роль, в чем-то аналогичную Платону и Аристотелю. Те философы, которые обращались к Гегелю (в частности, Маркс, а вслед за ним и большинство марксистов), скрывали под философским языком и методикой модерна своеобразный «мистицизм», догматически постулированную онтологию. Те же, кто следовал за Кантом, оставались в границах мировоззренческого кода Просвещения, сохраняя верность той тенденции, которая лежала в основе стремления ев-ропейского человека Нового времени освободиться от влияния догм и следов религиозного восприятия мира.
Так философской программой позитивистов была «элиминация метафизики» (лат. «eliminatio» - «уничтожение, «отмена», греч. «meta-physica» - «то, что идет после физики», что выходит за границы матери-ального чувственного мира), утверждение строго номиналистского подхо-да к миру без вынесения каких-либо фундаментальных суждений о приро-де вещей и человека.
То, что в современной философии продолжает и развивает идеи Канта, может быть по праву причислено к полноценному наследию Просвещения, к каким бы выводам это развитие ни приводило. То, что обращается к Гегелю, косвенно выходит за рамки философии Нового времени, представляет собой завуалированное стремление привнести в философию современности мистические мотивы, сюжеты и методы познания. Эту особенность кантианства и гегельянства проницательно выявил британский либеральный философ Карл Поппер (1902-1994) в книге «Открытое общество и его враги».

Авангардное искусство. В сфере искусства субъективный фактор, системно осмысленный в философии Канта, где вещи постепенно отчуждались и превращались в «вещи-в-себе», нашел свое проявление в сменяющих друг друга эстетических стилях и направлениях последних столетий. В конце XIX начале - XX века искусство классицизма стало стремительно уступать место все более субъективным (неокантианским, солипсическим) направлениям. В частности французскому импрессионизму, позже кубизму, футуризму, немецкому экспрессионизму, сюрреализму. Совокупно эти тенденции стали называть «авангардным искусством» или «модерниз-мом» (в отличие от «модерна» как эпохи, описывающей период Нового времени от XVII века до конца XX века, «модернизм» означает стиль исскусства, сменивший собой классицизм).
Если в классицизме и реализме художники изображали (как они думали)

«реальный мир как он есть» и его главное действующее лицо человека, то отныне само бытие мира оказалось под вопросом, равно как ме-сто и миссия в нем человека. Субъект не смог найти разумного объяснения ни самого себя, ни окружающей реальности, и эта неуверенность, хрупкость, мимолетность стала содержанием искусства модерна.
Художники-импрессионисты (К.Моне (1840-1926), И.Дега (1834-1917), П.Ренуар (1841-1919) и др.) старались поймать мгновение, случай-ное сочетание света и тени, так как в мире не осталось более фиксирован-ных и неколебимых объектов. В центре их эстетического внимания оказа-лись эфемерные состояния, чувства, ощущения. В музыке этот стиль во-плотился в этюдах Ф.Шопена (1809-1849), ноктюрнах К.Дебюсси (1862-1918), пьесах М.Равеля (1875-1937) и др.
Интуиции импрессионистов о мимолетности и эфемерности мира в гораздо более трагическом и катастрофическом ключе развили пост-импрессионисты Винсент ван Гог (1853-1890), Поль Сезанн (1839-1906), Поль Гоген (1848-1903). Реальность, описанная в их полотнах импрессио-нистскими мазками, несет в себе неизбывную боль, растерянность, раскол. Единство мира распадается на составляющие, и отдельные предметы на-чинают агрессивно теснить человека, отрываясь от целого и превращаясь в кошмар («Ботинки» Ван Гога). Некоторые из пост-импрессионистов ви-дят выход в бегстве в архаические культуры, чтобы там найти «потерян-ный рай» традиционного общества, необратимо утраченный европейцами (П.Гоген).
Поэты символисты Ш.Бодлер (1821-1867), А.Рембо (1854-1891), П.Верлен (1844-1896), Лотреамон (1846-1870), С.Малларме (1842-1898) со своей стороны описывают реальность, состоящую из отдельных ярких фрагментов: пятна восприятия, гротескные образы, парадоксальные соче-тания, пронзительные экстатические состояния, питающиеся экзальтиро-ванным эротизмом, экстравагантные пейзажи, картины далеких и куль-турно чуждых европейцам стран и цивилизаций. Картина мира распадает-ся на глазах, рушится мораль и нормы прекрасного. Символисты воспева-ют в стихах «зло» и «безобразие», «уродство» (Бодлер «Цветы зла», Лот-реамон «Песни Мальдорора», «Сезон в аду» Рэмбо).
В немецком экспрессионизме (поэты Г.Бенн (1886-1956,), С.Георге (1868-1933), художники Э.Нольде (1867-1956), Э.Кирхнер (1880-1938) и др.) человеческие формы расплывались, уступая место развоплощенным энергиям, – боли, отчаяния, одиночества, -- оставшимся после того, как стройная картина дала трещину. Экспрессионисты призывали изображать вещи такими, какими их знают, нежели какими их видят.
Течение кубизма (испанец Пабло Пикассо (1881-1973), француз Жорж Брак (1882-1963) и т.д.) видели мир как набор геометрических фи-гур. Эстетика кубизма основана на полном отрыве от этики и смысла. Чистые визуальные формы вытесняют содержание. Если, начиная с эпохи Возрождения перспектива, визуальный реализм, натурализм считались достижениями живописного метода, формой освобождения от «диктатуры Средневековых канонов», то теперь уже визуально достоверный реализм, в свою очередь, тяготит художников. Кубисты уходят от него к плоскости и цветовым пятнам. Но это не возврат к символическому сакральному канону Средневековья, а движение в сторону «декомпозиции реальности», где на смену разъятой на части реальности не приходит ничего – ни эмоций, ни новых священных смыслов, ни драматического трагизма. В этом ярко проявляется нигилизм

современной европейской культуры, завуали-рованный на предыдущих этапах «моралью освобождения».
Еще дальше идут Дадаисты (Т.Тцара (1896-1963), М.Дюшан (1887-1968) и др.), выстраивая абсурдные словесные и визуальные конструкции, выводя на первый план эстетику ужасного, абсурдного и отвратительного, так как отсутствие строгих канонов в философии не позволяет более аргу-ментировать красоту красивого, а следовательно, безобразное перестает быть отрицательной эстетической категорией и получает право на соуча-стие в творческом процессе
В творчестве сюрреалистов (поэт А.Бретон (1896-1966), художники С.Дали (1904-1989), Х. Миро (1893-1983), кинорежиссер Л.Бунюэль (1900 - 1983) и др.) преобладают образы сновидений, случайных ассоциаций, фигур подсознания. Сюрреалисты обращаются к подсознанию, сфере ир-рационального, противопоставляя буржуазной рациональности системати-зированный галлюциногенный абсурд, возведенный в статус канона.
Но дальше всех в выражении этих нигилистических тенденций за-шли абстракционисты (К.Малевич (1878-1935), В.Кандинский (1866-1944), Пит Мондриан (1872-1944) и др.), которые вообще отказались от фигуративных изображений. Знаменитый «Черный квадрат» Малевича подводит итог эстетике и философии модернизма. Отказавшись от са-крального смысла, которым были наделены бытие, человек, мир, позна-ние, этика, эстетика, и пойдя по пути нигилизма, западная культура и фи-лософия не приобрели нового смысла, а полностью утратили смысл как таковой. «Черный квадрат» ярко и убедительно подытоживает логику развития философского кода современности. Встав на путь освобождения от Бога и сакральности, западная философия пришла к ничто.

Философский кризис позитивизма. В конце XIX века оптимистическое (пози-тивистское) утверждение философии Нового времени стало сменяться со-мнением и пессимизмом. В авангардном искусстве это проявилось ярче всего, но параллельным путем двигалась и философская мысль, вся яснее отдавая себе отчет в том фундаментальном кризисе, в каком оказалась за-падно-европейская цивилизация, разорвав свои связи с Традицией. Посте-пенно стали набирать силу критические тенденции.
Кризису рациональной атеистической (или остаточно деистской) мысли способствовали выводы, к которым пришли сами философы-позитивисты, пытавшиеся отыскать в реальности «атомарные факты». Эти «атомарные факты» должны были бы быть очевидно реальными и не за-висеть от их истолкования человеческим рассудком. Поиск «атомарных фактов» привел позитивистов (в частности, Людвига Витгенштейна (1889—1951)) к тому, что таких фактов не существует, и заставил обра-титься к исследованию логических механизмов сознания и структур языка (в духе неокантианства). Оказалось, что структуры рассудка сами покоят-ся на вере и абстрактно заданных постулатах, и лишь на их основаниях выносят свои суждения о разумности или даже реальности предметов, ве-щей и явлений. Витгенштейн показал, что первичным является язык и его внутреннее устройство.
Так кантианская философия с ее выводами об ограниченности ра-ционального сознания была полностью подтверждена. Это в немалой сте-пени подорвало философские основания современной науки, так как ее идейной основой была

позитивистская система, которая теперь сама по себе (как, впрочем, и все остальное) оказывалась под сомнением.
Критика оснований классической науки. Кризис философских оснований науки усугублялся исследованиями таких философов как Т.Кун (1922-1996) и П.Фейерабенд (1924-1994), которые увидели в истории современной науки порочный круг «самосбывающегося пророчества». Вначале кто-то объявляет нечто истиной, потом строит на этой предпосылке (как на аксиоме!) систему, а затем полученные результаты приводит в качестве доказательств (хотя изначально, они были уже взяты в начальной стадии как нечто безусловно верное). Томас Кун приходит к выводу, что критерий истины в современной науке подменен «договором академической элиты», и каждый раз, когда кто-то делает научное открытие, ставящее этот договор под сомнение, академическая элита, если не сможет это открытие проигнорировать, заключает новый договор.
Пол Фейерабенд обратился к истокам формирования научной картины мира у ее отцов-основателей – Галилея, Ньютона, Бэкона и т.д., и вскрыл в их рассуждениях многие спорные моменты, который ранее не бросались в глаза исследователям. В книге «Против методологического принуждения» он показывает, что Галилей добивается успеха только по-тому, что нарушает важнейшие правила научного метода, изобретенные Аристотелем. Весь «прогресс» науки того времени, по мнению Фейера-бенда, объясняется тем, что современники Галилея не замети имевшихся фундаментальных трудностей и противоречий, и вследствие этой небреж-ности наука тогда развивалась быстро и в «правильном» направлении. Однако стоило бы им более последовательно применять каноны научного метода, вести более целенаправленный поиск научных фактов, занимать более критическую позицию, никакой бы революции в научном познании в XVII веке не произошло. «Невежество обернулось удачей», - пишет Фейерабенд.
По Фейерабенду, Галилей просто подделывает свои знаменитые опыты с помощью тех методов, которые сегодня мы назвали бы «пиаром» или «пропагандой», пользуясь психологическими хитростями и дополняя ими разумные основания. По мнению Фейерабенда, Галилей открыто и сознательно прибегает к «естественным интерпретациям», «работе ума, которая следует за чувствами», т.е. субъективному методу. Применение этих хитростей, по Фейерабенду, оказалось весьма успешным и привело к победе. Но оно завуалировало произвольность и субъективность его но-вого подхода к опыту и на столетия задержало возникновение «здравой» философии. Оно скрыло тот факт, что опыт, на котором Галилей хотел обосновать коперниковскую концепцию, является не чем иным, как ре-зультатом его собственного богатого воображения, что этот опыт изобре-тен им. Оно скрывает этот факт, внушая мысль о том, что новые результа-ты всем известны и всеми признаются, и нужно лишь привлечь наше вни-мание к этому «наиболее очевидному выражению истины». Иными слова-ми, Фейерабенд видит в основе «научной картины мира» и ее «убеди-тельности» -- внушение. И это внушение, констатирует он, перестает дей-ствовать, рассеивается. Точно также – как «коллективное внушение» -- понимает философию Нового времени и ее «убедительность» другой фи-лософ Рене Генон.
Сам Фейерабенд, в конце концов, предложил рассматривать любую научную гипотезу, доказуемую или нет, как ценную сама по себе, так как критерии научной истинности представляют собой, по его мнению, «чис-тый произвол»,

отражающий философские предрассудки тех или иных академических сред, а научное творчество не должно быть ограничено ничем.

Ницше. Смерть Бога. Поворотным пунктом в истории современной филосо-фии принято считать творчество Фридриха Ницше. Ницше безоговорочно признан мыслителем, оказавшим на XX век самое большее влияние. Идеи Ницше с поразительной ясностью вскрыли суть ситуации, в которой ока-залась западная культура Нового времени.

Ницше дает такой анализ этой ситуации. Стремление европейцев освободиться от религиозно-догматических форм философии привело их к культурному нигилизму, к ничто. Это выражено в емкой формуле Ницше «бог умер». «Бог умер» для западно-европейского человечества, а значит, вся философская система оказалась лишенной последнего онтологическо-го основания. Ницше призвал мыслителей честно посмотреть в лицо фак-там: отказ от религиозной онтологии, «смерть бога», оставляет человека в тотальном одиночестве. И нет смысла, как это делают, по Ницше, все ос-тальные философы, цепляться за инерциальные модели мышления, ставя на место «умершего Бога» - выдуманных идолов («деизм», «морализм», «эстетизм», «социализм», «материализм», не говоря уже о «слабоумных», в его глазах, концепциях прагматизма и утилитаризма, которые вообще ничего не объясняют). Человек в Новое время оказался в стихии ничто, так как именно Бог давал ранее смысл и бытие всему остальному (онтоло-гии, антропологии, гносеологии, этике, эстетике). «Смерть бога» лишила все это смысла, и сам человек более не может привести серьезных обосно-ваний ни своего бытия, ни своей человечности (Ницше называл своих со-временников «последними людьми», не способными ни то, что бы ответить, но и задать всерьез какой-то фундаментальный философский вопрос – «Что есть истина? -спрашивают последние люди и моргают», писал о них Ницше).

Отныне человечеству предстоит справиться с разверзшимся ничто. И Ницше предлагает здесь смотреть не назад, а вперед, в будущее. Он сам называет это «страной детей». Столкновение с ничто - не случайный ис-торический произвол, это судьба человечества, высшее испытание. Как оно ответит на этот вызов, так и сложится структура его будущего.

Сверхчеловек. Сам Ницше дает на это свой личный ответ. Он считает, что человечество в его актуальном состоянии не справится с вызовом «европейского нигилизма», и на место человека должно прийти высшее суще-ство – Сверхчеловек. Ницше так определяет его: «Сверхчеловек есть по-бедитель Бога и ничто». Сверхчеловек упраздняет вместе с философией Нового времени и «Бога», но не останавливается, как все остальные, перед разверзшейся бездной, а делает шаг вперед. Человек в его старом состоянии такого шага сделать не может, для этого нужно существо иного каче-ства. Отсюда другой вывод Ницше: «человек есть нечто, что следует преодолеть». Ницше как человек с трудом выносил тяжесть столь откровенного и жестокого взгляда на ход исторического процесса, и в конце жизни потерял рассудок. На грани сумасшествия он воспринимает себя Дионисом, как древние орфики, считавшие, что в человеке, состоящем из в основном плоти титанов, затеряна искра Божества-Диониса. К ней и обращено внимание Ницше в момент предельного напряжения всех его духовных сил. Сверхчеловек – это бог Дионис, возрождающийся после своей смерти из стихии ничто.

Экзистенциализм. Бытие и ничто. Философия XX века восприняла как безусловный факт первую часть завета Ницше – относительно «смерти Бога» и

пришествия «ничто». Тема Сверхчеловека широкого развития не получи-ла и осталась на периферии философского внимания. Проблеме «ничто» было уделено самое пристальное внимание. Вокруг ничто были построе-ны основные системы философов-экзистенциалистов – М.Хайдеггер, Ж.П.-Сартр и т.д. Экзистенциалисты, следуя за основными тенденциями современной западной философии и научной картиной мира, пришли к выводу, что человек представляет собой автономного индивидуума, «заброшенного» (М.Хайдеггер) в мир и лишенного внешних и внутренних опор в его «здесь-бытии» («Dasein» - нем.). Современный человек окружен «ничто», его рациональные стратегии не более, чем искусственные схемы, с помо-щью которых он от этого «ничто» защищается. «Ничто» внутри человека, «ничто» вовне его. В такой картине нет ничего надежного и заранее данного. Есть лишь факт «экзистенции» («существования»), не обоснованный ничем – ни фактом мышления, ни фактом наличия внешнего мира.

Познание в экзистенциалистской философии становится драма-тическим актом столкновения с ничто, погружением в стихию абсолют-ного ужаса и тотального одиночества. Лишь в потрясающем основы опы-те бездны человек, согласно экзистенциалистам, способен обрести осно-вание (бытие) своей субъектности и схватить сущность реальности.

У Хайдеггера ничто стоит в центре философской концепции, а Сартр свое основное произведение называет «Бытие и ничто». Сартр соче-тает экзистенциализм с марксизмом, истолковывая марксистско-гегелевский тезис об «отчуждении» в духе своей философии – как отчуж-дение экзистенции человека от бытия с одной стороны, и от остальных людей и мира, с другой. Экзистенциалисты, развивая интуиции Канта и катастрофический диагноз, поставленный западно-европейской культуре Ницше, нащупыва-ют то единственное, что можно еще взять за точку опоры философского анализа: это пронзительное ощущение экзистенции, «присутствия», дан-ное в чистом опыте «Dasein», который предшествует мышлению, онтоло-гии, конструированию субъектности, этическим нормам и эстетическим критериям. Сам Хайдеггер, развивая свои философские интуиции, прихо-дит к необходимости возвращения к онтологии, но через обращение не к религиозно-догматической философии, а к досократикам, к тому «девственному» состоянию мышления о бытии, которое еще не было искажено (по Хайдеггеру) платоновским рационализмом. Особой критике Хайдеггер подвергает учение Платона об идеях, которое представляется ему началом нигилистического процесса, в ходе которого бытие подвергается десака-рализации и рассудочные структуры начинают подменять его собой. Хай-деггер рассматривает всю историю европейской философии со времен Платона как постоянный процесс десакрализации и «дезонтологизации» (удаления от бытия), коль скоро европейские мыслители перестают задавать себе вопрос о бытии и существовании, подменяя его чисто рассудочными суждениями, оторванными от первоосновы мира. Европейский ниги-лизм, вскрытый Ницше, воспринимается Хайдеггером именно как пре-дельный результат этого процесса отчуждения.

В последние годы своего творчества Хайдеггер много внимания уделял расшифровке поэзии и символизма, ожидая, что кризис западной философии и культуры может разрешиться только через пришествие «новых богов». «Старые боги ушли, новые еще не пришли», так оценивает Хайдеггер современную ситуацию.

Эрнст Юнгер. Эра Титанов. Близкую к Хайдеггеру картину XX века описал в своих романах и теоретических работах немецкий писатель Эрнст Юнгер (1895-1998). Он полагал, что XX век с его войнами и отчаянием высвобо-дил в человеке наиболее глубинное начало, которое он называл «титани-ческим». Следуя символизму орфиков и мифо-эстетическим концепциям Ницше, Юнгер полагал, что в XXI веке позитивистское представление о человеке, как о «свободном разумном индивидууме» полностью исчерпа-ло себя, и в XX веке стала проявляться его «дикая» «подземная природа». Юнгер, участник двух Мировых войн (причем на передовых и в самых горячих сражениях) видел в своей жизни столько ужасов, смертей, жестокости и раскрепощенных сил уничтожения, что имел основания для подобных обобщений. XX век, по Юнгеру, это «век титанов». А следующий XIX век, по его убеждению, в резонансе с мыслью Хайдеггера, должен будет стать «веком богов». Вначале дала о себе знать «титаническая» природа, «восстание плоти», затем наступит время «возвращения Диониса».
Неореализм в кинематографе. Пустыня Тартари. Экзистенциалистская фи-лософия существенно повлияла на искусство XX века, оставив свой наи-более яркий след в кинематографе. Лучше всего удалось переложить экзи-стенциалистские интуиции на язык кино, и одно из самых известных на-правлений современного кинематографа – неореализм – черпал свои ин-туиции в этой философии.
Фильмы Ф.Феллини (1920-1993), М.Антониони (р.1912), Л.Висконти (1906 – 1976), Ж.Л.Годара (р.1930), Ф.Трюффо (р.1932), К.Шаброль (р. 1925), В.Дзурлини (1926-1982) и др. показывают современ-ных людей, как неопределенные пятна живого одиночества, утратившие возможность диалога с миром, точку опоры и растерянно движущиеся в стихии ничто, которая периодически открывается перед ними в виде гро-теска, бессмысленности или смерти.
В программной картине Валерио Дзурлини «Пустыня Тартари» по-казан гарнизон всеми забытой крепости, в течение всего фильма ожидаю-щий нападения врагов, в существования которых уже все перестали ве-рить. Это образ человека, как его понимали экзистенциалисты -- забытая крепость на границе, которая давно потеряла смысл, и по обе стороны которой ничего нет.
Конец философии модерна. Вместе с трагической философией Ницше, экзи-стенциализмом и эстетикой «черного квадрата» Малевича (зримой иллю-страцией «смерти бога», впервые показанной на выставке в «красном уг-лу», где у православных обычно стоят иконы) завершается целый этап ци-вилизации – Новое время. Нечто параллельное происходит не только в области философии и искусства, но и в науке. Все чаще ученые, начиная с Альберта Эйнштейна (1879-1955), автора теории относительности, поста-вившей под вопрос принцип «необратимости времени» и Нильса Бора создателя квантовой механики, где отрицается «локальность пространст-ва» и появляется фактор «наблюдателя», привносящий субъектное изме-рение в объективный процесс движения частиц, ставят под сомнению ту атомистскую картину устройства физического мира, основы которой за-ложили Галилей и Ньютон и которая считалась непререкаемой научной догмой в эпоху расцвета позитивизма. Работа физиков над общей теорией поля призвана соединить эти две фундаментальные интуиции в общую схему, в которой рождается совершенно иное представление о веществе, пространстве и времени, нежели в механической позитивистской модели.

Благодаря кантовской теории познания, вскрывшей проблемы «вещи-в-себе» и в ходе научных открытий, механическое представление о веществе, материи, времени и пространстве постепенно настолько усложняется и подвергается таким коррекциям, что утрачивает ту очевидность и наглядность, которая завораживала творцов современной картины мира и заставляла их сражаться против схоластических теорий. Теперь сама наука с развитым научным аппаратом становится уделом «посвященных» и оперирует со столь отвлеченными понятиями, что напоминает «тайное обще-ство» со своим секретным языком, недоступным для посторонних. Совре-менный философ науки Джон Хорган провозглашает тезис о «конце нау-ки» и о ее превращении в нечто иное – «ироничную науку».
Все вместе эти факторы привели к тому, что философский подход Нового времени исчерпал себя, и на повестке дня стал вопрос о принципи-ально новой философии, которая смогла бы дать убедительный ответ на те вызовы, с которыми явно не справился модерн. Все это привело в 60-70-е годы XX века к явлению идеи постмодерна («ситуации постмодерна») и разработке соответствующей философии.
Постмодерн и постмодернизм. Постмодерн представляет собой новый тип общества, культуры, цивилизации. Это чрезвычайно широкое понятие, охватывающее все сферы человеческой жизни и повсюду привносящее свои оригинальные структуры понимания, оценки, толкования, ценностей. Проявление элементов постмодерна в культуре, философии и искусстве принято называть «постмодернизмом».
Постмодерн – это состояние общественного, исторического, цивилизационного, культурного экономического, политического и военно-стратегического развития, свойственное для передовых странам Запада (США и Европа), начиная с 70-х годов XX века.
Постмодернизм - более узкое понятие; оно означает концептуаль-ное, философское и художественное осмысление условий постмодерна и эстетическое выражение его стиля, тех сдвигов и изменений, которые происходят на этом этапе в западном обществе, культуре и искусстве.
Структурализм: предпосылки философии постмодернизма. В основе по-стмодернистской философии лежит структурализм. Структурализм как течение развился из неокантианских исследований (Э.Кассирер (1874-1945), Г.Риккерт (1863-1936), П.Наторп (1854-1924) и др.) и структурной лингвистики, основы которой заложили исследования выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857-1913). Неоканти-анцы тщательно изучали механизмы рассудочного познания, обнаружив множество ходов мысли, которые показывали подоплеку процессов смыс-лообразования, логические соскальзывания и натяжки, возникающие в хо-де мышления и другие особенности функционирования сознания. Соссюр со своей стороны, разработал специфическую теорию языка, где в том же кантианском духе демонстрировалось, что именно язык является той ин-станцией, которая порождает смысл слов, их значения, а не простое указа-ние на вещи, обозначаемые этими словами. Значение слова, по Соссюру рождается не из соответствия обозначаемому (предмету или явлению), но из самого языкового контекста, т.е. из отношения этого слова к другим словам, правилам и структурам языка.
Двигаясь в этом направлении, структуралисты пришли к выводу, что корректному исследованию могут быть подвергнуты только языковые

структуры, т.е. тексты и их строение, а само мышление есть ничто иное как процессы конструирования и деконструирования языковых форм.
Существование реальности (объекта и субъекта) здесь выносилось за скобки, и анализу подвергались только языковые взаимосвязи, названные «структурами», как главный объект исследования. По мнению структу-ралистов, единственно, что поддается корректному анализу и изучению – это структуры. Остальное – бытие, человек, субъект, объект, реальность, красота, добро и т.д. – суть языковые конструкты, целиком и полностью зависящие от языковой среды (не более того). Поэтому весь мир в этой философии предстает и осмысливается как сплошной текст. Причем сам человек не создатель, а элемент этого текста.

Означаемое, означающее, знак. Структурализм исходит из отрицания фило-софии номинализма, которая лежала в основе мировоззренческого кода эпохи модерна в его наиболее чистом виде. Номинализм принимал за ре-альность только конкретные вещи, а их языковые наименования («имена») считал произвольными конструкциями, выдуманными людьми для прак-тического удобства. Для номиналистов бытием обладает только «обозна-чаемое» (вещь), которое первично и реально. А «обозначающее» (слово, имя) есть лишь искусственное приложение.

Структуралисты, следуя за Кантом, усомнились в реальности и пер-вичности этого «обозначаемого», как в «вещи-в-себе». Без учета человече-ского сознания и его главного инструмента - языка, ни о каком «сущест-вовании» вещей говорить, в строгом смысле, нельзя. Значит, «обозначаю-щее» есть нечто большее, нежели произвольно выбранная случайная фор-ма, комбинация звуков или букв. Для человека как субъекта познания именно «обозначающее» – т.е. слово, шире, речь – наделяет предмет смыслом и значением, делает его «существующим», так как вне смысла предмет для человека не существует.

Само «обозначающее» еще не есть «смысл», так как взятое отдель-но, в отрыве от контекста, оно тоже ничего не значит, оставаясь «словом-в-себе». Вместе с тем, о бытии самого субъекта познания – о разумной сущности человека – также невозможно сказать ничего определенного. И напрямую он к смыслу отношения не имеет. Поэтому бытие следует ис-кать в языке, который порождает значения (смыслы) в различных конст-рукциях слов и высказываний, встраивая их в общий языковой контекст.

В структурализме достоверно реальным является только язык. Од-ну из важнейших составляющих языка представляет собой «знак». Знак в структурализме выступает как сосредоточие языка – в нем «обозначае-мое» встречается с «обозначающим» и обретает значение. Вещь, предмет, явление, будучи «названными» (обозначенными) в конкретной речи, входят в реальность знака, «становятся» этим знаком, который и наделяется смыслом, распространяющимся далее на все – на слово и вещь.

Будучи строгим отрицанием номинализма и наивного позитивизма, такой подход не есть возврат к платонизму (с признанием объективного существования идей) или к аристотелизму (с уверенностью существования духовной сущности внутри самой вещи). Скорее, это критика номинализ-ма изнутри него самого. Вначале номинализм изгоняет «универсалии», призывая «не двоить сущности» и подменяет их не обладающими реаль-ностью «именами». И это изгнание – безвозвратно. Потом бывшие оче-видными вещи («обозначаемое») перестает быть столь очевидными и ре-альность

обнаруживается в «именах» («обозначающем» и «знаке»). Но «имена» не универсалии, не идеи и не квинтэссенции вещей. Это реаль-ность чисто гносеологическая, отказывающая выносить относительно он-тологии какое бы то ни было решительное мнение. «Имена» и «знаки» в структуралистской философии (и ее подразделах – «семиотике» – науки о знаках, «семантике» - науке о смыслах и т.д.) радикально отличны от понимания «символов» и «знаков» в традиции, религиозно-догматической, мистической и мифологической философии. Там знаки были реальными выражениями реального бытия, постулируемого изначально и догматиче-ски. Здесь они ничто иное как условные структуры, получившие само-стоятельное бытие по остаточному принципу – так как растворилась ре-альность самих вещей и явлений, которые они призваны были «обозна-чать». Бытие «обозначающему» в структурализме придало только исчез-новения бытия «обозначаемого». Язык получил вдруг такое первичное качество не потому, что он обнаружил свою онтологическую или священную природу (так дело обстоит в философии позднего Хайдеггера, но это совсем иная линия), а потому, что по мере развития западно-европейской философии по маршруту номинализма бытие вещей (очевидное некогда) исчезло, и от всей картины остались только «имена».

Деконструкция. Гипотеза «лингвистической относительности». На место рефлексии, как процесса наблюдения за процессами мышления, структу-ралисты поставили иную операцию, названную ими «деконструкцией» (Ж.Деррида (р.1930)). «Деконструкция» обозначает помещение высказы-вания, мысли или фразы в конкретный исторический, культурный и философский контекст. С точки зрения структуралистской философии, не бы-вает высказывания просто так, в отрыве от контекста. Вне контекста ни одно высказывание не может быть признано ни истинным, ни ложным, да и вообще не может содержать в себе никакого смысла, так как смыслом его наделяет контекст.

Это выражено в знаменитой «гипотезе лингвистической относи-тельности» Сепира-Уорфа, согласно которой «родной язык предопреде-ляет мыслительную структуру мира», а значит, корректный перевод с язы-ка на язык вообще невозможен по определению.

Метод деконструкции призывает вернуть высказывание к тому контексту, в котором оно было сделано – что требует выяснения кем, в какое время, по какому поводу, в каких обстоятельствах, обращаясь к кому и – самое главное, на каком языке это высказывание прозвучало. А также, не звучало ли оно или нечто подобное раньше, а если да, то в каком контек-сте?

Таким образом, мыслительный процесс в деконструкции привязывается к конкретному контексту, что позволяет человеку предельно упоря-дочить свой мыслительный процесс, превратить его в работу с культур-ными и философскими структурами, придающими каждой мысли точное смысловое звучание и надежное место.

Речь и язык. Структуралисты делают фундаментальное различие между «ре-чью» и «языком». Речь – это выстраивание конкретного высказывания («дискурс») с использованием элементов языка и по его внутренним зако-нам. Речь является актуальным, а язык – потенциальным. Язык как целое никогда не складывается из совокупности речей, на нем произнесенных. Хотя сам по себе язык ничего не означает и ни о чем не повествует, без него невозможно никакое повествование и ничто не имеет никакого зна-чения. Смысл деконструкции

состоит в том, чтобы привести речь к языку, соотнести с ним, поместив ее в соответствующий контекст.
Найти место для речи в языке – все равно, что поместить вещь на свое место в мире, раз мир – ничто иное, как текст.
По сути, структурализм – в философии, этнологии, искусстве, языкознании, филологии – есть сплошной процесс деконструкции. Это существенно меняет отношение к высказыванию и творчеству, которое царило в эпоху модерна. В культуре Нового времени считалось, что человек тво-рит смыслы и системы, произведения искусств и научные теории, пред-меты техники и промышленности. Встав на место Бога, человек произво-дил их «из ничто», с опорой на собственную волю и представление. Структуралисты поставили это положение «этики модерна» под вопрос: они продемонстрировали, что человек ничего не способен сотворить и лишь манипулирует фрагментами различных текстов, комбинируя их эле-менты. Творчество есть цитирование, воспроизводство возможностей, заложенных в структурах языка. И корректная интерпретация философии, произведения искусств, политического и правового института или эконо-мического закона есть ничто иное как выяснение того, откуда та или иная цитата взята, как они соотносятся друг с другом и с породившим их кон-текстом. Деконструкция развенчала идею свободы и самостоятельности человека, лежавшую в основе философии Просвещения. Человек – это машина, воспроизводящая тексты. Текст имеет самостоятельное бытие, ни от кого не зависящее. В нем живут безличные лингвистические структуры, произвольно распределяющие роли в тексте – кому «личное место-имение», кому «существительное», кому «глагол», кому «наречие».
Такой вывод стал основой постмодернистской философии.
Постмодернистская философия. Философия постмодернизма органично выросла из структуралистского подхода, распространив его на широкий спектр дисциплин и обобщив его выводы до развитой теории. Чтобы отличить собственно постмодернизм от структурализма, иногда используют понятие «пост-структурализм», так как постмодернисты пересмотрели не-которые пункты структуралистской философии, развив их в оригинальном ключе. В основе философии постмодернизма лежит идея о полной исчер-панности философии Нового времени, о ее неадекватности и неактуально-сти. По сути, постмодернисты провозгласили конец эпохи модерна, как в свое время отцы-основатели научной картины мира провозгласили конец традиционного общества в Европе. Все основные пункты мировоззренче-ского кода Нового времени постмодернисты подвергли жесткой критике. С их точки зрения, философия модерна есть всего лишь неуклюжая по-пытка закрыться от того вызова ничто, который обрушился на европей-скую культуру после «смерти Бога». И хотя программа Нового времени состояла в том, чтобы избавиться от религиозно-догматического позна-ния, все свелось к тому, что на место одних догм (традиционного общест-ва) пришли другие, созданные Просвещением. Постмодернисты «разоблачили» рассудок, науку и технику как ин-струменты воли к власти человеческой индивидуальности, в основе кото-рой лежит болезненный механизм подавления собственных желаний. Это привело к систематической критике рациональности у таких философов как Ж.Лакан (1901-1981), Ж.Делез, Ф.Гваттари, М.Фуко, Р.Барт, Э.Левинас, Ж.Деррида (р.1930), Ж.Бордрийяр (р.1929), Ю.Кристева (р. 1941) и др.
Постмодернисты показали, что философская картина Нового време-ни, основанная на механицизме и научном позитивизме, есть перелицовка прежних

догматов. На место бытия поставлена догма внешнего мира, материи. На месте субъекта – человеческий индивид. Гносеология в Новое время строится на принципах всей то же аристотелевской логики. Эстетические и этические конструкции призваны прикрыть собой те откровен-ные дыры, которые обнаружились в реальности вместе с концом традици-онного общества. Новое время сохранило иерархии (только переведя их в формат имущественного и классового неравенства), академическая наука заменила собой церковную схоластику. Рассудок и человек были постав-лены на место Бога. И все это проходило в контексте «расистской» уве-ренности в «культурном превосходстве» и «вселенской универсальности» европейской цивилизации, как прямое продолжение имперского сознания римлян и греков, считавших, что за пределами их зоны обитания живут только «безмозглые варвары и мифологические чудовища».
Постмодернисты отказывались принимать на веру все эти пункты. О внешнем мире и материи как таковой мы вообще не можем сказать ничего определенного, это «вещь-в-себе», утверждали они вслед за кантианцами. Человек как субъект познания ничем не может доказать это качество, так как его мышление есть ничто иное как бесконечное воспроизводство гото-вых языковых моделей и цитат. В процессе познания человек осуществляет технические функции, обслуживая процесс постоянного цитирования, сознает ли он это или нет (деконструкция). Представления о добре и зле в контексте современности разоблачены (еще до постмодернистов) предста-вителями английского прагматизма (У.Джеймс (1842-1910), Ч.Пирс (1839-1914) и т.д.) и утилитаризма (И.Бентам (1748-1832) и т.д.), которые отождествили благо с наслаждением и пользой, а зло – со страданиями и издержками. Такой подход, согласно постмодернистам, обнаруживает, что светская мораль есть не философское явление, а проявление примитивных физиологических ощущений, влечений и страхов. Эстетика же в Новое время вообще потеряла всякий смысл, приведенная к абсурду художест-венным творчеством сюрреалистов, абстракционистов и дадаистов.
Искусство постмодернизма. Во второй половине XX века, в США возникает абстрактный экспрессионизм (В. де Кунинг (р.1904), Дж.Полок (1912-1956) и др.), сделавший своим методом механическое изображение инди-видуальных психологических импульсов, поступающих из глубин челове-ческого подсознания и «регистрирующихся» автором на полотне в виде хаотического набора линий, точек, причудливых кривых и т.п. (Полок, например, брал большую кисть и в случайном порядке разбрасывал крас-ку по огромному холсту). Провозглашается радикальная борьба с формой, даже в таком ограниченном формате (простейшие геометрические фигуры), который сохранялся у первых авангардистов. Происходит окончательный разрыв с принципами светосочетаний, цветой гармонии.
Во многом иллюстрируя теории постмодернистов, в 70-е годы появ-ляется искусство поп-арта (Э.Уорхол (р.1930), К.Олденбург (1929-1997), Р.Раушенберг (р. 1925)), где в качестве произведений выставляются объ-екты быта – консервные банки, кучи строительного мусора, рекламные наклейки, увеличенные репродукции, комиксы и т.д. В США поп-арт тесно переплетался с рекламой товаров, ставшей неотъемлемым атрибутом американской жизни и «общества потребления».
Получает развитие концептуальное искусство, состоящее не в соз-дании фиксированных объектов, а в организации эфемерных ситуативных

перформансов, абсурдных представлений, инсталляций, соединении в об-щем сиюминутном контексте цитат из разрозненных и подчас взаимоис-ключающих художественных стилей (Й.Бойс ((1921-1986, К.М.Мариани (р.1931) и др.).
В литературе создаются постмодернистские тексты Джона Фаулза (1926-2005), Алена Роб-Грийе (р.1922), Филиппа Соллерса (р.1936), Ми-лорада Павича (р.1929), Умберта Эко (р.1932) и др.
Не менее ярко философские установки постмодернизма проявляют-ся и в возникновении на стыке европейского киноавангарда и американ-ского шоу-бизнеса нового киноязыка, сочетающего черты коммерческого су¬перзрелища и авторского кино. В его основу положены постмодерни-стические принципы - интертекстуальность (эклектическое цитирование литературных текстов, музыкальных произведений, фрагментов социаль-ной реальности предыдущих эпох, коллаж кинoряда и т.п.), многознач-ность, отказ от поиска смысла, разрыв с предыдущими традициями кино-искусства -в сочетании с эстетикой видеоклипов и агрессивной телерек-ламы, компьютерными технологиями и спецэффектами, особой ролью титров, заставок, авторских и анимационных вставок (С.Спилберг, Дж.Лукас, Д.Линч, Т.Гильям, Л.Фон Триер, Д.Джармуш, С.Кубрик, братья Коэны, С.Содерберг, В.Вендерс, Р.-В.Фасбиндер, П.Гринуэй, К.Тарантино и др.).
Таким образом, в постмодернистском искусстве речь уже не идет о создании эстетики или выражении прекрасного: смысл произведения за-ключается в демонстрации механического процесса цитирования, который составляет сущность любого произведения, ироничной игры, смешения разнородных стилистических и контекстуальных элементов. Само по-стмодернистское творчество представляет собой лишь эпизод в обширной философской деконструкции, ведущейся всей культурой постмодернизма без какого-то субъективного авторства. Философ и культуролог Ролан Барт (1915-1980) вслед за тезисом Ницше о «смерти бога» сформулировал тезис о «смерти автора»: раз текст есть непрерывное цитирование, то у него не может быть автора. Отсюда поиск постмодернистами новой инстанции, с помощью которой можно было бы описать процесс познания, творчества и философствования.
«Ризома» (познание в постмодерне). Вместо философских моделей Нового времени постмодернисты стали выдвигать новые экстравагантные катего-рии, призванные корректно описать ту ситуацию, в которой оказалось че-ловечество в эпоху постмодерна, когда, вслед за предвидениями Ницше, ничто (европейский нигилизм) обнаружило свое тотальное присутствие.
Постмодернисты выдвинули модель познания, где главным действующим лицом является «ризома» (от фр. «rhizome» — корневище, клубень). «Ризома» движется под землей горизонтально и дает периодически ростки вверх и корни вниз, а затем движется дальше. В отличие от обычных растений, чье положение строго фиксировано, и вертикальная струк-тура (корни и стебель) является постоянной величиной, «ризома» дает стебли и пускает корни произвольно, перемещаясь под поверхностью зем-ли. Метафора, взятая одним из главных философов-постмодернистов Жи-лем Делезом из ботаники, описывает новую фигуру философского позна-вательного процесса. «Ризома» более не объект и не субъект, это сосредо-точение жизненной энергии, способной произвольно, играючи организо-вывать различные, самые причудливые познавательные структуры, нико-гда не закрепляясь в них окончательно. Так функционирует сознание «шизофреника» - выстраиваются случайные ассоциации, подозрения, страхи и приливы чувств, гибко

превращаясь в новые потоки эмоций, случайных и фрагментарных впечатлений, разрозненных и сбивчивых умозаключений. «Я» сливается с «ты», ощущение тела переходит на внешние предме-ты и т.д.
В «ризоматическом» процессе познания нет «накопления знаний», «упорядочивания хаоса». Это разрозненный калейдоскоп ощущений, под-час пронзительных, подчас депрессивных, текущих в своеобразном сбив-чивом ритме. В области живописи наглядными иллюстрациями к образу ризомы могут служить полотна Дж.Полока. В области киноискусства мрачным примером реконструкции бытия в ризоматическом пространстве является, например, фильм Д.Линча «Голова-Ластик».
Шизофрения и паранойя как философские категории. Философы-постмодернисты многое заимствовали из области психоанализа и психи-атрии. Важный вклад в философию постмодернизма внес психоаналитик Ж.Лакан, объединивший фрейдистские модели психоанализа с лингвис-тическими теориями структуралистов. Постоянный соавтор Жиля Делеза, Феликс Гваттари был психоаналитиком. Из области психиатрии филосо-фы-постмодернисты почерпнули своеобразно истолкованное деление на параноидальный и шизофренический тип личности.
«Паранойя» (греч. «пара»- «через», сверх» и «ноус» -- «сознание», «ум») -- это такая форма психического заболевания, которая основана на преувеличенном доверии человека к автономной рассудочной деятельно-сти, даже если внешний мир не подтверждает умозаключений. Сталкива-ясь с противоречиями между своими представлениями о внешнем мире и самим этим внешним миром, страдающий паранойей стремится скорее изменить внешний мир, нежели подстроить под него свое сознание. Чем больше он встречается с опровержением своих представлений, тем больше убеждается в своей правоте и тем с большим недоверием и подозритель-ностью относится к реальности. Как острое психическое заболевание па-ранойя встречается в клинических случаях и подлежит лечению. Но как психологическая установка ее элементы встречаются довольно широко, предопределяя весьма распространенный тип личности. С точки зрения философов-постмодернистов, западно-европейская культура несет на се-бе отпечаток параноидального сознания и из этого вытекают ее осново-полагающие черты: преувеличенное значение, отводимое рассудку, стремление к эффективности, ориентация на технический прогресс, инди-видуализм, жестокость в обращении с окружающей средой, догматизм и нетерпимость, необоснованная уверенность в универсальности и исклю-чительности собственной культуры и цивилизации и т.д.
Противоположным типом психического расстройства является «шизофрения» (греч. «шизо» -«разделение», «разрыв» и «френос» - «сознание», «мозг»). Страдающий этим заболеванием, в отличие от параноика, напротив, не доверяет своим мыслям и представлениям, склонен постоян-но корректировать их в зависимости от внешней среды, даже если этого не требуется, стремится адаптировать свое сознание к внешним импульсам, несмотря на то, что они имеют разнородное происхождение и не связаны никакой логической системой. Сознание шизофреника хаотично, сбивчи-во, легко скользит с одного объекта на другой, не способно надолго зафиксироваться на чем-то одном или осуществить ряд последовательных логических операций. Шизофреник мыслит себя, отталкиваясь не от сво-ей субъектности, а «со стороны». Его субъектность расколота на две или более частей. В некоторых случаях это приводит к восприятию себя как нескольких личностей, появлению

«внутреннего голоса» и т.д.
Шизофренический тип вне клинических случаев означает структуру личности, готовую адаптироваться к среде, чрезвычайно восприимчивую к импульсам, идущим извне. Шизофреник не навязывает внешнему миру своих субъективных представлений, а пытается впитать их, получить от него. Постмодернисты считают, что шизофрения – это свойство творче-ских натур, революционеров, художников, гениев. Именно в шизофрени-ческом типе философы-постмодернисты видят альтернативу паранои-дальной культуре Запада. Паронойя всегда сопровождает власть и сопря-женные с ней концепты («бога», «автора»), стремящиеся навязать людям свои представления. Постмодернисты провозгласили необходимость ши-зофренических масс («шизо-масс» у Делеза), вслед за умерщвлением «бо-га» и «автора», до конца опрокинуть параноидальную вертикаль власти и создать радикально демократический и коммунальный тип общества.
Методологию по систематическому развенчанию параноидальных надстроек рационалистической западной культуры и их деконструкции постмодернисты назвали «шизоанализом». В последующем эта тематика неоднократно обыгрывалась в постмоденистической литературе и киноис-кусстве (например, в фильме С.Содерберга «Шизополис»).
Показательно, что философ Жиль Делез, разработавший теорию «ризомы» и «шизоанализа», покончил с собой, выбросившись из окна. Ха-рактерный конец для постмодернистского философа, воспевшего «шизоф-рению».
«Тело без органов» и «машина желаний». Размышления над «смертью авто-ра», «ризомой» и кризис субъекта привели постмодернистов к мысли о том, что субъектом должен являться отныне не индивидуум, а его тело, точнее, отдельные телесные безличные импульсы. Так родилась концеп-ция «тела без органов» (впервые сформулированная театральным режис-сером и критиком Антоненом Арто (1896-1948)), которое ищет хаотиче-ских наслаждений, а индивидуальные структуры рассудка ему в этом ак-тивно препятствуют. Согласно этой теории представления об органах проистекают из «параноидального» стремления рассудка упорядочить окружающий мир, внести в него любой ценой симметрию и структуру, которая в нем отсут-ствует и проистекает из диктатуры языка и логического мышления. В чис-том виде тело (телесность) дается человеку не как нечто внешнее и ос-мысленное, а как смутное переживание, идущее изнутри. Это – живая безличная субстанция, с поверхности которой поднимаются пары «пер-вичных желаний». Телесность есть «машина желаний», постоянно воспроизводящая дезориентированные хаотические импульсы. Эта реаль-ность берется философами постмодернизма и как основа философской ан-тропологии (вместо человека) и как основа бытия (вместо бога, реально-сти или внешнего мира).
В теле без органов субъект сливается с объектом. На его поверх-ности зарождаются и угасают смыслы. Первичные импульсы, зарождаю-щиеся в глубине «машинного отделения» плоти, разряжаясь доходят до границы телесного, и оттуда отражаются в зеркале сознания, которое не-медленно перетолковывает их в соответствии с заложенными языковыми и логическими структурами, выстроенными по «параноидальной» модели. Чтобы избежать «отчуждения» телесных импульсов в репрессивном меха-низме рассудка, следует зафиксировать восприятие неоформленной телесности и научиться скользить по ней.
«Тело без органов» есть центральная фигура ризоматического бытия в

постоянном «кочевничестве». (Делез, играя словами, противопос-тавлял «монадологию» Лейбница «номадологии» постмодернизма – от фр. «nomade» - «кочевник».)

Общество спектакля. Хвост виляет собакой. Философы постмодерна и структуралисты подвергли современное западное общество беспощадной критике. Так Ги Дебор (1931-1994), один из основоположников «новой ле-вой» философии, повлиявший на постмодернизм, разработал теорию «Общества Спектакля», согласно которой современное общество все бо-лее становится виртуальным и подменяет виртуальностью, экраном, зре-лищем реальность, пока грань между ними полностью не размоется.

В «обществе спектакля» только то является событием, о чем со-общается в СМИ. То, о чем СМИ молчат, не существует, так как не явля-ется достоянием общественного сознания. Отсюда возникает соблазн пол-ностью оторвать сообщение от факта и придать медийную реальность тому, чего нет. Это не пропаганда и не обман, но проявление закона вир-туальности, так как событие совершается только тогда, когда оно осмыс-ляется обществом, становится объектом коммуникации. Это характерно для любых обществ. Но развитие информационных технологий и концен-трация их управления в одних руках (медиакратия) позволяют обрести монополию на производство событий и, в конце концов, полностью мани-пулировать общественным сознанием через производство «знаков».

Образец такой системы показан в голливудском фильме «Плутовст-во (Хвост виляет собакой)» (реж. Барри Левинсон, 1997), где описана ис-тория теле-трансляции вымышленной ситуации военного конфликта, кото-рая становится фактором реальной политики.

Виртуальность. Постмодернисты отмечают, что эффективность модели в лабо-раторных условиях всегда выше, чем в реальных условиях. Стремление к увеличению эффективности любой ценой привело капиталистическое об-щество к идее создания «виртуального мира», на основе компьютерных технологий. Первые опыты такой виртуальной среды мы видим в сетях Интернет, развитии интерактивного телевещания, новых информацион-ных технологиях и т.д. Смысл виртуальности в том, чтобы заменить ре-альный мир с его непредсказуемыми факторами и помехами моделью этого мира, максимально приближенной к реальности, но свободной от ее издержек. Искусственное, техническое, основанное на двоичном ра-ционально коде рассудка подменяет собой естественное, основанное на природных началах. Виртуальность постепенно подменяет собой реальность, и в пределе грань между ними полностью размывается, настолько эффективно искус-ственные модели имитируют внешнюю среду. В виртуальности установка современной западно-европейской культуры на освобождение индиви-дуума от внешнего мира достигает своего апогея.

Постнаука. Сегодня в странах Запада многие говорят о «конце науки» (Дж.Хорган), что означает исчерпанность тех философских установок, которые предопределяли ее развитие на прежних этапах. Что придет на смену науки в качестве нормативной основы совре-менного мировоззрения, сейчас сложно предсказать. Некоторые говорят о «постнауке» («ироничной науке») в духе постмодернистской философии, но это явление пока не получило достаточного развития. Скорее всего, «постнаука» будет связана с пересмотром базовых философских и культурных посылок, заложенных в европейскую науку в качестве норматив-ных еще на заре ее возникновения.

Современная «теория суперструн» в фундаментальной физике (Э.Виттен, А.Поляков, М.Грин и т.д.) оперирует в категориях 10-мерного пространства (где сходятся основные физические уравнения, нерешаемые в условиях 4-мерного пространственно-временного континуума Эйнштей-на), более напоминающего мистические построения религиозных теорий, нежели механический «образ мира», принятый за норму в классической науке.
В любом случае в наше время роль, функция и содержание науки требуют переосмысления. С одной стороны, наука как философское и культурное явление нуждается в согласовании с логикой культур и философий тех народов, которые развиваются в истории по пути, отличному от стран Запада (этот процесс активно идет в исламском мире). С другой стороны, идеологические функции науки становятся неуместными в эпоху отказа от доминирования какой-то одной идеологии и тяготения к плюрализму.
И наконец, внутри самой науки возникают явления, предлагающие пересмотреть ее основные предпосылки, оказавшиеся в конечном счете тупиковыми, некорректными и необоснованными. Такие идеи активно развиваются современными философами науки и физиками Ф.Капра, Б.Мандельбротом, И.Пригожиным и т.д.
Теория коммуникации. В конце XX века большое внимание в области философии стало уделяться общению (коммуникации) и информации (как главному содержанию коммуникации).
Отношения между людьми и даже различными культурами стали более интенсивными и стремительными. Социального и личного времени для фундаментального освоения культурных кодов даже своей культуры, не говоря о культуре других народов, стало катастрофически не хватать, в то время как межкультурные контакты, напротив, стали более частыми и простыми. Анализ этих перемен постепенно привел к разработке теории коммуникаций, которая пытается систематизировать функционирование сложных систем, обменивающихся квантами информации -- независимо от того, идет ли речь об индивидуумах, обществах или механизмах.
В этой теории отмечается две характеристики современных об-ществ:
резкое расширение доступа людей к огромным блокам информации (компьютерные сети, Интернет, совершенствование материальных носи-телей информации и т.д.) и
стремительное разрушение тех моделей, которые отвечали за кор-ректную интерпретацию информации в прежних культурных системах и появление новых, чрезвычайно сложных и доступных все более ограни-ченному кругу людей.
Информация как суррогат знания. Само понятие «информации» представляет собой не такое простое явление, как кажется на первый взгляд. В традиционной философии «информации» как таковой нет, есть область знания, которое усваивается, осознается, пополняется, проверяется опытом, подвергается рефлексии (деконструкции). Жизнь целого поколения филосо-фов подчас уходила на осмысление и истолкование одной философской теории, а идеи Платона и Аристотеля осмыслялись мыслителями Запада (равно как и исламского и иудейского мира) в течение целых тысячелетий. Знание представляло собой гигантское величественное здание, по лаби-ринтам которого можно было бродить бесконечно, осваивая его просто-рные залы или потаенные уголки.
В нашу эпоху сложный процесс воспитания духа, испытующего знание,

возводящего его к изначальному контексту, затем переносящего в новый контекст, на глазах становится невозможным. Знание и его усвоение сегодня заменяет информация. Информация -это такое знание, которое не требует от нас понимания, усилия, усвоения или проверки. Информация влияет на тех, кто ее получает, но делает это фрагментарно и сиюминутно. Процесс получения информации является обратимым и не накопительным, получив информацию, от нее спешат скорее избавиться (пере-дать кому-то еще), чтобы получить новую. Если она и накапливается, то не в сознании человека, а на отвлеченных носителях (в базах данных и т.д.). По сути, информация становится средой, сплошь состоящей из коммуникаций. Объем, скорость и интенсивность этих коммуникаций растет параллельно исчезновению в них содержания и смысла. Смысловые структуры не успевают разворачиваться в стремительных потоках инфор-мации, а смешение разных культурных кодов окончательно лишает созна-ние самой возможности корректной интерпретации информации, т.е. отношения к ней как к знанию.
Информация – это ненужное, бессмысленное и бессодержательное знание, становящееся при этом все более необходимым и общедоступ-ным, превращающимся в среду обитания.
Утрата смысла в среде информационного общества. «Послание». Люди читают газеты, смотрят телевизор, все менее и менее понимая смысл про-износимого с экрана, увлекаясь лишь быстротой и яркостью сменяющих друг друга образов, которые при этом становятся все менее и менее со-держательными.
В теории коммуникаций акцент падает на совершенствование меха-низмов обмена информацией между самыми разными субъектами – людь-ми, компьютерами, материальными средами, обществами и т.д. Информа-ционное общество постепенно превращается в поле всеобщей осведомлен-ности обо всем сразу и ни о чем конкретно. Потоки информации объеди-няют жителей самых дальних уголков планеты, но это объединение не со-общает им дополнительного знания. По выражению философа Ж.Бодрийяра, «послание» (фр. «message») становится в информационном обществе «поглаживанием», «массажем» (фр. «massage»).
Демократизация как общий процесс развития общественно-политических структур современного общества настаивает на дальнейшем развитии информационных технологий и интерактивных коммуникаций, при этом открытая возможность каждого сказать всем остальным все, что угодно, приводит к обезличенному рециклированию стереотипных штам-пов, вообще никому ничего не сообщающих. Это легко увидеть в интерне-товских чатах, блогах, типовых SMS-сообщениях, ретранслируемых по телевидению, в глянцевых журналах и рекламных слоганах: миллионы людей повторяют полностью лишенные смысла (для них и для всех ос-тальных) штампы, состоящие из примитивных комбинаций простейших знаков и называют это «общением». В таком общении никто никому ниче-го не сообщает, и оно только еще более отдаляют людей друг от друга, так как содержание и смысл связи между ними полностью теряется, растворя-ясь в какофонии обрывочных информационных квантов.
Экономика «знака». Особое место в философии постмодернистов занимает критика капитализма и «рыночного общества». Деньги, взятые как цен-ность, превращают отношения между людьми в цифровой эквивалент, подменяя индивидуума штрих-кодом. Сам товар перестает быть матери-альной вещью для рационального использования и становится самодостаточным «знаком».

Так возникает виртуальная «экономика знака», заме-щающая собой денежную экономику, где люди становятся рабами потребления, но уже не потребления товаров, а потребления «знаков» -- «гламура», «рекламы», «дресс-кода» и т.д. Знак становится основным эквивалентом виртуальности. При этом знак, изначально призванный лишь временно замещать вещь, приобретает самостоятельное бытие, освобождаясь от зависимости в отношении обо-значаемой вещи, представляя -- начиная с некоторого момента -лишь себя самого. Такой освободившийся от собственного содержания знак Ж.Бодрияр предлагал называть «симулякром» (от фр. «similacre» - «подделка»). В новом качестве знак-симулякр может быть интерпретирован через различные вещи, не имея точного эквивалента, гипнотизируя созна-ние потребителя самим фактом своего наличия, своей самоценности. Ценным становится само созерцание знака, уверенность в том, что обозначае-мая им реальность существует, что она где-то рядом. Знак при этом для «недоверчивых» и «недоразвитых» может доказать свою обратимость в фундаментал (за валюту можно купить реальные вещи, а акции – обратить в валюту и т.д.), но смысл постиндустриальной экономики состоит в том, что эта обратимость столь «очевидна», что любые попытки свериться с реальностью воспринимаются как нечто досадное и неуместное. «Доверяй знаку» -- это императив «новой экономики». Сомневаться в этом значит «плыть против течения».
Метаморфозы мышления. Симулякры. К чему философы? Философия постмодерна и информационное общество, где она постепенно утвержда-ется, приводят к фундаментальному изменению всей структуры человече-ского мышления и человеческой психологии. В Новое время философия и культурные коды сплошь и рядом внедрялись в общество через идеоло-гию, включая систему образования, политику, науку, правовые и социаль-ные нормативы и т.д. Так транслировался тот мыслительный код, который принимался за господствующий. В эпоху «мягкой идеологии» этот код перестает быть цельным и ясно выделенным, транслируется не код, а от-сутствие кода, причем это отсутствие, в свою очередь, становится норма-тивным. Информация и есть то знание, которое не поддается декодирова-нию, симулякр.

Тот, кто не участвует в потоке бессмысленной циркуляции информационных квантов, тот отлучается от доступа к социальным и матери-альным благам. Выходя за пределы информационного поля, где заведомо нет смыслов, и пытаясь найти эти смыслы в иных философских системах и учениях, человек утрачивает контакт с бытием самой системы постмодерна, что влечет за собой отчуждение, а в пределе и закрытие доступа к ресурсам, которые также все больше приближаются по форме к информационному коду (электронные карточки, идентификационные но-мера, пара «login/ password» и т.д.).

Так философские проблемы, поставленные в стихии информацион-ного общества, постепенно превращаются в вопрос жизни и ресурсов. Что, впрочем, всегда было характерно для философского мышления: будучи отвлеченным от реальности, оно более влияет на эту реальность, – причем в самых ее глубинных основаниях, – чем что бы то ни было еще.

Каждая эпоха и каждая философская школа вносят что-то свое в формулировку главного вопроса философии. В эпоху постмодерна можно предложить такую формулировку основного вопроса: возможно ли сохра-нить способность мыслить в стихии столь же бессмысленных, сколь и тотальных коммуникаций?

Философ Мартин Хайдеггер, критикуя современную западную цивилизацию, подробно остановился на вопросе немецкого поэта Иоганна Гельдерлина (1770-1843) – «К чему поэты в темные времена?». Перефра-зируя Хайдеггера, можно спросить сегодня: «К чему философы?»…

Контрольные вопросы

1.Какие существуют версии «главного вопроса философии»?
2.Что познается в догматико-религиозном, мифологическом «ризоматическом» процессах?
3.Как наука соотносится с философией?
4.Что такое «деконструкция»? Опишите, как вы это понимаете своими словами.
5.Как вы понимаете онтологию, гносеологию и философскую антропологию постмодерна?

9.2 Русская мысль: философия, наука, искусство

«Оригинальная русская мысль, рождается, как мысль историософи¬ческая.
Она пытается разгадать, что помыслил Творец о России.
Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада,
или совсем особый, свой путь?”
Н.А.Бердяев

Мысль в архаическую эпоху. Русская мысль начинается задолго до первого упоминания о славянских племенах. Если человек живет, то он мыслит. Этнос, язык и культура определяют это мышление. Оно в свою очередь обогащает их. Участвуя в истории, отправляя обряды, занимаясь хозяйственной деятельностью, сражаясь с врагами, перемещаясь по просторам, осваивая новые земли, создавая бытовые и художественные предметы и орудия труда древние русы и славяне – предки русских – интенсивно и напряженно думали о мире, его причине, устройстве бытия, судьбе человека, начале и конце вселенной, смерти и бессмертии, сущности и существовании. Следы этой этнической философии сохранились в волшебных сказках и легендах, в остатках материальной культуры и в самом языке.
Расшифровать и воссоздать эту мысль не просто, так как письменных источников не осталось, но самое главное -- твердо помнить, что она была, и даже далекие смутные отблески дают нам знать о ее бытии и представляют собой колоссальную духовную ценность.
Истоки русской культуры. Истоки русской культуры, понимаемой в рамках настоящего раздела как вся совокупность наиболее характерных для русского народа этических и эстетических (художественно-образных) форм освоения окружающего мира, коренятся в традиционном обществе. В основе народной культуры лежат остатки того, что некогда было традицией, мифом, обрядом и

культом. Наиболее древней пласт народной культуры связан с дохристианскими временами.
В XIX веке крупные русские исследователи фольклора (А.Н. Афанасьев (1826-1871), Ф.И. Буслаев (1818-1897), А.А. Потебня (1835-1891), И.П. Сахаров (1807-1863), А.С. Фаминицын (1841-1896) и т.д.) начали огромный труд по восстановлению древне-русской языческой культуры. В советское время ученые этнологи вынуждены были считаться с марксисткой догматикой и сосредотачивать свое внимание на «классовых отношениях», отраженных в сказках и фольклоре. Это, однако, не помешало появлению плеяды блистательных специалистов по русскому фольклору и в советское время -- В.Я. Пропп (1895-1970), В.Н. Топоров (1928-2005), Б.А.Рыбаков (1908 - 2001), В.В. Иванов (р.1929) и т.д.
В наше время налицо все условия, чтобы с новыми усилиями продолжить работу по восполнению знаний о древней дохристианской русской культуре, так как в современном российском обществе нет жестких идеологических клише, препятствующих таким исследованиям, а с другой стороны, вопрос о корнях русской культуры волнует людей все больше.

Вклад различных этносов в русскую культуру. В Древней Руси и до и после образования Киевской государственности славянские племена жили в тесном соседстве с финно-угорскими, тюркскими, иранскими, прусско-литовскими и германскими этносами. Между ними постоянно осуществлялся культурный обмен.
На древнейших этапах русской религиозной культуры можно зафиксировать очень большое влияние иранской мифологии – ее термины, персонажи и представления в значительной степени повлияли на структуру древне-русского космоса. Вплоть до того, что слово «Бог» в русском языке имеет иранское происхождение – от древно-персидского «bhaga» -- «полнота», «нагруженность», «бытие», «божество». Птицы с человеческими лицами, апокрифические предания об участии в творении помимо Бога еще и «сатаны» (иранский дуализм), сюжет о мировом древе, стоящем посреди океана, и многое другое, что составляет древнейшие пласты русской мифологии, имеет ясно различимые иранские корни.
Судя по всему, кочевые иранские племена (скифы, потом сарматы и их потомки аланы, «асы» -- сегодняшние осетины) тесно общались не только со славянами Средне-Русской возвышенности, но и с финно-угорскими племенами, так как архаичные пласты финно-угорского фольклора, точно так же как и русского, полны иранскими заимствованиями.
Между славянами и финно-уграми теснейшие контакты (и соответственно культурный обмен) не прекращались и тогда, когда связи с иранцами ослабли, и в такой ситуации – несмотря на различие языков и культов – сложилось некое единое «евразийское» культурное пространство, куда входили и некоторые степные этносы вплоть до монголов. Славянские, иранские, финно-угорские, тюркские, прусско-литовские, монгольские черты перемешаны в этом пространстве вплоть до неразличимости.
Это обстоятельство подчеркивает, что изучать русский архаический фольклор и древнюю культуру в отрыве от мифологий близких нам культурно этносов невозможно, так как ключи к расшифровке того или иного образа, сюжета или сценария сплошь и рядом находятся в мифах соседних этносов. Поэтому полноценное представление о древней русской культуре можно составить только с привлечением всего богатства наследия близких нам исторически

этносов, чьи предки с древних времен населяли земли современной России и соседних стран.

Древнерусская картина мира. В основе древне-русской картины мира русских лежит плоский земной круг – Русская Земля. Небо, воздух, вода, леса и поля населены богами и духами, а также душами мертвых. Все вместе - земля, животные, духи, высшие силы и люди -составляют одно неразрывное целое, пребывающее в гармонии. По окраинам этого «русского простора» находятся естественные границы в виде – гор, соленых морей, непроходимых степей и пустынь, враждебных народов. Внутри «круга» для русских находится свое, «священное». Вне круга – чужое. Огороженная изгородью изба воспроизводит эту картину в миниатюре: центр и периферия. Ценности своего народа и своего народного порядка являются центральными. Русские люди видят самих себя как потомков «древних богов» («Стрибожьи внуки»), которым «русский круг» был дан в наследство.
На эту картину, так до конца и не стершуюся окончательно в русском бессознательном, после призвания Рюрика наложилась модель государственности. Горизонтальный круг получает вертикальную ось – великого князя. Почитание этой вертикали власти наглядно выражается в княжеских хоромах. Царские палаты в Древней Руси в целом воспроизводили архитектуру обычной избы, только увеличенной многократно, щедро украшенной и сделанной из белого камня. Отсюда в архаическом русском мировоззрении особое сакральное почитание власти – в ней проявляется центр всего священного круга.
После крещения Руси эта картина мира дополнилась измерением Божией Церкви, православным храмом византийской архитектуры, возвышающимся в центре «русского круга» вместе с великокняжескими палатами. Государственная вертикаль власти сочетается отныне с монотеистической религией и ее учением. При этом принесенное из Византии православие довольно мирно накладывается на прежнюю картину мира у древних славян – «русский круг» остается священным, центральность государства сохраняется, только надо всем надстраивается православная система ценностей. Качество сакральности, догматическое содержание, ритуалы и обряды меняются, но общая картина мира остается сущностно той же самой, и в огромной мере формирует глубинное мировоззрение русского народа, которое в последующие эпохи обретает новые черты и новые особенности, сохраняя суть. Русские как жили, так и живут (пусть в своем сознании) на плоском пространстве священного «русского круга», на дальних границах которого порядок переходит в хаос, мир становится войной, а свои -- чужими; и в этом круге высится вертикаль сакральной власти, наделенной вселенской духовной миссией. Русь как «земля обетованная», пространство-ковчег, государство-мир (П.Савицкий).
Остатки дохристианских элементов в культуре после принятия Православия. Многие элементы архаической культуры дохристианского общества вошли в русскую культуру и после принятия христианства. Христианское вероучение представляло сложный богословский багаж, совершенно незнакомый древне-русскому человеку, воспитанному на языческой культуре. Поэтому долгие века церковь достаточно терпимо относилась к элементам дохристианской культуры, вводя отдельные сюжеты и мотивы в христианский контекст (праздники, почитание святых покровителей ремесел и т.д.), а на другие смотря сквозь пальцы (приметы, суеверия, обычаи, гадания и т.д.). Церковь боролась только против системных религиозных проявлений язычества, когда языческие группы

(славянские или финно-угорские) поднимались на прямое восстание против христианства и государственной системы. Такие случаи описаны в русских летописях, повествующих, в частности, о «восстании новгородских волхвов».
Русская православная культура сохранила в своем составе многочисленные мотивы дохристианских воззрений, и корректная их интерпретация помогает восстановить архаические пласты древне-русского культурного уклада.
Покровитель скота древнеславянский Велес, «скотий бог», передал свои функции святому Власию. Древние кузнечные мифы были перенесены на христианских святых Козьму и Дамиана. Рождество Христово сопровождал древний обычай святок. Праздник летнего солнцестояния, связанный с освящением рек и вод, стали отмечать в день памяти Иоанна Крестителя (Ивана Купалы). Великому посту предшествовала весенняя языческая Масленица, провожающая зиму. Ильин день в августе стал праздником почитания «солнечной воды» из языческого культового круга, когда в дар небу приносили в жертву быка или лося. В лице святой Параскевы почитали древнее женское божество Пятницу, с которой связано множество сохранившихся до наших дней преданий.
Архаическая культура и «коллективное бессознательное». Мир, описанный в русских сказках и легендах, его население, его география, его структура, события, развертывающиеся в нем, это огромный и до конца не расшифрованный пласт нашей философии, требующий системного осмысления. Он в огромной мере повлиял и на христианскую культуру, лег в основу народного творчества, сформировал многие психологические особенности русского характера, предопределил русский быт. Некоторые элементы этого мира дошли до нас в качестве предметов – наличники на деревенских домах, прялки, модели древне-русской мебели, устройство крестьянской избы, элементы узоров в одежде, расписные игрушки, посуда, инструменты, упряжь и т.д. Психологические особенности русских людей, поговорки, пословицы, типичные жесты, мимика на лице, движения и многое другое также восходят к древним культовым и обрядовым сторонам древности.
Если применить к изучению русской архаической культуры методы аналитической психологии Юнга, структуралистского анализа К.Леви-Стросса, традиционалистских теорий Р.Генона, религиоведческих наработок М.Элиаде (1907-1986), добавив наследие отечественной школы фольклористики, мы могли бы восстановить основы этой культуры с достаточной степенью достоверности. Эту работу еще только предстоит выполнить грядущим поколениям.
Основы православной культуры. Вера, спасение, любовь. Христианские начала внедряются в русскую культуру через церковь. Богослужение, проводимое на церковно-славянском языке, довольно понятном широким слоям народа, знакомство с книгами, проповеди священников, развитие иконописи, строительство храмов и монастырей – все это становится инструментами по созданию на основе древнейших архаических пластов совершенно новой и оригинальной православной русской культуры. В этой православной русской культуре в центре ставятся христианские ценности. Они и предопределяют ее строй и ее иерархии.

Высшей христианской ценностью является вера. Все остальное строится вокруг нее. На практике вера реализуется через спасение. Все бытие приобретает ценностные ориентации: то, что способствует спасению –

ценность, что препятствует ему – неценность.
Спасение – дело личное. Но условия для спасения – это вопрос общественного устройства. Вся христианская культура вытроена так, чтобы вести ко спасению. А личные заслуги человека определяют то, как далеко он сможет зайти по этому пути.
Православие учит, что без Церкви нет спасения. Утверждение церковной истины, соборное единение всех чад Русской Православной Церкви в едином порыве необходимо для того, что каждый мог выполнить свое задание успешно. Чтобы достичь спасения, необходимо практиковать благочестие, т.е. соблюдать нравственные правила, заповеди, обряды и установления.
К ценностям православной культуры принадлежит послушание и уважение к авторитету, почтение к духовному отцу и физическим родителям, соблюдение политических и социальных норм православного царства, верность Отечеству (в традиционном обществе нравственность и мораль не отделены от политической системы).
Важнейшей христианской ценностью является заповедь любви – к Богу и к ближнему. Любовь сочетает в себе все основные мотивы религиозного сознания:
- стремление к единству,
- преданность себя другому (жертвенность),
- почитание высших,
- заботу о низших и зависимых,
- справедливость,
- доброту,
- эстетическое чувство наслаждения красотой божественных миров и сотворенной вселенной,
- горячее желание соединить духовное и телесное в едином порыве,
- трепетное восхищение чудом церковных таинств,
- смирение гордыни перед лицом милости и строгости Божества.

Вера, спасение и любовь составляют основу ценностной иерархии русской православной культуры, определяя смысл православного начала в философии, искусстве, поэзии, устном народном творчестве и т.д.
Первые церковные мыслители: митрополит Иларион. С уверенной философской мыслью после крещения Руси мы сталкиваемся в лице «Слова о законе и Благодати» Митрополита Илариона. В ней мы имеем дело с опытом православного богословствования, утверждения политической идеи великокняжеской власти, размышлением о судьбе русского народа, призванного стать «новым сосудом» для принятия благодати и ее исторического воплощения.
Все темы, затронутые в «Слове» будут веками определять силовые линии русского православного сознания:
- религиозная идея спасения, закона, благодати, церковной миссии;
- обоснование духовного и промыслительного начала политической власти;
- место русского народа в мировой истории.

Смысл «Слова» сводится к толкованию важнейшего пункта православного учения о том, чем является ветхозаветный закон до Христа и благодать, принесенная в мир Христом.
Для русского народа, принявшего крещение около полувека назад, «Слово» митрополита Илариона было важнейшим вероучительным событием.
Митрополит Иларион повествует, как до Христа богоизбранному народу иудеев

был вверен «закон» - «Ветхий Завет». Смысл этого «закона» -- в том, что Бог, сотворивший мир, находится за его пределами и отделен от мира бездной. Для язычников это было совершенно не привычно, так как языческие традиции основаны на близости Первоначала и мира, на их родстве. Поэтому сама идея «закона» была для многих крайне трудной для понимания. Но без этой фундаментальной богословской концепции собственно христианской культуры возникнуть не могло.
Только иудеи до Христа знали о законе и соблюдали его. Остальные народы «прозябали» в язычестве.
Христос, Бог-Слово, воплотившись от Святого Духа и Пречистой Девы, стал Человеком, и принес в мир благодать. Благодать это установление прямой связи между миром и его Творцом, т.е. милосердное преодоление той бездны, о которой сообщал «закон».
Язычники (в том числе русские) не знали ни «закона», ни «благодати». Бог и боги для них пребывали в мире, а не за его пределом.
Отныне в православных рамках русским людям следовало думать, жить и творить иначе. Они обязаны были осознать, что некогда был «закон», дарованный одному народу, а на смену ему пришла «благодать», данная всем народам, принявшим Христа.
Далее митрополит Иларион подходит к важнейшей теме для всей русской философии – к теме «новых народов». Согласно «Слову о законе и благодати», для «Нового Завета» и для «благодати», сменившей «Ветхий Завет» и «старые народы», Промысел Божий уготовал «новые народы», призванные стать ее носителями. Таким народом является «новый» русский народ, возникший «недавно» (для эпохи митрополита Илариона – XI века – лишь несколько столетий назад) и тут же получивший историческую и религиозную миссию. Категория «благодати» становится отныне краеугольным камнем дальнейшей русской философии, культуры и искусства, определяя русское самосознание и дополняя христианскую ценностную систему верой в избранность русского народа – «нового народа» «Нового Завета».
Чудеса преподобного Антония и распространение монашества на Руси.
Появление на Руси монашества практически совпадает с эпохой Крещения Руси. Основателем русского монашества стал святой Антоний Печерский (983-1073), который был пострижен в монахи на Афоне, где получил навыки древних аскетических традиций и «умного делания» («исихазма»).
В 1028 году преподобный Антоний вернулся с Афона в Киев, где поселился в пещере, раскопанной до этого священником близлежащего села Берестово, который в последствие станет первым русским митрополитом Киевским – Илларионом. Постепенно к Антонию, который вел крайне аскетический образ жизни, питаясь только хлебом и водой, стали тянуться ученики. Так образовался первый русский монастырь – Киевско-Печерская лавра, откуда монашество и традиции «умного делания», исихазма стали распространяться по Руси.
Житие святого Антония Печерского было отмечено многими чудесами и подвигами. Он мог предвидеть будущее. Построение Успенского монастыря в Киевско-Печерской лавре сопровождалось целой чередой святых чудес. Сама Пресвятая Богородица явилась в Константинополь с золотом, чтобы пригласить греческих строителей возвести Церковь в ее честь в Киеве. А выбор места для церкви сопровождался чудесами – выпадением росы на отведенное для строительство места, а потом нисхождением небесного огня.

«Умное делание» мы встречаем в самом истоке русского православия, и эта традиция с этого времени постоянно присутствует в русском монашестве. В целом же монашеская среда становится с той эпохи центром русской мысли, духовной культуры, грамотности, искусства и философии. Монашеское созерцание, в основе которого стоят нетварные энергии Пресвятой Троицы (Фаворский свет), становится с тех пор осью священного искусства и духовного мышления. Спустя много столетий мысль о Фаворском свете и нетварных «энергиях» Пресвятой Троицы ляжет в основу русской религиозной философии (В.Соловьева, С.Булгакова, П.Флоренского).

Философская мысль в летописях, хронографах, толковых Палеях, житийной литературе. В отдельный жанр философская литература на Руси выделилась довольно поздно. Но с самого начала распространения христианской культуры и славянской письменности философская мысль проникает в летописи, хроники, широкий спектр религиозной литературы, в жития русских святых. Русские не создают авторских философских систем, но они живо обдумывают основные вопросы христианской философии:

- действие Божьего Промысла в истории,
- значение нравственного бытия,
- истоки мироздания,
- судьбы народов и культур в контексте столкновения сил добра и зла,
- связь человеческих поступков с логикой мировых событий,
- роль чудес и чудесного в жизни,
- образ человека как подвижника веры и т.д.

Размышлениями на эти темы полны сочинения самых разных видов, в том числе оригинальные комментарии к переводной святоотеческой литературе, а также к многочисленным византийским географическим, историческим, научным текстам, произведениям (часто апокрифическим), трактующим происхождение мира. Русская мысль не оформляет себя как нечто целое и систематизированное ранее XIX века. Но она идет своими оригинальными дорогами в контексте православного миросозерцания, органичной и неотъемлемой частью которого русские считают свою культуру.

Философия «Голубиной книги». В «Голубиной книге», содержащей древнейшие мотивы русской культуры, православное описание создания мира Творцом внутренне связано с восприятием живого органического родства человека с окружающим его миром.

Происхождение вселенной описано так:

«У нас белый вольный свет зачался от суда Божия
Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от грудей его,
Звезды частые от риз Божиих,
Ночи темные от дум Господних,
Зори утренни от очей Господних,
Ветры буйные от Свята Духа,
Дробен дождик от слез Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.»

В основе мироздания лежит Божественная Личность, которая сообщает природным явлениям интеллектуальное, духовное содержание. По сути, в этом мифо-поэтическом отрывке мы имеем дело с онтологическим утверждением: первично бытие Божие, и оно сообщается Богом Творению. Не только человек

создан по «образу и подобию Божию», но и мир.
Это не поэтическая метафора, подобная приемам современной литературы, это интуиция божественного бытия, сообщенного миру, чтобы возводить мысль, созерцающую этот мир, к высшему архетипу, к Тому, Кого он собой выражает и обнаруживает. В византийском богословии этот прием назван «катафатическим» богословием: Бог познается через свои творения. И мысль, которая способна заметить и зафиксировать эту логику, становится основой подлинной философии. Такие духовные стихи, какие мы встречаем в «Голубиной книге», способен сложить только народ-философ.
Далее описывается происхождение человека.
«У нас ум-разум самого Христа,
Наши помыслы от облац небесныих,
У нас мир-народ от Адамия,
Кости крепкие от камени,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда наша от черна моря.
От того у нас в земле цари пошли:
От святой главы от Адамовой;
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяны православные:
От свята колена от Адамова».
Это емкое описание русского понимания человека и общества. Если Вселенная несет на себе отпечатки Бога, то человек несет на себе отпечатки Вселенной. Человек, будучи творением, находится с миром в родственных отношениях; у них общие стихии, общее вещество. И это не просто мертвая количественная материя (как у схоластов, а позже материалистов), это пластическая субстанция божественного художества, вложенная в осмысленные и упорядоченные формы. Родство человека с такой субстанцией не унижает его, а возвышает.
Цари русской земли мыслятся как наиболее совершенная и чистая часть творения, как «глава Адама». Власть выступает как печать гармонии божественного мира, как высший элемент священного космоса, устроенного Божественным Художником.
Далее «Голубиная книга» поясняет место русской земли и русского царя в общей картине священного мироздания.
«У нас Белый царь – над царями царь.
Почему ж Белый царь над царями царь?
И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пречистыя Богородицы, -
Потому Белый царь над царями царь.
Святая Русь-земля всем землям мати:
На ней строят церкви апостольские;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу, Царю Небесному,-
Потому свято-Русь-земля всем землям мати.»
Православная вера, воспринятая русским народом и русскими князьями, мыслится как промыслительное возвышение русской земли, которая становится поэтому «центром мира», «центром сакральной географии».

Нравственное учение выражено в следующих простых словах:
«Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилися,
Промежду собой бились-дрались,
Кривда Правду одолеть хочет.
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.
Кто не будет Кривдой жить,
Тот причаянный ко Господу.»
Добро (Правда) имеет божественное происхождение. Нравственное поведение, благочестие отражает мировую гармонию, отвечает за упорядоченность бытия, устанавливает в этом бытии вертикальное измерение. Зло (Кривда) расстраивает гармонию божественного мира, что отражается и на людях, и на обществе, и на природе. Показательно, что связь между Богом-человеком-природой прослеживается и в космогонии и в этике народной философии: нравственное падение это грех перед Богом, перед людьми и нарушение природного равновесия («земля восколебалася»).
«Голубиная книга», в известной нам редакции составлена достаточно поздно, скорее всего в Московский период, но ее содержание несет на себе отпечаток очень древних мотивов, которые можно вполне принять за сумму древне-русской философии, изложенной кратко и поэтически, но бездонной по смыслу и содержанию.
Святой Сергий Радонежский: философствовать чудесами. Ярчайшей фигурой русской истории является великий русский святой подвижник Сергий Радонежский (1322 – 1392), основатель Троицко-Сергиевской обители, бывшей долгие века духовным центром русского православия.
Сергий Радонежский был выдающимся последователем православной традиции исихазма.
Церковная традиция утверждает, что Сергий Радонежский достиг на этом исихастском пути предельных высот, и его духовные силы, его просветленность, его мудрость поражали последователей и современников, которые создали вокруг его отшельнической кельи, где он хотел укрыться от мира, целый город монахов-созерцателей, ищущих спасения, мудрости и преображающих энергий Фаворского света в своих сердцах – с этого началась история Троицко-Сергиевской Лавры.
Сергий Радонежский дал новый импульс возрождения монашеской традиции на Руси, несколько ослабшей после эпохи ордынских завоеваний. Он упорядочил монастырские уставы, превратил монашеское общежитие в сочетание сосредоточенной молитвенной практики с активной хозяйственной

деятельностью. Житие преподобного Сергия Радонежского было исполнено чудес. Его философия творилась чудесными явлениями. Остались свидетельства о посещении преподобного самой Пречистой Богородицей в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, о воскрешении им ребенка, о том, что на литургии ему прислуживал Ангел Небесный, видимый другими монахами, во время причастия в его чашу (потир) сходил небесный огонь. Многие события преподобный знал чудесным образом еще до того, как получал о них сообщение.

Огромное святой имел на политические процессы Руси – именно он сумел объединить русских князей под началом Дмитрия Донского перед Куликовской битвой и послал на нее двух своих послушников-монахов Пересвета и Ослябю. Преподобного Сергия принято называть «игуменом земли Русской».

Русская иконопись. Умозрения в красках. В Троицко-Сергиевской лавре начал свой путь величайший русский иконописец монах Андрей Рублев (около1370 — 1427). Философ Евгений Трубецкой (1863 - 1920) назвал иконопись «умозрением в красках». В творчестве Рублева сливаются воедино

- богословские мотивы, составляющие основу написанных им икон и фресок,
- следы практики исихастского созерцания,
- художественный гений, предающий произведениям пронзительную жизненность и глубину.

Здесь мы имеем дело с вершиной сакрального искусства. Творец произведения скромно помещен на второй план, его задача выразить как можно более точно фигуры духовных миров. Художник-иконописец не создает нечто новое, но пропускает своим духовным состоянием и мастерством небесные лучи в земной мир. Это придает его произведениям такую силу и убедительность, что не оставляет равнодушными даже тех, кому чужда богословская или догматическая нагрузка его работ. Это --пример того, как догматика и духовная онтология способны воздействовать на эстетическое восприятие художественными средствами. Для иконописца в Боге, Истинно и Благом, не менее важна Красота, которую он и стремится передать.

В русской иконописи, чьи каноны пришли из Византии -- учителем Андрея Рублева был Феофан Грек (1330/40-е гг. — после 1405) – проявился подлинно народный гений, способный облечь вселенскую истину православия, исихастское созерцание высшего света в формы и краски, отражающие особый колорит русской души. Постигая вселенскую истину, русские художники делали ее русской.

В творчестве Рублева до нас дошла во всей выразительности ткань исихастской традиции Древней Руси, созерцательная работа монашеского духа, погруженного в размышление о православных догматах. Так, в знаменитой Троице Рублева мельчайшие детали в позах Ангелов, символизирующих Три Лица Пресвятой Троицы, прообразованных в таинственных гостях ветхозаветного патриарха Авраама, в предметах, находящихся на столе, в орнаментах и деталях, повествуют о богословском созерцании, отражают обширные богословские системы, описание которых занимает целые тома святоотеческой литературы, но выраженные на иконе лаконично и убедительно.

Спор иосифлян и нестяжателей (св. Иосиф Волоцкий, св. Нил Сорский). Когда чаяния «игумена земли Русской» преподобного Сергия Радонежского о свободе русской земли от монголов воплотились в жизнь, и псковский старец Филофей сформулировал концепцию Москвы-Третьего Рима, русское общество вступило

в новую эпоху, где в центре философского внимания встали размышления о мировой судьбе России, как «последнего православного царства». Все предшествующие интуиции русских мыслителей собрались в фокус идеи «Третьего Рима». В течение всего московского периода именно она станет основой философской мысли и культурного творчества.
Параллельно с распространением идей Москвы-Третьего Рима, возникает полемика между сторонниками Иосифа Волоцкого (осифлянами) и преподобного Нила Сорского (1433-1508), названными «нестяжателями» или «заволжскими старцами». Она развернулась вокруг вопроса о владении монастырями вотчин и о занятии монахов хозяйственной деятельностью. За этими, казалось бы, техническими и экономическими вопросами, стояло два взгляда на основные философские вопроса того времени.
Нил Сорский побывал на Афоне и заново впитал там исихастские традиции – умного делания, творения молитвы Исусовой и т.д. Вернувшись на Русь, он основал на реке Сора в Вологодской земле монашеское общежитие (скит), которое вскоре стало местом притяжения для многих иноков. Нил Сорский учил о главных ступенях «умного делания». Первая ступень - отречение от мира, в частности, всяких мирских развлечений; вторая - непрестанная молитва, сопровождаемая памятью о смерти; третья – неустанный труд. При жизни преподобный пользовался большим уважением современных ему русских иерархов, политических властей, участвовал на соборах 1490 и 1503 годов.
Вместе с тем, преподобный по-видимому перенял мировоззрение греков того периода, которые рассматривали окружающее социальное бытие (политически это был уже век османского господства) как «безблагодатное», в котором осталась только одна перспектива – «личного спасения» и одинокого монашеского пути.
Под впечатлением Афонской монашеской республики преподобный Нил Сорский обрушился на привычный для Руси уклад, когда монастыри становились активными участниками хозяйственной жизни – производили товары, владели крестьянами, занимались поставкой продуктов в города, развивали ремесленничество и т.д. Нил Сорский считал, что все это отвлекает от созерцания. Но вместе с тем, такой подход подразумевал перенесение на Русь греческих условий, где общество и хозяйство «за стенами монастыря» принадлежали иноверческой, десакрализованной жизни. Индивидуальная личность, уходящая от мира и общества – вот, что «нестяжатели» утверждали в качестве ценности. Преподобный Сергий Радонежский тоже был исихастом, искал уединения и изменял монашеский устав по византийскому образцу.. Но и сам он, и позже «глава исихастов» на Афоне св.Григорий Палама не только не брезговали участием в общественно-политических процессах, но и были в них активными, отстаивая патриотические ценности, независимость православной державы и торжество традиции. Это было возможным потому, что и Русь и Византия эпохи св. Григория Паламы были «православными царствами», т.е. законным полем действия мировой истории. Византия после захвата турками Константинополя (1456) перестала быть православным царством. А Московское великое княжество – нет.
Иосиф Волоцкий, основатель и игумен Иософи-Волоколамского монастыря, жестко отвечал «нестяжателям» с позиции Святой Руси, московской философии. Занятие монахами хозяйством в условиях «святости» общества и государства носило «спасительный», религиозный характер. Иосиф Волоцкий

говорил также о том, что в процессе хозяйства монахи обучают крестьян, трудящихся в монастырских угодьях, высшим нравственным идеалам, заботятся о них, помогают бедным и немощным, относятся ко всем по-христиански и делают их труд более свободным, духовным и осмысленным. «Нестяжатели» понимают общество, мир как то, от чего следует дистанцироваться. Это общая черта монашеской философии. Но в рамках духовного бытия православного царства эта дистанция должна быть такой, чтобы связь между духовным (монастырским) центром и миром не прерывалась, и напротив, была живой и интенсивной. Тогда монастырь передает плоды духовного делания избранной братии всему остальному народу, и бегство от мира есть, в свою очередь, спасение мира от его греховной стороны. Тогда вся Россия превращается в монастырь, сплошной духовной центр. В XIX веке Н.Гоголь скажет «монастырь ваш -- Россия». Показательно, что и Иосиф Волоцкий и Нил Сорский причислены Русской православной церковью к лику святых. Но чин святости Иосифа Волоцкого выше, он святой общероссийский, а Нил Сорский -- местночтимый. Церковь воздала должное личному духовному совершенству подвижника Нила Сорского, но всенародная правота в духовном смысле осталась за Иосифом Волоцким.
Спор осифлян и нестяжателей был философским спором о качестве онтологии русского общества Московской Руси. Иосиф Волоцкий настаивал на том, что эта онтология благодатна. Нил Сорский косвенно ставил это под сомнение. Божественный царь. Показательно, что в сочинении «Просветитель» Иосиф Волоцкий формулирует особое учение о святости царской власти, где царь наделяется почти божественным превосходством. Но в то же время, как это ни парадоксально, он допускает возможность цареубийства и оправдывает его в том случае, если царь отступит хоть на шаг от основ православной веры. В этом проявляется вся суть свято-русской философии: царь священен и божественен не сам по себе, как индивидуальность, но как функция, как «внешний епископ церкви», как «удерживающий». Сочетание такого превозношения царя с угрозой его легитимного убийства в случае отступления от веры прекрасно иллюстрирует смысл отношения к Третьему Риму со стороны тех, кто заложил идейные основы этого миропонимания.

Философ Грозный. Согласно теории Москвы Третьего Рима, мировая история в XV веке перемещается в Россию, и эта идея ярче всего выражается в трагической и зловещей фигуре Ивана Грозного, воплотившего в своем правлении все парадоксы, высоты и бездны этого напряжения. Грозного вполне можно назвать царем-философом. Его высказывания, вопросы к «Стоглавому собору» (в духе византийских императоров), его переписка с князем Курбским (1888-1937), сочиненные им стихеры и канон «Ангелу Смерти» (под псевдонимом «Парфения Уродивого»), его реформы и даже его преступления - все это элементы глубокой религиозной мысли, в которой историческое, нравственное, разумное и эстетическое начала сталкиваются со стихией чистого бытия, как бытия народа.
Иван Грозный помещен в центр сакральной онтологии Московской Руси, окруженной врагами и иноверцами, которые постоянно угрожают политической независимости и религиозной идентичности русских. Грозный всю свою жизнь проводит в войнах, а проповедники разных вер – католичества и лютеранства - не оставляют попыток убедить его отказаться от православия. При этом Иван

Грозный является тонкой и нервной личностью, чутко относящейся к мнению своего окружения, болезненно пережившей интриги и унижения со стороны бояр в раннем детстве. Абсолютное сакральное и догматическое достоинство царской власти как «катехона», удерживающего, самовластное управление огромной страной, осознающей себя последней преградой на пути прихода в мир антихриста, накладываются на человеческие психологические качества – подозрительность, нервозность, недоверие, сомнение, нерешительность. Оказалось, что сакральное православное миросозерцание – со своей совершенной церковной онтологией, гносеологией и антропологией – держится на одной человеческой личности, испытавшей с детства столько психологических надломов и потрясений. В судьбе Ивана Грозного индивидуальное начало трагически борется с сакральной функцией, иногда отождествляясь с ней, а иногда расходясь.

Это философское раздвоение на конкретного человека и носителя торжественной и напряженной вселенской миссии, перешедшей на Россию от Византии, проявляется в постоянном раздвоении. Грозный создает вторую столицу – Александровскую слободу. Позже сажает без всякой политической или практической нужды на Московский престол второго царя полностью послушного ему касимовского татарина Симеона Бекбулатовича (?-1616), поставленного над земством, тогда как Грозному формально остается власть над опричными землями. Комиссарская диктатура опричнины дублирует Думу и двор. Сознание Грозного мечется между двумя идентичностями – священной и секулярной, общей свято-русской и частной, личностной. Эта философская проблема во многом определяет характер его правления, его исторического стиля.

Вне всякого сомнения Московская Русь достигает в тот период своего духовного и религиозного расцвета. Но в то же время уже заметны первые признаки грядущего раскола и десакрализации.

Десакрализация в русском церковном искусстве XVII века. Процесс перехода от культуры традиционного общества к культуре общества современного легко проследить на примере церковного искусства XVII века. В этот период на Руси происходят три фундаментальных явления – в области филологии, изобразительного искусства и музыки.

В филологии разворачивается процесс «книжной справы», вызванной во многом развитием книгопечатания. Ранее священные книги на Руси переписывались от руки, что приводило в некоторых случаях к незначительным погрешностям, которые, в свою очередь, позднее копировались следующими переписчиками. При этом в некоторых разделах богослужебной литературы различные языковые пласты накладывались друг на друга. Все усугублялось тем, что Святое Писание и основные церковные тексты переписывались на изначальном церковно-славянском, а многие Жития, «Четьи Минеи», поучения и поздние переводы были сделаны на древне-русском, который кроме всего прочего постоянно развивался.

Книгопечатание ставило перед Русской Церковью задачу фиксации филологического канона. Этим вопросом и озаботился кружок боголюбцев, созданный вокруг юного царя Алексея Михайловича его духовником Стефаном Вонифатьевым (?-1656), куда входил отец Иван Неронов (1591-1670), будущий патриарх Никон и будущий вождь старообрядцев протопоп Аввакум. Задачей кружка первоначально была обширная реформа церковного устроительства, расшатанного Смутным временем и возврат к идеалам «Святой Руси». Но

после возведения на патриарший престол Никона оказалось, что разные члены этого кружка понимают этот возврат по-разному. Камнем преткновения стала затеянная Никоном «книжная справа». Никон понимал унификацию печатного канона как путь к расширению влияния Москвы. Он видел Московскую Русь «новой Византией», империей, освобождающей православные народы от ига католиков (на Западе) и мусульман (на Востоке). И вопрос унификации церковных текстов и обрядов был для него прагматическим средством. Он принял волевое решение выправить древне-русские тексты по греческим оригиналам, а так как греческого в то время на Руси почти никто не знал, для этой цели были выписаны иностранцы (Арсений Грек (? - после 1666), иезуитский агент Паисий Лигарид (1610-1678) и т.д.). Кроме того, было принято решение взять в качестве образца малороссийский извод церковно-славянского языка на основе текстов Киевско-Могилянской академии, где, кроме всего прочего, было к тому времени широко распространено католическое и униатское богословское влияние. Для Никона было важно не столько русское прошлое, сколько русское будущее, и он видел в «справе» инструмент расширения русского господства, а не выяснение того, какой извод и какой обряд является более древним и правильным. Он самолично издает приказ о внесении филологических изменений в русские тексты, включая «Символ Веры», а также отменяя старо-московские формы некоторых падежей и другие детали.

С этим филологическим подходом категорически не согласились другие боголюбцы – о.Иван Неронов, и особенно протопоп Аввакум. Они также были сторонниками фиксации единого канона, но считали, в отличие от Никона, образцом именно древне-московский извод и тот церковный обряд, которые утвердился в Московской Руси. Они следовали в этом такой логике: Москва осталась единственным независимым православным царством именно потому, что не пошла за греками в унию и сохранила верность старине. Этой русской церковной старины и надо держаться впредь, соблюдая именно старо-московский извод – зафиксированной в Острожской Библии. Незначительные отличия от греческих и западно-русских форм в текстах и обрядах – в частности, двуперстие, упоминание в «Символе Веры» «Духа Истинного» и многое другое – было для противников справы не следом «русской провинциальности», но выражением избранничества. Так в филологической проблеме отразились глубочайшие философские основы русского мировоззрения.

Победа партии Никона и анафема староверам означали не просто внутрицерковный раскол, но и десакрализацию русского мировоззрения, победу взгляда на Русь и русское общество извне, а не изнутри. Это был знаком раскола русской идентичности. И все события, которые последовали за этим, полностью подтверждали глубину и необратимость произошедшей трагедии. В реформах Никона произошла десакрализация церковной культуры, что приведет позже к рационалистической цензуре новообрядцами «Житий святых» по польским образцам с минимализацией описаний чудес и иных никак не вписывающихся в нормативы современной культуры и науки сюжетов. Параллельно этому развиваются аналогичные процессы в иконописи. Появляются первые примеры «фряжского письма», как называли в XVII веке иконы, где от византийского плоскостного канона переходили к перспективе, реализму и натурализму (под влиянием немецких – «фряжских» -- живописцев). Традиционная русско-византийская иконопись была отражением вечных

небесных реальностей. И даже тогда, когда сюжет относился к историческим событиям, они изображались в эстетике небесной вечности, помещаясь в абсолютный контекст надмирного светового созерцания. История была выражением вечного, поэтому фигуры не отбрасывали тени, имели подчеркнуто символическую структуру. Отсюда нереалистическое соотношение масштаба различных персонажей, и многое другое.
«Фряжское письмо», напротив, небесные реальности описывало с земным натурализмом – объемно и с тенями изображались даже Лица Пресвятой Троицы. Здесь вечное становилось историческим и земным. По сути, происходил разрыв с Ареопагитской эстетикой световых иерархий и переход к копированию «возрожденческого гуманизма» и более позднего классицизма. В лице Симона Ушакова (1626-1686), царского изографа, теоретика искусства, одного из главных живописцев Оружейной палаты десакрализация находит яркое практическое и теоретическое воплощение. Ушаков развил одним из первых «парсунную» (искаженное от «персона») живопись, представляющую собой зародыш европейского портретизма.
Аналогичные процессы протекали в церковном пении. Древнее русское пение было одноголосным, унисонным. Нотной записью служили «крюки», «знамена». В музыкальном духовном искусстве это точно соответствовало отсутствию перспективы в иконописи, придавало пению духовно-символический характер, свободный от передачи личностных состояний. Такими же обрядово монотонными и строго фиксированными были погласицы в церковном чтении, не допускавшие импровизаций и эмоционально и индивидуально окрашенных интонаций. В XVII веке в русское церковное пение из итальянской культуры проникают элементы многоголосья, «партесного» пения.
После Никоновских реформ все эти тенденции окончательно воплощаются в культуре новообрядчества:
- признан малороссийский текстовый канон, поспешно выправленный поверхностными заезжими греками, спешившими угодить царю и патриарху и мало заботившимися о богословских, философских и филологических тонкостях,
- пение в храмах становится преимущественно многоголосным («партес»),
- в иконописи активно распространяется перспектива и натурализм, которым больше никто не ставит преград.

Философия старообрядчества: в поисках Беловодья. Конец «московской» философии происходит в период церковного раскола. Святая Русь – как мифологическая, так и осифлянская – уходит вместе со староверами в бега, в народ, на периферию общества. Староверы считают, что вместе с никоновскими реформами с Россией произошло то же самое, что случилось ранее с иудеями, не принявшими Христа, с отпавшим от Византии католическим Римом, а позже с самой Византией, пошедшей на Унию и поплатившейся за это турецким завоеванием. Для философии староверов, Руси как сосредоточия мировой истории, как «острова спасения» более не стало. Это было не столько ожиданием конца света, сколько переживанием этого конца. Конец наступил, и бытие светской России утратило для «ревнителей древлего благочестия» всякий смысл.
В расколе мы видим в новом издании обе линии русской мысли прежнего периода. К «нестяжателям» восходит традиция старообрядцев-беспоповцев (особенно нетовцев – «Спасово согласие»). Промежуточным элементом тут служат «лесные старцы», в частности, некий Капитон, который принадлежал

нестяжательской традиции Нила Сорского и уже с начала-середины XVII века считал, что «все потеряно», и что человеку для спасения остается только тотальное бегство от греха, покорившего мир. Крайние беспоповцы-нетовцы после раскола решили, что благодать иссякла в «никониянской» церкви, а во всех остальных церквях – греческой и латинской – она иссякла уже давным-давно. Нетовцы учили, что «церковь на небо ушла», и в мире остался только антихрист.
Совершенно другое видение было у староверов-поповцев, и, скорее всего, у самого протопопа Аввакума. Они были прямыми наследниками «осифлян» и не мыслили Руси без святости. Русь для них могла быть только святой или никакой. Они не представляли жизни без Руси, так как это было все равно, что «жить без истории», «без бытия». Поэтому они до конца старались убедить царя Алексея Михайловича в своей правоте, а позже отчаянно искали «тайную страну», где должна была сохраниться подлинная иерархия. До последней возможности они взыскали Святой Руси – доходя до вод озера Светлояра, далеких уголков Урала, Сибири, Алтая в поисках тайной страны, «Боловодья» и до Тихоокеанского побережья в поисках «Опоньского царства». Святая Русь для них переместилась в параллельный мир, но не исчезла совсем.
Культура старообрядчества. В церковной культуре старообрядцев помимо древне-русской философии сохранились все основные элементы старой церковной культуры, застыла эпоха, когда искусство было сакральным. Это проявилось в том, что староверы

- сохранили старый книжный извод, до сих пор используемый ими в богослужебной и молитвенной практике,
- продолжали практиковать старо-русские обряды,
- признают только старописанные иконы, где преобладает византийский канон, отсутствуют натурализм и перспектива,
- практикуют знаменный (унисонный) распев,
- соблюдают – по крайней мере, в церковной практике – соответствие древне-русскому покрою одежды (кафтаны, подпоясанные рубахи на выпуск у мужчин, сарафаны и платки (с подвойником для замужних) у женщин).

Культура и быт современных старообрядцев дает нам представление о том, какой были культура, искусство и эстетика Руси в эпоху традиционного общества.
Секуляризация российской культуры при Петре. Светская культура в России начинает бурно и открыто развиваться с эпохи Петра Великого. Основным импульсом в этом процессе было заимствование западных культурных ценностей. Ради модернизации государства и общества Петр и его последователи запустили конфликтный механизм внедрения чуждой культуры. Элита стремилась заимствовать западные ценностные системы в том виде, в каком они существовали в европейских странах в ту эпоху. Народные массы оставались приверженцами культурных систем прежних эпох, крайне неохотно принимая новые обычаи и расставаясь с привычками старины. Секуляризация российской культуры шла по большей части в дворянских аристократических кругах. Но и там европейские культурные ценности прививались не сразу и нелегко. Петр вводил их насильственно, жестко ломая обычаи старины: вводя европейский покрой платья, бритье бород, моду на кофе, западный стиль поведения и времяпровождения – балы, парады, театральные представления и т.д.
Образцы российского искусства XVIII века носят подражательный характер,

равно как и философские и научные исследования. Даже христианская культура этого периода ориентируется на зарубежные образцы. В живописи выделяются такие мастера как Андрей Матвеев (1701-1739) и Иван Никитин (ок. 1690-1742), учившиеся живописи один в Голландии, другой в Италии, основатели светской живописи. Позже появляется целая плеяда придворных портретистов: Алексея Антропова (1716-1795), Федора Рокотова (1735-1822), Дмитрия Левицкого (1735-1822) Василия Боровиковского (1757-1825) и др. С точки зрения стиля, все это жалкое подражание европейским образцам.
В первой четверти XVIII века основной философский и богословский спор ведется между сторонником протестантизма Феофаном Прокоповичем (1681 – 1736) и сторонником католицизма Стефаном Яворским (1658-1722), хотя и тот, и другой номинально являются «православными».
Западная наука в Петровской России. В светской России Петровской эпохи философское внимание обращено исключительно к Западу. Мыслить для знати становится эквивалентом мыслить как европейцы. Петр и продолжатели его дела стремятся включить Россию в общее поле европейского мышления и закупают европейских ученых для переноса знаний на русскую почву. С последовательным радикализмом уже со второй половины царствования царя Алексея Михайловича начинается планомерная работа по демонтажу той философии, которая вдохновляла русских людей на протяжении всех предшествующих веков. Цари с вдохновением строят «новую Россию» практически на пустом месте, приравняв все прежнее – к «отсталости», «невежеству» и «косности» народа, живущего в изоляции и отсеченного от «цивилизации» трагедией монгольских завоеваний и внутренними усобицами. Наверстывая упущенное, царственные реформаторы пытаются привить России европейское мышление. Более всего это удается в области науки. Наука представляется тогда чем-то объективным, практичным и наглядным. Ее философские основания для русских конца XVII -- первой половины XVIII веков не представляют большого интереса. На первый план выходят технические достижения и рационалистический подход, которые ей сопутствуют. Историческую науку в России основывают специально выписанные для этой цели немцы. Европейские ученые – немцы, французы, англичане, голландцы и другие – стоят у истоков и других научных направлений. В Санкт-Петербургской Академии и Московском Университете преподавание ведется на латыни, поначалу количество завезенных преподавателей такое же, как количество студентов, и многие из студентов спешат при первой возможности покинуть учебу, если представляется возможность поступить на государеву службу (что более привычно, понятно и доходно).
В XVIII веке официальная Россия живет в условиях культурного, философского и эстетического западничества, причем столь интенсивного, что и не снилось «западникам» XIX века, которые были фундаментально затронуты – хотели они этого или нет – самобытным народным духом, снова проявившемся с конца XVIII столетия.
Начало российской философии: Григорий Сковорода. Первым русским философом в европейском смысле принято считать Григория Сковороду (1722-1784). Он пытается выстроить систематическую философию, придав ей законченный вид. Содержание этой философии при этом не несет в себе никаких новых для русской мысли идей. Новое в ней – систематизация, резкое повышение рассудочного начала при выражении традиционных для русского культурного кода философских ценностей.

Сковорода ведет жизнь «странствующего учителя», отстраняется от занятий конкретными профессиями. На его могиле по его завещанию помещена надпись «мир ловил его, но не поймал». Философия Сковороды основывается на сопоставлении духовного мира и мира материального. Чаще всего эти две реальности радикально расходятся друг с другом: «все надо делить надвое», учит Сковорода. Постижение внутреннего мира «я», означает постижение Бога (типичная формула мистического познания, где объект сливается с субъектом). При этом Сковорода явно знает и о «катафатическом» богословии, постигающем Творца через рассмотрение его творений: ««Если хочешь что-либо узнать в истине, усмотри сначала во плоти, т.е. в наружности, и увидишь в ней следы Божии, обличающие безвестную и тайную премудрость», пишет он. Сковорода пытается систематизировать основные философские направления русского богословия, но законченной теории не создает. В своей философии он активно опирается на интеллектуальные традиции западной католической мысли -- сказываются его учеба в Киево-Могилянской академии, где сильны были схоластические тенденции, путешествия по Европе, изучение европейских языков. В этом сочетании европейских философских методов с оригинальным русским содержанием философствования проявляется типичная черта, которая станет нормой в русской философии XIX века. Показательно, что Сковорода выходец из простого народа. Его ученость не способна освободить его от народного духа. Это существенно отличает его от официальной санкт-петербургской науки того времени: она не знает ничего, кроме «мира» (от которого бежит Сковорода), да и сам этот русский мир воспринимает глазами заезжих «западных путешественников».
Русское масонство и его парадоксы. Копируя Запад, русская знать XVIII века увлекается масонством, в котором мифологические системы Средневековья переплетаются с авангардными для того времени атеистическими теориями. Крупными русскими масонами были И.Елагин (1725-1794), И.Лопухин (1756-1816), Н.Новиков (1744-1818), И.Шварц (1751- 1784) и другие. Они оказали большое влияние на философию русской знати. Их стараниями были переведены и изданы труды многих европейских мыслителей. Вначале благоволившая масонству Екатерина II была напугана Французской революцией, и подвергла русских масонов репрессиям, закрыв масонские ложи и заточив Новикова, самого активного из них, в Шлиссельбуржскую крепость. Именно русские масоны впервые в XVIII веке начинают глубоко осмыслять культурные ценности Западной Европы, не просто слепо копируя их, но стремясь в них разобраться. Изучая и переводя европейскую философию, они сталкиваются с интересной закономерностью, отличающей масонство как явление. С одной стороны, эта европейская философия движется по пути Просвещения, демократизации и новаторства, в сторону социальной модернизации и развития позитивной науки в ее современном понимании. С другой стороны, Запад дает мощную плеяду мыслителей, которые глубоко исследуют религиозную проблематику, погружены в мистические идеи и созерцания, живо интересуются Средневековьем, тайными знаниями и архаичными мифами (романтизм). В масонстве странным образом сочетается и то, и другое: и прогресс (вплоть до революционных идей «свободы, равенства и братства»), и романтический консерватизм (вплоть до розенкрейцеровских мистерий, интереса к алхимии, мистическим опытам и тайным учениям глубокой древности). Так через масонство в русской знати впервые пробуждается подлинный интерес и к теориям прогресса и модернизации

(Р.Тюрго (1727-1781), Вольтер и т.д.), и к консервативным мистическим учениям (Я.Беме (1575-1624), И.Гихтель (1638-1710) и т.д.).
Благодаря масонам русские впервые начинают понимать Запад и философию Запада, учатся различать в ней разные направления, делают первые попытки не просто копировать европейские образцы, но применить их к русской почве. Если первые масонские ложи, появившиеся в России при Петре, в основном подражательны, либеральны и ориентированы на идеи прогресса, то розенкрейцеровское масонство И.Шварца уже явно тяготеет к консерватизму и по духу близко немецкому романтизму.
В XIX веке при Павле и Александре I вплоть до Николая I, окончательно закрывшего русские масонские ложи, русское масонство делится на либеральную и традиционно-консервативную составляющие, преследующие совершенно различные цели и имеющие разные представления о философском и историческом пути России, хотя сплошь и рядом они формально принадлежат к одним и тем же ложам и кружкам.

Возрождение старчества в XVIII веке. Оптина пустынь. В конце XVIII века заново пробуждается интерес в русском обществе к православию, но не в его «католическом» или «протестантском» обличии (как было в начале-середине XVIII века), а в традиционных для русской культуры формах. В конце XVIII века в России поднимается четвертая(1) волна увлечения исихазмом и мистической монашеской традицией «умного делания», связанная с именем православного подвижника Паисия Величковского (1722-1794).
Старец Паисий возрождает в России это направление созерцательно-аскетической практики, переводит с греческого на русский язык «Добротолюбие», обширный сборник высказываний великих подвижников и святых отцов об этапах монашеского делания. В канон «Добротолюбия» входят многие тексты святого Гигория Паламы, в том числе и философские.
Паисий Величковский 17 лет провел на Афоне, и оттуда принес в Молдавию, в Драгомирский монастырь, исихастскую практику. Это было важнейшим течением в возрождении собственно православного самосознания, причем в его наиболее глубоком созерцательном философском измерении.
Труды старца Паисия в большой мере повлияли на все русское монашество, которое, начиная с конца XVIII века, переживает расцвет, приведший в начале XIX века к такому явлению, как Оптина пустынь - древний монастырь, основанный еще в XV веке, но с 1821, после основания в нем исихастского скита, ставший центром духовного христианства.
Традиция исихазма получила название «старчества». Помимо обычной церковной иерархии и монашеского чина, старчество возрождало традиции особого почитания тех монахов и аскетов, которые достигли на пути духовного развития особенных личных успехов и обрели огромные познания в мире духа и «географии» души. «Старцы» наделены особым проникновенным даром понимания психологических тонкостей и закономерностей человеческого мышления, а подчас и мистической интуицией. Некоторым из них было дано предвидеть будущее, совершать чудеса, исцелять болезни, укрощать кротостью диких зверей.
Религиозно-философское содержание исихазма привлекло в Оптину пустынь гениев русской культуры XIX века – Гоголя, Достоевского, Толстого. Так, древнее православно-философское созерцательное начало снова возвращалось в русскую культуру, откуда оно, казалось бы, безвозвратно

исчезло.
Серафим Саровский. Другим центром старчества наряду с Оптиной пустынью становится Саровский монастырь, где проводил свое житие ярчайший подвижник русской церкви святой Серафим Саровский (1759 - 1833). Получив посвящение в исихастскую традицию от старца Досифея, подвизавшегося в Китаевской пустыни недалеко от Киева, Серафим начал аскетический путь, включавший изучение «Добротолюбия», постоянное творение молитвы Исусовой, столпничество, затворничество и т.д. Он сподобился чудесных видений Богородицы и самого Господа Исуса Христа, был рукоположен в дьяконы и священники. В 1825 Серафим Саровский стал принимать людей, которые обращались к нему за советом, утешением и наставлением. Так он вступил на стезю старчества.
Философские взгляды Серафима Саровского отражают основные моменты исиахатстского мистического богословия. Главной задачей он считает «стяжание Духа Святаго». Старец Серафим объяснял своему ученику помещику Н.А. Мотовилову (1809-1879) условия этого стяжания: трезвение души и духа, чистота плоти, пост, молитва, добрые дела. Он учил, что Бог близок каждому, и лишь по всеобщей хладности к вере люди утеряли способность видеть Бога и распознавать истинные явления Святого Духа. По свидетельству Мотовилова, однажды он показал ему, что значит пребывать в полноте Духа: по молитве старца Мотовилов телесными глазами узрел происходящее с ним самим и Серафимом чудо преображения — оба они оказались в сиянии Фаворского света.
Синодальное православие. Филарет Московский. Ярким мыслителем официального православия в XIX веке был митрополит Московский Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1783–1867). С начала XIX столетия митрополит Филарет трудился над тем, чтобы придать православию характер живой и понятной веры при сохранении в неприкосновенности его догматов. Он принимал активное участие в работе Библейского общества, сам перевел с церковно-славянского языка некоторые части «Нового Завета».
Мысль митрополита Филарета была направлена на то, чтобы соотнести основы православной религии с современными ему общественно-политическими идеями и литературными веяниями. Так, митрополит полемизировал с А.С.Пушкиным, причем в стихотворной форме, давая православное толкование жизни в ответ на пушкинские строки «Дар напрасный, дар случайный» (1828).
В лице митрополита Филарета православная традиция в России переходит в интеллектуальное наступление после столетнего существования в качестве либо обрядовой традиции, либо формального прикрытия для подражательного католического или протестантского богословия. Митрополит Филарет занимается обширной катехизаторской деятельностью, систематизируя вероучительные вопросы православия применительно к типичным запросам светской европейски ориентированной культуры знати. Митрополит Филарет напоминает о богословской составляющей православной традиции, которой в XVIII веке почти никакого внимания не уделялось.
Влияние народных традиций на светскую культуру во второй половине XVIII века. Секуляризация российской культуры проходила в правящем классе, но ротация элит, проходившая по разным сценариям в зависимости от конкретного правления того или иного монарха, пополняла этот класс людьми из простонародья, что привносило в культуру элиты определенное народное своеобразие.

Под влиянием западных культурных веяний уже с середины XVIII века российская научная элита начинает интересоваться русской историей, бытом народа, духовными течениями. Это направление особенно усиливается к концу XVIII и началу XIX веков, когда в Европе параллельно развиваются романтизм и демократические тенденции. Подражая Европе, которая увлекается своей стариной и народным бытом, российская знать начинает интересоваться российской историей и обычаями русского народа. Это выливается в славянофильское движение, которое черпает из архаической культуры вдохновение для своих философских построений. Так две культуры, – простонародная (традиционная, религиозная, автохтонная) и аристократическая (светская, европейская, импортная), -- разошедшиеся между собой с конца XVII, снова ищут точек соприкосновения, вступают в диалог.
«Золотой век» русской культуры. Пушкин и его миссия. Эта встреча двух культур – аристократической и народной – ярче всего проявляется в том периоде, который культурологи и историки искусств называют «золотым веком». Знаковой личностью этого периода является фигура гения русской культуры А.С.Пушкина.
Будучи аристократом по рождению, прекрасно образованным по всем европейским стандартам, Пушкин в своем поэтическом и литературном творчестве поднимает огромный пласт народной культуры, бывший до этого объектом лишь эпизодического интереса. Пушкин черпает вдохновение в архаических слоях народного творчества – в сказках, преданиях, легендах. Он интересуется сложными духовными и общественными процессами русской истории – расколом, сектантством, народными бунтами.
С одной стороны, Пушкин находится на пике современности – в его творчестве с неподражаемой выразительностью появляются столь изысканные и столь индивидуализированные герои и характеры, что ставит его в один ряд величайших европейских психологов того времени, открывающих многообразие человеческой личности. До Пушкина образы российской литературы были довольно схематичны и вымучены, индивидуальное начало трудно давалось россиянам, стремившимся подражать западному психологизму, так как влияние неиндивидуалистической культуры в обществе и в русском быту оставалось очень сильным. Пушкин же преодолевает эту трудность, создавая портреты живых русских людей во всем их индивидуальном своеобразии. С другой стороны, будучи в авангарде культуры модерна, Пушкин с энтузиазмом обнаруживает сокровища народного духа, к которому российская аристократия была глуха. Так в гении Пушкина происходит плодотворная встреча элиты с народом, двух культур и философий – отточено европейской и простонародной, архаической, глубинной. Творческий импульс, который возникает в этой встречи современности с вечностью в русском культурном контексте, оказывается настолько сильным и выражается Пушкиным с такой пронзительностью и ясностью, что его влияние распространяется на всю последующую русскую культуру и возводит его в ранг величайших гениев России.
Другие гении «золотого века» российской культуры все без исключения находятся в контексте этой встречи двух культур. И М.Ю.Лермонтов (1814 - 1841), и Н.В.Гоголь (1809 – 1852), и Ф.М.Достоевский (1821-1881), и Л.Н.Толстой (1828-1910), и А.П.Чехов (1860-1904), и славянофилы, и демократы, и народники весь XIX век живут в тени великого русского поэта, расшифровывают его послание, трактуют каждый на свой лад пушкинский

завет.
Диалог народа и аристократии вдохновляет и русскую живопись, и русскую литературу, и особенно русскую композиторскую традицию, которая переживает в XIX веке небывалый взлет, давший миру целую плеяду гениальных композиторов – М.И.Глинка (1804-1857), М. А. Балакирев (1836-1910), А.П.Бородин (1833-1887), Ц. А. Кюи (1835-1918), М.П.Мусоргский (1839-1881), Н.А.Римский-Корсаков (1844-1908), П.И.Чайковский (1840-1893), Ф.И.Стравинский (1843-1902) и многие другие.
В живописи народное начало дает о себе знать в работах Ореста Кипренского (1782-1836), Алексея Венецианова (1780-1847), Александра Иванова (1806-1858), и получает развитие в работах кружка «передвижников» -- И.Н.Крамского (1837-1887), Г.Г.Мясоедова (1834-1911), Н.Н.Ге (1831-1894), В.Г.Перова (1833-1882), а позже у Архипа Куинджи (1842-1910), Федора Васильева (1850-1873), Ивана Шишкина (1832-1898).
Русские композиторы и художники того периода озабочены поиском новой сакральности, которые они пытаются распознать в русском народе и русской природе. Они движимы ностальгией по «Святой Руси», намеки на которую они стараются извлечь из-под отчуждающей официальной культуры с ее застывшими бесчувственными западническими канонами (классицизм Брюллова (1799-1852)).
Первые славянофилы. Философия славянофилов представляет собой важнейший этап в систематизации русской мысли, в придании ей структурного выражения. У истоков славянофильского движения стоят - А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, К.С.Аксаков. Их мировоззрение сложилось под сильным влиянием немецкой философии – в первую очередь, Ф.Шеллинга (1775-1854). Для немецкой философии того времени были характерны следующие черты, воспринятые славянофилами:
- повышенный интерес к прошлому, к Средневековью,
- романтизация народного бытия,
- поиск единства немцев, разделенных разными государствами,
- религиозный мистицизм.

Хомяков и Киреевский применили эти начала к русской и славянской истории, заметив между немцами и славянами много общего. Основное различие состояло в том, что славянофилы интересовались русской традицией, русским Средневековьем, русским (шире, славянским народным бытом), православной верой и выдвинули тезис единства славянских народов, которым только еще предстоит сказать свое слово в истории.
Изначально славянофилы стремились заявить равные права с другими европейскими народами на участие в историческом и культурном процессе, протестуя лишь против занижения роли славян и отношения к России как к европейской державе «второго сорта». Доказывая «равноправие» славян, они пришли к очень важному выводу: то, что европейцам в русской (шире, славянской) истории кажется «отсталостью», есть проявление своеобразия и уникальности иной системы ценностей – в том числе и религиозных. И задача России не просто «догонять» Европу, а заставить ее считаться с русской культурой и традицией. А для этого надо эту культуру и традицию хорошо знать самим, любить и развивать.
Постепенно славянофилы пришли к убеждению, что Запад не просто не оценивает по заслугам Россию, но сам по себе стремительно теряет остатки былого величия, «гниет». Хомяков пишет в философской лирике в 1834 году:

«О, грустно, грустно мне. Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют догорая,
И звезды лучшие срываются с небес»,
В противоположность этому духовному упадку Запада, русский и славянский мир, напротив, поднимается и несет в себе новые возможности для человечества. Хомяков утверждает:
«Век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток.»
В этом призыве к пробуждению России как Востока состоит основная идея философии славянофилов.
Кириевский, со своей стороны, приходит к выводу, что западно-европейская культура и древне-русская культура вообще основаны на разных принципах: цельность характеризует русскую культуру, раздвоенность – западную; разумность (как обобщающая способность мышления) русских противостоит рассудочности (как расчленяющей аналитической способности мышления) европейцев. Следовательно, делает он вывод: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал».
Поздние славянофилы. Если первые славянофилы имели целью отстоять равноправие русской культуры или даже встать во главе «всемирного просвещения», то их последователи Ф.Достоевский, Ю.Самарин и особенно К.Леонтьев и Н.Данилевский вообще поставили под вопрос необходимость бороться за признание Европой славянских и русских ценностей, подвергнув европейскую культуру фундаментальной критике. Теперь уже проблема формулировалась не так, чтобы русским войти в союз европейских народов на равном (или даже главенствующем) основании, но чтобы сохранить свою самобытность перед лицом разлагающейся на глазах, лицемерной и утилитарной западной цивилизации.
Достоевский и Данилевский считали, что Россия должна идти своим собственным путем, принципиально отличным от пути Западной Европы, ограничивая взаимоотношения с ней, так как никакого положительного опыта оттуда получить не возможно. К.Леонтьев считал, что главной особенностью русской истории является ее византизм, т.е. следование в русле византийской православно-имперской традиции. Это резко отличает русскую историю от истории других славянских народов. Леонтьев подверг резкой критике первых славянофилов с их идеей «славянского культурного единства». Он утверждал, что «славяне есть, славизма нет», т.е. культурные и религиозные особенности у разных славянских этносов настолько сильны, что их нельзя отнести к общей культуре или цивилизации. Леонтьев считал, что русские идут особым путем по сравнению не только с народами Европы, но и по сравнению с остальными славянскими этносами, и видел в этом особое предназначение русских – в духе православно-византийского понимания истории. Леонтьев полагал, что некоторые народы Востока, – в частности, османские турки, -- ближе к русскому традиционному обществу (особенно на уровне простого народа) и считал ошибкой участие России в восточной политике на стороне западных держав. Леонтьев развивал учение о типах исторического развития – «первичная простота», «цветущая сложность», «всесмешение» («разлитие»). Он считал,

что Россия находится на заключительной фазе второго этапа, и ее надо «подморозить». Государство должно быть твердым «до суровости», а люди «лично добры друг к другу». В последние годы Леонтьев заговорил о желательности соединения монархии и социализма, однако, высказывал сомнения в том, что это смогут сделать Романовы.

Появление философии западников. Совершенно в другом направлении развивалась в XIX веке философия русских западников. Показательно, что в первой четверти этого столетия в эпоху Пушкина русская знать, активно включившаяся в философское осмысление путей России, сочетала оба эти элемента: славянофильский и западнический, и основатели обоих направлений вышли из одной и той же среды и до какого-то времени оставались друзьями. Западно-европейская культура была общей средой российской аристократии того периода, но более внимательное осмысление этой культуры, глубокое постижение ее смыслов и попытки применения ее методов и ценностей к российской действительности привели к формированию двух противоположных лагерей.

Славянофилы, вначале выделили в европейской культуре консервативный, мистико-религиозный и романтически-народнический элемент (характерный более всего для немецкой философии и немецкого романтизма), а затем сосредоточились на собственном культурном коде, на русском мировоззрении. А западники последовали за универсалистской, демократической и рационалистической линией западной культуры и философии, представленной более всего во французском и английском обществах, где тенденции модерна были более отчетливы и очевидны.

Западничество бурно развивается в 40-х годах XIX столетия. Классическим образцом западнического мышления могут служить «Философские письма» П.Я.Чаадаева (1794-1856). В них Чаадаев подвергает российскую действительность суровой критике, причем в основе его рассуждений лежит идея, что такое печальное положение России (отсталость, крепостничество, бескультурие, жестокость и безнравственность правящего класса, чинопочитание и т.д.) есть следствие ее отклонения от западно-европейского пути развития, ее аномалии. Официальные власти признали Чаадаева «сумасшедшим», но его взгляды заложили основы для систематического и идейно обоснованного отношения определенного направления русской мысли к самой России. Углубленное понимание западной культуры привело Чаадаева к заключению, что Россия в нее никак не вписывается, и Чаадаев осмыслил этот факт, как «приговор России».

Славянофилы, со своей стороны, вначале попытались доказать права славянского мира на самобытность, а затем пошли дальше, и сформулировали вывод, прямо противоположный Чаадаеву. – «Да, Россия не вписывается в западно-европейскую культуру, но тем хуже для западно-европейской культуры». При этом русским западникам, равно как и самому Чаадаеву, нельзя было отказать в чувстве патриотизма и любви к Отечеству. Речь шла о принципиальном философском выборе, который славянофилы и западники делали по-разному.

В западнической философии XIX века мы впервые в русской истории сталкиваемся с систематизацией и философским осмыслением тех начинаний, которые развернулись в России с Петра и даже раньше, со второго периода правления Алексея Михайловича и церковного раскола. Западничество в России существовало уже более столетия, но философия западничества

возникла как самостоятельное явление лишь в середине XIX столетия.
Деление западников на либералов и революционных демократов. Уже в самом начале – в 40-е годы XIX столетия -- философия западников разделилась на два направления – либеральное и революционно-демократическое. Философ Н.О.Лосский (1870-1965) писал о западниках: они «были убеждены, что Россия должна учиться у Запада и пройти тот же самый этап развития. Они хотели, чтобы Россия усвоила европейскую науку и плоды векового просвещения.» Это было общим и для либералов и для демократов, и это отличало и тех, и других от славянофилов. Далее начинались различия.
Либеральные западники - Т.Н.Грановский (1813-1855), П.В.Анненков (1812-1887), К.Д.Кавелин (1818-1885) -- считали главной задачей постепенную либерализацию царской России в буржуазном ключе. Западнические элементы романовской монархии, начиная с реформ Петра, они считали тем фундаментом, который мог бы способствовать модернизации российского общества без радикально демократических и революционных преобразований. С философской точки зрения, западники-либералы были, скорее, «деистами». Они видели Россию как отставшую европейскую державу, которая – при определенных усилиях – могла бы догнать западных соседей и встать с ними в единый строй на основе общей гуманистически-христианской культуры. Для западников реформы должны были проходить сверху, путем постепенной конституционализации монархического строя.
Им противостояли революционные демократы – А.И.Герцен, Н.П. Огарев, М.А.Бакунин (1814-1876), В.Г.Белинский (1811– 1848). С их точки зрения, самодержавие не подлежит реформированию, и путь модернизации России лежит в демократической революции, когда народ поднимется на восстание, свергнет «феодальную» власть господ и установит народную власть (народный социализм). Исключение составлял Бакунин, резко негативно относившийся к Европе (с ним активно полемизировал Маркс) и даже допускавший возможность «русского бунта» под руководством царя против «бар». Причину отставания России от Европы революционные демократы видели в самодержавии и «средневековом» политическом строе, к свержению которого они призывали. По своим религиозным взглядам эти революционеры-западники были в большинстве убежденные атеисты и материалисты, а их научные взгляды были прямым копированием позитивистской теории.
Своеобразный «патриотизм» русских западников. Отрицая самобытность русской истории (или рассматривая ее как недостаток и отсталость), русские философы-западники, тем не менее, искренне переживали за судьбу русского народа. И либералы, и революционные демократы разделяли со славянофилами глубокую озабоченность состоянием народных масс, желали установления более справедливого и гуманного правления, искали наилучшие пути развития российского государства. Все они понимали под «лучшим» нечто свое, и в этом состояла особенность их философской позиции, которая довольно системно была изложена в трудах представителей этих направлений, в их полемике и дискуссиях.
Споры славянофилов и западников, а также полемики внутри самих этих кружков составили на несколько десятилетий основу философского процесса в России. Вся философская проблематика – методология познания, обоснование науки, отношение к религии, этические и эстетические теории и т.д. – обсуждалась под углом зрения этих фундаментальных споров.
Философия народников. Еще более отчетливым, чем у первых западников,

патриотическое начало было у их последователей – народников. «Народниками» принято называть наследников традиции «революционных демократов», подхвативших их тезисы о необходимости культурной и политической мобилизации народных масс для организации революционных преобразований в российском обществе.

Развивая идеи позднего Герцена, пришедшего в конце жизни, к выводу о том, что существует «особенная русская народная психология, полная неотразимого обаяния и высоко оригинальная», народники (П.Л.Лавров, П.Н.Ткачев, Н.К.Михайловский и т.д.) в 70-е годы XIX века выдвинули тезис о необходимости «крестьянского социализма», минуя капиталистическую стадию развития.

Философия народничества, следуя в русле западничества и внимательно осмысляя европейскую мысль (особенно в ее революционно-демократических и социалистических направлениях), пришла к выводам, парадоксально сближающим их, скорее, со славянофилами, чем с классическими западниками-либералами. Как в свое время славянофилы поступили с немецким идеализмом, применив его к русскому народу и русской религиозной традиции, так народники обратились с европейским социалистическими теориями, впитав их освободительный нравственный пафос, стремление к справедливости, обращение к народу, идеалы братского общежития и архетип «героя-революционера», но вместе с тем приложив все это к русскому народу в его конкретной исторической особенности.

Народники пришли к выводу, что отличие положения русских крестьян от крестьян и рабочих европейских стран связано с особенностью экономического развития России, и эта особенность должна лечь, по их мнению, в основу новой политической философии. Из философии западного социализма народники брали как цель всех революционных преобразований нравственный и общественный идеал – свободного общинного труда. Но они радикально отвергали необходимость капиталистической фазы развития, которая была ценностью для русских либералов-западников и необходимым элементом социально-политического развития для марксистов. Западно-европейский капитализм, считали народники, есть особенность только западного общества. И будучи «злом» и «несправедливостью», капитализм должен быть отвергнут по моральным соображениям, наравне с «самодержавием».

Вместо этого философия народников обосновывает необходимость союза отдельных героических революционных личностей («активное меньшинство» по Ткачеву) с «крестьянскими общинами», которые призваны осознать свои собственные интересы и свергнуть власть эксплуататоров. «Активным меньшинством» народники считали русскую интеллигенцию, которая должна выполнить свою историческую миссию, встав на сторону народа. Это проявилось в «хождении в народ», когда многие представители русской интеллигенции отправлялись жить в деревнях и селах, способствуя просвещению крестьян, стараясь облегчить тяготы простонародной жизни.

Философия народничества позже легла в основу партии социалистов-революционеров (эсеров), а в идейном смысле подготовила русское общество к революционным преобразования XX века и не мало способствовала успеху большевистской революции.

Русская наука в XVIII-XIX в.в. Российская наука развивается, копируя западные образцы и применяя их к российским реалиям. Даже Михайло Ломоносов (1711-1765), выходец из простонародья, заложивший основы российской науки и явно

тяготившейся «немецким засильем», оставался в рамках подражательной традиции, не говоря уже об иностранцах, приглашаемых к русскому двору для развития науки, которые смотрели на Россию европейскими глазами и подчас до конца жизни так и не осваивали местного языка (преподавание в Университете в XVIII веке велось на латыни). На иностранных языках было принято говорить и среди русской знати, что стало нормой при дворе уже в XVIII веке, а в XIX веке аристократия обязана была говорить по-французски, русский же было знать не обязательно.
Наука в Россию была внедрена Петром как государственная институция. С момента образования первой Академии в 1725 году в Санкт-Петербурге и первого Московского Университета в 1755 году примером для развивающейся отечественной науки были западные, в первую очередь, немецкие научные учреждения. Кроме Москвы и Петербурга университетскими городами были Казань, Харьков, Киев, Дерпт, Одесса, Варшава, Томск. Инициируемая царскими указами и постановлениями внедрялась практика освоения западного научного опыта. Она происходила за счет приглашения иностранных специалистов для работы в Россию, покупки новейшей литературы по различным специальностям.
Основным философским методом в русской науке был позитивизм, основанный на материалистически-атеистических предпосылках, причем по цензурным соображениям эти предпосылки до поры до времени открыто не провозглашались. В качестве научного мировоззрения преобладает естественно-научный материализм и эволюционная философия, развиваемая отечественными учеными - К.Ф.Рулье (1814-1858), школой биологов-эволюционистов (Н.А.Северцов (1827-1885), Я.А.Борзенков (1825-1883)). Естествознание развивается в русле деятельности Российской Академии Наук, факультетов университетов (по уставу 1804 года - физико-математические факультеты, с 1834 года – естественные и физико-математические отделения) и при технических учебных заведениях. Создаются лаборатории (обсерватории, физические химические, ботанические сады), развиваются научные исследования.
Возникают научные общества: Московское общество испытателей природы (1805), Минералогическое общество (1817), Московское общество сельского хозяйства (1820), Русское географическое общество (1845). При Академии Наук организуются новые академические научные учреждения: Азиатский музей (1818), Египетский (1825), Зоологический (1832), Ботанический (1823) музеи, Пулковская обсерватория (1839).
В основных научных центрах – Москве и Петербурге -- формируются научные школы. Санкт-Петербургский университет и Академия наук: математика (П.Л.Чебышев (1821-1894), астрономия (В.Я.Струве (1793-1864)), физика электромагнетизма (Э.Х.Ленц (1833-1903), Б.С.Якоби (1801-1874)), химия (Г.И.Гесс (1802-1850)), А.А.Воскресенский (1809-1880)), эмбриология (Х.Пандер (1794-1865)), К.М.Бэр (1792-1876)), хирургия и анатомия (Н.И.Пирогов (1810-1881)).
Москва: аналитическая механика (Н.Д.Брашман (1796-1866)), астрономия (Ф.А.Бредихин (1831-1904)), геология (Г.Е.Щуровский (1803 - 1884)), климатология (М.Ф.Спасский (1809-1859)), терапия (М.Я.Мудров (1776-1831), физиология (В.А.Басов (1812-1879)), химия (Менделеев).
Казань – геометрия (Н.И.Лобачевский (1793-1856)), астрономия (М.А.Ковальский (1821-1884)), химия (Н.Н.Зинин (1812-1880)).

Бурно развиваются географические исследования: совершено около 40 кругосветных плаваний с участием астрономов, биологов, физиков и др. (И.Ф.Крузенштерн и Ю.Ю. Лисянский (1803-1806), Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П. Лазарев (1819-21) и др.). Открыта Антарктида (1820), острова в океанах, собраны материалы и коллекции по океанографии, этнографии, биологии. Исследуется Сибирь (А.Ф.Миддендорф, 1842-45), Дальний Восток (Г.И.Невельской, 1848-55), Арктика и Аляска, Алтай (П.А.Чихачев, 1842), Аральское и Каспийское моря. Созданы подробные карты Империи. Составлены геологические карты европейской части России.
В биологической науке вклад русских ученых был весьма значительным: имена Л.И.Мечников (1838-1888), И.П.Павлов (1849-1936), И.М.Сеченов (1829-1905), А.Н.Бекетов (1862 -1941), С.Г.Навашин (1857-1930), К.А.Тимирязев (1843-1920) и многие другие говорят сами за себя.
В истории русской науки бросается в глаза контраст между оригинальностью научной мысли и интуиций русских ученых и некритичным заимствованием западно-европейских научных принципов и методов. В конкретных научных областях русские ученые проявляют себя как оригинальные и подчас гениальные. В осмыслении философских посылок научного знания – они наивны и подражательны.

Философия Серебряного века. Софилогия и софиологи. «Золотой век» Пушкина подготовил следующий этап культурного развития России в конце XIX – начале XX столетий. Осмысление европейской культуры и ее ценностей в сравнении с вновь открытыми культурными началами русского народа перешло в философскую стадию и вызвало появление «русской религиозной философии». Это принято называть «серебряным веком». Интуиции гениев «золотого века» подвергаются систематизации, превращаются в самостоятельное культурное явление, где европейские черты ищут непротиворечивого и гармоничного сочетания с русским православным народным началом.
Знакомство с западной философской мыслью состоялось. Около столетия на тот момент русские мыслители думали о путях развития России и о судьбе русского народа. Теперь предпринимаются первые попытки оформить результат этих философских процессов в виде философской системы. Некоторые исследователи русской философии начинают ее историю с конца XIX века, называя философа В.С.Соловьева (1853-1900) – первым русским философом. Это, безусловно, натяжка, но она обоснована тем, что Владимир Соловьев впервые попытался создать нечто, напоминающее философские системы европейских мыслителей. Его труды претендуют на то, чтобы быть не замечаниями, не отдельными рассуждениями, но чем-то цельным и законченным.
В центре творчества Владимира Соловьева -- идея о Софии. В Софии Соловьев, вслед за европейскими мистиками (Г. Сузо (1297 - 1366), Я.Беме и т.д.), видит философско-религиозный образ «женской фигуры» («божественной мудрости», «Премудрости Господней»), который стоит между самим Божеством (Троицей) и сотворенным миром. Учение о Софии было разработано у христианских гностиков, а его аналог наличествует в мистических теориях иудаизма, описывающих женский образ «Шекины», «божественного присутствия», «женской составляющей Божества» (в каббале). В самой «каббале» «Шекина» отождествляется с духом еврейского народа и составляет

его мистическую идентичность.
По Соловьеву, София есть одновременно интеллектуальное, духовное, нравственное и эстетическое измерение бытия, которое позволяет постигать мир, возводить его к Творцу, делает его осмысленным и живым. Эта тема Софии станет важнейшей путеводной нитью для всей философии и культуры «Серебряного века». Философы Е.Трубецкой (1863-1920), Дм. Мережковский (1866-1941), С.Булгаков (1871-1944), П.Флоренский (1882-1937) и другие выстроили свои философские теории вокруг этой идеи. Целая плеяда поэтов -- В.Брюсов (1873 - 1924), М.Волошин (1877-1932), З.Гиппиус (1869-1945), Д.Мережковский (1866 - 1941), А.Блок (1880-1921), Н.Гумилев (1886-1921), А.Ахматова (1889-1966), М.Цветаева (1892-1941), а также литераторы, художники, музыканты посвящали Софии и «софийному» началу циклы своих произведений.
Другим учением Соловьева была теория «всеединства». Это учение рассматривает диалектическое соотношение между философией строгого монотеизма, доведенного, по мнению Соловьев, до своего логического конца в исламской религии (Соловьев первым из русских философов посвящает основателю этой конфессии Мохаммеду целый философский труд), и восприятием мира как множественности, что, по Соловьеву, составляет особенность западной философии. Соловьев критикует крайности и того, и другого подхода, предлагая вместо этого теорию «всеединства», т.е. такого единства, которое не отменяло бы, но возвышало бы личностное своеобразие каждой вещи и каждого существа. Как София является опосредующим началом между далеким Богом и нижним миром, так и принцип всеединства призван свести воедино философскую интуицию Востока (единство) и аналитическую способность Запада (множественность). Соловьев полагает, что миссию осмысления идеи «всеединства» призваны взять на себя славяне и, еще точнее, русские, занимающие место между Западом и Востоком. При этом Соловьев убежден, что «всеединство» требует объединения христианских религий (единство церквей), равно как и новой организации социально-политического пространства на основах нравственного начала (христианский социализм).
Философия Соловьева пытается объединить интуиции русской самобытности с европейским началом под знаком универсализма, и в этом он более напоминает ранний период первых славянофилов, видевших место России в семье «европейских народов». В конце своей жизни Соловьев был одержим мрачными предчувствиями скорого конца света, и посвятил этой теме последние тексты об антихристе.

Философия «Общего дела». Попытку выстроить свою оригинальную философию предпринял другой русский мыслитель Николай Федоров (1829-1903). В основе его философии лежит мистическое понимание «воскресения мертвых» как исторической, духовной и даже социально-политической задачи, которую призваны осуществить сами люди, не дожидаясь «конца света». Это есть, по Федорову, «Общее Дело». Находясь далеко за гранью православной ортодоксии, это мистическое учение свидетельствовало о накоплении в русской философии колоссальных нерастраченных сил, ищущих объекта применения и обязательно стремящихся увязать между собой духовно-мистические моменты с плотскими, телесными и конкретными социально-экономическими.
Учение Федорова отдаленно напоминает учение о «вечном возвращении Ницше», так как и тот, и другой в основу своих систем кладут потрясшее их

сознание озарение о неслучайности и колоссальной бытийной нагруженности всего того, что происходит с человеком в его земной жизни, стоит только ему сконцентрировать свое внимание на самом факте присутствия («заброшенности» по Хайдеггеру). У Ницше это приводит к догадке о том, что все события истории обязательно повторяются в границах гигантского временного цикла, так как в этом проявляется фундаментальность их становления, не имеющего ни цели, ни смысла кроме самого момента – «полуденного времени». У Федорова эта обязательность земного бытия сосредоточена в моменте «воскресения предков», когда все личности будут материально и духовно восстановлены, и неслучайность их бытия в истории будет «объективно доказана». И Ницше, и Федоров прибегают при описании своих идей к естественно-научным позитивистским данным, свойственным науке того времени, что делает их системы несколько гротескными. Федоров пытается обосновать свое учение теорией «памяти атомов», согласно которой «атомы помнят те тела, к которым они принадлежали», и эта память «может быть восстановлена с помощью технических средств».
Мистицизм и русская наука. Идеи Федорова, в которых преобладало причудливое сочетание духовно-мистических и нравственных элементов, вырванных из христианского контекста, с обращениями к позитивистской науке были восприняты целой плеядой выдающихся русских ученых. К.Э.Циолковский (1857-1935), А.Л.Чижевский (1897-1964), В.И.Вернадский (1863-1945) и т.д. черпали в них интуиции для своих естественно-научных открытий. Так, у истоков развития отечественной авиации, самолето- и ракетостроения мы обнаруживаем философские идеи русских мистиков, видевших в техническом развитии выражение духовного преображения человека и способ приобретения им субъектности космического масштаба, способной бросить вызов отчужденным законам природы. В таком духе выдержано учение академика В.И.Вернадского о «ноосфере»: стадию технического прогресса он рассматривает как преддверие духовного качественного скачка в развитии человечества, которое призвано перейти к «ноосферному» существованию, где определяющими будут духовные и нравственные законы. Теория «ноосферы» Вернадского, физика и химика мирового масштаба, видит рационализм и техносферу только как инструменты, освобождающие человеческий дух от подчиненности законам телесного мира.
Многие русские ученые практиковали спиритизм. Так Д.И..Менделееву его таблица химических элементов пришла во сне, как мистическое видение, а изобретатель радио – А.С.Попов (1859-1906) изначально намеревался сконструировать аппарат для общения с духами мертвых на спиритических сеансах, в результате было открыто радио.
В этом проявляется специфика культурной среды второй половины XIX – начала XX века. Подспудное возрождение в обществе народных начал изменяет содержание рациональных научных стратегий и методологий, заимствованных с Запада. Архаические и мистические интуиции проникают в среду рационального исследования. И это сочетание в определенных случаях служит источником живого вдохновения для вполне практических и полезных открытий. К концу XIX века в науку постепенно проникает русское начало, и это придает ей особый стилистический и философский колорит.
Русский экзистенциализм: Розанов, Шестов, Бердяев. В Серебряном веке помимо философских систем, так или иначе связанных с развитием идей Соловьева, выделяются афористические почти журналистские формы

философствования, отчасти схожие с европейским экзистенциализмом. Три философа, не создавшие систем и не пытавшиеся этого сделать, выделяются в этом стиле: Василий Розанов (1856-1918), Николай Бердяев (1874-1948) и Лев Шестов (1866-1938).
Розанов пытается соотнести духовные явления с психологией и даже физиологией личности. В его философии большое значение приобретают вопросы пола, с помощью которых он старается объяснить различные философские и культурные явления.
Лев Шестов ближе всего из русских философов стоит к собственно экзистенциалистской позиции. С его точки зрения, любое знание является субъективным, а рациональные модели лишь отчуждают действительность от субъекта познания. Мыслить (творить), по Шестову, это значит «идти от неудачи к неудаче», так как рациональное знание по определению недостоверно, а интуитивное схватывание не может быть строго проверено и остается вопросом «свободной веры».
Николай Бердяев в своей философии, имеющей также многие экзистенциалистские черты, пытался сочетать религиозное начало с ницшеанскими идеями «сверхчеловека». Это привело к концепции «богочеловечества», в котором религиозная природа веры сочетается со свободным творчеством субъекта. Бердяев много писал об особости русского народа, вскрывая его парадоксы. -- «Верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость», утверждал он. Бердяев верно отметил преемственность власти большевиков с религиозными – подчас еретическими – мечтаниями русского народа об абсолютной свободе, возврате к «новому раю».
Бердяев выдвинул тезис о Новом Средневековье. Бердяев считает, что основы общества модерна -- гуманизм, индивидуализма формальный либерализм, культура Нового времени – обречены на скорое исчезновение. Им на смену придут архаические формы народность, иерархия, целостность, религия. Но произойдет это на новом диалектическом витке истории. Свою философию Бердяев рассматривал как введение к Новому Средневековью, которое станет особенно актуальным, когда закончится процесс разрушения духа модерна такими формами как «фашизм» и «коммунизм».
Во власти предчувствия. Культура «серебряного века» (1880-1922) была полна предчувствиями, что вот-вот Россия скажет свое особое слово в мировой истории, к чему она была призвана изначально. Освобождение русского народа мыслилось как пробуждение великой энергии, как проявление исторической миссии. Отсюда повышенный интерес и к народному началу, что выразилось в поэзии С. Есенина (1895-1925), Н. Клюева (1884-1937) и т.д.
Мысль Соловьева о Софии получил дальнейшее развитие в философии о.С.Булгакова и о.П.Флоровского, которые под его влиянием ушли от марксизма и встали на путь религиозной философии. Позже оба они стали священниками. Они же развили социальный идеал Соловьева и пытались сочетать религиозные идеи с социализмом, понятым в духе русского народничества. Булгаков выстроил на основе приложения софиологии к экономической сфере теорию, названную им «философией хозяйства».
Булгаков и Флоренский обращаются к традициям «Ареопагитик», православного платонизма и философии исихазма. В их трудах в центре

внимания символизм, онтология и гносеология, свойственные мистической философии православия. Начинает создаваться впечатление, что русская мысль стоит на пороге небывалого исторического взлета, когда заложенные в ней созерцательные, мистические, онтологические, этические и эстетические интуиции вот-вот выльются в единый мировоззренческий порыв, во всеобщее русское духовное возрождение.

Великий русский поэт Александр Блок видит Софию, о которой рассуждал В.Соловьев, в России. Россия и воплощает для него «вечную женственность». Всем кажется, что народное начало, архаическая культура, долгие века находившаяся под гнетом европеизма элит, скоро выйдет на поверхность и даст о себе знать.

Это уже не просто встреча двух культур, как было в «золотом веке», это ожидание переворота, когда народная стихия поставит себя над культурой европеизированной аристократии. И этого переворота ожидали как демократы и социалисты, так и консерваторы и наследники славянофильской традиции. Впрочем, как показывают новейшие культурологические исследования (А.Эткинд «Хлыст»), в культуре «серебряного века» эти тенденции были тесно перемешаны.

Позже в после Октябрьской революции попытки сотрудничества с большевиками Флоренского и Булгакова не удались, и софиология развивалась в эмиграции, где в середине 1930-х годов интерес к этой форме философствования постепенно иссякает. Дальше всех за интуициями Соловьева пошел Александр Блок, в духе иудейского мистицизма «Шекины» отождествивший с Софией русский народ, Святую Русь как выражение божественного начала в мировой истории.

В музыке этот же стиль живет в произведениях А.Скрябина (1872-1915), И.Стравинского (1882-1971), С.Рахманинова (1873-1943), С.Прокофьева (1891-1953).

В живописи новый русский романтизм выражают художники из кружка «Мир Искусства» (1892-1924) -- В.Серов (1865-1911), М.Врубель (1856-1910), А.Бенуа (1870-1960), К.Коровин (1861-1939), К.Сомов (1869-1939), Б.Кустодиев (1878-1927), Е.Лансере (1848-1886), Л.Бакст (1866-1924), К.Петров-Водкин (1878-1939) и другие. Это направление в русском искусствоведении принято называть «модернизмом», так как художники смело ломают живописные каноны классицизма, свойственной салонной официозной живописи XIX века. К обществу модерна в чистом виде русский модернизм имеет косвенное отношение. Некоторые философские элементы модерна -- индивидуализм, чувственность, раскрепощение страстей, попытка схватить эфемерное мгновение и т.д. – здесь, действительно, присутствуют, но вместе с этим преобладают, скорее, романтические элементы, поиск новой околдованности мира, чуткое внимание к народному духу и загадочной русской природе. По содержанию русский «модернизм» ближе к стилю консервативной революции и народничеству. Здесь в полной мере продолжаются пушкинские традиции использования современного западного языка для выражения самобытных русских народных истин им интуиций. В живописи Виктора Михайловича Васнецова (1848-1926) эта тенденция достигает кульминации и предельного напряжения: это триумфальное возрождение русского духа, осуществленное с использованием новаторских пластических достижений художественного искусства модерна. Поэзия Блока и картины Васнецова являются крайними – и поэтому самыми показательными с философской точки зрения – выражениями

стиля «серебряного века» в искусстве. Это век подготовки глобального русского духовного возрождения.
Переворот. «Магический большевизм». Ожидания всего русского общества, предвкушавшего невиданный переворот, вполне оправдались, но предвидеть, какое направление приобретет это восстание народной стихии, заранее не мог никто. Наступает октябрь 1917 года. К власти приходят большевики во главе с В.Лениным. Революционные преобразования, немедленно начатые большевиками, вполне отвечают масштабу ожиданий и неслыханны по своему размаху.
Некоторые представители культуры «серебряного века» -- Блок, Волошин, Клюев, Есенин и другие – принимают Революцию, как исполнение чаяний о возвращении Святой Руси. Блок в поэме «12» прославляет комиссаров, тайно ведомых самим Христом. Клюев создает эпический образ «Красной Руси», которая является местью романовской династии за раскол, увлечение Западом и отчуждение от русской стихии и возвратом народного начала. Клюев оправдывает даже красный террор – «убийца красный святей потира», пишет он. Максимилиан Волошин распознает «в комиссарах дух самодержавья».
С необычной яркостью описывает мистическое восприятие большевизма писатель А.Платонов в романах «Чевенгур» и «Котлован», где революция и первые послереволюционные годы представлены как свершившееся преображение мира, наполнение его всеобщей благодатью, восстановление райского безгрешного состояния.
В этом же экстатическом ключе творят многие поэты, пришедшие в революцию не справа, а слева. Таковы футуристы В.Маяковский (1893-1930), В.Хлебников (1885-1922) и другие. Поэтические метафоры воспевают Революцию до чрезмерности, превращая ее не в социальное, но в метафизическое, апокалиптическое явление.
Советская философия. Ленин – властвующий философ. Во главе партии большевиков в октябре 1917 года к власти в России пришел не просто политический деятель, исповедующий определенную идеологию, но философ, обладающий цельной и продуманной системой взглядов, даже в самые сложные для страны моменты не перестававший размышлять о фундаментальных вопросах философии (в частности, конспектируя Гегеля). Главная философская задача, стоявшая перед Владимиром Лениным, заключалась в адаптации марксистской теории, выстроенной на основе принципиально иного культурно-исторического и экономического опыта, к условиям России. Русские марксисты (в частности, Г.Плеханов (1856-1918)) размышляли над этим и до Ленина, но историческая ситуация требовала от Ленина немедленного и радикального решения, которое надо было воплощать в жизнь непосредственно после захвата большевиками власти. Отличие Ленина от большинства других философов состояло в том, что он был философом практикующим, и от его философских решений напрямую зависела судьба народов, государств, путь развертывания мировой истории.
Ленин решил основную, стоящую перед ним проблему, в духе «параноидального» сознания: если непосредственно данная реальность противоречит его умозаключениям, «параноик» стремится изменить реальность, а не свои умозаключения. «Параноидальные» свойства характерны для западно-европейского мышления – особенно в Новое время, и поэтому Ленина по стилю философского мышления можно отнести к крайним западникам.

Россия начала XX века не соответствовала ни по одному параметру марксистской ортодоксии, что прекрасно понимал сам Маркс, считая, что социализм в России -- дело далекого будущего, и если он вообще наступит, то только после цикла революций в развитых западно-европейских государствах. Чтобы воплотить марксизм в России в жизнь, Ленину необходимо было оспорить этот тезис Маркса. К России, какой она была в реальности 1917 года, марксистская методология была неприменима, и гораздо более реалистично видели ситуацию политические противники Ленина, эсеры, вдохновленные теми же социальными идеалами, но учитывающие исторические и культурные особенности русского общества.
Ленин выбрал путь изменения России вместо изменения своих представлений о ней. В этом он проявил себя как последователь Огюста Бланки (1805-1881) или Петра Ткачева, которые настаивали на решающей роли в революционном процессе «активного меньшинства». В философии Ленина эта функция «активного меньшинства», воплощенного в партии большевиков, играет центральную роль. С помощью волевой группы героических личностей («титанов революции») неподатливая реальность должна была быть подведена под соответствие философским и идеологическим догмам марксизма.
Важнейшей задачей Ленина было обосновать возможность победы социалистической революции в одной стране, причем в аграрной России. Далее эта эстафета перешла к Иосифу Сталину, который позже столкнется с необходимостью обосновать возможность построения социализма в одной стране, тогда как Ленин надеялся, что мировая революция из Советской России начнет распространяться в другие страны в самое ближайшее время.
Первый этап практического философствования Ленина состоял в том, чтобы подтвердить факт построения капитализма в России. Разрозненные элементы зачаточных капиталистических отношений в российском хозяйстве и фрагментарные процессы имущественного расслоения в крестьянстве, которые искусственно пытался стимулировать П.А.Столыпин, разрушая сельские общины, были приняты за признаки сложившейся капиталистической системы. И стали объектом революционного террора.
Период правления Временного правительства со всей идеологической неопределенностью, был приравнен Лениным к этапу «буржуазной государственности», который Россия прошла стремительно. Сторонники парламентской демократии и члены партий стали объектом террора политического. Так как естественного перехода высших сословий в буржуазию (как во многих европейских странах) в России не произошло, то антибуржуазный террор сопровождался экстренным искоренением наследственной знати и священства.
Другой практикующий философ, Иосиф Сталин (1879-1953), продолжил все эти линии, доведя их до системного мировоззрения, в котором догмы марксизма, формально сохраненные нетронутыми, накладывались на совершенно не соответствующую им реальность.
Советская наука. В советское время развитие науки стало важнейшим идеологическим приоритетом коммунистического руководства. Этот приоритет диктовался двумя соображениями:
• претензиями коммунистической идеологии на «научный» характер и, в свою очередь, придание самой науке и ее данным идеологического значения и статуса точного отражения «объективной реальности» и
• прагматической необходимостью развивать технические средства на базе

наукоемких технологий, чтобы успешно конкурировать с капиталистическим окружением.
Развитие науки в СССР шло бурными темпами. При этом СССР стремился доказать, что научная работа в условиях социализма развивается быстрее и качественнее, чем при капитализме, так как творческие способности человека развиваются здесь полнее и свободнее.
Самые яркие успехи в советский период были достигнуты в естественно-научных дисциплинах, где идеологическое давление почти не касалось содержательной стороны дела (если не считать «генетики» и «кибернетики», объявленных буржуазными «лженауками»). В гуманитарной сфере серьезные достижения были сделаны в области лингвистики, филологии, археологии и т.д.
С самого начала советской власти неуклонно расширялась сеть научно-исследовательских учреждений. Были созданы академии наук в Литовской, Эстонской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР. На востоке страны возник научный центр - Сибирское отделение Академии наук СССР.
Советские научные учреждения оснащались современной аппаратурой. В СССР был построен синхроциклотрон для изучения мельчайших частиц атома. В электрофизической лаборатории Академии наук в СССР вступила в строй установка для изучения атомного ядра – синхрофазотрон. Прорывом явилось овладение в 1941 году секретом атомной энергии. В 1953 году в СССР впервые в мире была создана водородная бомба.
Достижением советской науки и техники явилась постройка и пуск в 1954 году первой в мире атомной электростанции мощностью 5 тыс. кВт. Этим было положено начало атомной энергетики. В 1958 году вступила в строй вторая атомная электростанция уже мощностью 100 тыс. кВт.
В СССР был построен и спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин», предназначенный для проводки судов по Великому Северному Морскому Пути.
В Институте атомной энергетики Академии наук СССР под руководством выдающегося советского ученого, академика И. В. Курчатова (1903-1960) были достигнуты первые важные результаты в решении величайшей научной проблемы -- управления термоядерной реакцией.
Одним из крупнейших достижений явилось создание в 1957 году межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты, способной входить в любой заданный район земного шара. Крупнейший вклад в развитие отечественного ракетостроения был сделан коллективом научных работников во главе с академиком С. П. Королевым (1907-1966). Создав баллистическую ракету, СССР мог впервые в истории человечества запустить 4 октября 1957 году искусственный спутник Земли, за ним второй (3 ноября) и третий (15мая 1958 года).
В 1961 году первый человек на летательном аппарате вышел на околоземную орбиту. Им был советский летчик Юрий Гагарин (1934-1968). В 1970 году на поверхность Луны был высажен советский Луноход, доставивший на землю образцы лунного грунта.
Важные успехи достигнуты советскими учеными в изучении космических лучей, в области теоретической химии и других областях. Советские ученые в ряде важнейших областей знаний заняли передовые позиции в мировой науке.
Советская культура 1930-50-х годов. К началу 1930-х годов становится очевидно, что советская власть намерена всерьез оперировать с марксистской идеологией, которая является не «ширмой для нового пришествия русского

народного духа», как считали на первых порах многие (особенно национал-большевики из «Смены Вех» и левые евразийцы), но формой идеологической диктатуры, не позволяющей народным глубинам говорить на своем собственном языке и восстанавливать свои архаические культурные архетипы. Из остывающей плазмы «магического большевизма» рождается более зрелая и идеологически выдержанная советская культура. В ней еще живут энергии революции, но они уже залиты в строгие формы укрепляющегося советского канона. Советская культура представляет собой причудливое сочетание глубинных народных интуиций, остаточных фрагментов культуры «серебряного века» и жесткого догматического марксизма, привносящего во все сферы творчества классовый подход.
Советская культура 1930-70-х годов знает имена многих творческих гениев. Писатели -- М.Горький (1868 - 1936), М.Шолохов (1905 – 1984), А.Толстой (1817 – 1875), А.Фадеев (1901-1956), М.Булгаков (1891-1940), М.Пришвин (1873-1954), Л.Леонов (1899-1994), позже В.Шукшин (1929-1974), В.Астафьев (1924-2001), В.Распутин. Композиторы – М.Шостакович (1906-1975), Т.Хренников (р.1913). Кинематографисты – С.Эйзенштейн (1898-1948), А.Роом (1894-1976). Художники -- А. Герасимов (1881-1963), А. Лактионов, Д. Налбандян (1906 – 1993), Г. Коржев (р.1925), Ю. Пименов (1903-1977) и др. Они смогли сочетать личный талант с идеологическими установками, которые в их случае приобретали особое глубинное значение.
Но вместе с тем советская культура систематически обрывала связи с прошлым, утрачивая преемственность не только с аристократической культурой романовских элит, но и с глубинами народных масс, которые экстренным порядком обучались новой идеологии и принудительно отрекались от обычаев и верований старины.
Лосев и Бахтин: маяки философского достоинства. В истории советской философии существуют несколько явлений, никак не вписывающихся в нормы марксистской ортодоксии. Никогда не выступая открыто против марксизма, снабжая свои труды необходимыми ссылками на классиков марксизма-ленинизма, отдельные философы умудрялись развивать свои философские взгляды, никакого отношения к официальной идеологии не имеющие. Наиболее яркие фигуры этого направления – А.Ф.Лосев (1893-1988) и М.М.Бахтин (1895–1973).
Алексей Лосев начинает свои занятия философией до революции под влиянием идей Владимира Соловьева. Он увлекается Античностью и особенно учением Платона об идеях. Следуя за Соловьевым, Булгаковым и Флоренским он развивает софиологические темы, позднее живо интересуется диалектикой, которую называет «подлинной стихией разума». Осмысляя традицию православного исихазма, Лосев строит свое учение об «имени», которое на новом уровне возрождает теорию платоновского созерцания и мистику «Ареопагитик». В центре его внимания находится эйдос («идея»). Лосев подвергается арестам и принудительным работам на строительстве Беломорканала (1930-1933). После освобождения вплоть до 1950-х годов ему запрещено публиковать свои произведения, но при этом он не оставляет своих трудов и создает полноценную идеалистическую философскую систему. Во многих трудах (в частности, «Хаос и структура») Лосев стремился с помощью философских и даже математических методов обосновать исихазм. Принял иноческий постриг с именем Андроник.
Михаил Бахтин принадлежит к иной философской школе, нежели Лосев,

развивая принципы неокантианства и феноменологии Э.Гуссерля (1859-1938). Бахтина можно причислить к русским структуралистам, так как в его философии анализ речи и представления о теле играет центральную роль. Бахтин также как и Лосев был арестован, но от лагеря его спасла хроническая болезнь (остеомиелит), и лагерь заменили ссылкой в Казахстан. Основные философские труды Бахтин посвящал анализу литературных произведений – Достоевскому, Гете и Франсуа Рабле (1494-1553). Наиболее пронзительными, с философской точки зрения, являются его исследования о «смеховой культуре» Средневековья и Возрожденья, анализ языковых структур и их отношения к «коллективному телу». Идеи Бахтина существенно повлияли на французскую структуралистскую философию. На Западе сегодня Бахтин является одним из самых известных русских философов. В советском обществе о нем знали единицы.

И Лосев и Бахтин находились на периферии социального внимания, их труды издавались небольшими тиражами, а в течение целых десятилетий вообще находились под запретом. Но пример этих крупных русских мыслителей показывает, что независимая философская мысль продолжала жить в России и в советский период, и находились люди, способные отстоять достоинство философа и мыслителя даже в условиях жесточайшей идеологической цензуры.

Ревизионизм в поздне-советской философии. После смерти Сталина заканчивается «параноидальный» период советской философии. Отныне советская мысль старается удержать осмысление происходящих событий в стране, обществе, мире в рамках марксистской ортодоксии более мягкими средствами. Но заложенная инерция жесткого навязывания реальности догматических представлений о ней не прекращается. При этом отсутствие открытой установки на террор и репрессии в качестве инструмента подстраивания реальности под (партийное) представление о ней привело к появлению щелей и зазоров в советской философии. Так с 1960-х годов (эпохи Хрущевской «оттепели») появляются попытки пересмотреть воинствующие догмы марксизма в более мягком и «гуманном» ключе.

Советская философия эпохи Ленина-Сталина основывалась на своеобразно понятом гегельянстве. В философском смысле это сводилось к установлению прямых отношений между сознанием и материальным миром (у Гегеля бытие и мысль совпадали). Большевики как практикующие философы навязывали субъективные структуры сознания «объективному» российскому миру, но делали это во имя «объективности» («материя, по Ленину, это объективная реальность, данная нам в ощущениях»). Обслуживание этой диалектики в более или менее изящных интеллектуальных конструкциях составляло профессиональную задачу советских философов-«гегельянцев». Наиболее яркими фигурами этого направления были философы -- М.А.Лифшиц (1905–1983), Э.В.Ильенков (1924-1979), А.А.Зиновьев (1922-2006), Ю.Н.Давыдов. В 60-е годы XX века они продолжали развивать те же идеи в условиях, когда хватка идеологической диктатуры стала постепенно ослабевать.

С 1960-х годов вопреки традиционному «гегельянству» начинает формироваться альтернативная философская линия, призванная смягчить идеологический заряд советского «марксизма-ленинизма». Ее представители ориентируются на философское наследие Канта в большей степени, чем Гегеля, ставят акцент на субъективных сторонах познания. Философы этого направления -- Ю.М.Бородай (1934-2006), М.К.Мамардашвили (1930-1990),

Г.П.Щедровицкий (1929-1994), Э.Ю.Соловьев, П.П.Гайденко, Н.В.Мотрошилова и другие. Вводя в советскую философию кантианский подход вместо гегельянского, они размывали строгость «параноидального» идеологического философствования советского марксизма, подстраивающего реальность под априорные представления о ней во имя «объективной реальности» и «исторической необходимости» по законам «диалектики». «Кантианцы» в советском оформлении призывали обратить более пристальное внимание на структуры сознания, ставя под вопрос ту «очевидность» связи бытия и сознания, которой руководствовались «гегельянцы». Субъективные структуры сознания, психология человека, пересмотр некоторых наиболее грубых схем наивного механицистского материализма, характерного для философии ортодоксального ленинизма, -- все это становилось новой философской программой «оттепели», мягко подводящей к необходимости переосмысления, а то и пересмотра советской философской ортодоксии.
После всплеска своеобразного кантианства в 1960-е, последовал период ослабления этих тенденций в эпоху правления Брежнева, где любые процессы – в том числе в интеллектуальной сфере -- в советском обществе были заморожены («эпоха застоя»). С начала 1980-х (после смерти Брежнева) «кантианцы» снова напомнили о себе программной статьей трех философов Мамардашвили, Соловьева, Швырева «Классика и современность (две эпохи в развитии буржуазной философии)», где завуалировано и иносказательно (если не сказать «косноязычно») предлагалось переосмыслить установки советской ортодоксии в области философии в «субъективном» духе (от Гегеля к Канту), выделив сферу «духовного производства» в самостоятельный объект исследования.
Эти тенденции стали особенно активно набирать обороты вместе с перестройкой Горбачева, но с конца 1980-х годов политические события в СССР и распад коммунистической системы развивались с такой скоростью, что «официальная» философская мысль, «воспитанная» долгими десятилетиями идеологического конформизма, оказалась далеко позади и практически никак не повлияла на ход политических преобразований.
Упадок культуры в 60-е - 80-е годы XX века. Нонконформисты. Негативные тенденции в советской культуре стали отчетливо видны начиная с 1960-х годов, когда окончательно выветрился революционный пафос, ушли из жизни представители старой русской интеллигенции, жесткая идеологическая обработка достигла глубинных культурных слоев.
В 1970-80-е годы советская культура вступает в необратимый кризис, в ней – за редким исключением -- уверенно преобладает конформистская посредственность, глухая как в отношении народной стихии, так и в отношении коммунистического пафоса. Советская догматика становится пустой и бессодержательной, а свежие тенденции тщательно подавляются партаппаратом и спецслужбами, вытесняются на периферию в узкую прослойку параллельной «антисоветской культуры», не имеющей практически никакого резонанса в обществе.
Хотя нонконформистская среда советского подполья в 60-е-80-е годы XX века дает таких крупных писателей как Александр Солженицын, Юрий Мамлеев, Венедикт Ерофеев (1938-1990); таких поэтов как Иосиф Бродский (1940-1996), Леонид Губанов (1946-1983), Генрих Сапгир (1928-1999), Игорь Холин (1920-1999), Евгений Головин (р.1939), Владимир Микушевич (р.1940); таких художников как Оскар Рабин (р.1928), Владимир Пятницкий (1937-1974),

Анатолий Зверев (1931-1986), Владимир Немухин (р.1925), Александр Харитонов (1931-1993), Дмитрий Плавинский (р.1937), Олег Целков (р.1934); таких кинорежиссеров как А.Тарковский (1932-1986), С.Параджанов (1924-1990); таких композиторов как Э.Денисов (1929-1996), С.Губайдуллина (р.1931), самостоятельного культурного стиля, культуры как таковой они не сформировали.

В этот период структура советской культуры и ее ценностная система начинают активно размываться, но и творчество диссидентов также не порождает никакого цельного стиля или культурной альтернативы, оставаясь собранием разнородных фрагментов.

Конец советской философии. В начале 1990-х произошел окончательный развал советской философской системы, которая рухнула вместе с политическим режимом и СССР. Показательно, что из огромной массы профессиональных советских философов буквально единицы остались верны прежним советским взглядам, а подавляющее большинство стало с тем же конформизмом обслуживать новую власть, путаясь в определениях и стремительно осваивая либеральные философские системы, заказанные политическими элитами эпохи Ельцина.

В целом значение философии как высшей сферы духовной деятельности в 1990-е годы практически сошло на «нет», и готовность «армии профессиональных философов» оправдывать и «обосновывать» любую заказанную сверху идеологическую линию серьезно дискредитировала философию как дисциплину, сделав ее чем-то маргинальным и совершенно невлиятельным – наподобие PR-агенства, где можно заказать рекламу любого продукта, персонажа или события. Наиболее активные, молодые и прагматичные философы постепенно перешли работать именно в сферу PR-технологий и никаких угрызений совести от этого, видимо, не испытывают, исправно обслуживая заказчиков.

Философия русских евразийцев. Параллельно советской философии русская мысль продолжала развиваться в эмиграции.

Пока связь с Россией была достаточно свежа, русские мыслители, оказавшиеся на Западе, пытались культивировать прежние культурные традиции – издавали журналы, публиковали тексты, устраивали дебаты. Дореволюционная интеллектуальная жизнь России в 1920-е годы переместилась в Париж, Берлин, Прагу и Харбин, где русские эмигранты создали очаги русской культуры и русской мысли. За рубежом продолжали творить лучшие мыслители России «серебряного века» – Бердяев, Флоренский, Булгаков, Мережковский и т.д. Большинство тем, которые развивали эти мыслители, являлись прямым продолжением их размышлений, начатых до революции. И поэтому их следует отнести в целом к дореволюционному периоду.

Новым явлением в русской философии, рожденным уже в условиях самой эмиграции, стала философия евразийства (Савицкий, Трубецкой, Алексеев и др.). Евразийцы считали себя продолжателями славянофильской традиции, наследовали от нее приоритет православия, убежденность в уникальности и особости русской цивилизации, уверенность в том, что «Запад гниет». При этом евразийцы первыми всерьез поставили вопрос о том,

- какое место падение монархии и Октябрьская революция играют в истории России и
- какие глубинные философские причины, коренящиеся в логике бытия русского народа, привели империю к кризису и краху.

Отвечая на этот вопрос, евразийцы разработали уникальную философскую систему – самую оригинальную из тех, что могли предложить растерянные русские, оказавшиеся не по своей воле оторванными от Родины, которую бесконечно любили.
Евразийская философия утверждает, что крах Империи Романовых коренится в отступлении этой Империи от верности Московскому духу, народной традиции, византийской миссии и геополитическому континентальному импульсу, унаследованному русскими от монголов. Западничество привело Россию к катастрофе, причем не столько философское западничество либералов и народников, сколько подспудное и органичное западничество правящего царского режима.
Большинство белых в эмиграции приписывали падение монархии и триумф большевиков «внешним» причинам – проигрышу в войне, «заговору» и т.д. Евразийцы же искали причину в самой структуре предреволюционного российского общества, начиная с реформ Петра. Санкт-Петербургский период они называли «романо-германским» игом.
Большевики же, по мнению евразийцев, несмотря на сектантство и эксцентричность своей идеологии,
- опирались на волю народных масс, верных древним устоям,
- установили в стране власть «идеократии» (верховенство идеальных – моральных начал, пусть своеобразно понятых) и
- продолжили на новом этапе и в новых условиях ориентацию на геополитическое противостояние с Западом.

Учет этих факторов предопределял позитивную программу философии евразийцев:
- поворот к Востоку и разрыв с Западом,
- смену большевистской идеократии на евразийскую идеократию,
- возврат к традициям,
- построение мощной континентальной империи византийско-чингисхановского стиля с опорой на новейшие технологии («модернизация без вестернизации»).

Философия евразийства предложила проект тотального освобождения от интеллектуального влияния Запада, выработку самостоятельной интеллектуальной системы, которая оценивала бы все этапы и стороны русской цивилизации, исходя из ее самобытных осей координат.
Радикализм и страстность евразийцев стали причиной того, что критики называли их «православными большевиками». Будучи радикальными консерваторами, евразийцы были открыты для технического прогресса и позитивно оценивали усилия большевиков по повышению мощи и обороноспособности России. В конце 30-х годов евразийцы повлияли на движение «оборонцев», которое в случае ожидаемого нападения Германии на большевистскую Россию заведомо предполагало переход на сторону большевиков, защищавших Россию от внешнего врага.
От общего движения евразийцев в начале 30-х годов отделились «левые евразийцы» (Парижское крыло), которые попытались совместить евразийскую философию с идеями Федорова и, по сути, перешли к сотрудничеству с советской разведкой. В этом же направлении развивались и идеи «национал-большевиков» (Устрялов, Ключников), которые, в конце концов, вернулись в Россию и стали открыто сотрудничать с большевиками. Судьба их была, однако, трагичной. В 1937 году был расстрелян в ГУЛАГе глава национал-

большевиков Н.Устрялов, в том же ГУЛАГе погиб в 1952 году философ-евразиец Л.Карсавин (1882-1952), арестованный в 1948 в Риге. Оба они добровольно выбрали сотрудничество с коммунистической властью, но их «буржуазное» прошлое стоило обоим жизни.
Философы-монархисты XX века. В эмиграции получила неожиданное развитие философия монархизма. В белом движении монархисты составляли меньшинство, так как основная масса белых были политически «детьми Февраля», эсерами, октябристами, кадетами и т.д.
В дореволюционный период монархия была фактом и не нуждалась в философском обосновании, ее поддерживали скорее по инерции, как дань исторической традиции. Думать о философском содержании русского монархического правления всерьез стали тогда, когда оно завершилось. Предвестником этого неомонархического философского возрождения еще до революции стал один из участников «Народной воли», левый народник и бывший яростный враг самодержавия Лев Тихомиров (1852 – 1923). Тихомиров дает религиозно-правовую систематизацию монархического правления, сочетая самодержавный принцип с широкими полномочиями самоуправления на местах. Он предлагает отнестись к монархии как к философской концепции, организующей порядок из хаотических элементов. Тихомиров считал, что монархия имеет внутренний потенциал для того, чтобы адаптироваться к изменениям социальных и экономических условий, если будет осознана не как простая дань исторической инерции, а как политическая система, основанная на ряде фиксированных начал, легко сочетающихся с переменной частью, зависящей от конкретных обстоятельств. У Тихомирова (бывшего народника) появляется идея сочетать монархическое правление с социальной ориентацией в рамках философии «социальной монархии». Как и Владимир Соловьев, Тихомиров в последние годы жизни был озабочен приходом «антихриста» и описывал свой сценарий «последних времен», который должен наступить после социализма и коммунизма через воссоздание либеральной экономики в странах, опустошенных правлением социалистов.
Другим видным теоретиком монархизма стал философ Иван Ильин (1883 - 1954). Ильин ставил перед собой задачу определить философские предпосылки консервативно-монархического мировоззрения, с упором на духовные и нравственные аспекты. Следуя за Гегелем, исследованию философии которого он посвятил несколько ранних работ, Ильин старался свести воедино религиозные, политические, правовые, этические и эстетические моменты, выражающие идеал общественного и государственного устройства, оптимально подходящего особенностям русского народа.
Больше всего внимания Иван Ильин уделял сочетанию христианской добродетели любви и национальной идее. По Ильину, национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его боголагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. «Национализм» есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть, по Ильину, «восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия». Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину, суть:

- вера в Бога,
- историческая преемственность,
- монархическое правосознание,
- духовный национализм,
- российская государственность,
- частная собственность,
- новый управляющий слой,
- новый русский духовный характер и
- духовная культура.

Ильин был убежден, что после неизбежного конца коммунизма в России понадобится «новая идея» — «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского православного христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад она обязывает русский народ осуществить свою национальную земную миссию, проникнутую христианским духом любви и созерцания. Термины «национализм», «национальный» Ильин понимал не в смысле необходимости создания однообразной буржуазной нации, но как выражение исторической общности русского народа независимо от социально-политического и государственного устройства.

Довольно близок к Ильину другой философ-монархист из белой эмиграции Иван Солоневич (1891-1953). Основной тезис Солоневича отражен в названии его главного труда «Народная монархия». Солоневич убежден, что русская монархическая система (особенно до реформ Петра) была основана не на аристократическом правлении высшего сословия, но на духовном и общественном союзе народных масс с монархом, на гармоничном исполнении и теми, и другими общей религиозно-исторической миссии. На духовном союзе народа с царем должна строиться, по Солоневичу, российская государственность и в будущем.

Российский постмодернизм в 1990-е. Искусство, политика, СМИ. Конец СССР закрывает цикл советской культуры, начавшейся с апокалиптического накала и завершившейся невнятной и бессмысленной серостью.

В 90-е годы XX века новый культурный цикл не начался, несмотря на снятие идеологических клише и появление возможности заниматься творчеством без каких-либо ограничений. Выход на поверхность диссидентской культуры и молодежной контр-культуры, сформировавшейся в 80-е на периферии позднее-советского общества, практически не дали никак ярких культурных явлений. В целом культурное поле представляло собой случайную смесь позднесоветской инерции, невнятной плоской и политизированной антисоветской диссидентуры, ставшей на время «новым каноном», и прямолинейных заимствований из западной культуры, переживавшей период постмодернизма.

Западные стандарты постмодернизма и были приняты за культурный образец, несмотря на то, что западная культура пришла к этой стадии, последовательно двигаясь по своей траектории, вначале развив до совершенства заложенный в кодах Просвещения культурный потенциал, а с 60-х годов начав от него избавляться.

Так как российское общество развивалось по совершенно иной логике, и в основе его лежал сложный и драматический диалог архаической культуры народных масс с западническими установками правящих элит, то постмодернизм и его культура для русского человека оказались совершенно

непонятными, бессмысленными и чужеродными. Российский постмодернизм 90-х никак не вытекал из логики развития ни русской, ни советской культур, и представлял собой результат разложения всех культурных начал и лобового осмеивания всех культурных ценностей.
Тем не менее, определенные стратегии постмодернизма – его ориентация на снятие моральных запретов, отвержение позитивных ценностных систем, иронизирование над человеком и его рациональными навыками – довольно быстро укоренились в пост-советском обществе, оттеняя настрой общего разложения, бессмысленности, тоски и жажды развлечений.
Стиль постмодерна существенно повлиял на СМИ, которые в 90-е старались даже самые серьезные темы превращать в фарс, выбирая для освещения наиболее скабрезные ситуации или придавая курьезным мелочам характер крупных событий, а значительные события, напротив, принижая или замалчивая. В большой мере это повлияло на политическую и общественную жизнь. Политики стали превращаться в шоуменов (типичный случай В.Жириновский), рассказывать анекдоты, сниматься в сериалах и музыкальных клипах. Российские писатели-постмодернисты (В.Сорокин, В.Ерофеев, В.Пелевин и т.д.) создавали стилизованные тексты, издевающиеся над русской и советской литературными традициями, обильно насыщая свои произведения порнографией, ерничеством и нарочитым идиотизмом.
Конец культуры. «Дети Розенталя» и «Поп-механика». Пиком российского постмодернизма была постановка в марте 2005 года оперы «Дети Розенталя» (постановщик Э.Някрошюс, музыка Л.Десятникова) по сценарию В.Сорокина в Большом театре – символе русской культуры классического модерна и гордости советского искусства. В опере бессмысленные персонажи (клоны композиторов) ругаются матом, носят скабрезные одежды и всячески эпатируют публику, нагромождая одну бессмысленность на другую. Смысл постановки «Детей Розенталя» заключался в том, чтобы подвести черту под историей российской и советской культуры, объявив о ее конце.
В более интеллектуальном ключе с искренней симпатией к кодам русской культуры, но столь же деструктивно в отношении советских культурных клише действовал ленинградский (санкт-петербургский) композитор С.Курехин (1954-1996), постановщик постмодернистических акций под общим названием «Поп-механика». В «Поп-механике» участвовали как серьезные советские актеры и музыканты «большой сцены» так и представители молодежной рок-культуры, джазовые и классические музыканты, военные оркестры, животные, актеры-любители, авангардные художники, политические деятели, городские сумасшедшие и т.д. Совмещение жанров, ироничная хаотичность сочетаний и связей оставляли ощущение полного растворения смыслов и ценностных систем.

Контрольные вопросы

1.Когда началась русская философия? Какие существуют мнения на этот счет?
2.В чем состояло различимее между философией славянофилов и западников? Кто, на ваш взгляд, был прав?
3.Как и когда происходила десакрализация искусства в России? Что под этим понимается в живописи, музыке?

4.Как развивалась российская и советская наука в XIX-XX веках? Какие ее достижения вы можете назвать?
5. В чем состояла «философская» сторона политической деятельности Ленина и Сталина? Какие философские направления развивались в русской эмиграции?

Примечения:

(1) Прежние этапы исихазма в России таковы: 1) эпоха преподобного Антония Печерского , 2) преподобный Сергий Радонежский и расцвет Троицко-Сергиевой Лавры, 3) преподолный Нил Сорский и триадиция «заволжских старцев».

(2) Святой Нил Сорский так описывает процесс происхождения вовлечения человека в грех: «Прежде возникает представление помысла, или предмета (прилог), потом принятие оного (сочетание), далее - согласие с ним (сложение), за ним - пленение, или порабощение от него, и, наконец, страсть». А «восемь - главных страстных помыслов, или страстей, от которых рождается множество других и кои суть:
1) чревообъястный, 2) блудный, 3) сребролюбивый, 4) гневный, 5) печальный, 6) уныния, 7) тщеславный и 8) гордостный.»

9.3 Философская мысль в Новой России

«Россия всегда была страной множества самобытных национальных культур и верований.
Россия соединяла и соединяет народы Европы и Азии, православие и ислам, буддизм и иудаизм. Именно в этом богатство и духовная сила России.»
В.В.Путин

Философский процесс в России в 1990-е годы. Предпосылки для осмысления философского наследия. После конца советской эпохи отпала необходимость облекать философские размышления в марксистские одежды. Но так как вся советская философия была глубоко идеологизирована, если не по глубоким убеждениям сами советских философов, то по форме изложения, философская мысль оказалась в тупике. Она не смогла ни дать выверенной оценки советскому этапу философии, ни актуализировать философское наследие дореволюционной и эмигрантской мысли. Для этого вчерашним «советским» философам не хватило знаний, решимости, таланта.
Вместе с тем в 1990-е годы начинается процесс восстановления философского наследия через широкую волну публикаций. В эти годы переиздаются практически все русские философы, осуществляются переводы на русский язык

основных классиков мировой мысли. Проделана огромная работа по включению важнейших философских течений и методов, остававшихся за бортом марксизма, в русскоязычный контекст. Однако, восстановление философского наследия, переиздания, переводы и аннотации это еще не философия, это лишь предпосылки для ее возникновения. В ходе этого процесса сложился корпус текстов на русском языке, который делает знакомство с русской и зарубежной философской мыслью открытой возможностью для широкого круга людей, интересующихся культурой, философией, историей мысли, искусством и т.д.

Но простая возможность знакомства еще не означает должного осмысления, и тем более создания на этой основе нового философского течения. 90-е годы XX века ушли на подготовительную работу, которая осложнялась полным отсутствием интереса к этой теме со стороны власти и (неудавшейся) попыткой политической элиты реформаторов поспешно заменить идеологическую диктатуру коммунистических догматов догматами либерализма.

В результате эпоха 1990-х – начала 2000-х годов стала подготовительным этапом для следующего периода.

Предпосылки новой философии. Только в период президентства Путина российское общество стало осознавать, что мы живем в другой России, уже не советской и не либерал-реформаторской, а следовательно, никакого идеологического догматизма отныне не предполагается. Постепенно перед «мыслящим классом» российского общества на первый план встала проблема системного осмысления всего процесса развития русской мысли – дореволюционного, советского, эмигрантского и т.д., а также потребность освоить вызовы западной и восточной мысли, на которые не могли или не хотели ответить советские марксисты, либо их ответ был неадекватным и догматическим.

Эта историческая возможность лежит в основе того процесса, который в современной России только-только начинается. Речь идет о философском пробуждении, о первых попытках рассмотреть наше наследие без идеологических постулатов и соотнести его с философскими процессами, протекавшими на Западе и Востоке в XX веке (из которых мы в период СССР почти полностью выпали), и протекающими там сейчас.

Философия по своей природе не является процессом получения знаний. Именно она делает знание знанием, придает знанию смысл и значение, устанавливает методологию познания и интерпретацию его результатов. Количественное накопление прочитанных книг и текстов, изученных авторов и направлений философской мысли, само по себе никогда не приведет к пробуждению подлинно философской мысли. Эта мысль первична по отношению к комплексу знаний, так как может быть приложима к любой сфере – от высших религиозных истин до естественно-научных дисциплин или даже бытовых и психологических ситуаций.

Этап философского возрождения мысли в современной России неизбежен, но каким он будет, и в каком приоритетном направлении он станет развиваться, предсказать пока трудно. Важно провести грань между техническими исследованиями в области философии, которые не прекращались все это время и дали ряд ценных результатов, с точки зрения истории философии (в том числе восстановление и переиздание философского наследия), и собственно философским процессом как таковым. Если мы смешаем эти

понятия, и посчитаем, что в современной России уже есть философия, мы не просто обманем сами себя, но сорвем подлинное рождение того, что должно быть, но чего пока еще нет.
О философии Новой России можно говорить только в предположительном ключе, но, тем не менее, некоторые направления этой философии, стоящие перед ней в качестве задач, выделить можно.
Уникальность современных условий для философской мысли. Внешняя и внутренняя свобода. В современной России мы живем в уникальный период, когда общественно-политическое устройство и установки власти не оказывают принудительного давления на сферу философского мышления. Только в современной России сложились условия для полной внешней свободы мысли – свободы от идеологического давления. Все ограничения на мысль, которые сохранились, носят инерционный характер – это пристрастные позиции тех или иных политических групп или научных сообществ, которыми в новых условиях вполне можно пренебречь. Академическая наука в гуманитарной сфере пребывает в хаотическом состоянии, представляя собой случайный набор советских и либеральных установок, перемешанных с личными предпочтениями того или иного автора, школы или экстравагантными фантазиями (как, к примеру, «новая хронология» академика Фоменко). Следовательно, и из этой среды не проистекает никакой обязательности. Основная преграда, не позволяющая до конца воспользоваться внешней свободой мысли – это отсутствие внутренней свободы, которая методично подавлялась на самых разных этапах русской истории (и не только при большевиках). Русская интеллигенция привыкла всегда «мыслить вопреки», но и эта привычка сегодня неуместна, так как, пожалуй, впервые, никто не говорит в категорическом тоне - как надо мыслить. Получается, что когда людям наконец-то дали свободу высказывания, у них не осталось для этого мыслей и слов.
Основные задачи, стоящие перед русской философией в XXI веке. Построение истории философии России. В первую очередь философия Новой России должна сформулировать систему истории русской философии, где ее различные этапы, теории отдельных философов, общие закономерности и мировоззренческие установки эпохи будут сведены к единой модели.
Эта система позволит наметить траекторию интеллектуального движения русской мысли.
Такая система может быть не единственной, вероятно следует предложить несколько вариантов, прокладывающих философские маршруты по-разному и выделяющие в качестве главных вех различные философские школы, направления, отдельных авторов. Особенность русской философии состоит в том, что она в некоторых аспектах неотделима от религии, морали, политики, искусства и хозяйства. Подчас русские «мыслят красками» (по выражению Е.Трубецкого об иконописи), музыкой, религиозной проповедью или политическим действием (реформами, революциями или репрессиями). Поэтому система истории русской философии не может ограничиваться только теми философами, которые признаны таковыми и создавали полноценные философские системы. Чтобы понять объемность русской мысли, необходимо включить в нее все эти составляющие, без которых она будет безжизненной и блеклой схемой.
История русской философии, которую только еще предстоит создать, должна быть историей русской души.

Народ как субъект философии. В разных философских системах в качестве субъекта выделяются разные реальности – где-то личность, где-то индивидуум, где-то класс, где-то церковь. Русская философия знала разные системы определения субъекта философии, но практически всегда под различными наименованиями мы сталкиваемся с «народом», который проступает и в «личности», и в «классе», и в «церкви», и в «государстве». Русская философия народна по своей сути, и с какой бы стороны к ней не подходили, именно народ всякий раз занимал в ней центральное место. Даже в полном одиночестве русские мыслят как народ и в духе народа.

Выделение народа как главного субъекта русской философии позволит найти связи там, где внешне вы видим только разрывы, понять внутреннюю логику важнейших процессов, которые на поверхности выглядят как хаос и набор случайностей. Русская философия -- это философия, творимая народом. И признав эту ее особенность, мы не только получим важнейший инструмент для верного понимания ее истории, но и заложим надежный фундамент для открытия ее нового этапа.

Современная Россия во времени и в пространстве. Важнейшей задачей русской философии является определение положение современной России во времени и в пространстве.

Определение позиции во времени означает расположение России в историческом процессе – как собственном, так и мировом. История русской философии позволит осмыслить место современной России в циклах ее развития. Остается вписать ее в общемировой исторический процесс. Эта задача чрезвычайно сложна, так как развитие обществ в разных точках мира идет по разным траекториям и подчас в разных направлениях. Это отражено и в философском осмыслении протекающих процессов. Поэтому единой всемирной истории и ее философского отражения (постижения) не может существовать по определению. Это усложняет задачу: нам предстоит не просто найти себе место в схеме развития, но и нарисовать саму эту схему, исходя из нашего русского представления о логике и философии истории мира, естественно, учитывая и то, что думают об этом и как философствуют по этому поводу другие народы и культуры.

Задача определения места России в истории – это задача со многими неизвестными, так как в разных культурных контекстах и в разные периоды понимание своей собственной (а также «всемирной») истории существенно меняется, и следовательно, современной русской философии предстоит воссоздать модель понимания исторического процесса в целом. Это требует колоссальных усилий, которые можно осуществить, только отталкиваясь от ясного осознания собственной идентичности, философской уверенности в обоснованности своих исторических позиций.

Мы не сможем понять историю других, не поняв своей собственной истории. Но понять свою историю также не возможно, не соотнеся ее с историей народов, с которыми мы взаимодействовали, сталкивались, спорили и обменивались представлениями и ценностями. Это, однако, не «порочный круг», но указание на то, как должно осуществляться решение поставленной задачи: осмысляя себя, мы осмысляем и других, и несходство с другими делает нас самими собой. Поиск отличий от другого – это систематизация знаний о самих себе.

То же самое касается и определения роли России в пространстве. Пространство, в котором живет человечество, это не физическая, но общественная среда, состоящая из народов, этносов, культур и обществ. Место

России в пространстве – это ее миссия в контексте человечества, ее интересы, ее границы, ее философская идентичность. Народы в пространстве граничат с другими народами, это и есть подлинные границы, где кончается одна культура и начинается другая. Качество этих границ между культурами, их проницаемость или непроницаемость, является принципиальным фактором, во многом определяющим содержание и состояние народа, его мышления.
Чтобы найти место России в мире, предварительно требуется осмыслить мир, его логику, его устройство, систему взаимодействия культур и цивилизаций, как граничащих с нами, так и удаленных. Процессы глобализации вносят в решение этой проблемы дополнительную остроту: явление глобализации требует глубокого философского осмысления с позиций русского культурного кода, только тогда мы найдем в этом процессе достойное место или отвергнем его, если придем к выводу, что он разрушителен для нашей идентичности.
Все эти вопросы можно решить лишь в процессе интенсивного философствования, через предельное напряжение мысли. Сегодня в России нет такой инстанции – ни властной, ни социальной, ни религиозной – которая избавила бы нас от осуществления осмысленного выбора, от интеллектуального усилия, от свободного и ответственного философствования о судьбе России.
Кризис науки в России 1990-х. В современной России научная мысль полностью наследует советской традиции. Лишенная идеологической нагрузки и прагматического обоснования в форме соперничества со странами Запада, современная российская наука переживает не лучшие времена. Ее социальная и государственная функция поставлены под вопрос. Либерал-реформаторы 1990-х не отвели в своих концепциях отечественной науке вообще никакого места, так как были убеждены, что отечественные разработки безнадежно отстали от западных, и сближение с Западом приведет к равномерному распространению «высоких технологий» и в России.
Правительства стран Запада (США и Европы) считали иначе, и активно скупая «мозги» российских ученых и привлекая их к сотрудничеству в зарубежных научных центрах. Вместе с тем, на сотрудничество с Россией в области «высоких технологий» наложено множество ограничений, что препятствует их проникновению в российскую среду. Запад предпочитает продавать готовые продукты, а не сами технологии, позволяющие эти продукты производить.
В течение 90-х годов XX века многие лучшие умы российской науки оказались за рубежом или трудятся на иностранные гранты. На Запад уезжали многие наиболее одаренные молодые ученые – спрос на них был в тех странах, которые продолжали отстаивать монополию на научную и культурную деятельность, справедливо видя в этом дополнительный – причем важнейший! – фактор силы.
Осознание значения науки в Новой России. В 2000-е годы российская власть стала демонстрировать первые признаки осознания того, что наука играет в современном обществе и государстве огромное значение, и сохранение суверенитета государства невозможно без интенсивного развития научного процесса. В современном мире страны вынуждены обеспечивать свою обороноспособность в сфере новых видов вооружений, а это требует не только высокого уровня техники, но и постоянного проведения исследований в области фундаментальных наук. Это осознание привело к тому, что в финансировании науки ситуация постепенно улучшается, и власть проявляет озабоченность кризисным положением в этом вопросе.

Однако проблема не сводится к чисто техническим аспектам, к масштабу финансирования, обеспечению преемственности научных элит и институционализации научных учреждений. Прежде всего, необходимо заново поставить вопрос о философском значении науки в ее сегодняшнем состоянии, пересмотреть некоторые ее предпосылки, соотнести научный процесс с исследованием культурной самобытности русской цивилизации и ее ценностями.
Наука (прежде всего естественные науки) в том виде, в каком она существует сегодня, является прямым продуктом Просвещения и философии Просвещения. При этом ее развитие, начиная с конца XIX и в течение всего XX века, наглядно демонстрировало ограниченность этой философии с ее наивным позитивизмом, механическим материализмом и поверхностным атеизмом (или, в крайнем случае, «деизмом» – как у Ньютона, Декарта или Эйнштейна). Системного пересмотра философии науки на Западе не произошло, хотя очень серьезные и значительные шаги в этом направлении были сделаны (Т.Кун, П.Фейерабенд, Б.Мандельброт, И.Пригожин и т.д.). При этом в западном обществе значение науки резко падает, что дает возможность говорить о «конце науки» в эпоху постмодерна (Дж.Хорган). Значение науки для Новой России, таким образом, превосходит прагматическую необходимость укрепления и поддержания государственного суверенитета, и является философским вопросом, на который русские призваны дать новый ответ – с опорой на собственную традицию, на свой анализ логики судьбы науки в обществе модерна и постмодерна. Русская наука редко задумывалась о своих философских основаниях, хотя такие ученые как В.И.Вернадский, сделали в этом направлении не мало. Всякий раз разработке систематической философии науки препятствовали либо инерция, либо идеологические клише. Сегодня этих препятствий в российском обществе нет, и вопрос о значении науки, ее основании, ее роли в русской культуре, ее ценностной нагрузке, ее философии может быть поднят и осмыслен совершенно свободно. Возможно, верный и обоснованный ответ на этот важнейший вопрос и решит дальнейшую судьбу российской науки.
Наука не самоцель. Ее ценность зависит от ее места в контексте общей ценностной системы. Лишь в конкретной культуре наука обретает свой смысл, вес и значение. Пока этот принципиальный вопрос не решен, ожидать существенных изменений в российской науке не приходится.
Русская культура в XXI столетии. «Бронзовый век»? Чем будет являться русская культура в XXI веке, предсказать трудно.
С одной стороны, освобождение общества от идеологических клише марксизма открывает возможность продолжить на новом уровне тот культурный процесс, который лежал в основе русской культуры в последние три столетия. Согласно ритмике развития русской культуры, в этот период следовало бы ожидать наступление «бронзового века», когда снова встанет вопрос о культурном предназначении русского народа, о месте русских в контексте человечества, о диалектике и драме двух культурных составляющих российского общества -- народной и западной (сегодня можно сказать «глобалистской»).
«Бронзовый век» должен был бы дать убедительную трактовку последних этапов русской культуры -- советской и пост-советской, найти им место в общем культурном контексте, оценить, осмыслить и систематизировать то, как отечественная культура справилась с вызовами XX века в ценностном, эстетическом и этическом смыслах. Какие ответы стоит принять за

приемлемые, а какие пути привели нас в тупик.
Следует поставить вопрос о том, как сочетать стратегии постмодернизма, отражающие опыт западного общества, с русским культурным процессом? И надо ли это делать вообще?
Постмодернизм диалектически отрицает основы западно-европейской культуры модерна, на которых он сам и стоит исторически. Для России эта западная культура модерна никогда не была доминантой, входя в наше общество частично, и подчас в довольно парадоксальных формах (например, в форме марксизма, который на самом Западе оставался явлением маргинальным). В таком случае кризис, зафиксированный в западном постмодернизме, может стать для нас еще одним аргументом в пользу поиска собственной культурной судьбы, а не копирования западных клише, от которых сам Запад стремительно отказывается.
Культурные ценности индивидуализма, индивидуальной свободы, рационализма, эффективности и т.д. имеют мало отношения к ценностной иерархии, свойственной России. Внедрение этих заимствованных ценностей шло в России всегда трудно, сверху и с большой долей насилия, так как русские культурные ценности почти во всем прямо противоположны западным. И когда сам Запад пересматривает свое отношение к индивидуализму и рационализму, констатирует их кризис и исчерпанность, то стоит ли нам двигаться в этом направлении, на котором мы не особенно продвинулись, но от которого сам Запад отказывается на наших глазах?
«Бронзовый век» состоится, если учтет все эти факторы:
- заново пробудит народное культурное начало,
- адекватно осмыслит логику культурного развития России и СССР в XX веке,
- найдет правильные пропорции отношения к вызову культуры постмодерна, похоронившей ценности эпохи Просвещения.

В настоящее время в российском обществе мало или вовсе нет признаков вступления в «бронзовый век». Скорее всего, мы по-прежнему переживаем в культуре период замешательства, распада, отмирания советских кодов, что усугубляется некритичным и неосознанным копированием отдельных элементов западного постмодернизма без какой-либо связи с историческими традициями русской культуры и ее логикой.
В древнегреческом мифе Гесиода о «четырех веках» - золотом, серебряном, бронзовом и железном – подчеркивается, что бронзовый век является «веком героев». А герои в отличие от богов – это те, кто осуществляет свои подвиги не благодаря, а вопреки силам судьбы, бросая им вызов. Продолжая метафору «веков», принятую в отечественном искусствоведении, можно предположить: ничто не свидетельствует о наступлении в России эпохи «бронзового века» культуры, но тем не менее он может (и должен) наступить, если в глубине народа возникнет творческая воля, способная пробить толщи исторического и культурного сна, и обратить разрушительные тенденции постмодернистского растворения вспять.

Контрольные вопросы

1.Какие причины привели к задержке философского возрождения в России 90-х годов XX века?
2.В чем состоит уникальность исторического момента для современной русской философской мысли?

3Каковы задачи, стоящие перед русской мыслью в будущем?
4.Кто является центральным субъектом мышления (класс, индивидуум, народ, этнос, церковь, государство или кто-то еще)? Постарайтесь обосновать свой ответ.
5.Наступит ли «бронзовый век» русской культуры? Каким вы его видите?

Оглавление

Часть 3. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Раздел 10 ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

10.1 Человек и его смысл

"И религии и философемы до сих пор старались говорить о том, каким образом и откуда возник человек,
вместо того чтобы определить, что он есть".
М.Шелер

Понятие о «человеке». Человек как общественное явление. Мы привыкли считать, что человек – это нечто само собой разумеющееся и не требующее определений, объяснений и описаний. На самом деле, это далеко не так. В разных культурах и цивилизациях, на разных исторических этапах понимание человека существенно различается. Определение человека, его статус, его природа, его идентичность в огромной мере зависят от общества. Человек – это существо общественное; его самосознание, самоопределение и самооценка полностью формируются тем обществом и той культурой, где он живет. Одни общества понимают под «человеком» одно. Другие – другое. Осмысление природы, сущности и идентичности человека зависит от того мировоззренческого кода, который утвердился в каждом конкретном обществе.

Родовое определение. «Мыслящее животное» (Аристотель). Древне-греческий философ Аристотель (384 –322 до н.э.) определил человека как «мыслящее животное». Стремясь найти те признаки, которые фундаментально отличали бы человека от других видов, он в качестве главного выделил способность мыслить, наличие у людей ума, сознания, разума. При этом Аристотель признает в человеке и животное начало, которое сближает его со зверьми.
Древние греки были уверены в существовании иных мыслящих существ – богов, полубогов, духов и т.д. Но эти существа понимались как явления духовные и психические, не обладающие физическим организмом и материальностью. Только в человеке греки признавали сочетание мысли и животного начала. Мысль сближала человека с богами. Тело – с животными. Обладание обоими качествами представляло собой уникальную встречу двух природ, что ставило человека в центр мироздания, делало его «посредником» между мирами, промежуточным элементом, соединяющим материальное с нематериальным.
Такое определение человека подчеркивает его двойственность и дает возможность рассматривать и изучать его с биологической (животной) и

рассудочной (духовной) стороны. Подобная двойственность в понимании человека в разных формах присуща всем культурам, религиям и научным теориям, так как наличие у человека разума и материального животного организма является наиболее несомненными и самоочевидными его характеристиками. Животное и мыслящее начала задают рамки всех возможных истолкований человека.

На одном полюсе человек приравнивается к чистому духу, разуму, сознания, где животное начало минимально. На другом -- человек видится как животное, но только с некоторыми анормально развитыми функциями, сформировавшимися в ходе эволюции в структуры логического мышления.

Человек как «политическое животное». Аристотель называет человека еще и «политическим животным». Этим он хочет подчеркнуть, что среда обитания человека является рукотворной и коллективной, в отличие от естественной среды обитания животных. Человек способен пребывать только в упорядоченном общественном пространстве, образцом которого является греческий «полис» («город»), откуда и произошел термин «политика». «Полис» есть человеческий мир, где действуют человеческие законы, определяющие нормы духовной и материальной культуры. В культуре важнейшую роль играют взаимосвязи между людьми, выстраивающие системы смыслов, содержания, ценностей. Люди получают от общества не только правила поведения, но и свое «я», так как само представление о личности, ее структуре и природе определяется в коллективном пространстве «полиса», понятого в широком смысле (как культура).

«Полис», «политика» у Аристотеля представляет собой, прежде всего, пространство «мысли», где разумная составляющая человеческого существа организует рассудочный порядок из животного хаоса, распространяя этот порядок на общество. Поэтому он и называет человека «политическим животным».

Связь в человеке мышления и деятельности. Человек есть существо деятельное. Деятельность есть приложение теоретических воззрений к окружающей среде. Какова философия общества, где живет человек, такова и структура деятельности, которая считается обязательной, престижной, почетной или позорной. Нет единого определения деятельности, как нет единого представления о человеке или о философии. В каждой культурной среде характер и смысл человеческой деятельности качественно различен. Человек устроен так, что обязательно проецирует свое понимание мира на внешнюю среду.

Вся человеческая деятельность делится на две области – теоретическая и практическая. В отличие от расхожих представлений о различиях между «теорией» и «практикой», «теория» также представляет собой вид деятельности, причем более центральный и определяющий человека, нежели любой другой. Человек, как существо мыслящее, более всего ориентирован на «теоретическую практику». Основная работа проходит в сознании, в душе и духе человека. Философский труд является наиболее достойным видом «праксиса», где человек соприкасается со своей сутью как человека. Мысля, человек творит.

Но верно и обратное: творя, делая какую-то работу, человек мыслит. Основное различие между физическим трудом и мыслью состоит лишь в качестве среды: физическое действие расходует телесные силы и оперирует с плотными предметами, которые выступают как знаки; духовная деятельность потребляет

силы души и осуществляется в тонкой стихии мыслей и интуиций, результатом чего является речь или текст, а иногда интуитивное понимание или волевая решимость.
Есть несколько теорий происхождения деятельности. Некоторые из них, например, христианская, воспринимают императив труда как наказание за грехопадение, т.е. труд сам по себе видится как нечто негативное, но, тем не менее, служащее делу спасения и искупления грехов. В евангельском сюжете повествуется о том, как палачи заставили Христа нести крест, на котором Он был распят, на Голгофу. Так, воплотившись в человека, даже Бог взял на себя тяжесть непосильного труда. Отсюда выражение – «неси крест свой». Это обязанность каждого христианина -- мужественно трудиться и справляться с препятствиями, так как это входит в условия человеческого существования. В рамках православной культуры честный труд становится путем ко спасению.
В марксистской философии природа труда осмысляется в духе дарвинизма, как следствие борьбы за выживание древними людьми. Вместе с тем, трудовая природа человека здесь наделяется позитивным нравственным началом: труд сам по себе есть благо, а отчуждение результатов труда – в форме присвоения прибавочной стоимости – есть зло. Так труд («праксис») становится этической и ценностной категорией, предопределяющей структуру всей марксистской идеологии.
Гедонистическая теория (учение о «наслаждении» как о высшей цели жизни – от греч. «гедоне», «наслаждение») рассматривает труд как чисто негативное явление, в котором выражается чисто внешняя необходимость, ограничивающая человеческую свободу, а высшей ценностью, напротив, является отдых и свободное время. Свобода в таком случае есть не свобода труда, но свобода от труда.
В разных философских учениях труду придается разное значение: где-то он воспринимается как нечто принудительное и внешнее, где-то как форма свободного выражения творческого начала, где-то как жизненная потребность человека, где-то как социальная необходимость, где-то как нравственный долг. Единой теории деятельности не существует, в силу разнообразия культурных кодов и цивилизационных контекстов.
Человек в религиозном обществе. Душа и дух. Рассмотрим, как понимают человека религиозные культуры. Религиозные общества по своему типу делятся на две разновидности: монотеистические и немонотеистические. В каждой из этих систем существует различное представление о фундаментальной структуре человека.
Древние общества, где преобладали «естественные религии», главным в человеке считали духовные элементы, «душу». В религиозных культурах Древности человек приравнивается к его душе, а физическая составляющая считается «не очень значимым дополнением» – как одежда или предмет обихода. Тело понимается как временный инструмент души.
Тело смертно, а душа – бессмертна. В большинстве древних религиозных обществ бессмертие души понимается как ее существование до получения физического тела и после смерти. Все основное внимание при изучении человека падает на его душу. Человек здесь и есть душа, а значит, обладание человеческим телом, не является основным признаком. Отсюда вытекает теоретическая возможность человека перевоплощаться в разные тела, в том числе и нечеловеческие. В пифагорейской теории «перевоплощения», а также у буддистов и индуистов считается, что душа человека может вселиться в

животное или даже в неодушевленный предмет. Сам Пифагор, по преданию, рассказывал, что в прошлых жизнях он был петухом.
Сама душа описывается в религии как имеющая в себе дав различных элемента: собственно индивидуальная душа, способная чувствовать и переживать, и сверхиндивидуальный бесстрастный дух, который есть прямое проявление божественного начала в человеке.
Души проходят через физические рождения, совершенствуются или, напротив, деградируют, меняются, страдают и радуются. Дух же остается неизменным, воплощая в себе постоянство божественной вечности. Душа – это малое «я» человека. Дух – его великое «я».
В таком представлении о человеке тело играет вспомогательную роль. К физической жизни, и соответственно к физическим потребностям, страданиям, желаниям и страстям в «естественных религиях» отношение ритуальное: сами по себе ценности они не представляют и вызывают не больше внимания, чем предметы личного быта. Смерть есть лишь эпизод, приключение, за которым следует новое рождение.
Бессмертие души в таких обществах понимается буквально, и культ предков призван установить прямые контакты живых с умершими. Вместе с тем, это формирует своеобразное «экологическое» отношение к природе: ведь населяющие ее существа -- вплоть до мельчайших -- могут таить в себе человеческие души. В буддизме эта теория развита до своего логического предела, и буддистские отшельники и монахи, стремящиеся не причинять вреда никаким живым существам, стараются даже не делать резких жестов – ведь они могут невзначай стать причиной гибели летающей в воздухе мошкары.
Бессмертие души в монотеизме. Тело как преграда. Бессмертие человеческой души в монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам) существенно отличается от «естественных религий» (даосизм, конфуцианство, индуизм, язычество и т.д.). Здесь человеческая душа также мыслится бессмертной, но это бессмертие ограничено с одной стороны, идея перевоплощений в разные тела отсутствует. Бог-Творец создает душу вместе с телом, до этого души не существует. Душа переживает смерть и продолжает, будучи раз сотворенной, жить вечно. После смерти она пребывает в особых областях невидимого мира (в раю или в аду), ожидая там Воскресения и Страшного Суда.
Особенностью монотеистических религий является идея, что земная жизнь не просто эпизод в череде перевоплощений души, но место ее решающего испытания: если душа, воплощенная в тело, правильно проживает земной срок и выполняет подвиги Веры, то после смерти она «спасается» (попадает в рай). Если она сбивается с правильного пути, после смерти ей грозят «страдания» и «ад». И этой посмертной участи уже ничто не может изменить.
В монотеистических религиях роль земного существования -- и соответственно тела – резко возрастает. Но тело становится важным не само по себе, а из-за того значения, которое имеет для души правильное прохождение испытания физическим бытием. В монотеизме человек это тоже, в первую очередь, душа, но тело здесь не второстепенный малозначимый элемент, а некое антагонистическое начало, препятствие, обладающее своей логикой и своим бытием. Укротить плоть, подавить ее голос и ее желания, подчинить ее душе, а затем и преобразить ее с помощью высшего внутреннего света – таковы этапы человеческой судьбы в монотеистических религиях. Двойственность человеческой природы, состоящей из бессмертной души и смертного тела,

приобретает здесь новый драматизм.
Христианская антропология. Обожение. Христианское учение о человеке (христианская антропология) дополняет общее монотеистическое представление о бессмертной душе, созданной Творцом вместе с телом, важнейшим элементом, отсутствующим и в иудаизме, и в исламе – идеей воплощения Бога. Христиане верят, что в человеке Исусе Христе воплотился сам Бог, Бог-Сын, второе Лицо Пресвятой Троицы. Это было высшей формой Божьего милосердия и любви, так как отныне люди получили возможность не просто посмертной награды за праведное бытие (эта возможность была открыта и для ветхозаветных праведников), но и перспективу обожения. «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», так определяли сущность Воплощения святые отцы Церкви (Иреней Лионский (130-202), Афанасий Великий (298-373), Григорий Богослов (380-381) и другие).
До Христа человеческая душа – даже в случае праведников -- после смерти была размещена в особом пространстве (ад), где условия ее пребывания различались -- от нейтральных до мучительных («геенна огненная»). Только отдельные избранные пророки -- Енох и Илия – были взяты Богом на небо. В аду же пребывал и сам Адам, и патриархи, и праведники. Лишь Воплощение Христа в человеческой природе радикально изменило сам статус человека, включая его плоть. Так как Бог осенил человечество своим присутствием, воскрес и взошел на небо в человеческом теле, то человечество получило возможность пойти тем же путем. В этом и состоит великий смысл жертвы Бога, страдания и распятия за людей. Христос искупил человеческую природу и дал ей шанс обожения.
Эта идея ложится в основу христианской антропологии, где земное бытие получает еще большее значение, чем в других монотеистических религиях: здесь происходит решающий выбор, который определяет не только относительные параметры посмертного существования, но и открывает возможность святым, подвижникам и благочестивым христианам стяжать высшее небесное достоинство.
Драматизм душевной жизни в земных условиях, свойственный монотеизму как таковому, именно в христианстве достигает своей кульминации.
Человек как существо моральное. Свобода воли. Христианство сформировало развитое учение о структуре человека, его природы и его души. Человек был создан Богом свободным, а значит, имеющим право выбора между добром и злом. Это делает саму природу человека сопряженной с моралью. Каждое действие человека есть решение проблемы добра и зла. Он в любой ситуации выбирает либо зло, либо благо. Это и есть жизнь человека: постоянная борьба между добром и злом. Человек может как обратиться к своему Творцу, так и отвернуться от него. В этом состоит напряжение человеческого бытия. Первочеловек Адам пребывал в раю и был покорен Богу, выбирая благо. В этих условиях его свободный выбор совпадал с благом. Но вкусив запретного плода с древа познания добра и зла, Адам сделал шаг в противоположном направлении – он нарушил запрет, уклонился в сторону зла (не случайно, в истории с соблазнением Еввы участвует «падший ангел», сатана). За этим последовало «изгнание из рая», Адам и его потомство были принуждены отныне проживать последствие свободы, употребленной во зло. Отсюда на всех потомках Адама лежит неизгладимый след – «первородный грех». И хотя природа людей может быть направлена и ко благу, «первородный грех» как камнем тянет ее ко злу. При этом душа человека остается по-прежнему

свободной, и в этом состоит ее главное свойство. Зло, даже получающее большую власть над человеком, всегда остается для него чем-то внешним. Оно воздействует на душу, но не является ее частью. Поэтому в любой – даже самой отчаянной -- ситуации у человека есть выбор: он может сказать злу нет и обратиться к Богу, выбрав добро.

Воплощение Христа многократно укрепило благое начало, дало человеческой душе надежную точку опоры, снабдило ее новым духовным оружием, призванным противодействовать силам зла. Но и после Боговоплощения человек остается свободным. Он может воспользоваться благодатным даром, а может его отринуть. Главная задача человека, как ее понимает христианская антропология, состоит в «синергии» (греч. «син» -- «вместе» и «ургия» -- «дело»), «со-работничестве» человека с Богом. Бог дает человеку благодать, идет в сторону человека, а тот своей свободной волей делает усилия, чтобы идти навстречу Богу.

Такое понимание человеческой природы было и остается основой православной традиции, католическая схоластика вплоть до эпохи Возрождения и часто позже понимала человека сходным образом.

Гуманизм Возрождения. Существенно меняется представление о человеке в период Ренессанса. Здесь впервые рождается концепция гуманизма, в которой достоинство человека и его свободная воля начинают толковаться в духе «естественных религий» -- как благость, со-природность Богу. Это характерно не только для художников и философов Возрождения, но и для католической иерархии: так в 1458—1464 годах папский престол занимает писатель-гуманист Эней Сильвий Пикколомини (Пий II) (1405-1464). Здесь идея выбора между добром и злом смещается в сторону того, что душа человека блага сама по себе, и что Вочеловечивание Христа настолько изменило глубинную природу человека, что стерла «первородный грех» и сделала ее благой. Человек в таком понимании спасается и сам по себе, без помощи Бога, если следует за зовом своей души.

Жан Кальвин: «зло у человека внутри». Против такого подхода жестко выступили вожди европейской Реформации, которые вели системную борьбу с католическим пониманием христианства. Предводитель швейцарских протестантов и систематизатор протестантского вероучения Жан Кальвин провозгласил прямо противоположный взгляд на человека. У него человек был сущностно греховным существом. Кальвин отрицает за человеком «свободу воли», так как это, по Кальвину, делало бы его «равным Богу». «Первородный грех» полностью определяет природу человека, учил Кальвин. Зло у человека внутри и составляет его суть. Бог может спасти человека, но это зависит только от самого Бога, человек здесь не причем. На этом основании Кальвин строит протестантский догмат о «Предопределении». Согласно ему, человек никакими усилиями не может изменить своей участи, и лишь обязан подчиняться религиозной организации, которая будет систематически подавлять зло, живущее в нем – не столько ради спасения, сколько ради соблюдения Божественных установлений. Остальное же – дело Предопределения.

Так, вместе с кальвинизмом, оказавшим огромное влияние на западно-европейскую культуру и философию и сформировавшим основы мировоззренческого кода протестантских стран – Англии, Голландии, Швеции, Норвегии, Пруссии, позже США, в Европе утвердилось представление о злой природе человека, о «зле внутри». Такое понимание разрывало с фундаментальным представлением всех монотеистических религий о «свободе

воли», как главном качестве человека, о его моральной природе. Отныне человек был лишен права «свободного выбора» -- ведь если бы ему это право предоставили, он непременно воспользовался бы им ко злу – исходя из своих природных эгоистических и греховных наклонностей. Поэтому Кальвин считал, что протестантское общество должно быть построено таким образом, чтобы подавлять зло и греховную природу своих членов и принуждать их к соблюдению христианских норм. Сам Кальвин, порицавший инквизицию, жег тех, кого считал «еретиками» на костре.
На этой кальвинистской теории «злой природы человека» основана политическая философия Томаса Гоббса -- с ее знаменитым тезисом «человек человеку волк» и призывом создать Государство-Левиафана, чтобы укротить естественное зло в человеке.
Человек в светской культуре Нового времени. В Новое время появляется радикально иное понимание человека. Христианское представление о человеке лишается его божественного измерения. Идея бессмертия души, а затем и ее самостоятельное бытие ставится под сомнение, а затем и вовсе отвергается, как «не подтвержденное научными данными».
Светская антропология зарождается в Европе эпохи Просвещения на развалинах христианской культуры. Ни одна религия, кроме христианства, не уделяет такого драматического внимания земной жизни человека. И этот драматизм, уникальность земных условий и их центральность сохраняются даже тогда, когда религиозная составляющая, учение о душе и ее земном задании, отбрасывается.
В католичестве, у идейных вождей Возрождения и среди лидеров Реформации человек понимался в его отношении к Богу, хотя и толковался совершенно различно. В Новое время он остается один на один с самим собой. Но предшествующие религиозные учения о человеке влияют и на его понимание в рамках светской культуры.
От классического монотеистического принципа «свободы воли» остается идея свободы как ценности. Но выбор здесь осуществляется уже не между Богом и сатаной, а между рассудочными и отвлеченно нравственными началами – справедливостью, добротой, милосердием и т.д. Так возникает светская мораль – в ней есть выбор, но нет Бога. Рассудок человека здесь видится как инстанция нейтральная и способная выносить взвешенные суждения.
Развитие идей Возрождения в отрыве от религиозного начала дает представление о «естественном праве». Человек хорош сам по себе, учат теоретики «естественных прав» (в частности, Жан Жак Руссо), особенно в его «диком состоянии» (отсюда теория «доброго дикаря», который еще не испорчен цивилизацией). И задача общества – вернуть человека к его естественности и природе, где все гармонично и прекрасно. В таком подходе человеческий разум наделяется «спасительным» качеством, считается доказательством возвышенной природы человека надо всеми остальными животными видами.
Протестантские теории легли в основу человека как эгоистического злодея, движимого жаждой наслаждения. В умеренной форме такое понимание человека легло в основу номинализма, либерализма, прагматизма и утилитаризма, озабоченных лишь тем, чтобы уберечь от проявлений злой природы одного человека других людей. Инструментами такой защиты сторонники данного понимания человеческой природы видят государство, право, представительскую демократию, общественный договор, гарантирующий всем «равенство возможностей», рынок. Природа человека здесь видится как

нечто слепое и неразумное, организованное инстинктами и грубыми плотскими желаниями.
Биологический человек. В рамках атеистического представления о человеке возникают такие представления, где животное телесное начало считается преобладающим, а сам человек как вид истолковывается как стадия эволюции животного мира. Постепенно на этом основании складывается «теория эволюции» (Ч.Дарвин (1809--1882)), согласно которой человек является биологическим видом, сложившимся в ходе развития других животных видов, а ближайшей к человеку ступенью эволюции считается человекообразные обезьяны (гориллы, шимпанзе и др.). В основе эволюции видов, по Дарвину, лежит «борьба за выживание». В ней выживают сильнейшие, способные адаптироваться к окружающей среде и постоянно меняющимся условиям.
В теории Дарвина сходятся некогда противоположных взгляда на природу человека – возрожденческое и кальвинистское. Человек, как высокоразвитое животное, является естественным, а значит, таким же невинным в своих поступках, как животные. С другой стороны, в протестантской этике именно эти животные качества и осмыслялись как зло. Но поскольку к животному понятия морали неприменимы, то теория Дарвина закладывала основы совершенно специфического понимания человека, где его духовное (рассудочное) начало окончательно утрачивало самостоятельность, а следовательно, духовные и моральные аспекты человека утрачивали самостоятельное бытие, превращаясь в побочный эффект эволюции.
Теория эволюции получила признание и статус научной дисциплины, а с ее выводами согласились большинство современных ученых, как в естественных науках (биологии, зоологии), так и в гуманитарных. И либеральные, и социалистические, и марксистские, и нацистские идеологии, как правило, признают теорию эволюции, и строят свои представления о человеке на ее основании.

«Этология», человек как животное. В XX веке теорию эволюции довел до логического предела немецкий биолог и антрополог Конрад Лоренц (1903-1989), основавший отдельную науку – «этологию» (греч. «ethos» -- «привычка», «обычай»). Согласно этологии, врожденные животные инстинкты влияют на человека гораздо больше, чем принято считать, и предопределяют многие (если не все) стороны рассудочной и психической деятельности. Этологи доводят до конца идеи эволюционистов, стараясь объяснить наличием инстинктов практически всю человеческую деятельность – культуру, историю, модели общественного поведения, агрессивность, волю. Способность людей мыслить в этологии рассматривается как отточенные видовые стратегии для реализации животных инстинктов, возведенные в статус «сознания». Для этологов человек – это просто «высоко организованное животное».
В этологии вопрос о человеческой морали вообще снимается с повестки дня. Так представлений о человеке как о двойственном существе, в котором соучаствую духовное и телесное начало, сводится только к одной – телесной - составляющей. Здесь мы имеем обратный полюс представления о человеке как о бессмертной и вечной душе, не зависящей от тела, которое было характерно для «естественных религий».

Новое время: от личности к индивидууму. Становление современной западно-европейской культуры при переходе от фазы традиционного общества

к обществу модерна шло по линии постоянного возвышения индивидуального начала, пока оно не встало во главе всех остальных ценностей.
Чтобы понять логику изменения понимания человека на протяжении Нового времени, следует различать два понятия: «личность» (греч. «persona») и «индивидуум» (лат. «individuum»).
«Личность» может рассматриваться как совокупность различных факторов, – духовных, материальных, этнических, социальных и т.д., – объединенных вместе в виде цельного начала. Личность это не только человек, но и Бог (в христианской религии). Можно толковать как личность народ, государство и т.д. В православном учении есть понятие «соборной личности», т.е. особого лица, образуемого совокупностью верующих. Церковь является такой «соборной личностью».
Индивидуум (лат. дословно «неделимый») есть отдельное человеческое существо, взятое в отрыве от какого бы то ни было духовного, социального или этнического контекста. Это отдельный человек как таковой, принятый за неразложимую цельность, не имеющую частей.
В западно-христианской традиции индивидуалистическая тенденция получила большее развитие, чем в восточной (православной). Православие сохранило понимание личности, каким оно встречается в святоотеческом предании. Поэтому в нем есть место как индивидуальному, так и соборному началу (оба относятся к личности). В западной культуре ценность личности постоянно возрастала, постепенно утрачивая ее «составные» («соборные») элементы и превращаясь в индивидуума.
Важным этапом в этом процессе была Реформация, которая именно индивидуального человека (а не церковную традицию и иерархию как в католицизме) сделала высшим критерием в определении истины, коль скоро именно индивидуальное толкование Священного Писания было поставлено во главу угла. Параллельные процессы в Новое время наблюдаются в области политики, государства и права, экономики, а также других сферах общества, где индивидуум начинает рассматриваться как наивысшая ценность.
Максимальный гуманизм. Коль скоро, представление о Боге, о бессмертии души и высших мирах отвергается, земное человеческое существование и индивидуальность из временного и инструментального явления превращается в самоцель. Так рождается теория «гуманизма» (лат. «homo» - «человек»), где человек оказывается в центре всей ценностной системы. Надо заметить, что центральная позиция человека в мире не является открытием западно-европейской культуры Нового времени. По настоящему новым данном случае является помещение в центр человека, понимаемого исключительно как индивидуум. Поэтому принято различать два типа «гуманизма» -- максимальный и минимальный.
В рамках «максимального гуманизма» центральная позиция человека в мире, безусловно, признаваемая, может толковаться как функция от какой-то превосходящей индивидуум духовной, материальной или социальной силы. Акцент здесь падает на принадлежность человека к более широкой коллективной общности (этнической, социальной, религиозной, классовой и т.д.), которая наделяет его жизнь смыслом, дает ему готовую мировоззренческую матрицу, модели поведения, традиции и т.д.
В западно-европейской культуре изначальное понимание гуманизма постепенно меняется. Сам гуманизм появляется в эпоху Возрождения, но это гуманизм максимальный. В центре -- образ «совершенного человека», «гения»,

«творца», «бого-человеческой» личности, в которой воплощен мировой дух (Джордано Бруно (1548-1600)). Это – человек, но человек, наделенный высшей сверхчеловеческой силой - «героическим энтузиазмом».
К разновидностям «максимального гуманизма» могут быть причислены многие позднейшие идейные течения, которые вдохновлялись «возрожденческим» идеалом человека, рассматривая его как выражение высшей силы. Часто эта сила понималась не как нечто «мистическое» и «натурфилософское», а как историческое, общественное или национальное. Марксизм или европейский фашизм понимали человека в категориях «максимального гуманизма»: для марксистов человек был выражением класса, а для фашистов – нации (для германских национал-социалистов – расы). Русская религиозная философия дает нам другие примеры «максимального гуманизма», осознанного в церковно-православном духе – «цельность» у Хомякова, «соборность» у Киреевского и т.д.
Минимальный гуманизм. «Минимальный гуманизм» рассматривает человека как индивидуума, лишенного какого бы то ни было дополнительного, коллективного измерения. Индивидуум здесь равен только самому себе, самоидентичен, самотождественен.
«Минимальный гуманизм» лежит в основе либеральной культуры, и постепенно в западном обществе он заменяет собой прежние формы, которые были чаще всего разновидностями «гуманизма максимального». Даже в религиозной философии в Европе индивидуум постепенно замещает собой личность, что дает место либеральным толкованием религиозных текстов, и даже цензурирование «Священного Писания» в тех фрагментах, которые могут показаться для определенных индивидуумов «неполиткорректными», как это имеет место в некоторых протестантских изданиях.
Современная западная идеология «прав человека» есть стремление придать «минимальному гуманизму» правовой, легальный характер, превратив ценность в юридическую норму.
Один из классиков либеральной мысли Карл Раймунд Поппер (1902-1992) называл общества, основанные на принципе «максимального гуманизма», «закрытыми», «тоталитарными», «несвободными». В то время как противоположная установка – «минимальный гуманизм» -- воплощена в идеале «открытого общества» (англ. «open society»), отождествляемого с современными либеральными демократиями западного образца.
Своего предельного развития принципиальные установки «минимального гуманизма» достигают в эпоху постмодерна.
Основные направления психологии. Физиологи и бихевиористы. В европейском гуманистическом проекте Нового Времени место души занимает «психология» (греч. «псюхе», дословно «бабочка», так как бабочка была у греков символом «души», освобождающейся после смерти или во сне от тела, как бабочка от кокона), т.е. набор психических качеств и свойств человека, которые представляют собой проявления его индивидуальности. Получает развитие психологическое толкование человеческой мысли, культуры, поведения. Если в традиционном обществе духовная сфера считалась чем-то самостоятельным, обладающим строгой структурой и внутренним порядком, то отныне она представляется игрой психологических свойств отдельных индивидуумов.
Новое время представляет человека как совокупность тела, изучаемого анатомией и биологией, и сознания, изучаемого философией. Психология занимается промежуточным уровнем человеческой личности – всем, что

находится между биологической анатомией и мышлением. Роль психики и структуру ее устройства разные психологические школы понимали по-разному. Ранние материалисты, например, философ и медик Ж.Ламетри (1709-1751), считал человека совершенной машиной (его программная книга так и называлась «Человек-машина»), а его предшественник Декарт к «машинам» причислял животных. Это механическое понимание человеческого организма лежит в основе всей современной медицины, которая вслед за первыми врачами-физиологами (Сантори, Бальви и др.) видит в мускулах и суставах человека рычаги, в легких – меха, в глазах – зеркала, в печени – очаг и т.д. В такой картине психика человека занимает небольшое место и ее проявления сводятся либо к животным инстинктам, либо к зачаточным проявлениям рассудка.

В XIX веке внимание к психике человека неуклонно росло. Дарвиновская теория подводила к тому, что у человека, как у высокоразвитого животного, должны были бы быть врожденные инстинкты, представляющие собой низшие этажи психической деятельности. На этой основе постепенно сложилась психологическая теория «бихевиоризма» (англ. «behavior», «поведение»), согласно которой психику человека следует рассматривать как «поведение», т.е. систему ответов на внешние стимулы, открывающую врожденные или приобретенные инстинкты. «Бихевиоризм» изучает поведение человека как совокупность организованных инстинктов.

Психоанализ и гештальт-психология. Основу более фундаментального подхода к человеческой психике, рассматриваемой как самостоятельная и сложно устроенная сфера заложил австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд (1856 - 1939), разработавший направление психоанализа. Фрейд развил теорию «подсознания», где, по его мнению, в младенческом и даже пренатальном (утробном) состоянии формируются основы человеческой психики, которые позже дают о себе знать в виде многообразных комплексов. В основе человеческой психики, по Фрейду, лежат чувства наслаждения (желания) и страха (смерти, пустоты), «эрос» и «танатос».

Содержание мифологий, религии и произведений искусства Фрейд толковал как наивное описание этих простейших комплексов и тех ситуаций, в которые они воплощались в семье. Символизм, сновидения, говорки, непроизвольные жесты, психические и умственные расстройства Фрейд сводил к проявлению подавленных желаний, скрытых комплексов, травматических ситуаций, пережитых в раннем детстве. Фрейд разработал методы лечения психических расстройств, состоящие в воспоминаниях пациентов о ситуациях раннего детства или о сновидениях, которые истолковываются врачами-психоаналитиками и помогают больным восстановить механизмы нормальной психической жизни. Полное излечение и достижение нормы сам Фрейд считал невозможным в принципе.

Идеи Фрейда продолжил его последователь Карл Густав Юнг (1875-1961), который развил представление о самостоятельности психики до логического предела, разработав концепцию «коллективного бессознательного», своего рода «коллективной души», где сосредоточены символы, психические архетипы, основные мифологические и сновиденческие сюжеты. Идеи Юнга (обобщенные в направлении «психологии глубин») напрямую перекликаются с мистическими учениями, которые сам Юнг усердно исследовал, и религиозными представлениями о душе и духовном мире как самостоятельных реальностях.

Параллельно «психологии глубин» развивалось другое направление, также рассматривавшее психику человека как самостоятельное и цельное явление (в отличие от функционального или даже «животного» ее понимания в «бихевиоризме») – гештальт-психология. Название образовано от немецкого слова «Gestalt» -- «образ». Основателем и главным теоретиком гештальт-психологии является Макс Вертхаймер (1880-1943). Согласно этому направлению, человеческая психика устроена прямо противоположным образом, нежели рассудок. Рассудок склонен разделять явления, мысли, предметы и события, «анализировать» их (по-гречески «анализ» значит «раз-деление»), а психика, напротив, соединяет все в цельные образы, «гештальты». На этом основании психологи этой школы исследовали психику как человеческую способность к порождению и восприятию цельных образов.
Особое место в истории психологии занимает учение французского психолога и психоаналитика Жака Лакана (1901-1981). Лакан связал формирование базовых аспектов психики у младенцев с освоением языковых структур. Большое влияние идеи Лакана оказали на структуралистов и постструктуралистов.

Развивая учение Лакана философ Ж.Делез и психо-аналитик Ф.Гваттари разработали теорию «поверхности», как символического пространства, находящегося там, где проходит невидимая грань между телом и сознанием. Психология «поверхности» рассматривает само сознание как продукт сложной «репрессивной» надстройки над простейшими импульсами, поднимающимся из глубин тела, а возникновение первичных смыслов помещает на саму эту «поверхность». Философские концепции «ризомы» и «тела без органов» основываются на этих психологических концепциях.

Свобода, риск и ответственность как основные параметры человеческого бытия. Постановка индивидуального человека во главу угла общества наделяет его набором новых свойств, которых он не имел в религиозных культурах. Человек в религии всегда взаимодействует с объективными духовными силами – совокупно называемых «Промыслом Божьим». Бог (или Первоначало в немонотеистических религиях) постоянно участвует в бытии человека – и извне, через направление логики внешних событий, и изнутри – через энергию его души, связанной тысячью нитей со структурами духовного мира.

В светской культуре человек остается один на один с бытием, лишенный внешней и внутренней опоры. Он мыслится совершенно свободным от каких-либо фундаментальных форм, предопределяющих его судьбу. Таким образом, жизнь человека наполняется чрезвычайной ответственностью и огромным риском.

В минимальном гуманизме у человека нет задания, которое он должен был бы осуществить перед лицом объективной инстанции, выступающей в качестве судьи (перед Богом, перед Судьбой, перед своей душой и т.д.) Он предоставлен сам себе и оказывается в среде холодных отчужденных сил, действующих на него извне и изнутри («ад – это другие», писал Ж.-П.Сартр). Это порождает трагичность человеческого бытия, окруженного стихией «ничто» и обреченного на безвозвратную гибель, отсутствие у него какого бы то ни было объективного смысла. Внешняя свобода постоянно растет, а внутреннее содержание индивидуума остается прежним, либо обнаруживает свою ничтожность. Сартр также называл современного западного человека «тюрьмой без стен».

Трагизм, который несет в себе минимально-гуманистическая традиция Нового

времени, особенно остро переживали философы-экзистенциалисты (М.Хайдеггер (1889-1976), Ж.П.Сартр (1905-1980), А.Камю (1913-1960), К.Ясперс (1883-1969) и т.д.).
Утилитаризм. Экономический человек. Гедонизм. Параллельно этой «трагической» (пессимистической) традиции в оценке европейского минимального гуманизма (как нигилизма), другие философские школы, напротив, прославляли процесс освобождения человека от «предрассудков» прошлых эпох, обещая «новый и лучший мир».
Освобождение человека от духовных надстроек, свойственных религии, и от учения о душе, сделало земную жизнь областью приложения всех человеческих сил, которые следовало отныне тратить только на конкретные, понятные и достижимые цели:

- материальное обогащение,
- техническое совершенствование,
- получение максимального удовольствия.

Это приводит к утилитаризму и прагматизму. Ценностью объявляется то, что полезно, удобно, ведет к наслаждению и комфорту -- в пределе то, что развлекает и веселит.
Вынося за скобки трагический гуманизм экзистенциалистов, остается оптимистический гуманизм прагматистов и позитивистов, которые видят только прикладные и технические стороны освобождения индивидуума. Так у экономиста Адама Смита появляется теория «экономического человека», которая рассматривает человека только как участника рыночного процесса. Единственная мотивация «экономического человека» - эгоистическая погоня за комфортом и наслаждением. Его разум направлен на оптимизацию прибыли и повышение эффективности своей деятельности, на усиление своего господства над окружающей средой и извлечение из нее максимальной выгоды. «Экономический человек» ко всему относится прагматично и утилитарно, принимая только полезное, и отбрасывая все остальное, как излишнее. Классический для капиталистического общества тип предпринимателя воплощает в себе именно такую фигуру.
Социал-дарвинизм. «Человек человеку волк». Сочетание либеральной теории «экономического человека» с идеями Дарвина о «борьбе за выживание» как движущей силе эволюции дало направление социал-дарвинизма.
Наиболее ярким выразителем «социал-дарвинизма» стал английский философ и социолог Герберт Спенсер (1820- 1903). Спенсер считал, что общество для человека является тем же самым, чем природа для животных, и в обществе в полной мере действуют законы «естественного отбора» -- «выживает сильнейший». По Спенсеру, каждый может делать, что пожелает для удовлетворения своих эгоистических интересов, и сильные добиваются в этом больших результатов, чем слабые, которые обречены на поражение. Однако, если всех поставить в равные стартовые условия и запретить одному человеку нарушать свободу другого, то социальная борьба, протекающая, в первую очередь, в сфере рынка, будет «справедливой», и общества, на ней основанные, будут процветать и развиваться.
В отношении проигравших действует циничный принцип «vae victis» (лат. - «горе побежденным»).
«Свобода для» и «свобода от». Такое прагматическое отношение к человеку и обществу изначально отказывается выносить какое-либо суждение о внутреннем мире человека, о его верованиях и убеждениях, о его смысле и

содержании, так как все это не имеет никакого отношения к «борьбе за выживание» и может быть, теоретически, каким угодно. Либерализм в принципе считает внутренний мир человека делом сугубо индивидуальным, и не выносит по этому поводу никаких нормативных суждений, утверждая лишь главный принцип – свободу. Причем «свобода» здесь понимается двояко. Английский философ Джон Милль (1806-1873) различает «свободу от» (англ. «liberty») и «свободу для» (англ. «freedom»).

«Свобода для» соответствует содержательной части человека, которую либерализм не рассматривает, оставляя на произвол каждого конкретного индивидуума. «Свобода от», напротив, является конкретной нормативной категорией либеральной идеологии, которая призвана устранять общественные, законодательные, политические и иные преграды для осуществления индивидуумом любых видов деятельности, приносящих ему удовлетворение, наслаждение или прибыль. Единственным ограничением такой свободы («свободы от») одного индивидуума является «свобода» другого индивидуума.

Те политические и общественные системы, которые обеспечивают и гарантируют человеку «свободу от», считаются «прогрессивными» и «развитыми», независимо от того, что происходит в сознании и душе людей таких обществ («свобода для» либеральную философию вообще не касается).

Человек в марксизме. Классовая антропология и коммунизм. Марксизм предлагает свой взгляд на человека. Маркс и Энгельс принимали учение Дарвина и ввели его в свою теорию как непреложную истину. Но с их точки зрения, человек, вступая в общество, перестает быть природным явлением и становится явлением общественным. А так как общество марксисты понимают как классовое, то и человек, полностью формируемый обществом, становится не биологическим, а классовым существом. Между пролетариатом, классом тружеников, и эксплуататорскими классами, постепенно разверзается бездна, укрепляемая развитием производительных сил и производственных отношений. Некоторые марксисты продлевают эту логику до того, что утверждают классово-антропологический дуализм, считая пролетариат особым типом человечества, классовое сознание которого объединяет в себе субъект и объект (Д.Лукач (1885-1971)). Пролетариат, в котором пробудилось «классовое сознание», порождает «нового человека». У «нового человека» материальная основа мира (сама материя) непротиворечиво отражается в сознании.

Освобождение человека труда, главной фигуры марксистской антропологии, проходило различные диалектические стадии (напоминающие этапы развития Абсолютного Духа у Гегеля, чью диалектику Маркс ввел в свое учение). Вначале на стадии «пещерного коммунизма» люди были равны, но их сознание находилось на примитивном уровне. Потом в обществе стали складываться имущественные отношения, основанные на неравенстве, а постепенно появились полноценные классы – эксплуататоров и эксплуатируемых. Процесс развития общества закабалял людей труда все больше и больше, пока не привел к появлению промышленного пролетариата, которому суждено было стать революционным классом.

Пролетарий воплощает в себе человека в его чистом виде – как творческую энергию. Осознав, что «ему нечего терять, кроме своих цепей» и вооруженный марксистской теорией, «разоблачающей сущность капитализма как присвоение эксплуататорскими классами прибавочной стоимости, порожденной трудом», пролетарий призван осуществить социалистическую революцию и построить

новое общество, где труд будет свободен от механизмов отчуждения. Дальнейшее развитие человека в условиях социалистического общества должно, по Марксу и Ленину, привести к коммунистическому обществу, где в человеке больше не останется никаких следов прежних социальных укладов, и следовательно, содержанием человека будущего станет свободное творческое начало. В коммунизме будет царить полное материальнео равенство, свобода и творческое единство. Человек коммунизма будет счастливым и сознательным. История «закончится».
Расовая антропология. Свое представление о человеке было и у идеологов расизма, которые в значительной степени повлияли на германский национал-социализм и (гораздо меньше) на итальянский фашизм. С точки зрения расовой теории (Ж.Гобино (1816-1882), Х.Чемберлен (1855-1927) и т.д.), статус человека определяет раса. Расы, по мнению самих расистов, бывают «высшими» и «низшими». К «высшим» расам относятся «арийцы» («индо-европейцы»). К «низшим» -- «негры». «Желтая» и «красная» расы стоят посредине.
Идея сравнивать культуры различных рас между собой на основании какого-то единого критерия, сама по себе является абсурдной, так как за эталон сравнения берутся те параметры, которые наиболее развиты у тех, кто это сравнение осуществляет. «Неполноценность» низших рас означает лишь их культурные или биологические отличия, но никак не может быть основанием для построения иерархии – уровень технического развития, комфорта и т.д. становятся критерием оценки только тогда, когда им придан статус ценности. А это, в свою очередь, напрямую зависит от истории конкретных обществ. Цвет кожи, строение черепа и специфические особенности фигуры никак не могут быть критериями для сравнения цивилизаций.
Человек получает свое значение, свой смысл и свой статус в зависимости от культурного контекста. Представители индо-европейских (т.е. собственно арийских) народов индусы, персы, армяне или таджики прожили свою многовековую и многотысячелетнюю историю в типично азиатских цивилизациях, где ценности техники, индивидуализма и комфорта не приобрели никакого значения. А их «расовые родственники» в Западной Европе, напротив, постепенно возвели эти ценности на высшую ступень. Расовая антропология никак не объясняет такого рода несоответствия и ведет к ложной идее «расового неравенства». С практическим применением расовых теорий человечество столкнулось в Германии Гитлера, что окончательно дискредитировало подобного рода идеи, несостоятельные в теории и отвратительные на практике.
Сверхчеловек. Кризис человека в западно-европейской культуре привел некоторых мыслителей к мысли о необходимости преодоления человека как вида. Ницше дал такое определение: «человек есть нечто, что следует преодолеть». Ницше считает, что кризис человека не есть случайность. Человек, по Ницше, узурпировал статус бытия для самого себя, и мир вокруг него это бытие потерял. Затем и сам человек в мире без бытия утратил свою собственную бытийную природу, стал «нигилистом», «последним человеком». Чтобы выйти из кризиса, Ницше предлагает «расчеловечить мир», открыть сознание реальности как таковой, без предшествующей «гуманистической» цензуры. Ницше отвергает религию, мораль, рассудок, культуру как «человеческое-слишком-человеческое», заслоняющее и подменяющее бытие. Но такое столкновение с чистой реальностью под силу только «Сверхчеловеку», существу, приход которого Ницше относит в будущее.

Человек и бытие. Идеи Ницше развивает Мартин Хайдеггер. Хайдеггер видит традиционный гуманизм исчерпанным, и предлагает мыслящим людям выйти на новый поиск бытия за пределами установок гуманистической культуры. В том числе и через новое обращение к стихии сакрального начала, вкус которого западно-европейская культура утрачивала из века в век, пока не «расколдовала мир окончательно».
Хайдеггер пишет в «Письме о гуманизме»: «Сущность человека состоит в том, что он есть нечто большее, чем человек, понятый как разумное существо. (…) Человек живет по соседству с Бытием.» Снова открыть это «соседство» -- высшая задача человека. В противном случае он исчезнет в ничтожности современного «нигилизма».
Гендерные исследования. В последние десятилетия получили широкое распространение гендерные исследования («gender» - лат. «пол»), рассматривающие человека через его половую идентификацию. Европейские марксисты, считающие, что все в человеке зависит от общества, предложили рассматривать «пол» не как врожденное свойство человека, а как результат воздействия социальной среды и воспитания. Некоторые направления феминизма, развивающие гендерную тему, напротив, пришли к выводу, что сама структура мышления и самоощущения мужчин и женщин является фундаментально различной, и культура, наука и само общество в настоящее время представляют собой чисто мужскую конструкцию. В этой конструкции эталоном человека берется мужчина, и уже отталкиваясь от него, выносятся суждения о человечестве, в том числе и о женской его половине. В противовес этому феминистки предложили свою версию антропологии, где в качестве образца берется женский архетип с его типичными свойствами –

- интуитивным и образным мышлением,
- цельным схватыванием мира,
- стремлением к «мирному» (неагрессивному) решению конфликтных ситуаций,
- уникальным опытом вынашивания в собственном теле нового живого существа и т.д.

Гендерные исследования в совокупности с психоанализом, в котором вопросы пола занимают центральное место, существенно расширили представление о человеке, показав фундаментальную значимость половой идентичности.

Проблема неравенства людей. Иерархия. Большинство учений о человеке утверждают неравенство людей. В традиционном обществе (особенно в «естественных религиях») социальные различия и иерархии основывались на уверенности в различии внутренней природы представителей высших и низших каст. Жрецы и воины (шире, аристократы) были «родственниками богов». Простолюдины связывались с низшими силами – духами, демонами и т.д.
В индуизме теория каст («варн») основана на их происхождении из разных частей тела «вселенского человека» - «пуруши». Жрецы (брахманы) созданы из головы «пуруши». Воины (кшатрии) – из его плеч, рук и груди. Труженики и купцы (вайшьи) – из его бедер. Наемные рабочие, холопы (шудры) – из его ступней. Внекастовые существа (чандалы, парии) – из пыли под его ногами. В такой системе определенные люди – «чандалы» - вообще не считаются людьми.
В монотеистических религиях преобладает идея сотворения человека (Адама) Богом-Творцом. Поэтому перед Богом все люди равны (по природе). При этом

разные люди имеют разное место в бытии, в соответствии с Промыслом. Из любого положения можно достичь «спасения», но вместе с тем общественное неравенство остается нормой, которая признается юридически.
Каждая идеология, как признающая равенство, так и отрицающая его, в любом случае предлагает свою модель иерархии. Даже коммунисты в СССР выстроили жесткую властную вертикаль партийного управления на принципах «демократического централизма». В либерализме признается имущественная иерархия, а социал-дарвинизм, по сути, утверждает неравенство, основанное на силе. Расисты утверждали неравенство на основе расовой принадлежности. Религиозные политические системы, как правило, сохраняют традиционные сословные системы, а в некоторых случаях (например, Иранская революция аятоллы Хомейни (1900 - 1989)) выстраивают «теократические» иерархии, где главенство принадлежит духовным лидерам (муллам, аятоллам и т.д.)
В любом обществе неравенство людей наличествует как факт, но общественные и политические системы, культурные и мировоззренческие коды в каждом случае решают проблему неравенства по-своему.
Идея всеобщего равенства. Идея равенства людей возникает в Европе в религиозных сектах, проповедующих наступление «последних времен» и нового «золотого века». Большое влияние на это движение оказали идеи средневекового итальянского философа Иоахима де Флора (1132-1202), учившего о наступлении «третьего царства» -- «царства Святого Духа». По учению Иоахима де Флора, эпоха «Ветхого Завета» -- «эра Отца», «Нового Завета» -- «эра Сына», а сейчас близится новая эра – «эра Святого Духа». В эту «эру» должно наступить всеобщее равенство, все социальные иерархии упразднятся, и люди будут жить в условиях свободы и братства. От Иоахима де Флора эти идеи перешли к еретическим движениям Европы – от альбигойцев до чешских гуситов, а в период протестантской Реформации взяты на щит проповедником Томасом Мюнцером (1489-1525), основавшим в Тюрингии религиозную коммуну своих последователей -- «анабаптистов».
Несколько позже теорию равенства заимствовали утописты (Фурье (1772-1837), Сен-Симон (1760-1825) и т.д.), а от них Маркс и марксизм. При этом равенство людей понималось не как факт, а как задача социального переустройства, как цель революционных преобразований и воспитательной работы.
В либеральной теории равенство понимается как социальное «равенство стартовых возможностей» или «естественных прав». Люди признаются здесь равными изначально, но их участие в обществе выстраивает между ними имущественные и социальные иерархии (в самом факте существования которых для либерала, в отличие от социалиста, нет никакой моральной проблемы).
Пост-человек. Мутанты и киборги постмодерна. В культуре постмодерна представление о человеке как «индивидууме» («неделимом»), свойственное культуре модерна, уступает место представлению о человеке как «дивидууме» (т.е. о «делимом»). Человек в постмодерне есть не нечто цельное, но набор разрозненных импульсов, не имеющих общей оси. Постмодернисты говорят о «смерти человека» (Б.-А.Леви), о «смерти субъекта», о «теле без органов».
Не имея строгой видовой идентификации, человек постмодерна открыт самым разнообразным мутациям. Совершенствование генной инженерии подводит в плотную к искусственному созданию генома, что открывает возможность программировать личность до рождения, закладывая в нее те или иные желательные качества. Генные исследования дают шанс экспериментировать

с человеческим организмом и дальше, не просто совершенствуя имеющиеся системы, но и создавая новые организмы на человеческой основе – мутантов. Техническая готовность ученых приступить в скором времени к производству мутантов отражена уже в том, что Евросоюз официально принимает законодательные акты, ограничивающие медицинские опыты, связанные с генными исследованиями и формально запрещает выведение новых «постчеловеческих» видов. Если нечто требует запрета, это уже является реальностью или станет ей вот-вот.
Совершенствование технических средств позволит в скором времени вживлять в человеческий организм искусственные органы, которые в одном случае будут восполнять работу больных (или отсутствующих по какой-то причине) органов, а в другом, совершенствовать деятельность имеющихся. Искусственный глаз может усовершенствовать зрение, искусственное ухо – слух, аккуратно вживленный «hard disc» - память и т.д. Так складывается образ «киборга», «репликанта» -- получеловека-полумашины.
Если рассматривать человека как набор цифровых показателей, как своего рода «штрих-код», (а культура постмодерна так его и рассматривает), то можно предвидеть появление виртуальных дублей или клонов, замещающих человека в сетевых пространствах и регистрирующих все впечатления и переживания в банке данных.
Все эти темы, связанные с постчеловеком (мутанты, киборги, репликанты, клоны, виртуальные двойники и т.д.) сегодня являются типичными сюжетами научной фантастики. Но если вспомнить, что большинство технических изобретений, описанных в научной фантастике XIX века (подводные лодки, самолеты, связь на расстоянии и т.д.), в XX веке стали обыденными предметами обихода, нетрудно предположить, что появление «пост-людей» вполне может рано или поздно стать реальностью.
Тем более, что содержание человека, придававшее ему личностную или индивидуальную цельность, в культуре постмодерна постепенно упраздняется, а как ценность вообще перестает признаваться. Это видно, к примеру, в фильмах американского режиссера постмодерниста Квентина Тарантино, где гротескная череда смертей, жестокости, извращений, абсурда и патологии приобретает банально-развлекательный ироничный характер, разрушающий последние следы гуманизма.

Человек и смерть. Человек есть существо смертное. Но из всех смертных существ он является единственным, кто может помыслить свою смерть, поместить ее в свое сознание. Человек, обращаясь к смерти, осмысляет свою границу, свой предел. И тем самым он «о-предел-яет» самого себя, дает самому себе «о-предел-ение».
Для религиозной антропологии смерть имела огромное значение, так как она была моментом перехода человека к его собственной сущности – к душе. В домонотеистических религиях смерть была явлением временным и обратимым, за ней следовало новое рождение. Сам момент смерти был чрезвычайно торжественен и сопровождался различными похоронными ритуалами. В этот миг человек встречался с сами собой, со своей душой один на один.
В монотеистических религиях смерть была еще более важным событием, коль скоро душа опознавала в этот момент, справилась ли она с заданием земного бытия или нет, и каково будет решение о ее дальнейшем (бесконечном) существовании.

В светской атеистической культуре смерть человека означает полное исчезновение его личности в ничто, абсолютный мрак. Все бытие сосредоточено между рождением и смертью, и этот промежуток человеку предлагается использовать с максимальной отдачей. Культ мертвых отпадает в силу его «неразумности», и умерший человек остается в памяти только близких людей или, если он совершил какие-то выдающиеся поступки, в общественной истории.
В психоанализе «смерть» (греч. «танатос») считается фундаментальным началом человеческой психики наряду с «эросом» («желанием»). «Эрос» формирует первичную активность человека, а «танатос» влечет к равновесию, покою и неподвижности.
В экзистенциалистской философии столкновение со смертью является стимулом для познания ничто, как основного содержания бытия.
В культуре постмодерна смерть теряет свой трагический характер, превращаясь в техническую банальность, так как сама жизнь становится все более или более виртуальной. Смерть превращается в «зависание компьютера», появление черного экрана, которое сменяется бессмысленной игрой новых образов. Ж.Бодрияр уподобляет выражение «испустить дух» образу проколотой автомобильной шины. «Постчеловек» не может умереть по-настоящему, потому что он по-настоящему не живет.

Контрольные вопросы

1.Зависит ли понимание человека от культурного и исторического контекста? Обоснуйте свой ответ.
2.Как понимает человека религия?
3.Как понимает человека культура Нового времени?
4.Чем отличается оптимистический взгляд на человека (позитивисты) от пессимистического (экзистенциалисты) в современной культуре?
5. Может ли на смену человека прийти что-то еще?

10.2 Проблема человека в русской культуре

“Русская философия больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории».
В.В.Зеньковский

Человек в древнерусском мировоззрении. «Даждьбожии внуци». Древние славяне считали людей прямыми кровными родственниками древним богам. Это представление было характерно для многих домонотеистических традиций. Особенно это касалось представителей знати. Еще в XII веке в «Слове о полку Игореве» мы встречаемся с пережитками древнего язычества, когда русских князей называют «Даждьбожи внуци» («внуки» языческого Даждьбога) или «внуками Трояна». Для многих этносов языческого мира племя рассматривалось как воплощение единой силы, обобщенной в форме «бога» или иного духовного существа. В таком случае отдельный человек мыслится как клетка божественного организма, и его этническая принадлежность значит

намного больше, чем его индивидуальность. Сама эта индивидуальность реализуется через подвиг, осуществленный на благо всего этноса.
В том же «Слове о Полку Игореве» главный герой, князь Игорь говорит: «Хощу бо, -- рече, -- копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». Это слова не автономного индивидуума, а общеплеменного духа, воплощенного в Игоре, поднимающегося в поход против враждебных племен. Этнос, как единая сила, разжигаемая внутренней энергией, стремится расширить пространство своего пребывания, переоформить структуру пространства в пользу усиления своей власти. И индивидуальная драма неудачного похода князя Игоря против половцев лишь подчеркивает общинность самой идеи. Автор «Слова» всячески акцентирует соучастие природы, стихий в волевом движении князя и его дружин против половцев: речь идет о цельном состоянии единого живого космоса, где люди, боги и стихии соучаствуют в едином действии, в единой страсти, в едином усилии.
Древне-русский человек не отделен еще от священного космоса, от племени, от родовых божеств. Его личность является целиком соборной, состоит из соплеменников, стихий и духов. Не случайно князь Игорь подчеркивает, что хочет умереть, если понадобиться, «с вами русицы». Героическая смерть здесь ничто иное, как переход в посмертные чертоги народной славы, имеющей не меньшую бытийную основу, чем земная жизнь.

Русский православный человек. Святость как архетип. Распространение православия существенно корректирует древне-русскую антропологию, выделяя в ней, пусть номинально, личностный аспект. Православие учит о личном спасении, хотя условия для этого спасения обеспечиваются обязательно коллективно, соборно.
Русское православие ставит во главу угла «общее» движение к спасению, «литургию» («литургия» по-гречески «общее делание»), принимая идею отдельной личности и ее ответственности далеко не сразу и с большим трудом. Даже монашеское уединение от жизни и аскетизм отшельников в русской православной культуре не отрываются от общего бытия и тем более не противопоставляются ему. Идеалом человека в Древней Руси после принятия Православия становится аскет и монах, но такой аскет и монах, который духовно активно соучаствует в судьбе своего народа, непрестанно молится о нем, распространяет лучи стяжаемого лично света на всю общность. Прообраз такой личности – индивидуальной и коллективной одновременно -- мы видим в преподобном Антонии Печерском, основателе русского монашества, Феодосии Печерском (ок. 1036-1074), первом игумене Киево-Печерской лавры, Никоне Великом (?-1088), мученике Евстратии Постнике (XI век). В целом именно святые воплощали в себе идеал человека, в них реализовывалось высшее человеческое достоинство: они демонстрировали своим путем благородные способности души, выбирающей благо и ополчающейся на зло, и великое значение воли, способной стать верным путем к усмирению плоти и спасению. Человеку дан Христом бесценный дар бессмертия, и святые показывают остальным, как вступить в наследие этого дара – пройдя тяжелый путь до конца.
Святые не умирают, они после кончины процветают на небесах, и поэтому церковь почитает дни их преставления, как зримое воплощение бессмертие и славы человека, оказавшегося достойным своего Творца и Спасителя.

В этой традиции образцового русского человека был важнейшее место занимает преподобный Сергий Радонежский, основатель Троицко-Сергиевской лавры. В жизни он -- крайний аскет, уходящий от мира в скит, достигающий просветления и возможности творить чудеса, идущий по пути «умного делания». Но при этом он благословляет князя Дмитрия Донского на участие в Куликовской битве против Мамая и посылает ему в помощь двух монахов – Пересвета и Ослабю, которые гибнут в бою за Русь. Аскетизм, уход в отшельничество, концентрация всех усилий души на личном спасении преподобного Сергия органично сочетается с переживанием за судьбу народа и Отечества, ясное осознание единства с русской судьбой. Личностный аспект здесь неотделим от соборного начала. И это единство индивидуального и общенародного, общецерковного и общегосударственного составляет специфику русского понимания человека. Человек неотделим от общества, всегда интегрирован в общественное целое.
Православные русские люди на протяжении долгих веков руководствовались в качестве образца фигурой монаха, и брали монастырские уставы за образец бытового поведения обычных мирян. Это не значит, что все монашеские правила – постов, молитв, воздержания и т.д. – строго соблюдались; это значит, что они принимались за идеал, к которому следует стремиться, т.е. наделялись качеством нормативной ценности.
Человек, в русском православном понимании, есть человек спасающийся. И общество, состоящее из таких людей, есть община спасения, т.е. церковь. В такой православной антропологии удачно и непротиворечиво сочетались дохристианские представления о «священном роде», как едином и неделимом начале, христианские идеалы церковного единства и соборности и византийское учение о государстве, как политической организации, наделенной священной миссией (препятствие приходу в мир антихриста). Представление о человеке в православной Руси включало в себя одновременно этническое, религиозное и государственное начала, неотделимые одно от другого. При этом этнос растворялся в религии и культуре, и русскими святыми часто становились этнические иностранцы, всецело восприявшие духовную благодать, носителем которой был русский народ.
Петровские реформы: модернизация без «гуманизации». Петровские реформы, направленные на секуляризацию общества и государства, почти не затронули сложившихся представлений о человеке, не привели к появлению в России «гуманизма». Петр и его прямые последователи смотрели на народ как на инструмент государственного строительства, и перемещение на второй план церковного и священно-имперского начала, не затронуло типично русского представления о человеке как части единого целого. Только в данном случае целое совпадало с секулярным государством и абсолютной монархией. В этом «забвении» об индивидуальном человеке параллельно развитию в России светских тенденций, состоит особенность модернизации российского общества. Эта модернизация не сопровождалась ростом «минимального гуманизма»; человек по-прежнему понимался как элемент «соборной» личности, воплощением которой выступало отныне светское государство.
Государственные и сословные интересы полностью затмевали индивидуальное начало, которое отныне могло реализоваться не в аскетизме и личных подвигах во имя народа, но в пространстве государственной службы. За образец человека брали теперь «человека служилого», идеального чиновника, исправно выполняющего поставленную задачу. Индивидуум большого значения не имел,

важна было четкость выполнения поручений.
В такой ситуации неудивительно, что Петр приносит в жертву своим секулярным начинаниям многие сотни тысячи жизней. Строители Петербурга вымащивают болотную почву своими телами, поливают кровью, погибая от болезней, перенапряжения и дурного климата. Убытки среди живого населения учитываются наряду с количеством израсходованных материалов. Отдельная личность по-прежнему ничего не значит, и этот «негуманный» характер российской модернизации, когда об индивидуальном человеке реформаторы полностью забывают, становится отличительной чертой дальнейшей российской истории. Это модернизация без гуманизации.

Человек восставший. Протопоп Аввакум. Еще до Петра в период церковного раскола XVII века, когда уже при Алексее Михайловиче создаются предпосылки перехода к абсолютной монархии, впервые в русской истории с предельной наглядностью дает о себе знать конфликт личного и общественного. В Московской Руси человек есть часть церковно-государственного целого. Но раскол ставит русский народ перед трагическим выбором: верность целому, после того, как оно отказалось от следования древне-русской церковной традиции, или восстание против нее, во имя этой отвергнутой традиции. Та часть русских, которые, последователи за старообрядчеством, выбрала путь непокорности. Так впервые мы сталкиваемся с русским человеком, осознанно и идеологически бросающим вызов государству и обществу, причем находясь в меньшинстве, опираясь лишь на собственное религиозное и нравственное чувство. Впервые русские должны делать личный выбор абсолютной значимости, ведь при крещении Руси князем Владимиром этот выбор государство, в лице князя, сделало за них. Они лишь утвердили этот выбор своей волей. Теперь же народу предстоит решить: покорность или протест. Путь восстания выбирает меньшинство, и среди этого меньшинства мы сталкиваемся с особым явлением – с русским личностным началом, оторванным от освященного традициями коллектива. В лице протопопа Аввакума (1620-1681) вызов бросается не конкретной исторической ситуации, а всему устройству русского общества и русского государства. Долгое время Аввакум не может поверить, что царь – священный центр русского бытия – может встать на сторону «новых обрядов», полагая, что он просто «введен в заблуждение». Но постепенно он вынужден это признать, и тогда вокруг него разверзается новый мир: Россия, утратившая свое священное измерение, превращается в новый «Вавилон», в территорию, где «правит антихрист», которому ничто больше не препятствует. Эта новая десакрализированная Россия требует от русского человека радикально иного отношения, чем ранее. Если раньше русский человек был русским, говоря государству, церкви и обществу тотальное «да», то теперь он призывается сказать государству, церкви и обществу тотальное «нет».
Это чрезвычайно трудно принять, и многие староверы выбирают путь сознательной гибели в гарях. Протопоп Аввакум пишет об этом в своем «Житии»: «Русачки же мои миленькие не так, во огнь дерзают, а правоверия не предают». Показательно, что Аввакум пишет о староверах-самосожженцах как о русских, о подлинных русских. В этом страшном действии впервые в русской истории утверждается личное начало – причем типично русских людей, плоть от плоти народа и государства.
«Житие протопопа Аввакума» не случайно считается первым произведением

современной русской литературы. В нем действительно предстает личность, которая описана тем более выпукло, что действует она отныне не в привычной народно-священной среде, а в пустоте, в наступающей «зиме» русской истории, в «сумерках». Отсюда пронзительный индивидуализм протопопа Аввакума, внимание к деталям быта, к страданиям жены и детей, делящим вместе с ним ужасы изгнания, мучительства и жестокой смерти. Впервые вместо схематических образцов описаны живые индивидуальные люди, чья личная судьба стала содержательной, как только они выпали из народного целого.
Маленький человек. «Минимальный гуманизм» у Пушкина. Протопоп Аввакум открывает собой страницу гуманизма в русской культуре и истории, но это гуманизм «максимальный». Аввакум – «большой человек», титан духа, взявший на себя фундаментальную оценку поворотного момента священной русской истории. Он провозглашает «конец времен» как свершившийся факт, так как в русском понимании истории Русь и была «всем миром», и ее духовное «падение» означало исчезновение последнего оплота святости в мире, свершившееся отступничество. Поэтому в сознании Аввакума его индивидуальный жест вырастает до вселенского масштаба.
Спустя полтора столетия Пушкин, интересовавшийся старообрядчеством и русскими сектами, поднимает вопрос о «маленьком человеке», открывая тему «гуманизма минимального». Рядовой служащий, мелкий чиновник («Станционный смотритель», Евгений, иглавный герой «Медного всадника»), который в официальном санкт-петербургском мировоззрении был не более, чем механический винтик, у Пушкина обретает индивидуальные черты. Оказывается, он способен мыслить и чувствовать, он переживает боль и радость. Оказывается, он есть. Появление «маленького человека» в русской культуре означает изменение отношения к личности как таковой. Эта личность перестает быть соборной, обретает индивидуальные черты. В гениальном творчестве Пушкина впервые в русской культуре появляется индивидуум. Индивидуальными чертами наделяются и персонажи высшего света и простые обыватели. По сути, это заря нового представления о человеке в русской культуре, которое фундаментально повлияет на все последующие эпохи.
Человек и постчеловек у Гоголя. Своего апогея образ индивидуума достигает у Гоголя. В «Петербургских повестях» у Гоголя дается целая галерея индивидуумов, представляющих отдельное целое, оторванное от общества и государства. Это и хрестоматийный Акакий Акакиевич («Шинель»), и художник Пискарев и поручик Пирогов («Невский проспект»), и другие герои «Петербургских повестей». Каждый герой – портрет индивидуального одиночества, выброшенного на берег как рыба. Общественное целое превратилось в бездушный механизм, прекратило вырабатывать смыслы и передавать энергии целого.
Гений Гоголя предугадывает, что это дробление общества на индивидуумы еще не предел. Распад народной целостности так просто остановить невозможно. В повести «Нос» этот процесс идет еще дальше, и действующим лицом становится часть тела человека, получившая самостоятельность, как ранее сам он получил самостоятельность и автономность в санкт-петербургской России, порвавшей со Святой Русью. Герой «Носа» - это опережающее века прозрение в постмодерн, когда и западный минимальный гуманизм дойдет до концепции делимого «дивидуума» и определения «шизофрении» как «нормативного» существования постмодернистских масс («шизоанализ» Ж.Делеза).

Человек Достоевского. В творчестве Достоевского (1821-1881) индивидуум занимает уже центральное место, и осмысление личности приобретает такой драматизм и накал, что ставит этого писателя в один ряд с величайшими гениями западно-европейской культуры, для которой тема гуманизма, в отличие от русской культуры, была привычна и традиционна. Обратившись к человеческой личности, взятой сама по себе, русские писатели XIX века во многом предвосхитили наиболее острые и пронзительные догадки самых авангардных мыслителей Запада (в частности, Ницше). Так у Достоевского мы видим череду личностей, каждая из которых ставит эксперимент над своей свободой, двигаясь в разных направлениях. Кириллов в «Бесах» пытается стать «богом» через свободу совершения бессмысленного самоубийства («если Бога нет, то все позволено»). Ставрогин (там же) идет путем «сверхчеловека», по ту сторону добра и зла, а Шатов стремится воплотить народный дух в революционной организации. Князь Мышкин («Идиот») обращает свободу в сторону бескомпромиссного нравственного идеала, от которого все окружающие только страдают, а сам он становится для них «посмешищем». Преуспевающий купец и религиозный фанатик Рогожин становится жертвой великой любви к трагической Настасье Филипповне. Раскольников («Преступление и наказание») пытается дойти до логического конца, следуя за «волей к власти», переступая мораль через кровавое убийство, но срывается с этой стези в духовное покаяние. Алеша Карамазов («Братья Карамазовы») ищет возврата к утраченной полноте религиозного бытия, а его отец пытается достичь предела «вседозволенности» и «греха». Незаконнорожденный сын Карамазова, слуга Смердяков, воплощает в себе мрачный образ русского «западника», презирающего Россию и русскую реальность в раболепном восторге перед иной культурой.
Трагизм персонажей Достоевского в том, что они, еще сохраняя органические связи с народной культурой, оставаясь проникнутыми русской стихией с ее идеалами соборной личности, святости и аскетизма, оказываются в радикально новой среде, где предоставлены только сами себе и оторваны от той культурной матрицы, которая сформировала их содержание. Достоевский не дает ответа, как быть в такой ситуации «русским юношам». Все его образы пронзительно верны правде жизни, и вопрос о личности, о «тайне человека», остается открытым.
Сам Достоевский по убеждению является славянофилом, консерваторов и поборником возврата к идее Москвы-Третьего Рима, но предоставляет своим персонажам свободу дойти в их собственных путях до логического предела, не ограничивая своими авторскими представлениями. От этого герои Достоевского приобретают чрезвычайную выразительность, и проблема человека, русского человека, оторванного от его традиционных корней, ставится с чрезвычайной силой и убедительностью.

Революционные демократы о «маленьком человеке». Революционные демократы -- Белинский (1811- 1848), Писарев 1840-1868), Герцен и др. -- развивают гуманистические традиции, придавая им общественно-политическое значение. В их творчестве экзистенциальная проблема отчуждения быстро перерастает в критику существующего строя. За проблемы «маленьких людей» ответственность возлагается на существующий порядок, абсолютизм, крепостничество и т.д. Проблема человека решается в западно-европейском социалистическом ключе: надо построить «гражданское общество»,

гарантировать всем соблюдение «естественных прав» и конституционных свобод, и «все изменится к лучшему». Либерализм здесь видится как союзник социализма перед лицом самодержавия. А так как и либерализм и социализм оперируют с концепциями «минимального гуманизма», который полностью отсутствовал на всех этапах модернизации и секуляризации российского общества сверху, то русская интеллигенция до поры до времени не делает принципиальной разницы между этими учениями, раз они на уровне лозунгов ориентированы на «маленького человека». Либералы отличаются от революционных демократов (позже социалистов) лишь меньшим радикализмом их антимонархических и атеистических выпадов. С точки зрения антропологического идеала, и те, и другие действуют во имя «минимального гуманизма».

Человек в русском марксизме. Существенно иное понимание человека мы встречаем в теориях русских марксистов. На первом этапе развития марксизма (Г.Плеханов (1856-1918), М.Горький (1868-1936) и т.д.) отношение к человеку определяется общей гуманистической установкой, свойственной для русской интеллигенции XIX века под сильным влиянием классической русской литературы, анархизма и левого народничества. Решение проблемы человека социал-демократы видят в революции и построении социализма.
Но постепенно с начала XX века классовый подход начинает преобладать, и вместо сложной и парадоксальной проблемы человеческого отчуждения, глубоко описанной русской культурой в экзистенциалистских тонах, в этих кругах воцаряется абстракция «классового человека». Пролетарий берется за нормативный образец антропологической концепции. Причем любые исторические, этнические и культурные корни пролетария считаются безразличными и подлежащими упразднению. Русский пролетариат ничем принципиально не отличается для марксистов от европейского или азиатского. Все различия сводятся только к количественному показателю развития производственных сил и производительных отношений в соответствующих обществах. Пролетариат явление интернациональное и мировое, свободное от культурных корней.
В русском марксизме образцом человека является пролетарий, не имеющий ничего, кроме классового сознания, т.е. осознавший себя только и исключительно представителем класса. Всякая психология, внутренняя драма, весь индивидуализм отходят в такой концепции на второй план, а то и вовсе отвергаются как «буржуазный предрассудок».
Человек есть выражение класса. Сам по себе он бессодержателен. Содержание он получает извне – через воспитание и обретение «классового сознания».
Советский человек. Магический человек города-солнца (Чевенгур). В СССР победившие большевики пытаются воплотить свои антропологические представления на практике. Советский человек начинает искусственно верстаться с «чистого листа». Основной массой для такого эксперимента выступают представители городского рабочего класса и трудового (безлошадного) крестьянства (бедняки).
В первые годы советской власти этот эксперимент проходит «героическую стадию», когда попытка вывести «нового человека» выходит за рамки любых социальных норм и граничит с откровенным безумием. Описанные у писателя А.Платонова (активного сторонника революции и участника многих социальных

процессов) в романах «Чевенгур» и «Котлован» ситуации поражают воображение. Коммунист Дванов («Чевенгур») искренне убежден, что после революции не будет смерти, так как природа человека освободится от всех ограничений вместе с избавлением от эксплуататорского класса. «Революция завоевала Чевенгурскому уезду сны и главной профессией сделала душу», поясняет Платонов. Чтобы избавиться от «буржуазных предрассудков», жители «города-солнца» превращают жизнь в чистый абсурд: двигают дома, пашут снег, носят нелепые одежды, ждут, что работать будет солнце… «Ум такое же имущество, как и дом, стало быть, он будет угнетать ненаучных и ослабленных…», рассуждает герой «Чевенгура».
Картины напоминают протестантские коммуны «анабаптистов» Мюнцера, которые искренне ждали, что вот-вот на них спустится «Небесный Иерусалим», и мир завершится. Революция для многих становится именно таким «концом света», и победа пролетариата мыслится как пришествие нового человеческого субъекта, коллективного и «магического», способного осуществлять чудеса, превращать «сказку в быль». Слова другого героя «Чевенгура», Пиюси, имеют откровенно мессианский характер: «— Товарищи, мы живем теперь тут, как население, и имеем свой принцип существования… И хотя ж мы низовая масса, хотя мы самая красная гуща, но нам кого-то не хватает и мы кого-то ждем!..»
Павел Корчагин: архетип сталинской эпохи. К концу 20-х годов эта «магическая» антропология иссякает, и принимает более рациональные и прагматические формы. Формально человек провозглашается высшей ценностью советского государства и советского общества. На практике же к конкретным людям, их судьбам и их чаяниям уделяется так же мало внимания, как и на всех предыдущих периодах русской истории. Как и при Петре бурная модернизация советского общества осуществляется ценой колоссальных жертв со стороны простых людей, которые рассматриваются как механические инструменты великих исторических преобразований. Новая Советская Россия гораздо в большей степени, чем Россия Петра, поднимается на костях и крови. В жертву этого «эксперимента века» приносятся не только «эксплуататорские классы», уничтоженные в ходе революции и гражданской войны, но и простонародье – крестьянство и пролетариат.
Коммунистическая партия превращается в жесткую государствообразующую властную вертикаль, которая во имя социализма и коммунизма осуществляет планомерную диктатуру. Жертвой ее становятся простые люди, сплошь и рядом невинные. Миллионы замученных, расстрелянных, погибших в лагерях советских людей – такова была плата за «максимальный гуманизм» в его коммунистической версии. Так, конкретный «маленький человек» снова приносится в жертву (причем еще более безжалостно, чем при царях) отвлеченной идее. Насилие над конкретными людьми, при этом, осуществляется ради «человека», ради «класса» и «справедливости». При Сталине эти процессы достигают своего пика.
Архетипом человека в этот период можно считать Павку Корчагина из романа Н.Островского (1904-1936) «Как закалялась сталь». Апокалиптическое безумие первых строителей коммуны в нем уже выветрилось, но вся классовая энергия воплотилась в героическое созидание нового общества через реализацию технических проектов века.
И снова мы видим фигуру аскета, укротителя плоти и индивидуальных влечений, глубоко моральную личность, чей путь есть постоянный выбор между добром и злом. Меняется только содержание морали, представление о природе

человека и цели общества. Коммунистический идеал в этот период не имеет ничего общего ни с гедонизмом, ни с прагматизмом, ни с либерализмом западной культуры Нового времени. Павка Корчагин тип глубоко религиозный, русский, но вместо духовного православного учения он служит классовой коммунистической идее – обществу и будущему. Философ Бердяев распознал в русском коммунизме продолжение, пусть еретических и сектантских, – но глубоко национальных духовных течений. Образ романа Островского подтверждает эту догадку.
Человек с лошадиным бегом. К героям Мамлеева. В 60-е годы в советском обществе революционное буйство, великие стройки и сталинские репрессии остаются лишь в воспоминаниях, и постепенно формируется новое представление о человеке, связанное с ранними советскими периодами лишь формально. Л.Брежнев (1906-1982) выдвигает лозунг «Все для человека, все во имя человека», и хотя это по-прежнему понимается в пролетарском классовом ключе, давление советского государства на личность в этот период несколько ослабевает. Появляются крохотные кружки «диссидентов», «инакомыслящих», которые осмеливаются идти вопреки общепринятым марксистским догмам.
С 60-х годов XX века в советском обществе опять мало помалу начинают появляться следы «минимального гуманизма», растет внимание к психологии, к индивидуальным качествам личности. Это проявляется в культуре, в философии, в искусстве. Создаются первые произведения, где описывается человеческая индивидуальность -- со своими проблемами, вне классового подхода. Это мы видим в литературе Ю.Трифонова (1925-1981), А.Гладилина (р.1935), Е.Евтушенко (р.1933), В.Шукшина (1929 -1974), А.Вознесенского (р.1933) и т.д.; в кинематографе А.Тарковского (1932-1986), С.Параджанова (1924-1990), А.Германа (р.1938) и т.д.; в театре Ю.Любимова (р.1917), М,Захарова (р.1933) и т.д.
В отличие от пронзительного открытия «маленького человека» в культуре XIX века, в позднесоветский период создания ярких образов, потрясающих воображение, не происходит. Индивидуумы развитого социализма выглядят пресными, случайными и нежизненными. Их описание выдает подражание западным образцам или стереотипную банальность. «Маленький человек» советского периода 60-х-70-х годов XX века не интересен и не убедителен. Толи потому, что официальная культура жестко цензурирует все живое и по-настоящему творческое, толи потому, что советское искусство растратило свой потенциал в героические и страшные десятилетия, а самые яркие таланты пали жертвой войн, репрессий и чисток.
Лишь образы диссидентского писателя Ю.Мамлеева выделяются на этом фоне своим масштабом, глубиной и парадоксальностью, действуя в условном литературном пространстве типично русского радикального безумия, продолжая традиции Гоголя, Достоевского, Платонова. Мамлеевский человек (например, из рассказа «Человек с лошадиным бегом») это не средний и блеклый позднесоветский гражданин, но «свихнувшийся демон», вселившийся в сантехника, инженера или пенсионерку и растворяющий окружающий мир бездной своего непредсказуемого и не вмещающегося в логические рамки присутствия.

90-е годы: конец гуманизма. В 80-х годах XX века в советском обществе настроения «минимального гуманизма» вышли на первый план. Образцами выступали европейские культуры эпохи модерна. Резко вырос интерес к

«серебряному веку». Имена А.Ахматовой, Н.Гумилева, А.Белого (1880-1934), В.Брюсова (1873-1924), Л.Андреева (1871-1919), М.Цветаевой, М.Булгакова (1891-1940) стали общепринятым «паролем» позднесоветской интеллигенции. Человеческая индивидуальность снова встала в центре внимания. «Архитекторы перестройки» свои преобразования советской системы аргументировали в значительной степени «интересами человеческой личности», которая в советский период стала объектом подавления тоталитарной государственной системы. Многие из тех, кто поддержали процессы «демократизации», начатые Горбачевым, искренне верили, что действуют так во имя культурных идеалов гуманизма («минимального гуманизма»).

Но после распада СССР и окончательного отказа от советской идеологии в российском обществе воцарился климат, гораздо дальше отстоящий от любых форм гуманизма, чем в предыдущие периоды. Либеральная демократия, едва не ставшая официальной идеологией страны в 90-е, почти узаконила «социал-дарвинизм», т.е. право экономически сильных действовать в рыночных условиях, руководствуясь только собственными интересами. Равенство «стартовых условий» стало фарсом «ваучерной приватизации», когда вчерашним советским людям раздали акции предприятий, не объяснив как с ними поступать.

Советская нравственность и советский гуманизм были объявлены «тоталитарными явлениями», а открытость западной культуре, которая в тот период стремительно входила в постмодернизм, обрушило на российское общество поток постмодернистских культурных кодов, связанных с «пост-человеком», «дивидуумом» и «шизоанализом». В результате наивный и не яркий «минимальный гуманизм» горбачевской эпохи в начале 90-х годов сменился отсутствием всякого гуманизма и крахом нормативного представления о человеке. Героями популярных произведений и телесериалов стали бандиты, рэкетиры, убийцы, воры, олигархи и «новые русские», действительно, являющиеся наиболее яркими, активными и заметными представителями России того времени. «Новый русский бандит», киллер и вор сменили в качестве культурного архетипа героев «Чевенгура», Павку Корчагина или запутавшихся в себе интеллигентов 1960-х. Вместе с культовыми фигурами гламурных западных фильмов и глянцевых журналов на авансцене общества оказались извращенцы, клоуны и авантюристы без какой-либо связи с устойчивыми антропологическими системами. В них воплотились продукты распада как советского, так и русского культурного типа. И хотя некоторые знакомые и чисто русские черты угадывались даже в образах преступников, шпаны и убийц (Данила Багров в фильмах «Брат-1», «Брат-2», Саня Белый в сериале «Бригада», и т.д.), выразительного образа пост-советского человека из этого не вырисовывалось.

В 90-е Россия осталась без архетипа, без нормативного образца. Произошла почти полная дегуманизация.

Человек новой России. Вопрос открыт. Человек не является чем-то само собой разумеющимся. В разных обществах и разных культурах представление о человеке весьма разнятся, как разнятся между собой архетипы, выбираемые за образец. В современном российском обществе в начале XXI века полностью отсутствует представление о человеке, о его сущности, о его предназначении. В окружающем современную Россию мире нет единодушия в этом вопросе: одни страны и общества (в частности, исламские) возвращаются к религиозной

антропологии, другие (азиатские) черпают концепцию человека в своих этнических и культурных традициях, третьи продолжают гуманистическую линию, четвертые (как страны Запада и, особенно, США) стремительно вступают в эпоху постмодерна с «дивидуумом» и «пост-человеком». В истории русское общество знало разные способы понимания человека: этнические, православные, государственные, классовые и различные формы гуманизма – «максимального» и «минимального». Все это открывает теоретически большой выбор для решения антропологической проблемы, но вместе с тем не подсказывает никакого однозначного решения.

Особенность русского понимания человека, перемены в западном мире и в современных обществах Востока, требуют внимательного постижения и осмысления. Сегодня как в древней Греции эпохи философа Диогена вопрос «поиска человека» приобретает особую актуальность и остроту. Вокруг нас есть люди, но есть ли среди них тот, кто, на самом деле, является человеком – человеком в философском, ценностном и культурном смысле? Если да, то его следует отыскать. Если нет, то -- создать.

Контрольные вопросы

1.Как понимался человек в дохристианские времена на Руси?
2.Какой образ был архетипом человека в русской православной культуре?
3.Когда русская культура вспомнила о «маленьком человеке»?
4.Как понимали человека коммунистические теории?
5.Есть ли ясное представление о человеке, его природе и его предназначении в современном обществе? Пофантазируйте на эту тему.

Послесловие. Основные социальные проблемы современного общества России и пути их решения

«Сбережение народа - высшая изо всех наших государственных задач»
А.Солженицын

Демография: сокращение народонаселения.

Проблема: Важнейшей проблемой современного российского общества является сокращение населения. Этот процесс представляет собой самую главную угрозу для России, так как ослабляет государство и угрожает постепенным исчезновением самого народа из истории. Первоочередная задача «суверенной демократии» как социального устройства, утверждающего народ в качестве главной социально-политической реальности, -- справиться с негативными процессами в сфере демографии.

Причины сокращения рождаемости до сих пор не выявлены учеными-демографами со своей достоверностью. В этом процессе играют роль многие факторы, но какой из них является решающим, достоверно выяснить не удалось.

В богатых и развитых странах, где модернизация достигла высшей точки и начался процесс перехода к обществу «постмодерна», демография местного

населения падает неуклонно, и этот процесс частично компенсируется только наличием миграционных потоков, облегченных в силу высоких темпов глобализации. Так решается проблема естественной убыли населения в США, где из-за огромного притока иммигрантов со всего света и, в первую очередь, из бедных стран Латинской Америки, удается сохранять положительный демографический баланс, несмотря на падение рождаемости среди коренных американцев. Это сопровождается стремительной сменой американской идентичности, о чем бьют тревогу видные американские политологи и аналитики (в частности, С.Хантингтон «Кто мы?», М, 2005). В Европе сходное положение убыли населения компенсируется притоком мигрантов из стран мусульманского Востока и Африки, что также порождает серьезные социальные и культурные проблемы, а также межэтнические трения (вспомним бунт иммигрантской молодежи в предместьях французских городов осенью 2005 г.).
Путь возмещения вымирания коренного населения с помощью миграции не может рассматриваться в качестве универсального решения демографической проблемы, хотя приток населения из стран СНГ, относящих себя к русскому народу, может отчасти компенсировать естественную убыль населения.
Президент Путин на всем протяжении своего президентства проявлял озабоченность демографической проблемой, а в 2006 году российская власть пошла на беспрецедентное повышение дотаций на каждого ребенка с их увеличением для второго, третьего и т.д. (материнский капитал).
Экономическая поддержка семейных пар и материнства имеет большое значение, не только материальное (что тоже немаловажно), но и психологическое – так как в этом проявляется забота власти о народе. Люди видят, что народный характер общества «суверенной демократии» является конкретной реальностью, а не пустым лозунгом. Но как показывает опыт стран развитого модерна и постмодерна, экономическое поощрение деторождаемости дает ограниченный эффект, и напротив, существует закономерность, что чем более богатым и «социально модернизированным» является общество, тем меньше в нем рождается детей.
Экономическая поддержка государства перечеркивается индивидуализмом и эгоизмом, развивающимся в таких обществах, что заставляет семейные пары предпочесть личный комфорт, легкую жизнь и погоню за удовольствиями заботе о детях.
И напротив, общества, довольно бедные, но соблюдающие традиции, в первую очередь религиозные, отличаются повышенной рождаемостью и никаких проблем с демографией не испытывают. Так обстоит дело в исламском мире, в Китае в Индии, в странах Африки и Латинской Америки.
Решение: Из совокупности этих факторов выстраивается логика решения демографической проблемы для современной России. Если отделить позитивный опыт экономической поддержки молодых семей и субсидии на детей, взятый от развитых стран, от психологии индивидуализма, безответственности и культа наслаждений, и добавить возрождение элементов традиционного общества, в частности, религий, морально осуждающих аборт как детоубийство, и поощряющих деторождение, то в сочетании с качественной иммиграцией из стран СНГ людей, с общей культурой и чувством принадлежности к едином народу, мы получим рецепт спасения населения страны от угрозы исчезновения.
Материальное неравенство населения. Что такое «социальная справедливость»?

Проблема: В современном российском обществе в ходе либерально-демократических реформ произошло существенное материальное расслоение. Советский строй был основан на принципе материального равенства и равномерного распределения материальных благ, ответственность за что брало на себя государство. В этом состояла суть социализма – оплата труда основывалась не на количестве созданной производительной стоимости (за вычетом прибыли, получаемой частным владельцем предприятия от присвоения прибавочной стоимости -- как при капиталистической экономике), а на общем принципе равномерного распределения средств между всеми членами общества – и теми, которые производили стоимость, и теми, которые ее не производили.
При социализме принцип «социальной справедливости» стоял во главе угла всей общественной системы. Эта система выгодна для людей экономически слабых, не готовых к активной предпринимательской деятельности, к рискам, к действиям в агрессивной рыночной среде с ее конкуренцией, стремительной динамикой и высокими напряжениями. В обществе таких людей большинство, так как к пассивному психологическому типу, также весьма распространенному, добавляются те, кто при всем желании не способен активно действовать в условиях рынка по возрасту, состоянию здоровья или другим обстоятельствам. Социалистическое равенство, где некоторое исключение в позднесоветском обществе составляла лишь партийная номенклатура, для которой идеи социализма постепенно утратили свою актуальность и которая ценила лишь преимущества своего высокого социального положения, было комфортным для большинства граждан СССР в материальном плане и соответствовало исторической установке на общество справедливости, общество правды, составляющей одну из важнейших черт психологии русского народа. Но для экономически активных людей и для определенных слоев городской интеллигенции социалистический тип общества был в тягость, так как он сковывал динамику и ограничивал свободу предпринимательского духа, который в СССР был уделом криминальных сред.
Либеральные реформы после победы демократов (Б.Ельцин, Е.Гайдар, А.Чубайс и т.д.) в августе 1991 года радикально изменили экономическую модель общества, отвергнув социализм и приступив к построению капитализма. По политическим соображениям о капитализме почти никто не говорил открыто, но суть этих реформ состояла именно в разрушении социалистического общества, основанного на принципах социальной справедливости, и построении на его месте общества капиталистического, основанного на принципах свободного рынка, предпринимательского духа и частной собственности. В результате этих реформ произошло материальное расслоение российского общества. Активное меньшинство, склонное к предпринимательству, к деловой активности, не лишенное доли авантюризма, ловко использовало условия переходного периода и с помощью различных комбинаций, подчас находящихся на грани закона, а то и за гранью его, приобрело баснословные богатства. Этот процесс не только терпели, но откровенно поощряли реформаторы в правительстве, поскольку, по их мнению, несмотря на эксцессы, такое положение должно было привести к «появлению класса собственников, костяка капиталистического общества». Причем либеральные реформы носили характер шоковой терапии, исключая все опосредованные формы постепенного перехода от социализма к капитализму (как, например, это происходит в современном Китае, где развитие вполне

рыночной экономики увязывается с сохранением социальных гарантий в соответствии с социалистическими идеями). От одной крайности – общества материального уравнивания -- мы перешли к другой – к обществу полной рыночной свободы.
То обстоятельство, что рыночные реформы были организованы сверху и проходили не естественным, а декретным, революционным способом, создало порочную модель «номенклатурной приватизации», когда владельцами приватизируемой собственности становились на льготных условиях олигархические группы, состоящие из коррумпированных чиновников, хитроумных мошенников и преступных элементов. Так возникла российская олигархия (от греч. «олиго» – «некоторые», «немногие», и «архе» – «власть», т.е. дословно «власть немногих»).
Появление олигархии явилось результатом ускоренных рыночных реформ, проведенных в догматическом ключе – идеи рынка, свободы и предпринимательства были восприняты реформаторами как ответ на все вопросы, как единственно верная «идеология» (своего рода «рыночная религия»), которую нельзя было критиковать или ставить под вопрос. В результате в российском обществе произошло не равномерное перераспределение материальных средств между всеми слоями населения с формированием широкого среднего класса, где самые активные имели бы больше всех, менее активные меньше, а пассивные и социально неадаптированные совсем мало (но достаточно, чтобы обеспечить достойный минимум), но сложилась уродливая картина сверхобогащения олигархической верхушки, мгновенно превратившейся в монополистов в самых прибыльных секторах экономики (в первую очередь, в сырьевом), параллельно стремительному обнищанию широких народных масс, не готовых к жесткому капитализму, который они, по сути, и не выбирали, но который был им навязан сверху правительством реформаторов. Дело усугубилось стремительной инфляцией и деноминацией рубля, что уничтожило сбережения нескольких поколений людей, мгновенно лишившихся того, что они накопили в течение жизни.
Олигархическая система не давала возможности развиваться и среднему и мелкому бизнесу, так как концентрация основных прибылей в руках совсем немногих единиц создавала для них льготные условия для скупки на корню или силового подавления рыночных инициатив снизу, способных составить им конкуренцию. Климат безнравственности и безнаказанности, воцарившийся в обществе, повлиял и на чиновничий аппарат, став питательной средой для коррупции.
Эта система сверхбогатых единиц и обедневших масс породила множество социальных, политических и экономических проблем и создала в обществе настроение пессимизма и депрессии. При этом либералы всячески старались убедить общество, что такое устройство является оптимальным, и что недовольство народа – плод «отсталости» и «испорченности уравниловкой социализма». Россия смогла пережить 90-е годы, когда развертывались рыночные реформы, без бунтов, волнений и революций только из-за того, что во многих областях – в первую очередь, в ЖКХ, транспорте, медицине, образовании и т.д. -- сохранялась инерция социалистического общества, и рыночные подходы искусственно сдерживалась (в первую очередь, по политическим соображениям – ведь в противном случае реформаторов попросту свергли бы).

Либерализм как идеология, основанная на принципах социал-дарвинизма («рыночная стихия как жестокий естественный отбор», «бедный, помоги себе сам» и т.д.), к концу 90- утратил господствующее положение в обществе. Наиболее одиозные фигуры олигархического капитала были вытеснены из России, а остальные «равноудалены» от политической власти, которую они привыкли считать «своей собственностью». Политическое влияние либерал-реформаторов и их партийных структур стало падать. Власть начала поворачиваться лицом к населению, прислушиваться к его нуждам, прекратились задержки зарплат бюджетникам, стали повышаться пенсии и стипендии. Эти тенденции связаны с периодом президентства Владимира Путина, который, по сути, отверг революционный ультра-либеральный подход к реформированию общества и встал на более прагматические позиции.
Но некоторые процессы оказались необратимыми, и материальное неравенство в современном российском обществе прочно утвердилось.
При всем отторжении ультралиберальных реформ Президент Путин неоднократно подчеркивал, что «рыночной системе в современной России нет альтернативы».
В настоящее время хотя олигархический капитал сильно потеснен в своих правах, а с коррупцией в среде чиновничества ведется системная борьба, фактор разительного имущественного неравенства остается одной из острейших проблем российского общества. Это тем более важно, что на повестке дня стоит либерализация рынка жилья, транспортных услуг, образования и медицинского обслуживания.
Ситуация уже не является критической, как в 90-е годы, но множество проблем и весьма существенных, которые породили реформы 90-х, остаются.
Решение: Пути решения проблемы резкого имущественного неравенства таковы.
1. Стимуляция развития среднего класса, мелких и средних собственников. Чтобы рыночная система развивалась и функционировала устойчиво, необходимо, чтобы ее активными участниками, так или иначе задействованными в предпринимательской деятельности и в частном бизнесе, было не менее 40% взрослого трудоспособного населения. Это и есть средний класс. Такого процента достаточно, чтобы перераспределять средства между успешным средним классом и социально слабыми через семейные, родственные и иные связи. Для этого государство должно принудительным образом разукрупнить частные монополии, покончить с олигархическими структурами и бдительно следить за исправным исполнением чиновничеством своих прямых функций. Развитие среднего бизнеса должно стать важнейшей и приоритетной задачей государства.
2. Должна быть сформулирована новая социальная политика, основанная на принципе социальной справедливости, тем более, что Россия по Конституции является «социальным государством» (ст. 7). Прежние элементы социализма постепенно отмирают, и на их место должны прийти новые механизмы социальной поддержки – в первую очередь, для тех граждан, кто не задействован в рынке (бюджетники, работники социальной сферы, пенсионеры, дети, инвалиды и т.д.).
Обострение межэтнических конфликтов.
Проблема: В современном российском обществе остро стоит проблема межэтнических отношений. Это связано с распадом советской социальной системы, которая стремилась снять все межэтнические противоречия на основе

коммунистической идеологии с ее подчеркнутым интернационализмом, возведенным в догмат. Такой подход снижал градус межэтнических трений, но одновременно подавлял свободное и органичное развитие этнических культур и этнического самосознания.
В современной России обязательная установка на «интернационализм» упразднена вместе с коммунистической идеологией, и самосознание этносов объективно возросло. Помимо позитивных моментов это привело к издержкам, так как для этнической идентичности важно определение «свой-чужой», которое в определенных случаях чревато обострением межэтнических конфликтов.
Картина еще более осложняется ростом миграции -- как из различных этнических регионов РФ, так и из стран СНГ, и даже из стран дальнего зарубежья (например, из Китая). Мигранты выступают для местного населения как «носители иной этнической культуры» (если они приезжают из республик России), «иной государственности» (если из стран СНГ), «иной цивилизации» (Китай). Все это порождает комплекс проблем и при определенных обстоятельствах приведет к вспышкам ксенофобии, межэтническим трениям или конфликтам.
Типы межэтнических конфликтов. Можно выделить несколько типовых ситуаций, в которых складываются предпосылки для вспышек ксенофобии.
1. Конфликты между разными этносами, проживающими в непосредственной близости друг от друга и имеющими исторические споры.
Такие ситуации встречаются во всех обществах, и решаются в зависимости от каждого конкретного случая. Но ситуация осложняется, если естественный социальный конфликт приобретает характер межэтнической розни. Одна из сторон оформляет претензии к другой стороне с обобщениями в адрес ее этнической принадлежности. Ответ часто бывает симметричным, и взаимные обвинения выливаются в межэтнические столкновения. Так как оскорбление этнического самосознания воспринимается чрезвычайно болезненно, то это пробуждает мощные энергии, способные привести в движение разрушительные силы и дестабилизировать обстановку даже в спокойном регионе.
Специфика межэтнических трений такова, что ни одни аргументы («такой-то этнос прав, а такой-то нет») не действуют, поскольку этносы не могут быть оценены или сопоставлены в соответствии с какой-то универсальной шкалой – каждый из них несет в самом себе собственную систему оценочных критериев. Правыми или виноватыми могут быть социальные группы, политические организации, движения, предприятия, отдельные люди, но не этносы.
2. Конфликты между коренным населением и мигрантами. Межэтническим конфликт становится в том случае, если неудобства или эксцессы поведения, связанные с мигрантами, начинают обобщаться до претензий, выдвигаемых этносу в целом. Ответственность за поведение одного или нескольких мигрантов переносится на весь этнос, к которому они принадлежат (иногда на всех мигрантов вообще). В свою очередь в ответ на озлобление коренного населения мигранты обосабливаются и начинают переносить негативные эмоции на весь коренной этнос (что может сыграть свою отрицательную роль, например, на родине мигрантов, где представители этноса коренного населения могут, в свою очередь, оказаться в роли гостей или приезжих).
3. Конфликтные ситуации, в которых задействованы представители великороссов, преобладающего этноса России. Этническое самосознание

великороссов уже долгие века связано со сверхэтническими реальностями – великороссы осознают себя сразу и народом (ядром российского народа), и носителями религиозной идеи (православия), и остовом государственности (будь-то Российская Империя, СССР или Российская Федерация). Делегировав народу, государству и церкви язык, культуру и многие психологические и социальные особенности, великороссы частично утратили этническую однородность и некоторую закрытость, характерную для «традиционного общества» этнического толка. Определенные черты этноса великороссы сохраняют, но определенные утрачивают.
В нынешний переходный период после краха советской государственности и социалистической идеологии у многих великороссов возникает естественное желание вернуться к этническим корням, традициям, устоям. Это стремление само по себе заслуживает поддержки, но несет с собой и определенную опасность. Вновь обретенное этническое самосознание может продемонстрировать свою отрицательную сторону и обратиться против других этносов, как входящих в состав единого народа России (и Большой России), так и не входящих. На пробуждении здорового этнического чувства сплошь и рядом готовы спекулировать экстремистские элементы, провозглашающие лозунги и теории в духе «великорусского расизма», «ультранационализма», «расового превосходства», ненависти к другим этносам, народам и расам.
Особенно остро эта проблема встает в тех городах и поселениях, где проживает значительное число недавних мигрантов, еще не успевших адаптироваться к местным культурным условиям или вообще не собирающихся этого делать.
4. Претензии со стороны этнических меньшинств к великороссам (угроза сепаратизма).
Возрождение этнического самосознания в определенных случаях приводит отдельные этнические группы к идее обособления от России и организации собственной независимой национальной государственности (сепаратизм). В таких случаях этническая рознь приобретает политический и, соответственно, системный характер. Примером этого разрушительного процесса является кровавый конфликт в Чечне, начавшийся в 1995 году и представляющий собой трагический пример сепаратизма. В ходе этого конфликта ряд политических и религиозных экстремистов попытался придать антирусским, антироссийским настроениям не только ультранационалистический, но и сепаратистский характер, тем самым, уведя закономерный процесс этнического возрождения в кровавый тупик неудачного и не обоснованного исторически государственного строительства. В ходе данного конфликта межэтническая рознь достигала подчас предельного накала и грозила перейти во взаимную историческую ненависть. И только продуманная политика, проводимая Кремлем в последние годы, позволила перевести чеченскую ситуацию в более-менее нормальные формы, сведя ее до локальных противоречий между большинством чеченского народа, признающего свое достойное и естественное место в числе российских этносов, и экстремистскими террористическими группировками, практикующими бесчеловечный бандитизм, под прикрытием несбыточных политических или религиозных лозунгов.
Решение: Опасно полностью потворствовать спонтанному возрождению этносов России, оставлять его бесконтрольным и произвольным. Это может пробудить негативные энергии, перевести реальные социальные проблемы в межэтническое русло, способствовать их смыканию с политическими

требованиями и лозунгами. Наиболее ярко эта центробежная тенденция проявляется в процессе спекулятивной и конъюнктурной политизации этносов, феномене так называемого «этнонационализма». Вместе с тем категорически неверно фронтально бороться с этническим пробуждением, квалифицируя любые проявления в этом ключе как «ксенофобию», «экстремизм» или «расизм». Этносы России имеют все права и все основания на то, чтобы развиваться и укреплять свою идентичность. В том числе и великоросский этнос, чья идентичность слишком долго оставалась в тени перед лицом социальных, идеологических и государственных институтов.
Следует найти золотую середину: поощрять и поддерживать позитивную программу этнического пробуждения и тщательно и решительно пресекать любые негативные формы, как бытовые, так и теоретические, выражающиеся в виде ксенофобских и расистских идей, организаций и компаний.
Обрыв связи между регионами.
Проблема: Огромная территория нашей страны и неравномерная заселенность таких обширных пространств как Сибирь и Дальний Восток ставит серьезную проблему сохранения территориальной целостности России. В социальной сфере вопрос формулируется так: останется ли все общество России единой средой или оно постепенно начнет распадаться на фрагменты, развивающиеся по собственной логике? Рост транспортных тарифов усугубляет эту проблему, так как одним из наиболее действенных факторов общественных связей является личное общение людей между собой. Может сложиться ситуация, когда в России будет не одно, а несколько обществ, отчужденных друг от друга, развивающихся (или деградирующих) каждое по своей траектории.
Решение: СМИ и сетевые модели коммуникаций могут помочь решить эту проблему. Но для этого федеральные СМИ должны быть настроены на исполнение функции общественного объединения, а не простого информирования или развлечения. Для реализации этой задачи необходимы подлинно общественные СМИ, призванные создавать и поддерживать на всем пространстве России (шире, Большой России) единую социальную среду. По сути федеральные СМИ должны быть организаторами и операторами общественного единства, объединяя людей изо всех уголков нашей страны в общем коммуникативном пространстве.
Второе направление, ведущее к той же цели – повышенное внимание к сетевым формам коммуникации (интернет, мобильная связь, кабельные сети, интерактивное телевидение и т.д.). В перспективе «русская сеть» могла бы взять на себя функции развития общественной среды. Вопрос лишь в том, что при отсутствии модерирования и при полной спонтанности сетевых процессов эта социальная сфера может легко использоваться для резвыртывания негативных процессов, разрушающих народную и общественную идентичность. Особенно возрастают риски от прямого выхода этой сети на глобальную и, в первую очередь, западную, англоязычную сеть, основанную на принципах глобализма и неявно (а иногда и явно) его навязывающего остальным народам.
Экологические вызовы.
Проблема: Издержки в области экологии накопились еще с эпохи ускоренной индустриализации советского периода, когда на эти аспекты вообще никто не обращал внимания и полное господство над природой было установкой советского мировоззрения.
Сегодня тема экологии, сохранения экологического баланса и окружающей среды стоит чрезвычайно остро для всего человечества. Благодаря

неконтролируемому выбросу производственных отходов в окружающую среду необратимо изменяются климатические условия, нарушается естественный процесс природного цикла и экологическое равновесие живых видов. Капиталистическая логика оптимизации получения прибыли (а ранее социалистическая логика индустриального рывка) нанесли и продолжают наносить огромный ущерб природной среде обитания. Экология крупных городов и промышленных центров становится все более опасной для здоровья человека, так как там скапливается большое количество вредных веществ. Состояние природной среды в планетарном масштабе вызывает все большую озабоченность мировых держав. Это делает экологическую политику насущной необходимостью для каждой из них.

Решение: Рационализацию природопользования и экологическую экспертизу следует сделать приоритетными в промышленной и энергетической политике. России следует строго придерживаться пунктов подписанного Правительством в 2004 году Киотского протокола, предписывающего всем участникам строго придерживаться определенных экологических норм.

Защита экологической среды должна стать делом общественных организаций и объединений, так как борьба за экологию является одной из приоритетных задач гражданского общества.

Интеграция молодежи и образование. Образование предполагает передачу «образа» от старшего поколения младшему, от компетентных, опытных и профессиональных специалистов – начинающим.

В технической сфере и естественных науках в современном образовании основные проблемы возникают в незатребованности фундаментальных теоретических дисциплин, в сложности трудоустройства и отсутствии специальной программы по подготовке достойной смены плеяде выдающихся русских и советских ученых.

Решение: Теоретическое наследие отечественной естественно-научной школы является уникальным достоянием всего общества, важнейшим общественным и политическим козырем в мировой конкуренции для укрепления статуса России как великой державы. Научный потенциал входит в число тех критериев, которые определяют степень развития и силы государства и общества. Передача естественно-научных знаний отечественной академической школы, изучение опыта зарубежных ученых является необходимым элементом социально-политической полноценности России. Власть должна осознавать это значение и рассматривать поддержание научной школы как важнейший элемент государственности. А субъективная задача молодых людей, имеющих склонность к естественным наукам, развивать в себе интересы и научные навыки, с уверенностью в необходимости своих трудов, усилий и открытий для всего общества.

Требуется целевое и программное финансирование отечественной науки как важнейшей составляющей государственного суверенитета. Без обеспечения преемственности естественно-научных знания Россия не сможет конкурировать с другими развитыми державами.

В сфере гуманитарного образования дело обстоит сложнее. Гуманитарные дисциплины напрямую связаны с идеологией общества, историческим самосознанием, мировоззрением, национальной идеей. В переходный период это самосознание оказывается размытым, и гуманитарные науки теряют ту стройность и непротиворечивость, которую обеспечивает идеология. Складывается ситуация, когда преподаватели гуманитарных дисциплин

транслируют ученикам довольно случайные элементы гуманитарных знаний, вырванных из контекста, опираясь на свои личные или групповые предпочтения. Благодаря этому разрушается единое интеллектуальное пространство общества, и даже самые общие философские понятия начинают трактоваться произвольно в зависимости от научной школы, учебного заведения или даже отдельного преподавателя. Это подрывает системность гуманитарного образования, делает его фрагментарным. Это сказывается и на судьбе молодых специалистов, получающих слишком частные знания для того, чтобы быть эффективно примененными в научной или трудовой практике, что усугубляет проблему трудоустройства.
Решение: Выработка общественной идеи, которая соответствовала бы актуальному этапу исторического бытия народа, является безотлагательной задачей как политической власти, так и самого общества. Такая идея не может быть делегирована сверху или выдвинута снизу. Она должна сложиться и утвердиться в процессе коллективного размышления, обсуждения, споров, дискуссий и полемик относительно основных ценностей современного российского общества, пути и логики его развития, его ориентиров в будущем. Соответственно и молодые люди, получившие такое мировоззренчески выверенное, патриотическое, исторически и социально обоснованное образование займут в обществе надлежащее место культурной и интеллектуальной элиты, вместо того, чтобы быть (как сегодня) маргинальными элементами с обрывочными и бессистемными знаниями, обреченными на поиск трудоустройства (сплошь и рядом вне гуманитарной сферы занятий).
Трудоустройство молодежи.
Проблема трудоустройства молодежи остро стоит не только перед получившими высшее образование, но и перед выпускниками иных учебных заведений – в том числе средних школ. В обществе пользуются устойчивым спросом лишь небольшой спектр профессий. Остальным найти работу не просто.
Сложности трудоустройства молодежи не только социальный, но и психологический фактор. Многие молодые люди под влиянием наблюдений и массовой культуры привыкают к мысли о «легкой и красивой жизни», которой удостоились не самые высоконравственные персонажи (т.н. «новые русские» -- состоящие из криминальных авторитетов, авантюристов или мошенников, а также коррумпированных чиновников). Это заставляет их избегать усилий, скептически относиться к этике труда и дисциплины, искать легкий путей обогащения. Все это сопровождается брезгливостью к «черному труду», что приводит к занятию рабочих мест в малооплачиваемых и трудоемких профессиях мигрантами и безработице среди коренного населения. Такое положение порождает социальную депрессию, способствует развитию алкоголизма, наркомании в молодежной среде, пополняет число криминальных или экстремистских группировок.
Решение: Социальная интеграция молодежи на профессиональной основе является вопросом не только социальной политики государства, но и делом воспитания и культуры. Значительная ответственность падает на СМИ, которым вместо коммерческой эксплуатации образа «успешного негодяя» и «нового русского», следовало бы разрабатывать линию молодежных героев новой России, выбирающих честный труд как идею, дисциплину как добровольную аскезу, патриотизм и социальное служение как личное мировоззрение. Без представления о труде как ценности, как о своего рода

этическом, эстетическом и патриотическом долге, проблема трудоустройства и полноценной интеграции молодежи в строительство новой России решена не будет. Это должно сопровождаться целевыми государственными программами, специально направленными на системное трудоустройство молодежи и обеспечение ее достойным материальным минимумом.
Молодая семья и жилье.
Проблемой молодежи является создание семьи. Это проблема делится на экономическую и психологическую составляющие.
Как правило, наибольшей трудностью при создании молодой парой семьи является квартирный вопрос и недостаток средств для ведения самостоятельного хозяйства. Это препятствует устойчивости брака и гармоничному деторождению.
Решение: Государственные программы строительства молодежного жилья и принятые Президентом в 2006 году постановления по прогрессивным дотациям на каждого ребенка в семье призваны решить эту проблему (с учетом ее значимости для демографической картины общества).
С психологической точки зрения, проблемы молодых семей в значительной мере являются производными от распространения с Запада культуры «постмодерна», где провозглашается полная свобода половых отношений, брак рассматривается как экономико-социальная условность, более того, молодых людей приглашают постоянно «расширять» сексуальный опыт через всевозможные извращения – вплоть до смены пола.
Такие установки в области пола ведут к системному кризису самого института семьи и в корне противоречат традиционной этике русского народа. Показательно, что даже в советское время, когда религиозные устои православия и других традиционных конфессий были отвергнуты, этика семейных отношений в СССР (с конца 20-х годов) обрела довольно консервативные черты, и хотя аборты и разводы были разрешены юридически, с моральной и социальной точки зрения они осуждались. В этом проявилась устойчивость культурного типа «традиционного общества», сохранившаяся в общих чертах даже в условиях «общества модерна».
Крепкий и, желательно, многодетный брак должен быть социальной ценностью новой России, а различные извращения и половую распущенность (включая добрачные и внебрачные отношения) следует социально порицать, представляя как позорную болезнь. (Этот аспект всегда присутствовал, к сожалению, во всех типах общества, но чаще всего порицался и тем самым, ограничивался.) Ценность семьи следует утверждать без опасения быть обвиненным в консерватизме.
Преступность, коррупция, кризис законности и этики, утрата нравственных ориентиров
Еще одной проблемой современного российского общества является преступность и, в частности, коррупция среди чиновничества.
Пик роста преступности в современной России приходится на начало 90-х годов, когда власти проводили в стране либерально-капиталистические реформы с неустоявшейся юридической базой и в революционном ритме, стремясь как можно скорее уйти от советской политической и экономической модели. Это породило неопределенность в области законодательства, сместило нравственные акценты в обществе. Так как либералы реабилитировали по идеологическим соображениям тех, кого советский закон считал экономическими преступниками (спекулянтов, валютчиков, «теневиков»,

«цеховиков» и т.д.), понятие преступности само по себе стало размываться. Многие лидеры преступных группировок, бандиты, воры и убийцы одели маску «пострадавших от коммунистического режима» и стали выдавать себя за «строителей капиталистической экономики», привнеся в нее отличительные черты блатного мира – «понятия», «разборки», уголовную иерархию, силовое «решение вопросов» и т.д. Преступный элемент активно включился в политическую деятельность, выдвигал своих представителей на все уровни законодательной и исполнительной власти¸ активно коррумпировал политиков, влиял на социальные и информационные процессы. В 90- годы преступный мир переместился с периферии общества в его центр, существенно расшатав и поколебав устои общественной нравственности, наложив негативный отпечаток на всю экономическую сферу современной России. В условиях правового хаоса, в котором происходила приватизация, невозможно было провести линию между легальным и преступным, и большинство капиталов, нажитых в это период (в первую очередь, олигархами), имеет, безусловно, криминальное происхождение.
Усиление криминального элемента в обществе сопровождалось в 90-е бурным ростом коррупции чиновничьего аппарата, который был вовлечен в основные экономические процессы (сплошь и рядом криминального характера) и использовал их ради личного обогащения. Коррумпированный чиновник как представитель власти дополнял предпринимателей с криминальным оттенком как представителей бизнеса, и эта порочная пара стала символом экономических реформ 90-х годов.
Далеко не все предприниматели были выходцами из преступных сообществ, и далеко не все чиновники были задействованы в коррупции, но сама среда, в которой происходили реформы и процессы приватизации в 90-е, была пропитана криминальным духом – что отразилось в характерных популярных киногероях, представляющих Россию того времени – Сане Белом (сериал «Бригада»), Даниле Багрове («Брат» и «Брат-2»), персонажах фильма «Бумер» и «Бумер-2», а также в многочисленных сериалах в стиле «Бандитского Петербурга» и т.д.
Решение: Такое положение с преступностью стало осознаваться как ненормальное с конца 90-х годов. В обществе сложилось устойчивое неприятие олигархии, коррупции и разгула преступности, что и привело к изменению курса.
При Президенте Путине власть приступила к систематической борьбе с преступностью и коррупцией в рядах чиновничества, стараясь ограничить влияние криминала на политику, информационную среду и социальные процессы. Эмиграция наиболее одиозных знаковых фигур олигархии – Б.Березовского, Л.Невзлина, В.Гусинского и т.д., а также дело ЮКОСа (М.Ходорковский, П.Лебедев, А.Пичугин и т.д.), с сопровождавшими его арестами, показали обществу, что власть намерена завершить не самую приятную страницу в экономических реформах¸ сопряженную с криминализацией экономики и общественной жизни.
Однако вирус преступности успел настолько глубоко проникнуть в экономику, политику и социальную сферу российского общества, что до окончательного решения этой проблемы еще очень далеко. Вопрос стоит не в том, чтобы искоренить преступность или полностью исключить коррупцию. Это -- утопия, и ни одна политическая система с этой задачей не справилась. Сегодня необходимо прежде всего вытеснить преступные элементы и коррупцию на

периферию общества, освободить от их влияния основные экономические, политические и социальные сферы.
Эта задача является не технической проблемой государства, но мировоззренческим выбором, который решительно и бесповоротно должно сделать все общество в целом. В обществе должна возобладать антикриминальная мораль, твердая и решительная убежденность, что преступление и коррупция это не только юридическое нарушение закона, но и аморальный, антигосударственный, антиобщественный, и самое главное антинародный поступок (или даже система поведения). Не только страх справедливого наказания должен остановить преступника, но и угроза нравственного отлучения от народа и общества. Только на такой психологической почве государство по настоящему сможет вести борьбу с преступностью и будет даже вынуждено это делать.
В этом процессе большую роль должны сыграть российские СМИ, в которых следует начать системную компанию нравственного осуждения преступления. Многое зависит от образования и обучения молодежи. И наконец, каждый конкретный гражданин может внести свою значимую лепту в процесс очищения общества от криминала.
Кризис коллективной идентичности: кто мы?
Сегодня перед обществом остро встает проблема кризиса идентичности. На предыдущих исторических этапах в обществе всегда существовало более или менее ясное представление относительно того, «что это за общество?», «откуда оно пошло?» и «какова его цель?». Вопрос «кто мы?» в социальном смысле был очевиден.
Сегодня идентичность россиян расплывчата и неопределена. Легко ответить на вопрос, кем мы были? Но ответы на вопросы «кто мы есть?», и тем более, «кем мы будем завтра?» представляются далеко не такими очевидными.
Решение: Дать однозначный ответ на этот вопрос исходя из чисто теоретических предпосылок невозможно. Он должен быть получен из совокупности размышлений, политического выбора, исторических деяний всего народа. На вопрос «кто мы?» следует отвечать действиями.
Если мы продолжаем считать себя великим народом, наделенным миссией, мы будем активны в нашей внутренней и внешней политике, укрепляя и повышая наш статус.
Если мы устали от столь динамичного участия в истории – социальной, экономической, политической, -- то мы замкнемся на себе, углубимся в бытовые вопросы. И это будет уже другое общество.
Если мы вообще не собираемся сохранять нашу идентичность и не понимаем зачем это надо, то нам останется включиться в глобальные сети и предоставить решение своей судьбы логике развития мирового планетарного рынка, мировых средств массовой информации и мировых финансовых институтов. В этом случае вопрос «кто мы?» отпадет сам собой, потому что нас больше не будет.

Контрольные вопросы

1.Перечислите основные наиболее острые проблемы современной России.
2.Являются ли проблемы, стоящие перед Россией, общими для других стран

или свойственны только нам? Какие общие, какие нет?
3.Какие проблемы достались нам от советского прошлого, какие от 90-х годов, какие возникли недавно?
4.Какими способами можно их решить?
5.Что лично вам среди способов решения основных проблем кажется реалистичным, а что нет? Чтобы вы могли предложить сами?